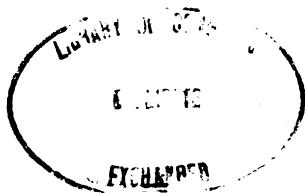

РУССКОЕ СЛОВО.

III.

2467

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ—БЕЗБОРОДКО.

NEW YORK
1862.

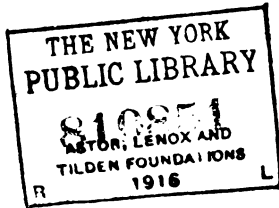
МАРТЪ.

56
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 4 апрѣля 1862 года.

Цензоръ *О. Разманюевъ.*

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ Пчельникъ (изъ забытыхъ тетрадей). В. КРЕСТОВСКАГО.
- Дума (стихот.) С. А. ГЕНДРИКОВА.
- ✓ Няня. И. ЖУЧКОВА.
- ✓ Умственная жизнь въ Англии. С. КЕРРИ.
- Пѣсня Битвы (стихотв.) Ѳ. Н. БЕРГА.
- ✓ Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова. Г. В. ЕСИПОВА.
- ✓ Хивинскія дѣла 1839—1842 С. Н. ЗЫКОВА.
- ✓ Очерки изъ исторіи печати во Франціи. И. П. РАГОДИНА.
- ✓ Приключенія Филиппа (продолженіе романа ТЕККЕРЕЯ).
- *** (стихотвор.). Ѳ. Н. БЕРГА.

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА.

Франція. Пренія въ сенатѣ. Рѣчь д'Агассеръ его превращеніе изъ республиканца въ монархиста. — Отѣнка итальянскаго вопроса г. Бонжо и принцемъ Наполеономъ. — «A bas les trahisons» и «à bas les traitres». — Замѣчаніе министра безъ портфя г. Билльо на рѣчь принца. — Рѣчь іезуита Коллера въ законодательномъ собраніи. — Министръ Руланъ и клерикалы. — Епископовъ не пускаютъ на вселенскій соборъ. — Канонизація св. Лабра и японскихъ мучениковъ. — Оппозиція въ парламентѣ: Эмиль д'Оливье, Пикаръ и Жюль Фавръ. Ихъ рѣчи объ Италіи, Мексикѣ, карательной цензурѣ и свободѣ выборовъ. — Подвигъ г. Веру. — Какого рода судъ нуженъ для преступленій противъ печати? — Пробужденіе юношества и умноженіе арестовъ. — Дѣло Ренана. — Проектъ императора. — Италія. Общество предусмотрительности. — Ратацци на мѣстѣ Ринасоли и трудное положеніе министерства. — Пруссія. — Распущеніе парламента и министерства. — Возвращеніе короля къ реакціи. — Предстоящіе выборы. — Австрійскія дѣла. — Двуличная политика Австріи. Венгерскія неустройства. — Греція. — Неудачи инсургентовъ. — Смыслость президента Ливады. — Адольфъ Бертронъ, претендентъ на мексиканскій престолъ. — Положеніе союзныхъ войскъ въ Мексикѣ. — Американскія дѣла. — Англія.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Базаровъ. (отцы и дѣти, романъ И. С. Тургенева. Русск. Вѣстн. № 2). Д. И. ПИСАРЕВА . . . . . 1. ✓

Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина. С. Пб. 1762 г. Р. Р . . . . .

✓ Горе отъ Ума. А. С. Грибоедова. *Первое полное издание* Н. Тиблена. С.—Пб. 1862 . . . . .

Всѣмїрная исторія. Ф. Шюссера. Т. I и II. С. Пб. 1861 и 1862 г. . . . .

Иностранная литература. Последнее слово о папствѣ. Пій IX, Франческо Даль-Онгаро. Римъ и савойскій имѣстникъ, Кретино-Жоли. Римскій король, Карла Пейа. Нѣтъ больше римскаго вопроса, — воззваніе къ вселенскому собору, Кайла. Католикъ къ отцу Пассалиа, Франсуа Дюрана. Папское самодержавіе и свобода Альберта Брولي. Италия и римскій вопросъ, герцога Вальми. В. ПОПОВА . . . . .

ОТДѢЛЪ III.

Современная лѣтопись.

Дневникъ темнаго человѣка.

Петербургъ въ дни великаго поста. — Наша страсть къ музыкѣ. — Соловьи изъ дальнихъ странъ. — Изобиліе концертовъ. — Музыкальные знаменитости. — Музыкальный протестъ Н. В. Кукольникъ. — Скучаемъ ли мы? — Плачь г. Апухтина и его стихотвореніе къ «Современнымъ» вѣстямъ. — Варьяція на ту же тему «Во снѣ и на яву» — стансы. — Мѣсяцъ на литературныя чтенія. — Москва, какъ подражательница. — Замѣчательное литературное утро въ Москвѣ. — Читцы-любители. — Нѣсколько словъ о «всѣхъ мѣстахъ» русской словесности времени Булгарина. — Авторъ романа «Кровавое пятно» и мое знакомство съ нимъ. — Новаго рода спекуляція. — Публичныя лекціи иностраннаго Аскоченскаго. — Образцы его краснорѣчія. — Случай на лекціи. — Моя ода новому Аскоченскому. — Лекціи Сюзора. — Изобиліе лотерей въ Петербургѣ. — Лотерея Шимановъ и Сероки. — Провинціальное добродушіе и аѣша о комедіи. — Замѣчательныя «мѣстныя извѣстія» Симб. Губ. Вѣдомостей, сочиненныя г-номъ Соболевскимъ. — Нѣчто о гомерическомъ значеніи Г. Соболевскаго. — Новости и открытія, сообщаемыя имъ. — Приближеніе весны и ея примѣты. — Пѣсни веснѣ. — Весенняя пѣсня г. Овсянникова въ обществѣ с.-петербургскихъ водопроводовъ. — Шамиль, членъ комиссіи общества водопроводовъ. — Совѣты акціонерамъ. — Новый последователь г. Юркевича и защитникъ тѣлеснаго наказанія. — Газета Амуръ и ея рѣдкости. — Краснорѣчіе нѣкоторыхъ исправниковъ. — Разсказъ о *льшеляхъ*.

Шахматный листокъ (за февраль) В. М. МИХАЙЛОВА.

ПЧЕЛЬНИКЪ.

(ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ ТЕТРАДЕЙ).

I.

Вьется, вьется лѣсная дорожка межъ кустовъ шиповника и густыхъ орѣшинъ, межъ порослей черники и голубицы, межъ лѣснаго вереска и всякаго рода дикихъ цвѣтовъ; сбѣгаетъ она съ пригорка въ лощинку, съ лощинки на пригорокъ; то завернетъ въ такое мѣсто, гдѣ и продору нѣтъ, гдѣ руками еле-еле разводишь сучья, и бьющія въ лицо кудрявыя, мягкія вѣтви, то вдругъ, неожиданно-негаданно, выскочить къ звонкой рѣчкѣ, черезъ которую переберешься по камнямъ съ помощью кой-какъ переброшенной гнуткой жерди-нерекладины, и выйдешь въ большой старый лѣсъ, гдѣ дубы, да клены, да березы, да кой-гдѣ дикая яблонь или дикая вишня какъ бы сторонятся другъ за друга, и тихо шумятъ, и качаются—качаются такъ важно, мѣрно, плавно, будто заманиваютъ прохожаго человѣка все дальше и дальше въ эту прохладную глубину, въ эту непросвѣтлую глушь своего дико-привольнаго лѣснаго міра.

А дорожка все вьется и вьется передъ тобою и, кажется, конца ей не будетъ! Но вотъ она вдругъ словно устала, словно ей прискучило такъ рѣзво завиваться и ломать та-

кіе неожиданные повороты — и она пошла себѣ тише и глаже, и прямѣе подѣ широкимъ навѣсомъ кленовъ и дуба. Но не прошла такъ и полуверсты, какъ, глядишь, опять завилась-завилась и побѣжала самыми прихотливыми излучинами то къ оврагу, то опять къ рѣчкѣ, то на глинистый обрывъ, который мѣстами сверкаетъ на солнцѣ ярко-желтыми выбоинами, то опять наткнется на непроходное мѣсто и вдругъ выведетъ тебя на свѣтло-зеленую полянку—чистую, гладкую, бархатную, которая со всѣхъ сторонъ, какъ стѣною, окружена высокимъ лѣсомъ.

Только что выйдешь на эту полянку—такъ и повѣетъ на тебя особеннымъ ароматомъ,—ароматомъ чистаго, теплаго меда, въ которомъ чуется и запахъ липы, и запахъ гречихи, и всякаго лѣснаго цвѣта. Прошелъ нѣсколько шаговъ—и ухо твое щекочетъ уже особенный тонкій, музыкальный звукъ, не похожій на звуки лѣса: это пчелы жужжатъ и рѣютъ надъ чистою поляною. Тутъ съ одного боку прилѣпилась живая изгородь изъ цвѣтущаго боярышника и за нею, въ оградѣ, видны верхушки колоды—это пчельникъ, пасика.

Тутъ у меня и пасичникъ знакомый—дѣдко Касьянъ, который доживаетъ себѣ въ лѣсу шестой десятокъ. И мѣсто мнѣ знакомое, завѣтное, насиженное. И все мнѣ тамъ какъ будто радо, когда я приду туда: дѣдко Касьянъ радъ, и встрѣчаетъ поклономъ съ добродушно-привѣтной улыбкой; десятилѣтняя Мálка, внучка его, бѣжитъ на встрѣчу,—значитъ, тоже рада, потому знаетъ, что безъ баранковъ или безъ пряника не приду я къ нимъ,—и самъ я, незнаю чему, только становлюсь радъ, и радъ такъ искренно, свѣтло и безпредѣльно....

Вхожу, бывало, въ калитку—и прямо въ шалапъ къ дѣдкѣ Касьяну. У него на пчельникѣ цѣлое хозяйство было; и хижинка маленькая выстроена, куда онъ пряталъ запасныя колоды, корыты съ вырѣзанными сотами, вытопленный воскъ и «весь свой инструментъ». Въ хижинѣ была отгорожена имъ для себя и отдѣльная келья, куда былъ ходъ черезъ сѣнцы, на случай холодныхъ ночей и августовскихъ легкихъ утрен-

никовъ; только въ кельѣ дѣдко спать не любилъ, а все больше на чистомъ воздухѣ—подъ липой или въ шелашикѣ.

И цѣлый день, бывало, дѣдка мастерить себѣ что-нибудь: то мѣтошникъ новый стругаетъ или скоблитъ да обчищаетъ прошлогоднія колоды и прилаживаетъ къ нимъ внутри поперечныя жердочки, то мастерить наличникъ изъ мелкой волосяной сѣтки, то, присѣвъ на корточки, стряпаетъ себѣ хлѣбово, передъ шелашикомъ, на таганчикѣ, то и дѣло мѣшая въ котелкѣ уполовникомъ и смакуя свою похлѣбку. И все, бывало, мастерить, мастерить такимъ манеромъ, потомъ привстанетъ, разогнетъ спину, осмотрится и пойдетъ неторопливымъ, озабоченнымъ шагомъ, вдоль по пчельнику осматривать ульи: пригнется къ каждому, приложитъ ухо и слушаетъ, какъ пчела работаетъ, какъ гудѣтъ внутри, ужъ всегда вѣрно опредѣлитъ, когда быть дождю, а когда вѣдру, только приглянется къ пчелкѣ да, посмотрѣвъ на небо, понюхаетъ вѣтру: съ которой стороны, значить, дуетъ онъ,— и никогда не ошибется.

Хорошо у него было на пчельникѣ!.. Тишина, тепло, благодать такія, что невольно наводили на человѣка безпредѣльный и глубокий миръ душевный... По всей загороди были насажены имъ яблони, груши и вишни, насажены еще въ ту пору, когда дѣдко Касьянъ и не думалъ быть дѣдкой, а гулялъ себѣ по вольному свѣту дюжимъ, краснощекиимъ парнемъ. Теперь всѣ эти деревья почти ровесники дѣдкѣ Касьяну—и охъ, какъ широко и привольно разрослись они на просторѣ! И разрослись между старыми душистыми липами и кленомъ, между березами и дубомъ, подъ которыми мирно стоятъ себѣ ульи уже нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ. Между ульями накопалъ дѣдко кое-гдѣ куртинки и грядки. На грядкахъ у него всякая овощъ для своего обихода, а по куртинкамъ разсажены цвѣты, которые любитъ пчела. Тутъ и бархатцы, и ноготки, и иванъ да маръ, и колокольчики, и ирникъ, и цѣлыя полосы пестрымаку, надъ которымъ уныло свѣшиваютъ свои пыльные желтыя головки подсолнечники; а въ двухъ, трехъ мѣстахъ возвышаются длинныя, тонкія мальвы и кустики розъ, добытыя имъ изъ какого-то помещичьяго са-

*

да. Это у дѣдки какъ бы парадное, красное мѣсто. Тутъ же у него помѣщается и большой, росписанный улей—«всѣмъ ульямъ глава»—на которомъ намалеваны двѣ фигуры въ схимническихъ ризахъ и въ вѣнчикахъ, а надъ ними охрой выведена полукругомъ славянская надпись: «Св. Зосима и Савватій». Дѣдко объяснилъ мнѣ, что это хранители и оберегатели пчель, и что ужъ такъ ведется изстари, по обычаю.

Дѣдко любитъ ходить за своими цвѣтами, выхоливаетъ, выращиваетъ ихъ и самъ каждодневно поливаетъ изъ небольшого ведерка. Немного подалѣ, за оградой, засѣяна у него цѣлая полоса гречихи,—«потому, безъ липы да безъ гречи, да безъ пахучаго цвѣта и меду не сберешь залѣто», говаривалъ дѣдко, выходя полюбоваться на свое хозяйство.

Касьянъ—старикъ добрый и крѣпкій, хотя ему ужъ и подь семьдесятъ лѣтъ. Росту онъ высокаго; ходить всегда важно, неторопливо, съ сознаниемъ собственнаго достоинства и всегда нѣсколько озабоченно; на ходу слегка гнется впередъ и говорить тихимъ, и мягкимъ голосомъ, который невольно западаетъ въ душу. Взглядъ его глубокихъ глазъ всегда тихъ и ровень—это почти взглядъ ребенка; на губахъ играетъ привѣтливая, добродушная и какъ бы нѣсколько снисходительная улыбка; лицо честное, открытое, и этой открытости немало способствуютъ большая борода и широкая лысина, по окраинамъ которой развѣваются жидкія приди совершенно сѣдыхъ и мягкихъ волосъ. Вся фигура его дышетъ какимъ-то безпорочнымъ добродушиемъ, солидностью и внушаетъ къ себѣ чувство невольной симпатіи и довѣрія. Я не могъ не уважать дѣдки Касьяна, не могъ не привязаться къ нему всею душой, и онъ также—ужъ и самъ не знаю почему—полюбилъ меня и охочь бывалъ, порою, покалякать со мною и о прошломъ, и о своемъ ремеслѣ, и о всемъ, «что дѣется на Божьемъ свѣту».

II.

Дѣдко не одиноко дотягивалъ вѣкъ на своей пасикѣ; съ нимъ жила его внучка, дѣсятилѣтняя дѣвочка, которую онъ звалъ

Малкой, т. е. Маланьей. Дѣвочка эта была нѣсколько странное, болѣзненное созданіе и почти близка къ тому, что называютъ *порченымъ*. Въ ея блѣдномъ, желтоватомъ личикѣ, на которое часто въ безпорядкѣ падали нечесанныя, вьющіяся космы темнокаштановыхъ волосъ, и въ ея углубленно-задумчивыхъ, сѣроватыхъ глазахъ выражалась что-то дикое, степное и тоскливое. Она часто по цѣлымъ часамъ заглядывалась вдаль, не видя и не слыша ничего окружающаго, какъ будто подвержена была въ эти минуты какой-то мани, какому-то неотразимо преслѣдующему ее стремленію,—и Богъ-вѣсть о чемъ она тогда думала. Касьянъ, бывало, кличетъ, кличетъ ее, да такъ и не докличется! Подойдетъ, посмотритъ, да только головой покачаетъ и отправится къ своему дѣлу: «ишь ты, моль, какая чудная дѣвонька! Ровно спитъ и не чувствуетъ; значить, ужъ такъ находитъ,—ну, да не въ первое—отойдетъ»!.. И дѣйствительно отходило; черезъ нѣсколько времени, глядишь, Малка ужъ и весела, и бѣгаетъ себѣ по пчельнику, и смѣется. Все это на нее находило порывами и совершенно неожиданно: то вотъ эдакая неподвижность и почти полупомѣшанная грусть, то вдругъ бойкая веселость, рѣзвость и смѣхъ.

Бывало, Касьянъ спроситъ ее:

— Что съ тобой это было, Малка?

— Когда?

— Да вотъ недавно, какъ сидѣла-то все на полянкѣ?

— Незнаю... Ничего не было...

— Кажись, думала о чемъ-то?

— Думала... отвѣтитъ почти безсознательно дѣвочка.

— О чемъ же ты думала?

— Такъ, не знаю... Всего не упомянешь!..

И больше этого, бывало, отъ нея ничего не добыешься, какъ тамъ ни спрашивай.

Помню я свое первое знакомство съ Малкой. Это было весной. На дворѣ стояли, не помню, послѣдніе апрѣльскіе или первыя майскіе дни. Я тогда только-что приѣхалъ въ мѣста, послѣ пятилѣтней разлуки съ ними, и какъ-то разъ отправился къ своему старому знакомцу, дѣдкѣ Касьяну, который когда-то меня, что называется, на рукахъ но-

силъ, такъ какъ это было въ то время, когда я еще только на полъ-аршина отъ земли выдавался. Вдругъ среди яснаго, вешняго дня, набѣжала дымчато-свинцовая тучка, первая весенняя тучка, разрѣшившаяся первымъ весеннимъ дождемъ, крупнымъ, теплымъ, щедрымъ, благодатнымъ дождемъ, который мигомъ вспрыснулъ всю лѣторосль, заставляя ее развернуться еще пышнѣе и запахнуть еще смолистѣе.

Я съ Касьяномъ спрятался подъ навѣсъ его шалаша и, сидя въ укрытомъ мѣстѣ, съ наслажденіемъ прислушивался къ жемчужному, дробному шелесту капель, который производили онѣ, ударяясь о свѣжую, молодую листву. Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, за шалашикомъ, раздался тоненькій, дѣтскій голосокъ, который весело заливался на распѣвъ, какъ колокольчикъ:

«Дождикъ, дождикъ припусти,
Мы поѣдемъ во кусты,
Во Казань побывать,
Въ Астрахань погулять.
Поливай ты, дождь,
Да на бабину рожь,
Ты на дѣдову пшеницу,
Ты на дѣвкинъ ленъ
Поливай ведромъ.
Дождикъ, дождикъ припусти
Посильнѣй, поскорѣй,
Насъ, ребятъ, обогрѣй».

И дождикъ, словно въ отвѣтъ на это воззваніе, дѣйствительно, припустилъ сильнѣе, и забарабанилъ еще чаще и громче по свѣжимъ листьямъ; а вслѣдъ за этимъ тотчасъ же раздался звонкій, радостный и такой же дробный смѣхъ вмѣстѣ съ хлопаньемъ въ ладоши.

— Кто это у тебя тамъ смѣется? спросилъ я Касьяна.

— А Малка, внучка моя, отвѣтилъ старикъ, оборачиваясь въ ея сторону. Ишь ты, заливается! прибавилъ онъ, кивнувъ туда головою, съ любящею, доброю улыбкой: рада дождю и, то-ись, я тебѣ скажу, до смерти любить весенній дождикъ!

Не успѣлъ еще Касьянъ докончить эти слова, какъ въ

шалашикъ вѣжала Малка, вспрыснутая съ головы до ногъ дождемъ, который не успѣлъ еще промочить ее, а только лежалъ крупными, свѣтло-жемчужными каплями и на лицѣ, и въ волосахъ, и на бѣлой сорочкѣ.

— Дѣдка! вскричала дѣвочка, дождикъ-то, слышишь? Послушный!.. Припустилъ-то какъ!.. Приказала, — вотъ и послушался!

— Ой-ли! отвѣтилъ въ тонъ ей Касьянъ, старчески-добродушно любуясь на ея дѣтскую радость.

Тутъ она въ углу примѣтила меня и смутилась, остановившись на мнѣ, въ недоумѣніи, свои пытливые глазенки.

— Что смотришь? обратился къ ней Касьянъ—незнакомый? Небойся, Малка, не бойся; онъ добрый, не обидитъ...

Малкѣ было совершенно достаточно этихъ словъ: она, точно, уже не боялась меня, не стѣснялася мною и съ прежнимъ, безопасно-довольнымъ смѣхомъ выбѣжала изъ шалаша.

Остановясь шагахъ въ пяти передъ нимъ, она закинула назадъ свою голову и съ живѣйшимъ наслажденіемъ подставила подъ дождь свѣжее личико, встрѣчая звонко-серебристымъ, игривымъ смѣхомъ каждую крупную каплю, которая тяжело шлепалась ей то въ глаза, то въ уши или ноздри, то въ полураскрытый ротъ и, щекоча горло и шею, вдоль по ней скатывалась на грудь и худощавыя плечи.

Когда дождь почти незамѣтно сталъ стихать, Малка снова обратилась къ Касьяну:

— Дѣдка, смотри, сейчасъ послушается!

И, улыбнувшись изъ-подъ тишка она запѣла скороговоркой:

«Дождикъ, дождикъ перестань,
Мы поѣдемъ на Ирдань
Богу молиться,
Христу поклониться;
Я у Бога сирота
Отворяю ворота
Ключикомъ-замочкомъ,
Бѣлымъ платочкомъ.»

Проговоривъ эти слова, она пытливо заглянула на небо,

приглядываясь, точно ли проходитъ дождь; и когда замѣтила, что капли, дѣйствительно, стали и рѣже, и мельче, тотчасъ же заговорила снова:

— А что, вишь, дѣдка: прошолъ, опять послушался! Глянь-ко на дворъ,—хорошо таково-то!.. Всю-то вѣдь вымочило!..

— Слушай, я тебѣ загадку загадаю! неожиданно прибавила она, беззащѣнно относясь прямо ко мнѣ, хочешь,—разгадывай:

«Крупно, дробно, зачастило,
Всю землю напоило.»

Что будетъ?..

— Море, отвѣтилъ я, не подумавъ.

— Анъ не отгадалъ! бойко подхватила дѣвочка; дождикъ будетъ, а не море... Хочешь, еще загадаю?

— Загадывай.

— Ну, слушай:

«Летить звѣрокъ
Черезъ Божій домокъ
Самъ съ собой говорить:
Вотъ моя силка горить!» —

Что будетъ?

— Воскъ, взболтнулъ я.

— Воскъ?.. И такъ бы, да не такъ! возразила Малка, видимо наслаждаясь моею неопытностью и своимъ превосходствомъ: не воскъ будетъ, а пчела да свѣча восковая,—вотъ что будетъ! Ну, а теперь ты загадай мнѣ что нибудь, заключила она, приготовясь разгадывать.

— Изволь, отвѣтилъ я, только вѣдь не разгадаешь,—я задамъ трудную.

— Ну, ну, загадывай, я посмотрю...

Я сталъ припоминать изъ того, что знавалъ въ дѣтствѣ, и наконецъ наудачу припомнилъ одну:

«Вокругъ тина
Повисла золота грива». —

— Ну-ка, разгадывай, что будетъ? подстрекнулъ я, думая озадачить дѣвочку.

Но дѣвочка ни мало не озадачилась. Она вскочила съ мѣста, выбѣжала изъ шалаша и сорвавъ съ тычины кудрявый, длинный завитокъ хмѣлю, бросила его къ моимъ ногамъ.

— Вотъ что будетъ! отвѣтила она со смѣхомъ. А еще хвастался, что трудная!..

И съ этими словами побѣжала отъ насъ по мокрой травѣ и скрылась гдѣ-то въ зелени, за живою изгородью.

Таково было мое первое знакомство съ Малкой.

III.

— Отчего она у тебя такая чудная? спросилъ я какъ-то однажды у Касьяна въ то время, когда на Малку нашла ея полупомѣшанная неподвижность и грусть.

— А Господь ее вѣдаетъ! съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ старикъ. Стало-быть, ужъ такъ въ родѣ: въ отца... Отецъ ейный тоже былъ таковъ-то—и-и, не приведи Господи, совсѣмъ блажной человекъ былъ, покойникъ!..

— Да онъ тебѣ сынъ, что-ли, приходился?

— Зять... На моей дочкѣ женатъ былъ. И чуднѣе это дѣло, право, я тебѣ скажу! началъ Касьянъ, разохотившись на разговоръ и подвигаясь ко мнѣ поближе. Я вѣдь ужъ вдовѣю давно: лѣтось вотъ двадцатый годъ пошолъ... Ну, дочка осталась—подросточекъ... (Остальные перемерли...) А тамъ, гляди, и невѣста. Замужъ выдалъ. Не неволилъ, сама пошла;—сама захотѣла, сама и пошла! Такъ-то! И всѣмъ бы, кажись, счастье: дѣвка не изъ бѣднаго дома, свекоръ тоже копѣйку зашибалъ, — чѣмъ бы не жизнь? Да вишь ты, горе: муженекъ-то чудненокъ попался! Пить—

не пилъ, и въ ротъ хмѣльнаго не бралъ, а дома—въ обиходѣ-то во всемъ своемъ хуже пьянаго: приглядѣть ли за чѣмъ, обрядить ли что,—на это его и не спрашивай!

Бывало, вотъ такъ сидитъ въ избѣ полъ-сутокъ, и слова отъ него не добьешься. Сложитъ себѣ руки, свѣситъ этта голову на грудь, а самъ такой грустный-прегрустный! И сидитъ вотъ такимъ-то манеромъ день цѣльный. Обѣдать ему соберутъ—и до ложки не притронется. Ну, жена ли тамъ, али батъка подойдутъ, стануть говорить ему, а ино и корить, такъ вѣдь чтожъ бы ты думалъ?—и не слышитъ!.. Растодкаютъ его, «что ты, молъ, Митряй, ровно каженикъ какой! Изъ-за тебя-де и дѣло въ избѣ не споро идетъ, и по хозяйству убытокъ!» А онъ этта вылунитъ на нихъ бѣлма, ровно и не понимаетъ ничего; поглядитъ, поглядитъ да и пойдетъ изъ избы. Ну, потомъ очуствуется—и ничего... за дѣло примется, и пойдетъ это у него работа—любо-дорого смотрѣть вѣдь! И съ женою ласковѣе станеть, ровно бы это совѣстно ему передъ нею; а потомъ, глядишь, опять задурить мужикъ! Пропадеть изъ избы, а куда и не вѣдомо—поди, ищи-свищи его!

И въ парняхъ-то жилъ, такъ такой же бывалъ: то онъ и въ хороводѣ первый, а то и изъ-за печи ни крестомъ, ни нестомъ не выгонишь. Бывало, этто, пропадетъ въ лѣсу, а либо въ полѣ гдѣ нибудь; и Богъ-вѣсть его, что онъ тамъ дѣлаеть! А на селѣ тѣмъ часомъ ужъ и сѣно скосили, а то и подь озами пахать выѣзжаютъ, а парня все нѣтъ, какъ нѣтъ! Ну, навернется на село, стануть его корить; онъ на это ничего не отвѣтитъ; только глядишь: вскинетъ, этта, пѣря на плечи косу, уйдетъ въ луга и мигомъ скоситъ свою десятину... А то съ сошкой выѣдетъ въ поле, и давай выводить борозды! И вѣдь до тѣхъ поръ домой не вернется, пока не вспахаетъ дѣчиста свою полосу.

Ну, а за тѣмъ—какъ найдетъ на него: въ разумѣ будетъ—дѣло сдѣлаеть, а найдетъ затмѣніе—и рукой махни! Опять уйдетъ себѣ въ поле да въ лѣсъ, аль засядетъ въ избу, въ темный уголь, сложимши руки. Такъ ужъ ничего и не подѣлаешь съ нимъ!

Изъ себя красивый былъ, только не ражій, не видный,

а больше эдакъ хилости да кручины какой-то въ немъ было. Пѣсни лихо пѣвалъ, всякія пѣсни... Иную гаркнетъ, такъ всѣ поджилки, всѣ суставы заходятъ; а иную затынетъ—затынетъ долгую, такъ всю душу тебѣ вытянетъ, до слезъ просто, подъ часъ, вытянетъ—вò какъ! больно ужъ, жалостно! А вѣдь не глупый мужикъ былъ, этого нельзя сказать.

На сходкѣ, этта иной разъ, на міру, скажетъ слово какое, такъ вѣдь ровно ножемъ отрѣжетъ, сразу и повершитъ дѣло; другіе ужъ только стоятъ да ушми поводятъ... А другой разъ, (на сходкѣ же) и слова путнаго отъ него не добьешься. Чудной былъ какой-то, прости Господи, совсѣмъ чудной человекъ! И жилъ-то не по людски, да и покончилъ не по людски какъ-то! Жена съ нимъ маялась, маялась да и Богу душу отдала; а онъ то, сердешный, больно ужъ тосковалъ по ней—любилъ вѣдь... да съ тоски и въ конецъ про дѣло забылъ; а пора стояла страдная, рабочая. Стали на міру толковать: чтобы съ нимъ такое сдѣлать, чтобы на путь-то направить? Ну, порѣшили посѣчь маненько мужика. Посѣкли; а онъ возьми да и уйди въ ту же ночь! Такъ съ тѣхъ поръ и не видали. Слышали только потомъ, будто на Волгу утѣкъ, а другіе, слышь ты, баяли, что въ скитахъ его видѣли. Такъ и не чуть теперь, что съ нимъ такое сдѣялось. Можетъ и померъ осю-то пору!.. Вотъ Малка осталась; вся, какъ есть, въ отца... Взялъ я ее къ себѣ, да съ тѣхъ поръ и живемъ вмѣстѣ, пока Богъ по душу пошлетъ... А тамъ что будетъ, то будетъ,—авось добрые люди не оставятъ!.. грустно заключилъ старикъ, принимался за работу.

IV.

...Утро. На небѣ яркое весеннее солнце и бѣлыя, прозрачно-волнистыя облака, играющія по глубокой лазури...

Въ воздухѣ тишина, наполненная звуками пчелъ и лѣса и птичьихъ голосовъ, которые однако не нарушаютъ этой тишины, а только ей гармонируютъ, какъ-то усыпи-

тельно, сладко дѣйствуя на ваши нервы, — и вы невольно поддаетесь этой успокоительной истомѣ... Изъ лѣсу откуда-то тянетъ запахомъ черемухи, но такимъ сильнымъ, что кажется, будто она здѣсь же, передъ глазами, будто ты сидишь подъ нею, а она тихо качаетъ падъ тобою свои пахучія сережки. И я обвожу глазами всю пасичную загородь, но нигдѣ не могу отыскать любимое мое дерево — его, по видимому, здѣсь и не бывало.

— Старикъ, отчего у тебя нѣтъ здѣсь черемухи?

— Черемухи? откликается изъ-за своей работы Касьянъ, черемухи нѣтъ! Потому на черемуху, на дятлину и на медяницу зарокъ положенъ.

— Какой зарокъ?

— Великій... — — —

— Наше вѣдь тоже дѣло трудное, продолжалъ словоохотливый дѣдо Касьянъ: надо тоже знать, когда, что и какъ сдѣлать, и все это надо разсуждать по небесному. Вотъ, первымъ дѣломъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, какъ подойдетъ пятнадцатое число, такъ съ него и начинается наша работа. Тутъ ты слазь въ амшеникъ да перегляди ульи, да и вынимай ихъ вѣшнему солнышку на показъ. Такая ужъ и правила намъ заказана: «на день святаго Пуда вынимай пчель изъ подъ спуда. А на семнадцатое число надоть разставлять ихъ по пчельнику. А и это тоже дѣло не легкое. Тутъ надо тоже снаровку имѣть, и опять же по небесному... Встань ты на утріе ранымъ-рано и гляди, отъ какой страны будетъ солнце подыматься.—Какъ увидишь его, такъ и зачинай разставлять ряды—и на югъ, и на востокъ и на западъ; только гляди, принаравливай, чтобы норка къ востоку приходилась, для того что пчелѣ супротивъ солнышка надоть сидѣть; такъ ей и теплѣе, и вольготнѣе, и лѣтомъ пригрѣвать ее больше будетъ... А колоды тоже ставь не спроста, а напрежь всего, котора новая, окури ее еловою курушкой да вытри жгучею крапивой—вотъ тогда и дѣло будетъ ладно!..

Теперича лѣтомъ тоже, какъ тебѣ узнать, который день будетъ добрый для пчелы, а который недобрый? Вотъ ты и встань утромъ, передъ разсвѣтомъ, и глянь на востокъ и понюхай вѣтру: коли небо чистое и вѣтерокъ тихій, и тя—

нетъ онъ тебѣ съ поля въ носъ гречихой, либо атравами—ну, значить, будетъ ладно, и пчела усердно станетъ брать медь; а коли холодно да хмуρο да дождь еще моросить, такъ и дѣло не споро пойдетъ,—это она меньше любить: для ней напрежь всего нужно ясность да благодать, да тишь воздушная... А на Маковѣевъ надо заламывать соты въ ульяхъ, и къ Спасу, на обжинкахъ, по завѣту снеси въ церковь первый сотъ,—вотъ и будетъ ладно!

— А что, Касьянъ, кажись, въ окологдѣ только ты одинъ и занимаешься пчельнымъ дѣломъ? спросилъ я.

— Одинъ... съ нѣкоторою важностью отвѣтилъ Касьянъ; потому, не всякій къ этому способенъ. На насъ, на пчельниковъ—то, и смотреть особливо: иные бають, что мы и съ нечистою силой за одно.

— Какъ такъ?

— Да ужъ такъ,—бають! Вотъ подижь ты!..

— Но вѣдь пчельное дѣло почитается Божьимъ дѣломъ, возразилъ я.

— Ну, объ этомъ разное говорятъ, неторопливо замѣтилъ мнѣ Касьянъ.

— А ты какъ полагаешь? спросилъ я.

— Я полагаю, пчельное дѣло — хорошее дѣло, доброе дѣло, это я знаю. А то все, что болтають—то, такъ это пустяки! заключилъ онъ, окончательно поддавшись одолѣвшему его на этотъ разъ сомнѣнію.

Вдругъ не вдалекѣ послышалась пѣсня:

«Исходила младенька всѣ луга и болоты,
Всѣ луга и болоты, всѣ сѣнные покосы».

И слышно было, что тихо-разливные звуки ея вылетали изъ молодой дѣвичьей груди. Не знаю, какъ на кого, а на меня всегда обаятельно дѣйствуютъ звуки подобной пѣсни, которая льется невѣдомо откуда, въ тепломъ воздухѣ солнечнаго утра, среди свѣжаго, зеленаго лѣса. Съ этими звуками какъ будто шире, полнѣй и мягче чувствуешь жизнь,

такъ что и на душѣ что-то шевельнется и просвѣтлѣетъ—и станетъ она добрѣе обыкновеннаго. Такъ было и въ эту минуту. Малка вскочила и радостно побѣжала на голосъ. Касьянъ тоже обратилъ на него вниманіе, и приложивъ щиткомъ руку ко лбу, сталъ приглядываться въ ту сторону.

— Эге, да никакъ и Грунька идетъ! промолвилъ онъ, нѣсколько на распѣвъ, видимо довольный приходомъ новой гостыи.

— Какая Грунька? спросилъ я, вспомнивъ, что слыхалъ нѣсколько разъ и отъ Касьяна, и отъ Малки это имя.

— А дѣвонька тутъ одна... съ села... Грунькой зовутъ... сиротка, пояснилъ онъ мнѣ. Такъ вотъ, по добрымъ людямъ слоняется, гдѣ пріютъ дадутъ... Да только обижаютъ ее на селѣ—то у насъ, ребятишки все больше—вѣстимо, дѣло сиротское, заступиться подь-часъ некому, такъ отъ этого она все больше въ лѣсу, у меня привитаецъ.

— Чья же она? продолжалъ я спрашивать, отъ-нечего-дѣлать.

— А невѣдомо чья... Мать, слышь ты, побирушка была, нищенка, скиталася такъ себѣ за кускомъ отъ села къ селу... Пришла въ наше Упалово на ночлегъ, больно ужъ хвораая (дѣло по зимѣ-то было) да и померла. Ну, дочька осталася; добрые люди и пріютили... То у того, то у другаго въ избѣ жила,—такъ и выросла мірскою дочькой...

Въ это время къ шалашу подошла молодая дѣвушка, небольшого росту, лѣтъ шестнадцати, свѣжая, бѣлолицая, съ голубыми ясными глазами и вообще съ деревенски-красивой головкой, съ которой спускались на спину заплетенные въ два жгута мягкіе, шелковистые и бѣлые, какъ ленъ, волосы. Эти бѣлые волосы особенно какъ-то ее красили.

Физиономія ея сразу показалась мнѣ знакомой. Я вспомнилъ, что недѣли съ полторы тому назадъ успѣлъ даже, совершенно случайно, оказать ей нѣкоторую услугу, когда, проходя по селу, встрѣтилъ гурьбу парнишекъ, которые окруживъ Груньку со всѣхъ сторонъ, дразнили ее криками: «у, у!.. лешечиха, русалка!.. Грунька-дуранька!» и теребили безъ всякаго милосердія, такъ что бѣдной, запуганной и загнанной дѣвушкѣ приходилось очень жутко. Мнѣ какъ-то

удалось припугнуть мальчишекъ и освободить ее на этотъ разъ отъ ихъ преслѣдованій.

Она узнала меня и молча поклонилась.

— Что, Груня, къ намъ? ласково спросилъ ее дѣдко.

— Къ вамъ, отвѣтила она, застѣнчиво потупясь.

— Что долго не бывала? продолжалъ спрашивать па-
сичникъ.

— Такъ... прихворнулось маленько, — лихоманка скрючи-
ла, такъ я у тетки Аринки въ избѣ пролежала... Теперь
ничего — отстала, кажися.

— Хочешь поѣсть чего? предложилъ ей Касьянъ — коли
хочешь, такъ на тебѣ хлѣбушка, да вотъ... поди въ келью,
достань тамъ себѣ меду, буде есть охота; поѣшь пока, а я
тѣмъ часомъ огонь разложу да кашу заварю, — вотъ и похле-
баемъ ужò всѣ вмѣстѣ.

Дѣвушка, видимо, была голодна, и потому, взявъ отъ
Касьяна краюшку хлѣба, вмѣстѣ съ Малкой вышла изъ ша-
лашика и скрылась за скрипнувшей дверцой дѣдкиной кельи.

V.

Я цѣлый день пробылъ у Касьяна. Мы и обѣдали вче-
тверомъ на славу — сваренную имъ кашу. Малка еще болѣе
повеселѣла, какъ свидѣлась съ Груней, и все время ластилась
и жалась къ ней какъ можно ближе и ни на шагъ отъ нея
не отходила. Эти два странныя, отчужденныя отъ людской
общины, существа какъ-то особенно привязались другъ къ
другу и какъ будто инстинктивно понимали другъ дру-
га. Общая ли незавидная доля, или это отчужденіе свя-
зало ихъ — не знаю, только жизнь ихъ вдвоемъ каза-
лась какъ будто полнѣе. Груня была настолько же странное
существо, какъ и Малка, если только еще не болѣе. И въ
ней проглядывала та же нервность, которую, какъ мнѣ ка-
жется, развиваютъ въ подобныхъ натурахъ ни что иное,
какъ тоже самое отчужденіе отъ людей, сиротливость, по-

стоянная замкнутость въ себѣ и постоянное столкновение лицомъ къ лицу съ жизнью глухой, безлюдной, но красивой своею дикостью природы. Эти поля, это озеро лѣсное съ впадающею въ него излучистою рѣчкой и наконецъ этотъ лѣсъ сырой, прохладный, темный и таинственно-заманчивыи лѣсъ, населенный силами суевѣрнаго воображенія и лѣшими, и водяными, и русалками;—лѣсъ, въ которомъ каждый крикъ ночной птицы, каждый всплескъ ночной воды, каждый отдѣльно-порывистый гулъ ночнаго вѣтра наполняютъ робкую душу неопредѣленнымъ мистическимъ трепетомъ, и жуткимъ, и сладко-обаятельнымъ въ тоже время — невольно должны были оставить слѣды своего вліянія на свѣжихъ впечатлительныхъ натурахъ этихъ двухъ дѣвушекъ. А тутъ еще рассказы стараго дѣдки и цѣлый міръ преданій и вѣровацій, замкнутый, поэтической и, такъ сказать, міръ — не отъ міра сего,—все это сдѣлало изъ шестнадцатилѣтней Груни своего рода маленькую колдунью—существо въ высшей степени суевѣрное, чуткое къ природѣ, страстное и проникнутое поэзіей этого міра завѣтныхъ преданій и сказокъ, существо, которое и само-то скорѣе напоминало этотъ воображаемый міръ, чѣмъ міръ деревенскаго быта. Она была какъ-то особенно граціозна и знаетъ-ли чѣмъ?—ничѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ того, что мы привыкли называть граціей; это была какаѣ-то своя, оригинальная, ни на что не похожая грація и прелесть—прелесть дикаго лѣснаго существа... Стоило только взглядѣться въ нее поближе и попристальнѣе, чтобъ невольно залюбоваться ею. Даже въ этомъ нищенскомъ, полуоборванномъ нарядѣ, сквозь который кой-гдѣ, мѣстами, проглядывало въ прорѣхахъ свѣжее, блѣдно-розоватое, молодое тѣло, была своя красота. Стоило только послушать ея пѣсень или даже самаго звука словъ для того, чтобъ душевно привязаться къ ней. Да и нельзя было и не привязаться: молодость и свѣжая непочатая сила всегда возьмутъ свое. Я замѣтилъ еще одно въ этой дѣвушкѣ: при первой встрѣчѣ, на селѣ, она мнѣ показалась такою робкой, такою загнанной, что невольно становилось жаль ее; а здѣсь, на пчельникѣ, эта застѣнчивая робость и забитость, съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ словомъ, исчезали въ ней все болѣе и болѣе,

незамѣтно замѣняясь природною живостью и довольствомъ. Видно было, что здѣсь, среди лѣса, она своя, родная, а тамъ—чужая всѣмъ и всему. Со мной она также нисколько не стѣснялась, и смотрѣла на меня, какъ на «своего человека».

Помню я ту ночь, которая смѣнила этотъ день нашей встрѣчи на пчельникѣ. Лѣсъ замолкъ и какъ будто понадвинулся на насъ со всѣхъ сторонъ еще тѣснѣе своими таинственно-безмолвными вѣтвями. Все было недвижно и тихо, только въ ульяхъ чуть-чуть слышался глухой гулъ роёвъ, гомонившихся къ ночи. На кострѣ, подъ сѣдоватымъ пепломъ перебѣгающими змѣйками дотлѣвали уголья. Касьянъ устраивалъ для насъ ночлегъ подъ липою; онъ разостлалъ овчины, въ изголовье набросалъ свѣжей травы и покрылъ ее полотнянымъ рядомъ. Малка съ Груней улеглася въ шалашикѣ и дружно о чемъ-то шушувались между собою. Наконецъ и мы улеглися...

Касьянъ вскорѣ заснулъ, а мнѣ еще спать не хотѣлось, и сталъ я разсѣянно глядѣть вверхъ на темное, голубое небо, сквозь мелкую сѣтку липовыхъ листьевъ, густо нависшую надъ нашей постелью. Въ эти минуты напряженное ухо какъ-то особенно-чутко, хотъ и нехотя, прислушивается къ тому неясному шороху, къ тѣмъ неопредѣленнымъ и долгимъ звукамъ, которые мы называемъ звуками ночи. А тутъ еще отъ прибрежныхъ кустовъ лѣснаго озера отчетливо доносилось щелканье соловья, которому тамъ, гдѣ-то далѣко, далѣко вторилъ другой соловей, а еще дальше, чуть не на самомъ краю лѣса, третій,—и чѣмъ дольше вслушиваешься, тѣмъ обаятельнѣе и тѣмъ безконечнѣе кажутся эти переливы и трели, эта разнообразная переключка ночныхъ соловьевъ.

Но чу!.. Въ шалашикѣ тихій говоръ... Тамъ еще не спятъ, тамъ все еще шушукуются между собою. И среди этой тишины ясно доносятся до меня слова маленькой Малки:

— И-штой-то, дѣвонька, спать мнѣ мало хочется... Разскажи чтонибудь... про мертвецовъ разскажи!.. Больно ужъ я люблю слушать, какъ ты разсказываешь.

— Что жъ тебѣ про мертвецовъ-то сказывать? слышится голосъ Груни.

— Пугающіе что нибудь, дѣвонька, пугающіе; смерть, люблю страшное! отзывается тихій голосокъ Малки.

— Да что-то въ голову ничего нейдетъ... ужъ право и не знаю...

И голосъ Груни затихаетъ.

— Вона, слышь, какъ соловьи-то трещать! говоритъ она снова. Слышь, слышь?!. Такъ и разливаются!.. Вонъ еще... Вонъ еще одинъ... И сколько ихъ тутъ,—сида!.. Вотъ соловушко-то, хоть и малая птица, а знаетъ когда май... Люблю я это, какъ засвищутъ они... Что сказки,—давай лучше соловьевъ слушать!..

— Нѣтъ, Груня, соловьевъ еще успѣемъ послушать—до зори еще далеко, а ты Расскажи мнѣ лучше! про мертвецовъ Расскажи!

— Про мертвецовъ?.. Что жъ бы тебѣ такое рассказать позанятнѣе?.. Ну, ладно, слушай, начала Груня, слегка вздохнувъ, какъ обыкновенно это дѣлается передъ началомъ сказки. Вотъ, вишь ты, жилъ мужъ съ женою и была промежду нихъ такая любовь да совѣтъ, что всѣ сосѣди завидовали. Вотъ жена родила мужу младенца да и померла. Встосковался мужъ. Да одному съ младенцемъ не управиться: ни спеленать, ни убаюкать, ничего-то самъ не сумѣетъ. Вотъ онъ и нанялъ приглядывать за нимъ старушку одну. Только чудное дѣло! Замѣчаютъ они, что днемъ ребенокъ ничѣмъ-то ничего не ѣстъ и крича-кричитъ, такъ что никакъ и не уймешь; а ночью спать себѣ, да таково-то мирно да тихо, ровно бы и въ избѣ нѣтъ его. «Что за причина? думаетъ нянька, семъ-ка я не посплю ночку - то да погляжу—отчего бы это такъ было?» Сказано,—сдѣлаво. Не спитъ старушка; только вдругъ въ самую полночь слышитъ она, кто-то тихонько скрипнулъ дверью, еще того тише подошелъ къ зыбкѣ—и ребенокъ вдругъ затихъ... Слышно, ровно бы грудь сосетъ. На другую ночь то же, на третью то же. Думала, думала старуха да и сказала про это мужику, вдовцу-то. Что тутъ дѣлать? Вотъ и порѣшили они, чтобы поставить на ночь подъ горшокъ свѣчу, да и

подсмотрѣть, кто это ходитъ къ младенцу. Созвалъ онъ къ себѣ на эту ночь кой-кого изъ родни, чтобъ не такъ страшно было, и стали всѣ вмѣстѣ дожидаться. Вотъ только въ полночь скрипнула дверь, кто-то подошелъ къ люлькѣ— и ребенокъ вдругъ затихъ. Тутъ старуха открыла свѣчу,— смотреть—а надъ вышкой—то покойница мать, въ томъ платьѣ, какъ ее схоронили, стоитъ на колѣнкахъ, наклонилась къ младенцу, а сама такъ жалостно глядитъ на него; сама глядитъ, а сама слезки ронитъ — такъ и каплютъ такъ и каплютъ... Стоитъ это надъ младенцемъ и кормитъ его грудью.

— Мертвою?!. съ любопытствомъ и замирающимъ трепетомъ тихо проговорила Малка.

— Да, мертвою грудью его и кормитъ, отозвалась Груня. Вотъ только, какъ освѣтилась изба, такъ покойница сейчасъ поднялась съ колѣнокъ, въ послѣднѣе взглянула, еще того жалостнѣе, на младенца и ушла себѣ потихоньку... Больше и не приходила.

— Отчего же не приходила? спросила дѣвочка.

— Да на утро младенца—то мертвымъ нашли; ну такъ она больше и не приходила, закончила Груня съ такимъ же вздохомъ, какъ и начала.

Вскорѣ и говоръ въ шалашикѣ затихъ совершенно, и гула въ ульяхъ уже не было слышно,—и только одни неясные звуки ночи да соловьиныя пѣсни царили въ тихомъ и чутко-неподвижномъ воздухѣ. А мнѣ все не спалось...

Наконецъ прошло, какъ мнѣ показалось, довольно долгое время,—и я слегка сталъ забиваться.

Вдругъ невдалекѣ послышался шелестъ осторожной походки...

Я приподнялъ вѣки и увидѣлъ Груню: она тихо прошла въ калитку и скрылась за изгородью...

— Куда она пошла? подумалось мнѣ въ первую минуту,—и этотъ вопросъ тѣмъ тревожнѣе и неотступнѣе вставалъ передо мной, чѣмъ больше пролетало время, а Груня все не возвращалась. Я никакъ и не ожидалъ, чтобы этотъ

*

вопросъ могъ настолько занять и обезпокоить мою голову. Любопытство мое возрастало съ каждой минутой—оно меня мучило, мучило и подстрекало—во чтобы то ни стало добиться разгадки. Мнѣ уже стали мерещиться: какая-то любовь, какое-то тайное свиданіе въ лѣсу, въ глухую ночь, какой-то парень и съ парнемъ Груня,—и Богъ вѣсть, чего только не взбрело мнѣ тогда на душу!

— Чтожъ, думалось мнѣ въ эти минуты, все это такъ просто, такъ естественно и такъ возможно!. Отчего же ей и не любить когонибудь, отчего и не пойдти на свиданье! А въ то же время неясное чувство какой-то непонятной ревности подступало къ моему сердцу, будило даже нѣкоторую досаду и до-нельзя разжигало любопытство.

Не будучи въ состояніи совладать съ собою, я осторожно поднялся съ постели и, какъ воръ, пугаясь и дрожа, прокрался вдоль пасики за изгородь: мнѣ все почему-то казалось, что Касьянъ непременно проснется, подмѣтитъ меня и проникнетъ мои мысли. Однакожъ онъ не проснулся, и я благополучно выбрался за калитку и очутился на лѣсной полянѣ. Тутъ только мнѣ нѣсколько легче и свободнѣй вздохнулось. Я внимательно оглядѣлся вокругъ—но на полянѣ Груни не было: по окраинамъ, между кустами, тоже ничего не замѣтно... Идти, искать ее?—но вѣдь это безуміе!.. Куда идти, и гдѣ найдешь ее ночью, среди густаго лѣса, да и зачѣмъ искать, зачѣмъ тревожить ее? Какая цѣль, наконецъ, и какое право имѣю я искать ее? подумалось мнѣ, и я, махнувъ рукой на свою затѣю, уже совершенно безцѣльно пошелъ межъ кустами, куда глаза глядятъ, лишь ради того, чтобы освѣжить нѣсколько свою горячую голову.

Густая трава цѣплялась за мои ноги, обдавая ихъ легкою росой, капли которой порою скатывались мнѣ и на лицо съ гибкихъ вѣтокъ, когда я, проходя, задѣвалъ ихъ какънибудь плечомъ или рукою. И тогда, кой-гдѣ, разбуженная шелестомъ и качаніемъ этой вѣтки лѣсная птица, съ легкимъ испуганнымъ и короткимъ выкрикомъ, перепархивала на новый сучокъ... Вдругъ я вздрогнулъ и остановился, невольно подавшись назадъ: передо мною, припикнувъ къ травѣ, лежало что-то бѣлое. Вглядываюсь—Груня!.. Она,

стоя на колѣнкахъ, внимательно шарила рукою по землѣ и искала чего-то.

Замѣтивъ меня, мигомъ подняла Груня голову, изумленно вскинула на меня свои испуганные глаза и торопливо прошептала: чуръ меня, чуръ!..

Я самъ испугался чуть ли еще не болѣе ее.

— Это ты, баринъ? съ усиліемъ проговорила она наконецъ, узнавъ меня, но все еще не довѣряя себѣ.

— Я, я... не бойся, Груня!..

— То-то!.. а я было думала—лѣшій... Теперь имъ самая пора... Да что жъ ты бродишь тутъ, что не спишь-то?

— Такъ... Голова что-то заболѣла, да и жарко; вышель разгуляться.

Груня успокоилась совершенно и поднялась съ колѣнъ, держа въ подолѣ сорочки пучки какой-то травы.

— Ты испугалась, ты боишься меня, проговорилъ я, почувствовавъ, что все прежнее волненіе мигомъ возвратилось ко мнѣ.

— Теперь не боюсь, беззастѣнчиво отвѣтила дѣвушка, глядя мнѣ прямо въ глаза. Чего мнѣ тебя бояться? — ты добрый, а другихъ боюсь.

— Кого же другихъ?

— А тѣхъ-то, помнишь, на селѣ... Я оттого и не люблю туда ходить,—тамъ все чужіе да такіе злые все. А тебѣ—спасибо; я тебя полюбила за то! проговорила Груня совершенно наивно и искренно.

— А развѣ тебя часто обижаютъ? спросилъ я.

— Всегда!.. Я съ ними поладить не умѣю. Никакъ не принаровишь,—все пристають да смѣются.

— И никто не вступится?

— Кому вступиться!.. отца—матери нѣтъ—такъ и заступы нѣтъ, рази вотъ дѣдко Касьянъ когда, случается,—а то некому, да вотъ ты еще тогда,—я васъ и люблю за то, а тѣхъ не люблю! проговорила она какъ-то отрывисто, какъ будто это было для нея тяжелымъ воспоминаніемъ.

— Что же ты, Груня, дѣлаешь тутъ въ такую пору? спросилъ я, садясь на свороченный грозою нежь.

— Траву собираю, отвѣтила она, захвативъ изъ подола горсть травы и показывая мнѣ.

— Какую траву? продолжалъ я распрашивать, втайнѣ радуясь и этой встрѣчѣ, и возможности наелинѣ поговорить съ нею.

— Сонь-траву, нѣсколько таинственно проговорила Груня.

— За чѣмъ же?

— А рази ты не знаешь? возразила она съ нѣкоторымъ изумленіемъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Коли не знаешь, такъ и говорить не слѣдъ бы... Ну, да ты ужъ больно полюбилъ мнѣ... тебѣ-то ужъ я, пожалуй, скажу. Это трава не простая; ее надо собирать съ наговоромъ, потому она можетъ тебѣ и зло, и добро предсказать, и въ любовь залучить можетъ. Положи ее подъ подушку и привидится тебѣ сонъ. Коли быть счастьемъ да любви—представятся тебѣ либо дѣвушка, либо парень; а коли быть худу да бѣдѣ—смерть приснится...

— Ну, такъ дай же мнѣ этой травы, попросилъ я.

— А зачѣмъ тебѣ? возразила Груня, пытливо засматривая мнѣ въ глаза.

— Испытать хочу.

— Да что тебѣ испытывать? Вѣдь жить тебѣ не худо еще?

— Все равно; хочу попытать, полюблю ли.

— А нешто ты никого не любишь?

— Никого, отвѣтилъ я, тогда какъ сердце шибко колодилось и замирало въ груди, и подсказывало, что оно готово полюбить ее, чародѣйку.

— Да безъ заговору полюбить нельзя, надо прежде приворожить къ себѣ, возразила дѣвушка. Хочешь, я приворожу къ тебѣ когонибудь? Я это умѣю и заговоръ такой знаю. Хочешь?

— Приворожи!

— Кого жъ тебѣ приворожить—то? молодую-вдову, али мужню жену, али красну дѣвицу? Имя скажи!..

Я почувствовалъ, какъ у меня слегка духъ захватило... Сказать или нѣтъ? думалось мнѣ.

— Ну, кого же, скажи, настаивала между тѣмъ Груня.

— Тебя! отвѣтилъ я рѣшительно, хоть и едва слышно.

Она недовѣрчиво взглянула на меня.

Въ это самое время въ лѣсу раздался звукъ, до поразительности похожій на хохотъ человѣка—и лѣсное эхо дробно и гулко повторило его по всѣмъ концамъ и замерло на озерѣ.

Мы оба вздрогнули.

— Что это? полудиспуганно проговорилъ я, не сообразивъ причины звука, который былъ ни что иное, какъ крикъ филина,—и легкій тренеть пробѣжалъ по моему тѣлу.

— Русалка! утвердительно отвѣтила Груня. Да ты не бойся, продолжала она: со мной не тронеть! У меня зелье есть. Вотъ, видишь, полынъ да зоря;—только покажи ей, разомъ и сгинеть... На тебѣ вѣточку!

И Груня, вынувъ изъ-за пазухи сильно-пахучую вѣтку зори, подала ее мнѣ съ какимъ-то наговоромъ.

— Коли ты увидишь когда русалку, продолжала она таинственнымъ полушопотомъ, такъ ты ее сейчасъ признаешь: она голая и тѣло такое бѣлое, да красивое, какого и нѣтъ у человѣка. Коли въ лѣсу, такъ она больше все на кленѣ да на дубѣ качается; и такъ тоскливо да страстно станетъ она глядѣть на тебя, а ты не поддавайся:—защекочетъ. Станетъ она еще загадывать тебѣ три загадки: перва загадка: что растеть безъ корня? Другая загадка: что бѣжить безъ повода? А третья: что цвѣтетъ безъ всякаго цвѣту? Такъ ты, гляди, не мѣшкай, а скорѣй отвѣчай: камень, молъ, растеть безъ корня, вода бѣжить безъ повода, кочедыжникъ цвѣтетъ безъ цвѣту! А не отвѣтишь—туть тебѣ и смерть!

Проговоривъ эти слова, Груня отошла отъ меня на нѣсколько шаговъ, и, опустясь на колѣни, снова принялась искать свою траву.

— Такъ что жъ, Груня, ты не хочешь приворожить меня? спросилъ я несмѣлымъ голосомъ.

Она мнѣ ничего не отвѣтила, только ниже еще опустила свою голову, и, насколько могъ я различить въ полусвѣтѣ весенней ночи, кажись, покраснѣла.

— Молчишь!.. ну, такъ дай хоть травы мнѣ, попросилъ я снова, я положу подъ подушку, авось ты приснишься...

Дѣвушка опять ничего не отвѣтила и старалась показать, будто она внимательно занята своимъ дѣломъ, тогда какъ нужной для нея травы и близко здѣсь не было и руки ея, дрожа, едва только касались земли.

— Что жъ, Груня, ты и травы даже не хочешь дать, а еще говорила, что любишь... ну, Богъ съ тобою! проговорилъ я, подымаясь съ мѣста.

Груня дала мнѣ пройти нѣсколько шаговъ и потомъ быстро остановила меня.

— Вотъ тебѣ трава, только ступай себѣ съ Богомъ... Ступай отсюда! торопливымъ полушопотомъ сказала она и сунула мнѣ въ руку пучечекъ травы.

Нечего дѣлать, пришлось удалиться. Груня осталась на мѣстѣ въ какомъ-то странномъ раздумьѣ и нерѣшительности. Я уходилъ медленнымъ шагомъ, не оглядываясь назадъ, на свою колдунью; но не успѣлъ отойти и пятидесяти шаговъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то положилъ мнѣ руку на плечо. Обернулся—Груня! Стоитъ прямо передо мной и смѣлымъ взглядомъ смотритъ въ лицо, какъ будто испытать въ чемъ хочеть.

— Ты въ шутку говорилъ, чтобъ приворожить-то? спросила она совершенно серьезнымъ и какъ будто даже строгимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не въ шутку...

— Смотри, чтобъ не каяться... ужъ опосля ничего не подѣлаешь, какъ сохнуть станешь... Это вѣдь дѣло не съ полѣгоря дѣлать. Это дѣло страшное!..

— Знаю! отвѣтилъ я, любуясь своей молодой колдуньей, которая въ ту минуту была какъ-то оригинально хороша съ своими полугрустными, полустрастными глазами и распустившимися двумя жгутами льняно-бѣлыхъ волосъ. Я понялъ теперь, почему деревенскіе мальчишки дразнили ее «лѣшечихой-русалкой». Она дѣйствительно была на нее похожа.

— Ну, если знаешь, такъ изволь: я приворожу тебя! сказала она съ полною вѣрою въ силу своихъ заклинаній, и сказала такимъ голосомъ, въ которомъ ясно послышалась вибрація сдержанной страсти.

— Стань ты такъ, говорила она, поворачивая меня ли-

цомъ на западъ, да только не оборачивайся! Сама она стала за мною лицомъ къ востоку и тихимъ пѣшептомъ, но довольно ясно, стала произносить свой заговоръ:

— Встану я, раба Аграфена, поиду зъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота. Выду я во чисто-поле, въ сторону подвосточную, къ Окіянъ-мору кипучему. И стану я у моря кипучаго, опояшуся зорькой небесною. Какъ на томъ на морѣ-Окіянѣ лежитъ бѣлгорючъ камень Алатырь, на камнѣ доска, подъ доскою тоска. Подымалася туча грозная со буйными со вѣтрами, со снѣгами, со мятелицей, нагоняла волны бѣлосѣрья на камень Алатырь, невѣдомый-незнаемый. Гой, ты туча грозная со буйными со вѣтрами! Ты умчи тоску изъ подъ той доски! Ты мечися тоска, бросься-кинься во буйну головушку да къ моему милому, ты и въ тылъ ему, и въ ликъ, и въ ясныя очи, и въ сахарны уста, ты въ ретиво сердце, въ его умъ и разумъ, въ его волю и хотѣнье и во все его тѣло бѣлое, во всѣ семьдесятъ костей, во всѣ семьдесятъ суставовъ. Чтобы думалъ онъ обо мнѣ, рабѣ Аграфенѣ, думалъ — не задумалъ, спалъ бы—не заспалъ, ѣлъ бы—не заѣлъ, пилъ бы—не запилъ. Чтобы я была ему милѣе свѣту бѣлаго, солнца пресвѣтлаго, луны прекрасныя, звѣзды поднебесныя, даже сна своего милѣе во всякое время! И пуцай ничѣмъ: ни ѱеромъ, ни воздухомъ, ни бурей, ни водою слово мое крѣпкое не отмыкается. Аминь.

Она кончила заклинанье. Голубые глаза ея расширились и сверкали, щеки рдѣли, разгорѣвшаяся грудь дышала неровно и замѣтно колебалась изъ-подъ сорочки, и сама она вся дрожала какою-то нервною дрожью... О, какъ была хороша она въ эту минуту!.. Я не вытерпѣлъ и бросился къ ней съ намѣреніемъ обнять и поцѣловать ее.

— Нѣтъ, нѣтъ... оставь... оставь... перерывисто прошептала Груня, отстраняя мои руки: не теперь... теперь нельзя... И не смѣй ты ко мнѣ подступаться!..

— Груня!.. но выслушай...

— Нѣтъ, нѣтъ!—тогда все пропадетъ... не надо. . И не думай, покуда сама не скажу! продолжала она, съ силою держа мои руки.

— Когда жъ ты скажешь?..

— Послѣ, послѣ... Когда захочу, тогда и скажу; когда надо будетъ...

— Груня, а мы будемъ видѣться? спросилъ я, опуская освобожденные ею руки.

— Будемъ, прошептала она, потупя голову и еще болѣе покраснѣвши.

— Какъ же бы мнѣ знать, когда, въ какое время? настаивалъ я.

— Вотъ, какъ и нынче, отвѣтила дѣвушка, тѣмъ же стыдливѣйшѣмъ шопотомъ.

— Гдѣ же, Груня, гдѣ же?..

— Здѣсь, въ лѣсу...

— А какъ же я узнаю, что ты здѣсь?.. Ты бы ужъ мнѣ знакъ какой нибудь подавала, предложилъ я, тихо взявъ ее за руку.

— Ладно, согласилась она, подумавъ нѣкоторое время: я умѣю на разные голоса: и овцой заблѣю, и совою загую, и жеребенкомъ заржу, и соловьемъ свистать стану, — всяко, какъ хочешь; а не то, захохочу тебѣ, какъ русалка — вотъ ты и знай, и приходи тогда! добавила она мнѣ на ухо самымъ таинственнымъ шопотомъ.

— Отчего жъ ты мнѣ про русалку такъ тихо сказала? спросилъ я, удивленный нѣсколько этой таинственностью.

— Про русалку? переспросила Груня. А неровенъ часъ она услышитъ, тогда она вмѣсто меня заведетъ тебя и шутку надъ тобою спутитъ... Можетъ она здѣсь гдѣ нибудь на вѣткѣ качается, а мы ее и не видимъ... Ты лучше про всякъ случай бери съ собою полынъ да зорю, тогда ничего — не тронетъ.

— Такъ приходитъ, Груня?..

— Приходи, приходи... въ какой-то истомѣ и какъ бы нехотя проговорила она, стараясь не глядѣть на меня; а теперь ты спать ступай, а то дѣдка пожалуй, проснется, да хватится — а тебя-то и нѣтъ... Вонъ, вишь ты, ужъ и зоря занялася...

Заря дѣйствительно забрезжилась уже на поблѣвшемъ небѣ и слегка окрасила своимъ свѣтомъ верхушки наиболѣе высокихъ деревьевъ. Показались передразвѣтные облака, потянудо передразвѣтнымъ свѣжимъ вѣтеркомъ —

и лѣсъ чуть-чуть зашевелился и зашелестѣлъ пробуждавшимися листьями. То тамъ, то здѣсь слегка защебетали птицы, чашечки цвѣтовъ стали разворачиваться и трава подыматься. Запахло утромъ. Я попрощался съ Груней и мы разошлись въ разныя стороны.

VI.

Прошло дня четыре, которые казались мнѣ цѣлою вѣчностью. Съ наступленіемъ каждой ночи я начиналъ чувствовать то напряженное, лихорадочное состояніе, ту нервную дрожь и томленіе, которыя производятъ на человѣка страстное ожиданіе наканунѣ осуществленія его завѣтной надежды,—и каждую ночь я обманывался!.. Терялъ сонъ и ждалъ, и прислушивался, и мучился—мучился безконечно... Груня условнаго знака не подавала и въ теченіе всего этого времени ни на мигу почти не оставалась одна: то сидѣла съ Касьяномъ, то бродила съ Малкой, и замѣтно избѣгала встрѣчи съ моими взглядами. Что все это значило? я не разгадалъ; видѣлъ только, что въ теченіе всего этого времени она была какъ-то взволнована и задумчива, какъ будто и рѣшалась, и не рѣшалась на что-то... Замѣтя въ ней подобное состояніе, я ни взглядомъ, ни словомъ не напомнилъ ей о той ночи и о томъ свиданіи въ лѣсу. Но за то заговоръ ея, казалось, въ полной силѣ оказалъ на мнѣ свое дѣйствіе: я живо началъ ощущать на себѣ всѣ предреченныя въ немъ послѣдствія.

Наконецъ, на пятые сутки наступилъ канунъ Иванова дня.

Съ вечера Груня куда-то пропала и не показывалась на пасикѣ. Меня наконецъ одолѣла истомная, безысходная тоска. Я дождался пока стемнѣло совершенно и тоже ушелъ себѣ бродить безъ цѣли, только бы размыкать эту кручину.

Въ одной сторонѣ лѣса слышался смѣшанный говоръ и пѣсни. Я пошелъ на звукъ и вскорѣ выбрался къ берегу

рѣчки, которая извивалась въ овражистыхъ берегахъ, среди лѣсу. Тутъ неожиданно, между деревьевъ, блеснулъ мнѣ въ глаза багровый свѣтъ яркаго полымя, и неуспѣлъ я пройти нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ передо мною развернулась странная и фантастическая картина. На большое пространство, вдоль обоихъ береговъ рѣчки, пылали яркіе костры, озаряя всю декорацию сурово нависшаго, темносиняго лѣса кровавымъ заревомъ. Блестящія искры цѣлыми милліонами подымались вверхъ, кружились и уносились вѣтромъ въ одну сторону потухая тамъ гдѣ-то далѣко—далѣко. Вокругъ костровъ мелькали разнородныя группы людей: мужиковъ и бабъ, дѣтей и стариковъ съ старухами, и дѣвушекъ въ свѣжихъ густыхъ вѣнкахъ, и парней въ праздничныхъ рубахахъ. И все это, залитое отблесками огня, суетилось, толклось, бѣгало, перетасовывалось, сплеталось въ пестрые кружащіяся хороводы. Гулъ разноглаголаго говора, звонкіевзвизги здороваго смѣха вмѣстѣ съ свѣжими грудными голосами развеселыхъ пѣсень, то лай, то дѣтскій плачь, и рѣзкіе звуки гармоники, потомъ трескъ пылающаго хвороста и молодецкіе высвисты—все это сливалось во что-то хаотическое, дикое, но беззавѣтно и страстно веселое... И въ этомъ всеобщемъ гамѣ и суетнѣ, мелькали надъ кострами, одна за другою, перепрыгивающія черезъ ивановскій царь-огонь фигуры парней и дѣвокъ, которыя во время самаго скачка мгновенно заливались яркимъ свѣтомъ и потомъ, также мгновенно исчезали во мракѣ... Кой-гдѣ, по травѣ, валялись распитые и уже разбитые полуштофы и уткнувшіеся носомъ въ землю до-умертвія пьяные мужики; кой-гдѣ бойкія молодицы на сковородахъ жарили яичницу и заваривали кашу въ котелкахъ; а нѣсколько подалѣ, подъ темными орѣховыми кустами, то здѣсь, то тамъ, видѣлись, на мгновенье освѣщенныя какъ нибудь случайно долетѣвшимъ сюда отблескомъ, притаившіяся пары,—и нескромное ухо могло бы подслушать тамъ и страстный шопотъ, и сдержанный смѣхъ.— — —

Тутъ было народу съ двухъ-трехъ деревень,—все это нахлынуло сюда справлять Ивана-Купала.

Я разсѣянно полюбовался на эту пеструю, характерную картину и пошелъ себѣ обратно на пчельникъ. Тамъ Касьянъ приготовилъ уже и себѣ и мнѣ постели, на обычномъ нашемъ мѣстѣ—подъ липою. Ужинать мнѣ не хотѣлось и мы улеглись тотчасъ же. Ни Малки, ни Груни въ шалашикѣ не было. Я спросилъ о нихъ Касьяна.

— А вѣрно загулялися тамъ, на народѣ, сказалъ онъ, кивнувъ головою въ ту сторону, гдѣ подымалось зарево,—да это ништо: придуть, какъ спать захочется... пусть ихъ погуляютъ, пока молоды!..

Темное небо высоко и легко висѣло надъ нами, и по этому темному, синему небу, словно кто нибудь брызнулъ алмазными зернами,—они такъ и играли въ немъ тысячами голубоватыхъ и блѣдно-зеленыхъ огней, то мигая едва замѣтно, какъ бы въ умирающемъ трепетѣ своихъ тонкихъ лучей, то опять воскресая съ новою силою... Млечный путь изъ конца въ конецъ протянулся бѣловатыми пятнами вдоль по глубинѣ этого свода, который то тамъ, то здѣсь ярко разсѣкали фосфорическіе огни падающихъ звѣздъ.

— Экъ, маньякъ-то какъ разыгрался!.. Ишь ты, сколько ихъ тутъ падаетъ! замѣтилъ Касьянъ, въ растяжку лежа на спинѣ и безпечно заложивъ подъ голову руки, просто—сила!.. А все отчего?—Ивановская ночь, значитъ!..

— Такъ что же? отозвался я.

— А какъ же! возразилъ мнѣ дѣдко. Былъ ты нонѣ на игрищѣ, тамъ-то?

— Былъ.

— Ну, а примѣтилъ... подъ орѣшниками? Теперича каждая дѣвка, коли побывала тамъ—и звѣзда ее долой, такъ таки прямо на дворъ къ родимой матушкѣ; это вѣрно мое слово!.. Вотъ ты, небось, и не разумѣлъ этого, а оно такъ! продолжалъ Касьянъ, ты только умѣй по небесному, такъ кажинная звѣзда докажетъ тебѣ, что ей предназначено... Вотъ я, не хвалясь молвить, по звѣздамъ все могу,—еще дѣдъ покойникъ этой наукѣ обучилъ... Теперича, вишь ты, дорога-то идетъ по небу, говорилъ онъ, указывая на млечный путь—это Становищи. По этому самому Становищу ходили Татары на Русь, прямо отъ желѣзныхъ горъ. Тамъ

однова бусурманка кормила дитю молокомъ, да онъ сосать-то несъумѣлъ, такъ вотъ молоко и разлилось по небу. А вонь тамъ, подлѣ Становиць-го,—Дѣвичьи зори. Три сестры такія были, такъ послѣ въ зори обернулись,—ходятъ теперича тамъ... А это Сажарь-звѣзда, указалъ Касьянъ на Медвѣдицу. Эта самая Сажарь-звѣзда помогаетъ охотникамъ звѣря отыскивать: когда Сажары глядятъ на землю, такъ и медвѣди бываютъ смиренны и не трогаютъ человѣка,—вотъ ты и выходи тогда на медвѣдя. А вотъ эта, что горитъ, словно слезинка чистая таетъ,—это Чигирь-звѣзда, продолжалъ объяснять мнѣ дѣдко, указывая на Венеру. Когда Чигирь межъ востокомъ и полднемъ, такъ ты ужъ съ женой не спи: дѣти уродцами выйдутъ; а коли на полднѣ, такъ въ баню не ходи и не купайся, а то переполохъ прилучится... и, просто смерть, какъ изойдешь лихомъ!..

Въ это время въ лѣсу явственно, какъ жемчугъ просыпанный на серебрянное блюдо, раздался звонкій, перекатный хохотъ.

Я вздрогнулъ и почувствовалъ, какъ вся кровь мгновенно прихлынула къ головѣ, застучала въ вискахъ и замутила зрачки зеленоватыми кругами.

— Съ нами крестная сила! проговорилъ Касьянъ, трижды перекрестившись. Тефу ты, дьявольское навожденье, сгинь да пропади!

Хохотъ раздавался еще разъ, уже нѣсколько дальше, и гулкое эхо далеко прокатило его по лѣсу...

Я поднялся съ постели.

— Куда ты, барешокъ? обозвалъ меня дѣдко.

— Хочу на полянку идти... здѣсь что-то не спится: душно,—всю голову разломило, отвѣтилъ я, придумывая благовидный предлогъ удалиться. Тамъ будетъ попрохладнѣе.. Хочу на сѣнѣ полежать, авось засну...

— Да, сѣнцомъ хорошо таково-то пахнетъ, замѣтилъ онъ, съ наслажденіемъ выюхивая ароматическій воздухъ, тонко напитанный запахомъ сѣна, скошеннаго имъ сегодня поутру, на полянкѣ. Только ты не ходи туда: не ладно это!

— А что такъ?

— Да нешто не слышалъ? русалка!.. По хохоту знаю!—
 Такъ что жъ на свою-то голову бѣды накликать!

— Меня не тронетъ!..

— Ой-ли?

— Да ужъ такъ!.. у меня есть зелье, замѣтилъ я многозначительно, срывая вѣтку зори.

— Ну, какъ знаешь, а лучше бь остаться: лukanька—то силенъ! съ зѣвотой заключилъ мой дѣдко, переворачиваясь на другой бокъ.

Съ замираніемъ сердца пошелъ я вдоль по лѣсу, къ тому мѣсту, откуда, приблизительно, послышался хохоть. Я торопился, какъ можно скорѣе, а между тѣмъ трудно было идти: колѣни такъ и подгибались отъ какой-то лихорадочно страстной дрожи,—а тутъ еще эта несносная густая и высокая трава то и дѣло, путала ноги.

Отойдя саженой двѣсти отъ пчельника, я потерялся и не зналъ въ какую сторону идти, а хохоть, какъ на зло, не повторялся... Тоска мучительная и безпокойная сильно засосала мнѣ грудь. Все такъ и казалось, будто мы разошлись и не сойдемся, не встрѣтимся больше, будто она прождетъ меня напрасно всю ночь и ужъ потомъ никогда не выдастъ мнѣ такого случая!.. И я, стоя на мѣстѣ, тоскливо оглядывался по сторонамъ, напряженно прислушиваясь къ каждому шороху и съ отчаяніемъ ломая себѣ руки. Но чу!.. какъ будто голосъ... Прислушиваюсь—точно, голосъ Груни!

Стремительно ринулся я въ ту сторону, не смотря на хлеставшія въ лицо прутья и подвертывавшіеся подъ ноги пни и кочки. Я весь превратился въ слухъ и старался только не потерять направленія звука. Но, слава Богу, онъ все яснѣе и ближе; я даже могу различать слова пѣсни, и слышу, какъ поетъ она эту пѣсню—и слова ея почему-то невольно врѣзываются мнѣ въ память:

«Глубока рѣка берега рвала
 Ужъ я-ль, молода, по бережку шла,
 Я по бережку шла, я цвѣты рвала;
 Меня, молоду, въ рѣку сорвало,
 А и внизъ понесло ко милу дружку».

Еще минута—и я подлѣ Груни!..

Она сидѣла на крутоватомъ берегу рѣчки и доканчивала пышно заплетенный купальскій вѣнокъ.

При моемъ появленіи пѣсня оборвалась и смолкла.

Опустился я подлѣ нея на колѣни, но, не знаю, отъ волненія ли, отъ застѣнчивости ли, только ни она, ни я не могли прибрать словъ и долгое время, молча, глядѣли другъ дружкой въ глаза. Да впрочемъ, тутъ словъ и не нужно было!..

Ночь была обаятельная. Небо все также звѣздно, только блѣдный мѣсяць, за часъ передъ тѣмъ въ синей мглѣ тускло горѣвшій на краю горизонта кроваво-краснымъ и какъ бы запыленнымъ свѣтомъ, прорѣзывался теперь изъ-за верхушекъ деревьевъ и косвенно бросалъ свои голубоватые лучи на сонныя воды глубокой рѣчки, которыя на всемъ пространствѣ своемъ были подернуты тускло-серебристымъ блескомъ съ зеленовато-голубымъ отливомъ отъ лунныхъ лучей. Тамъ, вдали, по прибрежнымъ полянкамъ раскинуты были конопляники, и тихій вѣтерокъ доносилъ оттуда сильный, одуряющій запахъ конопли. Воздухъ былъ полонъ тихихъ и разнородныхъ звуковъ. Въ немъ слышались и колокольцы бродячаго гдѣ-то табуна, и скрипъ коростелей въ дальней лоцинкѣ, и бой перепеловъ во ржи на опушкѣ, и чуть-чуть долетавшій отзвукъ купальскихъ пѣсень,—и все это мѣшалось съ щолканьемъ соловьевъ, допѣвавшихъ свои послѣднія вешнія ночи и съ неумолкаемой, сухой трескотнею кузнечиковъ... Вокругъ насъ, по затѣнненнымъ мѣстамъ, ярко свѣтились движущимися точками свѣтлячки на стебляхъ и листочкахъ—и все это дышало и жило въ какомъ-то зачарованномъ снѣ.

— А я для тебя умылась купальскою росою, чтобы мнѣ краше да здоровѣе быть, застѣнчивымъ шопотомъ заговорила Груня. Что жъ, любѣ я тебѣ? стыдливо добавила она, перебирая листики своего вѣнка.

— Да... отвѣтилъ я едва слышно.

— Что жъ, стосковался ты по мнѣ? тѣмъ же тономъ опять спросила она.

— Стосковался, Груня... охъ, какъ стосковался!.. И зачѣмъ ты такъ долго меня мучила!..

— Нельзя было... я все передумывала... да ужъ больно ты любѣ-то мнѣ!.. Жалко тебя стало!..

— Груня, добрая, хорошая моя Груня, и за что ты только полюбила меня?.. говорилъ я, въ восторгѣ сжимая ея руки. Вѣдь у васъ сколько есть парней-то, они и лучше, и красивѣе, а ты меня выбрала...

— Что мнѣ парни!.. я съ ними не якшаюся, со вздохомъ сказала Груня. Они пересмѣшники только; опричь обиды ничего и нѣту... не любятъ меня, гонять... у нихъ свои есть дѣвушки, а я тебя полюбила, все за то же... помнишь?.. Вотъ и вѣнокъ сплела, продолжала она взволнованнымъ голосомъ, это не простой: купальской. Тутъ, вишь ты, ивановъ-цвѣтъ, травка богородицкая, медвѣжье ушко да купальника. Вотъ мы съ тобой по немъ загадывать станемъ, а напрежъ того покумимся... я сегодня имянинница;—вѣдь нонѣ Аграфены-купальницы... Ну, хочешь, что ли, кумиться? предложила она и вслѣдъ за тѣмъ поставила передъ лицомъ свой махровый вѣнокъ, такъ что обрамленное имъ это свѣжее, бѣлое личико стало еще милостивѣе.

— Покумимся, дружокъ, покумимся, чтобы намъ съ тобою не браниться,—вѣчно дружитья! проговорила она истомно-задрожавшимъ голосомъ и нѣсколько нараспѣвъ, страстно протягивая ко мнѣ черезъ вѣнокъ свои алыя губки.

Я жарко прильнулъ къ этимъ губкамъ и сталъ цѣловать, цѣловать ихъ долгимъ и горячешнымъ, молодымъ поцѣлуемъ... непомню ужъ, какъ потомъ вѣнокъ былъ ожерельемъ отброшенъ ей на шею, и мы дружно, съ какимъ-то нѣмымъ и истомно-замершимъ стономъ обвили другъ друга руками, не отрывая обоюдно губъ, трепетавшихъ подъ первымъ нашимъ поцѣлуемъ.

Но, Богъ знаетъ почему, въ эту самую минуту какъ-то болѣзненно стукнуло и сжалось мое сердце.

— Что я это дѣлаю! съ укоромъ мелькнуло въ головѣ, зачѣмъ я все это дѣлаю?! Вѣдь я не вѣчно здѣсь, вѣдь я же долженъ буду ее бросить... Что тогда?.. Взять отъ нея всё,

• Отд. I.

1/23

и взаимнѣ прибавить только еще больше страданья,—это нечестно!..

Руки мои готовы были отомкнуться отъ ея молодого, упругаго стана, но... поцѣлуй Груни черезъ—чуръ уже жогъ, объятія ея были слишкомъ горячи, искушеніе слишкомъ велико,—такъ что голова моя закружилась, внѣтри груди что-то страшно зажгло, и я въ безпамятствѣ готовъ былъ со-всѣмъ уже отдаться этому соблазну, какъ вдругъ—хрустнула сухая вѣтка подъ чьими-то шагами, и тоненькій дѣтскій голосокъ, въ какихъ нибудь—двухъ, трехъ шагахъ отъ насъ проговорилъ русскимъ речитативомъ:

Иванушка, Иванушка, полетай за Волгу,
Тамъ тепленько, здѣсь холоденько! —

и показалась изъ за вѣтвей маленькая Малка съ вѣнкомъ на головѣ и шевелящимся свѣтлячкомъ на ладони, къ которому и относилось проговоренное ею присловье.

Мы вздрогнули и отшарахнулись другъ отъ друга.

— Что испужались? весело заговорила Малка. А я шла было къ рѣчкѣ, загадать на вѣнокъ, да слышала Грунинъ голосъ и пришла сюда.

— Вотъ и мы тоже загадывать хотѣли, черезъ силу отвѣтилъ я, чувствуя крайне неловкое положенье.

— Ну, такъ загадаемъ вмѣстѣ. Хочешь, дѣвонька?—Пойдемъ! предложила Малка, спускаясь внизъ къ рѣчкѣ.

Мы съ Груней молча послѣдовали за нею.

— Ноньче вѣдь страшная ночь, продолжала Малка, опускаясь съ вѣнкомъ на колѣнки передъ самою водою: ноньче и деревья даже, сказывали, переходятъ съ мѣста на мѣсто, гуляютъ по лѣсу и другъ съ другомъ все говорятъ, говорятъ да шепчутся,—разговариваютъ, вишь, промежь себя; вотъ дубъ особливо... только видѣть этого грѣшнымъ нельзя. Ну, что-то Богъ дастъ! проговорила она, опуская вѣнокъ на воду и внимательно слѣдя за нимъ: коли нотонетъ, горе аль смерть, а коли уплыветъ, такъ счастье...

Струйка подхватила его и, колебля, тихо понесла вдаль.

Вдругъ онъ пошелъ медленнѣе, медленнѣе, остановился и черезъ минуту канулъ на дно.

Малка вскрикнула и все продолжала напряженнымъ взоромъ глядѣть на то мѣсто, гдѣ потонулъ вѣнокъ.

— Э, дѣвонька, не тужи! Это онъ не самъ потонулъ, а вѣрно либо на корягу, либо на осоку подводную наткнулся — вотъ и втянуло, съ теплымъ участіемъ принялась утѣшать Груня. Ну, теперь—мой! прибавила она, опустясь на колѣни и наклоняясь надъ водою. Ну, мой завѣтный!.. плыви вѣнокъ, да будь легокъ, суди хоть бѣду, да только не утай, чему быть на роду!..

Вѣнокъ тихо отплылъ отъ берега, тихо выплылъ на средину рѣчки и остановился.

Груня притаила дыханье и съ трепетомъ вся обратилась въ жадное зрѣніе.

Вдругъ вѣнокъ заколебался, закружился на мѣстѣ и тихо, тихо пошелъ къ-дну.

Груня ничего не сказала и только, какъ подкошенный стебелекъ, опустила на траву.

Прошла минута тяжелого молчанія.

— Ну, видно не судьба!.. чему быть—не минутъ, грустно процептала она и поднялась съ мѣста.

— Что жъ, дѣвонька, пойдемъ домой, предложила со вздохомъ Малка,—дѣдка, поди, соскучился одинъ-то тамъ.

Но Груня не двигалась и стояла въ гнетущемъ раздумьи.

Вдругъ, вдали, на какомъ-то деревѣ закуковала кукушка.

Дѣвушка мигомъ очнулась и скороговоркой стала запрашивать кукушку:

— Кукушка, кукушка—горемычная душка! сколько мнѣ вѣку, долго ли жить?

Кукушка не откликалась.

— Кукушка, кукушка!—сколько мнѣ вѣку? тоскливо повторила Груня.

Опять молчаніе.

— Кукушечка, голубушка! простонала она съ отчаяніемъ и слезами—да откликнись же, долго ль мнѣ жить-то?!..

Кукушка закуковала снова и, кажись, безконечное число разъ провѣщала свое ку-ку!

На лицѣ Груни просіяла улыбка. Видно было, что словно камень тяжелый скатился съ ея груди.

— Ну, теперь пойдѣмъ, пожалуй, домой! весело предложила она и, взявъ меня за руку, отрывисто шепнула на ухо:

— Ужѣ приходи... вмѣстѣ уйдѣмъ отсюда...

Мы отправились всѣ втроемъ къ нашему ночлегу, но едва отошли нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ Груня странно вскрикнула и зашаталась.

Я держалъ ее за руку и почувствовалъ, какъ эта рука разомъ похолодѣла. Заглянулъ въ лицо,—оно заволокло мгновенно-разлившейся блѣдностью и исказилось конвульсивнымъ страданьемъ.

— Нога!.. нога!.. простонала она, прислоняясь къ стволу большаго дерева.

Мы взглянули ей на ногу и увидѣли, что вокругъ нея тесьмой обвилась небольшая чернобурая змѣйка, на которую вѣрно она какъ нибудь неосторожно наступила ногою. Изъ-подъ змѣи просочилось уже на тѣло капли двѣ крови.

— Козюлька! съ ужасомъ вскрикнула дѣвочка. Въ воду! скорѣй кидайся въ воду, Грунька! а не то—бѣда!..

Оторопѣвшая и словно ошалѣлая отъ боли, а пуще отъ страху Груня, безсознательно какъ-то повинуюся возгласу Малки, съ разбѣгу и стремглавъ бросилась съ крутаго берега въ воду.

Мы еще не успѣли и добѣжать до него, какъ уже услышали громкій всплескъ водяныхъ брызговъ, далеко разлетѣвшихся по глади рѣки при паденіи Груни. Добѣгаемъ, смотримъ—только одни широкіе круги расплываются по поверхности и больше никакихъ признаковъ.

— Вѣрно нырнула, замѣтила про себя Малка.

Ждемъ. Прошла минута—нѣтъ!

Сердце мое застучало какимъ-то тревожнымъ и недобримъ предчувствіемъ.

Вдругъ на водѣ забульбулькали пузыри: сначала показался одинъ, потомъ два, три, потомъ больше и больше... наконецъ и тѣ исчезли—и прежняя тишина воцарилась на сонной рѣкѣ.

Я почувствовалъ ужасъ.

— Утонула!.. вырвалооь у меня изъ груди отчаяннымъ, дикимъ и надорваннымъ воплемъ—и я ринулся было внизъ, къ водѣ, но не успѣлъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ въ безпамятствѣ повалился на землю, и только бессознательно, будто сивозъ сонъ, кое-какъ различалъ крики и плачь быстро удалявшейся Малки.

Когда я очнулся, то слышалъ приближавшіяся, многочисленные голоса. Звонче другихъ раздавался отчаянный голосокъ Малки, которая рассказывала, какъ было дѣло... Черезъ нѣсколько минутъ весь берегъ покрылся гулящимъ народомъ, который послѣшилъ сюда къ намъ на помощь. Тотчасъ же, при свѣтѣ горящихъ головней, принялись за работу. Стали щупать шестами дно; однако ничего не нащупали и дна не достали... Два, три человѣка уже совсѣмъ было раздѣлись и хотѣли нырять, какъ вдругъ раздался голосъ Касьяна. Позванный кѣмъ-то, онъ прибѣжалъ сюда растерянный, безъ шапки и сермяги, со включенными волосами и бородою и съ выраженіемъ такого истиннаго и глубокаго горя на лицѣ, какое я впервые еще видѣлъ и за которое становилось страшно.

— Куда вы! закричалъ онъ глухимъ голосомъ и весь дрожа отъ потрясенія. Куда вы! сами утонете!.. Тутъ ужъ никакая сила не поможетъ—это омутъ!..

Слова старика будто громомъ поразили всѣхъ.

Гурьба народу какъ стояла, такъ и замерла на мѣстѣ, подъ впечатлѣніемъ этого послѣдняго извѣстія. Только черезъ нѣсколько минутъ начала она пошевеливаться, и въ ней кое-гдѣ стали пробуждаться отдѣльные голоса:

— Ишь ты, омутъ... А какой тихой!

— Вѣстимо: въ тихомъ омутѣ черти водятся—это ужъ по писанію,...

— Потому, тѣтъна, значить, и втянуло...

— Господа! матушки мои, родители мои, и штой-то это будетъ!..

— Бабы! не визжи!..

— Ну, ужъ Ивановская ночька!.. николи-то она, братцы, безъ ключенья необходима...

— Все лѣшечихи шалать!

— Вѣстимо, онѣ!.. а то кто же?!

— Да она и сама-то была русалка, братцы, Грушка-то; —право слово, русалка!—такъ и дразнили.

— Ой ли?.. Ну, значить, къ своимъ пошла.

— Къ своимъ, къ своимъ! Эхъ ты, рыло свиное! туда же!..

— Чаво ругаешься? Вѣстимо, къ своимъ: онѣ-то ее и втянули!

— Лѣшій!..

— Ну, и братцы вы мои поштенные! пойдеть этта тащерица потѣха, какъ становой-то наѣдетъ—раскошеливай только, робята, мошны! Мертвая, значить, тѣло—закоптѣло!

— Ха, ха, ха!.. Кто при чемъ, а Митроха все при своемъ!..

— Эка, становой!.. А тѣло-то гдѣ?

— А у чорта въ зубахъ!

— Ну, такъ ничего и не подѣлаешь! а буде и выплыветъ,—на Шашанькину мельницу и подкинемъ: пушай его, лѣшій, раздѣливается! только, чуръ, робята, не выдавай!..

И т. д. и т. д.—до безконечности.

Все это звучало у меня въ ухахъ какъ-то дико

Я стоялъ, какъ угорѣлый, какъ въ чаду. Передъ глазами, будто черныя тѣни, мелькали и слонялися изъ стороны въ сторону люди, да вырисовывалась безмолвная и глубоко-скорбящая фигура дѣдки Касьяна, который стоялъ тутъ же и неподвижно глядѣлъ въ омутъ...

Мнѣ было невыносимо оставаться тамъ дольше. Голова моя трещала и горѣла, холодный потъ проступалъ на лбу—а грудь, словно свинцомъ придавило—и я опрометью бросился бѣжать оттуда къ дому, гдѣ жилъ въ это лѣто, и ужъ не помню, какъ добрался до своей комнаты, какъ бросился, рыдая, на постель и какъ провелъ остальное время ночи. Знаю только, что черезъ шесть недѣль послѣ этого я еле-еле сталъ оправляться отъ страшнѣйшей нервической горячки.

VII.

Быль уже сентябрь въ исходѣ, когда я впервые послѣ болѣзни пошелъ на пчельникъ дѣдки Касьяна. На всемъ лѣсѣ лежалъ уже грустный колоритъ умирающаго... Только одни воробьи, перепархивая по обнаженнымъ прутьямъ, несносно чирикали. Касьяна я нашелъ какимъ-то вялымъ, опустившимся, обрюзгшимъ и болѣзненнымъ. Видно было, что въ теченіе нашей разлуки его успѣло погнуть и убить какое-то страшное горе.

— Что, дѣдка, живешь? какво спросилъ я.

— Плохо... плохо живу! Не съ чего хорошо-то жить! отвѣтилъ онъ хриплымъ, слабымъ и надорваннымъ голосомъ. Вотъ пчельникъ сдаю... а самъ уйду и ходить сюда болѣе не стану... брошу свое ремесло.

— Кому же сдаешь-то?

— А своему упаловскому барину... господамъ своимъ... Они купить захотѣли...

— Зачѣмъ же ты бросаешь это дѣло?

— Не рука видно мнѣ съ нимъ... одному-то скучно... Болѣзнь... Умирать пора, говорилъ онъ прерывая слова свои тяжелымъ, хриплымъ дыханіемъ, которое съ трудомъ выходило изъ его старческой груди.

— А гдѣ же Малка-то, спросилъ я.

Лицо старика передернуло, подбородокъ и губы его затрепетали и онъ поспѣшилъ отвернуться, чтобы скрыть выкатившуюся изъ потухшихъ глазъ слезу.

— Малки нѣтъ... отвѣтилъ онъ глухимъ и задрожавшимъ отъ внутреннихъ слезъ голосомъ.

— Гдѣ жъ она?

— Богъ вѣсть...

— Какъ такъ?

— А ты не слыхалъ, нешто?.. Э, да и то: гдѣ тебѣ было слышать!... Самъ лежалъ хворый... Вишь ты, какъ было дѣло, началъ Касьянъ, пересидывая свое внутреннее волненіе. Какъ утонула этта Грунька, такъ слухъ о томъ прошелъ и

къ господамъ нашимъ. Приѣхали они сюда изъ любопытствія поглядѣть, значить, на омутъ; барыня-то сама съ книжкой какой-то приѣхала; держитъ книжку въ рукахъ, а сама плачетъ... Чего бы, думаю, она плачетъ? Груньки не знавала и не слыхала, поди, до самой смерти ейной, а плачетъ! И больно мнѣ это жалостно стало, думаю—добрая! Она и опосля-то раза три приѣзжала, сядетъ съ книжкой надъ омутомъ, а сама, глядишь, плачетъ... Подумаешь, съ чего бы это господамъ тужить: спитъ она на пуховикахъ, ѣсть-пьеть во всю свою волю, а плачетъ—такая право слезливая!.. Видно своего-то горя нѣтъ, такъ ради удовольствія, дай, думаетъ, о чужемъ поплачу. Приѣзжаетъ разъ она на пчельникъ и дѣвочка маленькая съ ней, дочка, значить... Я къ тебѣ, говоритъ, старикъ, меду попробовать. Милости просимъ, говорю, матушка-барыня! для чего не попробовать! А у меня на ту пору Малка нездоровая лежала.

— Чья, говоритъ, старикъ; это дѣвочка? Хорошенькая такая?

— Моя, говорю, сударыня, внучка...

— Съ чего жъ она больна-то?

— А Господь ее вѣдаетъ! хвораеть съ той самой ночи, какъ Грунька утонула. По ней все тоскуеть. Поди, чай, съ тоски-то и хвороба напала.

— Ахъ, говоритъ, старичокъ, ей не резонтъ здѣсь лежать; она тутъ не поправится, а я, говоритъ, ее къ себѣ возьму на излеченье; у насъ и то, и сѣ, у насъ дохтура! Ужъ какъ ты тамъ, говоритъ, себѣ хочешь, а я ее возьму! Такъ и взяла. Больно не хотѣлось Малкѣ ѣхать-то, взревѣла дѣвонька, кинулась мнѣ на шею: не хочу, говоритъ, безъ тебя, дѣдко, никуда не хочу! А барыня-то ей: полно душенька, дѣдко къ тебѣ приходитъ станеть! И безпремѣнно заказала мнѣ приходитъ во дворъ каждодневно.

Вотъ, поправилась Малка; я хочу брать ее къ себѣ на паси-лу,—не пуцаютъ. Нѣтъ, говорятъ, старичокъ поштенный, пусть она у насъ останется, наша дочка къ ней такъ привязалась, что мы ее къ тебѣ не отпустимъ; онѣ играть тутъ вмѣстѣ будутъ и книжкѣ учиться вмѣстѣ. Я—въ ноги! Взмолился, чтобъ отпустили, не разлучали бы дѣда съ внучкой. Ахъ,

какой ты глупой старичокъ, говоритъ барыня, нешто мы разлучать тебя хотимъ? Мы хотимъ внучкѣ твоей счастье предоставить; она будетъ грамотная, будетъ съ нашей дочкой воспитываться, въ однихъ платьяхъ ходить, за однимъ столомъ кушать. Да на что жъ, говорю, матушка-барынька, все это? Она мужичка—ей это ни къ чему! Не твоего, говоритъ это разума дѣло, старичокъ! Про то мы уже знаемъ, мы ей и счастье предоставимъ! Ну, думаю, ваша господская воля, творите, что знаете! Одѣли они Малку въ нѣмецкое платье, зачесали ей головку, волосики обрѣзали—просто жалость смотрѣть на нее безъ волосиковъ—то! ну, и съ барышней вмѣстѣ за книжку посадили. А какъ гости которы пріѣдутъ, сказывала мнѣ Малка, такъ барыня сейчасъ позоветъ ее и станетъ рассказывать, гостямъ—то, какъ все дѣло было и какъ она ей счастье предоставить; а гости слушаютъ и хвалятъ. Житье Малкѣ было у нихъ хорошее да только больно ужъ она по пчельнику—то тосковала, и еще пуще стало находить на нее затменіе—то это; только бывало и утѣхи, какъ я приду. Ну, и меня барыня всегда обласкаетъ, чаю сама поднесетъ стаканчикъ, въ людской накормитъ велитъ; а Малку въ людскую, либо на кухню не пуцали—это строго—на—строго заказано было, и со мной она видѣлась только въ комнатахъ. Вотъ только недѣли съ двѣ тому назадъ поѣхалъ я въ городъ медъ продавать: кажинную осень ѣзжю. Припелъ съ Малкой приститься, а она, сердешная, ухватилась мнѣ за шею ручонками—ну, вотъ просто не оторвешь; а сама плачетъ, разливается: возьми ее съ собою, либо не ѣзди! Подошла тутъ, какъ ее звать—то... губирнаторша, что ли, сказывала Малка, не упомяну... приставлена надъ ними смотрѣть была... подошла и что—то строго-престрого сказала ей, я ужъ не слышалъ. Еле-еле оттащили ее отъ меня; а я сѣлъ на свою телѣгу да и въ городъ.

Только что же случилось? Въ первую ночь, какъ уѣхалъ я, она убѣжала изъ дому, да за мной!.. Какъ ужъ удалось ей и не сообразишь! Вотъ и до сихъ поръ нѣтъ. Шашанькинскіе ребята сказывали, что видѣли ее подъ утро; бѣжала да спрашивала сюда ли надо въ городъ идти, да не поѣхалъ ли дѣдко? А больше и не чуть про нее—ни слуху, ни духу...

Ищутъ теперь и бая-то наши да и земской; иначе вотъ двѣ недѣли прошло, а никой-то еще вѣсточки не подали... Вѣрно гдѣ нибудь въ буеракахъ и Богу душеньку отдала, сердешная... ровно, какъ отецъ, покончила... заключилъ старикъ, отирая глаза рукавомъ рубахи.

VIII.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Мнѣ опять пришлось побывать въ тѣхъ мѣстахъ, и опять я отправился на пчельникъ. Та же самая прихотливо-вьющаяся лѣсная дорожка привела меня къ нему. Живая изгородь боярышника разрослась еще гуще, калитки и слѣдовъ не осталось, одна только полуразрушенная келья дѣдки Касьяна напомнила мнѣ о прошломъ. Гдѣ были подѣланы у него куртины и дорожки, тамъ теперь густая трава да кусты, лопухъ да полынь—и никакихъ признаковъ былого!.. Въ одномъ только мѣстѣ нашелъ я расколотую колоду, да за кельей валялся разбитый горшокъ а въ сѣнцахъ—какая-то тряпица—и вотъ все, что осталось отъ дѣдки Касьяна... Съ грустнымъ, неизмѣримо грустнымъ чувствомъ вышелъ я изъ пчельника и пошелъ вдоль по полянкѣ къ тому мѣсту, гдѣ впервые встрѣтился съ Груней, въ то время, какъ собирала она сонъ-траву, а потомъ пробрался и къ тихому омуту. Здѣсь я нашелъ двухъ парней, стерегшихъ конскій табунъ, далеко разсыпавшійся по прибрежью.

— Гдѣ, ребята, Касьянова пасика теперь? обратился я къ нимъ.

— Касьянова?.. дѣдки Касьяна?—А въ господскомъ саду; туда перевели, отвѣтилъ одинъ изъ парней.

— А самъ онъ гдѣ?

— Кто? Касьянъ-то? Да въ тотъ же годъ померъ, какъ Малка ушла... внучка-то его.

— Развѣ ее не отыскали?

— Нѣтъ; гдѣ отыщешь?.. Такъ и пропала.

— А что, братъ, виѣшался другой парешокъ, обращаясь къ первому, вѣдь этому всему лѣшечиха причиной.

— Пожалуй, что такъ, согласился первый.

— Какая лѣшечиха? неволью дрогнуть, спросилъ я.

— А русалка, отвѣтили парни. Вотъ недалечь отсюда утопилась... Это ея сестры, проклятыя, и Малку—то испортили... А что, паря, сказываютъ, что Грунька—то и теперь выплываетъ по ночамъ, прибавилъ одинъ изъ нихъ. Живая выплываетъ да и бѣгаетъ по лѣсу... Она вѣдь колдунья была; тетка Арина, сказывала, что своими глазами видѣла...

— Вреть! замѣтилъ другой.

— Эва-на, вреть!.. самá колдунья,—врать не станеть...

— А можетъ и вправду...

— Вѣстимо! Она всё теперь можетъ, потому—дьяволъ!..

Миѣ стало еще грустиѣе, еще безотраднѣе на душѣ, и я, махнувъ рукою, повернулся и быстрыми шагами пошелъ себѣ изъ лѣсу.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

1862 г.

Дума.

Вдали столѣтній лѣсъ, вершинами качая,
Казалось присылалъ привѣтный мнѣ поклонъ,
И тихій листьевъ шумъ, мой чуткій слухъ лаская,
Передавалъ мнѣ былъ не нынѣшнихъ времянь.
Ты, старецъ, многого свидѣтель былъ конечно,
И вы, зеленые, нарядные холмы —
Вы счастливы, друзья: стойте вы безопасно,
Душа въ васъ не кипитъ, не бодрствуютъ умы!
Нѣмые зрители! вамъ многое придется
На этихъ же мѣстахъ и въ будущемъ узрѣть:
Придетъ счастливый день, народъ нашъ встрепенется,
И будетъ жизнь вездѣ и вольный трудъ кипѣть.

С. ГЕНДРИКОВЪ.

Юнь 1860 года.

ВЯНЯ.

«И родныхъ мертвецовъ вызывагъ я.»

Отаревъ.

Вышедъ въ отставку секундъ-маіоромъ, Максимъ Семеновичъ Т. поселился въ своемъ Ильинскомъ близъ Э и прожилъ въ немъ безвыѣдно цѣлыхъ тридцать лѣтъ до самой смерти своей. Онъ умеръ въ 18. году, оплаканный непритворными слезами своихъ крестьянъ и дворовыхъ. Да и было имъ что оплакивать: со смертью Максима Семеновича они переходили къ его племяннику, барину молодому и горячему, о которомъ ходили недобрые слухи. А при старомъ-то баринѣ житье-то, житье какое было! Такъ говорятъ до сихъ норъ старики, которымъ приходилось, когда они были еще ребятишками, дѣлать трапезу добраго барина. Максимъ Семеновичъ никогда не былъ женатъ и въ Р (гдѣ жилъ его женатый братъ—лицо вліятельное—и куда онъ ѣздилъ ганцивать) слылъ за чудака. Но этотъ чудакъ умѣлъ оставить по себѣ такую добрую славу, что и до сихъ поръ память его въ Ильинскомъ жива и рассказы о немъ стариковъ дышать неподдѣльной теплотой.

Максимъ Семеновичъ вставалъ съ зарей, прочитывалъ утреннія молитвы, потомъ шелъ гулять, если погода была хорошая; а тамъ осматривалъ все-ли въ домѣ на своемъ мѣ-

стѣ; если нѣтъ, то приводилъ въ порядокъ и крылышкомъ счищалъ съ иконъ пыль. За обѣдомъ, подававшимся въ 11 часовъ, онъ окружалъ себя дворовыми и крестьянскими дѣтьми, изъ которыхъ каждый долженъ былъ приносить съ собой собственную ложку. Нѣкоторыхъ изъ мальчиковъ онъ обучалъ грамотѣ. Въ Ильинскомъ не было слуху о телѣсныхъ наказаніяхъ; Максимъ Семеновичъ не могъ равнодушно слышать о нихъ и во всю жизнь никому не сказалъ браннаго слова. Если, бывало, услышитъ, что мужикъ прибить жену свою, то пойдетъ усовѣщивать его и поставить на поклонъ—единственный способъ наказанія въ Ильинскомъ. Поклоны приходилось класть и мальчикамъ за обиду товарища, за кражу или ложь. Крестьяне Ильинскаго были очень зажиточны; Максимъ Семеновичъ не бралъ съ нихъ поборовъ, талекъ, барановъ и проч., не посылалъ ихъ съ обозами, что такъ тягостно для крестьянъ, а продавалъ хлѣбъ свой на мѣстѣ, на свозѣ. Не могло такое обращеніе не имѣть вліянія на обитателей Ильинскаго, и дѣйствительно деревня эта отличалась хорошею нравственностью. Многіе изъ уроженцевъ Ильинскаго, перешедшіе по наслѣдству племяннику и племянницѣ Максима Семеновича, мнѣ очень и очень знакомы, и всѣ они отличались честностью и благородствомъ чувствъ. Личность, которой посвященъ этотъ очеркъ, родилась въ Ильинскомъ. Каждый годъ зимою въ одно и то же время выѣзжалъ Максимъ Семеновичъ изъ своей деревни къ брату въ Р и прогацивалъ у него до второй недѣли великаго поста. Лѣтомъ принималъ у себя многочисленное семейство брата, всегда воздвигалъ по этому случаю на дворѣ качели и на радостяхъ угощалъ своихъ же крестьянъ.

У Максима Семеновича была и подруга, но или она была добрая женщина, или онъ умѣлъ ее такъ поставить,—только никому изъ людей отъ нея обиды не было. Отъ этой подруги Максимъ Семеновичъ имѣлъ двухъ дочерей, которыхъ обучилъ грамотѣ и выдалъ замужъ въ Р. за сборныхъ иподіаконовъ. Наградивъ родныхъ дочерей своими каждая пятью стами рублей ассигнаціями, Максимъ Семеновичъ оставилъ каждой племянницѣ своей въ приданое пять тысячъ рублей. По пяти рублей давалъ Максимъ Семено-

вѣчь каждой родильницѣ на зубокъ, случалось-ли ему быть на крестинахъ у бѣдной крестьянки или богатой помѣщицы. Но пятакъ дарилъ онъ въ именины каждому мальчику, причѣмъ именинникъ получалъ въ добавокъ булку и медовый пряникъ.

Доходу съ имѣнія Максимъ Семеновичъ получалъ немного, всего тысячъ пять ассигнаціями; но на его потребности этого было слишкомъ довольно. А послѣ смерти его наследникъ на гумнѣ въ Ильинскомъ нашелъ большой запасъ стараго хлѣба.

Максимъ Семеновичъ былъ очень упрямъ: ужъ что скажетъ, бывало—во вѣкъ отъ своего слова не отступится. Разъ гостилъ онъ въ Р. у брата и случилось ему какъ-то зайти въ гостиную съ трубочкой. Невѣстка же его какъ нарочно ждала въ это время одну петербургскую гостью. Братецъ, оказала невѣстка деверю, нельзя ли вамъ пойти покурить въ кабинетъ или вотъ рядышкомъ въ мою комнату, а то неловко, сейчасъ Катерина Ивановна будетъ. Безпренословно удалился Максимъ Семеновичъ изъ гостиной, но въ продолженіи 15 лѣтъ, до самой смерти своей, онъ не забылъ этого, и всегда на приглашеніе невѣстки—покурить въ гостиной,—давалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: нельзя, мачка, Катерина Ивановна будетъ! Хотя этой Катерины Ивановны и слѣдъ давнымъ давно простылъ. Съ этой невѣсткой своей Максимъ Семеновичъ былъ однако друженъ, брата же своего не очень долбилъ и называлъ его еретикомъ за то, что этотъ послѣдній не держалъ постовъ и придерживался масонства.

Братъ Максима Семеновича былъ человекъ по тогдашнему времени образованный; онъ былъ и знатенъ, и религіозенъ на иностранный манеръ. Самая наружность его была величавая: полный, съ орлинымъ носомъ, съ строгимъ взглядомъ—онъ строгъ былъ съ дѣтьми и женой, жестокъ и расчетливъ въ хозяйствѣ. А Максимъ Семеновичъ былъ такой высокій,—высокій и худой мужчина, нѣсколько сгорбленный, съ проткни, ласковыми глазами, съ вѣчной улыбкой на устахъ.

Максимъ Семеновичъ терпѣть не могъ лечиться, когда

*

бывалъ боленъ, а боленъ почти никогда не бывалъ. Разъ только заболѣлъ онъ сильно; къ нему пригласили доктора-нѣмца, который сказалъ, что больной не выздоровѣетъ и даже назначилъ приблизительно часъ смерти. Но Максимъ Семеновичъ выздоровѣлъ, и когда ему рассказали приговоръ доктора, то онъ съ усмѣшкой отвѣчалъ: гдѣ Нѣмцу узнать когда Русскій умретъ! Надо правду сказать, не любилъ онъ ничего иностраннаго.

Наконецъ заболѣлъ Максимъ Семеновичъ въ другой разъ; никому изъ родныхъ не далъ знать, приобщился, масломъ соборовался и умеръ себѣ въ тихомолку, какъ жилъ.

Горько оплакалъ смерть своего барина, ровесника и друга кучеръ Максима Семеновича, Афанасій. Максимъ Семеновичъ каждый вечеръ ему Чети-Минеею читалъ—а то и такъ позоветъ его посадить съ собой рядышкомъ, чарочку ему поднесетъ, трубку собственноручно наложитъ, а тамъ ему же велитъ сани заложить и поѣдетъ съ нимъ, покатается.

Афанасій, какъ главное лицо во дворнѣ, далъ знать о смерти дяди племянникамъ, занялся похоронами и справилъ по Максимѣ Семеновичѣ сорокоустный поминъ. Афанасій былъ старикъ весьма набожный. «Бывало, придетъ батюшка отъ Максима Семеновича, рассказываетъ дочь этого Афанасія, и почнетъ намъ житія святыя рассказывать, а подъ праздникъ поставитъ всѣхъ насъ мала-мала меньше рядышкомъ передъ иконами, а самъ молитвы начнетъ громко читать. Да какъ же у насъ хорошо бывало подъ годовой праздникъ: лампы позажигаютъ, горница такая просторная да чистая, матушка пироговъ понанечетъ,—а пироги у насъ славились: бѣлые да пышные»!

Сыновья Афанасія не отлучались отъ Максима Семеновича; онъ ими занимался какъ родными дѣтьми. Но только старшему изъ нихъ, своему крестнику, далъ Максимъ Семеновичъ свободу. Вѣроятно старикъ считалъ себя не въ правѣ лишить своихъ племянниковъ цѣлой семьи крѣпостныхъ людей, почти капитала, а то конечно не оставилъ бы дѣтей Афанасія въ наслѣдство. Кромѣ трехъ сыновей у Афанасія было нѣсколько дочерей, и жена его Акулина была такая тихая, добрая женщина. Въ домѣ у Афанасія былъ миръ и

своействѣ, въ ховйствѣ обиліе и порядокъ; одного рога-
таго скота было штукъ шесть, кромѣ многихъ овецъ, сви-
ней и большаго количества домашней птицы. При такомъ
довольствѣ Афанасію ничего не стоило пріютить одну пяти-
лѣтнюю сиротку, которая почти никому не приходилась род-
ней,—и Аѣимья выросла вмѣстѣ съ младшими дѣтьми Афа-
насіа.

Не долго держались въ Ильинскомъ старые порядки. Пріѣхаль молодой баринъ и все повернулъ по своему. Бало-
ванные, балованные всѣ вы! кричалъ онъ съ утра до ночи, — —
Содрогнулся Афанасій; опрометью сталъ выдавать своихъ до-
черей за мужъ. Но кара прошла мимо его: только коровъ
ему не велѣли держать, да овецъ не болѣе двухъ паръ, да
на Акулину наложили тальки, да Петьку взяли къ себѣ въ
услуженіе, да Алешку и младшую дочь, еще дѣвочку Пела-
гею, подарили сестрицѣ своей, вышедшей въ чужіе люди за-
мужъ. Недолго пожилъ Афанасій: лихо подкосило его. Аку-
лина, схоронивъ мужа, тоже стала прихварывать. При ней,
матери многочисленнаго семейства, оставалась только сиротка
Аѣимья, выросшая съ ея дочерьми, вскормленная ея хлѣ-
бомъ—солью. Но недолго прожила Аѣимья у своей названной
матери: за нее присватался свой человѣкъ, Дмитрій маляръ.
Дмитрій былъ родомъ изъ Васильевки, которая принадле-
жала брату Максима Семеновича и досталась тому же, кто
сталъ помѣщикомъ Ильинскаго. Васильевка была невдалекѣ
отъ Ильинскаго, но характеръ ея обитателей былъ совер-
шенно иной. Вѣдь не даромъ же Ильинское тридцать лѣтъ
принадлежало Максиму Семеновичу, а баринѣмъ Васильевки
былъ строгій и крайне расчетливый братъ его.

Дмитрій и братъ его Петръ бочаръ были забубенные
ребята. Ихъ обоихъ съ раннихъ лѣтъ отдали въ ученье въ
Р, какъ людей со временемъ имѣющихъ принести по-
мѣщику прибыль болѣшимъ противу другихъ оброкомъ. Но
оба брата не оправдали такихъ надеждъ. Мы узнаемъ даль-
нѣйшую судьбу ихъ, но теперь обратимся къ женитбѣ
Дмитрія. Дмитрій проводилъ лѣто въ деревнѣ и отъ скуки
приглядывалъ дѣвушекъ; пошолъ онъ въ Ильинское, а въ

Ильинскомъ вообще народъ красивъ; много видѣлъ тамъ дѣвушекъ—всѣ бѣлолицы хоть куда, но какъ увидалъ Дмитрій Афимью—сиротку не выдержалъ, сказалъ Петрухѣ про свою зазнобушку. Но Афимья была не во вкусѣ Петра: кого выбралъ, отвѣчалъ онъ Дмитрію,—сухая, поджарая! Хуже фефелы моей! Петръ уже давно былъ женатъ и имѣлъ дѣтей; всѣхъ ихъ частенько бивалъ и жену никогда не звалъ по имени. Дмитрій ничего не отвѣчалъ брату, онъ только тряхнулъ кудрями, да пошелъ къ барину позволенья просить жениться. Баринъ позволилъ и Дмитрій обвинчался съ Афимьей. Афимья давно примѣтила Дмитрія, но ей и въ голову не приходило, что онъ ее, безродную, за себя возьметъ. Грѣшница я, не много подъ вѣнцомъ намолилась, рассказывала Афимья впоследствии лѣтъ черезъ пятнадцать, а кудри его черные такъ и рассыпались... Да, славная была эта парочка? Онъ широкоплечій молодець, кудри черные какъ смоль, глаза блестятъ какъ уголь, а сквозь черный пухъ щекъ пробивается молодой румянецъ; она—стройная, черты лица классическія, свѣтло голубые глаза, бѣлизна молочная, любящее выраженіе лица и золотистая коса. До самой смерти своей, не смотря на горе, которое ее прежде времени состарило, Афимья была хороша,—вотъ какъ сейчасъ ее вижу. Дмитрія я видѣлъ, какъ ему было лѣтъ пятьдесятъ; тогда лицо его обрюзгло отъ пьянства; онъ былъ на видъ некрасивъ и довольно толстъ, но въ глазахъ былъ еще прежній блескъ и видись еще мѣстами черные кудри, наполовину посеребреныя сѣдиной.

Въ сосѣдствѣ Васильевки отдѣливалась цѣрковь; маляръ расписывалъ ее, и для Афимьи нанялъ комнатку у понамаря. И холилъ же онъ свою Фимочку, и наряды ей то-и-дѣло покупалъ, и ни до какой черной работы не допускалъ! Сколотивъ денежку, Дмитрій сталъ дворъ постоялый изъ-подъ съ однимъ товарищемъ содержать. Поселились они на большой дорогѣ; Афимья родила мальчика. Дмитрій трудился безъ усталы, и иногда отлучался, если работа на сторонѣ была; возвращался домой съ деньгами, и всѣ ихъ высыпалъ въ подолъ женѣ своей, и цѣловалъ, цѣловалъ ее...

Разъ какъ-то отлучился Дмитрій. Афимья нянчила сво-

его ребенка, да поджидала милаго, скорѣй бы вернулся. Былъ день лѣтній и притомъ праздничный; проѣзжихъ никого не было, и товарищу Дмитрія, что дворъ съ нимъ изъ-двора еодержалъ, дѣлать было нечего. Онъ и во Царевъ уже не разъ сходилъ и у кумы въ гостяхъ побывалъ, и пѣсни-то пробовалъ играть, нѣтъ, ничто не по сердцу,—скучно! А Афимья куда какъ хороша! Она не даромъ въ последнее время пополиѣна и осьмнадцать ей уже сравнялось, а въ этотъ день она еще какъ нарочно разрядилась, надѣла рубашку съ красной вышивкой, новый сарафанъ съ проволокотю, платокъ навязала на голову голубой съ пестрыми цвѣтами. Вотъ и вздумалъ товарищъ съ Афимьей заигрывать, но она сразу его такъ отдѣлала что цѣлый часъ въ щенѣ жаръ стоялъ. Ну, стой же, голубка, удружу я тебѣ! подумалъ оскорбленный—и злой пришелъ ему помыселъ. Вечерѣло; прохлада была такая славная и Афимья вышла на улицу въ колодезѣ воды почерпнуть, а колодезь былъ какъ разъ противъ самыхъ воротъ постоялаго дворя. Вотъ и коровъ пригнали, усѣлась за ними пыль, и Афимья, поставивъ ведро на земь, стала прислушиваться; вдали раздавалась пѣсня; но вотъ она замолкла и послышался по дорогѣ скрипъ колесъ. Кто-то ѣдетъ, подумала Афимья, ужъ не Дмитрій ли? и сердце въ ней сильно запрыгало, и ей стало чего-то страшно. Но никто не ѣхалъ, все было тихо, только еле-еле шуршали листья на раakitѣ, да гдѣ-то вдали лаяла собака. Афимья было собралась идти во дворъ, и не успѣла еще взяться за ведро, какъ вдругъ кто-то крѣпко схватилъ ее за кисть руки, и не успѣла она вскрикнуть, какъ товарищъ мужа ея съ злобнымъ смѣхомъ отбѣжалъ отъ нея прочь... но онъ сдѣлалъ, что ему было нужно,—онъ сорвалъ съ ея руки перстенокъ.

— Господи, Иисусе Христе! Взбѣсился ты, что-ли? Подай перстенокъ, говорю, подай! говорила Афимья, но товарищъ мужа ея уже былъ далеко. Потомъ вечеромъ пришелъ онъ ужинать и сталъ добродушно съ Афимьей разговаривать о кумѣ своей, о томъ, да о семь. Афимья подумала, что малый дурь-то изъ головы выбросилъ, стала сама съ нимъ мирно разговаривать, а о перстенькѣ съ ребенкомъ, да съ

хлопотами и забыла. Потомъ какъ-то хотѣла, она о перстенькѣ спросить, но парень какъ нарочно на глаза ей не попался. Приѣхалъ Дмитрій и былъ встрѣченъ новостью, что хозяйка его тово, къ другимъ набивается, и перстенькъ Дмитрію его другъ-пріятель показалъ въ подтвержденіе своихъ словъ. Обомлѣлъ Дмитрій. Грозно и сурово взглянулъ на жену, когда та, завидя на дворѣ мужнину лошадь побѣжала встрѣчать его. Дивилась Афимья, что мужъ такой сумрачный, словно съ бѣдой повстрѣчался; стала спрашивать его, не приключилось ли ему чего: ужь баринъ къ себѣ не требуетъ-ли? Но мужъ осадилъ ее крѣпкимъ словомъ. Содрогнулась Афимья. Горе, какъ черная птица, наслѣло на нее и она горько рыдала и рыданьемъ баюкала своего сына, а Дмитрій ушелъ спать на сѣновалъ.

Афимья вскорѣ догадалась, что было причиной перемѣны къ ней мужа, она и товарища его равнодушно видѣть не могла, но тѣмъ не менѣе не хотѣла рассказать мужу правду. Зачѣмъ онъ повѣрилъ на слово? Зачѣмъ не спросилъ меня? А я ли его не любила? такъ объясняла свое молчаніе впоследствии Афимья своей подругѣ и названой сестрѣ Палагеѣ, дочери кучера Афанасія.

Афимьино счастье отлетѣло отъ нея навсегда. Мужъ сталъ бить ее, сталъ пить и дома, и на сторонѣ, и рѣдко былъ въ дому у нихъ лишній грошъ.

II.

Одна изъ племянницъ Максима Семеновича овдовѣла. Замужемъ она была за мѣстнымъ же помѣщикомъ и по смерти мужа проживала съ двумя дѣтьми въ роскошной деревнѣ своего девера — верстахъ въ тридцати отъ Р. Братъ ея, помѣщикъ знакомаго читателю Ильинскаго, приѣхалъ навѣстить овдовѣвшую сестру. Онъ приѣхалъ не одинъ, а съ однимъ знакомымъ своимъ, молодымъ гвардейцемъ, который вышелъ въ отставку и проѣзжалъ съ юга въ свое родовое имѣніе, въ К. губернію. Молодой чело-

ѣкъ этотъ полюбилъ вдову со всею страстью человѣка
никакого и идеалиста. Вдова, сердце которой было дѣйстви-
тельно (ее выдали за мужъ, не спрося ея согласія, за человѣка
важныхъ лѣтъ), въ свою очередь вся отдалась любви къ гвар-
дейцу. Они женились и на время поселились въ Р. гдѣ
молодая имѣла дѣла, чтобы ѣхать вскорѣ въ К. губернію
въ родовое имѣніе молодого.

Господинъ Т., владѣтель Ильинскаго подарилъ сестрѣ
своей, по случаю ея втораго замужества, нѣсколько семей
крестьянъ и нѣсколько человѣкъ дворовыхъ. Въ число по-
слѣднихъ попалъ Дмитрій съ женой и семейство брата Дми-
тріева Петра. Самъ Петръ былъ въ то время въ бѣгахъ.
Этотъ удалецъ сперва не платилъ оброка,—съ нимъ за это
не пошутили; онъ на время исправился, вкрался въ довѣ-
ренность помѣщика и его послали въ Р. обозъ прода-
вать. Онъ обозъ-то продалъ, да съ деньгами и далъ тягу.
Его розыскивали, печатали о немъ въ газетахъ, но все на-
прасно,—онъ какъ будто канулъ на дно моря. Но лѣтъ че-
резъ десять, или болѣе, бѣглець явился въ ту деревню,
гдѣ жили его дѣти; подарилъ имъ гостинцевъ, сына взялъ
съ собою и снова скрылся. Господь не было дома во время
его появленія, люди его незадержали, а власти о немъ ни-
какого понятія не имѣли, потому что онъ былъ изъ другой
губерніи а деревня, гдѣ жили его дѣти, была К. губерніи.
Онъ однако успѣлъ разсказать, что былъ въ плѣну гдѣ-то,
не то у Турковъ, не то у Черкесовъ, словомъ, гдѣ-то тамъ,
гдѣ горы большія, гдѣ пятки плѣнникамъ вырѣзаютъ и на-
чинаютъ конскимъ волосомъ. Рассказывалъ онъ также, что
стерегъ тамъ табунъ года съ два. Лошади такія дикія, близко
къ себѣ не подпускаютъ. Только удалось ему какъ-то при-
учить къ себѣ одну кобылу, сталъ онъ на ней ѣздить тай-
комъ, а тамъ пустился вскачъ да и переплылъ на ней рѣку.
За нимъ погнались, но не поймали. Кобылу эту онъ про-
далъ въ Россіи за большую цѣну. Когда онъ пріѣзжалъ за
сыномъ, онъ былъ въ большомъ достаткѣ и жилъ гдѣ-то
тамъ, за Волгой. Дочь Петра до сихъ поръ живетъ въ
Москвѣ; она объ отцѣ и братѣ никакого свѣденія не имѣетъ
и не знаетъ, гдѣ ихъ искать.

Зачѣмъ было Дмитрію не бѣжать вмѣстѣ съ братомъ, и онъ былъ тоже удалъ? Но его въ то время удерживала жена и онъ думалъ, что вѣкъ проживетъ съ ней.

Афимья съ ребенкомъ, Дмитрій и прочіе переселенцы были посажены подъ Рязанью на барку и вмѣстѣ съ пожитками своей новой госпожи отправлены по Окѣ на Волгу, въ К губернію.

Грустны были переселенцы. Мужики тянули барку, пѣняли на влую судьбинушку, бабы плакались на ребятъ своихъ, не привыкшихъ къ водяному пути, плакали о родныхъ могилахъ, о родной землѣ своей.

Не радовала ихъ Ока, съ одной стороны которой по крутому берегу тянутся села съ каменными домами, съ церквями, съ рощами, то сбѣгающими съ пригорковъ вплоть до самой воды, то какъ маковки стоящими на вершинѣ холмовъ, холмовъ раскидистыхъ, на уступахъ которыхъ расположилось село, разметались дуга, авось тамъ около устья рѣчки, что изъ-за кустовъ пробивается въ Оку матушку, рассыпалось стадо; коровъ, коровъ-то однихъ не пересчитаешь! Грустно смотритъ Афимья на лѣвый берегъ: по немъ стелятся безконечные дуга въ даль, и конца нѣтъ этой дали, а кажется, полетѣла бы туда птицей быстрою, думаетъ Афимья, и горячая слеза скатывается на сонное дитя.

Почти два мѣсяца плыла барка до того города, гдѣ она выгрузилась. Дорогой многіе схватили лихорадку, а Афимья скоренила въ Нижнемъ своего ребенка.

Когда переселенцы прибыли въ Красное, баринъ съ барыней уже давно тамъ были. Барыня приводила домъ и всю обстановку его въ порядокъ. Баринъ—идеалистъ наслаждался своимъ счастьемъ, съ увлеченіемъ занялся воспитаніемъ пасынка и въ свободное время писалъ стихи. Всѣхъ переселенцевъ распредѣлили по должностямъ; Дмитрію барыня сказала, чтобъ онъ шелъ на оброкъ, потому что онъ поназался ей на видъ грубымъ. Барыня лучше всего не любила *грубыхъ*, какъ она называла всѣхъ, кто былъ боекъ на видъ и смѣло, и рѣчисто говорилъ съ господами. Афимью оставили въ Красномъ, такъ какъ она понравилась баринѣ своимъ

кроткимъ, любящимъ взглядомъ. Дмитрій, лишь только получилъ паспортъ, отправился изъ Краснаго, почти не простившись съ женой. Понравилась Дмитрію сторона та; взошедъ онъ прошелъ въ Суздаль, гдѣ приглядѣлся къ иконописи, призаялся нѣсколько и превзошелъ своимъ искусствомъ учителей своихъ. Потомъ онъ переселился въ богатую Шую, гдѣ его завалили работой. Хорошо жилось Дмитрію въ Шуѣ; народъ тамъ веселый, развеселый! Житье богатое да и привольное! И Дмитрій прогуливалъ съ товарищами да съ бѣлыми лебедками свои денешки, а объ Аѳимьѣ и думать забылъ; ни писемъ, ни гостинцевъ ей не слалъ.

Но грустно жилось Аѳимьѣ; народъ все чужой, не съ кѣмъ слово сказать. Только и было Аѳимьѣ отрады, что поговорить съ своей землячкой и названной сестрой Пелагеей Афанасьевой; но и это ей случалось весьма рѣдко, потому что Аѳимья жила во дворнѣ, а Пелагея жила за самой барыней, а барыня берегла нравственность своей любимой дѣвочки и ни на шагъ ее изъ дому не пускала. Аѳимьѣ же ходить по часту въ господскій домъ было неудобно.

Разъ пріѣхали къ намъ разношники шуйскіе съ красными товарами—такъ рассказываетъ Пелагея Афанасьева—барыня намъ всѣмъ обновъ накупила, потомъ вздумали дворню дарить, позвали Аѳимью. Платокъ ей подарили шалевой, на сарафанъ дали, серьги длинныя раззолоченныя при себѣ вѣдѣли въ уши продѣть. Пришла она это къ намъ въ дѣвичью—насъ въ то время было не мало, всѣ были молоденькія да и коротенькія, была Анисья — брови черныя; носикъ востренькой, была Аграфена, словно пышечка маленькая, да пухленькая, а Параша, тогда въ ключахъ была, лучше всѣхъ ходила, локоны подъ гребеночками носила, ну, да и я тоже не хуже другихъ была — коса длинная до самаго до полу; обступили мы Аѳимью, обновы ея разглядываемъ, а она вся побѣлѣла, стоитъ, словно къ вѣнцу собралась. Барыня кого-то позвала и всѣ посыпали въ залу, гдѣ по столамъ товары раскладывали. Осталась я въ дѣвичьей одна съ Аѳимьей. Ну что, родная, говорю, что глядишь не весело, не слыхала ли чего о мужѣ? А она мнѣ въ отвѣтъ: въ Шуѣ онъ, голубчикъ мой, а сама вся инда танъ и тра-

сется; а я на это и скажи ей, что разнощники-то съ товарами — шуйскіе, при мнѣ ихъ баринъ про Шую-то спрашивалъ. Ужъ такъ я послѣ жалѣла, что сказала ей, что разнощники-то шуйскіе... Да вѣдь что? Аѣмья возьми, да и уйди съ ними въ Шую—и вѣдь никому слова не сказала—ушла, только гостинцы барскіе отдала Паранѣ свратать,—мнѣ, молъ, положить некуда, а той-то и не въ домокъ, что она въ путь-дороженьку собралась.

Купцы, съ которыми Аѣмья ушла изъ Краснаго, были люди добрые; черезъ нихъ она тотчасъ же нашла себѣ мѣсто у купцовъ же; мужъ да жена, люди набожные и зажиточные: онъ уже давно торговлей занимался и отъ старости оглохъ и ослѣпъ, она—бодрая, шестидесяти-лѣтняя старушка, высокая, на видъ угрюмая, ходила въ черномъ, какъ вдова. Дѣтей у нихъ не было. Они были весьма усердны къ православной церкви, что не мѣшало имъ впрочемъ держаться стараго закона. Такъ, образа у нихъ были раскольничьяго ношиба, молились они дву-перстнымъ сложеніемъ. У нихъ не было недостатка въ старо-печатныхъ книгахъ и сама грамотная купчиха ихъ прилежно перечитывала. По праздникамъ они устраивали трапезу для странныхъ и немущихъ и два раза въ годъ одѣляли нищихъ деньгами. Домъ ихъ былъ окрашенъ темною краской; въ высокія, всегда припертыя ворота былъ вдѣланъ мѣдный, осьмиконечный крестъ.

Кроткій видъ Аѣмьи очень понравился Таисѣ Николаевнѣ—такъ звали купчиху—Аѣмья тоже понравилась хозяйка, не смотря на то, что съ виду хозяйка не казалась доброю женщиной. Аѣмья замѣнила Таисѣ Николаевнѣ недавно умершую служанку; кромѣ того у купчихи была кухарка и дворникъ-кучеръ.

Первые дни Аѣмья никакъ не могла сыскать Дмитрія, такъ какъ никого въ Шую не знала, а къ купчихѣ почти никто не ходилъ.

Погоди молодка—сказала хозяйка Аѣмья—вотъ черезъ два дня придетъ праздникъ Пресвятыя Владычицы нашей—Успѣніе честное; много къ намъ народу Божьяго придетъ, если на то Его воля святая—авось кто и твоего муженька

знать. Если жъ онъ тебя къ себѣ возьметъ, не долго ты у меня поживешь, не долго! Жалко мнѣ тебя будетъ! На такія купчихины слова сжалось сердце у Аѣимьи. Еще захочетъ ли Дмитрій взглянуть на нее?

Наканунѣ Успѣнья много напекла кухарка ситникошъ и пироговъ, и Тамся Николаевна поѣхала къ обѣднѣ, предварительно прочитавъ дома тропарь предпразднеству. Когда проблаговѣстили къ достойной, Аѣимья начала отавить самоваръ на высокомъ крыльчкѣ купческаго дома.

Утро было теплое и тихое; по двору ходили птицы и красно-золотой пѣтухъ горланилъ, что ни есть мочи. Только и было живаго на дворѣ, что эти птицы, да голуби, гнѣздившіеся на сараѣ. Несмотря на то, что на дворѣ было много строеній—конюшня, сарай, погреба и даже баня—не видно было на немъ ни одного живаго лица. Все было что-то кругомъ, но все безмолвствовало какъ нежилое. Замѣчательно, что на дворѣ не было ни кусточка, ни деревца, хотя на-его большемъ пространствѣ можно было устроить порядочный садикъ. Мало того, хозяева, какъ бы боясь зеленой травки, тщательно усыпали дворъ желтымъ пескомъ. Аѣимья сидѣла на верхней ступенькѣ крыльца и смотрѣла внизъ изъ надотавленной черной трубы самовара растянутымъ валомъ валмъ густой дымъ; но не свѣтлѣе дыма было у Аѣимьи въ мысляхъ; усиленно стучало въ ней сердце, и какъ пуды давила молодую грудь кручина-тоска. Вдругъ загремѣла цѣпь калитки, и во дворъ вошла старушка въ длинной пестрой кацавейкѣ, худенькая, маленькая, зеленые глазки такъ и бѣгаютъ... Старушка поздоровалась съ Аѣимьей и стала спрашивать ее—откуда родомъ, давно ли земужемъ, какъ къ Тамсѣ Николаевнѣ попала? Аѣимья разсказала ей, что ищетъ мужа. Вотъ, дай праздничку пройти, отвѣчала ей старушка, съищемъ тебѣ законъ твоей, какъ не съюкатъ! Въ родной Шуѣ родилась, выросла, да вотъ садьмой десяткомъ доживаю; купцамъ, мастеровымъ, всему люду христианскому извѣстна. Я хотя и не странница, а все на ряду съ сиранными стою, потому сиротство мое, богомольство и все такое прочее—я, солнце ты мое красное, не мало по грѣхамъ моимъ благодати Божіей извѣдала, въ Кіевѣ, въ Почае-

вѣ, эво гдѣ была! А по нашимъ-то мѣстамъ войдѣ святенькѣ угодниковъ знаю, у всѣхъ ихъ батюшниковъ перебивала. Но калитка вновь загремѣла, въ нее вошелъ кучеръ, отворилъ ворота и Таисья Николаевна вѣзкала на своей кучеческой колесницѣ.

Старушка съ подобострастіемъ кланялась купчихѣ. Съ предверіемъ праздника, матушка, говорила она, отаскивая купчиху съ ея высокаго сѣдалища.

— Спасибо, спасибо, Стигѣевна! Богъ милости прислалъ! Чайку просимъ откупать, отвѣчала кучиха и вошла съ Стигѣвной въ горницу, а Аѣимья понесла вслѣдъ за ними тяжелый самоваръ.

Обомаѣлъ Дмитрій, когда черезъ два дня послѣ уснопскаго праздника, вошла въ маотерокую Стигѣвна съ его законной женой. Едва увидала Аѣимья его грозный, не привѣтный взглядъ, какъ грянулась объ полъ. Тронулся Дмитрій, сталъ подымать свою горюшу.

Дмитрію жаль было разстаться съ артемью, больше артель ему по сердцу была; онъ отпустилъ Аѣимью къ ея хозяевамъ и общался къ ней часто ходить; къ себѣ же ей ходить не велѣлъ, видно причина была.

Но Аѣимья и этого было довольно. Таисья Николаевна дозволила безпрепятственно Дмитрію ходить къ женѣ и днесь, когда захочетъ, и на ночь.

— Бракъ бо есть честенъ и ложе неокверно, прибавила при этомъ, въ божественномъ писаніи навыкишая кучиха.

Таисья Николаевна стала брать Аѣимью съ собой къ обѣднѣ и утрнѣ, стала читать ей житія святыхъ. Часто цѣлые вечера проводила Аѣимья съ хозяйками, кучиха показывала своей похитливой служанкѣ лубочныя изображенія вѣчныхъ мучъ и страшныхъ князей тмы.

Въ высокой комнатѣ, тускло освѣщенной одной свѣчкой, рядъ старинныхъ иконъ, оваренныхъ лампадами, наводилъ какой-то невольный страхъ, а недвижный, съ оѣдой бородою, съ потушими очами старикъ-хозяинъ съ четками въ рукахъ, казалось, затѣмъ только и сидитъ въ углу, чтобы подтверждать своимъ безмолвіемъ слова супруги, важно толкующей страшныя тайны грядущаго молодой женщицѣ,

лице которой орошается жгучими слезами при описаніи страданій мученицъ, а тѣло судорожно трепещеть при страшныхъ картинахъ мтарствъ.

Впечатлѣніе, произведенное на Азимью всёиъ этимъ, было чрезвычайно сильно, но всего сильнѣе подѣйствовали на нее бѣсы—князья тьмы. Она всю жизнь была подѣ этимъ тяжкимъ впечатлѣніемъ. Неграмотная Азимья учила наизусть со словъ хозяйки молитвы и между прочимъ выучила «заступницу усердную», которую любила пѣть въ минуты грусти и при словахъ: «иже въ напастѣхъ, скорбѣхъ и болѣзніхъ», всегда лилась — плакала. Но оживала духомъ Азимья, когда приходилъ Дмитрій, а Дмитрій сталъ ходить чаще, и чаще, и, казалось, снова любилъ ее. Въ это время написалъ онъ ей икону Владимірской Божьей Матери на кипарисѣ. Боже, какъ же рада была она этому подарку—туду рукъ мужниныхъ, соответствовавшему притомъ и ея небожности, такъ скоро привившейся къ ней отъ вліянія купчихи!

Азимьино счастье было вернулось къ ней: къ концу года она родила мальчика, бѣленькаго, пухленькаго—а лицомъ какъ есть въ отца, только бѣлизна материна. Но счастье ей видно не было написано на роду!

III.

Послѣ того, какъ Азимья ушла въ Шую, барыня нѣсколько поосердилась. Баринъ удивлялся, что она не пришла попросить позволенія уйти; они вѣроятно бы отпустили ее, но баринъ не захотѣлъ ворочать Азимью. Потому о ней забыли и пѣхали себѣ въ Москву. Ровно черезъ полтора года послѣ бѣгства Азимьи въ Шую, господа ея, вернувшіеся изъ Москвы, снова жили въ своемъ Красномъ. Въ это время барыня уже схоронила дочку отъ втораго брака и въ скоромъ времени ждала себѣ еще ребенка. Няня, что выжидала старшихъ дѣтей, отошла отъ нихъ—она была воле-

ная—и нужно было подумать о нянѣ. Баринѣ непременно хотѣлось, чтобы няня была изъ своихъ крѣпостныхъ, имѣла бы привязанность къ дѣтямъ, была при этомъ добрая и умная женщина. Долго баринъ съ барыней выбирали.

— Анисью?

— Elle a un tas d'enfants.

— Агражену?

— Bête comme une puce.

— Ну, такъ кого же? Варвару?

— Elle n'est pas sympathique. Но вотъ cher ami, чего лучше Афимьи, она и добрая, и вѣрно будетъ служить усердно.

Ей еще у насъ въ десять разъ лучше будетъ, чѣмъ съ грубіяномъ мужемъ. Порѣшили послать за Афимьей прикащика; баринъ наказалъ ему, что если не привезетъ ее, то ему, прикащику, и ей, Афимьѣ, придется самому ему—барину отвѣчать.

Отношеніе барина къ людямъ было нѣсколько патриархальное. Онъ претендовалъ на любовь ихъ, но хотѣлъ также чтобъ его боялись, непременно боялись. И странное дѣло! Люди его боялись и въ то же время любили съ какимъ-то энтузіазмомъ.

Со вздохами отпустила купчиха Афимью, подарила ей кой-чего и деньгами 15 р. ассигнаціями дала. Димитрій обѣщаль по веснѣ придти за женой, авось ее и отпустятъ.

Привезли Афимью въ Красное, и никто изъ людей не зналъ, что ее ожидаетъ. Въ дѣвичьей не мало ходило слуховъ на ея счетъ. Позвали Афимью къ господамъ. Сухо и гордо приняла ее барыня и велѣла заслуживать свою вину. Баринъ долго объяснялъ Афимьѣ въ чемъ ея обязанности; онъ говорилъ ей, что послушиваться господъ грѣшно, и прочее. Потомъ всѣмъ объявили, что Афимья подѣ наказаніемъ. Ее помѣстили въ сторожкѣ и по субботамъ велѣли топить баню. Это наказаніе болѣе походило на монастырское начало; всѣмъ говорили, что Афимья подѣ наказаніемъ; барыня же посылала ей съ горничной хорошія кушанья, приказывая этой послѣдней говорить, что это, молъ, она, горничная, свою долю ей приноситъ. Наконецъ снова призвали Афимью въ барской домъ, баринъ изрекъ ей прощеніе, а барыня сказала, что она и сама

не ожидаетъ, какая должность ей предназначается. Затѣмъ Аѳимь велѣли перейти въ барскій домъ и отнять отъ груди Степашу; мальчика отдали на попеченье Матрены Артемьевны. Эта Матрена Артемьевна родомъ дворянка выходила самого барина. Она жила въ особомъ флигелькѣ, баринъ почиталъ ее какъ родную мать, самъ растиралъ масломъ ея больныя ноги. У Матрены Артемьевны была прислуга, сама же она очень была добрая женщина и можно было быть увѣрену, что Степашѣ подъ ея надзоромъ будетъ хорошо. Мальчику опредѣлили корову, барыня велѣла повару каждый день для Степашки кашку на бульонѣ варить; баринъ за все это приказывалъ Аѳимь у барыни ручку цѣловать, но горько плакала Аѳимья.

— Чешу я это утромъ барынѣ головку, рассказываетъ Пелагея Афанасьева, а барыня мнѣ: что значить, Пелагея, что Аѳимья все плачетъ? Ужъ чего мы для нея не сдѣлали, она видно пренеблагородная! А я говорю, — да какъ же сударыня, и мужъ былъ, и ребенка грудью кормила, а теперь какъ есть одна. Э, полно, ты ничего не понимаешь! сказала барыня. Замолчала я тѣмъ разомъ.

Дики были Аѳимьи новыя порядки, жаль ей было и сарафана, къ которому она такъ привыкла. Аѳимью стали приучать къ барскому дому, въ руку сморкаться и не велѣла. Только и было ей отрады, что къ Матренѣ Артемьевнѣ 10 флигель придти; но туда придется, расплачется, разгорюется — больно ей было, что Степаша материнской груди не сосеть.

Но вскорѣ Аѳимь нельзя было ходить къ сынку: ей вручили другаго мальчика, котораго родила барыня.

Радостно праздновалъ баринъ крестины своего перваго сына, гостей назвалъ, для крестьянъ праздникъ устроилъ; Аѳимью нарядили на зависть всѣмъ горничнымъ дѣвушкамъ и женщинамъ, на зависть самой Парашѣ, что локоны подъ гребеночками носила.

— Служи, Аѳимьюшка, усердно, весело говорилъ баринъ, выпяньчай намъ молодца! и всѣмъ приказалъ звать Аѳимью по отчеству и величать нянюшкой. И стала она няней.

По веснѣ пришелъ Дмитрій, какъ разъ къ Троицыну дню. Еще не подошелъ онъ къ барскому дому, какъ ему

разказали, что жена его стала нянюшкой. Дмитрій засталъ Аѣимью за праздничнымъ обѣдомъ въ дѣвичьей. Ну, Аѣимьюшка, сказалъ онъ ей, лишь только вошелъ въ горницу—ты мнѣ теперича не жена, а я тебѣ ужъ больше не мужъ! Аѣимья сдѣлалась бѣлѣй полотно и лишилась чувствъ. Сдѣлался шумъ, бѣготня, прибѣжалъ баринъ, сталъ приводить въ чувство нянюшку, а Дмитрія уже давно въ барскомъ домѣ не было: отдавъ оброкъ въ контору, онъ на другой день еще до зари оставилъ Красное. Съ той поры мужъ и жена не видали другъ друга ровно двадцать лѣтъ. Они свидѣлись почти стариками, но ее прежде времени состарѣло горе, а его хмѣль. Завидовали горничныя Аѣимьѣ. Крестьянку взяли, да лучше нашего рядятъ, говорили онѣ, и Аѣимьѣ не было проходу отъ ихъ безцеремонныхъ колкостей и насмѣшекъ. Ребенокъ, котораго нянчила Аѣимья, былъ часто нездоровъ, и дивилась барыня усердью няни. Кормилица слава только что грудью покормить, а няня цѣлую ночь носить ребенка, а потомъ качаетъ и баюкаетъ вплоть до бѣлаго дня.

Прошелъ годъ, сталъ ползать Ваничка, сталъ ползать и Степаша. Барыня бывало велитъ принести въ дѣтскую нянина сына и оба мальчика ползаютъ по ковру и Аѣимьѣ улыбается скупое счастье. Барыня не заставила себя долго ждать: къ концу года она еще родила сына. Идеалистъ отецъ назвалъ его тѣмъ же именемъ какъ и старшаго и радовался, что у него два сына—погодки и оба Ванички: Ваничка старшій и второй Ваничка—вторуша. Нянь прибавилось труда и заботы, она нянчила старшаго, нянчила съ помощью кормилицы и втораго, и спала между двумя колыбельками.

Но господа Аѣимьи опять собрались со всѣмъ домомъ въ Москву. Жалко было Аѣимьѣ своего Степашу; на прощаньи она въ ноги поклонилась Матренѣ Артемьевнѣ, какъ будто чувствовала, что ей не придется видѣть сыночка цѣлыхъ четыре года.

Четыре года безвыѣздно жили аѣимьины господа въ Москвѣ. Аѣимья ѣдила въ каретѣ приобщать дѣтей къ обѣднѣ, Аѣимья гуляла лѣтомъ съ дѣтьми на дачѣ, знакомилась

съ другими нянюшками и бесѣдовала съ ними о московскихъ святыняхъ.

Часто приходила Аѣимъ на память Матрена Артемьевна, какъ баринъ ее покоить, и ей грезилась въ будущемъ тихая и безмятежная жизнь съ Дмитріемъ гдѣ нибудь возлѣ церкви, съ всендневной обѣдней и заутреней, съ вѣчнымъ самоваромъ на столѣ. Степанъ выростеть, женится, она будетъ внучать своихъ нянчить; выходки ея—господа одинъ передъ другимъ будутъ дарить старую няню свою. Отъ Дмитрія Аѣимья понемногу стала отвывать, хотя не забывала за здравіе его подавать въ Божій храмъ частичку. Иногда ночью приснится онъ ей, щеки ея зардѣютъ и она вся какъ въ огнѣ быстро вскакиваетъ съ постели. Въ дѣтской тихо, ярко горитъ лампада передъ образомъ Влад. Божьей матери и няня станетъ на колѣни, кается въ мнимомъ грѣхѣ своемъ; плачетъ и молитвой отгоняетъ грѣховныя мысли.

Дмитрій вскорѣ пересталъ платить оброкъ, баринъ погрозилъ ему, но Аѣимья, когда спросили ее, чего она хочетъ за свои услуги, попросила сложить съ мужа оброкъ и Дмитрій навсегда былъ избавленъ отъ оброка.

Въ то время жила въ Москвѣ одна болѣзненная дѣвица пожилыхъ лѣтъ; она лечила больныхъ. Дѣвица эта не юродствовала; она держала себя съ достоинствомъ и съ участіемъ помогала бѣднымъ. Жила она на 3-й мѣщанской въ собственномъ хорошенькомъ домикѣ, убранномъ со вкусомъ: пездѣ по угламъ и окнамъ зелень и свѣжіе цвѣты; у ней была музыкальная машина съ нѣсколькими валами, которая исполняла духовныя псалмы: и арію «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ. Дѣвица эта кромѣ большаго числа преданныхъ ей лицъ, имѣла нѣсколько и другихъ приверженцевъ, которые звали ее матушкой, возили ее въ маленькой, нарочно для того сдѣланной каретѣ въ церковь, безпрекословно ей повиновались; она налагала на своихъ приверженцевъ многіе, весьма удивительные подвиги и совѣсть каждаго изъ нихъ взяла подъ свою опеку. Зло этой нравственной опеки отразилось на цѣлыя поколѣнія, но не о томъ веду теперь свою рѣчь.

Къ кружку приверженцевъ Марьи Ивановны (такъ звали

*

дѣвицу) принадлежали: разные лица и въ томъ числѣ баринъ Аѳимья. Нашъ идеалистъ увлекся Марьей Ивановной до крайности и весь отдался страстному фанатизму: такое состояніе идеалиста, очевидно, не могли имѣть ни жившихъ въ домѣ его, большаго вліянія. Но въ особенности подчинилась этому вліянію впечатлительная няня Аѳимья. Еще заранѣе подготовленная шуйской купчихой, она со всѣмъ жаромъ пылкаго сердца готова была отдать себя на тяжкія подвиги, но баринъ ей указалъ другой путь къ благочестію: онъ объяснилъ нянѣ, что Богъ, приставивъ ее къ его дѣтямъ, ничего больше отъ нея не требуетъ, какъ только честности, любви къ дѣтямъ, усердія къ господамъ—и Аѳимья твердо пошла по этой дорогѣ.

IV.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Степашѣ и Ваничкѣ старшему минуло девять лѣтъ. Ваничкѣ второму пошелъ девятый. Красиво расцвѣла баринова падчерица, а пасынокъ былъ уже студентомъ московскаго университета.

Господа Аѳимья жили на Волгѣ, въ уѣздномъ городѣ гдѣ баринъ занималъ мѣсто по выборамъ... Самъ баринъ нѣсколько постарѣлъ, голова его мѣстами посѣдѣла, а образовавшіяся на лбу морщины еще болѣе придавали строгости его серьезному лицу съ большими усами и баками, съ сросшимися густыми бровями. Барыня подошла къ сорока годамъ; она была еще очень хороша и свѣжа, но черезъ-чуръ пополнѣла, то есть получила видъ настоящей русской барыни, матери семейства. А няня Аѳимья ходила въ то время за дѣвочкой, которую четыре года назадъ родила барыня. Странная была судьба этой дѣвочки: съ самаго рожденія мать ее не полюбила. Дѣвочка, да еще дурная кака! Вотъ какой привѣтъ матери встрѣтилъ новую гостью міра Машеньку—когда ее поднесла *бабушка* показать матери—и родильница не хотѣла даже поцѣловать ее. Еслибы Ма—

шенька родилась мальчикомъ да еще хорошенькимъ, то, вѣроятно, не была бы такъ долго подѣ надзоромъ няни.

Гувернантка, которая давно школила братьевъ Машеньки, не касалась до самой дѣвочки, и дѣвочка была подѣ полномъ надзоромъ няни. Но за то няня подлюбила Машеньку, какъ родное дитя. Степаша и Машенька цѣлые дни были вмѣстѣ. Степаша строилъ барышнѣ лодочки, соорился и игралъ съ барышней. А Степаша былъ тогда мягкаго нрава отъ вліянія Матрены Артемьевны, которая воспитала его какъ дѣвочку. Машенька ничѣмъ не могла привлечь на себя вниманіе матери, — ни даже своими умными, голубыми глазами. Скорѣй можно было подумать, что эта дѣвочка, которую въ дальнихъ прогулкахъ съ няней и Степашей мочилъ дождикъ, дѣвочка въ длинномъ платьѣ, по-просту повязанная платкомъ, была сестра Степаши, а никакъ не тѣхъ изящно одѣтыхъ мальчиковъ и той нарядной барышни, что ѣздить съ гувернанткой въ коляскѣ съ ливрейнымъ лакеемъ на козлахъ въ сосѣднее село богатаго помѣщика К.

Лѣтомъ пойдетъ няня, бывало, на Волгу, дѣти играютъ на бережку, а тамъ всѣ трое взберутся на горку и дѣти снова играютъ, а няня смотритъ на городъ, какъ онъ разсыпался по горкамъ, какъ высоко стала на горѣ Срѣтенская церковь; а передъ няней разливается Волга, кой-гдѣ плаваютъ рыболовы въ лодкахъ, вдали виднѣется барка, въ воздухѣ носится бурлачная пѣсня, слышенъ крикъ и гамъ купающихся мальчишекъ, слышно мычанье коровъ, слышенъ сильный плескъ волны о берегъ, чириканье птичекъ надъ головой, а вдали словно гудитъ большой колоколь. Но вотъ заходящее солнце освѣтило кресты Кривозерской обители, что еле виднѣется за Волгой, какъ бы потопленная въ густотѣ лѣсовъ по самыя маковки церквей своихъ, — и няня задумываетъ на завтра поѣздку, спрашивается у барыни; та даетъ позволеніе, и на другой день — еще всѣ спать въ домѣ — Афимья садится въ лодку, а Степаша и Машенька до смерти рады, что у монашекъ въ саду будутъ цвѣты да ягодки рвать. Но одно необычайное событіе положило предѣлъ нянинимъ прогулкамъ. Барыня почти пять лѣтъ не родившая — вдругъ произвела на свѣтъ мальчика да еще

прехорошенькаго. Новорожденный получил имя Николая или Кокоши. Весь домъ радовался такому нежданому гостю; Ванички прыгали на одной ножкѣ—и то—и—дѣло, къ величайшему негодованію гувернантки, бѣгали смотрѣть на новорожденного братца. Афи́мьи съ нѣжностью, какъ родная мать, пеленала Кокошу и ей казалось, что у нея трое дѣтей: Степаша, Машенька и Кокоша.

Но барыня не угомонила; черезъ годъ она родила еще мальчика, Ивана третьяго, Ванюшу. Няня опять стала нянчить погодковъ, которыхъ подлюбила какою-то особенною любовью. Но Степашѣ уже неудобно было находиться при матери; Машенька еще вертѣлась въ дѣтской своихъ младшихъ братьевъ. Вскорѣ Степашу сдѣлали казачкомъ. Каждому извѣстно, что это за должность: цѣлый день ничего не дѣлать, быть зависиму отъ произвола каждаго лакея, который имѣетъ право учить мальчика уму—разуму, то есть дразнить ребенка, издѣваться надъ нимъ, трепать за ухо, драть за волосы, когда вздумается. Вся грязь лакейской, всѣ дразги людской сразу открылись впечатлительному мальчику и онъ сталъ лакеемъ мальчишкой—какъ другіе, сталъ мучить собакъ и кошекъ, бросать въ голубей камнями. Но еще болѣе развратила мальчика Москва, куда переѣхали Афи́мины господа на жительство. Степку (такъ стали называть прежняго Степашу) стали посылать и за водкой, и за пивомъ; онъ избѣгался, исшалился и, когда подростъ, бросился разомъ на всѣ пороки. Его стали наказывать розгами, но тяжело было Афи́мь при всякомъ такомъ наказаніи ея сына. Бѣдной женщинѣ ставили въ укоръ ея заступничество. Афи́мья,—говорили господа—вотъ первый вредъ Стопкѣ; не доведетъ она его своимъ баловствомъ до добра!

Но и эта, хотя и не малая доля участія со стороны матери не могла благотворно подѣйствовать на убитаго нравственно Степана.

По переѣздѣ въ Москву, Ванички перешли подъ надзоръ гувернера, а Машеньку отдали во власть гувернантки. Дѣвочку одѣли какъ слѣдуетъ, стали учить всему, что казалось нужнымъ для дѣвочки, стали дрессировать ее.— — —

Еще прошли года, падчерицу выдали за челоуѣка богатаго но дурнаго.

Пасынокъ тоже женился и довольно ечаствливо. Послѣ замужества падчерицы много горя пришлось испытать господамъ Афимьи. Въ ихъ домѣ оставилъ молодую жену свою, больную при смерти, злодѣй, женившейся на падчерицѣ. Страшно заболѣлъ всѣми любимый второй Ваничка; къ тому же дѣла окончательно разстроились, грозила непокрытая бѣдность. Во всѣ тяжелыя минуты Афимья выходила на первый планъ; она по ночамъ являлась у кровати больнаго или больной, она была призываема въ спальню барыни, когда барыня была въ горѣ, а баринъ какъ на зло былъ въ отлучкѣ.

Но представимъ читателю *воспоминанія Ванюши-третьяго о нянѣ Афимьѣ*, которыя и довершаютъ нашъ очеркъ.

V.

Воспоминанія Ванюши-третьяго о нянѣ Афимьѣ.

Что мы любили нашу няню, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; но съ самаго ранняго дѣтства я, Кокоша и Машенька сознавали, видѣли, что няня насъ горячо любитъ. Наша няня не была похожа на нянюшку въ полномъ смыслѣ этого слова. Такъ она никогда не носила большихъ чепцовъ, не нюхала табаку; она насъ не ласкала при другихъ, какъ то дѣлаютъ иныя нянюшки, которыя втихомолку щиплютъ дѣтей, и притворно плачутъ, когда папаша или мамаша хотять наказать ребенка — чтобы тѣмъ показать любовь свою къ выходку. Ничего такого не было въ нашей нянѣ. Она никогда не хмурилась; дѣлая видъ, что плачетъ, не подпирала рукой щеку, а, бывало, когда читають чтонибудь чувствительное, или письмо какое радостное придетъ, няня сложить по просту руки, головой подается впередъ и не утираетъ слезъ своихъ, которыя такъ и брызжатъ, такъ и катятся по ея впалымъ щекамъ. Я помню, какъ плакала

няня, сидя на сундучкѣ своемъ,—я нечаянно вошелъ въ дѣтскую—няня увидала мня, подозвала къ себѣ, я прижался къ ней, она еще сильнѣй зарыдала, и какъ зарыдала! Я помню также, какъ плакала няня во время припадковъ и куда какъ страшень былъ этотъ плачъ!

Я помню вечеръ. Я и Кокоша сидимъ въ дѣтской съ няней. На столѣ свѣчка въ высокому подсвѣчникѣ; няня разложила передъ нами разныя мелочи изъ своего ящика и рассказываетъ что-то очень интересное про эти пуговицы, запонки, моточки нитокъ. Потомъ говоритъ Кокоша, онъ сулитъ нянѣ много, много калачей, пряниковъ, орѣховъ. Я, когда буду большой, говорю я, куплю нянѣ серебряный, золотой самоваръ. И няня смѣется и цѣлуетъ насъ, ей весело, и намъ очень, очень весело.

Я помню утро. Мы съ Кокошей передрались за какую-то игрушку. Услыхалъ отецъ, разобралъ дѣло, меня напелъ зачинщикомъ, и, сверкнувъ своими строгими глазами, велѣлъ мнѣ слѣдовать за собой въ кабинетъ. Я бросился къ нянѣ, кричалъ въ ея объятяхъ, мнѣ было и стыдно, и больно, и куда какъ страшно! Няня не выдержала, одна пошла въ кабинетъ, но вернулась оттуда скоро, вся въ слезахъ. Ей, вѣроятно, не велѣли вмѣшиваться въ чужія дѣла.

Всякое нянино горе тяжело ложилось и на насъ. Степана ли, ея сына, накажутъ, или такъ нянѣ попрекаютъ имъ, а она плачетъ—мы, бывало, сами не свои, съ тоски и игрушки бросимъ. Но за то намъ, бывало, такъ радостно, когда отецъ съ матерью нянѣ какую нибудь милость окажутъ, или такъ мирно съ ней разговариваютъ. Если бывала у насъ ѣлка или такъ дадутъ намъ лакомство, мы все несемъ нянѣ, всѣмъ дѣлимся съ ней. Няня охотно брала наши приношенія и часто въ тяжкія минуты наказанія, или такъ, когда нечѣмъ позабавиться, наши дары вновь переходили къ намъ изъ нянина сундучка. Когда намъ дарили мелкія деньги, у насъ само собою являлось желаніе купить нянѣ чаю, или еще чего нибудь. Няня не получала большаго жалованья, ее обували, одѣвали—и во всю долгую жизнь въ нашемъ домѣ няня накопила всего рублей двадцать ассигнаціями, да и тѣ отдала матери моей, когда мы разорились и матери пришла такая

крайность, что хоть бѣлье съ себя продавай. Когда мы стали подрастать, мать моя не желала, чтобы мы были съ няней—крестьянкой, и только отлучка матери или болѣзнь сближала насъ съ няней.

Мы гостили въ деревнѣ нашего женатаго брата. Мнѣ было лѣтъ восемь. Матушка уѣхала на нѣсколько дней въ гости къ князю N, тестю моего брата,—мы остались одни съ няней и какъ же намъ было весело! Мы вспомнили свое раннее дѣтство, слушали нянины сказочки о восковой куколкѣ, сами читали нянѣ свои любимыя исторїйки, шалили въ волю и играли съ няней въ дурачки.

Когда мнѣ шель десятый годъ, мы жили въ деревнѣ, на берегу Москвы рѣки. Подходилъ свѣтлый праздникъ. Москва рѣка разлилась передъ нашими окнами; по ней плыли остальные льдины, а за ними вслѣдъ потянулись плоты славнаго лѣсу. Въ великую субботу день былъ чудесный. Мы вернулись отъ плацаницы, красили съ Машенькой шелками яйца и поминутно выбѣгали на только что выставленный балконъ. Весеннее солнце пригрѣвало по лѣтнему; около черноватыхъ небольшихъ остатковъ снѣгу зеленѣла новая травка и не совсѣмъ распустившаяся верба золотомъ блестяла на солнцѣ и лучше всякаго колокола благовѣстила намъ о свѣтломъ праздникѣ. Но вдругъ мы услышали, что отецъ нашъ кричитъ на няню, и праздникъ со всѣми его радостями превратился для насъ въ тяжкіе будни. Няня, какъ самая вѣрная женщина въ то время была въ ключахъ, такъ какъ нянчить ей больше было некого. Стенанъ, сынъ няни, въ то время жилъ въ Ильинскомъ, у строгаго нашего дяди, куда онъ былъ посланъ на исправленіе. Грустная няня плохо исполняла обязанность ключницы; она почасту забывала куда что положить; иной разъ больше давала повару провизіи, нежели сколько нужно, а въ другой разъ и меньше; поваръ ворчалъ, ворчала и барыня. Въ великую субботу и сорвисъ у няни съ языка, что вотъ де она всю страстную въ церкви не была, что для нея дѣйствительно было большимъ лишеніемъ. Матушка ей на это сказала что-то, а няня въ свою очередь высказала ей все, что у ней на сердцѣ накопилось. Матушка пожаловалась отцу, отецъ

покричалъ на няню. Въ ссорахъ матушки съ няней мы всегда брали сторону послѣдней. У насъ было убѣжденіе, что няней нельзя помыкать, что она не даромъ насъ всѣхъ выходила.

Рано пошли мы спать, чтобы успѣть выспаться до заутрени. Съ радостью захлопнули мы дверь за гувернеромъ; маленькій Вася взялъ сапоги напн и ушелъ себѣ спать. Но намъ спать не хотѣлось; мы долго ворочались подъ одѣялами, наконецъ братъ заговорилъ: «знаешь ли что, Ванюша, началъ онъ, вдругъ бы мамаша жила врозь съ папашей, гдѣ нибудь въ чужомъ домѣ, а братъ Ваничка, старшій былъ бы гдѣ нибудь, гдѣ очень дурно».

— А мы-то гдѣ же были бы? спросилъ я.

— Насъ бы совсѣмъ не было, отвѣчалъ братъ.

— Хорошо, важно, произнесъ я, дальше что?

— Надо замѣтить, что мы часто рассказывали другъ другу импровизованныя исторіи. «Дальше, продолжалъ Кокоша, эти чужіе люди заставляли бы мамашу трудиться, сердились бы, кричали на нее, даже и подъ свѣтлое воскресенье». Тутъ я все понялъ и черезъ минуту уже рыдалъ въ свою подушку. Братъ продолжалъ говорить, я его не слушалъ и вскорѣ крѣпко заснулъ. Когда мы одѣлись, чтобъ идти къ заутренѣ—громко загудѣлъ колоколъ, а я бродилъ изъ комнаты въ комнату, въ ожиданіи отца, который хотѣлъ меня взять съ собой. Несчаинно вошелъ я въ спальню матери; въ ней все было прибрано, много свѣчей горѣло передъ кіотомъ; я подошелъ было къ кіоту, но вдругъ услышалъ шелестъ платья. Тутъ только разглядѣлъ я, что не вдалекѣ отъ меня стоялъ отецъ, няня кланялась ему въ ноги. Это онъ по христіански прощалъ ее. Потомъ отецъ обнялъ няню и перекрестилъ ее. Ее прощаютъ, подумалъ я, и кокошинъ рассказъ ожилъ въ моей памяти. Съ нимъ я поѣхалъ и къ заутрени.

Въ церкви, несмотря на пасхальное пѣніе, которое я очень любилъ, мнѣ было грустно до тѣхъ поръ, пока я не задремалъ, облокотившись на стулъ моей матери.

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этой пасхи умеръ отецъ нашъ отъ тифозной горячки въ Москвѣ, оставивъ матери въ наслѣдство долги, кучу дѣтей и процессъ по имѣнію,—ро-

довое, расное, уже давно было продано съ аукціона. Страшно потрясенная смертью мужа, котораго любила безпредѣльно, мать моя поѣхала хоронить его и взяла съ собой няню. Я не знаю, что бы со мной было, рассказываетъ мать моя, еслибы Афімья не была при мнѣ въ это ужасное время.

Наконецъ и насъ перевезли въ Москву. У матери моей небыло никакихъ средствъ; всѣ свои дорогія вещи она давно продала и заложила, чтобы поддерживать имѣніе, чтобы поддержать семейство, нанимать намъ учителей и гувернера.

Мы наняли маленькой домикъ въ одномъ изъ переулковъ. Одна комната для гостей, крошечная горница, гдѣ спали матушка и Машинька, наша комната, гдѣ мы жили и учились, прихожая, да черезъ сѣни кухня,—вотъ все наше помѣщеніе. Первое время намъ было такъ странно, безъ залы, гдѣ можно бѣгать, безъ гостиной; но мы скоро привыкли.

Первая весна была очень тяжела. У насъ съ Кокочей былъ скорлатинъ; мать и сестра обѣ грустныя, обѣ въ глубокомъ траурѣ; кругомъ ничто не напоминаетъ прежняго: ни одно кресло, ни одна вещица не уцѣлѣла изъ прежней жизни—все скудно и бѣдно; въ комнатахъ душно и тѣсно. Послѣ скорлатина я заболѣлъ изнурительной лихорадкой, продолжавшейся девять недѣль. Машинька и Кокоча ѣздили къ роднымъ на дачу, гуляли; пришелъ май, а я все сидѣлъ дома. Но не отлучалась отъ меня няня.

Няня въ то время была утѣшена тѣмъ, что ея Степанъ по паспорту пришелъ въ Москву. Видный, красивый собой, Степанъ нашелъ мѣсто въ богатомъ домѣ, отлично одѣлся, но матери своей ни вниманія, ни даже малой доли уваженія не оказывалъ; рѣдко ходилъ къ ней, а если приходилъ, то оскорблялъ ее насмѣшками и грубо обращался съ ней; до самой смерти ея былъ для нея тяжкимъ крестомъ, какъ она сама выражалась.

Няня трудилась для насъ какъ волъ: она только что дровъ не колола, да не таскала воды; всѣ хлопоты по дому легли на нее, она должна была ходить и въ лавочку, и на базаръ. Кромѣ няни въ то время у насъ была кухарка, болѣзненная дѣвушка Пелагея, да крѣпостной человекъ, кото-

рый по утрам ходилъ по дѣламъ моей матери, а вечера проводилъ гдѣ-то на сторонѣ. Мать моя не имѣла ни силы воли, ни возможности заставить своевольнаго, хотя и крѣпостнаго лакея, бывшаго дворецкаго, нести тѣ труды, за которые безропотно взялась няня.

Лѣтомъ прїѣзжалъ къ намъ братъ нашъ, старшій нянинъ выходокъ. Няня встрѣтила его со слезами радости, она думала, что и онъ свою няньку помнитъ, ждала отъ него вниманія какого нибудь—ну, хоть платочка въ гостинець. Но братъ отъ природы живой и вѣтренный только шалилъ съ няней, сбрасывалъ съ ея головы платокъ, носилъ ее на рукахъ. Конечно, онъ дѣлалъ это не отъ дурнаго намѣренія, но тѣмъ не менѣе огорчалась няня, которой казалось, что она въ правѣ требовать отъ насъ по крайней мѣрѣ хоть уваженія. — Вотъ на старости шутихой стала, говорила она намъ съ глазами полными слезъ.

Мы троє все также были близки къ нянѣ. Няня насъ все также любила, радовалась, когда сестрѣ моей родные наши дарили обновы, радовалась, когда мы отличались въ урокахъ, и горько плакала, когда отправили Кокошу въ гимназю, въ губернской городъ, гдѣ служилъ нашъ женатый братъ.

Когда умерла няня, мнѣ было двѣнадцать съ половиною лѣтъ, и я жилъ въ томъ же домѣ въ переулкѣ—одинъ съ матерью. Грустно мнѣ было мое одиночество безъ Кокоши, безъ Машеньки (последнюю взяла къ себѣ наша замужняя сестра), къ которымъ я такъ привыкъ. Я ждалъ, не дождался, когда выйдетъ мое опредѣленіе въ кадетскій корпусъ, о чемъ мать моя нехотя хлопотала,—такъ ей жалко было сдѣлать меня кадетомъ.

Въ то время скудныя средства наши совсѣмъ истожились, мы задолжали въ булочную и въ лавочку, и ждали только весны, чтобы покинуть Москву. До весны же матушкѣ необходимо было пробыть въ Москвѣ по дѣламъ нашего процесса. Подошелъ великій постъ. Весна въ тотъ годъ была нехорошая, и холодный мартъ принесъ съ собою болѣзни всякаго рода. Заболѣлъ нашъ челоуѣкъ, его отправили въ больницу, потомъ у кухарки нашей сдѣлалась рожа. Заѣхалъ къ намъ родственникъ нашъ и сказалъ матери моей, что чѣмъ хлопотать ей съ адреснымъ билетомъ и помѣщать ку-

харку въ чернорабочую больницу, лучше помѣстить ее въ клинику — по запискѣ его пріятеля доктора изъ клиники, и на другой же день этотъ нашъ родственникъ прислалъ намъ записку своего пріятеля, въ которой было сказано, что такая-то женщина должна быть принята въ клинику. Но въ этотъ же день пріѣхалъ къ намъ докторъ, что еще при покойномъ отцѣ лечилъ насъ — и принялъ кухарку въ чернорабочую больницу, гдѣ онъ былъ ординаторомъ. Мать моя машинально сунула записку родственника въ столъ. Когда заболѣла кухарка на няню легли самыя тяжкіе труды: она приносила дрова, стряпала обѣды, носила изъ лавочки ведра хорошей воды, но главное — зябла въ своей изорванной кацавейкѣ. Не задолго передъ этимъ у няни украли шубу, зашедшія въ кухню ниція старушки, а свой люстриновый, ватный салопъ няня берегла для церкви, для Божьяго праздника.

Вотъ представляется мнѣ желтенькая небольшая комната. Передо мной лежитъ большая, мѣстами изорванная карта Европы, я учу урокъ изъ географіи — вечеромъ придетъ учитель. Все кругомъ тихо; скоро и слабо стучаютъ маленькіе съ одной гирей стѣнные часы; въ кухнѣ кашляетъ Афанасьевна. Въ матушкину комнату отворена дверь и слышно какъ скрипитъ и бѣгаетъ по почтовой бумагѣ ея перо; она пишетъ дѣловое письмо. Скучно мнѣ, я оставляю урокъ и тихо, чтобъ не слыхала матушка, пробираюсь къ окну. Пусть и не люденъ нашъ переудочекъ, но вотъ появился разнощикъ и съ пронзительнымъ крикомъ мимо нашихъ оконъ протащилъ въ салазкахъ мерзлую рыбу. Потомъ ѣдетъ сѣдой, сторбленный Ванька, онъ свѣсилъ съ облучка правую ногу въ бѣломъ валинкѣ и довольно скоро бѣжитъ, принатуживаясь его желтая, мокрая и дурная лошадка, а сѣдокомъ — женщина съ кулками, видно изъ города. Прошелъ по тротуару всегдашній старичекъ съ кавригой хлѣба на головѣ, промчалась черная собака... Но вотъ сперва чрезъ одно, потомъ чрезъ другое окно увидалъ я няню. Она тащила ведро воды; напрягая слабыя силы, она оттопырила лѣвую руку и сама вся порекосилась на лѣво. На нянѣ была кацавейка съ вылезшею наружу ватой; подпоясана она была чѣмъ-то бѣлымъ, а голова покрыта большимъ шерстянымъ платкомъ съ коричневыми языками по бѣлому

фону. Платокъ этотъ я помнилъ съ тѣхъ поръ, какъ самого себя помнилъ. При видѣ его мнѣ представлялась всегда наша прежняя большая дѣтская, неясно представлялось что-то неуловимо хорошее, что-то бесконечно милое, дорогое, что вотъ такъ и сидитъ въ сердцѣ, такъ и вырываетъ слезы. Быть можетъ, и напоминалъ мнѣ платокъ этотъ ту, которая его носила.

Я побѣжалъ нянѣ на встрѣчу. Няня, дай мнѣ ведро! Ты устала няня?—Ахъ—да, какой—же ты, Ванюшка! Мало болень то былъ, иди скорѣй домой, еще неравно простудился! Я послушался няни и тихо прокрался къ своему уроку. Потомъ мы захотѣли обѣдать, а няня за квасомъ, а няня за огурцами, а няня кушанья носи.

Наканунѣ Благовѣщенья вернулась изъ больницы кухарка; няня не допустила ее ѣхать съ поденщицей, что бѣлье намъ выстирала, на рѣку; поѣхала сама, несмотря на то, что матушка этому противилась. Матушкѣ вообще было тяжело видѣть, какъ трудится няня; матушка не знала какъ выразить ей свою признательность, но ничего не могла сдѣлать для облегченія Афимьи. Отдохнувъ послѣ рѣки, няня по собственному желанію, пошла съ ними въ свой приходъ, ко всенощной.

Всенощная подъ Благовѣщенье была торжественная: много горѣло свѣчей въ церкви, много было и народу. Сперва стройное пѣнье и стихиры, изъ которыхъ я большую часть зналъ наизусть, занимали меня. Я молился. Но вотъ прочли Евангеліе и началось чтеніе канона.

Когда запѣли: «Слава въ вышнихъ Богу» вдругъ неожиданно увидалъ я няню. Она стояла на колѣняхъ; люстриновый салопъ спустился съ плечъ ея, большой платокъ былъ подколотъ подъ самую бороду; щеки ея пылали, жгучія слезы сыпались изъ глазъ; она не дѣлала крестовъ, не кланялась, она во все глаза смотрѣла на алтарь, но такъ смотрѣла, что, увидавъ ея взглядъ, я сталъ молиться, сталъ кланяться въ землю съ какимъ—то трепетомъ, а няня мнѣ показалась какою—то странною дивною...

Послѣ всенощной матушка позвала няню поговорить о завтрашнемъ обѣдѣ. Я не слышалъ ихъ разговора, но только, когда няня вышла изъ матушкиной комнаты, матушка го—

ворила ей вслѣдъ, что Аѳимьѣ стыдно не знать своей барыни, что она барыня. Пелагеѣ дать завтра пирога, а ей, Аѳимьѣ, не дать.

Я горячо вступился за няню, сталъ говорить матушкѣ, что нянѣ такъ говорить нельзя, что няня ни виновата и проч. Матушка вѣрно сама увидала, что неправа, потому что ничего не сказала мнѣ, а только съ смущеніемъ на лицѣ стала крестить меня и посылала спать.

Дѣло это послѣ объяснилось мнѣ такъ: матушка, у которой было весьма мало денегъ, не велѣла давать людямъ пшеничнаго пирога, въ намѣреніи раздѣлить съ ними нашъ крупичатой; няня же стала говорить, что въ такой большой праздникъ никакъ нельзя быть людямъ безъ пирога. Конечно, няня не угадала добраго намѣренія матушки, но матушка обидѣлась.

На другой день лишь только проснулись мы, Аѳанасьевна объявила намъ, что няня больна и встать не можетъ.

Съ няней былъ сильный жаръ; она лежала въ кухнѣ и я цѣлый день этотъ бѣгалъ изъ кухни къ матушкѣ и обратно, то навѣщая няню, то утѣшая матушку, которая была очень грустна. Няня сперва все говорила; она твердила, что мы всё виноваты, что она это отъ насъ умираетъ; я же передавалъ матушкѣ, что няня благодарить за уху и за одёколонъ. Матушка сама пошла къ нянѣ, няня ничего съ ней не говорила; она лежала закрывши глаза въ сильномъ жару. Вечеромъ няня просила приобщиться. На другой день рано ее приобщили. Потомъ пріѣхалъ докторъ, покачалъ головой и приказалъ поставить пьѣвки; поставили пьѣвки. Я цѣлый день не отлучался отъ няни, няня была въ совершенной памяти, ласково смотрѣла на меня, вспомнила Кокошу и Машеньку и все спрашивала, не идетъ ли Степанъ, къ которому я уже два раза писалъ по городской почтѣ, но Степанъ не шель. Вечеромъ няня съ томленіемъ ждала сына, потомъ просила у кухарки прощенья, просила меня у мамы ручки цѣловать, затѣмъ она успокоилась, а я ушелъ къ матушкѣ.

Мнѣ было такъ тяжело, какъ будто меня собирались вести на казнь, какъ будто отрывали полъ существа моего. Но страданія мои усилились, когда я, ложась въ постель,

услышалъ въ кухнѣ страшный, неестественный крикъ. Матушка умоляла меня именемъ покойнаго отца успокоиться; со мной была такая дрожь, что я не могъ выговорить ни полъ слова. Я не помню какъ я провелъ ночь, только утромъ я услышалъ, что въ кухнѣ у насъ хозяйскіе работники, что няня все рветъ и мечетъ, всё грызетъ, хватаетъ, ножъ, словомъ, что у нея бѣлая горячка. Потомъ раздалось пѣнье: няня въ бреду пѣла «заступницу усердную»; но это пѣніе такъ было страшно, такъ раздирало душу, какъ самое положеніе няни.

Потомъ я увидѣлъ въ окно, какъ няню вели къ пролеткѣ съ связанными руками; на нее былъ надѣтъ сверхъ кацавейки люстриновый салопъ, а на головѣ платокъ съ язычками...

Я бросился было на дворъ, но что-то поднялось у меня въ груди и я упалъ на полъ, со страху самъ не зная что дѣлать. Мать моя послала няню въ клинику съ той залежавшейся запиской, которую родственникъ нашъ прислалъ недѣли три назадъ для кухарки. Няню приняли. Но родственникъ нашъ получилъ отъ своего пріятеля записку, въ которой этотъ послѣдній весьма удивлялся, что черезъ три недѣли привезли въ клинику женщину, которой по роду болѣзни никакъ нельзя быть въ клиникѣ, и просилъ поскорѣй взять больную съ его отвѣтственности. Родственникъ пріѣхалъ къ намъ, чтобы взять паспортъ няни и перевезти ее въ Екатерининскую больницу, но паспорта у няни не оказалось, такъ какъ она всегда числилась при господахъ своихъ. Тѣмъ не менѣе родственникъ взялъ няню изъ клиники. Безмолвную, тихую, почти умирающую больную посадили въ коляску и по ужасной весенней мостовой повезли въ Екатерининскую больницу, но тамъ ее не приняли. Тогда родственникъ повезъ ее къ своему знакомому частному приставу, этотъ послѣдній далъ записку съ которой няню и приняли въ вышеупомянутую больницу, но не положили на кровать, а снесли прямо въ часовню мертвыхъ.

ИЛЬЯ ЖУЧКОВЪ.

УМСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ.

(Письмо изъ Лондона, Февраль, 1862 года).

Одной изъ послѣднихъ литературныхъ новостей въ Англіи служить второе изданіе стихотвореній Альфреда Теннисона «*Jdyls of the King*», посвященное памяти покойнаго принца Альберта. Это—собраніе пѣсней о валлійскомъ королѣ Артурѣ и его хитрыхъ товарищахъ, составлявшихъ его избранный застольный кругъ. Оно въ первый разъ появилось года три тому назадъ. Передъ тѣмъ оно цѣлыхъ двѣнадцать мѣсяцевъ, уже напечатанное, задерживалось самимъ авторомъ. Вниманіе публики было возбуждено въ высшей степени, такъ какъ журналы распространили объ этомъ произведеніи множество чудесныхъ слуховъ. Наконецъ, Poeta Laureatus выпустилъ въ свѣтъ четыре стихотворенія этого собранія: *Enid*, *Vivien*, *Elaine*, *Guinevere*. Изъ нихъ «*Идилія*» о чародѣй Мерлинѣ и дѣвѣ Вивіенъ была единственнымъ камнемъ преткновенія для друзей автора и предметомъ двѣнадцати-мѣсячныхъ совѣщаній. Она вышла безъ измѣненій, съ сохраненіемъ всего первобытнаго, дикаго, сладострастнаго колорита. Въ пламенныхъ мелодіяхъ коварная дѣва изливаетъ свои мольбы передъ мудрымъ старцемъ и, при блескѣ молній и раскатахъ грома, прижимается къ нему все плотью и плотью. Наконецъ, онъ забываетъ и мудрость свою, и года, и произносить роковое слово, которое должно заковать его на вѣки. Въ то же мгновеніе она съ пронзительнымъ крикомъ повторяетъ это слово и, воспользовавшись чарами,—«глунецъ!» говоритъ она, и съ

громкимъ смѣхомъ удаляется въ чашу лѣса. «Глупецъ!» снова раздается въ лѣсу, и съ тѣхъ поръ Мерлинъ спитъ и будетъ спать вѣчнымъ заколдованнымъ сномъ, потерянный для свѣта и славы... И когда появилась эта книга, радостный трепеть, какой ощущается рѣдко, пробѣжалъ по всей странѣ Бриттовъ. Правда, нѣкоторые критики покачали головой. Одни заговорили о неудавшихся мотивахъ; другіе о томъ, что сюжетъ, могущественный самъ по себѣ, представленъ разбитымъ и плоскимъ; третьи—о прелестныхъ лирическихъ мѣстахъ, одиноко разсѣянныхъ въ обширномъ морѣ поэтического описанія (слово «проза» они не смѣли произнести). «Націоналы» цитировали Кольриджа, замѣтившаго когда-то, что изъ преданій объ Артурѣ никакъ нельзя составить народной англійской поэмы, потому что англичанамъ до этого героя нѣтъ никакого дѣла (*). Всѣ они были правы, но ихъ замѣчанія остались проповѣдью въ пустынѣ. Книга вышла поздно лѣтомъ. Пора оживленная, жаркая пора, приходила къ концу. Лондонская публика собиралась въ дорогу. Достопочтенный лордъ съ супругою, дѣтьми, мамкой и «тигромъ» (стопуговичнымъ зародышемъ лакея) уѣзжалъ въ Малую Азію или въ Аѳины; скромный оксфордскій магистеръ или Barrister изъ Lincoln Inn съ палкою, мѣки-тоншемъ и поварскимъ аппаратомъ отправлялся въ Швейцарію или въ Исландію; даже несчастный парія торговаго міра, какой нибудь жалкій клеркъ съ восемьдесятю фунтамъ ежегоднаго жалованья, обязанный трудиться по двѣнадцати часовъ въ сутки,—и тотъ, хоть на воскресенье, покидалъ столичный шумъ и удалялся на берегъ морской. Всѣ они, вмѣсто путевыхъ гидовъ, брали съ собою «идилліи» Теннисона. Одинъ располагался на берегу Средиземнаго моря, гдѣ виднѣется самая темная синева неба, другой—на Альпійской горѣ, третій—на мокромъ пескѣ въ Маргейтѣ, и всѣ читали и не могли начитаться этихъ звуковъ мягкихъ, полныхъ, вланныхъ, пѣвучихъ, этихъ стиховъ, гдѣ говорится о блескѣ и величіи, о любви и измѣнѣ, о храбрости и простотѣ въ древней романской странѣ. И вся эта чудесная мистика перемѣшана съ моралью домашнаго печенья и представляетъ пеструю ткань древнихъ языческихъ, восточныхъ, мавританскихъ, германскихъ и романскихъ сказочныхъ матеріаловъ, ткань, проникнутую обыденными изрѣченіями житейской мудрости и оканчивающуюся воздаяніемъ похвалы добродѣтели и порицаніемъ порока,

(*) As to Arthur, you could not by any means make a poem on him, national to Englishmen: what have we to do with him?

на манеръ современныхъ англійскихъ проповѣдей. Все это, облеченное въ самую безукоризненно-преlestную форму, распространилось по свѣту и сдѣлалось достояніемъ всѣхъ и преимущественно фэшионернаго міра. Но—да простятъ намъ нашъ индивидуальный взглядъ!—Теннисонъ, этотъ поэтъ возлюбленный нывѣшней Англій, все, что угодно, только не поэтъ въ томъ смыслѣ, какъ понимали это слово древніе и какъ должно понимать его въ настоящее время. Нѣтъ въ этомъ писателѣ и слѣда той титанической силы, которой располагали Шекспиръ, Мильтонъ и Байронъ, ни могущества мыслей, поражающихъ читателя своимъ величіемъ; въ особенности же нѣтъ ничего похожего на божественную улыбку отрока Аполлона, которая, подобно метеору, яркимъ блескомъ внезапно озаряетъ цѣлый міръ со всѣми его высотами и глубинами. Герои поэмы, — эти гордые валлійскіе рыцари, походятъ на тщеславныхъ франтовъ въ узконосыхъ фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ, и дерутся на подобіе дилеттантовъ—боксеровъ. Они нѣжно изъясняются въ любви и говорятъ благозвучныя, но въ сущности пошлыя и темныя рѣчи о добродѣтели и другихъ хорошихъ качествахъ. Женщины представляются или не представляются образцами скромности, но какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ ихъ образы блѣдны и слабы. Единственное мѣсто въ идилліяхъ, гдѣ проявляется нѣчто похожее на силу, — прощальная сцена короля Артура съ его вѣроломною супругою въ монастырѣ, куда онъ приходитъ внезапно, прежде чѣмъ отправляется убить сына своей сестры и « встрѣтить свою собственную судьбу ». Блѣдная королева, услышавъ шаги Артура, на колѣняхъ, съ поникшею головою, ползетъ къ его ногамъ, которыя готова облобызать. Онъ рассказываетъ ей длинную, невыразимо-грустную исторію своей скорби, проклиная измѣнницу и въ тоже время взъясняетъ надежду, что на томъ свѣтѣ она сдѣлается достойною его, благодаря искушенію грѣховъ. Королева неподвижная, распростертая у ногъ супруга, чувствуетъ его руку на своихъ золотистыхъ кудряхъ, « которыми— когда то онъ игралъ, не подозрѣвая ея измѣны ». Его дыханіе нѣжно скользитъ по ея челу, когда онъ произноситъ свое послѣднее прощальное слово... Но и здѣсь сила не полная, не естественная, а отрицательная, сентиментальная. Король прощаетъ женѣ, но не забываетъ ея вины, и наказаніе несчастной женщины продолжается до самаго конца. Почти забавно и въ тоже время весьма характерно то обстоятельство, что по уходѣ короля, его супруга Гунивера, прежде всего разра-

*

жается въ горькихъ упрекахъ противъ самой себя за то, изволите видѣть, что не отвѣтила достоюлжнымъ приличнымъ образомъ на его прощаніе. Теннисонъ именно и отличается отсутствіемъ всякой звергин, а какъ женщина, его муза не принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя иногда, въ порывахъ пламенной страсти, срываютъ съ себя оковы слабости и свѣтскихъ приличій, и являются передъ нами въ обнаженной красотѣ, подобно какой нибудь Фалькиръ или Клеопатрѣ. Напротивъ, она всегда представляется благовоспитанной музой, которой бы не постыдился ни одинъ французскій или англійскій пансіонъ. Отъ нея вы не услышите рѣзкаго слова, не увидите необыкновеннаго подвига; даже не встрѣтите въ ней хромаго стиха или неловкой рими; все вычищено, выглажено, выхолено. За то Теннисонъ воспользовался вѣсьмъ благозвучіемъ, къ какому только способенъ искаженный норманно-саксонскій языкъ нашего времени. Его струны музыкальны, подобно Чосеровымъ, и какія бы пошлости ни говорили его дѣйствующія лица, они высказываютъ ихъ самымъ привлекательнымъ, мелодическимъ образомъ. Тайну созвучія словъ Теннисонъ заимствовалъ у древнихъ, а искусство рими—у новыхъ писателей. Пѣснь его Маріаны, одиноко грустящей на югѣ, почти печальнѣе грустной пѣсни Шекспира о зеленомъ лугѣ. Болото, сте-лющееся вокругъ Locksley Hall и простивающееся до пустыннаго берега, гдѣ разбиваются волны морскія, и безцвѣтныя облака, далеко рѣющія въ высотѣ, — все это доказываетъ необыкновенное искусство въ изображеніи картинъ природы и почти заставляетъ насъ забыть безцвѣтнаго и безсилнаго героя, который съ декламаторскимъ краснорѣчіемъ описываетъ намъ свою жалкую печаль объ Эми, вышедшей за грубаго пьяницу. И кто при чтеніи магической пѣсни «Лотусоѣды», не ощущалъ иногда въ своемъ собственномъ сердцѣ отголоска той тоски, какою проникнуты эти грустные стихи?..

We will return no more... we will no longer roam (*)...

Обширенъ горизонтъ, а далеко за горизонтомъ находилась родина—жена—дѣтя—невольникъ; все это погибло безвозвратно. Утомленные мореплаватели питаются плодомъ лотуса; они сидятъ на желтомъ, песчаномъ прибрежьи, гдѣ съ одной стороны видѣется солнце, а съ другой луна, и поютъ о погибшемъ родномъ островѣ, куда никогда не воротятся. Пропала родина, исчезла, погрузилась въ бездну. We

(*) Мы уже не вернемся, и не будемъ болѣе блуждать по свѣту.

will return no more, поютъ они. Печальное однообразіе страны, «гдѣ вѣчные сумерки»; тихое журчаніе лѣнливыхъ волнъ, которыя одна за другою разбиваются о берегъ; дальняя синева, гдѣ море повидимому сливается съ небомъ и гдѣ изрѣдка въ безпредѣльномъ пространствѣ мелькаетъ бѣлая чайка, — все это представлено мастерски, такъ мастерски, какъ только можетъ представить гениальный талантъ.

Но почему именно Теннисонъ, этотъ иѣжный, сентиментальный, женственный поэтъ, обладающій для людей и подвиговъ одними картинами и словами, у народа, исполненнаго силы и—да простать намъ наше выраженіе—самородной грубости, подьзается такою высокою славюю, что его не нашутку сравниваютъ съ Шекспиромъ и Гомеромъ—это проблема, которую также трудно рѣшить, какъ и ту, что тотъ же самый народъ когда-то опозорилъ и удалилъ отъ себя два самыя блестящія свѣтила поэзій, — Байрона и Шелли. Закономъ противорѣчія нельзя объяснить такого явленія; ни также тѣмъ обстоятельствомъ, что Англія отдѣлена моремъ отъ прочаго свѣта; Англичане находятся вездѣ, гдѣ только можетъ ступить человѣческая нога.

Поэзія выпѣшней Англіи, въ томъ видѣ, какъ она представляется у Теннисона и его послѣдователей, превратилась въ пустой наборъ словъ, въ болтовню, годную для чтенія на сонъ грядущій, или, что еще хуже, она ударилась въ пошлую дидактику, облеченную въ изящную форму, и отъ которой читатель становится довольнымъ самимъ собою и окружающимъ міромъ. Не такъ говорили къ своимъ современникамъ Шекспиръ и Мильтонъ, Бёрнсъ и Байронъ, и они—то содѣйствовали возвеличенію имени Англичанъ между всѣми націями земли.

Послѣ всего этого казалось бы, что приторный лиризмъ Теннисона мало кого можетъ вдохновить. При всемъ томъ, между молодыми современными поэтами, такъ называемыми «юными министрелями» весьма шнворочисленными, въ рѣдко встрѣтите такого, который бы не считалъ главною задачею идти по слѣдамъ Теннисона. Быть строгимъ подражателемъ этого писателя не только не считается недостаткомъ, а напротивъ вмѣняется въ заслугу. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилась поэма «Tannhauser», Невилля Темпля и Эрнста Тревора. Это псевдонимы двухъ лицъ, состоящихъ при вѣнскомъ посольствѣ: Юліана Фена, сына графа Вестморленда, и Роберта Бувьера, сына

романиста Литтона Бульвера. Последній изъ нихъ, подъ именемъ Овена Мирдита, извѣстенъ какъ самый безстыдный плагиаторъ своего столѣтiя: онъ, между прочимъ, буквально перевелъ стихами поль-романа Жоржа Занда и издалъ это произведенiе въ видѣ оригинальнаго стихотворенiя, подъ названiемъ «Lucile». Какъ только появилась поэма «Tannhauser», всѣ журналы, и во главѣ ихъ Таймсъ, стали расточать ей похвалы: «она, дескать, отличается своею оригинальностью, удивительною нѣжностью и глубиною мыслей, величественностью картинъ, искуснымъ планомъ и поразительно-язвочнымъ изложенiемъ». То обстоятельство, что эта поэма во всѣхъ отношенiяхъ походила на произведенiя Теннисона, считалось преимуществомъ: гениальный маэстро вѣка, изволите видѣть, уже наложилъ на поэзiю свою печать и кто въ этой области хочетъ создать что нибудь прекрасное, тотъ долженъ идти по слѣдамъ Теннисона. Три мѣсяца спустя, напечатано было третье изданiе этого сочиненiя и въ объявленiи попрежнему выставлено единогласное мнѣнiе журналовъ «что не скоро появится въ свѣтъ другое подобное произведенiе». Но въ это самое время, одна газета, прежде болѣе всѣхъ расточавшая похвалы, и которая первая открыла связь между романомъ Жоржа Занда и стихотворенiемъ Овена Мирдита, Lucile, обнаружила самымъ очевиднымъ образомъ, что Tannhauser, эта знаменитая поэма, названная Таймсомъ «the poem of the age», ни болѣе, ни менѣе, какъ жалкiй переводъ извѣстнаго либретто вагнеровою оперы того же названiя, переводъ, слѣланнiй на манеръ Теннисона! Критика замолчала, и оба поэта безъ шума низвержены съ Парнаса. Только одинъ голосъ не кетати раздался въ ихъ защиту, замѣтивъ, что все-таки слѣдовало бы отдать справедливость удачному переводу. Какъ будто мы обязаны говорить комплименты грубому вору, который запустилъ руку въ чужой карманъ!

Вы, вѣроятно, слышали о *Chronique scandaleuse* достопочтенной Нортонъ. И эта писательница когда-то принадлежала къ числу жрицъ Аполлона. Нѣсколько недѣль тому назадъ, передъ самой смертiю принца Альберта, она издала стихотворенiе въ одномъ томѣ: «The Lady of La Gagaru». Журналы, опять имѣя во главѣ своей Таймсъ (къ числу поэтическихъ критикъ котораго принадлежитъ и эта дама), не на шутку рекомендовали это произведенiе, между прочимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, «что оно съ своимъ темнымъ перелетомъ и печальнымъ содержаниемъ составляетъ весьма приличное

явленіе для такого траурнаго времени». Въ Бретани находятся развалины древнаго замка, нѣкогда принадлежавшаго графу и графинѣ La Garaye. Онъ и она молоды, хороши собою, счастливы. Однажды они отправляются на охоту. Лошадь графини падаетъ и прелестная вѣздница превращается въ калѣку. Ею овладѣваетъ отчаяніе и она начинаетъ сомнѣваться въ благости Провидѣнія и въ любви своего супруга. Но какому-то бенедиктинскому монаху удалось ее утѣшить, и она съ тѣхъ поръ стала переносить свою судьбу не только спокойно, но даже съ *благодарностью*. Наконецъ, она вмѣстѣ съ своимъ супругомъ учреждаетъ монастырь для неизлечимо-больныхъ. Вотъ что, безъ всякихъ замѣчательныхъ эпизодовъ, составляетъ содержаніе стихотворенія, наполняющаго цѣлый томъ. Критика выставляетъ на видъ, что это произведеніе понятно для всякаго читателя и не требуетъ размышленія. Если къ этому прибавлю, что стихи гладки, то вы будете имѣть понятіе о плаксивой, больничной поэзіи этого сочиненія. Что преданіе, на которомъ основанъ сюжетъ, справедливо, это не можетъ служить ни ко вреду, ни въ пользу стихотворенія.

Впрочемъ, не думайте, что поэзія, о которой я теперь говорю, составляетъ единственную современную поэзію Англій. Нѣтъ, она служитъ только поэзіей *par excellence* для такъ называемаго фэшенебнаго міра, и вотъ почему я такъ много объ ней распространился. Этотъ міръ, въ подобныхъ вещахъ, признаетъ одно только божество—приличіе, и ненавидитъ, и преслѣдуетъ все, что ему чуждо и ново, и что требуетъ оригинальнаго размышленія. Но несокрушимая, вѣчно возобновляющаяся нравственная сила Англій никогда ни въ чемъ не допускаетъ совершеннаго застоя. Поэтому и послѣ блистательной эпохи, литературная дѣятельность въ этой странѣ никогда не ограничивается трудами глоссаторовъ и комментаторовъ, и произведеніями по части исторіи литературы и по части антологій и поэтики. При всѣхъ своихъ предрасудкахъ и при всѣхъ недостаткахъ сердца этотъ народъ безпрестанно открываетъ себѣ новые пути для умственнаго владѣнія, такъ же какъ для сбыта своихъ хлопчато-бумажныхъ произведеній и для распространенія своихъ миссіонерскихъ трактатовъ. Все еще въ Англій находится кучка поэтовъ, пишущихъ для массы народа, поэтовъ низшаго разряда, мало извѣстныхъ, еще менѣе читаемыхъ и о которыхъ, быть можетъ, никто не слышалъ за границей. Сюда отнесется рядъ молодыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, которыхъ звуки большею частью раздаются въ лѣсу такъ называемыхъ магазиновъ и еженедѣль-

ныхъ изданій. Они поютъ старинную пѣсню о любви и разлукѣ, о звѣздахъ и цвѣтахъ, о морѣ и лунѣ, о пестрыхъ камняхъ и раковинахъ на морскомъ берегу и о томъ, что существуетъ въ глубинѣ человѣческаго сердца. Назову здѣсь только Аделанду Проктеръ, Александра Смита, Ричарда Гарнета, Вилльама Альнигама, Айзу Крамъ, Христинну Росетти, Чарльса Макей. Большая часть изъ нихъ издали свои стихотворенія уже отдѣльно и нѣкоторые, безъ сомнѣнн, еще напишутъ многое, весьма замѣчательное. О нихъ буду говорить впоследствии.

Но надъ всѣми ими возвышается новая школа такъ называемыхъ *прерафаэлитскихъ* поэтовъ. Движеніе, которому они обязаны своимъ существованіемъ и именемъ, я могу здѣсь обозначить только вкратцѣ. Во главѣ этой школы, которая имѣетъ свои вѣтви въ живописи, поэзіи и религіи (гдѣ приняла названіе мускулистаго христіанства), находятся Рѣскинъ, Милленсъ, Росетти, Кингсли. *Прерафаэлитизмомъ* называется здѣсь протестъ противъ аффектаціи, сантиментальности и неестественности, протестъ, который въ другихъ странахъ Европы, а именно на западѣ и югѣ, постоянно, уже цѣлое столѣтіе, обнаруживался то съ большимъ, то съ меньшимъ жаромъ. Въ теченіе этого времени ему давали сто различныхъ именъ, и хорошихъ, и дурныхъ, и вѣрныхъ, и ложныхъ; но каково бы ни было названіе, сущность заключается въ естественномъ стремленіи ума освободиться отъ стѣснительныхъ оковъ формальности и лжи. При неограниченномъ самолюбіи Британцевъ съ одной стороны, и ихъ продолжительной отчужденности отъ остальнаго европейскаго міра съ другой, голосъ этого протеста долго не проникалъ въ Англію. Между тѣмъ цѣль его заключается не болѣе, не менѣе, какъ въ совершенной революціи (или реакціи) въ духовной жизни. Самое названіе должно было прежде всего въ живописи означать возвращеніе къ до-рафаэлевскому времени и ненависть ко всему искусственному и театральному, появившемуся потомъ. Последователи этого ученія хотѣли, чтобы натура, и только одна натура, постоянно во всѣхъ своихъ фазахъ служила предметомъ подражанія. Такимъ образомъ эта новая теорія была ни болѣе, ни менѣе, какъ выраженіе мысли Руссо. Во всемъ этомъ нѣтъ еще ничего особенно бросающагося въ глаза, но дѣло въ томъ, что въ Англіи это движеніе приняло особый характеръ. Сюда замѣшались идеи христіанства. Рѣскинъ, главный апостолъ этой секты, одинъ изъ отличнѣйшихъ стилистовъ и безалабер-

нѣйшихъ людей, пишетъ: «Когда Рафаэль въ Ватиканѣ, въ виду христіанства, типически представленнаго имъ въ Христѣ, изобразилъ Аполлона, какъ представителя поэзіи, тогда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ смертный приговоръ искусству. Съ тѣхъ поръ красота ставилась выше истины, тогда какъ прежде было наоборотъ, и живописецъ Ориagna изобразилъ своихъ царей закрывающими носы при видѣ истлѣвшихъ труповъ. Съ тѣхъ поръ въ искусство вкрались лѣньность, невѣріе, чувственность и тщеславіе... Этой порчѣ всѣми силами будетъ противодѣйствовать новая школа Англій... Но если сама она впадетъ въ ошибки среднихъ вѣковъ или въ романтизмъ, тогда для нея настанетъ конецъ»... Не распространяясь объ этомъ предметѣ, я, однакожь, не могу не замѣтить, что послѣдователи этого ученія не раздѣляютъ нѣлпаго мнѣнія своего учителя, а если и раздѣляютъ, то не вполне. Хотя между ними не нашелся ни одинъ живописецъ, который, при всемъ своемъ христіанскомъ настроеніи, могъ бы стать выше Рафаэля, все же рабское копированіе такъ называемой природы и картинъ древнѣйшихъ мастеровъ принесло свою пользу и много содѣйствовало къ лучшему уразумѣнію живописи.

Я долженъ былъ коснуться этого предмета, чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о полурелигіозномъ реализмѣ—если можно такъ выразиться—распространяющемся въ области литературы. Многіе изъ этихъ молодыхъ живописцевъ въ то же время литераторы, а нѣкоторые—поэты, какъ, напримѣръ, Данте Росетти, Морисъ и др. Но въ послѣднее время они не представили ничего особенно-замѣчательнаго, кромѣ Росетти, который удачно перевелъ поэтовъ, жившихъ прежде Данта. Поэтому мы подождемъ до другаго случая, и тогда распространимся о ихъ стихотворной дѣятельности. Здѣсь упомянемъ только о прекрасномъ поэтическомъ талантѣ Кингсли (Kingsley), знаменитаго теолога и романиста, представителя того же направленія на теологическомъ и социальномъ поприщѣ, который въ своемъ стихотвореніи «Андромеда» рѣшился, въ чувственныхъ образахъ, изобразить деликатный мифологическій сюжетъ, — смѣлость большая для поэта его школы.

Обратився къ другой области литературы, къ роману, гдѣ Англій съ давнихъ временъ безспорно принадлежитъ пальма первенства. Причины такой побѣды, правда не слишкомъ трудной, главнымъ образомъ заключаются въ разнообразной жизни народа, въ его несокрушимой тѣлесной и нравственной силѣ, соединенной съ необыкновенно-забавнымъ юморомъ, который не многіе понимаютъ, въ неутомимой

дѣятельности, въ живомъ личномъ участіи, какое принимаетъ каждый гражданинъ въ судьбѣ своей страны. Немаловажнымъ вспомогательнымъ средствомъ при этомъ служитъ самый языкъ, который богатъ матеріаломъ не столько для выраженія отвлеченныхъ идей, сколько для представленія вещественныхъ предметовъ, доступныхъ зрѣнію, слуху, всѣмъ вообще чувствамъ. Упомянемъ напередъ о трехъ романистахъ, которые служатъ любимцами публики уже цѣлыхъ тридцать лѣтъ и до настоящей поры не прекратили своей неутомимой дѣятельности: Теккерей, Диккенсъ и Бульверъ. Всѣ три свѣтила начинаютъ меркнуть равномерно, между тѣмъ какъ восходятъ на горизонтъ новыя, быть можетъ, болѣе блистательныя. Прежде всего скажемъ о Бульверѣ, котораго послѣдній романъ «A strange story» вышелъ только на этихъ дняхъ. Этотъ писатель всегда былъ подражателемъ и такъ же разнообразенъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ и самыя образцы, которыми онъ пользовался; тогда какъ Диккенсъ и Теккерей до того оригинальны, что ихъ можно было бы назвать основателями новыхъ школъ, еслибъ ихъ ученики не довели тонъ своихъ мастеровъ до нелѣпости и не произнесли надъ собой такимъ образомъ своего собственнаго смертельнаго приговора. Диккенсъ всегда остается Диккенсомъ, какъ въ отношеніи своихъ хорошихъ качествъ, такъ и въ отношеніи дурныхъ. Онъ углубляется въ самыя мелкія подробности обыденной жизни и умѣетъ извлекать изъ нихъ неисчерпаемыя сокровища юмора, печали и поэзіи. За то онъ отличается также совершеннымъ отсутствіемъ всякаго разумнаго плана и преувеличеніемъ характеровъ, которые почти всегда, противъ воли его, выходятъ каррикатурами. Теккерей, кромѣ оригинальности мысли, отличается глубокимъ взглядомъ на жизнь, но онъ часто повторяетъ себя, нерѣдко выводитъ на сцену прежнія лица и заставляетъ ихъ дѣйствовать и говорить, такъ какъ они дѣйствовали и говорили въ другомъ сочиненіи. Бульверъ, напротивъ, всегда поразительно новъ и всегда выступаетъ передъ публикой съ глубоко и подробно обдуманномъ планомъ. Отсюда, однакожъ, не слѣдуетъ, что онъ заслуживаетъ предпочтенія передъ двумя другими романистами. Онъ въ высшей степени ловокъ, но у него не достаетъ того качества, которымъ отличаются оба другіе, именно гениальности. Въ настоящее время онъ единственный изъ значительныхъ писателей, служащій представителемъ того мистическаго направленія, которое составляетъ спеціальность для мамокъ и для театровъ, находящихся въ предмѣстіяхъ.

Если Бульверъ—при такомъ невѣдѣніи вѣка желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ—надѣется своею *strange story* возбудить въ читателѣ таинственный ужасъ, какой прежде на публику производили подобныя романы, то онъ крайне ошибается въ своемъ расчетѣ. Скептицизмъ настоящаго времени признаетъ эту книгу просто скучною. Жаль, что такой опытный писатель, пользующійся такою огромною славою, принимаетъ на себя такую неприличную роль, тѣмъ болѣе жаль, что за этотъ романъ владѣльцами Деккенсова журнала «*All the year round*», гдѣ появился онъ впервые (и гдѣ до сихъ поръ появляется, независимо отъ изданія его отдѣльною книгою), заплачена баснословная для другихъ странъ сумма, почти въ четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ. Вы, вѣроятно, еще прочтете этотъ романъ, и потому я не намѣренъ здѣсь излагать его содержаніе. Но я долженъ васъ предупредить, что вы въ этой книгѣ встрѣтите длинныя, предлинныя диссертации о галлюцинаціяхъ; безконечныя цитаты изъ давно забытыхъ заплесневѣлыхъ медицинскихъ сочиненій; сцены убійства, съумасшествія, магнетизма; магическіе круги; черные и бѣлые скелеты; чудовищныя глаза; заклинанія посредствомъ электрическихъ жезловъ, исписанныхъ какими-то восточными письменами, вышедшими изъ употребленія. А мораль—то какая? Вотъ изволите видѣть (и да послужитъ вамъ это образчикомъ): бездушная физическая природа, въ томъ видѣ, какъ она представляется матеріалисту; умъ, упорно устранившій отъ участія въ своихъ спекуляціяхъ нравственное начало человѣка и потому безпрестанно впадающій въ заблужденія, пока наконецъ не успокоивается въ простой вѣрѣ, сближающей ребенка съ философомъ; въ-третьихъ, образъ блуждающаго, но праведнаго духовидца, который на этомъ свѣтѣ хочетъ отдѣлить душу отъ тѣла, пока наконецъ сама невинность не вводится въ заблужденіе фантомомъ и пока не теряется самый разсудокъ въ пространствѣ между небомъ и землею, — вотъ картины, какія авторъ представляетъ читателю. Во всѣхъ этихъ бредняхъ нѣтъ ни одного разумнаго слова. Если вся эта мистика, наполняющая цѣлыхъ два тома и мѣстами написанная прекрасно, выдумана для того, чтобы служить апологіею христіанству, то такую мѣрою авторъ оказываетъ этому ученію болѣе плохую услугу, чѣмъ даже Вольтеръ и Гейне. Но какъ объяснить изданіе въ свѣтъ подобнаго набора самой дикой чепухи и притомъ со стороны человѣка, рискующаго чрезъ то потерять свою огромную славу? Одно изъ двухъ: либо авторъ самъ отчасти сошелъ съ ума, либо

онъ считаетъ полусъумасшедшею публику. Последнее обстоятельство, конечно, было бы самое неутѣшительное, потому что Бульверъ превосходно знаетъ своихъ соотечественниковъ. Злые языки говорятъ, что Диккенсъ нарочно согласился напечатать этотъ романъ въ своемъ журналѣ, съ цѣлью унижить своего соперника. Такое предположеніе служить только печальнымъ доказательствомъ испорченности человѣческаго сердца.

Слѣды упадка энергіи видны также въ превосходномъ талантѣ Теккерей. Романъ этого писателя, «Приключенія Филиппа въ его странствованіяхъ по свѣту», печатаемый теперь въ его журналѣ «Cognhill Magazine», слабѣе тѣхъ блистательныхъ произведеній, которыми авторъ составилъ себѣ такую громкую извѣстность (*). Впрочемъ рѣшительнаго сужденія нельзя произнести объ этомъ романѣ, такъ какъ онъ еще не напечатанъ до конца. Есть въ немъ превосходныя мѣста, гдѣ представлены мѣткія и тонкія черты характеровъ, какія въ состояніи изобразить одинъ только Теккерей.

Говорить о последнемъ романѣ Диккенса «Большія ожиданія» я едва рѣшаюсь, такъ какъ это произведеніе уже не принадлежитъ къ литературнымъ новостямъ. Правда, описанія, помѣщенные въ этой книгѣ, какъ-то описаніе кладбища, болота и каторжника, принадлежать къ самымъ мастерскимъ картинамъ, когда либо выходившимъ изъ-подъ пера этого автора; фигуры и выходки Веммика, его престарѣлаго отца и миссъ Скиффинсъ до того забавны и уморительны, что, повидимому, въ состояніи разогнать въковую меланхолію древняго Египта и вызвать улыбку въ задумчивыхъ, безчувственныхъ сонникахъ. Но во всемъ этомъ романѣ вы менѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ произведеніи Диккенса, найдете какой либо слѣдъ даже возможнаго характера, не говоря уже о томъ, что образъ невѣсты, сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ сидящей за своимъ свадебнымъ столомъ, не меня бѣлья, составляетъ явленіе весьма не эстетическое. Авторъ, впрочемъ, теперь пишетъ новый романъ; быть можетъ, онъ создастъ что нибудь болѣе замѣчательное. Его друзья увѣряютъ, что это бу-

---

(*) Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о «Базарѣ житейской суеты», романѣ, въ которомъ талантъ Теккерей является въ полномъ своемъ блескѣ и съ которымъ наша публика давно знакома, благодаря превосходному переводу покойнаго И. И. Введенскаго.

дѣть лучшимъ его произведеніемъ. Будемъ надѣяться! Во всякомъ случаѣ, по выходѣ этого сочиненія, я надѣюсь вамъ написать свое мнѣніе о немъ безпристрастно, *sine ira et cum studio*.

Въ другихъ странахъ, послѣ такой плодотворной дѣятельности, какою отличалась англійская беллетристика въ послѣдніи сто и болѣе лѣтъ, обыкновенно мало по малу является застой. Старыя знаменитости увядаютъ, а новыя не могутъ достигнуть ихъ прежняго блеска. Одно устарѣлое моколѣніе за другимъ, и авторовъ и читателей, хорошо затягиваетъ пѣсню о счастливыхъ минувшихъ временахъ, и о томъ, что Титаны вымираютъ и на мѣсто ихъ являются пигмеи. Это горькій упрекъ молодымъ современникамъ, не успѣвшимъ опериться. Умъ народа какъ будто изсыхаетъ и старикамъ остается жить одними воспоминаніями. Но подобнаго явленія пока, къ счастью, не бывало въ Англій. Въ одно время съ старыми знаменитостями, приходящими въ упадокъ, всегда находится здѣсь большое число молодыхъ значительныхъ талантовъ. Каждый годъ вы изъ множества появляющихся романовъ можете выбрать *по крайней мѣрѣ* четыре или пять дѣйствительно хорошихъ, а иногда отличныхъ. Изъ новыхъ авторовъ назову только двухъ уважаемыхъ братьевъ Кингсли, а также Ширли Брукса, Антони Троллопа, Чарльза Рида, Уильки Коллинса и въ особенности Джорджа Эллиота. Изъ нихъ Чарльзъ Ридъ, въ концѣ прошлаго года издалъ гениальный романъ «*Cloister and Hearth*». Къ числу новѣйшихъ произведеній этого рода относится также «*Женщина въ бѣломъ*», Уильки Коллинса. Этотъ авторъ въ настоящее время пишетъ новый романъ, подъ заглавіемъ «*No name*». Антони Троллопъ, этотъ остроумный и въ высшей степени интересный писатель, занятъ теперь печатаніемъ второй части своей «*Orleg Farm*». Кингсли младшій кончаетъ свое сочиненіе «*Ravenhoe*», произведеніе прелестное отъ начала до конца. Уильки Коллинсъ, право, сильно дѣйствуетъ на нервы читателей и притомъ близко подходитъ къ той дорогѣ, которая новела Бульвера въ болото, съ блуждающими огнями. Но онъ знаетъ гдѣ остановиться и хотя раздражаетъ фибры, но въ то же время умѣетъ и веселить. Наконецъ, мнѣ пріятно вамъ сообщить надежду на скорый выходъ въ свѣтъ новаго романа изъ—подъ пера нашей безспорно значительнѣйшей писательницы, скрывающейся подъ псевдонимомъ Джорджа Эллиота. Ея романы Адамъ Бидъ, Мельница на флоссѣ и Сайласъ Марнеръ, каждый въ своемъ родѣ, такіа

законченныя произведенія, что въ этомъ отношеніи едва ли можно съ ними сравнить другое какое бы то ни было новѣйшее сочиненіе. Надо только желать, чтобы, съ одной стороны, баснословныя цѣны, платимыя книгопродавцами, а съ другой, легкость производства не заставили эту писательницу преждевременно расточить свой необыкновенный талантъ.

Теперь я долженъ упомянуть объ одномъ писателѣ, который уже дѣлается основателемъ новой школы, Джорджъ Сэла (Sala). Онъ гдѣмъ болѣе будетъ имѣть для васъ интереса, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ написалъ весьма пикантную книгу о Россіи: «A journey in the North», и недавно издалъ переводъ русской повѣсти Тургенева «Муму» (*), вмѣстѣ съ оригинальнымъ рассказомъ, озаглавленнымъ: «Двѣ примадонны». Съ необыкновенною наблюдательностію, остроуміемъ, ловкимъ перомъ и замѣчательнымъ знакомствомъ съ книгами разныхъ націй, онъ соединяетъ циническій сарказмъ Теккерея и юморъ Диккенса и могъ бы такимъ образомъ занять весьма высокое мѣсто въ новой литературѣ, еслибъ не отличался однимъ недостаткомъ—крайнею вульгарностію. Къ несчастію, уже образовалась цѣлая толпа юныхъ писателей, которые, не обладая и атомомъ чрезвычайнаго таланта Сэла, съ успѣхомъ усваиваютъ себѣ его грубую и утрированную манеру. Непереборность, съ какою эти невѣжды, отъ которыхъ разить табакомъ и водкой, обращаются съ читателемъ, становится невыносимою. Къ сожалѣнію, мало надежды на скорое уничтоженіе этой заразы. Надо замѣтить, что это направленіе имѣетъ свое основаніе, такъ какъ оно служитъ выраженіемъ нѣкоторымъ фазамъ соціальной жизни, дѣйствительно существующимъ. Общественная дѣятельность Англіи, особенно въ Лондонѣ, до того развита, что для чтенія остается мало времени. Публика теперь далеко не такъ взыскательна къ изящной формѣ сочиненія, какъ во времена Вальтера Скотта, Чарльза Лама и др. Масса ея готова читать всякую книгу, лишь бы только эта книга была не скучна. Поэтому авторовъ, пишущихъ исключительно изъ-за денегъ и откровенно въ этомъ сознающихся, нельзя черезъ-чуръ винить за то, что они такъ мало цѣнятъ читателя, который находитъ удовольствіе въ чтеніи ихъ произведеній. Публика, для которой трудится эта нован

(*) Повѣсть эта въ англійскомъ переводѣ названа «The dumb porter» (Нѣмой дворникъ).

школа, состоитъ изъ средняго сословія, аффектированнаго, пошлаго, необразованнаго и жаднаго до всякихъ сильныхъ ощущеній, какого бы рода они ни были. Новѣйшія стремленія къ распространенію между народомъ всѣхъ возможныхъ наукъ посредствомъ лекцій, дешевыхъ книгъ и школъ, стремленія, похвальные сами по себѣ, не приводимыя въ исполненіе съ неблагоразумной поспѣшностью, въ подражаніе скорости желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, не мало содѣйствуютъ къ развитію любви ко всякому вздору, кажущемуся ученымъ и который представляется въ видѣ забавы. Простой народъ, въ особенности, всегда находилъ величайшее удовольствіе въ отвратительномъ смѣхѣ, возбуждаемомъ карриатурою надъ всякимъ прекраснымъ и важнымъ явленіемъ. Тотъ самый духъ, который вѣетъ въ произведеніяхъ Сэла и его журналѣ Temple Bar (подобно Диккенсу и Теккерю, Сэлу издаетъ свой журналъ, гдѣ собираетъ своихъ учениковъ: Сень Джона, Фонбланга и др.), — тотъ самый духъ проявляется и въ пошломъ фарсѣ многихъ здѣшнихъ театровъ. Будемъ надѣяться, что умные голоса, уже возставшіе противъ такого отвратительнаго направленія, наконецъ одержать верхъ. Что можетъ быть хуже для Англіи тривіальности Гейне, при отсутствіи его граціи? Будто какой-то грубый боксеръ втесался въ изящную литературу и тамъ началъ предаваться усерднымъ возліаніямъ джина и эля. Послѣдній романъ Сэла: «Семь сыновей Маммона», самое блистательное произведеніе, принадлежащее къ этому направленію. Презрѣніе къ публикѣ и къ критикѣ едва ли когда нибудь выражалось съ такимъ нахальствомъ, какъ въ предисловіи къ этому сочиненію. Изъ семи обѣщанныхъ сыновей появилось только пятеро и авторъ увѣряетъ, что онъ и не думалъ написать болѣе и что еслибъ онъ захотѣлъ представить всѣхъ семерыхъ, то долженъ былъ бы сочинить восемнадцать томовъ, вмѣсто трехъ. «Впрочемъ, прибавляетъ онъ, мнѣ все равно, что скажутъ на это: я въ отношеніи насущнаго хлѣба не завишу отъ книгопродавцевъ»... Жаль, до крайности жаль, что такой необыкновенный талантъ унижалъ себя до грубаго цинизма и своимъ примѣромъ увлекаетъ другихъ.

Отъ этого грязнаго болота перехожу въ другое поле литературы, на которомъ Англичане, съ легкой руки Боза—Диккенса, явились всѣми мастерами, именно къ *жанру*. Самая тонкая наблюдательность, проникающая въ самые затаенные углы предмета и свободная отъ всякихъ предвзятыхъ идей; неограниченное господство надъ сло-

вомъ, въ связи съ увлекательнымъ юморомъ, который, еслибъ менѣе былъ добродушенъ, назывался бы остроумнымъ; наконецъ, неисчерпаемое обиліе матеріаловъ (такъ какъ всякая бездѣлица, подмѣченная въ опредѣленный моментъ, съ свойственною однимъ Англичанамъ иѣткостью, можетъ служить сюжетомъ для жанра), — вотъ условія, содѣйствовавшія въ Англіи появленію ряда великолѣпнѣйшихъ картинъ, заключенныхъ въ самыя тѣсныя рамки. Кромѣ Диккенса и Теккерея, должно отнести сюда дѣлаую толпу писателей, прославившихся произведеніями этого рода: Поллингшеда, Ричи, Мои Томаса, Уиллса, даже Сале, пока онъ держался въ предѣлахъ приличія, и безчисленное множество другихъ. Труды ихъ на этомъ поприщѣ разсыяны въ еженедѣльныхъ и ежесѣчныхъ изданіяхъ, но иногда, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ или годовъ, они собираются и издаются отдѣльно. Въ настоящую минуту нѣтъ ничего новаго по этой части; но я васъ увѣдомлю, какъ только появится что нибудь замѣчательное.

Къ этому роду произведеній естественнымъ образомъ примыкають описанія путешествій, такъ какъ они представляютъ рядъ картинъ и очерковъ, относящихся къ дальнимъ странамъ. Самое замѣчательное произведеніе изъ множества замѣчательныхъ, принадлежащихъ къ этой области, есть сочиненіе, вышедшее нѣсколько недѣль тому назадъ, подъ заглавіемъ: «Посѣщеніе священнаго города Утага». Книга эта написана капитаномъ Бёртономъ, который извѣстенъ своимъ путешествіемъ въ Мекку. Авторъ отличается остроуміемъ, солью, мастерскимъ языкомъ и врожденною склонностью къ странствованіямъ. На этотъ разъ онъ увлекся Джономъ Снитомъ и мормонизмомъ, а именно многоженствомъ или полигаміею, какъ называется это ученіе въ новѣйшее время. Сочиненіе остроумно, оригинально и исполнено великолѣпнѣйшихъ поэтическихъ описаній. Притомъ оно служитъ апологомъ вѣтхозавѣтнаго учрежденія, священнаго религіею патріарховъ, и введеніе котораго въ Европу еще недавно не нашутку предложено было однимъ англійскимъ колоніальнымъ епископомъ. Поэтому не мудрено, что книга произвела много шума. Мнѣ едва ли нужно распространяться объ одной стихіи лондонской жизни, которая, подъ названіемъ «соціального повѣтрія», уже почти два года служитъ постояннымъ предметомъ разсужденія какъ въ хорошихъ семейныхъ домахъ, такъ и въ литературѣ. Это повѣтріе не признается оффиціально присутственными мѣстами, и потому невѣдомо для закона. Но благочестивое духовенство посвящаетъ ему полуночныя митинги,

съ чаемъ, пирогами и миссіонерскими проповѣдями, въ одномъ изъ блистательнѣйшихъ и удобнѣйшихъ салоновъ знаменитаго Реджентсъ-стрита. По этому же поводу устраиваются всѣ возможные миссіонерскіе пріемные дома, съ великоовѣтскою роскошью. Это повѣтріе не рѣдко закрадывается въ древнія аристократическія семейства, какъ то, ко всеобщему ужасу публики, ясно обнаружилъ замѣчательный Уиндгемскій процессъ. Съ другой стороны, матери изъ Бельгравии (самой эшїоннебельной части города) жалуются, что ихъ дочери, несмотря на всѣ свои совершенства, остаются дѣвами, тогда какъ молодые люди заключаютъ самыя безразсудныя связи, утверждая, что не въ состояніи жениться. Является Бёртонъ и, безъ всякихъ обиняковъ, съ полною откровенностью, увѣряетъ, что жители священнаго города, несмотря на многоженство, не грубѣе насъ и что ихъ дѣти здоровѣе и сильнѣе, а жены счастливѣе и вѣрнѣе, нежели у жителей Европы. Такое увѣреніе не могло не возбудить раздумья въ матеряхъ и дочеряхъ, въ людяхъ женатыхъ и холостыхъ. Впрочемъ, въ другихъ отношеніяхъ, книга, хотя въ ней вообще все представлено въ слишкомъ розовомъ цвѣтѣ, весьма интересна и замѣчательна. Она вызываетъ на размышленіе, и порождаетъ въ читателѣ разныя новыя мысли относительно того, что онъ привыкъ называть цивилизаціею, культурою и нравственностью.

Другое чрезвычайно-поучительное сочиненіе, изложенное съ большою основательностью, но въ которомъ преобладаетъ историческій элементъ, есть сочиненіе Е. Г. Рэвенстейна, подъ заглавіемъ: «Русскіе на Амурѣ». Въ немъ представлено, какъ сѣверный берегъ Амура, послѣ усилій, продолжавшихся болѣе ста лѣтъ, окончательна сдѣлался русскимъ, и показаны прежнія изслѣдованія этого края, произведенныя русскими учеными, успѣхи миссій и описанія самихъ Китайцевъ. Книга украшена множествомъ картъ и разныхъ рисунковъ и читается легко. Война съ Китаемъ 1860 года также весьма хорошо описана нѣсколькими авторами. Одно изъ лучшихъ описаній ея издалъ Суинго (Swinhoe), бывшій во время экспедиціи переводчикомъ сэра Гопъ Грента. Онъ сумѣлъ представить въ яркомъ свѣтѣ странную роль, какую хитрый Санколиансінъ игралъ въ отношеніи союзныхъ войскъ. Жаль только, что Суинго говоритъ о военныхъ дѣлахъ, какъ человекъ, не знакомый съ военнымъ искусствомъ. Безчисленное множество книгъ объ Америкѣ, написанныхъ болѣе или менѣе по случаю гражданской войны Сѣверо-американскихъ штатовъ, сюда не

относятся. Но скоро долженъ явиться рядъ новыхъ и хорошихъ сочиненій о путешествіяхъ и я не замедлю о нихъ представить свое мнѣніе.

Вышли еще два изданія, важныхъ каждое въ своемъ родѣ. Одно изъ нихъ, сочиненіе Ньютона, содержитъ описаніе галликарнасскихъ и другихъ древностей (между прочимъ и развалинъ мавзолея, открытыхъ самимъ авторомъ и находящихся теперь въ британскомъ музее). Къ этому сочиненію принадлежитъ огромный томъ великолѣпныхъ гравюръ. Все изданіе стоитъ отъ двѣнадцати до пятнадцати гиней. Другая книга содержитъ переписку Лейба Гѣнта, знаменитаго писателя и короткаго пріятеля Байрона и Шелли. Она издана старшимъ сыномъ покойнаго автора. Въ ней кромѣ многихъ драгоценныхъ писемъ, между прочимъ лорда Макола, находится богатый матеріалъ для исторіи того времени. Притомъ, книга бросаетъ яркій свѣтъ на эпоху и ея людей. Но оба изданія только, что вышли. Я ихъ еще не успѣлъ прочесть и потому долженъ отложить отчетъ о нихъ до другаго времени.

О театрѣ, къ счастью, мнѣ на этотъ разъ рѣшительно нечего говорить. На сценѣ все еще царитъ пантомима, а распространяться объ этомъ пошломъ царствѣ теперь не время и не мѣсто. Все представленіе, какъ извѣстно, состоитъ изъ вѣчнаго угощенія колотушками, изъ разныхъ плутней, прыжковъ балетчицъ, безконечной выставки золоченой и высеребренной бумаги и голубыхъ и красныхъ огней, и изъ совершеннаго пренебреженія всѣхъ человѣческихъ и гражданскихъ законовъ, а также законовъ логики и анатоміи. До сихъ поръ ни одна человѣческая голова не въ состояніи разгадать, какое значеніе въ англійской пантомимѣ имѣютъ неизбѣжный арлекинъ, Коломбина и Панталонъ, на долю котораго приходится девять десятыхъ ударовъ, щедро раздаваемыхъ всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ. Несчастные, видимо, съ каждымъ годомъ становятся скучнѣе, какъ будто чувствуютъ бесполезность своего сущест্বованія. Только роль Клоуна ясна и опредѣлена. Онъ садится на шею всѣмъ дѣтамъ, участвующимъ въ шествіи и угощаетъ коленнымъ желѣзомъ всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, въ особенности же Панталона и полицейскаго служителя, который увивается около кухарокъ не столько для пріобрѣтенія ихъ любви, сколько для того, чтобы добыть вкусный кусочекъ баранины. Кромѣ того, онъ ложится у дверей съ тѣмъ, чтобы выходящіе спотыкались на немъ и падали. Но главная дѣятельность этого милаго

любимца грацій и британской публики заключается въ воровствѣ. Онъ не пренебрегаетъ ничѣмъ: крадетъ колясочку съ плачущими дѣтьми, снимаетъ вывѣску съ третьяго этажа, срываетъ съ кормилицы шляпку вмѣстѣ съ головой къ великой потѣхѣ малютокъ, и уноситъ свинью, приготовленную мясникомъ для убоя. И все онъ ухищрается спрятать въ свой бездонный карманъ. Онъ пробирается всюду и кожа его, по-видимому, также безчувствевна, какъ дубленая шкура быка. Скажу вамъ по секрету: эта пантомима, отъ Рождества до Пасхи, за цѣлый годъ поддерживаетъ на своихъ тощихъ ногахъ три четверти здѣшнихъ театровъ.

Благодаря небу, это междуцарствіе теперь приходитъ къ желанному концу. Кинъ, бездарный сынъ даровитаго отца, объявленъ для Дзури Лэна, а Фехтеръ, этотъ феноменъ, французскій сынъ нѣмецкихъ родителей, играющій на англійской сценѣ, — для театра Приисеесъ. Оба будутъ участвовать въ шекспировскихъ пьесахъ. Фехтеръ дѣйствительно совершилъ неслыханный подвигъ: онъ представилъ англичанамъ сначала Гамлета, а потомъ Отелло на нѣмецкій манеръ, такъ что они были внѣ себя отъ изумленія. Они удивлялись, что можно играть пять дѣйствій сряду, ни разу не ревя. акн левъ разъяренный и не прыгая, въ минуты вдохновенія, на подмосткахъ, изображающихъ міръ. Они, дѣйствительно, упрекнули Фехтера, что онъ не умѣетъ ни кричать, ни прыгать порядочно: по ихъ мнѣнію, онъ *слишкомъ интеллектуаленъ* для Шекспира, понимаете ли?

Теперь приближается весна. На улицахъ продаются букеты фіалокъ и деревья начинаютъ зеленѣть. Вмѣстѣ съ весною приближается сезонъ, этотъ золотистый лучъ въ туманной атмосферѣ Лондона. Въ этотъ разъ онъ, вѣроятно, будетъ блистательнѣе, чѣмъ когда либо. Уже возвышаются золотые купола надъ храмомъ всемірной выставки, гдѣ соберутся всѣ націи земли. День и ночь тысячи рукъ заняты устройствомъ и украшеніемъ этого зданія. Со всѣхъ концовъ свѣта прибываютъ сюда дары и вскорѣ подымутся милліоны людей для великаго странствованія девятнадцатаго столѣтія.

ПѢСНЯ БИТВЫ.

(изъ записки).)

Свѣтлый и холодный
День — съ зарей проснулся,
И пѣтухъ на вышкѣ
Съ крикомъ встрепенулся.

Ну, бодрѣе братья!
Крѣпкими мечами
Бейтесь съ новой силой —
Будетъ бой за нами....

Пусть сломались копья,
Панцыри разбиты —
Бейтесь и ищите
Лишь въ себѣ защиты!

Прочь вино и жѣны —
Бой за нами! Вѣрьте:
Стѣять вольный воли,
Стѣять храбрый смерти!

Ө. БЕРГЪ.

КНЯЖНА ПРАСКОВЬЯ ГРИГОРЬЕВНА ЮСУПОВА.

I.

ССЫЛКА ВЪ ТИХВИНСКІЙ ВВЕДЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Въ сентябрѣ 1730г. въ тихвинскій Введенскій дѣвичій монастырь привезли изъ Москвы съ солдатами молодую женщину на заточеніе въ монастырь.

Тихвинскій архимандритъ Феодосій, подъ начальствомъ котораго былъ монастырь, выдалъ росписку сержанту въ полученіи ссыльной и передалъ ее съ рукъ на руки игуменьѣ Дорофеѣ, съ приказаніемъ держать на-крѣпко привезенную особу и никого къ ней не допускать.

Это была княжна Прасковья Григорьевна Юсупова, дочь извѣстнаго въ царствованіе Петра I-го генерала Григорья Дмитріевича Юсупова, скончавшагося 2 сентября 1730 года.

Что было поводомъ къ удаленію отъ двора и ссылкѣ княжны Прасковьи Григорьевны—объ этомъ никто не зналъ, кромѣ Андрея Ивановича Ушакова, повѣреннаго всѣхъ придворныхъ тайнъ, оканчивавшихся ссылкой, и въ указѣ къ архимандриту изъ сената ничего объяснено не было. Въ Москвѣ носились слухи, что княжна была предана Елизаветѣ Петровнѣ, интриговала вмѣстѣ съ отцомъ своимъ о возведеніи цесаревны на престолъ, и что это была причина ссылки; другіе рассказывали, что княжна сослана за отца, который будто бы былъ въ числѣ лицъ, желавшихъ огривичать самодержавіе Анны Иоанновны; на-

конец болтали, что ссылка княжны была просто семейная интрига брата ея, камергера Бориса Григорьевича Юсупова, который ненавидѣлъ сестру свою и желалъ воспользоваться всѣмъ имѣніемъ.

Въ монастырѣ и объ этихъ слухахъ никто не зналъ. Игуменья приняла княжну на общемъ основаніи присылаемыхъ ссыльныхъ и на первый разъ помѣстила ее у себя въ кельѣ. Изъ пышныхъ палатъ, разлученная съ матерью своею, княжна Прасковья Григорьевна очутилась въ тѣсной кельѣ, и по указанію игуменья помѣстилась въ углу, за занавѣской, у дверей. Бѣдная кровать, деревянный столъ и стулъ составляли единственное украшеніе ея новаго жилища. Княжна горько заплакала и, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, не отвѣчая ни на какой вопросъ, закуталась въ одѣяло и продолжала стонать и плакать. Присутствіе уродливой по наружности крѣпостной дѣвки, калмычки Марьи, привезенной съ княжною въ монастырь, наводило еще больше тоски на княжну, напоминая ей недавнее, вольное, счастливое житье....

Но какое горе не смягчается временемъ? Сердце привыкаетъ къ тоскѣ, процессъ вѣтшей жизни постепенно отвлекаетъ вниманіе страдающаго отъ внутреннихъ страданій, новыя заботы замѣняютъ дѣятельность, остановившуюся въ минуту случившагося горя, и несчастіе, отъ котораго въ первую минуту кажется можно умереть, становится не такъ тяжелымъ и даже возможно-переносимымъ... Такъ случилось и съ княжною. Черезъ нѣсколько дней своей ссылки, она уже не такъ часто плакала, познакомилась съ игуменьей Доросеею, съ другими монахинями и начала заботиться объ улучшеніи своего положенія... Средствъ къ этому у княжны было достаточно: во-первыхъ, у нея были деньги, потомъ, мать ея, княгиня Анна Никитична Юсупова обѣщала ей прислать вскорѣ служанокъ, повара и обильное количество състныхъ припасовъ. Княжна узнала отъ игуменья, что въ монастырѣ есть свободная отдѣльная келья, въ которой жила до ея пріѣзда какая-то ссыльная *Калушкина*, которую императрица велѣла прислать къ себѣ ко двору, въ Москву. Княжна принялась убѣждать игуменью помѣстить ее въ эту келью, и если можно, то продать ей. Эта сдѣлка была очень выгодна для игуменья, но она не рѣшилась переимѣнить княжну изъ своей кельи безъ позволенія архимандрита и безъ предварительныхъ согласеній съ подъячими архиерейскаго приказа, и потому отправилась въ Новгородъ, чтобъ устроить это дѣло.

Уѣзжая, игуменья приставила къ княжнѣ присмотрщицу, которая, какъ мы увидимъ, имѣла большое вліяніе на судьбу княжны.

Въ Тихвинскомъ посадѣ (нынѣшній городъ Тихвинъ) жилъ кузнецъ Иванъ Ивановъ, по прозванію Юленевъ. У него была одна дочь Анна. Иванъ въ 1700 г. умеръ; жена его, оставшись владѣтельницею дома и всего имущества, продала все кузнечное производство и занялась торговою съѣстныхъ припасовъ, пекла хлѣбы и калачи, закупала и перепродавала различныхъ харчъ. Къ этому ремеслу приучила и дочь Анну. Въ 1716 году умерла и вдова—кузнечиха; Анна осталась хозяйкою. Главный сбытъ съѣстныхъ припасовъ Анны былъ въ Введенскомъ монастырѣ и по этому случаю она была лично извѣстна игуменѣ и всемъ монахинямъ и прислужницамъ монастырскимъ. Игуменья, у которой бывали нерѣдко пирушки заклепныя, весьма часто имѣла надобность въ Аннѣ, и по случаю тайныхъ пирушекъ имѣла къ Аннѣ полное довѣріе. Уѣзжая въ Новгородъ, игуменья придумала поручить особенное наблюденіе за княжною Аннѣ, во время своего отсутствія и предложила Аннѣ перевзять изъ ея дома въ монастырь въ свою келью, до ея возвращенія изъ Новгорода.

— Не бойся, Аннушка, говорила игуменья, труды твои не пропадутъ—ссылная важная персона, княжна Юсупова; она прислана къ намъ подъ начальство—мнѣ нужно смотрѣть за ней; ты дѣвка вѣрная... потрудись для меня.

— Да какъ же, матушка, домъ-то покинуть, чѣмъ кормиться? отвѣчала Анна.

— Ничего твоего не пропадетъ, Аннушка, чѣмъ кормиться—не тужи! Княжна богата, у нея свои харчи, княжескія... Мать ей не давно прислала цѣлый домъ харчей и муки, и крупъ, и миндальныхъ ядеръ, изюму, черносливу, орѣховъ, пряниковъ и масла, орѣховога, маковога, да, не прикомъ будь сказано, и полотковъ гусиныхъ, и ветчины, —всего не перескажешь, полонъ амбаръ навалили... Бѣтъ хорошо будешь... А сослужишь мнѣ службу—я дамъ тебѣ десять рублей.

Анна была дѣвка бойкая, смѣтливая: позадумалась—да и согласилась.

— Вотъ тебѣ, княжна, прислужница; не изъ монахинь, говорила игуменья, представляя княжнѣ Анну. Дѣвка вѣрная, услужливая, расторопная— скажешь спасибо.

Игуменья отправилась въ Новгородъ,

Анна Юленева была находка для княжны—это былъ человекъ посторонній, съ которымъ можно было поболтать, порасказать о своей тоскѣ печали. Съ игуменшей и монахинями княжнѣ было какъ-то не-

*

ловко—въ нихъ она видѣла какъ будто свое начальство; съ достоиннимъ человѣкомъ—дѣло другое.

Анна въ первые дни всматривалась въ княжну и разгадывала ея характеръ. Она увидѣла, что княжна характера своенравнаго, гордая, вспыльчивая и злопамятная, любить женскую болтовню, сплетни и подчасъ не прочь повеселиться, да княжеская гордость воспрещаетъ. Анна пересказывала княжнѣ всѣ монастырскія тайны, какъ подчасъ и игуменья кутить, какъ и монахини подчасъ подпиваютъ и принимаютъ къ себѣ гостей... рассказывала, какъ и она, Анна, въ прежнія молодыя времена (теперь ей уже было около 40 лѣтъ) одѣвалась мущиною, да ходила по кабачкамъ и харчевнямъ. Княжну это развлекало. Откровенность Анны расположила къ ней княжну и она съ своей стороны рассказывала Аннѣ, какъ она жила «въ благополучіи» при своей матери, и потомъ, какъ послѣ смерти отца «впадала въ несчастіе и сослана въ монастырь».

Анна старалась добиться за что и какъ сослана,—княжна не договаривалась и не рассказывала подробностей.

Покуда игуменья ѣздила въ Новгородъ, княжна такъ подружилась съ Анною, что ни за что не хотѣла съ ней разстаться, и чтобъ привлечь ее къ себѣ еще сильнѣе, безпрестанно дарила ее то деньгами, то вещами.

Возвратясь изъ Новгорода, игуменья послала за монастырскимъ стряпчимъ Петромъ Шпилкинымъ.

— Княжнѣ Прасковѣ здѣсь тѣсно жить, да и мнѣ не сподручно. Продай ей келью Калужкиной. Я ѣздила въ Новгородъ—сказали: можно.

— Слушаю, матушка, отвѣчалъ Шпилкинъ. Да какую же цѣну взять съ княжны? спросилъ Шпилкинъ, взглянувъ на княжну, которая сидѣла возлѣ игуменья.

— Это твое дѣло, батюшка, дѣло монастырское; келья пусть стоятъ, а продадимъ—деньги принесетъ.

Шпилкинъ подумалъ и обратился къ княжнѣ.

— А что, ваше сіятельство, тридцать рублей не дорого покажется, а дешевле ей-ей отдать нельзя...

Княжна съ радостію согласилась—хотя тридцать рублей по тогдашнему деньгу были не малыя, но торговаться не приходилось; а жить своимъ домомъ, избавиться отъ постоянного подглазнаго над-

зора игуменья стоило для княжны дороже тридцати рублей. Особая келья съ преданною Юленевою, для княжны равнялась съ волею.

Въ тотъ же день княжна переселилась въ новое свое помѣщеніе. Она думала, что освободится отъ присмотра, но игуменья была женщина осторожная и приставила къ ней старшму Иринарху. Это не понравилось княжнѣ—но что же дѣлать, все лучше и свободнѣе въ своей особой кельѣ, чѣмъ въ углу, за занавѣсомъ, въ кельѣ игуменья, гдѣ она протомилась слѣшкомъ шесть недѣль.

— Вотъ какой бываетъ случай, княжна Прасковья Григорьевна—говорила вечеромъ Анна Юленева, сидя на постелѣ у княжны, въ новой кельѣ. Федора Калушкина жила здѣсь долго—тоже была ссыльная дворцовая: тебя изъ дворца, а ее опять во дворецъ; чудно, голубушка, какъ это бываетъ на свѣтѣ—за что это такъ одни ссылаютъ, а потомъ другіе возвращаютъ? Твое дѣло княжеское, жила во дворцѣ, чай знаешь, матушка?

— Ничего не знаю, отвѣчала нетерпѣливо княжна.

— А здѣсь, матушка, и подавно ничего не знаютъ; болтали въ народѣ о Калушкиной, слышала я отъ матери, да и забыла...

— И я слышала отъ матери! сказала княжна со слезами на глазахъ... Когда я въ ссылку послана еще не была, то матушка моя сказывала мнѣ, что троицкій архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня по Калушкину послала, чтобъ ей Калушкиной быть во дворцѣ — — —

— Кто же это заведетъ, матушка? спросила Анна...

Княжна прекратила разговоръ и отпустила Анну спать.

Жизнь княжны въ своей собственной кельѣ пошла совѣмъ иначе, нежели у игуменья. Она устроилась, какъ въ собственномъ домѣ; черезъ Анну прикупила въ Тихвинскомъ посадѣ кой—какую простую мебель, разложила присланныя отъ матери своей изъ Москвы вещицы: часы и табакерки, и готовальни, серебряную посуду, чайникъ съ канфоркою, кружку, чашку и пр.; развѣсила свои платья, устроила подполье съ припасами, и отдала его въ распоряженіе Анны. Изъ Москвы же прислали къ княгинѣ еще двухъ служапокъ и повара. На сколько позволяли обстоятельства, княжна удовлетворяла свое честолюбіе. Кромѣ церкви, она не выходила нигуда, но за то ее посѣщали ежедневно: то игуменья, то монахини, или стряпчий Шипякинъ съ женою и съ зятемъ, тихвинскимъ посадскимъ человекомъ Проскурянковымъ. Заѣзжалъ къ ней и архимандритъ тих-

винскій Θεодосій, который смотрѣлъ на все окрестныя палаты, желая угодить княжѣ изъ признательности, которую онъ сохранялъ къ отцу ея, за оказанныя ему какія-то милости. Около княжны образовался свой кружокъ, передъ которымъ она держала себя гордо и въ достоинствѣ, и если горе въ присутствіи собесѣдниковъ вызывало иногда слезы о несправедно заслуженной ссылке, то новые друзья ея спѣшили утѣшать ее и уговаривать, чтобъ она не предавалась такъ глубоко печали, «что Богъ не оставитъ ее».

Игуменья старалась также утѣшать княжну и даже одинъ разъ пришла къ ней съ костями и разводила ими и гадала. Вотъ, говорила игуменья, смотря на кости, о свободѣ твоей, княжна, изъ монастыря, скоро пришлоу указъ...

Княжна качала головою. Ей хотѣлось бы повѣрить гаданью.

— Знаешь, княжна, говорила игуменья, я тебѣ еще пришло одну новгородскую женку для отгадыванья. Вотъ уже отгадчица!

Я была простой монахиней; она мнѣ предсказала быть игуменьею— и сбылось! А архимандриту Андронику, когда онъ былъ простымъ монахомъ, сказала быть архимандритомъ—тоже сбылось!

Еще двѣ монахини ходили къ княжѣ и разводили костями — а свобода изъ Москвы не приходила, да и не ждала ея княжна! Она утѣшалась тѣмъ, что жила въ монастырѣ, какъ будто на княжеской ногѣ, съ нѣкоторыми почестями. Припасовъ изъ Москвы было довольно, и безпрестанно подвозили сахаръ, чай, сушеную малину, миндальные ядра, ломанные пряники, имбирь, винныя ягоды, изюмъ, различную пастилу, всякаго рода крупы: гречневая, пшеничная, зеленая, просяная, ячменная, овсяная, сарачинское ишено, толокно, сушенныя груши и яблоки; мажъ, различныя масла: коровье, орѣховое, маковое, медъ, полотки индѣйскіе, утиные, гусиные, окорока ветчины, водка, вино—все это привозилось княжѣ въ изобиліи отъ ея матушки, княгини Анны Никитишны, изъ Москвы. Княжна приглашала къ себѣ и на обѣды, и на ужины, и угощала какъ дома. Туалетъ княжны, для ссыльной въ монастырѣ, былъ тоже довольно роскошенъ: у нея было нѣсколько перемѣнъ плафрочевъ и юбокъ: плафрочъ гродетуревый зеленый, голубой камчатной, опушонъ алою таетю, красный байбарековой съ голубою опушкою. Зимомъ щеголяла княжна въ шубахъ: то въ желтой тафтяной на бѣлицемъ мѣху съ серебряными нугевицами, то въ камчатной вишневою на заячемъ мѣху; были у нея и корсеты, и фонтанжи, и чепсы, и косыночки, и переднички и

шляпки, шнуръ, серебра и желковыя, и съ кружевами, и рукавички желтыя лайковыя, и шапка себоля—верхъ бархатный пумцовый, и себоля шейные... Одѣваясь и переодѣваясь Княжна забывала, что она въ монастырѣ, нехъ вачаломъ; игуменья и архимандритъ смотрѣли на княжну, на наряды, широканы и слушали ея рассказы о дворцовомъ житьѣ-бытьѣ, о московскомъ...

Княжна любила рассказывать но никогда не договаривала, за что ее сослали.

Тихвинскій архимандритъ и стряпчій Шпилкинъ, особенно пользовались ея довѣренностью и съ ними она была разговорчива.

Архимандритъ и Шпилкинъ слушали княжну съ особенными знаками уваженія, но и съ примѣсю страха.

Съ Анною Юленевою княжна доходила до больших откровенностей, и не удерживала себя въ выраженіяхъ негодованія:

— Воръ, генералъ Ушаковъ, говорила княжна Аннѣ, — трясущей, а жена его Кокоскиныхъ б...а; коли бы де дочь ту его воровку на мое мѣсто! Онъ напалъ на меня и взялъ меня допрашивать въ саду—да я не повинилась!

— А для чего ты не повинилась? спросила Анна, ничего же понимая, что говорила княжна.

— Я не повинилась, сожалѣя Дохтуровой да Мельгуновой... онѣ же мнѣ ворожейку то подвели, мы сплошь дѣлали...

Княжна останавливалась...

— Можно бы милости мнѣ искать у цесаревны Елисаветы Петровны... Да нѣтъ, нечего въ ней милости искать, и Шубинъ, которой при ней былъ, и летѣ въ ссылку посланъ.

И опять княжна замолчала...

Анна слышала имена, намеки на какія-то происшествія, но и то и другое было для нее чуждо.

Промель годъ—княжна плакала, жаловалась, бранила Ушакова—пошла и кормила своихъ новыхъ знакомыхъ.

Въ 1731 г. нежданые посѣтители напомнили княжнѣ ея прежнее житьѣ при дворѣ: это были два брата Воинъ и Александръ Корсаковы; они знали княжну, когда она была при дворѣ въ почестяхъ, дельствѣ и счастьи. Появленіе ихъ удивило княжну.

— Какъ вы пропали ко мнѣ? спросила княжна. Позволила ли вамъ игуменья видѣть меня?

— Съ спросу и съ позволеніи игуменьи пришли мы къ тебѣ, княжна Прасковья Григорьевна.

Поговорили о прошедшемъ.

— А что, княжна, говорилъ одинъ изъ Корсаковыхъ свидѣясь, прошла твоя сѣсь, а сѣсьва ты была — и вотъ тебя изъ каменныхъ палатъ куда Богъ привелъ. А какъ Богъ тебя освободитъ, опять ты будешь сѣсьва, а мы въ то время тебѣ посмѣемся, что мы уже знаемъ о твоёмъ нынѣшнемъ жителствѣ.

— Такъ Богъ мнѣ велѣлъ, отвѣчала притворно смирившаяся княжна, скрывая свою досаду, я надъ собою этого не чаяла. А вотъ заплатите мнѣ десять рублей, которые заняла мать ваша у моей матери, и до сихъ поръ не отдала...

Корсаковымъ не понравилось повидимому это требованіе, они сказали, что отдадутъ, и простились съ княжною.

Вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда княжну навѣстилъ еще прежній ея знакомый, тоже Корсаковъ, Василій, сержантъ преображенскаго полка. Но не для насмѣшки надъ ссыльною пріѣхалъ онъ, а съ теплымъ чувствомъ признательности за милости, оказанныя ему покойнымъ отцомъ княжны. Проѣзжая черезъ Тихвинъ изъ деревни въ Москву, съ зятемъ своимъ Скобельцынымъ, Корсаковъ попросилъ позволенія у игуменьи навѣстить княжну, представилъ ей Скобельцына и выразилъ искреннее свое участіе къ несчастію дочери своего благодѣтеля.

Скобельцынъ, имѣвшій деревню недалеко отъ Тихвина, въ послѣдующіе года навѣщалъ часто княжну и не одинъ, а съ своими родственниками. Княжна всегда съ радостью встрѣчала ихъ, угощала по тогдашнему обыкновенію закусками и водкою—и только разъ проговорила «что при отцѣ своемъ надъ братьями своими она была большая, что при кончинѣ отецъ оставилъ ей много приданого и за то ее братья не возлюбили и оттого она страдаетъ въ ссылкѣ, въ монастырѣ».

Княжна даже показывала роспись своего приданого.

Въ 1731 же году тихвинскаго архимандрита Θεодосіа вызвали въ Петербургъ, по дѣламъ монастырскимъ, Θεоданъ Прокоповичъ. Архимандритъ взялъ съ собою Шишкава. Заточеніе княжны Юсуповой въ Введенскомъ монастырѣ, находившемся подъ начальствомъ Θεодосіа, было поводомъ, что архимандритъ, будучи въ Петербургѣ, отправился къ брату ея, камергеру Борису Григорьевичу поклониться монастырскимъ хлѣбомъ. Шишкава архимандритъ взялъ также съ собою, но, войдя въ княжескія палаты, Шишкаву пришлось дожидаться въ на-

родней. Князь Борисъ Григорьевичъ привагъ архимандрита одного. Возвращаясь домой въ Тихвинъ однакоже Шпилкинъ съумѣлъ узнать отъ архимандрита, что онъ говорилъ съ Юсуповымъ. Князь спрашивала архимандрита, смирно ли живетъ сестра въ монастырѣ?—Смирно и хорошо, отвѣчалъ архимандритъ,—вотъ и все.

Когда они возвратились въ Тихвинъ, княжна узнала о ихъ прѣздѣ и тотчасъ послала за Шпилкинымъ.

— А что? спросила княжна Шпилкина, видѣлся отецъ архимандритъ, будучи въ С. Петербургѣ, съ братомъ моимъ княземъ Борисомъ?

— Отецъ архимандритъ нарочно къ нему ѣздилъ съ монастырскимъ хлѣбомъ на поклонъ, отвѣчалъ Шпилкинъ.

— Братъ мой сундй суностать, кричала княжна внѣ себя, отъ его посягательства сюда я и прислана...

— Я вины за собою никакой не знаю... Государыня цесаревна Елисавета Петровна милостива и премилостива, и благоправна... и матушка государыня императрица Екатерина Алексѣевна была до меня милостива же, а нынѣшняя императрица до меня не милостива... Она вотъ въ какой монастырь меня сослала, а я вины за собою никакой не знаю; а взялъ меня братъ мой Борисъ да Остерманъ, и Остерманъ меня допрашивалъ; а я на допросъ его не могла вскорѣ отвѣтствовать, что была въ безпамятствѣ... а о чемъ меня Остерманъ спрашивалъ, того я не поняла, потому что Остерманъ говорилъ не такъ рѣчиисто, какъ русскіе говорятъ... «Сто де ти сюдаряня! (говорила княжна передразнивая Остермана) будеть тебѣ, играть нами, то дѣти играй... а сюда де ти призвана не на играше, но о чемъ тебя спросимъ, 'о томъ де ти и отвѣтвей'»... Послѣ того спрашивали меня о письмахъ и о бабѣ, а что я имъ говорила за безпамятствомъ — не помню.

Шпилкинъ рискнулъ спросить княжну, какія письма, какая баба.. Нѣсколько разъ слышалъ онъ это отъ княжны, но она всегда уклонялась отъ дальѣйшихъ разъясненій; и на этотъ разъ неудаченъ былъ вопросъ его—княжна не отвѣчала на него, а продолжала съ занальчивостію:

— Можно бы ей, государынь, сослать меня въ монастырь такой, который бы былъ отъ Москвы поближе, а не въ такой, въ какой я нынѣ обрѣтаюсь, здѣсь не монастырь, а шинокъ...

Шпилкинъ вышучилъ отъ удивленія глаза... Откуда княжна могла знать монастырскіе безпорядки?

— Здесь въ монастырѣ, продажная княжна, вино продаютъ... а моя то и вина не большая; какъ меня по дѣлу моему о нѣкоторой бабѣ и о письмахъ допрашивали и я тогда за угроживаніемъ брата моего, князя Бориса была въ сущемъ безмятествѣ, и не знаю, что въ допросѣ своею говорила... Государынѣ императрицѣ, вѣдая мое мѣлоумство, можно бы учинить милосердіе и сослать бы меня куды въ монастырь поближе, а не въ Тихвинскій. Ежелибы какое мое преступленіе учинилось отъ меня при государынѣ императрицѣ Екатеришѣ Алексѣевнѣ, она бы меня въ дальній монастырь отнюдь не послала: она была ко мнѣ весьма милостива; ежелибы и государыня цесаревна Елисавета Петровна была императрицею, и она бы въ дальній монастырь меня не сослала бы, и она, цесаревна, ко мнѣ милостива и благо нравна. О, когда бы то видѣть или слышать, что она бы была императрицею!

Шпилкинъ при послѣднемъ восклицаніи едва не упалъ со стула, такъ были страшны для него слова эти. Спаси Боже, если кто узнаетъ, что княжна говорила ему это—тайная канцелярія, слово и дѣло, пытка!.. А донести страшно, у княжны родственники люди сильные; ей ничего—куда нибудь сошлютъ подальше, вотъ и все, а ему... У Шпилкина зарябило въ глазахъ, замужало въ ушахъ. Онъ вскочилъ какъ полуумный, поклонился княжнѣ и выбѣжалъ на чистый воздухъ.

Княжна не поняла причины такого страшнаго смущенія, а видя смѣшную фигуру уходящаго Шпилкина, расхохоталась и рассказала объ этомъ Аннѣ...

Шпилкинъ не донесъ на княжну, но за то завелъ первую причину ссоры княжны съ игуменьей и игуменьи съ Анною. Шпилкинъ передалъ игуменьѣ, что княжна ему говорила о монастырѣ, что это шинокъ и пр. и пр. Это было начало монастырскихъ сплетней, ссоръ, неудовольствій, отразившихся, какъ мы увидимъ, на княжнѣ.

Игуменья до сихъ поръ смотрѣла на жизнь княжны сквозь пальцы и не разсуждала о томъ, можно ли дозволить ссыльной жить такъ, какъ жила княжна. Теперь же игуменья увидѣла, что у княжны слишкомъ много прислуги, да и Анна не лишняя ли, и притомъ не Анна ли и сплетничаетъ княжнѣ о монастырскихъ дѣлахъ, и за игуменьей есть грѣшки, любить закейныя пирушки. Заговорила она какъ то княжнѣ объ уменьшеніи прислуги. Княжна и слышать не хотѣла.

Пришли святки, игуменья устроила у себя ужинъ и вечеринку. Какъ быть? Приглашать ли княжну? А видъ она можетъ узнать и

рекламать. Игуменья отправилась сама приглашать княжну на келейную вечеринку.

— Не могу, матушка игуменья, отвѣчала княжна, не могу, недорова съ утра.

Игуменья не понравилась отказъ. Она уже стала подозрительно смотрѣть на княжну. Но неоставила въ покоѣ княжну и вечером прислала служительницу настоятельно просить княжну придти къ ней ужинать. Наде было повинноваться. Спокойное жительство зависло отъ игуменьи и княжна нехотя отправилась къ ней съ Амвою. Игуменья сидѣла за столомъ въ кругу преданныхъ монахинь. Княжну посадила возлѣ себя, Анна сѣла съ монахинями. Когда чарка монастырская прошла вѣсколько разъ кругомъ, игуменья подала знакъ и въ комнату вбѣжали три существа (мужчины или женщины неизвестно) въ странныхъ капкахъ—то нарядахъ, а на головахъ у нихъ хары съ бородами и въ рукахъ кнуты. Они вбѣжали въ комнату съ капкахъ—то особеннымъ провозительнымъ свистомъ и привались плясать и пѣть пѣсни. Во время пляски Анна Юленева встала изъ-за стола и хотѣла выдти, но одна изъ харь кинулась на Анну, повалила ее на землю, а другія двѣ безъ церемоніи заворотили Амнѣ шубу и съ пѣснями угостили ее слегка кнутьями.

Княжну оскорбила эта сцена; она гордо и грозно взглянула на полушанную игуменью и вышла вонъ изъ кельи. Вскорѣ возвратилась къ ней въ слезахъ и отчаяніи бѣдная Анна...

Но игуменья въ этотъ день кажется имѣла намѣреніе испытать терпѣніе княжны, потому что только княжна собиралась спать, какъ явилась посланная отъ игуменьи съ увѣдомленіемъ, что игуменья желаетъ придти къ княжнѣ съ наряженными харями, посидѣть и попѣть. Анна не допустила посланную къ княжнѣ, сказавъ, что княжна уже почи- ваетъ.

На другой день въ монастырь заѣхалъ Тихвинскій архимандритъ и послѣ обѣдни навѣстилъ княжну; она ему пожаловалась на игуменью и горько плакала.

— Наврасно мать игуменья меня къ тому приводить, говорила княжна, нѣтъ и безъ того уже тошно.

Архимандритъ успокоилъ княжну, поблагодарилъ, что она не вступила къ себѣ въ келью наряженныхъ харей и обѣщалъ кричать на игуменью.

Съ этого дня началась война игуменьи съ княжною. Сначала

игуменья начала выживать изъ монастыря Анну, — княжна уперство-вала держать ее при себѣ. Княжна съ своей стороны начала мстить игуменѣ съѣетными припасами. До ссоры, игуменѣ предоставлено было княжною брать что угодно изъ ея запасовъ, и этимъ позволеніемъ игуменья пользовалась широкою рукою; теперь княжна спря-тала къ себѣ въ подпольѣ все припасы и не давала ничего игуменѣ.

Мать Иринарха, которую до ссоры княжна не видѣла въ своихъ комнатахъ, по приказанію игуменьи не отходила отъ княжны, развѣ только въ церковь во время богослуженія.

Наковецъ Аннѣ прислала игуменья оффиціально съ келаршею приказаніе выѣхать изъ монастыря. Княжна уговорила Анну приходить къ ней по ночамъ, когда мать Иринарха, надсмотрщица, уходитъ къ заутренѣ. Игуменья запретила княжнѣ имѣть всякое сношеніе съ Анною. Княжна посылала къ Аннѣ ежедневно, тайкомъ, своихъ при-служницъ то за пирожкомъ, то за кофеемъ, то за пряниками. Княжнѣ прислали изъ Москвы черное сукно; игуменья просила у ней сук-нонца на юбку. Княжна въ глазахъ присланной скромла себѣ юбку, а остатокъ съ полъ-аршина послала къ игуменѣ.

Вражда съ обѣихъ сторонъ усиливалась.

— Для чего ты, княжна, людей при себѣ много держишь? гово-рила игуменья. По указу, присланному къ намъ въ монастырь, велѣно при тебѣ, княжнѣ, быть только одной послужницѣ.

— Я васъ не слушаю, отвѣчала княжна; у меня хотя свои люди и есть, только хлѣбъ ѣдятъ мой, княжескій, а не монастырскій; развѣ вы меня только морить хотите, а мнѣ безъ служителей жить нельзя.

Черезъ нѣсколько дней явилась къ княжнѣ келарша Ависентія.

— Игуменья велѣла тебѣ сказать, чтобы ты, княжна, людей кромѣ одного человека дѣвки или женки при себѣ не держала.

— Мнѣ безъ людей жить нельзя, отвѣчала княжна. Захожу хотя и болѣе, то буду держать — не на вашемъ хлѣбѣ они у меня живутъ.

— Если ты людей отъ себя не отпустишь, отвѣтила келарша, то мы напишемъ о твоемъ упрямствѣ доношеніе и подадимъ его Тихвинскому архимандриту.

— Подавайте куда хотите, отвѣчала своевольная княжна.

Черезъ три дня къ княжнѣ явился Тихвинскаго монастыря на-значей и просилъ дозволенія переговорить съ нею о чемъ-то келейно.

Послѣ этого переговора княжна приказала служителямъ своимъ Степанидѣ, Марѣ и мальчику Степану, чтобъ они шли жить за монастырь въ Тихвинскій посадъ, въ домъ попа Петра Тимоѣева, который согласился держать ихъ у себя; попъ Тимоѣй черезъ полгода сообщилъ отъ себя княжнѣ прислугу; они перешли сперва къ посадскому Тихвинскому, потомъ къ дьячку церкви Флора и Лавра Лялѣ; но ихъ отсюда гнали, такъ, что въ одинъ прекрасный день имъ пришлось ночевать на улицѣ. Бѣдствію княжеской прислуги была причиною игуменья; она внушала домохозяйевамъ, у которыхъ помещалась прислуга, что они попадутъ въ отвѣтъ за держаніе у себя прислуги *ссылной* княжны.

Княжна узнавъ о походеиіяхъ своихъ крѣпостныхъ, приказала имъ снова жить у себя. Но игуменья не дала ей покоя; черезъ три недѣли явилась опять келарша Авксентія и именемъ матушки игуменьи выгнала прислугу изъ монастыря. Они пріютились въ подмонастырской слободѣ у знакомаго крестьянина Селивана Горбунова, который привозилъ княжнѣ запасы изъ Москвы отъ ея матери.

Анна кузничиха продолжала посѣщать княжну по ночамъ; она перешла княжнѣ всѣ монастырскія сметки и продѣлки игуменьи. Княжна забавлялась сметками и раздражалась все болѣе и болѣе противъ игуменьи. Но игуменья приняла наконецъ средство положительное, чтобъ отлучить Анну отъ посѣщеній княжны. Въ одну ночь Анну встрѣтилъ въ монастырѣ монастырскій бобыль, сторожившій ее по приказанію игуменьи, снялъ съ нее шубу, поскѣкъ плетью и вытолкалъ изъ монастыря. Это послѣднее средство игуменьи вывело изъ терпѣнія княжну и Анну. Они положили жаловаться на игуменью, но гдѣ и кому? Княжна рѣшила отправить Анну въ Петербургъ, къ Скебельцынымъ, и съ ихъ содѣйствіемъ открыть передъ Θεофаномъ все поведеніе игуменьи. Это было въ ноябрѣ 1734 года.

Такъ и сдѣлано. Анна, снаряженная деньгами и письмами, отправилась. Все это устроено было такъ секретно, что игуменья не знала объ угрожающей ей опасности. Случай помогъ ей открыть планъ княжны и отъѣздъ Анны.

Княжна, не получая извѣстія отъ Анны о пріѣздѣ ея въ Петербургъ, рѣшилась написать, но съ кѣмъ и какъ послать письмо? Послѣ праздника Рождества Христова пришелъ къ ней проститься крестьянинъ Селиванъ Горбуновъ, у котораго жила княжная прислуга. Онъ былъ подводчикомъ въ Петербургъ съ крестьянами графа Шереметева.

Думая найти въ Селиванѣ вѣрнаго человѣка, княжна просила его доставить Аннѣ письмо, Селиванъ согласился. Княжна велѣла придти за письмомъ. Селиванъ былъ крестьянинъ подмонастырской слободы, принадлежавшей монастырю; онъ смекнулъ, что за порученіе княжны можетъ быть въ отвѣтъ, и потому отправился къ казначею монастырскому и спросилъ его, можно ли ему взять письмо отъ княжны? Казначей спросилъ игуменью; она призвала Селивана и велѣла ему принять письмо отъ княжны но принести къ ней. Все исполнилось по желанію игуменьи. Княжна отдала Селивану письмо, рассказала какъ найти въ Петербургѣ Анну, а Селиванъ отнесъ письмо игуменѣ. Подъячій прочелъ передъ ней письмо княжны. Въ письмѣ были намеки, но которые ничего не объясняли; для игуменьи важно было свидѣніе, что Анна уѣхала въ Петербургъ жаловаться на нее. Она велѣла подъячю списать копію, а подлинное возвратила Селивану, взявъ съ него обѣщаніе, что онъ увѣдомитъ ее, гдѣ Анна живетъ въ Петербургѣ.

Селиванъ съѣздивъ въ Питеръ, нашелъ Анну, передалъ ей письмо княжны и, возвратясь въ Введенскій монастырь, сообщилъ игуменѣ, что Анна живетъ у Скобелцыныхъ, друзей княжны Прасковьи Григорьевны. Медлить было опасно и игуменья рѣшилась предупредить коварныя ухищренія княжны и Анны и написала письмо къ секретарю Феофана Прокоповича, Бухвостову, съ просьбою защитить ее и отвратить несправедливыя клеветы княжны и ея друга Анны Юленевой.

Письмо послано для большей вѣрности съ преданнымъ игуменѣ Буковского погоста священникомъ, Грицынымъ.

Княжна ничего не знала объ этомъ; она тосковала въ ожиданіи извѣстія отъ Юленевой.

II.

СЛѢДСТВІЕ И НОВАЯ ССЫЛКА.

25 января 1735 года, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи, былъ у императрицы съ докладомъ. Анна Ивановна передала ему двѣ записки, съ приказаніемъ принять въ таин-

кую канцелярію дѣвучку, которая содержится по этимъ запискамъ подъ арестомъ въ архирейскомъ домѣ Теофана, и все дѣло наследовать и ей доложить. Эти двѣ записки были письма игуменья Доросей къ секретарю Теофана и копія съ письма княжны Юсуповой къ Аннѣ, посланнаго, какъ мы видѣли, черезъ крестьянина Селивана.

Какъ пошло такъ скоро въ руки императрицы письмо игуменья? Самымъ обыкновеннымъ образомъ. Юленева пришла къ секретарю Теофана 23 января съ жалобою на игуменью. Секретарь, по дружбѣ съ игуменью, жалобу въ печку, а Юленеву арестоваль и доложилъ Теофану письмо игуменья. Теофанъ Прокоповичъ, посвященный въ многія тайны дворцовыхъ интригъ, въ дружбѣ съ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ, рассчиталъ, что онъ можетъ угодить императрицѣ выдавъ ей княжну Прасковью, которую, какъ извѣстно было при дворѣ, она ненавидѣла, за что—это была тайна и до сихъ поръ остается тайною. Теофанъ отвезъ къ императрицѣ письмо игуменья, а она передала Андрею Ивановичу.

Вотъ письмо игуменья и копія съ письма княжны къ Аннѣ Юленевой.

Письмо игуменья:

Благородный и пречестнѣйшій господинъ Козма Родіоновичъ, мой милостивый отецъ и древній благотворитель, желаю азъ недостойная вашему благородію отъ всецѣдраго Бога многолѣтняго здравія купно и съ праведною своею сожительницею Варварою Герасимовою и съ дѣтки на лѣта многа. Прошу милостивый отецъ, Козма Родіоновичъ, писанія, каковаго уже давно не получивала, видѣть, и сумнѣваюся азъ недостойная нѣтъ ли какова гнѣва, пожалуй мой милостивый отецъ увѣдоми и навѣсти, чему бы я недостойная весьма благодарила и радовалась, и о здравіи вашего высокоблагородія Бога молила непрестанно.

При семъ уповая на вашу щедрого моего отца милость и въ благонадежномъ надѣяніи дерзнула симъ о нижепоказанномъ.

Имѣется у насъ у обителя княжна Юсупова по указамъ въ подхраненіи и велѣно быть при ней одной бабѣ, а другихъ сослужительницъ не держать, того ради она княжна, рияся на меня, производитъ всякія нецѣлостности и живетъ непостоянно и неблагочинно; спозналася съ похабною дѣвкою Тихвенскаго посада, кузнецкаго веденія, зовется Шуня, а прямое имя ей Анна, и приходитъ она дѣвка къ ней княжнѣ тайнымъ образомъ и согласуется и наноситъ на обитель

и на меня всякія непотребности, и совѣтуютъ съ нею не благо, но всякія коварства и ябеды; и въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ оная дѣвка по согласію съ нею княжною отпущена въ С.—Петербургъ невѣдомо съ какими вымышленными ябедами; посылаетъ она, княжна, къ ней дѣвки всякія удовольнія припасы и деньги отъ меня недостойной тайно, токмо увѣдомлена я нынѣ отъ постороннихъ добрыхъ людей, что оныя припасы и деньги отвозитъ къ ней дѣвкѣ Тихвинскаго посаду Фроловской церкви дьячокъ Андрей Лялинъ и нынѣ онъ обрѣтается въ С.—Петербургѣ; а иное я увѣдомлена отъ ее руки писаніемъ отъ добра челоуѣка, съ каковымъ она, княжна, совѣтное письмо послала къ ней, дѣвкѣ, и съ того письма получила я копію, съ которой копіи при семъ моемъ слезномъ прошеніи и копія приобщается ради сущаго извѣстія. Да слышно мнѣ отъ добрыхъ людей, что оная дѣвка черезъ некакихъ людей получаетъ подать Преосвященному несвѣдомыя мною многія доношенія на меня недостойную и коварства.

О семъ прошу и слезно молю ваше высокоблагородіе, Козма Родионовичъ, дабы я недостойная вашимъ милостивымъ призрѣніемъ неоставлена была о невѣдомыхъ доношеніяхъ и коварствахъ отъ вышепоказанной дѣвки.

Тихвинскаго Введенскаго монастыря многогрѣшная и недостойная игуменья Дороея о здравіи вашего благородія Бога молю и земно кланяюся. 1735 г. Генваря 12 дня.

Копія съ письма княжны къ Аннѣ:

Аннушка здравствуй, пиши ко мнѣ естли тебѣ легче; Андрей былъ и я ему дала по письму твоему пять рублей въ займы, а другую тебѣ (?) Что у тебя дѣлается, отпиши ко мнѣ и распроси Селивана, онъ тебѣ все скажетъ; онъ былъ у матушки; поклонись отъ меня Конону Ивановичу (*), Ивану Семеновичу (***) и Аринѣ Ивановнѣ (***), заспѣсивилися писать ко мнѣ; пришлю къ тебѣ всего съ Андреемъ Лялинымъ, а я жива; не тужи Аннушка, обмогайся и прикажи хоть словомъ съ Селиваномъ, остаюсь К. П. Ю. К.

«Дошло ли до тебя письмо мое, рублевникъ, полотенцо, платокъ, двѣнадцать калачиковъ съ прикащикомъ Лисенковымъ съ Оникіемъ.»

Вотъ по какимъ обвинительнымъ документамъ Андрей Ивановичъ приступалъ къ строгому изслѣдованію, — весьма понятно, что ва—

(*) (Скобальцынъ). (**) (Извѣковъ) (***) (Жена Извѣкова).

жность дѣла для Анны Ивановны заключалась въ княжнѣ Юсуповой которую она преслѣдовала. Императрицу и Андрея Ивановича безпокою, не разболтала ли княжна какихъ нибудь дворцовыхъ тайнъ, которыя ей могли быть извѣстны.

25 января Андрей Ивановичъ лично допрашивалъ Анну Юленеву. Она рассказала, какъ жила у княжны въ монастырѣ, какъ ее преслѣдовала игуменья, какъ пріѣхала въ Петербургъ и какъ пошлась подъ арестъ; рассказала и о княжнѣ, кто посѣщалъ ее, какъ тосковала и плакала о своемъ «прежнемъ благополучіи»; но за что сослана—отъ княгини не слыхала и говорила ли то другимъ, того не знаетъ. Въ этомъ допросѣ Анна рѣшительно ничего не проговорила о болтовнѣ княжны про императрицу, про Андрея Ивановича, про брата своего и пр.—Анна въ отвѣтахъ старалась больше объ обвиненіи игуменьи.

Послѣдствіемъ показаній Анны Юленевой было арестованіе Скобелъцыхъ, Извъкова, дѣчка Ляли, крестьянина Селивана, привозимаго письма въ Петербургъ къ Аннѣ.

Скобелъцны и Извъковъ рассказали, когда они посѣщали княжну и что княжна имъ жаловалась на братьевъ и говорила «при отцѣ своемъ надъ братьями моими была я большая и отецъ при кончинѣ своей оставилъ мнѣ много приданаго и за то де братья меня не любили, и отъ того де стражду нынѣ въ ссылкѣ...»

Это показаніе обнаруживало Андрею Ивановичу, что княжна болтала о своей ссылкѣ.

Опытность и наблюдательность, въ теченіи двадцатилѣтней службы въ застѣнкахъ, привела Андрея Ивановича къ убѣжденію, что первый допросъ, да еще безъ пытки, не имѣетъ никакого значенія—особенно въ «подлыхъ людяхъ». Въ дѣлѣ княжны Юсуповой главная цѣль изслѣдованія заключалась въ томъ, чтобъ узнать «подлинно ли Анна отъ Юсуповой ничего не слыхала, за что княжна сослана въ монастырь? Не говорила ли ей Юсупова другихъ какихъ неслучайныхъ словъ? Для чего подлинно Анна пріѣхала въ Петербургъ, не было ли отъ оной Юсуповой приказу, чтобъ о чемъ проискивать и буде былъ, то у кого вмѣсто, и что она Анна проискивала?»

Вслѣдствіе этихъ соображеній, 30 Января 1735 г. Анну Юленеву привели въ застѣнокъ и «съ подлинной правды поднята была на дыбу и распрашивана съ пристрастіемъ».

Анна Юленева выдержала пытку и ничего не проболтала; она объ-

явила, что о ссылкѣ княжны некогда отъ нея ничего не слыхала, а къ Петербургъ прѣѣхала для жалобы на игуменью.

Пытанныя рѣчи Анны, въ подлинномъ дѣлѣ закрѣплены слѣдующею подписью: При ономъ присутствовалъ его превосходительство генералъ и кавалеръ и лейбъ-гвардіи семеновскаго полка подполковникъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Объ отвѣтахъ Анны Юленовой, Скобелъщиныхъ и вообще о ходѣ дѣла Андрей Ивановичъ доложилъ императрицѣ. Анна Ивановна (10 февраля) приказала объявить Θεофану, въ эпархіи котораго былъ Введенскій дѣвичій монастырь, чтобъ княжну Юсупову содержать *безъ утѣщенія*, такъ какъ было прежде приказано, и чтобъ никого къ ней не допускали.

Привезли изъ Тихвина и дьячка Лялина; онъ объяснилъ, что княжну зная потому, что получалъ отъ нея деньги на поминовеніе въ церкви ея родителей; въ мянныи свои хаживалъ къ княжнѣ и подносилъ ей казачи. Ничего особеннаго отъ княжны о ссылкѣ ея не слыхалъ, а только въ декабрѣ 1734 по просьбѣ княжны отвелъ изъ монастыря собственную княжны корову, на продажу въ Петербургъ, продалъ за 2 р. 50 к., и деньги отдалъ княжнѣ, возвратясь домой.

Дѣло стихло.

Странный случай, возбудилъ вопросы о княжнѣ неожиданные и рѣшившіе судьбу ея.

Ровно черезъ мѣсяць, 10 марта, Анна Юленова, содержавшаяся въ Петропавловской крѣпости, объявила дежурному караульному офицеру, «что караульные солдаты устраивали ее, Анну, что ее казнятъ смертию, и что она просить объявить объ этомъ Андрею Ивановичу Ушакову».

Караульный офицеръ тотчасъ донесъ объ этомъ въ тайной канцеляріи. Анну привели передъ Андрея Ивановича.

— Въ нынѣшній великій постъ, па другой или на третьей недѣлѣ, говорила Анна Андрею Ивановичу, во время держанья ея въ с. петербургской крѣпости, въ казармѣ у нея стояли для караула трое солдатъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, и къ нимъ пришелъ въ ту казарму ихъ же полку солдатъ, котораго они называли Усатымъ; и этотъ Усатый говорилъ своимъ сотоварищамъ между прочимъ такіа слова: камеръ-геръ Юсуповъ сестру свою постригъ, а гдѣ и какъ давно постригъ, о томъ солдатъ не говорилъ. Послѣ еще говорилъ: нашъ де офицеръ ѣздилъ въ Сибирь и отвозилъ губернатора, и въ

Сибирь де того офицера тотъ губернаторъ подарилъ табакеркою да полшубкомъ, да ему же далъ два ведра водки, да простаго вина два ведра же, да кедровыхъ орѣховъ; а кто именемъ офицеръ въ Сибирь ѣздилъ и какого губернатора отвозилъ, и когда, и куда—о томъ солдатъ не говорилъ. И дознавается она Анна, что тѣ слова о офицерѣ и о губернаторѣ солдатъ говорилъ не о княжнѣ ли Юсуповой, и не ту ли княжну Юсупову куда тотъ офицеръ отвезъ, потому что де у оной княжны Юсуповой въ Введенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ имѣются двѣ табакерки черепаховыя обложены серебромъ, да часы золотыя—также и водка и вино имѣется, присланное къ ней отъ княгини ея матери и потому она, Анна, въ мысли своей содержитъ, не дарилъ ли офицера оными княжна».

«Послѣ того, когда пришли на смѣну къ ней для караулу преображенцы, то одинъ изъ солдатъ, будучи въ казарнѣ ея, другимъ двумъ солдатамъ сказывалъ сказку про князей и про бояръ, и про другихъ, и въ той сказкѣ упоминалъ, что казнили смертью и отсѣкли голову, а кому и какъ именно ту сказку солдатъ сказывалъ, того она не упомянуть. По слышанію оной сказки дознавалась она именемъ своимъ, что не о ней ли Аннѣ, показанныя слова тотъ солдатъ говорилъ, потому что солдатъ и ей говорилъ: тебя де стануть казнить и для той казни повезуть тебя на островъ, а на какой, и за что ее Анну казнить, того опять солдатъ не выговорилъ, чего ради мыслила она, Анна, что не будетъ ли ей, Аннѣ, и подлинно смертной казни, однакоже Анна вины за собою никакой не признавала и мыслѣ не признаваетъ, но объявила караульному офицеру объ устрашеніи ее солдатами для того, чтобы имѣть предлогъ объявить Андрею Ивановичу нижеслѣдующее». Анна начала рассказывать подробно о болтовнѣ княжны архимандриту тихвинскому, стряпчему Шпилкину и ей, Аннѣ. Андрей Ивановичъ слышалъ тотъ дѣвки—кузнечихи и объ Калужкиной, и объ Шубинѣ.

Донесъ Анны на княжну изъ страха смертной казни, которую пути ей предсказалъ преображенскій солдатъ, имѣлъ въ глазахъ Андрея Ивановича большую важность. Въ этотъ же день онъ приказалъ сдѣлать выписку изъ показаній Анны и доложилъ императрицѣ. Приказано княжну Юсупову и стряпчаго Шпилкина привезти немедленно въ Петербургъ. При этомъ сдѣланы слѣдующія распоряженія:

«Объ арестованіи княжны и Шпилкина, содержать секретно и посланному въ монастырь приказано не болтать, что везетъ ихъ въ

*

тайную канцелярію». Княжну Юсупову велѣно привезти въ Петербургъ въ ночныхъ часахъ прямо въ тайную канцелярію.

Феофану Прокоповичу предписано вызвать немедленно въ Петербургъ тихвинскаго архимандрита Феодосія.

О ходѣ дѣла докладывать ей величеству.

18 марта посланный въ Введенскій монастырь преображенскаго полка капраля Ханьковъ, ночью привезъ княжну, какъ было приказано, прямо въ тайную канцелярію и представилъ при слѣдующемъ рапортѣ:

«По указу ея императорскаго величества и по силѣ данной мнѣ нижеименованному изъ тайной канцеляріи инструкціи, въ тихвинскій Введенскій дѣвичій монастырь для взятія княжны Прасковьи Юсуповой я нижеименованный ночью пріѣхалъ, и по пріѣздѣ въ томъ тихвинскомъ Введенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, посланный со мною изъ тайной канцеляріи ея императорскаго величества указъ, за печатью въ пакетѣ, того монастыря игуменъ Доросеѣ подалъ, которая, принявъ оный указъ, приказала того монастыря келаршѣ, монахинѣ Авксентіѣ оной указъ прочесть, которая и читала и по прочтеніи она я игуменъ для отдачи вышеписанной княжны Прасковьи Юсуповой въ келью той Юсуповой ходила со мною секретно, и ту княжну мнѣ отдала, которую я, взявъ, арестовалъ, и что при той Юсуповой имѣлось какихъ писемъ, оныя взявъ, не смотря, запечаталъ своею печатью, а имѣющіяся у оной княжны Юсуповой пожитковъ всѣхъ я нижеименованный за скоростію не переписывалъ, но только оныя пожитки и съѣстной харчъ, гдѣ что имѣлось онаго монастыря при вышепомянутой игуменѣ Доросеѣ, да при означенной келаршѣ, также и при вышеобъявленной Юсуповой, пересмотря запечаталъ своею печатью, но для охраненія отдалъ означенной игуменѣ Доросеѣ, въ чемъ по приказу оной, игуменъ, вмѣсто ея пожиткамъ и прочему, и гдѣ что пишется, росписалась означенная келарша, да я ниже поименованный; для услуженія помянутой Юсуповой взялъ имѣвшую при ней дѣвку Марью Иванову, а окромѣ той дѣвки въ услуженіи у той княжны во время пріѣзду моего изъ людей ея никого не было».

На другой день, 19 марта, княжна Прасковья Григорьевна увидѣла прежняго своего знакома Андрея Ивановича Ушакова. Гордая княжна, какъ колодница, должна была оправдаться противъ показаній своей довѣренной Анны.

Княжна не созывалась въ показанныхъ Анною на нея разгово-

рахъ съ архимандритомъ и Шилкинимъ. «Вотъ что я нѣтъ говорила, показывала княжна при допросѣ:

— Батюшка мой служилъ ея императорскому величеству вѣрою и правдою и о самодержавствѣ ея государынѣ трудился и челобитную подавалъ, и коли бы батюшка мой живъ былъ, онъ бы сталъ просить у ея императорскаго величества, и хотя бы де чести лишился, а я бы де въ ссылкѣ не была.

Объ *иноземцахъ* она говорила будто бы такъ:

— Нынѣ при дворѣ ея императорскаго величества имѣются многіе иноземцы и русскіе мужскаго и женскаго пола, и то она говорила, вѣдая о томъ, что при дворѣ ея императорскаго величества имѣются оберъ-камеръ-геръ господинъ фонъ Биронъ, да оберъ-гофмаршалъ господинъ фонъ Левенвольдъ и другіе, какъ иностранцы, такъ и русскіе, мужскаго и женскаго пола, а не въ другой какой снѣгъ.

О *Калушкиной* она объясняла:

— Когда я въ ссылку послана еще не была, то де матушка моя сказывала мнѣ, что троицкій архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня соизволила по означенную Калушкину послать, чтобъ той Калушкиной быть во дворѣ, и при томъ де въ разговорахъ объ ономъ упоминала она княжна въ монастырѣ: когда-бъ де я могла, чтобъ де хотя у оной Калушкиной попросить, чтобъ она излуча благополучное время, побила челомъ у государыни, чтобъ меня изъ монастыря освободить».

О словахъ своихъ, что императрица *больна бокомъ* — княжна объясняла:

— Когда она княжна живя въ монастырѣ услышала, что приславно извѣстіе о кончинѣ царевны Екатерины Ивановны, то зная, что и царица Прасковья Федоровна немоществовала ножками, то и говорила, а кому не упомянуть, что де все и ея императорское величество и сестрицы ея величества государыни царевны нездоровы ножками».

Анна довела, что княжна говорила архимандриту и Шилкину, что Ушаковъ передъ ссылкой въ Введенскій монастырь допрашивалъ княжну въ измайловскомъ саду. Объясненіе княжны о дѣлѣ и допросѣ никому неизвѣстномъ было чрезвычайно важно и для Андрея Ивановича и для княжны.

— Слова такіа, что генералъ Ушаковъ взялъ допрашивать меня въ саду, говорила княжна, она Прасковья архимандриту Феодосію и стряпчему Шилкину говорила; когда они спрашивали ее о дѣлѣ, за

что ты въ монастырь прислана, гдѣ была допрашивана? И на то де сказала она, что де я не въ канцеляріи допрашивана,—и при томъ де объявила объ означенномъ имѣвшемъ ей Прасковѣ въ саду допросѣ... » И это она говорила потому, что дѣйствительно, когда она по *извѣстному* дѣлу, по которому сослана въ означенный монастырь, изъ дому отца ея взята и отвезена была въ Измайловъ садъ, и въ томъ де саду допрашивана была генераломъ Ушаковымъ, да графомъ фонъ-Левенвольдомъ, а *въ какой де матеріи* прежде оной Прасковьи дѣло имълось, въ томъ архимандриту Феодосію и стряпчему Шпилкину и означенной дѣвкѣ и никому она Прасковья не говорила ».

Любопытно въ этомъ дѣлѣ, что дѣйствительно, какъ видно, она никому не говорила, за что она сослана была въ монастырь. Анна, рѣшившись сама донести на княжну, не скрыла бы, еслибы ей говорила объ этомъ княжна, которая вѣроятно надѣялась спасенія за своею скромностью.

Тайна допроса Андрея Ивановича въ Измайловскомъ саду осталась навсегда тайною—одною изъ тѣхъ неразгаданныхъ дворцовыхъ тайнъ, которыми изобильно XVIII столѣтіе.

— Я говорила такія слова: «что де былъ въ гвардіи сержантъ Шубинъ и собою де хорошъ и пригожъ былъ, и потомъ де имѣлся у государыни цесаревны ѣзовымъ, и какъ де еще въ монастырь я прислана не была, то де оный Шубинъ, посланъ въ ссылку; и эти слова она говорила такъ за—просто, зная того Шубина, что онъ лицомъ пригожъ былъ, и что былъ онъ ѣзовымъ у государыни цесаревны, и до ссылки своей слышала она, а отъ кого, не упоминуть, что оный Шубинъ посланъ въ ссылку, а куда и за что, того она не знаетъ, и ни отъ кого о томъ не слыхала ».

Такъ какъ объясненіе княжны было не совсѣмъ согласно съ показаніемъ дѣвки Анны Юленевой, то передъ Андреемъ Ивановичемъ дана очная ставка.

Тяжело было княжнѣ встрѣтить доносчика въ лицѣ когда-то вѣрной, преданной Анны—доносчика дѣятельнаго и злорѣчиваго. На очной ставкѣ Анна Юленева не смутилась, а подбавила еще:

«Въ бытность княжны Прасковьи въ тихвинскомъ монастырѣ въ день тезоименитства ея императорскаго величества, а въ которомъ году того именно не упоминуть, какъ приишдъ къ кельѣ, въ которой она княжна Прасковья жила, означеннаго дѣвичьяго монастыря

попы, для поздравленія со онымъ торжественнымъ днемъ, и оная де Прасковья пускать ихъ въ келью къ себѣ ей, Аннѣ, не велѣла; какъ де Анна говорила той княжнѣ: можно де ихъ пустить и для здравія государыни поднести по чаркѣ вина, и оная де княжна Прасковья сказала: я бы де рожна поднесла».

Княжна будто бы говорила Аннѣ: что братъ ея, Борисъ, государыню цесаревну бранилъ непозволительными словами, и еслибы цесаревна была на престолѣ, то бы я въ ссылкѣ не была.

Княжна будто бы говорила ей, Аннѣ: «первый де императоръ Петръ Великій меня жаловалъ и въ голову цѣловалъ, и тогда де государыню и другихъ цесаревенъ царевнами не называли, а называли де только *Ивановными*».

Эти послѣднія воспоминанія Анны, переданныя Андрею Ивановичу, ставили княжну въ самое неприятное положеніе передъ императрицею, оскорбляя «честь и персону» ея величества. Это было обвиненіе по первымъ двумъ пунктамъ.

— Поповъ не пустила я къ себѣ, отвѣчала княжна Андрю Ивановичу, въ день тезоименитства ея императорскаго величества потому, что они были пьяны. О братѣ Борисѣ и цесаревнѣ показанныхъ Анною словъ не говорила».

«О вниманіи къ ней Петра Перваго говорила; но о томъ, что цесаревнѣ называли будто бы *Ивановными*—она Аннѣ не говорила».

Андрей Ивановичъ передалъ обо всѣхъ показаніяхъ Анны и оправданіяхъ княжны въ подробности императрицѣ: и о Шубинѣ, и о Елисаветѣ Петровнѣ, и о Биронѣ, и о Левенвольдѣ, и о ножкахъ царицы Прасковьи Федоровны...

Черезъ четыре дня послѣ очной ставки, къ княжнѣ въ тюрьму вошелъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, въ сопровожденіи секретаря и подъячяго тайной канцеляріи.

— Я докладывалъ о тебѣ императрицѣ, княжна Прасковья Григорьевна; она очень гнѣвна, что ты не говоришь подлинной истины, что ты болтала Аннѣ Юленевой и другимъ. Императрица приказала объявить тебѣ, чтобъ ты, Прасковья, сказала истину, и ежели ты обо всемъ самую истину объявишь, то можешь ожидать всемилостивѣйшаго отъ ея императорскаго величества милосердія; буде же и нынѣ по объявленіи тебѣ, Прасковѣ, ея императорскаго величества высокаго милосердія о вышесказанномъ истинѣ не покажешь, то впредь отъ ея императорскаго величества милосердія, къ тебѣ, Прасковѣ, по-

казано не будетъ, а поступлено будетъ съ тобою, какъ по *такимъ важнымъ дѣламъ* съ другими поступается».

Послѣ этой императорской угрозы, въ *такомъ важномъ дѣлѣ*, Андрей Ивановичъ приказалъ секретарю прочесть передъ княжною еще разъ показаніе дѣвки Анны.

Подѣйствовала ли угроза и страхъ мученій, пытокъ, а можетъ быть и смертной казни, но княжна вдругъ переимѣнила тонъ возраженій и объявила, что говорила ли она все показанное на нее Анною «о томъ нынѣ сказать не упомянуть». Развѣ де вышеозначенныя всѣ слова она, Прасковья, говорила по ссылкѣ ея въ Введенскій дѣвичій монастырь отъ горести, въ печали, въ безпамятствѣ своемъ, потому что она, Прасковья, отъ горести своей не токмо въ безпамятствѣ, но яко изумленная (сумасшедшая) была, и говаривала сумазбродственно, чего нынѣ помнить не можетъ. Поповъ не пустила, потому что они были пьяны. О всемъ объявляетъ она, Прасковья, сущую правду безъ всякой утайки, а ежели де объявляетъ она ложно, а послѣ въ томъ избличена будетъ, — и за то бы де учинено ей было какъ указы ея императорскаго величества повелѣвають».

Въ то самое время, какъ Андрей Ивановичъ страшалъ княжну въ тюрьмѣ и отбиралъ отъ нея сознаніе, въ тайную канцелярію привезли закованнаго въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ Тихвинскаго монастыря стряпчаго Шпилкина.

Шпилкинъ не скрывалъ ничего до малѣйшихъ подробностей о разговорѣ княжны, объяснилъ, что о словахъ княжны гдѣ надлежитъ и до нынѣ не объявилъ, и то учинилъ онъ сущю своею простотою, а не хитростію, и не покрывая помянутой княжны Юсуповой, а страшась того, что она, княжна, рода честнаго и имѣетъ сродниковъ; «а я, Шпилкинъ, человекъ самый послѣдній и страшился, чтобъ въ томъ не прійти въ конечное свое разореніе. Въ чемъ и клянусь чистою моею совѣстію, какъ мнѣ передъ Господомъ Богомъ стать, а ея императорскому величеству за недоношеніе о семъ всемъ приношу повинную и прошу себѣ о семъ милосердаго прощенія».

На первый случай Андрей Ивановичъ объявилъ Шпилкину съ подпискою, «чтобъ онъ о томъ, что слышалъ отъ княжны ни съ кѣмъ ни тайно, ни явно и ни подъ какимъ видомъ никакихъ разговоровъ бы не имѣлъ и не разглашалъ; а буде онъ, Шпилкинъ, съ кѣмъ будетъ разговаривать или разглашать, — за то учинена ему будетъ смертная казнь».

Шпилкина посадили также въ крѣпость.

28 марта княжѣ предъявили показаніе подробное Шпилкина.

Первымъ отвѣтомъ княжны было, что объявленныхъ словъ Шпилкинымъ она не говорила.

Ей напомнили, что она противорѣчитъ себѣ, потому что по доносу Анны, дѣвки, она уже почти созналась, а въ показаніяхъ Шпилкина ничего нѣтъ новаго.

— Не помню, говорила ли я, отвѣчала княжна.

Андрей Ивановичъ велѣлъ привести Шпилкина на очную ставку съ княжною.

Шпилкинъ напомнилъ княжѣ, когда она въ первый разъ рассказывала ему о себѣ. Это было у ней въ кельѣ «смотря на святую икону, съ плачемъ, съ великаго сердца княжна говорила Шпилкину: Боже мой, какъ ты не по винѣ моей безвѣрно меня печалью казнишь!»!..

Княжна не въ силахъ была лгать Шпилкину въ глаза и созналась, что говорила все, какъ показалъ Шпилкинъ.

Андрей Ивановичъ полюбопытствовалъ, не говорила ли еще княжна кому нибудь?

— Никому, отвѣчала княжна, и Андрей Ивановичъ, довольный сознаниемъ княжны, вышелъ изъ тюрьмы ея съ Шпилкинымъ и канцеляристомъ, всегда его сопровождавшимъ въ застѣнкахъ и тюрьмахъ.

Дѣло приходило къ концу, недоставало только архимандрита Тихвинскаго Θεодосія. 17 апрѣля Θεофанъ Прокоповичъ прислалъ его въ тайную канцелярію.

Архимандрита посадили также въ крѣпость.

Объясненія архимандрита не принесли ничего новаго къ обвиненіямъ уже возведеннымъ на княжну Анною Юленевою и Шпилкинымъ. Архимандритъ старался выпутаться самъ изъ этого щекотливаго дѣла. 17 апрѣля въ допросѣ онъ объяснилъ:

— Къ княжѣ ходилъ по службѣ, потому что указомъ Θεофана архіепископа Новгородскаго, при присылкѣ княжны въ Введенскій монастырь, предписано было ему смотрѣть, чтобъ княжна содержалась въ *крѣпкомъ смотрѣніи* — и къ ней онъ, архимандритъ, ходилъ не одинъ, а съ игуменьей Дороеею и съ Тихвинскимъ іеромонахомъ Никономъ».

18 апрѣля опять допросъ архимандриту.

— Княжна мнѣ говаривала: «Батюшка мой старался, чтобъ ны-

гѣшней государынѣ на престолѣ быть и челобитную о томъ ей, государынѣ, подасть, а меня она въ ссылку безвинно сослала; а вотъ Калужкину нынѣ взяли во дворецъ, а за меня заступитъ некому».

Архимандритъ увѣрялъ, что за эти слова онъ кричалъ на княжну и запрещалъ ей, говоря: молилась бы ты Богу. Калужкина въ Введенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ тридцать лѣтъ трудилась, а какъ одного Бога знала, то ее Богъ и помиловалъ, авось либо такъ и тебя впредь Богъ помилуетъ».

Архимандритъ утверждалъ, что прочихъ словъ, какъ доносила на него Анна, отъ княжны не слышалъ, и что никогда не сживалъ съ нею на единѣ.

Андрей Ивановичъ приказалъ привести дѣвку Анну, на очную ставку, уличать архимандрита.

Теодосій не устоялъ противъ обличеній бойкой Анны и сознался, что сживалъ съ княжною наединѣ, но шептался ли съ княжною, какъ увѣряла Анна—того не упомянуть. Только помнить «что, видя оную, Юсупову, печальну, уговаривалъ, чтобъ она не приходила въ печаль, а молилась бы Богу», а сперва объ этомъ не показавъ онъ, архимандритъ, забвеніемъ».

Андрей Ивановичъ въ этотъ же день, 18 апрѣля, доложилъ императрицѣ все дѣло, и ея величество приказала объявить княжнѣ слѣдующее рѣшеніе:

«За злодѣйственныя и непристойныя слова, по силѣ государственныхъ правъ, хотя княжна и подлежитъ смертной казни, но ея императорское величество, милосердуя къ Юсуповой за службы ея отца, соизволила отъ смертной казни ее освободить, и объявить ей, Юсуповой, что то упускается ей не по силѣ государственныхъ правъ, только изъ особливой ея императорскаго величества милости». За тѣмъ княжнѣ велѣно «учинить наказанье *бить кошками* и постричь ее въ монахини, а по постриженіи изъ тайной канцеляріи послать княжцу подъ карауломъ въ дальній, крѣпкій дѣвичій монастырь, который по усмотрѣніи Θεофана архіепископа Новгородскаго имѣеть быть избрѣтенъ, и быть оной, Юсуповой, въ томъ монастырѣ до кончины жизни ея несходно».

Начальствующимъ того монастыря, въ который будетъ сослана княжна, велѣно предписать, чтобъ смотрѣли за княжною накрѣпко, чтобъ она, Юсупова, жительство имѣла благочинно и, кромѣ имѣющейся въ томъ монастырѣ церкви, никуда бы не пускали; постороннихъ

никогда къ ней не допускать, и не дозволять ей писать кому бы то ни было. Для услуженія княжнѣ дозволить ей имѣть одну дѣвку.

Анна Юленева, сидя въ тюрьмѣ, не знала, что судьба княжны уже рѣшена, и, спасая себя, приготовляла княжнѣ еще новое обвиненіе. 25 апрѣля, сидя подь карауломъ, она принялась шумѣть, кричать, топтать, безчинничать, такъ что караульный офицеръ принужденъ былъ донести о ней Андрею Ивановичу. Ее привели въ тайную. Она объявила, «что шумѣла для того, чтобъ ее представили императрицѣ, потому что она, Анна, желаетъ объявить ей, что когда она была въ Петербургъ жаловаться на игуменью, то совѣтовала княжнѣ послать съ нею въ Петербургъ просьбу къ императрицѣ, и что на это княжна ей отвѣчала: *я бы де государыню на одномъ рожнѣ съ тобою видѣла*...»

Этотъ доносъ былъ уже излишній. Андрей Ивановичъ не обратилъ на него вниманія, а приводилъ въ исполненіе приговоръ императрицы надъ княжною. Избѣгая разглашенія, императрица приказала постричь княжну въ тайной канцеляріи; такихъ случаевъ еще не было. Въ кладовыхъ тайной канцеляріи не имѣлось готовой монашеской одежды,—въ Петербургѣ женскаго монастыря не было. Андрей Ивановичъ принужденъ былъ послать нарочнаго къ одному довѣренному лицу въ Новгородъ, съ приказаніемъ купить *секретно* и выслать въ самой скорости все, что нужно для новопостригаемой.

27 апрѣля прислано въ тайную канцелярію все нужное. Любопытна перечень этихъ вещей, а особенно цѣна ихъ: аностольникъ купленъ за 3 к., повязка по аностольнику 10 к.; крестъ 4 к.; парамонъ 2 к.; выметка флеровая 50 к.; раса нижняя съ узкими рукавами 90 к.; мантія маленькая 8 к.; мантія большая, раса верхняя съ широкими рукавами 3 руб., ленты ремени съ пряжкой 3 к., четки 1 к., свѣтъ бѣлаго полотна 10 к. Такъ что весь монашескій нарядъ княжны стоить тайной канцеляріи: *четыре рубли восемьдесятъ одна копейка*.

Изъ синода вытребовали духовную персону, и 30 апрѣля княжна наказана кошками и пострижена. Постригалъ ее синодальный членъ Чудова монастыря, архимандритъ Ааронъ.

Княжна Прасковья Юсупова наименована въ инокиняхъ *Проклюю*.

2 мая Андрей Ивановичъ объявилъ монахинѣ Проклѣ, что императрица приказала отобрать у нея все золотыя, брилліантовыя и др. вещи, и съ прочимъ оставшимся въ монастырѣ ея имуществомъ,

отдать брату ея, камергеру князю Борису Юсупову, а у него потребовать необходимыя деньги, триста рублей, на дорогу княжны въ Сибирь и на ея пропитаніе до мѣста ссылки.

Княжна 4 мая отправлена въ Сибирь, въ Тобольскую епархію въ Введенскій дѣвичій монастырь, состоявшій при Успенскомъ Далматовомъ монастырѣ. Съ княжною отправлена крѣпостная ея дѣвка Марья Иванова Калмычка, которая неоставляла княжну съ самаго дня ссылки ея изъ Москвы. Ихъ повезли подъ карауломъ сержанта и трехъ солдатъ на пяти подводкахъ. На пропитаніе во время дороги княжнѣ съ дѣвучкою назначено было по 25 к. въ день.

Передъ отправленіемъ, княжну привели въ тайную канцелярію, прочтали еще разъ приговоръ и куда она ссылается. При этомъ княжнѣ объявлено: чтобъ она о происходившемъ дѣлѣ въ тайной канцеляріи, отнюдь ни съ кѣмъ до кончины жизни своей ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ разговора не имѣла, и о непристойныхъ словахъ не разглашала; въ противномъ случаѣ ей была угроза—смертная казнь.

Княжна обѣщалась молчать и дала собственноручную подписку. Изъ современныхъ княженъ Юсупова была исключеніе: она умѣла писать.

Участь Анны Юленевой, Шпилкина, архимандрита Феодосія и др. была рѣшена позже.

Архимандритъ за то, что не донесъ о непристойныхъ словахъ княжны, по сужденію тайной канцеляріи, подлежалъ бы жестокому наказанію, но ея императорское величество, милосердуя изъ особенной своей императорской милости, всемилостивѣйше соизволила оную вину ему, архимандриту, для его старости упустить, и безъ наказанія изъ тайной канцеляріи изъ подъ караулу свободить.

Анна Юленева — за доносъ на княжну прощена, но такъ какъ она явилась въ несостоятельномъ умѣ, то, чтобы не проговорилась, тайно отослать ее въ одинъ изъ дѣвичьихъ монастырей, не усмотрѣвшаго духовнаго начальства, и когда поправится въ умѣ, то дозволено постричь ее въ монахини...

Странному монастырскому Шпилкину — за то, что не скоро донесъ, да и то только тогда, когда довела уже Юленева — учинить наказаніе: бить плетью, чтобъ впредь доносилъ безъ замедленія; но наказанія освободить.

Объ *шумень Доробель*, допустившей, что княжну посѣщали посторонніе лица передано на разсмотрѣніе Θεοφана.

Какъ ѣхала и доѣхала княжна Прасковья Григорьевна, или монахиня Прокла, въ Сибирь, сохранилось донесеніе сопровождавшаго ее туда, измайловскаго полка сержанта Алексея Гурьева. Отъ возвратился въ Петербургъ 10 августа и донесъ тайной канцеляріи:

— Княжну сдалъ благополучно въ тобольскій Введенскій монастырь. Но что для своей предосторожности, дабы впредь мнѣ нижайшему чего не пришлось онѣ объявляеть, что дорогою княжна Прокла неоднократно его превосходительство генерала и кавалера и ея императорскаго величества генераль-адыютанта Андрея Ивановича Ушакова и дочь его превосходительства, и секретаря тайной канцеляріи, Николая Хрущова, бранила, и говаривала неоднократно: *воздай де Богъ, генерала Ушакова дочери также какъ и мнѣ; дай де Богъ здравствовать государынѣ моей матушкѣ, да государынѣ цесаревнѣ*.

Также въ дорогѣ неоднократно просила, чтобы ей дали жареную курицу. Сержантъ замѣтилъ ей: что нельзя, потому что ей, какъ монахинѣ, мяса ѣсть не слѣдуетъ.

— Я ѣсть не стану, отвѣчала Прокла, но хотъ посмотрю на жареную курицу и сыта буду».

Но сержантъ не далъ ей курицы.

Тѣмъ и кончается донесеніе сержанта.

Какъ вела себя княжна въ Сибири?

Вотъ опять объ ней донесеніе изъ монастыря, отъ 6 марта 1738 года.

«Монахиня Прокла нынѣ въ житіи своемъ стала являться весьма безчинна, а именно: *первое*, въ церковь Божію ни на какое слово Божіе ходить не стала; *второе*—монашеское одѣяніе съ себя сбросила и не носитъ; *третье*—монашескимъ именемъ, то есть Проклою не называется, и звать не велитъ, а называется и велитъ именовать Парасковьею Григорьевою; *четвертое* — разсвирѣпѣвъ, учинилась монашескому обыкновенію противна и ни въ чемъ по чину монашескому стала быть не послушна и не благодарна, и посылаемому къ ней изъ келарской келліи пищу не пріемлетъ, а временемъ и бросаетъ на полъ и, ругаясь, говоритъ: у меня лучше того ѣдали щи, и проситъ себя всгдѣ излишнихъ припасовъ, чтобы всегда было свѣжее и живое».

Вслѣдствіе этого донесенія, монахиню Проклу велѣно содержать

въ монастырѣ въ ножныхъ желѣзахъ, подъ карауломъ, несходно; притомъ, тайная канцелярiя по указу ея императорскаго величества предписала монастырскому начальству: Проклу наказать *шелепами* и объявить, что если не уймется, то будетъ жесточайше наказанъ.

Кончила ли жизнь княжна Прасковья Григовьевна въ монастырѣ, или была освобождена, изъ слѣдственнаго дѣла не видно.

Р. ВСИПОВЪ.

ХИВИНСКІЕ ДѢЛА СЪ 1839—1842.

I.

Экспедиція въ Хиву Перовскаго.

1839—1840.

Со времени экспедиціи въ Хиву князя Бековича Черкасскаго, предпринятой по повелѣнію Петра Великаго въ 1717 году, русское правительство до 1839 года не предпринимало военныхъ поисковъ на это ханство, огражденное отъ нашихъ вторженій голодовыми степями. Предпринятая въ томъ году экспедиція кончилась, если не такъ трагически, какъ предпріятіе Петра, то за то была также неудачна. Между тѣмъ объ этой экспедиціи ничего не было сообщено, если не считать коротенькой статьи, помѣщенной года три тому назадъ въ Библіотекѣ для чтенія въ отдѣлѣ «Смѣсь».

Игнѣя подъ руками матеріалы, мы составили изъ нихъ предлагаемую статью въ полной увѣренности, что какъ бы ни была она не-совершенна, все-таки уже по своему внутреннему содержанію, независимо отъ внѣшнихъ формъ, не можетъ не быть интересною и научительною.

Предварительно мы считаемъ необходимымъ сказать хотя нѣсколько словъ о нашихъ сношеніяхъ съ среднею Азіею вообще.

Долина Аму-Дарьи, бывшая когда-то рассадникомъ цивилизаціи,

Отд. I.

1

давно уже утратила свое прежнее значеніе. Ховарезмъ пережилъ свою ученую славу; цвѣтушіе когда-то города замѣнились кочевками полудикаго народа, а вѣроломство и коварство замѣнили гостепріимство и радушіе, которыя восхвалялъ въ жителяхъ Ховарезма арабскій географъ X вѣка (*).

Чингизъ-Ханъ, оскорбленный владѣтелемъ Ховарезма, разгромилъ царство Алла-Эдина и проложилъ Батыю дорогу въ Россію. По смерти Чингиза, Ховарезмъ составилъ часть Джагатаева улуса, который обнялъ собою южную полосу западной Сибири, долину рѣки Или, скаты западной оконечности Тянь-Шаня и Белуртагскаго хребта, наконецъ все пространство къ сѣверо-востоку отъ южной окраины долины рѣки Аму-Дарья.

Междоусобіи снова раздѣлили это громадное царство, и только въ началѣ XV вѣка Тамерлану еще разъ удалось на короткое время сдѣлать среднюю часть Аму-Дарья средоточіемъ полувѣтной монархіи.

Явившееся тюркское племя Узбековъ, пользуясь раздорами въ Ховарезмѣ, захватило тамъ власть и внесло туда нѣчто въ родѣ нашей удѣльной системы. Главою этого удѣльнаго царства номинально считался бухарскій эмиръ; безпрестанные же набѣги, производившіеся на Бухару со стороны другихъ владѣльцевъ, фактически опровергали номинальное значеніе эмира.

Набѣги эти особенно усилились въ XVII вѣкѣ со стороны Хивы, которая однако въ началѣ XVIII вѣка была поработана Бухарою.

Въ 1740 годахъ Хивинцы провозгласили своимъ ханомъ Нурь-Али. Въ 1750 годахъ вступилъ на ханство Каниъ, по происхожденію Киргизъ, а по рожденію сынъ киргизскаго Батырь-султана.

Впрочемъ всѣ родословные списки хановъ, по словамъ г. Ханькова, далеко не могутъ быть названы совершенно вѣрными и точными. Только съ конца XVIII вѣка, когда Россія вступила въ частыя сношенія съ Хивою, можно уже безошибочно слѣдить за родословною хивинскихъ хановъ.

По имѣющимся даннымъ, можно заключить, что въ теченіе всего XVIII вѣка, Хива не представляла даже признака государственнаго устройства, и что все низовье Аму-Дарья находилось подъ владычествомъ нѣсколькихъ отдѣльных общинъ, управляемыхъ собственными старшинами; сѣверныя общины номинально считались въ зависимости

(*) Аль-Истархи.

отъ владѣльца мушградскаго, а южные—отъ хивинскаго, сибиря, впрочемъ, владѣльцевъ этихъ по произволу.

Въ концѣ XVIII вѣка, по свидѣтельству Мурашева, ибѣте Эль-Тевара завладѣлъ управленіемъ въ Хивѣ и женившись, не смотря на простое происхожденіе свое, вопреки ибѣстному обычаю, на двужнѣ изъ рода ходжей, то есть потомковъ Магомета, присвоилъ себѣ титулъ хана. Упрочивъ власть внутри своего удѣла крайнею жестокостію, онъ вознамѣрился занять свою независимость отъ бухарскаго хана и предпринялъ противъ него походъ. Однако ханъ этотъ утонулъ при переправѣ черезъ Аму-Дарью. Слабый преемникъ его Кутли Мурадъ снова ограничился титуломъ ннаха и номинальною властію надъ ибѣстными родоначальниками. Но примеръ Эль-Тевара возбудилъ желаніе выразить ему въ младшемъ братѣ его Мугамедъ Рахимѣ, который, убивъ Кутлу Мурада и другаго соотечественника, двоюроднаго брата своего, не только подчинилъ своей власти все низовье Аму-Дарьи до Аральскаго моря, но положилъ начало вліянію Хивы на сосѣднихъ Киргизовъ и Туркменъ, и возобновилъ признаки внутренняго гражданскаго устройства въ своихъ владѣніяхъ.

Вслѣдствіе неудачнаго похода противъ Бухары, Мугамедъ Рахимъ долженъ былъ признать временно зависимость свою отъ бухарскаго эмира; но зависимость эта была впрочемъ только номинальною.

Въ эпоху Мугамедъ Рахима, въ 1825 году, хивинское ханство уже представляло одно политическое цѣлое, на дѣлѣ подчиненное хивинскому владѣльцу. При сынѣ Мугамедъ Рахима, Алла Кулѣ и была предпринята экспедиція въ Хиву, которая составляетъ предметъ нашего разсказа.

О значеніи средней Азіи для Россіи мы не будемъ подробно распространяться; желающій поближе ознакомиться съ этимъ предметомъ, можетъ обратиться къ статьѣ г. Ханькова, помѣщенной въ запискахъ географическаго общества за 1851 годъ, изъ которой мы заимствуемъ нѣкоторыя данныя, и къ сочиненіямъ Рычкова. Здѣсь же считаемъ не лишнимъ сказать въ нѣсколькихъ словахъ о сношеніяхъ Россіи съ средне-азиатскими владѣніями.

Торговой путь въ Россію съ береговъ Аму-Дарьи былъ проложенъ уже въ VIII вѣкѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ найденныя у насъ того времени монеты Мавръ-Эль-Награ. Владычество Татаръ въ Россіи еще ближе ознакомило Ховарезмцевъ съ разными частями нашего отечества, въ особенности потому, что въ первую эпоху татарскаго

*

ига, Ховарезмцы являются главными и самыми страшными опустошителями татарской дани.

Въ 1364 году летописцы уже упоминаютъ о присутствіи въ Нижнемъ Новгородѣ многочисленныхъ хивинскихъ и бухарскихъ торговцевъ, а съ паденіемъ Астрахани и Казани хивинскіе, бухарскіе и самаркандскіе владѣльцы уже присылаютъ къ московскому двору посланцевъ, прося покровительства своимъ торговцамъ.

Московскіе государи охотно принимали этихъ посланцевъ и поощряли торговые сношенія съ среднею Азіею. Но какъ московскій дворъ, такъ и европейцы ищѣли въ виду не среднюю Азію, а лежащую за нею Индію.

Уже въ 1469 году тверской торговецъ, Ассаній: Нинитичъ проѣхалъ изъ Россіи до столицы султана хорасанскаго. На пути онъ два раза былъ ограбленъ астраханскими Татарами.

Въ 1553 году пріѣхалъ въ Москву отъ султана Бабера Индѣецъ съ грамотою, въ которой Баберъ предлагалъ московскому государю братство и дружбу.

Стремленіе къ поддержанію и развитію торговыхъ сношеній съ среднею Азіею продолжалось и послѣ Ивана Грознаго.

Въ 1620 году отправленъ былъ къ бухарскому эмиру дворянинъ Иванъ Даниловъ Хохловъ, которому, кромѣ торговыхъ порученій, предписано было развѣдать о находящихся въ Бухарѣ русскихъ пленныхъ и въ особенности объ именныхъ дворянахъ... «Когда бухарскій ханъ пригласитъ его къ себѣ за столъ, сказано было въ инструкціи, то требовать, чтобы другихъ пословъ въ то время не было, а если они будутъ, то чтобы ему сидѣть выше ихъ».

Въ 1646 году Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Бухару съ разными товарами и съ извѣстительною о восшествіи своемъ на престолъ грамотою купчину Аниса Грибова, который, однако, по случаю междоусобія въ Бухаріи, остался торговать въ Персіи, откуда и послалъ грамоту бухарскому эмиру. Кромѣ того Алексѣй Михайловичъ два раза назначалъ пословъ къ шаху персидскому и великому моголу, но оба раза Шахъ-Абасъ II отказывался пропустить этихъ пословъ въ Индію; оба раза имѣлось въ виду, между прочимъ, собрать возможные свѣдѣнія о пути въ Индію.

Въ 1669 году отправлены были посланцы въ Хиву и Бухару. Въ Хиву былъ назначенъ боярскій сынъ Иванъ Федотовъ, который съ честью былъ принятъ ханомъ и получилъ дозволеніе отъ хана

сѣдѣть въ важнѣйшіе торговые города ханства. Личный обзоръ хивинской промышленности и торговли убѣдилъ Фодотова въ томъ, что «російскаго государства торговитъ людямъ отъ тѣхъ товаровъ большія прибыли и пожитковъ не чаять».

Въ Бухару же былъ отправленъ Борисъ и Семѣнь Пазухины. Они успѣли освободить только 9 русскихъ плѣнниковъ. Вслѣдствіе полувоеннаго наказа, Пазухинъ, по возвращеніи своемъ въ Москву, представилъ подробное извѣстіе о пути въ Индію.

Но полученіи свѣдѣній объ этомъ пути, въ 1675 году былъ отправленъ изъ Астрахани съ грамотою къ великому моголу астраханскій Исупъ Касымовъ; въ Бухару же былъ посланъ въ этомъ году Даудовъ. Исупъ доѣхалъ до Кабула, но великій моголъ не пожелалъ имѣть сношеній съ Россією и выслалъ изъ Кабула Касымова, который выкупилъ изъ неволи 40 плѣнниковъ.

Въ грамотѣ, данной Даудову, напоминалось хану обѣщаніе его Пазухину отпустить русскихъ плѣнныхъ съ первымъ будущимъ царскимъ посланникомъ. Эмиръ согласился отпустить съ Даудовымъ только 5 человекъ русскихъ плѣнныхъ и обѣщалъ отправить къ русскому царю своихъ пословъ, а вмѣстѣ съ ними безденежно отпустить еще 20 плѣнниковъ. Возвращаясь въ Россію, Даудовъ выкупилъ въ Хивѣ и Бухарѣ русскихъ невольниковъ 33 человекъ, которые, съ доставленіемъ ихъ въ Россію, стоили 1114 рублей.

Въ 1700 году, когда Хива была въ зависимости отъ Бухары, ханъ хивинскій Шаниазъ, желая освободиться отъ бухарскаго эмира, отправилъ пословъ своихъ къ Петру Великому, проси о принятіи Хивы въ подданство Россіи. На это послѣдовало соизволеніе Петра, который 30 іюня 1700 года послалъ хану грамоту.

Черезъ три года прибылъ въ Россію посланецъ отъ хивинскаго хана Аранъ-Магомета съ грамотою, въ которой было подтверждено приволеніе Хивы въ подданствѣ Россіи, а въ 1717 году предпринята была несчастная экспедиція Бековича—Черкаскаго, погибшаго въ Хивѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ.

Въ 1729 году прибылъ въ Россію посолъ отъ бухарскаго и хивинскаго хановъ и предъявилъ просьбу о возстановленіи по прежнему торговыхъ сношеній съ Хивою, прерванныхъ вслѣдствіе убіенія Бековича. Сношенія эти уже разрѣшены были еще при Екатеринѣ, а именно указомъ 1727 года.

Въ 1730 году малая киргизская орда приняла подданство Россіи,

а въ 1731 отправленъ былъ съ торговлягъ караваномъ въ Хиву и Бухару артиллеріи полковникъ Гарберъ. Однако караванъ его былъ разграбленъ недалеко за Ураломъ, а самъ Гарберъ вернулся обратно.

Въ 1739 году киргизскій султанъ Абуль-Ханръ просилъ Ашву Иоанновну о построеніи ему города близъ устьевъ р. Сыръ-Дарьи. Въслѣдствіе этой просьбы отправлены были туда и въ Хиву два русскіихъ офицера: Гладышевъ и Муравинъ. Въ слѣдующемъ году сынъ Абуль-Ханра Нуръ-Али былъ избранъ хивинскимъ ханомъ. Поэтому къ нему въ 1742 г., какъ къ русскому подданному, былъ посланъ присяжный листъ.

Между тѣмъ, тотчасъ же по zaloженіи оренбургской линіи, основатель ея Кириловъ составилъ проектъ о сношеніяхъ нашихъ съ Индіею черезъ Аральское море, Аму-Дарью и Сыръ-Дарью (*) Преемникъ Кирилова, Неплюевъ представилъ полный проектъ «какіе способы могутъ послужить къ распространенію оренбургской коммерціи въ Бухаріи до Индіи». Проектъ этотъ былъ одобренъ и для заведенія торга съ Индіею дана была на 15 лѣтъ привилегія торговой компаніи, составленной изъ нѣсколькихъ оренбургскихъ купцовъ. Одинъ изъ нихъ въ 1750 году отправилъ въ Индію для опыта два небольшіе каравана съ товарами на 8000 р. Но, кажется, на этомъ и остановилось все дѣло компаніи.

Въ 1753 году въ Хивѣ былъ купецъ Рукавкинъ, путешествіе котораго напечатано въ Московскомъ Мѣсяцесловѣ 1776 года, а въ 1754 году, для выручки задержаннаго въ Хивѣ русскаго каравана, были посланы туда Гуляевъ и Чучеловъ, которые въ 1775 году вернулись обратно и представили письменныя свидѣнія.

При Екатеринѣ, въ 1793 г. былъ посланъ по просьбѣ самаго хивинскаго хана, для излеченія его родственника отъ глазной болѣзни, докторъ Бланкеннагель. Не смотря на удачное леченіе, докторъ этотъ едва не заплатилъ жизнью и только, благодаря угрозамъ Екатерины и преданности Туркменъ, успѣлъ спастись отъ смерти.

Въ 1800 году отправлены были въ Ташкентъ Бурнашевъ и Поспѣловъ. Путешествіе ихъ напечатано (**). Черезъ три года отправился по порученію правительства въ Бухару поручикъ Говердовскій, который, дойдя до Аральскаго моря, былъ ограбленъ Киргизами и

(*) П. С. З., т. IX, № 6376.

(**) В. геогр. об., часть I, кн. 2-я, 1851 г.

вернулся назадъ. Затѣмъ въ средней Азіи были: въ 1813 году—Назаровъ въ Коканѣ, въ 1818—Субханкуловъ въ Хивѣ и купецъ Гогунитъ въ Бухарѣ; въ 1819—Бектуринъ и Муравьевъ въ Хивѣ, а Мейендорфъ въ Бухарѣ. Въ 1824 году былъ отправленъ вооруженный караванъ подъ начальствомъ полковника Цюлковскаго. На пути за Самаръ—Дарьемъ въ 1825 году караванъ этотъ былъ разграбленъ и вернулся обратно въ Орскую крѣпость. Въ 1835 году отправился въ Бухару съ караваномъ, въ качествѣ путешественника, прапорщикъ Витковичъ, который въ январѣ 1836 года прибылъ въ Бухару, а въ апрѣлѣ обратно вернулся въ Орскъ.

Изъ этого очерка нашихъ сношеній съ среднею Азією вообще можно видѣть, что, несмотря на то, что сношенія наши съ Хивою начались очень рано, тѣмъ не менѣе онѣ никогда не были особенно дружелюбны. Безпрестанные посланцы хивинскаго хана привозили въ Россію подарки, изъявляли отъ имени своего хана преданность Россіи, а между тѣмъ правительство хивинское не упускало ни одного случая, для того чтобы оградить караванъ, захватить Русскихъ въ плѣнъ, волновать Киргизовъ и т. п.

Но Хивинцы не довольствовались только оскорбленіемъ однихъ посылаемыхъ русскимъ правительствомъ въ Хиву; они, кромѣ того захватывали Русскихъ въ степи и содержали ихъ въ тяжкомъ рабствѣ. При посредствѣ Киргизовъ и въ особенности Туркменъ они дѣльными кучами захватывали нашихъ рыбопромышленниковъ на Каспійскомъ морѣ, брали въ плѣнъ даже съ самой линіи, привозили плѣнниковъ въ Хиву и здѣсь, нередко при участіи самаго хана публично продавали ихъ въ рабство. Такимъ образомъ въ 1835 году въ Хивѣ насчитывалось уже до тысячи нашихъ плѣнниковъ.

Такъ какъ переговоры не достигали никакой цѣли, то очевидно, необходимо было принять какія нибудь рѣшительныя мѣры.

Поэтому въ 1836 году въ Оренбургѣ и въ Астрахани задержаны были возвращавшіеся съ нижегородской ярмарки хивинскіе купцы съ ихъ товарами, и въ то же время было объявлено хивинскому хану, что купцы эти не иначе будутъ освобождены, какъ по отпускѣ изъ Хивы всѣхъ томившихся тамъ въ неволѣ Русскихъ и по совершенномъ прекращеніи явныхъ и тайныхъ враждебныхъ противъ насъ дѣйствій.

Внезапное прекращеніе торговыхъ сношеній съ Россією нанесло чувствительный ударъ хивинскому ханству. Цѣна всѣхъ привозныхъ

мануфактурныхъ надѣлій возвысилась тамъ на 15%, а цѣна сырыхъ матеріаловъ на 90%; хивинскія же произведенія упали на 50%.

Несмотря однако на то, хивинскій ханъ Алла Куль медлилъ исполненіемъ справедливыхъ требованій и все еще полагалъ, что разными хитростями успѣетъ отъаграть грозившую ему опасность.

Въ 1837 году присланы были наконецъ 25 русскихъ платниковъ и значительные подарки. Это однако ни мало не имѣло вліянія на наши дѣйствія. Подарки были отвергнуты, зрѣсть съ купцовъ и товаровъ ихъ не снять, а требованія наши возобновлены еще съ большею настойчивостью. Все это однако не имѣло никакого успѣха.

Очевидно, что дальнѣйшая медленность и нерѣшительность съ нашей стороны была бы выраженіемъ робости, которая только удвоила бы наглость и дерзость Хивинцевъ. Поэтому рѣшено было наказать Хивинцевъ оружіемъ и Перовскій получилъ повелѣніе двинуться съ отрядомъ войска на Хиву.

Повидимому можно было смѣло рассчитывать на успѣхъ предпріятія. Достоверно было, что когда послѣ нападенія Хивинцевъ зимою съ 1824—1825 годъ на вооруженный караванъ нашъ, въ слѣдующую зиму отправлена была ученая экспедиція къ Аральскому морю подъ начальствомъ полковника Берга, то въ Хивѣ уже были сдѣланы всѣ приготовленія для поднесенія Русскимъ городскихъ ключей. Платники наши увѣрили единодушно, что уже были отысканы золотые ключи.

Кромѣ того, со времени задержанія у насъ хивинскаго каравана и прекращенія торговли, нужда и бѣдность въ Хивѣ значительно возрасли, и ханъ, лишившись доходовъ своихъ, сталъ взимать съ Туркменъ, которые уже неоднократно просили нашего покровительства, и ближайшихъ къ Хивѣ Киргизъ довольно отяготительныя подати. Наконецъ, въ Хивѣ и въ степи существуетъ давнишнее повѣрье, что Хива погибнетъ отъ русскаго оружія въ то время, когда воды Аму-Дарьи станутъ снова разливаться до стараго Ургенча, покинутаго въ давнія времена по недостатку въ водѣ. Между тѣмъ, въ то время заливъ Аму-Дарьи дѣйствительно сталъ снова наполняться, въ Куна-Ургенчи стали селиться жители и народъ съ трепетомъ ожидалъ исполненія послѣдней части предсказанія.

Всѣ эти обстоятельства заставляли Перовскаго полагать, что можетъ быть даже Киргизы и Туркмены разграбили бы Хиву еще прежде, чѣмъ отрядъ нашъ успѣлъ бы подойти къ ней.

Вооруженная экспедиція въ Хиву была первымъ обширнымъ пред-

пріятіемъ съ нашей стороны послѣ неудачнаго похода князя Бекевича-Черкаскаго въ 1717 году. Громадныя приготовленія къ ней и неудачи, зависѣвшая отъ причинъ, которыхъ невозможно было предотвратить человѣческою дѣятельностью, заслуживаютъ вниманія. Но предварительно полнаго описанія этой несчастной экспедиціи намъ кажется не лишнимъ познакомить читателя съ страной, чрезъ которую приходилось идти нашимъ войскамъ, и которая по своему степному характеру представляетъ много оригинальнаго.

Степь оренбургская подходитъ почти къ самому Оренбургу. Верховье и среднее теченіе Урала служатъ ей естественною границею; отсюда къ югу на цѣлыя тысячи верстъ до самаго хребта Эльбрусь, отдѣляющаго среднюю Азію отъ Персіи, тянется совершенно безлѣсная однообразная равнина. Въ началѣ, по степнымъ притокамъ Урала: Ори, Илеку, Хобдѣ встрѣчается еще почва, способная къ воздѣлыванію; мѣстами здѣсь попадается даже черноземъ; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ ощутительнѣе становится безплодіе; за Эмбою начинаются одни пески и солончаки.

Вся мѣстность, занимаемая степью и простирающаяся на 860,000 квадратныхъ верстъ, за исключеніемъ Мугоджарскихъ и Джабыкь-Карагайскихъ горъ, представляетъ обширную равнину, не вездѣ впрочемъ одинакаго свойства. Сѣверная часть ея существенно разнится отъ южной, а перешеекъ, отдѣляющій Каспійское море отъ Аральскаго, имѣетъ свой особенный характеръ. Въ киргизскихъ степяхъ вообще нѣтъ большихъ рѣкъ, за исключеніемъ Урала и Сыръ-Дарьи, текущихъ на ся предѣлахъ; маленькихъ же рѣкъ, сравнительно съ пространствомъ, весьма не много, да и тѣ чрезвычайно маловодны и многія изъ нихъ во время жаровъ пересыхаютъ. Кромѣ того нѣкоторыя рѣки нивіютъ иногда воду горькосоленую и потому негодную для употребленія. То же можно сказать и объ озерахъ киргизской степи.

Сѣверная часть степи, или бассейны рѣкъ Тобола, верхняго и средняго Урала и отчасти озера Челкара, довольно удобна. Здѣсь протекаетъ много рѣчекъ съ хорошею водою и есть даже небольшія прѣсыя озера, или вѣрнѣе, впадины съ снѣговою водою; по берегамъ рѣчекъ разстилаются поешные луга, а самая степь покрыта слоемъ чернозема, на которомъ растетъ ковыль, составляющій отличительный признакъ плодородія степной почвы. Въ сѣверной части степи встрѣчаются даже дѣса, какъ лиственные, такъ и строевые

сосновые, но пространства, покрытыя ими, весьма незначительны въ сравненіи со всею степью.

Обозначить предѣлъ удобной степи съ юга нѣтъ никакой возможности, потому что удобная или плодородная степь переходитъ въ безплодную, имѣющую солонцеватую почву, не вдругъ, а постепенно.

Южная часть степи представляетъ совершенно другія свойства, чѣмъ сѣверная. Отъ притоковъ нижняго Урала, имѣющихъ большую частью воду солоноватую, до самой Сары—Су не встрѣчается ни рѣкъ, ни прѣсныхъ озеръ, а въ оврагахъ вода находится иногда только въ плесахъ и часто бываетъ негодная для употребленія. Среди южныхъ степей лежатъ пески и солончаки.

Солончаки состоятъ изъ сѣроватаго, соленого ила и бываютъ сухіе и мокрые—соленыя грязи, которыя образовались отъ высушки соленыхъ озеръ покинутыхъ мѣстами при убыли и отступленіи моря въ нынѣшніе его предѣлы. Это можно видѣть на топкихъ берегахъ Каспійскаго моря и донинѣ. Небольшія грязи и сухіе солонцы образуются иногда и оттого, что снѣговая и дождевая вода, стекая съ высотъ, выщелачиваетъ на пути своемъ изъ илу соль и уноситъ ее на низменное мѣсто. Эта соль состоитъ изъ смѣси разныхъ солей; но горькая соль принадлежитъ къ главнѣйшимъ составнымъ ея частямъ.

Иные солончаки въ продолженіе лѣта пересыхаютъ и представляютъ въ такомъ случаѣ твердый грунтъ, на которомъ копыты лошадей не оставляютъ даже слѣдовъ; другіе, напротивъ, и во время самыхъ сильныхъ жаровъ представляютъ все тѣже непроходимыя топи. Вѣроятно это зависитъ отъ свойства составныхъ частей; но вообще соленыя грязи сохнутъ медленно. Не легко также онѣ зимою замерзаютъ; иные мерзнутъ скорѣе, но профессоръ Эверсманъ видѣлъ соленыя грязи, которыя при 28° Реом. были еще совершенно топки и непроходимы.

Солонцы бываютъ обыкновенно вовсе голы, только по краямъ или берегамъ поростаютъ они разными солянками.

Солонцы расположились гораздо привольнѣе песковъ въ киргизскихъ степяхъ. Отъ горько—соленыхъ бассейновъ Каспія, Арала и Балхана они широкими полосами врываються въ глубь материка и только горные хребты и значительныя возвышенія въ немногихъ мѣстахъ разъединяютъ ихъ. Въ степяхъ Малой Орды, они облегчаютъ караванные пути въ Хиву и наполнивъ сухими солончаками почти

всю равнину между р. Ураломъ и р. Сагызомъ, поглощаютъ воды р. Улу—Уила, недопуская ихъ до моря. Далѣе переходятъ они на р. Сагызъ и на устьѣ р. Эмбы и тамъ поддерживаютъ существованіе густыхъ камышей, которые своимъ ежегоднымъ разрушеніемъ и прокращеніемъ способствуютъ обмеленію рѣкъ и распространенію безплодной суши на счетъ рыбнаго моря. За Эмбой они болѣе или мѣнѣе тонкими рукавами прорѣзываютъ всю низменную степь, расположенную между лѣвымъ берегомъ этой рѣки и сѣверными обрывами Усть—Урта, образуя у самаго подножія горъ солонцеватыхъ болотъ, каковы напримѣръ Чужка—Куль, Донгузъ—Тау и др., — потомъ, пропавъ за Мугуджары и даже на плоскую высь Усть—Урта, облегаютъ цѣлыя болѣе или менѣе соленыхъ озеръ всю западную окраину большихъ Барсуковъ. На ю. отсюда, соединяются они съ тонкими солончачами, охраняющими сѣверный берегъ Аральскаго моря отъ песковъ и, подвигаясь все на сѣверъ, образуютъ обширный топкій заливъ между малыми Барсуками и Кара—Кумомъ, обгибаютъ Сары—Чеганакъ и, соединяясь на востокѣ довольно широкою полоскою проточныхъ солонцевъ, терпятъ на югѣ въ камышистыхъ и топкихъ берегахъ дельты р. Сыра. Дальнѣйшее восточное ихъ направленіе въ точности неизвѣстно, но нѣтъ сомнѣнія, что они чрезъ оз. Теле и рѣку Чу, состоятъ въ соединеніи съ третьимъ большимъ бассейномъ горькосолоной воды киргизскихъ степей, съ озеромъ Балхашъ. Тѣнкость солонцовъ и болотъ представляетъ значительныя препятствія, какъ для слѣдованія каравановъ и отрядовъ, такъ и для сообщенія Киргизовъ между собою. Тонкіе солончаки эти, подобныя тундрамъ, сверху въ видѣ коры имѣютъ вязкій грунтъ, а чѣмъ глубже, тѣмъ болѣе воды. Берега ихъ обыкновенно бываютъ тверды, но чѣмъ ближе къ срединѣ, тѣмъ они становятся непроходимѣе; такіе солончаки простираются иногда на 20 и болѣе верстъ и проходимы въ немногихъ, только мѣстахъ.

Песчаная степь и холмы, называемые у Киргизовъ просто кумъ, т. е. песекъ, состоятъ изъ сыпучаго песку, который образуетъ грядами расположенные холмы и пригорки. Вѣтеръ разноситъ и пересыпаетъ пески эти съ мѣста на мѣсто, отчего и самыя холмы беспрестанно измѣняютъ видъ и положеніе свое. Они извѣстны казакамъ подъ именемъ бархановъ. Пески встрѣчаются только въ южныхъ степяхъ; въ сѣверныхъ степяхъ они вѣроятно уже заросли и покрылись черноземомъ, но крайней мѣрѣ сыпучихъ песковъ на сѣверѣ вовсе нѣтъ.

Пески можно раздѣлить на два разряда: первобытные и наносные. Первые, будучи скрѣплены корнями травъ и мелкихъ кустарниковъ, служащихъ хорошимъ кормомъ для овецъ, лошадей и верблюдовъ, представляютъ весьма много удобствъ для кочеванія; тѣмъ болѣе, что просачивающаяся вода находится въ нихъ обыкновенно на незначительной глубинѣ; между такими песками встрѣчаются иногда прекрасныя луговыя мѣста, и по этимъ пескамъ растутъ преимущественно камышъ, терсекецъ, сагызъ, елелекъ, кіякъ, чій, акъ-чій, сютутунъ, ржаникъ и ковыль. Вторые, имѣя по преимуществу глинисто-солонцеватое основаніе, безпрестаннымъ движеніемъ своимъ не позволяютъ корнямъ растений въ нихъ укрѣпляться и не имѣютъ достаточно плотности, чтобы слою ихъ могли предохранить скопляющіеся подъ ними запасы воды отъ испаренія. Поэтому Киргизы удаляются въ нихъ неохотно и называютъ ихъ Яманъ-Кумъ и Батканъ-Кумъ, т. е. дурные и вязкіе пески; самыя высокіе изъ этихъ песчаныхъ бугровъ большею частью обнажены.

Сушчіе пески степи большею частью обильны водою: почти всюду въ долинахъ, между песчаными холмами, легко рыть колодцы и вода показывается не глубже нѣсколькихъ футовъ отъ поверхности земли; въ пескахъ же встрѣчается самая значительная флора.

Движенія отрядовъ чрезвычайно затруднительны въ пескахъ первого рода, колеса вѣзываются по ступицу, а ноги вязнутъ; въ пескахъ же второго рода—движенія довольно свободны.

Пески, какъ сказано выше, встрѣчаются только въ южныхъ степяхъ; замѣчательнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: сѣверный берегъ Аральскаго моря обложенъ песками, которые тремя вѣтвями вдаются въ солонцы, отдѣляющіе ихъ отъ него; западная довольно широкая вѣтвь, называется *Большіе-Барсуки*, лѣтомъ и зимою можно тутъ найти кочевья Киргизовъ; средняя вѣтвь, упирающаяся узкою полосой въ заливъ Перовскаго, называется *Малыми-Барсуками* и представляютъ менѣе удобствъ къ кочеванью, наконецъ восточная, подходящая къ рѣкѣ Иргизу, въ 30 верстахъ южнѣе урочища Кара-Жуга, не имѣетъ одного общаго имени, а въ разныхъ мѣстахъ называется по урочищамъ, тамъ находящимся. Узкая полоса солонцовъ отдѣляетъ эти пески отъ песковъ *Кара-Кумъ*, которыми занятъ весь уголъ, составляемый правымъ берегомъ р. Сыръ-Дарья и восточнымъ берегомъ Аральскаго моря. Невысокіе холмы, покрывающіе ихъ, поросли ташарикомъ и саксауломъ: въ долинахъ при частыхъ копаняхъ и колодцахъ,

подаются хорошия травы, вблизи же Аральскаго моря они становятся бесплодными и сухими, и безводными вблизи Сыръ-Дарьи. За рѣкою Куванъ-Дарьёю находятся огромные пески *Кызыль-Кумь*, отдѣляющіе эту рѣку отъ Бухарекскихъ владѣній. Сѣверо-восточная часть Кара-Кума, подходящая довольно близко къ предгоріямъ Улу-Тау, называется *Арысь-Кумь*.

Все эти пески лежатъ на известковой породѣ и, по всей вѣроятности, образовались изъ вывѣтрившейся своей подстилки. Это обстоятельство объясняетъ, отчего эти пески такъ обильны водою. Въ твердой, глинистой, степной почвѣ ни одному Киргизу не придетъ въ голову рыть колодезь, если нѣтъ особыхъ признаковъ воды; въ пескахъ, напротивъ, по ложцамъ, на глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ, всегда можно найти воду, удобную для питья, которая только отзывается земного стро-водороднымъ газомъ. Но если такой колодезь постоятъ нѣсколько дней или недѣль, и особенно безъ употребленія, то вода дѣлается соленою, горькою и вовсе негодною. По этой причинѣ колодезы или ямы эти Киргизами безпрестанно возобновляются. Въ пескахъ глубокихъ Киргизы оплетаютъ стѣны колодезевъ вѣтвями гребенника, саксаула, кореньями джузгуна и другихъ кустоватыхъ травъ и даютъ имъ узкія отверстія. Въ твердыхъ пескахъ, лежащихъ тонкими слоями и часто на солонцезатомъ грунтѣ, копаны бывають величїною въ квадратную сажень и менѣе, а стѣны прямо, ничѣмъ не оплетены.

Колодезы и копаны, дабы воду ихъ сдѣлать годною для употребленія проходящаго отряда, необходимо должно прежде очистить, вычерпывая изъ нихъ всю воду и вынимая со дна порядочный слой земли отъ времени, и особенно въ дождь и весною, обваливающейся. Изъ тому же вода въ нихъ задыхается весьма скоро, получаетъ горечь, дурной запахъ и превращается въ густой красный настой, наполненный наѣкомыми и инфузоріями. Не только люди, но лошади и даже верблюды страдаютъ жестокими болями въ желудкѣ и кровавыми поносами отъ употребленія такой воды. Очистка же копаны не представляетъ большихъ затрудненій. Рѣдко потребно для этого болѣе часа и стоитъ только открыть свободный путь ключамъ, какъ свѣжая вода набѣжитъ весьма скоро.

Дески, лежащія по сию сторону рѣки Сыра, Кара-Кумъ, Барсуки и проч. содержать воду довольно близко къ поверхности на $1\frac{1}{2}$ или 2 аршина; пески же по ту сторону Сыра, какъ наприимѣръ Кызыль-

кумъ, и пески на пути отъ Хивы въ Бухару почти вовсе безводны, что чрезвычайно затрудняетъ ходъ каравановъ и кочеваніе по этимъ мѣстамъ.

Луговые мѣста въ Киргизской степи находятся преимущественно по долинамъ рѣкъ, а болѣе или менѣе пространство ими занимаемое зависитъ отъ разливовъ весеннихъ водъ и отъ широты долинъ, вдоль которыхъ тянутся луговые берега. Эти заливы или поемы здѣсь вообще гораздо значительнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Европы, потому что здѣсь весна бываетъ, какъ говорится, дружнѣе: снѣгъ, накопившійся въ продолженіи 5 мѣсяцевъ и растаявъ въ теченіе немногихъ недѣль, внезапно превращаетъ небольшіе ручьи въ стремительные потоки. Обыкновенно бывають весною два разлива въ здѣшнемъ краѣ: первый, меньшій, непосредственно по вскрытіи рѣкъ отъ ближайшей снѣговой воды, текущей кругомъ съ береговъ; второй значительнѣйшій, 2 или 3 недѣли позже, отъ такъ называемой простолюдины земляной воды—это также снѣговая вода бѣгущая уже съ горъ, гдѣ оттепель бываетъ позднѣе. Второй разливъ идетъ иногда огромною волной и занимаетъ луга на ширину нѣсколькихъ веретъ въ теченіе немногихъ часовъ. При этомъ разливѣ гибнетъ множество животныхъ и въ особенности зайцевъ.

Перешеекъ, отдѣляющій Аральское море отъ Каспійскаго, состоитъ изъ плоской возвышенности Усть-Уртъ, имѣющей около 600 футъ высоты надъ поверхностью обоехъ морей. Усть-Уртъ очерчивается крутымъ, обрывистымъ и не вездѣ доступнымъ для входа берегомъ, называемымъ по-киргизски, *чинкомъ*. Перешеекъ этотъ представляетъ совершенно голую степь, почва которой состоитъ изъ песчаной солонцеватой глины, съ весьма скудною растительностью. Вода добывается здѣсь изъ немногихъ глубокихъ колодезевъ, находящихся на караванныхъ путяхъ, и бываетъ довольно дурнаго качества.

О характерѣ мѣстности низовьевъ Сыръ-Дарьи мы говорить не будемъ, потому что войска наши въ экспедицію, которая составляетъ предметъ статьи, не доходили до этой рѣки.

Какъ ни бесплодны кажутся глазу европейца пески Кара-Кумъ и подобныя имъ песчаныя пространства степи, не представляющія ничего кромѣ рѣдкихъ кормовыхъ травъ и привѣтсваго кустарника, пески эти, цѣлующіе оазисы, въ сравненіи съ тѣмъ ужасающимъ отсутствіемъ растительной жизни, съ тою мертвенностью почвы, какою характеризуются илесто-солонцеватыя равнины, встрѣчающіяся по вы-

ходѣ изъ Кара-Кумскихъ песковъ въ направленіи къ Мугоджарскимъ горахъ. Тутъ нѣтъ ни воды для питья, ни корма, ни топлива; следовательно, нѣтъ никакого пріюта ни для человѣка ни для скота ни въ какое время года. Лѣтомъ рыхлый иль, раскаленный лучами солнца и взрытый копытомъ лошади, наполняетъ воздухъ облаками тончайшей пыли; осенью же, размоченный дождемъ, онъ обращается въ тонкую и до непроходимости вязкую грязь.

А какъ такіе илестыя равнины, вмѣстѣ съ солончатыми болотами занимаютъ большую часть зауральской степи, то и становится понятнымъ, какимъ образомъ Киргизы жмутся съ стадами своими, требующими обширныхъ пастбищъ, на немногихъ относительно травянистыхъ полосахъ ея лѣтомъ, и обильныхъ камышомъ и кустарникомъ въ продолженіи долгой и большей частью суровой зимы.

При описаніи степи нельзя не сказать нѣсколько словъ о прекрасномъ зрѣлищѣ, которое представляютъ въ маѣ мѣсяцѣ и часто также осенью степные пожары или собственно такъ называемые палы, отъ которыхъ есть и вредъ, и польза.

Сухая трава и стебли, оставшіеся еще съ осени, покрываютъ плодородныя степи такъ густо, что частью не даютъ пробиваться молодой травѣ, а частью мѣшаютъ паствѣ скота, который изъ-за ветоши не можетъ достать зелени и принужденъ поѣдать и то, и другое вмѣстѣ. По этой причинѣ не только народы кочевые, но и оседлыя, зажигаютъ степи раннею весною лишь только снѣгъ сойдетъ и погода начинается теплѣть. Прешлогодняя трава или ветошь быстро загорается и пламя идетъ по вѣтру до тѣхъ поръ, пока находитъ себѣ пищу. Пуская палъ, всегда соображаются съ вѣтромъ, чтобы направить пламя въ желаемую сторону.

Но не однѣ изложенныя причины побуждаютъ жителей пускать ежегодно палы: зола служитъ еще для почвы отличнымъ навозомъ. Удбряютъ, однакоже, что зола эта вредитъ скоту, который поѣдаетъ ее, больше или меньше, вмѣстѣ съ травой. Нѣкоторые даже подоривали, не зола ли эта причиною, что чума или надежъ на рогатый скотъ здѣсь никогда не переводится. Тамъ, гдѣ палъ обошелъ случайно нѣкоторыя мѣста, послѣднія съ трудомъ порастаютъ рѣдкою травой, между тѣмъ какъ выжженное пространство давно красуется роскошною и густою зеленью. Для крестьянина, который выжигаетъ пашни и залежи свои въ одно время съ степью, бываетъ тутъ еще и та выгода, что сорная трава сгараетъ съ своими сѣменами, а иль

зданномъ краѣ, гдѣ земля въ избыткѣ, сорныя травы одолеваютъ хлѣбъ несравненно болѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ, по бѣдности въ землѣ, пашни обрабатываются съ большимъ тщаніемъ. Наконецъ палы уничтожаютъ множество вредныхъ хлѣбу и сѣнокоснымъ травамъ насѣваемыхъ, въ особенности саранчу и кобылку. Палы также нерѣдко служатъ Киргизамъ защитою другъ отъ друга и отъ нашихъ отрядовъ. Если вѣтеръ тому способствуетъ, то укрывающіяся шайки пускаютъ отъ себя палъ на втрѣчу ожидаемаго ими непріятеля. Степь выгораетъ на огромное пространство и по безкормницѣ этой уже пройти весьма трудно и часто вовсе не возможно.

Вредъ паловъ времѣ опасности заключается въ томъ, что молодой лѣсъ уже не можетъ ни подъ какимъ видомъ разрастаться, потому что молодые поросли выгораютъ до самаго корня; если же впоследствии даже и этотъ корень оживъ, пуститъ отростокъ, то изъ него можетъ выдти только кривое, уродливое деревцо, если оно при томъ будетъ пощажено насущимся скотомъ.

Несчастные случаи и опустошенія отъ степныхъ паловъ давно уже обратили на себя вниманіе правительства; палы запрещены законами и главное мѣстное начальство заботится объ искорененіи этого губительнаго обычая; но привычка упорно борется съ разсудкомъ. Въ 1836 г. огромный палъ, въ 50 верстъ и болѣе ширины, пробѣжалъ изъ глубины степи по направленію къ г. Троицку и, обхвативъ въ одномъ мѣстѣ столпившіяся аулы Киргизовъ, сжегъ болѣе 300 кибитокъ, болѣе 20 т. головъ разнаго скота, причемъ сгорѣло болѣе 70 человекъ старыхъ и малыхъ всякаго пола и возраста.

Единственный способъ для спасенія въ степи отъ пала состоитъ въ томъ, чтобы немедленно пустить палъ по вѣтру отъ своего лагеря и когда на разстояніе 50 или болѣе сажень выгоритъ степь, то передвинуться на выгорѣвшее мѣсто.

Отличительнымъ свойствомъ степнаго климата служатъ двѣ крайности: сильная стужа зимою и сильный лѣтній жаръ. Холодъ нерѣдко доходитъ до 32° по Р; но лѣтнія жары въ степи гораздо сноснѣе, чѣмъ жара у побережья Каспійскаго моря, гдѣ воздухъ всегда бываетъ влаженъ.

Дожди въ степяхъ вообще рѣдки и обыкновенно бываютъ только слѣдствіемъ грозы. По близости горъ они падаютъ чаще, но, сравнительно съ другими странами, все еще довольно рѣдко; только въ возвышенныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ Уральскаго хребта дожди обильны и постоянны; они идутъ здѣсь иногда по нѣскольку недѣль сряду.

Восточные вѣтры, господствующіе въ дѣломъ оренбургскимъ краѣ, в дующіе въ продолженіи почти $\frac{7}{8}$ года, иссушаютъ воздухъ; этотъ вѣтеръ, то отходитъ къ с., то къ ю. вмѣстѣ съ юговосточнымъ вѣтромъ онъ приноситъ обыкновенно вѣдро, ясную погоду, а зимою ясную стужу. Сѣверовосточный вѣтеръ осенью нерѣдко сопровождается холодомъ и дождемъ, а зимою въ особенности стужей и свойственными стенамъ вьюгами, извѣстными здѣсь подъ именемъ бурановъ— это бить и нерѣдко гибель путниковъ. Бураны, кажется, происходятъ оттого, что холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, смѣняя собою западный или юго-западный, превращаетъ поднявшіеся при тепломъ западномъ вѣтрѣ водяные пары въ снѣгъ. Теплыя вьюги несутся отъ юго-запада; западный вѣтеръ приноситъ тепло и оттепель.

Есть еще такъ называемый буранъ снизу; имъ даже обыкновенно начинается всякая метель: вѣтеръ подымаетъ, мететъ и гонитъ вьюгою снѣгъ съ землею. Но эта вьюга далеко не такъ опасна и гибельна, какъ первая,—буранъ сверху. Трудно вообразить себѣ, до какой степени человекъ и самыя даже животныя, у которыхъ есть обыкновенно какое-то внутреннее чувство познанія мѣстности, лишаются во время жестокаго бурана всякаго соображенія. Люди замерзаютъ въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ жилья, иногда почти на улицахъ селъ и деревень, выбившись изъ силъ и почти не сходя съ мѣста, а плулая все круговою. Скотъ бѣжить по вѣтру, забываетъ безъ остановки за сотню верстъ и нерѣдко мечется прямо и безъ оглядки въ пропасти и крутояры, гдѣ погибаетъ. Степной Киргизъ, который ведетъ въ темную ночь, какъ въ ясный день на любое урочище, рѣшительно отказывается быть вожакомъ во время зимаго бурана, а если этотъ застаётъ его на пути, то онъ слѣзаетъ на мѣстѣ съ лошади, ложится, зарывается если можно въ снѣгъ и выжидаетъ вѣдра. Въ 1827 г. Киргизы внутренней орды лишились во время жестокаго бурана 10,500 верблюдовъ, 280,500 лошадей, 75,480 головъ разнаго скота и 1,012,000 овецъ, всего сличкомъ на сумму до 13 миліоновъ руб. асс. Весь скотъ шархнулся къ сѣверу, въ Саратовскую губ., частью попадалъ въ овраги и рытвины, частью замерзъ на голой степи, частью былъ утаенъ поселянами разныхъ деревень. Въ 1816 г. было тамъ же подобное происшествіе.

Довольно замѣчательно, что даже и въ южныхъ степяхъ зима чрезвычайно строга. Постоянные сѣверо-восточные вѣтры, безъ со

миѣнія, составляютъ первую и главную этому причину; но, кажется, одной этой причины не достаточно. Профессоръ Эверсманъ думаетъ, что для основательнаго объясненія этой стужи надобно еще принять въ соображеніе:

1) Голую и холодную почву, состоящую изъ глины желтоватаго и бѣлаго мергеля, — собственно почву, известную даже у простолюдина подъ именемъ холодной земли: свѣтлый цвѣтъ не пропускаетъ солнечныхъ лучей, черноземъ же, напротивъ, какъ и всякое черное тѣло, поглощаетъ ихъ и значительно нагревается.

2) Чрезвычайную бѣдность растительности. Опытами дознано, что лѣса, рощи и вообще злаки, процвѣтая въ питательномъ черноземѣ, распространяютъ лѣтомъ прохладу, а зимою, наоборотъ, теплоту.

3) Распространеніе соли, какъ въ видѣ сухихъ и мокрыхъ солончаковъ, грязей, такъ и въ чистомъ и окристалленномъ видѣ. Всякому известно, до какой значительной степени простирается искусственный холодъ, производимый сѣшеніемъ снѣга съ различными солями.

Лѣто бываетъ чрезмѣрно жарко; даже и ночи почти не охлаждаются и по нѣскольку недѣль сряду иногда вовсе не бываетъ росы.

Лѣтней порою въ степяхъ часто образуются вихри, занимающіе весьма небольшое пространство: вихрь кружится на одномъ мѣстѣ и носить съ собою пыль, песокъ, сухія травы до значительной высоты. Вихри эти, будучи замѣтны глазу по поднявшейся столбовъ пыли, пробѣгаютъ нѣсколько сотъ и даже тысячъ шаговъ и вдругъ ложатся, исчезаютъ. Нерѣдко два или три столба поднимаются вдругъ не въ большомъ разстояніи. Происхожденіе ихъ объясняютъ обыкновенно предполагаемою встрѣчею двухъ противоположенныхъ вѣтровъ; но объясненіе это, кажется, не достаточно. По близости столбоваго вихря воздухъ бываетъ совершенно тихъ; можно подойти вплоть къ столбу и вѣтеръ слышенъ только внутри черты самаго вихря.

Продолжительная и ясная осень вообще составляетъ лучшее время года въ средней и южной полосѣ оренбургскаго края и много благоприятствуетъ скотоводству, потому что Киргизы сѣно на зиму не заготавливаютъ, а скотъ ходятъ круглый годъ на подножномъ корму, на тебеневкѣ. Между тѣмъ, однакоже, если прежде снѣга сдѣлается падель (гололедица, черепъ) и не отойдетъ до перваго постояннаго снѣга, тогда скотъ гибнетъ цѣлыми стадами, потому что не можетъ добывать кормъ, отгребая снѣгъ копытомъ. Лошади разбиваютъ и че-

режь и кой—какъ доживаютъ до весны; но верблюды, рогатый скотъ и овцы, сбивая копыта до крови, нерѣдко дохнуть отъ голода.

Зимой на прикаспійскихъ степяхъ снѣгу ложится очень немного, земля покрывается имъ позже и онъ гораздо ранѣе сходитъ. Въ мартѣ начинается оттепель; въ южныхъ степяхъ тонкій слой снѣга исчезаетъ вовсе, на сѣверѣ снѣгъ лежитъ гораздо долѣе. Вообще снѣгъ таетъ скоро, хотя большею частью вовсе безъ дождя, при ясной погодѣ, одною теплою солнечныхъ лучей. Огромное количество снѣга, накопляющагося въ продолженіе зимы, быстро, въ теченіе немногихъ недѣль, обращается въ воду: ручьи и рѣки разливаются, а броды исчезаютъ.

Едва только снѣгъ сошелъ и земля размокла, какъ уже вся природа снова оживаетъ. Злаки и насѣкомыя внезапно просыпаются отъ продолжительнаго зимняго своего сна и развиваются съ необычайною быстротою, будто предчувствуя, что жизнь ихъ будетъ коротка, что лѣтній зной вскорѣ иссушитъ и испалитъ степь до послѣднихъ жизненныхъ соковъ.

Первая весенняя жизнь просыпается въ южныхъ степяхъ оренбургскаго края недѣля двѣ ранѣе, чѣмъ сѣверныхъ: на югѣ первые цвѣты и насѣкомыя появляются въ концѣ марта на сѣверѣ въ началѣ или половинѣ апрѣля. Въ знойные лѣтніе дни встрѣчается нерѣдко въ степяхъ очень обыкновенное тамъ явленіе, марево, извѣстное и на нѣкоторыхъ другихъ болѣе или менѣе обширныхъ равнинахъ. Но какъ на всей землѣ, нѣтъ равнинъ пространнѣе степей великой Татаріи, то здѣсь это явленіе достигаетъ полнѣйшаго своего развитія и совершенства.

Вотъ въ краткомъ очеркѣ та безпріютная, почти голодная степь, по которой приходилось идти войскамъ нашимъ на Хиву.

Всѣ успѣхъ военнаго поиска въ Хиву долженъ былъ основываться почти исключительно на вѣрномъ расчетѣ и соображеніи средствъ для продовольствія отряда съ находящимися при немъ лошадьми. Если бы отрядъ тысячи въ три при 12 орудіяхъ дошелъ въ хорошемъ состояніи до Хивы, то этого числа уже было бы слишкомъ достаточно. Даже и этотъ умѣренный расчетъ основывался бы главнымъ образомъ не столько на дѣйствительной потребности вооруженной силы, сколько на необходимости безпрестанно разсылать довольно значительные разѣзды и конвои.

Въ составѣ отряда главную роль должна была играть пѣхота,

*

накъ по недостатку кормовъ въ степи, такъ и по тому, что мѣстность въ ханствѣ изрѣзана канавами, гдѣ гораздо удобнѣе дѣйствовать пѣхотѣ и гдѣ кавалерія почти бесполезна.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Перовскій назначилъ для экспедиціи 3¹/₂ батальона пѣхоты изъ отборныхъ людей 22-й пѣхотной дивизіи, 22 орудія, 4 ракетныхъ станка и 3 полка кавалеріи.

Составъ этихъ войскъ былъ слѣдующій:

	Генераловъ.	Ш. офицер.	Об. офицер.	Унт. офицер.	Музыкант.	Рядовыхъ.	Нестроев.		
							Писарей, Фельдшер. и мастеров.	Денщиковъ.	Лошадей.
22-й пѣхотной дивизіи.									
Линейныхъ оренбургскихъ батальоновъ									
Начальникъ дивизіи	1								
При немъ адъютантовъ	»		2						
Батальонъ № 1 (двѣ роты)	»		9	32	9	360	17	9	9
— № 2	»	1	14	64	18	720	35	16	17
— № 4	»	1	14	64	18	720	38	16	17
— № 5	»	1	13	64	18	720	32	15	16
Всего пѣхоты	1	3	52	224	63	2520	124	64	69
Командующій оренбургскимъ казач. войскомъ.	1	»	»	»	»	»	»	6	4
— Башкир. и Мещерякск.	1	»	»	»	»	»	»	6	4
При немъ адъютанты	»	»	2	»	»	»	»	2	4
Оренбургскаго казач. войска	»	»	5	7	»	169	»	»	195
Уральскаго — — — — —	»	4	34	40	»	1164	»	»	1190
1 Оренбургскаго казач. войска	»	1	9	25	1	193	4	11	240
Башкирскаго войска	»	»	4	6	»	165	»	»	179
Всего кавалеріи	2	5	54	78	1	1691	4	25	1816
14 и 15 кон. арт. казачьихъ батарей	»	1	6	21	4	185	10	8	235
Оренбургск. арт. гарнизона	»	»	3	9	»	17	1	3	2
Всего въ артиллеріи	»	1	9	30	4	202	11	11	237
Итого	3	9	115	332	68	4413	139	100	2122

Всѣхъ верблюдовъ при отрядѣ должно было состоять 12,600 штукъ; однако выступило въ походъ въ дѣйствительности:

Въ упряжн.	184
Подъ выюками съ запасами для отряда .	8,831
Подъ войсковыми тяжестями	1,436
	<hr/>
Всего.	10,450

При нихъ верблюдожатыхъ Киргизъ было 2,090 человекъ.

При отрядѣ было взято 5,300 штукъ снарядовъ, 375 конгревовыхъ ракетъ, 1,250,000 боевыхъ патроновъ, 710 фальшфейеровъ, 570 сигнальныхъ ракетъ, 1000 сигнальныхъ патроновъ, 150 пуд. пороху, 15 пуд. свинцу, 500 сажень фитиля, 200 запасныхъ ружей, 2400 штукъ кремней, минный инструментъ и два гальваническихъ снаряда. Затѣмъ при отрядѣ были двѣ разбившіяся лодки и четыре бударки, назначавшіяся какъ для осмотра береговъ Аральскаго моря и Сырь-Дарья, такъ и для переправъ черезъ каналы. Для последней дѣли были заготовлены кромѣ того бурдюки, служившіе въ то же время и для запасовъ воды на пути.

Независимо отъ этихъ войскъ 10 оберъ-офицеровъ и заурядъ-чиновниковъ, 15 урядниковъ и унтеръ-офицеровъ, 395 казаковъ, 165 лошадей и 6 орудій назначалось въ гарнизонъ складочнаго на пути пункта.

Назначавшіяся для экспедиціи войска могли выступить какъ съ средней части оренбургской линіи отъ Орска, Илецкой Защиты, Оренбурга, такъ и съ нижней линіи отъ Сарайчикова и Калмыковской станицы. Еслибы отрядъ выступилъ съ средней части линіи, то ему предстоялъ бы выборъ между двумя путями: по восточную или по западную сторону Аральскаго моря; если же онъ двинулся бы отъ Сарайчикова и Калмыковской станицы, то бы могъ идти только по послѣднему пути.

Разстояніе отъ Орска до Хивы одинаково по обоимъ путямъ и составляетъ всего около 1250 верстъ. Отъ Сарайчикова же до Хивы не болѣе тысячи верстъ; но за то низменная прикаспійская степь несравненно безлюднѣе сѣверо-восточныхъ степей и кромѣ того около устьевъ Эмбы лежатъ обширныя, едва проходимыя лѣтомъ болота.

Путь по восточную сторону Аральскаго моря до Сырь-Дарьи очень хорошъ; далѣе же онъ представляетъ то весьма важное неудобство, что на немъ предстоятъ четыре переправы черезъ рѣки Сырь, Яны, Куванъ и Аму-Дарью, изъ которыхъ одна имѣетъ до 100 сажень ширины. Кромѣ того пески Кизиль Кумъ вовсе безводны и пройти ихъ нельзя скорѣе, какъ въ четверо или пятеро сутокъ.

Караванный путь изъ Оренбурга въ Хиву, по западную сторону Аральскаго моря идетъ вверхъ по Илеку, чрезъ Мугоджарскія горы, верховья рѣки Эмбы и извѣстную, глинистую и вѣтряную степь до урочища Донгустау, потомъ у подошвы Чинка, за тѣмъ, поднявшись на Усть-Уртъ по плоскости, западнымъ берегомъ Аральскаго моря, на урочище Айбугирь, чрезъ городъ Куна-Ургенчъ на Хиву. Этимъ путемъ отрядъ дошелъ бы до верховьевъ Эмбы безъ всякихъ затрудненій; далѣе вода и кормъ становятся хуже до урочища Донгустау, гдѣ лежатъ хорошіе луга и камыши. По самому Усть-Урту, хотя дорога и хороша, но бѣдна кормами; колодцевъ встрѣчается весьма немного, притомъ всѣ они маловодны; саксаулъ же и другіе кустарники доставляютъ въ достаточномъ количествѣ матеріалъ для топлива. Отъ Айбугира не встрѣчается затрудненій; тутъ находятся уже порядочные кормы, а воды довольно много и даже можно найти у жителей разнаго рода зерновой хлѣбъ.

Но кромѣ этихъ путей оставался еще одинъ — Каспійскимъ моремъ и далѣе отъ восточныхъ береговъ его до Хивы. Изъ пунктовъ, лежащихъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, заслуживаютъ вниманія только три: Ново-Александровское укрѣпленіе, Мангишлакская пристань и Кара-Бугасъ.

Ново-Александровское укрѣпленіе представляло то неудобство, что плаваніе къ нему въ случаѣ противныхъ вѣтровъ весьма затруднительно по узкому фарватеру; путь же поперегъ Усть-Урта безкорменъ и безводенъ. Мангишлакъ, хотя и отстоитъ отъ Хивы верстъ на 700 или 800, но плаваніе къ этому пункту удобно и путь до Хивы, вдоль подошвы Чинка, обилень водой и кормомъ. Только высадка съ моря большаго отряда съ лошадьми и верблюдами представляла бы много затрудненій, которыя казались тогда столь непреодолимыми, что предпріятіе это считали вовсе несбыточнымъ.

Кромѣ того, еслибы верблюдовъ отправить туда заранѣе, то для этого потребовался бы по числу ихъ довольно сильный конвой, а самыя верблюды могли бы сильно потерпѣть отъ недостатка кормовъ.

Кара Бугасъ былъ ближайшимъ до Хивы пунктомъ на Каспійскомъ морѣ; но за то онъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ, и путь отъ него до Хивы пролегалъ по голоднымъ пескамъ.

Сообразивъ выгоды описанныхъ нами путей, рѣшено было, что путь отъ Оренбурга или Илецкой защиты чрезъ Усть-Уртъ надежнѣе

прочихъ, и что пути черезъ Сарайчикъ и Мангишлакъ могли съ выгодою представить только вспомогательныя средства.

Полагая расстояние отъ Оренбурга до Хивы по избранному пути 1250 верстъ и принимая каждый переходъ въ 25 верстъ, можно было рассчитывать, что отрядъ дойдетъ до Хивы въ 50 переходовъ, изъ которыхъ около 18, отъ Донгустау до Ашбугира, онъ будетъ идти по Усть-Урту.

Выбравши таковъ образъ пути, необходимо было опредѣлить время выступленія.

Безводье и безкормица составляютъ самыя главныя затрудненія всякаго степнаго похода. Чтобы избѣжать трудностей, сопряженныхъ съ переходомъ по безводному пространству, лучшее время для выступления и похода—зима. Въ это время года снѣгъ легко замѣняетъ собою воду. Для избѣжанія же безкормицы, выгоднѣе совершать походъ весною. Конечно, самое лучшее время года для выступления въ степной походъ была бы ранняя весна, когда снѣгъ только что начинаетъ таять и вода скопляется во многихъ мѣстахъ, а изъ подъ стаявшаго снѣга пробивается трава. Но время это бываетъ весьма непродолжительно, и видная выгода весенняго похода изъ Оренбурга уменьшается при ближайшемъ разсмотрѣніи. Надо замѣтить, что около Оренбурга снѣгъ сходитъ гораздо позже, чѣмъ на Усть-Уртѣ; лѣтніе жары въ степи бываютъ нестерпимы, а отблескъ снѣга отъ яркихъ солнечныхъ лучей, среди обширныхъ и голыхъ степей бываетъ причиною всеобщей глазной болѣзни.

Продолжительная и ясная осень бываетъ весьма благоприятна для степныхъ походовъ; но и тутъ не могутъ быть устранены неудобства относительно недостатка воды и корму.

Еслибы можно было надѣяться на снѣжную зиму, то отправленіе отряда на полозьяхъ имѣло бы на своей сторонѣ большія преимущества. Но при этомъ легко могло случиться, что отрядъ съ половины пути не въ состояніи былъ бы слѣдовать далѣе на саняхъ, а это проказало бы значительное разстройство. Поэтому необходимо было предпочесть вьюкъ и колеса, какъ средства, хотя и менѣе выгодныя, но за то болѣе благонадежныя.

Собравъ всѣ эти обстоятельства, Перовскій вывелъ заключеніе, что удобнѣе всего выступить съ средней части оренбургской линіи въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля съ тѣмъ, чтобы въ концѣ августа или въ началѣ сентября пуститься уже въ обратный путь.

Такъ какъ экспедиція въ Хиву могла продолжиться болѣе полу-года, то, очевидно, невозможно было везти съ собою продовольствіе на все это время. Предполагалось имѣть при себѣ продовольствіе только на два мѣсяца; остальное же количество необходимо было сложить на пути слѣдованія отряда. Поэтому Перовскій первоначально предположилъ еще до похода основать два становища: одно при южной оконечности Мугоджарскихъ горъ, верстъ за 300 отъ Оренбурга, а другое у Донгустау, почти въ такомъ же разстояніи отъ перваго этапа. На этихъ складочныхъ пунктахъ, можно бы было заготовить сѣна и подвезти туда продовольствіе для людей. Пшіе гарнизоны, въ числѣ 250 человекъ, въ Мугоджарскихъ горахъ и 350 на Донгустау, должны были по предположенію оставаться тамъ на зимовкѣ и пополнить отрядъ, который на пути слѣдованія убавился бы въ числѣ отъ больныхъ и усталыхъ. Еслибы такимъ образомъ продовольствіе отряда было вполнѣ обеспечено на этихъ двухъ пунктахъ, то уничтожилась бы половина затрудненій и оставалось бы только позаботиться о томъ, чтобы благополучно пройти остальные четыреста верстъ по Усть-Урту.

Избранные подъ становища Перовскимъ два пункта были: одно на урочищѣ Ахты-Янши при впаденіи этой рѣки въ Эмбу, а другое—на ключѣ Акъ-Булакъ при подножіи Усть-Урта.

Независимо отъ этихъ двухъ складовъ, Перовскій признавалъ необходимымъ обезпечить продовольствіе отряда во время пребыванія его въ Хивѣ, куда бы оно могло быть подвезено изъ ближайшихъ приморскихъ точекъ. Хотя Мангышлакскій полуостровъ и ближе соответствовалъ этой цѣли, но болѣе близкое разстояніе отъ Хивы до Ново-Александровскаго укрѣпленія заставило предпочесть этотъ послѣдній пунктъ. Сюда предположено было доставить 2500 четвертей сухарей и 250 четвертей крупъ.

Суда съ этимъ провіантомъ, за противными вѣтрами не достигли своего назначенія и два изъ нихъ возвратились въ Астрахань, два въ Гурьевъ, одно переименовало у острова Кулалы, а пять замерзли въ морѣ и были разграблены и сожжены Киргизами Адаевского улуса.

Для отряда между тѣмъ продовольствіе было запасено въ огромномъ размѣрѣ. Между прочимъ было заготовлено 11,889 четвертей сухарей, 3223 ч. крупъ, 4,605 ч. муки, 1,6098 ч. овса, 6,511 пудъ соли и 4,199 ведеръ спирту. Кроме того были взяты въ походъ: сухой бульонъ, сало, сушеная и квашеная капуста, хлѣвъ,

соль, перецъ, укуоръ, медъ съ приправой для сбитня, табакъ для нижнихъ чиновъ, грутъ—сушеный сыръ, съ большою пользою служащій для приправы дурной воды и сжатою сѣно. Для мяса же подурженъ былъ поставщикъ, который обязался гнать скотъ за отрядомъ. Покупка и доставка скота своими средствами была бы невыгодна. Въ этомъ случаѣ невозможно было бы имѣть за скотомъ надлежащаго присмотра и большая часть его могла бы бесполезно погибнуть въ степи.

Для больныхъ были взяты кибитки, и для отвращенія цынготной болѣзни, кромѣ обыкновенныхъ медицинскихъ средствъ, приказано было запастись различными острыми овощами.

Собравъ такіе огромные запасы, необходимо было озаботиться и о перевозочныхъ средствахъ, что въ степномъ походѣ составляетъ величайшее затрудненіе. Въ степяхъ, какъ извѣстно, верблюды предпочитается лошади, какъ потому, что легко переносить жажду и довольствуется малымъ кормомъ, такъ и потому, что поднимаетъ втрое или вчетверо болѣе лошади. Приучить верблюда къ упряжи также весьма выгодно, потому что одинъ верблюдъ былъ бы достаточенъ на 8 а даже на 10 человекъ. Всѣ эти преимущества, очевидно, заставляли предпочесть верблюдовъ лошадямъ. Кромѣ поднятія тяжестей и продовольствія, верблюды должны были служить и людямъ. Пѣхота не могла безъ изнуренія совершить такого дальняго и труднаго степнаго похода пѣшкомъ, не подвергаясь большому изнуренію. Люди должны были сидѣть въ особо—устроенныхъ и навѣшанныхъ на верблюдовъ корзинахъ, откуда въ случаѣ нужды могли удобно обороняться. Для верблюдовъ, приученныхъ къ упряжѣ, были устроены особыя длинныя повозки на высокихъ колесахъ съ широкими ободьями.

По сдѣланному расчету, всѣхъ верблюдовъ требовалось, полагая на каждаго воши отъ 12 до 15 пудъ, до 12,600 головъ.

Такъ какъ въ упряжѣ верблюдъ везетъ въ пять разъ болѣе чѣмъ вьюкъ, то нарочно была выписана для образца крымская арба съ верблюдами и по ней сдѣлано въ Оренбургѣ нѣсколько такихъ повозокъ. Впоследствии впрочемъ оказалось, что въ пескахъ, въ грязи и въ глубокомъ снѣгу безъ дороги, верблюдъ негодится въ упряжѣ.

Запасшись верблюдами, нужно было приготовить вьюки, для чего необходимо было расчитать и распределить всѣ тяжести однообразно, укуорить ихъ, пригнать и устроить на вьюкѣ по особому способу,

на каннахъ, потому что завязка и развязка жерзальнъ веревковъ медленна весьма затруднительна.

Теперь Перовскому оставалось еще одна забота—это привлечение на нашу сторону Киргизовъ. Нужно было рѣшить, какое участие должны они принять въ готовившейся экспедиціи. Безъ сомнѣнія, они могли бы принести намъ большую пользу; но расположеніе ихъ зависѣло много отъ внушеній Хивы, почему на него нельзя было рассчитывать навѣрно. Необходимо было принять мѣры для безопасности предпріятія и съ этой стороны. Поэтому Перовскій усилялъ на всякій случай отрядъ султана—правителя западной части орды, полковника Айчувакова и роздалъ черезъ него хлѣбъ болѣе благонадежнымъ киргизскимъ родамъ съ тѣмъ, чтобы они готовились въ походъ и чтобы за наличную плату выставили въ извѣстныхъ мѣстахъ для провозовольствія отряда барановъ. Подобнаго рода мѣра относительно Киргизовъ, могла принести отряду большую пользу: во время степнаго пути на Киргизахъ могла бы лежать обязанность форпостной службы.

Оставались еще два вопроса, разрѣшеніе которыхъ уже выходило изъ круга власти Перовскаго. Нужно было опредѣлить, на какомъ основаніи должно быть занято ханство, если это будетъ призвано нужнымъ, другими словами, Перовскій желалъ знать, какъ онъ долженъ поступить по запятіи Хивы. Удовольствоваться ли ему только наказаніемъ Хивинцевъ или даже сдѣлать какое нибудь постоянное распоряженіе на будущее время.

Другой вопросъ состоялъ въ томъ, что дѣлать отряду въ случаѣ, еслибы Хива, увидѣвъ рѣшительность нашихъ дѣйствій, исполнила немедленно всѣ наши требованія и выслала на примѣръ всѣхъ плѣнниковъ еще до окончанія предпріятія?

Что касается лично до Перовскаго, то онъ находилъ, что возведеніе на ханскій престолъ одного изъ благонадежныхъ султановъ—правителей не противорѣчало бы азіатскимъ обычаямъ и обезпечило бы насъ на будущее время отъ Хивы. Во второмъ же случаѣ дѣйствіе нашихъ войскъ должно было, по мнѣнію Перовскаго, зависѣть отъ того, въ какомъ мѣстѣ будетъ находиться отрядъ, когда хивинскій ханъ исполнитъ наши требованія. Еслибы онъ выслалъ нашихъ плѣнныхъ въ то время, когда отрядъ будетъ довольно близокъ къ предѣламъ нашимъ, и особенно если онъ не минуетъ еще безводныхъ пустынь, то выгодыѣ будетъ вернуться обратно; въ противномъ же случаѣ,

Перовскій предлагалъ необходимымъ дойти до Хивы и расположиться тамъ на время для отдыха и подкрѣпленія силъ отряда.

Таковъ былъ первоначальный проектъ Перовскаго, представленный имъ въ особый комитетъ, составленный изъ военнаго министра, министра иностранныхъ дѣлъ и оренбургскаго генералъ-губернатора.

Комитетъ этотъ 11 марта 1839 года, разсматривалъ проектъ Перовскаго въ двухъ главныхъ отношеніяхъ:

1) Относительно времени наиболѣе удобнаго для приведенія проекта Перовскаго въ исполненіе, и

2) Относительно необходимыхъ способовъ для удачнаго исхода экспедиціи.

Экспедиція въ Хиву, какъ уже было сказано выше, между прочимъ имѣла цѣлью возстановитъ и утвердить вліяніе Россіи въ средней Азіи, ослабленное долговременною безнаказанностью Хивинцевъ и въ особенности постояннымъ стремленіемъ Англичанъ распространить свое вліяніе въ тѣхъ краяхъ во вредъ нашей промышленности и торговли. Разсматривая предположеніе Перовскаго съ этой точки зрѣнія, комитетъ былъ убѣжденъ въ необходимости военной экспедиціи въ Хиву. Но, соображая тогдашнее положеніе дѣлъ въ средней Азіи, считалъ болѣе удобнымъ отложить ее до окончанія экспедиціи Англичанъ противъ Достъ-Мугомеда и до обратнаго выступленія англійскихъ войскъ изъ Авганистана. Это рѣшеніе должно было принять между прочимъ на слѣдующихъ основаніяхъ.

Конечно, экспедиція Англичанъ въ Авганистанъ должна была имѣть своимъ послѣдствіемъ новое усиленіе вліянія и власти Англіи на среднюю Азію. Но какъ бы ни велики были власть и вліяніе Англіи, они значительно уменьшались бы нашимъ занятіемъ Хивы, освобожденіемъ отъ хивинской власти соседнихъ Туркменъ и Киргизовъ и огражденіемъ Бухары отъ грабежа и насилій.

Кромѣ того освобожденіе нѣсколькихъ тысячъ Персіянъ, находившихся въ плѣну у Хивинцевъ и возвращеніе ихъ въ свое отечество, безъ всякаго сомнѣнія, весьма выгодно подѣйствовало бы на Персію и весьма значительно усилело бы тамъ наше вліяніе.

Съ другой стороны, экспедиція Англичанъ противъ Достъ-Мугомеда была бы достаточнымъ поводомъ для всякаго отклоненія притязаній со стороны Англіи, въ отношеніи нашихъ дѣйствій къ Хивѣ; слѣдовательно и въ этомъ отношеніи было бы и выгодамъ, и полезнѣе отло-

жить предположенную экспедицію до окончанія англійскихъ дѣлъ въ Афганистанѣ.

Руководствуясь этими соображеніями, было рѣшено:

1) Прислугить тогда же со всевозможною дѣятельностью ко всѣмъ приготовлениямъ и распоряженіямъ по экспедиціи.

2) Окончить приготовления въ той мѣрѣ, чтобы временные складочные пункты были совершенно готовы къ осени 1839 года.

3) Всѣ ближайшіе предметы, относительно средствъ для экспедиціи, и всѣ частныя распоряженія предоставить ближайшему соображенію Перовскаго.

4) Настоящую цѣль распоряженій на линіи и самое назначеніе временныхъ складочныхъ пунктовъ въ степи сохранять въ строжайшей и непроницаемой тайнѣ. Тайна нужна была какъ для успѣха экспедиціи, такъ и въ особенности для того, чтобы не обратять вниманія и дѣятельности англійскихъ агентовъ, которые бы могли противодѣйствовать экспедиціи. Однако, какъ видно, самъ комитетъ сомнѣвался въ возможности сохранять тайну приготовленій въ такихъ обширныхъ, до того времени небывалыхъ въ степи размѣрахъ. Чтобы сколько нибудь замаскировать истинную цѣль этихъ приготовленій, рѣшено было сначала соединить съ военною экспедиціею и ученую, которая предназначалась еще въ 1837 году (*).

5) Еслибы сверхъ всякаго ожиданія къ веснѣ 1840 года Англичане оставались бы еще въ Афганистанѣ, то и въ такомъ случаѣ предположено было дойти до Хивы, потому что дальнѣйшее отлагательство приготовленной экспедиціи было бы весьма неудобно.

6) Что касается вопроса о томъ, въ какомъ видѣ и съ какими послѣдствіями Хива должна быть занята нашими войсками, то онъ разрѣшался самою цѣлью экспедиціи. Одно наказаніе Хивинцевъ и освобожденіе нашихъ плѣнныхъ ни мало не обезпечило бы насъ на будущее время отъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Хивы, и нисколько не послужило бы къ упроченію нашего вліянія въ средней Азійи. Поэтому самая необходимость заставляла склониться къ тому, чтобы сдѣлать какое нибудь распоряженіе, которое бы могло доставить намъ прочное ручательство за будущее. Поэтому замѣщеніе хивинскаго хана кѣмъ либо изъ степныхъ султановъ—правителей, не противурѣча слишкомъ азіатскимъ обычаямъ и понятіямъ, было бы

(*) Ученая экспедиція была отложена по предложенію Перовскаго.

для насъ выгодно. Мѣра эта не должна бы была возбудить противъ насъ и Англичанъ, которые, цѣлью экспедиціи ихъ въ Авганистанъ прямо объявили между прочимъ нѣтверженіе Достъ-Мугомеда и возстановленіе прежняго шаха Суджа-Уль-Мулка. Выборъ лица для замѣщенія хивинскаго хана предоставленъ былъ Перовскому.

7) Еслибы Хивинцы, уstraшенные приготовленіями съ нашей стороны, рѣшились исполнить наши требованія прежде, чѣмъ отрядъ достигнетъ до Хивы, то другія цѣли экспедиціи такъ важны, что обстоятельство это не должно было служить поводомъ къ отиѣнтію ея. Разумѣется, нельзя было не принять нашихъ плѣнныхъ, еслибы ихъ высласть къ намъ хивинскій ханъ; но этого было бы мало. Нужно бы было потребовать отъ Хивы уплаты всѣхъ издержекъ, употребленныхъ на снаряженіе экспедиціи; причемъ необходимо было для взноса денегъ назначить самый короткій срокъ.

8) Изъ 1,698,000 р. ассигн. и 12,000 червонцевъ, суммы, опредѣленной на издержки экспедиціи 700 т. р. ассигн., вѣрно было отпустить Перовскому тотчасъ же. Для сохраненія же строжайшей тайны рѣшено было не требовать этой суммы изъ государственнаго казначейства, а предоставить военному министру испросить Высочайшее соизволеніе на ассигнованіе суммы изъ особыхъ источниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться доставленіемъ этой суммы Перовскому такъ, чтобы пересылка ея осталась подъ секретомъ.

9) Для отвращенія медленности и затрудненій въ производствѣ работъ и приготовленій, разрѣшено было Перовскому пользоваться всякаго рода пособіями отъ мѣстнаго артиллерійскаго и инженернаго начальства, которыя были обязаны въ это время исполнять въ точности всѣ его требованія, какъ относящіяся до ученой экспедиціи.

10) По разнообразію потребностей для отряда, отчасти совершенно различныхъ отъ потребностей обыкновенныхъ, по роду предстоящихъ покупокъ, которыя почти всѣ были сдѣланы у кочующихъ полудикихъ инородцевъ, въ расходахъ по экспедиціи какъ въ денежныхъ, такъ и въ вещественныхъ не могъ быть данъ отчетъ по обыкновеннымъ контрольнымъ правиламъ. Поэтому въ предупрежденіе вопросовъ и недоразумѣній, которыя бы могли возникнуть впоследствии при ревизіи отчетовъ, окончательное утвержденіе всѣхъ отчетовъ и ревизія ихъ предоставлена была самому Перовскому.

На другой день 12 марта журналъ комитета былъ утвержденъ (*).

(*) Арх. в. т. депо, № 49,862.

Крайнимъ срокомъ для исполненія предпріятія назначена была комитетомъ весна будущаго 1840 года. Между тѣмъ Перовскій при ближайшемъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, нашелъ, что отрядъ, при многочисленности своей, не найдетъ въ степи весною достаточнаго количества воды, въ особенности если сообразить, что, выступивъ весною, онъ придетъ на безводныя степи въ самое знойное лѣто. Кроме того оказалось гораздо выгоднѣйшимъ не покупать верблюдовъ, какъ это было предположено въ началѣ, а нанять ихъ вмѣстѣ съ возчиками. Дѣйствительно, независимо уже оттого, что наемъ обошелся бы дешевле, было еще и другое важное обстоятельство, заставлявшее предпочесть наемъ покупкѣ. Верблюды безъ тщательнаго прісматра за ними самихъ хозяевъ болшею частью не выдержали бы предстоящаго похода. Наемъ же верблюдовъ не могъ быть произведенъ зимою, когда всѣ Киргизы неподвижно сидятъ на отдаленныхъ зимовьяхъ своихъ. Поэтому Перовскій рѣшился нанять верблюдовъ теперь же, а для сокращенія издержекъ и для избѣжанія недостатка воды въ степи во время лѣтняго движенія отряда предпринять походъ зимою (*).

Достать потребное число верблюдовъ было крайне затруднительно. Поэтому Перовскій обратился къ султанамъ—правителямъ, которые, при посредствѣ предсѣдателя оренбургской пограничной комисіи, съ усердіемъ принялись за дѣло. Въ короткое время было нанято до 11,600 верблюдовъ съ платою по 10 рублей за cadaго; кроме того ханъ Джангеръ пожертвовалъ 1000. Однако изъ 12600 верблюдовъ только 10450 могли выступить въ походъ; остальные же частью оказались негодными, а частью опоздали прибыть къ сроку.

Для предохраненія отряда отъ стужи, люди были снабжены хорошо теплою одеждою. Для солдатъ были построены толстые плотно-стеганные на овечьей шерсти полшубки и шаровары, теплыя фуражки съ широкимъ откиднымъ назатыльникомъ, шерстяные валенки и рукавицы. Шинель была расставлена такъ, чтобы ее можно было надѣвать сверхъ всего теплаго платья. Казаки запаслись на свой счетъ полшубками, зипуномъ, башлыкомъ, теплыми сапогами и выворотными рукавцами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовали и нѣкоторыя другія измѣненія.

Первоначальное предположеніе о двухъ складочныхъ пунктахъ со-

(*) Рапортъ Перовскаго 9 мая, № 55.

стоялось на томъ основаніи, чтобы заготовить для отряда вѣскольکو сѣна. Для этого необходимо было выслать въ началѣ весны стражу и косцовъ; иначе трава скоро выгорѣла бы отъ жару и была бы вытравлена стадами кочующихъ Киргизовъ. Между тѣмъ исполнить это безъ ослабленія дѣйствующаго отряда было невозможно. Поэтому Перовскій рѣшился ограничиться учрежденіемъ одного только складочнаго пункта.

Къ концу мая мѣсяца были окончены все предварительныя распоряженія, и 25 числа выступили съ линіи двѣ роты оренбургскаго ливейнаго № 2 батальона, 200 конныхъ башкиръ и четыре 3 фунтовые единорога. Съ этимъ отрядомъ выступилъ и первый продовольственный транспортъ, въ составѣ 1200 троеконныхъ башкирскихъ повозокъ. Обязанность начальника этого отряда, полковника Геке, должна была состоять въ основаніи укрѣпленнаго складочнаго пункта на урочищѣ Донгустау, а затѣмъ въ принятіи и охраненіи всехъ продовольственныхъ запасовъ, которые будутъ туда доставлены въ теченіи лѣта. Для прикрытія же нашихъ обозовъ съ сѣверо-востока, гдѣ въ то время происходили безпокойства, и для охраненія мирныхъ киргизскихъ родовъ выступилъ еще 22 мая легкій отрядъ изъ 600 казаковъ оренбургскаго и башкирскаго войскъ подъ начальствомъ полковника Жемчужникова.

Урочище Донгустау избрано было подъ складочный пунктъ, по имѣвшимся въ то время свѣдѣніямъ, какъ ближайшая къ Усть-Урту точка, на которой можно было надѣяться найти какъ кормъ, такъ и воду. Между тѣмъ, прибывшій туда полковникъ Геке, по сдѣланной имъ рекогносцировкѣ этого пункта, нашелъ, что луга на Донгустау большею частью уже весною еще были вытравлены киргизскимъ скотомъ, и что при наступившей необыкновенной засухѣ оказывался недостатокъ даже и въ камышѣ. Поэтому первое становище пришлось устраивать на урочищѣ Чущка-Куль, при рѣкѣ Акъ-Булакѣ, въ 35 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Донгустау и въ 180 верстахъ отъ рѣки Эмбы.

Здѣсь было построено большое бастионированное полевое укрѣпленіе, въ которомъ помѣстился весь лагерь и все склады перваго обоза; по близости же укрѣпленія накошено было до 30 т. пудъ сѣна.

Между тѣмъ оказалось, что лѣтній переходъ отъ Эмбы къ Чущка-Кулю, по безводью, весьма затруднителенъ и тяжелъ. Поэтому пол-

ковнику Жемчужникову поручено было основать другое укрѣпленіе на самой Эмбѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ остальные запасы были сложены уже тамъ. Жемчужниковъ успѣлъ заготовить частью при укрѣпленіи, а частью на р. Илекѣ, на половинѣ пути между Оренбургомъ и Эмбѣю, до 20 тысячъ пудъ сѣна.

Такимъ образомъ самыя обстоятельства показали необходимость имѣть на пути въ Хиву два складочные пункта. Въ одномъ изъ нихъ на Акъ-Булакѣ осталось, какъ уже было сказано, двѣ роты линейнаго баталіона, 200 Башкиръ и четыре 8 фунтовые единогога; а въ другомъ одна рота пѣхоты, 350 казаковъ оренбургскаго войска и четыре орудія.

Уже въ концѣ лѣта почти все продовольствіе, за исключеніемъ того, которое должно было слѣдовать при отрядѣ, было свезено въ складочные пункты. Люди, составлявшіе гарнизонъ этихъ укрѣпленій пользовались совершеннымъ здоровьемъ; нѣсколько человекъ изъ нихъ хотя и заболѣли персидскою язвой (*ignis persica*), но умеръ отъ этой болѣзни одинъ только Башкиръ. Каждое укрѣпленіе было снабжено лукомъ, капустой, чеснокомъ, виномъ и уксусомъ; въ каждомъ становищѣ было по одному медику съ фельдшеромъ, двойная лазаретная кибитка, всѣ необходимыя припасы для устройства бань и госпитальныхъ вещей на десять кроватей.

До сихъ поръ всѣ приготовленія къ предстоящей экспедиціи старались сохранить въ величайшей тайнѣ. Перовскій находилъ необходимымъ получить разрѣшеніе нѣкоторыхъ особенныхъ вопросовъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ и военнаго, но, опасаясь своимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ Петербургѣ возбудить вниманіе дипломатическаго корпуса, не рѣшался пріѣхать. Поэтому онъ думалъ пріѣхать въ Москву и уже оттуда представить свои соображенія по нѣкоторымъ предметамъ графу Нессельроде и Чернышеву (*).

Но несмотря на все это приготовленія къ снаряженію отряда въ экспедицію не могли остаться тайною для оренбургскаго края.

Закупки, подряды и приготовленія, предпринятыя въ небывалыхъ до того времени размѣрахъ убѣждали всякаго, что это дѣлается не для обыкновеннаго поиска въ степь, а для болѣе значительнаго и продолжительнаго предпріятія. Съ другой стороны мѣстные полити-

---

(*) Письмо Перовскаго Чернышеву 19 сентября 1839 г. Арх. в. т. депю. № 49,862.

ческія отношенія съ сосѣдними азіатцами на столько были извѣстны тамъ каждому, что общее мнѣніе давно уже по догадкамъ дошло до заключенія о настоящей цѣли похода. Предупредить это и обмануть общее мнѣніе, по крайней мѣрѣ въ Оренбургѣ, не было положительной никакой возможности. Несмотря на строгость оффиціально соблюдаемой тайны, всеобщая молва давно уже измѣнила правительственнымъ властямъ (*).

Наши приготовления сдѣлались извѣстными и хивинскому правительству. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ хивинскій ханъ Алла-Куль выслалъ 80 человекъ русскихъ плѣнныхъ. Эта присылка явнымъ образомъ была слѣдствіемъ устройства Чунка-Кульскаго укрѣпленія. Но, оказывая явно покорность, Хивинцы втайнѣ продолжали свои хищничества и при посредствѣ Туркменъ еще болѣе усилили грабежи на Каспійскомъ морѣ, захватывая въ плѣнъ нашихъ рыбопромышленниковъ.

Такая уклончивость хивинскаго хана, конечно, не имѣла ни малѣйшаго вліянія на наши приготовления, которыя продолжались до самаго выступленія отряда въ экспедицію.

Характеръ степной экспедиціи, многочисленность отряда и верблюдовъ требовали принятія особенныхъ мѣръ какъ относительно образа движенія, такъ и относительно расположенія и дѣйствія въ степи. Поэтому въ сентябрѣ мѣсяцѣ Перовскій составилъ особенныя правила, которыми долженъ былъ руководиться отрядъ во время похода.

Еслибы весь отрядъ двинуть одною колонною и верблюдовъ вести такъ, какъ они обыкновенно ходятъ въ караванахъ, въ одинъ рядъ, то войска съ обозомъ заняли бы болѣе 50 верстъ въ длину. Когда голова колонны приходила бы на ночлегъ, то хвостъ не начиналъ бы еще движенія. Не предполагая даже никакого невыривнаго дѣйствія со стороны Киргизовъ или Хивинцевъ, очевидно было, что такой образъ движенія совершенно невозможенъ. Недостатокъ же въ водѣ и подножномъ кормѣ и неизбежный беспорядокъ при расположеніи такого огромнаго количества транспортовъ на ночлегахъ въ одну массу заставляли дать отряду, и въ особенности транспортамъ, нѣсколько иное устройство.

Лучше всего признано было раздѣлить всѣ продовольственные транспорты на отдѣленія и къ каждому отдѣленію назначить для постоянного конвоя часть войска. Поэтому всѣ транспорты по роду

(*) Тамъ же.

припасовъ и были раздѣлены на семь отдѣльных частей; каждая изъ нихъ подраздѣлялась еще на отдѣленія въ 500 или 650 верблюдовъ. Наблюденіе за этими отдѣленіями ввѣрено было особеннымъ начальникамъ; каждому изъ отдѣленій приданъ былъ на все время пути до Хивы особый конвой, который долженъ былъ неотлучно находиться при отдѣленіи и содѣйствовать уснѣшному слѣдованію транспорта.

При составленіи диспозиціи для первоначальнаго движенія отряда до складочнаго пункта предполагалось обращать преимущественное вниманіе на хозяйственныя соображенія, чтобы дать отряду возможность къ скорѣйшему движенію и къ сбереженію силы верблюдовъ и лошадей. Для этого отрядъ долженъ былъ двигаться нѣсколькими отдѣльными колоннами. При дальнѣйшемъ же слѣдованіи отъ складочнаго пункта до Хивы предполагалось идти уже болѣе сосредоточеннымъ образомъ.

21 октября выступилъ изъ Оренбурга подъ начальствомъ подполковника Давыдовскаго первый передовой транспортъ для отряда въ числѣ 1128 верблюдовъ, подъ прикрытіемъ 360 человекъ пѣхоты и казаковъ. Отрядъ этотъ долженъ былъ соединиться съ главнымъ при первомъ укрѣпленіи на Эмбѣ. Главною цѣлью ранняго выступленія этого отряда было испытаніе на самомъ походѣ разныхъ распоряженій, прилупавныхъ для степнаго похода. Влѣдствіе сдѣланнаго опыта оказались необходимыми разныя улучшенія и измѣненія.

Въ то время, когда приготовленія къ экспедиціи приходили къ концу, рассмотрѣвъ былъ окончательно политическій вопросъ относительно Хивы (*). Еще при первоначальныхъ сужденіяхъ въ мартѣ мѣсяцѣ было признано, что одно только наказаніе Хивинцевъ и освобожденіе русскихъ плѣнныхъ недостаточно для обезпеченія насъ на будущее время отъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Хивы и для упроченія вліянія нашего въ средней Азіи, что для достиженія этихъ цѣлей необходимо было сдѣлать на мѣстѣ постоянное распоряженіе, которое бы доставило намъ въ этихъ отношеніяхъ вѣрное ручательство на будущее время.

Лучшимъ для этого средствомъ было, конечно, низверженіе бывшаго въ то время ханомъ Алла-Кула и замѣна его кѣмъ либо изъ преданныхъ намъ киргизскихъ султановъ. Выборъ могъ бы пасть на пре-

---

(*) Вопросъ разсматривался Перовскимъ, Чернышевымъ и Нессельроде 10 октября.

даннаго намъ султана—правителя западной части орды Бай—Мухамедъ Айчубаюва, если бы тотъ однако, на сдѣланное ему косвеннымъ образомъ предложеніе, не отказался отъ этой чести.

Впрочемъ выборы этотъ, еслибы онъ и состоялся, былъ бы сопряженъ съ нѣкоторыми неудобствами. Для безопасности новаго хана и для прочнаго утвержденія его въ новомъ званіи необходимо было бы оставить при немъ хотя небольшую часть нашихъ войскъ, что при исполненіи представило бы большія затрудненія.

Другое лицо, которое могло бы принять на себя это званіе—былъ Инахъ, братъ Алла—Кула, который, сколько было извѣстно, искренно желалъ союза съ Россією и еще отномъ своимъ предназначался въ ханы.

Главная цѣль наша состояла въ томъ, чтобы прекратить всякую возможность враждебныхъ дѣйствій со стороны Хивы, упрочить тамъ наше вліяніе и тѣмъ обезпечить нашу торговлю съ Азією.

Назначеніе на ханскій престолъ преверженнаго намъ человѣка, конечно, достигало бы этой цѣли тѣмъ болѣе, что новый ханъ принадлежалъ бы къ роду старыхъ правителей Хивы и имѣлъ бы возможность скорѣе и вѣрнѣе утвердить свою власть надъ народомъ. Надо было полагать притомъ, что при всемъ вѣроломствѣ, составляющемъ отличительную черту азіятскаго характера, Инахъ былъ бы признателемъ русскому правительству.

Во всякомъ же случаѣ отъ непріязненныхъ къ намъ дѣйствій его долженъ былъ удерживать страхъ и опасеніе подвергнуться участи своего предшественника.

Неизвѣстна только была степень вліянія, какую имѣлъ въ то время Инахъ на Хивинцевъ; нельзя было сказать навѣрно въ состояніи ли будетъ онъ составить довольно сильную партію для того, чтобы съ успѣхомъ противодействовать впослѣдствіи прояскамъ Алла—Кула, если бы послѣдній успѣлъ скрыться при приближеніи нашего отряда.

Но въсѣмъ этимъ причинамъ рѣшено было предоставить самому Перовскому привести это въ исполненіе, когда онъ лично удостовѣрится; въ какой степени можно рассчитывать на благоразуміе и благонадежность Инаха.

Если бы и самъ Инахъ бѣжалъ бы съ приближеніемъ русскаго отряда, то рѣшено было учредить въ Хивѣ временное правленіе изъ лицъ наиболѣе благонадежныхъ и пользующихся общимъ уваженіемъ, а потомъ вызвать самого Инаха.

Во всякомъ же случаѣ рѣшено было предоставить Перевскому принять всѣ мѣры, какія онъ на мѣстѣ найдетъ необходимыми для пользы Россіи и для достиженія цѣли экспедиціи, которая состояла въ томъ, чтобы установить порядокъ вещей, могущій служить обезпеченіемъ на будущее время отъ враждебныхъ для насъ и невыгодныхъ для нашей торговли и промышленности дѣйствій со стороны Хивы. Алла-Кула же во всякомъ случаѣ рѣшено было не освобождать, а отправить въ Россію.

Вслучаѣ же удаленія Алла-Кула и вмѣстѣ съ нимъ братьевъ и приближенныхъ его, для устройства дѣлъ предоставлено было Перевскому остаться въ Хивѣ долѣе назначеннаго времени, но считая что онъ долженъ былъ только въ крайней необходимости и по внимательному соображенію всѣхъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть послѣдствіемъ этой мѣры.

Для того же, чтобы получить фактическое доказательство въ добросовѣстствѣ къ намъ на будущее время со стороны Хивы, рѣшено было заключить условіе, въ которомъ слѣдовало домогаться:

1) Чтобы впредь прекращены были какъ явные, такъ и тайныя враждебныя дѣйствія Хивы противъ Россіи, а въ особенности, чтобы Хива отказалась отъ разбоевъ и не держала въ неволѣ ни одного Русскаго.

2) Чтобы Хива не простирала своей власти на подчиненныхъ намъ Киргизовъ и Туркменъ и не облагала бы ихъ *закятомъ* и другими поборами.

3) Чтобы она вообще не распространяла своего вліянія на племена, на которыя не имѣетъ никакого права, а ограничивалась бы своими владѣніями, простирающимися до извѣстныхъ предѣловъ, которые не бесполезно было бы опредѣлить.

4) Чтобы Хива не покровительствовала бѣглому султану Камбъ-Гали и ему подобнымъ и посредствомъ, ихъ не волновала бы Киргизовъ.

5) Чтобы караваны ни подъ какимъ предлогомъ не были принуждаемы проходить чрезъ Хиву и чтобы тѣ, которые добровольно и по своимъ расчетамъ не пойдутъ на хивинскія владѣнія, не были облагаемы пошленною.

6) Чтобы укрѣпленія на р. Сыртъ, какъ лежація вовсе внѣ хивинскихъ владѣній и служація только для притѣсненія кочевыхъ народовъ и проходящихъ каравановъ, были срыты и уничтожены.

7) Чтобы на товары, принадлежащіе Русскимъ, не было налага-

сно, какъ до тѣхъ поръ, двойной и даже четверной пошлины, и чтобы русскіе и хивинскіе купцы были уравнины между собою правами во всѣхъ отношеніяхъ.

8) Чтобы было предоставлено, какъ Россіи, такъ и Хивѣ, имѣть своихъ консуловъ—первой въ Хивѣ, а второй въ Оренбургѣ; притомъ, чтобы русскій консулъ имѣлъ право безъ всякихъ стѣсненій содержать суда на рѣкѣ Аму-Дарьѣ (*).

Бухара, находившаяся въ то время въ благопріятныхъ съ нами отношеніяхъ, была извѣщена о предстоящей экспедиціи нашей въ Хиву.

Несмотря однако на всю предусмотрительность, оставалось еще одно обстоятельство, противъ котораго тщетны были и всякая предосторожность, и возможность вѣрнаго расчета. Никакъ нельзя было съ достоверностью предвидѣть, что именно встрѣтитъ отрядъ со стороны степей, которыя были полный просторъ въ обширной и негостеприимной степи.

Уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ явились нѣкоторые признаки тѣхъ послѣдствій зимняго степнаго похода, которыя позже приняли такіе плачевные размѣры, разстроивъ хорошо обдуманное предпріятіе.

Для снабженія складочныхъ пунктовъ продовольствіемъ употреблено было до 23,290 башкирскихъ лошадей, при которыхъ состояло 7700 человекъ нижнихъ чиновъ. Подвозъ этотъ производился постепенно пятью отдѣльными транспортами. Первый изъ нихъ выступалъ, какъ уже сказано, 25 мая и возвратился на линію 17 августа, а второй выступилъ 12 іюля, а вернулся 19 сентября. Первый, пробывъ въ степи около двухъ съ половиною мѣсяцевъ, изъ 3600 лошадей потерялъ 353; второй отъ жаровъ и засухи сначала потерялъ 775 лошадей, а потомъ въ теченіе трехъ дней, 12, 13 и 14 сентября, отъ сильной вьюги и стужи потерялъ еще 890 лошадей.

Донося объ этомъ, Перовскій не скрывалъ, что надо ожидать того же и въ остальныхъ транспортахъ. Все лѣто того года было необычайно знойно; подножный кормъ въ степи пропалъ отъ засухи еще въ іюль мѣсяцѣ, а гдѣ и оставался, то былъ выжженъ Киргизами съ намѣреніемъ воспрепятствовать слѣдованію нашего отряда.

Ожиданія Перовскаго оправдались; потеря въ вернувшихся остальныхъ транспортахъ была также огромна. Третій транспортъ потерялъ 1478 лошадей; четвертой—2812 и наконецъ пятый—2522 лошади.

(*) Журналъ комитета былъ Высочайше утвержденъ 17 октября.

Во всѣхъ транспортахъ было 176 чиновниковъ, 7702 человека нижнихъ чиновъ и 23,290 лошадей. Изъ этого числа погублено въ степяхъ, еще до начала похода, 3 чиновника, 193 человека нижнихъ чиновъ и 8896 лошадей.

О причинахъ такой смертности между людьми произведено было Перовскимъ тщательное слѣдствіе, по которому оказалось, что почти всѣ умершіе Башкиры страдали кровавыми язвами и были урочены на и горныхъ кантоновъ. Следовательно, главнымъ причиною болѣзни было перенесеніе ямса и климаты. Но кромѣ того были и другія причины (*). Перовскій говорилъ, что изъ недостатку хорошихъ медиковъ онъ не видалъ возможности снабдить транспорты необходимыми надзорными и врачебными пособиями. Башкиры находились подъ присмотромъ однихъ своихъ офицеровъ; при нихъ находились только фельдшера. Заболѣвая, Башкиры вовсе не берегли себя и не соблюдали никакой осторожности, а это, въ свою очередь, значительно усиливало болѣзненность.

Къ ноябрю всѣмъ въ приготовленіи были окончены. Перовскому на время похода предоставлена была власть командира отдѣльнаго корпуса въ военное время (**) и въ распоряженіе его было выслано 50 георгиевскихъ крестовъ. Вместе съ тѣмъ Перовскому, по просьбѣ его, предоставлено было присылать въ Оренбургъ съ пути слѣдованія въ Хиву краткія извѣщенія о благополучномъ состояніи и частью о дѣйствіяхъ своего отряда.

14 ноября объявлена была въ краѣ и декларация о причинахъ и цѣли похода. Она была слѣдующаго содержанія:

«Командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, оренбургскій военный губернаторъ, по случаю выступленія съ воинскимъ отрядомъ противу Хивы считаетъ необходимымъ обнародовать во вѣренномъ ему краѣ нижезложенную декларацию о причинахъ и цѣли военныхъ противу Хивы дѣйствій.

«Съ давняго уже времени вниманіе правительства устремлено на враждебныя противу Россіи расположенія ханства Хивинскаго. Прилегая къ степямъ подвластныхъ имперіи Киргизъ—Кайсаковъ, Хива, въ продолженіи многихъ лѣтъ, непрерывными дерзостными поступка-

(*) Рапортъ Перовскаго 14 ноября 1839 г. № 244.

(**) Секретный указъ подписанъ въ Царскомъ Селѣ 7 октября 1839 года.

ни, ознаменовъ явное неуваженіе къ державѣ, съ которою имѣла всегда торговый сношенія».

«Торговля съ Россією доставляла Хивѣ необходимыя средства для ея существованія; Хивинцы постоянно пользовались у насъ важными выгодами и привиліи, наравнѣ съ торговцами прочихъ областей средней Азіи, и за все сію Хива платитъ намъ однимъ взроломствомъ. Съ безпримѣрнымъ дерзновеніемъ, она нарушаетъ ежедневно спокойствіе владѣній, поочувствитъ близъ ея предѣловъ, преграждаетъ торговлю съ нами сообщенія прочихъ азіатскихъ владѣній, останавливаетъ идущіе въ Россію и возвращающіеся изъ оной бухарскіе караваны, облагаетъ ихъ непомѣрною пошлиною, насильственно принуждаетъ заходить въ свои владѣнія, гдѣ произвольно и безъ всякаго права отбираются отъ беззащитныхъ купцовъ значительная часть ихъ товаровъ. Наглость Хивинцевъ простирается еще далѣе: не только бухарскіе караваны, идущіе въ Россію, но даже караваны собственно русскіе не могутъ безопасно проходить чрезъ степи. Такъ, снаряженный въ Оренбургъ караванъ, состоявшій изъ тсзвровъ нашихъ купцовъ, былъ совершенно разграбленъ вслѣдствіемъ изъ Хивы вооруженными хищниками. Ни одинъ русскій торговецъ не можетъ появиться въ Хивѣ безъ опасенія лишиться жизни, или подвергнуться заточенію. Хивинцы дѣлаютъ частыя набѣги на отдаленныхъ отъ линіи Киргизовъ, поступившихъ еще при Абулханръ-Ханѣ въ подданство Россіи, разоряютъ ихъ аулы, обрекаютъ разными поборами, волнуютъ противъ законной власти, даютъ убѣжище непокорнымъ и наконецъ, къ довершенію всѣхъ своихъ преступныхъ дѣйствій, явно задерживаютъ въ Хивѣ множество Русскихъ, томимыхъ тамъ въ жестокомъ рабствѣ. Число сихъ несчастныхъ ежегодно увеличивается; по наущеніямъ Хивинцевъ дѣлаются на Каспійскомъ морѣ и въ иныхъ мѣстахъ безпрестанныя нападенія на мирныхъ и беззащитныхъ промышленниковъ, которыхъ увлекаютъ въ Хиву и повергаютъ тамъ въ тяжкую неволю».

«Вѣдственная судьба сихъ несчастныхъ не могла не обратить вниманіе нашего правительства, поставляющаго одною изъ священныхъ обязанностей огражденіе спокойствія и безопасности подданныхъ имперіи. Но великодушіе, съ какимъ оно предваряло Хивинцевъ о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ преступныхъ ихъ дѣйствій, не имѣло успѣха: Они не видали сдѣланныхъ имъ внушеній; они не постигли снисходительности Россіи къ ихъ заблужденію. Напротивъ того они возмечтали, что хищничества ихъ останутся безъ всякаго наказанія. Въ

этой самонадеянности они дерзнули построить въ свою провинцію, близ караваннаго пути, ведущаго въ Бухару, двѣ крѣпости, дабы съ большею наглостью и безответственностью притѣвлять торговцевъ; они усилили свои преступныя набѣги и грабежи, и въ большой еще степени стали упорствовать въ непримиримой враждѣ своей противъ Россіи».

«Надлежало принять мѣры болѣе сообразныя съ ихъ помыслами. Испытано было еще послѣднее средство къ ихъ разуменію: приближенные въ Россію хивинскіе торговцы были задержаны на линіи, и условіемъ ихъ освобожденія объявлено немедленное возвращеніе русскихъ невольниковъ и прекращеніе всѣхъ непріязненныхъ поступковъ. Но и сія мѣра оказалась недействительною. Послѣ трехлѣтняго ожиданія едва 100 человекъ возвращены въ Россію, между тѣмъ какъ нынѣшнею весною захвачено вновь на одномъ Каспійскомъ морѣ до 200 рыбопромышленниковъ.

«Наконецъ истощились всѣ средства убѣжденія. Охраненіе выноса Россіи, безопасность ея торговли, спокойствіе ея вѣроподанныхъ, — все требуетъ нынѣ мѣръ болѣе рѣшительныхъ, болѣе надежныхъ; того же требуетъ и самое достоинство имперіи».

«Сіи справедливыя и основательныя уваженія побудили Государя Императора повелѣть отправить военный отрядъ противу Хивы, дабы силою оружія обезпечить на будущія времена права и пользы русскіхъ подданныхъ, положить конецъ грабежамъ и наслѣямъ, избавить томившихся въ Хивѣ невольниковъ, внушить должное уваженіе къ имени русскому и упрочить то вліяніе, которое неоспоримо принадлежитъ Россіи и которое одно можетъ служить залогомъ сохраненія мира въ сей части Азіи».

Одновременно съ обнародованіемъ деклараціи началось и выступленіе по эшелонно войскъ въ степь. Двѣ колонны выступили чрезъ Бердянско—Куралинскую линію 14 и 15 ноября, а другія двѣ 16 и 17 чрезъ Илецкую Защиту. Всѣ колонны должны были соединиться противъ Григорьевскаго форпоста въ одномъ переходѣ отъ Оренбурга. При выступленіи отряда былъ весьма незначительный холодъ; 21 ноября была даже оттепель; но въ ночь на 22 число ртуть въ термометрѣ упала вдругъ до 20°, а на слѣдующій день понизилась еще на 10°. Сначала движеніе совершалось весьма медленно, что было впрочемъ необходимо какъ для того, чтобы при наступившей снѣга, ненастной погодѣ, а потомъ сильныхъ морозахъ не изнурить большими переходами людей и верблюдовъ, такъ и для того, чтобы исподо-

валъ пріучить людей скоро и удобно развьючивать и навьючивать верблюдавъ и ознакомить всѣхъ и каждаго съ своими обязанностями и вообще съ порядкомъ, который предписано было соблюдать при расположеніи на мѣстѣ и на походѣ. Не смотря на разительное измѣненіе температуры и почти на безпрерывный переходъ отъ оттепели къ 30 градусному морозу въ первое время больныхъ въ отрядѣ было не много.

28 ноября отрядъ былъ у Карабутака на Илекѣ, въ 150 верстахъ отъ Оренбурга; во все это время морозы были не менѣе 15°; больныхъ въ отрядѣ было 34 человека, кромѣ 8 отправленныхъ въ Илецкую Защиту. На Илекѣ Перовскій получилъ свѣдѣніе, что будто бы Хивинской ханъ намеревается напасть на Чучка-Кульскій складочный пунктъ (*).

До сихъ поръ все еще шло хорошо. Хотя стужа и доходила весьма часто до 32°, но число больныхъ не увеличивалось сильно; больные по большей части были простудныя, за исключеніемъ сибирской язвы, возникшей на людяхъ, не смотря на жестокой холодъ. Въ отрядѣ не было никакихъ безпорядковъ за исключеніемъ одного только случая, гдѣ Перовскій нашелъ необходимымъ прибѣгнуть къ своей власти. Одинъ рядовой 5-го линейнаго баталіона, бросивъ свое ружье, ночью бѣжалъ изъ цѣпи. Но сбившись съ дороги набрелъ ночью же на другую колонну, укралъ здѣсь ружье, но былъ пойманъ случайно разсыльнымъ казакомъ.

«Важность преступленія, доносимаго Перовскій военному министру, не дозволяла никакимъ образомъ быть снисходительнымъ къ преступнику и надлежало непремѣнно показать примѣръ строгости тѣмъ болѣе, что здѣшняя пѣхота никогда еще въ военное время не служила, что въ ней, не смотря на всѣ попеченія и внушенія со стороны начальства нѣтъ воинскаго духа и необходимаго въ солдатѣ повиновенія. Оказавъ сверхъ того снисхожденіе къ другому, довольно важному нарушенію военной дисциплины, я уже долженъ былъ въ настоящемъ случаѣ предать виновнаго всей строгости законовъ (**).

1-го декабря преступникъ по приговору военного суда былъ разстрѣлянъ.

5-го декабря отрядъ прибылъ на урочище Бишь-Томакъ, въ 270

(*) Рапортъ копитана Кавалевскаго главноуправляющему корпусомъ горныхъ инженеровъ изъ Чучка-Кульскаго укрѣпленія 25 ноября, № 28.

(**) Рапортъ Перовскаго военному министру 3-го декабря, № 6.

верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь Перовскій получилъ доносъ, что гарнизоны въ складочныхъ пунктахъ, не считая на хорошую пищу, страдали цынгой и нервными горячками, отъ которыхъ была значительная смертность. Сдѣлавъ на Битъ-Томатъ дневку, отрякъ 7-го числа при 32° мороза выступилъ далѣе и 19 числа прибылъ на Эмбу.

Во все время похода было только три дня, въ которые термометръ показывалъ 10 и менше градусовъ мороза въ поддень; за эти 11 дней было по 14 и 20°, 12 дней отъ 20—26° и наконецъ шестидней термометръ показывалъ отъ 26 до 32° мороза (*). При этихъ страшныхъ холодахъ отрядъ ощущалъ сильнѣйшій недостатокъ въ топливѣ. Незначительное количество дровъ, которое было при отрядѣ, расходовалось исключительно только для варки пищи; о бивачныхъ огняхъ нечего было и думать. Въ теченіе этого мѣсяца перебѣгло 652 человека и 34 умерло.

Но еще болѣе страдали отряды, остававшіеся въ складочныхъ пунктахъ: нервныя горячки, цынга, оспа страшнымъ образомъ развивали смертность. Въ Эмбенскомъ укрѣпленіи было 170 человекъ больныхъ, а въ Акъ-Булакѣ 164. Главными причинами болѣзней и смертности были климатъ, недостатокъ въ хорошей водѣ и помѣщеніе гарнизона въ землянкахъ. Картина была тѣмъ ужаснѣе, что ничего нельзя было сдѣлать для облегченія страдающихъ; незначительная болѣзнь, не успѣвая пройти всѣхъ періодовъ, при сильной стужѣ дѣлалась неизлечимою; лекарствъ нельзя было изготовить, да они и не дѣйствовали при 32 градусномъ морозѣ на бивакахъ надъ открытымъ небомъ.

Все это заставило Перовскаго прекратить всякое сообщеніе своего отряда съ эмбенскимъ гарнизономъ. Несмотря на то, что часть отряда легко могла бы помѣщаться въ укрѣпленіи, онъ предпочелъ остановиться на бивакахъ надъ открытымъ небомъ въ равстоянн мущагаро выстрѣла отъ укрѣпленія.

До Эмбы отрядъ шелъ по глубокому рыхлому снѣгу, прокладывая себѣ путь цѣлкомъ. Такая работа, очень утомляла людей. При сборѣ съ Киргизовъ верблюдовъ приходилось, по необходимости, править цѣль безъ строгой разборчивости. Уже теперь пятая часть ихъ оказывалась не надежными для дальнѣйшаго похода. Поэтому отрядъ

(*) Письмо Перовскаго графу Чернышеву 25 декабря.

не могъ взять съ собою отсюда продовольствія болѣе какъ на шесть недѣль. Въ обыкновенныхъ походахъ обозы и транспорты составляютъ основную часть дѣловой массы, а главнѣйшее вниманіе обращается на войска; здѣсь же было напротивъ: небольшая часть войскъ почти исчезала въ огромной массѣ подъемныхъ верблюдовъ. Несоразмѣрность каравана съ числомъ дѣйствующихъ войскъ составляла ничѣмъ не устранимое неудобство, задерживавшее ходъ на каждомъ шагу. Небольшой отрядъ долженъ былъ ежедневно навьючивать и развьючивать до 10 т. верблюдовъ и лошадей, охранять караванъ на походѣ, а лошадей и верблюдовъ на подножномъ корму. Генералъ-маршъ былъ обыкновенно въ два часа утра, и слѣдовательно люди вьючили верблюдовъ и выступали въ походъ еще въ потьмахъ. А между тѣмъ такое раннее выступленіе было необходимо для того, чтобы придти на ночлегъ засвѣтло и успѣть поспѣти верблюдовъ, которые ночью не пасутся, а лежатъ на мѣстѣ. При этой укладкѣ ихъ на ночлегъ необходимо расчищать подъ ними весь снѣгъ, даже срывать мерзлую землю и застилать мѣсто кошками, рогожами или камышомъ. Все это составляло такую трудную, ежедневно возобновляющуюся работу, что небольшое число войскъ, составлявшихъ отрядъ, едва въ силахъ было выносить ее. Хотя третья часть вѣзоты и сидѣла на верблюдахъ, но и это повидимому большое облегченіе мало служило въ пользу. Люди, непривычные къ трудамъ и походамъ садясь на верблюдовъ послѣ сильнаго движенія въ испаряютъ, остывали и иногда отмораживали себѣ члены. По неопытности и непривычкѣ вѣзота, для которой этотъ первый опытъ показался очень труднымъ, не умѣла ни къ чему приступить, ни сбросить себя отъ простуды, ни сварить щей на бурьянѣ, навозѣ или кореньяхъ, которые часто приходилось выкапывать изъ подъ аршиннаго слоя снѣгу. Переносъ такіа трудности зимняго степнаго похода, отряду необходимъ былъ отдыхъ. Поэтому Перовскій, чтобы дать отдыхъ верблюдамъ, отдѣлять годныхъ отъ негодныхъ къ походу, выждать прибытіе свѣжихъ верблюдовъ, шадшихъ для замѣны изнуренныхъ, осмотрѣть артиллерійскіе снаряды, исправить оружіе и пересыпать хранящійся въ укрѣпленіи провіантъ, рѣшился остановиться тутъ на нѣсколько дней.

Здѣсь Перовскій узналъ о нападеніи Хивинцевъ на Акъ-Булакскій складочный пунктъ.

18 декабря въ 7 часовъ утра появился въблизи укрѣпленія довольно значительный хивинскій отрядъ. Повидимому въ цемъ было отъ

2—3 тысячъ человекъ. Подойдя къ укрѣпленію, отрядъ этотъ произвелъ нападеніе одновременно со всѣхъ сторонъ.

Первый натискъ Хивинцевъ дѣйствіемъ артиллеріи и ружейнаго огня былъ отраженъ. Однако, несмотря на то, Хивинцы до темной ночи, то отступая, то собираясь, продолжали свои неудачныя покушенія. Нѣсколько разъ пытались они занять стрѣлками находившіеся вблизи укрѣпленія стога сѣна и подъ прикрытіемъ ихъ приблизиться ко рву, однако каждый разъ были выбиваемы охотниками изъ пѣхоты и казаковъ. Въ первый день имъ не удалось даже зажечь сѣно. На другой день непріятель ограничился только перестрѣлкою съ нашими часовыми, а къ вечеру совершенно удался отъ укрѣпленія. На пути, верстахъ въ 15 отъ укрѣпленія, Хивинцы встрѣтили роту линейнаго баталіона и сотню казаковъ, которые были посланы изъ Эмбы въ Акъ-Булакъ за больными. Заставъ этотъ отрядъ въ минуту его расположенія на ночлегъ, Хивинцы быстро окружили его со всѣхъ сторонъ. Сильный ружейный огонь удержалъ однако толпы и даже привелъ ихъ въ безпорядокъ. Начальникъ отряда успѣлъ устроить наскоро завалъ изъ нѣсколькихъ телегъ и въюковъ, а потомъ сдѣлалъ вылазку. Отстрѣливая въ теченіе двухъ сутокъ, онъ успѣлъ вытѣснить непріятельскихъ стрѣлковъ изъ ямъ, выкопанныхъ Хивинцами въ теченіе ночи, отбѣлъ часть лошадей и верблюдовъ и наконецъ благополучно достигъ до Акъ-Булака (*).

На Эмбѣ же Перовскій узналъ, что провіантъ, отправленный въ Ново-Александровское укрѣпленіе въ октябрѣ мѣсяцѣ и назначенный для двухмѣсячнаго продовольствія отряда, не прибылъ по назначенію, потому что суда (5 купеческихъ и 5 казенныхъ) были затерты льдомъ, нѣкоторыя въ виду укрѣпленія, а другія верстахъ въ 100 отъ Гурьева, и два вернулись обратно въ Астрахань.

По полученіи этого донесенія тотчасъ же было предписано астраханскому губернатору заготовить 1500 четвертей сухарей, съ соразмѣрныхъ числомъ крупъ и отправить часть изъ нихъ сухимъ путемъ, а часть по первой навигаціи въ Ново-Александровскъ. Кроме того коменданту Ново-Александровска приказано было принять мѣры къ выгрузкѣ провіанта и къ сохраненію тѣхъ судовъ, которыя были затерты въ виду укрѣпленія.

(*) Съ нашей стороны было 5 человекъ убитыхъ, 13 раненыхъ. Непріятель угналъ 31 лошадь и 41 верблюда.

Суда эти были спасены и провіантъ съ нихъ выгруженъ, тѣ же, которые были затерты льдомъ близъ Гурьева подверглись нападенію Хиваицевъ и были ими сожжены.

Независимо отъ распоряженій по доставкѣ продовольствія въ Ново-Александровское укрѣпленіе, астраханскому военному губернатору было предписано оказывать возможное содѣйствіе Перовскому, а каспійской флотиліи было поставлено въ обязанность употреблять всѣ способы въ пользу отряда войскъ хивинской экспедиціи, еслибы въ томъ встрѣтилась надобность.

30 декабря началось дальнѣйшее движеніе отряда. Какъ ни велики были трудности похода до сихъ поръ, но онѣ были незначительны въ сравненіи съ тѣми, которые предстояли отряду еще впередъ, за Эмбою. Уже по слухамъ было извѣстно, что далѣе снѣга еще глубже. Перовскій съ первыхъ переходовъ отчасти предавѣлъ трудности и писалъ о томъ дещу министру иностранныхъ дѣлъ.

«Переходъ отъ эмбейскаго укрѣпленія до Усть-Урта 260 верстъ будетъ для отряда тяжелъ; глубокіе снѣга затрудняютъ ходъ, именуяють верблюдовъ отъ безкормицы. Колонна, выступившая тому 4 дня, прошла только двадцать верстъ; отъ этого потеря времени, провіанта и верблюдовъ. Опасаюсь, что вынужденъ буду бросить понтоны, лодки, всѣ повозки. Получено извѣстіе изъ Оренбурга, что двухтысячный запасъ провіанта, который, по моему распоряженію долженъ быть въ Ново-Александровскѣ, туда не прибылъ. Это обстоятельство крайне для насъ невыгодно. На этотъ провіантъ рассчитывалъ я для возвратнаго пути, и даже, въ случаѣ крайности, то есть при сильной потерѣ верблюдовъ на Усть-Уртѣ предполагалъ воротить на Ново-Александровскъ, а потомъ на Хиву».

«Обстоятельства, которыхъ никакія расчеты предавѣть не могли, оказываются противными успѣху экспедиціи; но мы идемъ впередъ съ полнымъ увѣрованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостію исполнить волю Государя Императора» (*).

Идя къ Эмбѣ отрядъ былъ въ полной увѣренности, что за этой рѣкой, куда Киргизы уходятъ ежегодно тысячами на зимовку, все должно измѣниться, по крайней мѣрѣ снѣгъ не будетъ такъ глубокъ. Оказалось совершенно противное. Киргизы сами гибли съ своимъ скотомъ отъ необыкновенной стужи.

(*) Шверованная дещема отъ 5 января 1840 года.

Положеніе отряда было въ высшей степени затруднительнымъ. Стѣна до послѣдней былинки была погребена въ снѣгу, который отъ жестокихъ и рѣдкихъ даже въ стѣни морозовъ и вѣтровъ сверху обратился въ кору; верблюды и лошади проваливались на каждомъ шагѣ по колѣна и даже по брюхо, сбивали себѣ щетки и копыта; выюки спадали, а кормъ, даже самый скудный, вовсе исчезъ.

Ко всему этому присоединилось еще неповиновеніе Киргизовъ. До зимскаго укрѣпленія, Киргизы, по донесеніямъ Перовскаго, служили хорошо и случаи побѣговъ были весьма рѣдки. Между тѣмъ въ то время, какъ отрядъ находился на Эмбѣ, между Киргизами распространился слухъ о близости хивинскаго войска и о присоединеніи къ нему Моканцевъ. Непріятельскіе лазутчики, воспользовавшись этимъ случаемъ и стараясь поколебать умы Киргизовъ страшными угрозами хивинскаго хана и несомнѣннымъ перевѣсомъ численности непріятельскихъ войскъ въ сравненіи съ нашимъ малочисленнымъ отрядомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что верблюдики цѣлой колонны, въ числѣ болѣе 300 человекъ, въ самую минуту выступленія колонны положительно и единогласно объявили, что они далѣе не пойдутъ, а вмѣстѣ съ верблюдами вернутся въ свои аулы. Всякое увѣщаніе было напрасно. Перовскій тѣсно источалъ словесныя убѣжденія; султанъ—правитель Айчуваковъ успѣлъ въ томъ не болѣе Перовскаго. Толпа увеличивалась все болѣе и болѣе, и шумными криками призывала къ себѣ товарищей; безпорядокъ возрасталъ съ минуты на минуту. Положеніе Перовскаго дѣлалось крайне опаснымъ. Малочисленный отрядъ нашъ рисковалъ быть покннутымъ въ 500 верстахъ отъ своей границы, въ открытой стѣнѣ на голодную смерть. Нужно было дѣйствовать рѣшительно, не теряя напрасно ни одной минуты времени. Перовскій приказалъ окружить толпу, къ которой начали уже присоединяться Киргизы другихъ колоннъ, и объявилъ, что если они будутъ продолжать оказывать неповиновеніе, то всѣ будутъ разстрѣляны. Но и эта угроза не произвела ожидаемаго впечатлѣнія на толпу. Нѣсколько человекъ самыхъ буйныхъ выступили впередъ и прямо объявили, что они всѣ готовы на смерть, но впередъ не пойдутъ, потому что этому пренатствуетъ ихъ вѣра и что въ такіе морозы караваны никогда не ходятъ. Разговаривать далѣе было опасно. Перовскій тотчасъ же приказалъ разстрѣлять одного изъ зачинщиковъ возмущенія. Но и это не помогло. Толпа оставалась въ томъ же расположеніи и духъ неповиновенія не прекращался. Только уже послѣ втораго разстрѣлен-

наго Киргиза и послѣ нешторенныхъ увѣреній Перовскаго, что всѣ нешошнувшіеся будутъ также разстрѣляны, Киргизы смирились, стали просить помилуванія и рѣшились идти далѣе (*).

Получаемыя на пути свѣдѣнія были самаго неуспокоительнаго характера. Распросы Киргизовъ и рекогносцировки убѣждали, что чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ глубже и непроходимѣе снѣга. Такое явленіе было безпримѣрно въ степи. Глубокіе снѣга сильно замѣдляли движеніе отряда. Несмотря на то, что отрядъ началъ выступленіе 30 декабря, послѣдняя колонна, выступившая съ Эмбы 17 января, 30 числа еще не прибыла къ Акъ-Булаку, хотя расстояние не превосходитъ 160 верстъ; Менѣе чѣмъ въ 15 дней ни одна часть не дошла до Акъ-Булака. При всемъ томъ потеря въ верблюдахъ была несоразмѣрно велика и видимо возрастала со дня на день. Снѣгъ былъ такъ глубокъ и покрытъ такою толстою жерлою корою, что конница едва въ состояніи была прелазывать для верблюдовъ по цѣлику нѣсколько тропинокъ; мѣстами путь должно было расчищать лопатами; бураны немедленно заметали очищенные тропинки и слѣдующія части отряда должны были вновь пролагать себѣ дорогу; а это было такъ трудно, что мордовыя лошади сгибались черезъ каждыя двѣ или три версты. Верблюдамъ двигались съ величайшимъ трудомъ; непрерывно остунались, падали, и многіе изъ нихъ уже и не вставали болѣе. Лошади и верблюды подъ артиллерією безпрестанно останавливались, и орудія нужно было вытаскивать на рукахъ, тогда какъ сами люди утопали по колѣна въ снѣгу и едва были въ состояніи двигаться съ мѣста. Всѣ карны были занесены твердымъ, слежавшимся и смерзшимся въ одну толщу снѣгомъ; бураны, останавливая слѣдованіе отряда, по цѣлымъ днямъ прекращали всякое сообщеніе между частями, а непрерывныя и жестокіе морозы, въ 20 и болѣе градусовъ, отнимали у людей всякую возможность дѣйствовать, несмотря на теплую одежду.

Изъ Оренбурга отрядъ выступилъ на 10,400 верблюдахъ; съ Эмбы съ трудомъ поднялся на 8,900, а на Акъ-Булакѣ, т. е. еще на половинѣ только цѣлаго пути, годныхъ для подъема въяковъ верблюдовъ оказалось 5188 штукъ. На однихъ послѣднихъ только 160 верстахъ пало ихъ 1200 головъ.

Въ такомъ положеніи находился нашъ отрядъ, едва только достигнувъ половины пути до Хивы. Что же ему оставалось дѣлать?

(*) Рапортъ Перовскаго отъ 6 января 1840 г., № 13.

На оставшихся пяти тысячахъ верблюдахъ по расчету едва можно было поднять только полное мѣсячное продовольствіе, считая тутъ же и сухой фуражъ. Между тѣмъ дойти до жилыхъ мѣстъ ханства въ одинъ мѣсяцъ не было возможности. Не говорить уже о томъ, что вступить въ ханство безъ всякаго запаснаго продовольствія и особенно раннею весною, когда дороги непроходимы, было бы совершенно невозможно. Занять верблюдовъ и лошадей продовольствіемъ для однихъ только людей значило бы погубить и тѣхъ, и другихъ; ни лошади, ни верблюды не дошли бы до мѣста, почему и отрядъ былъ бы въ самомъ отчаянномъ и безпомощномъ положеніи.

Но предположимъ несбыточную надежду, что отрядъ прошелъ бы вторую половину пути гораздо скорѣе первой, въ 40, 50 дней, что лошади выдержали бы походъ этотъ, состоя на одномъ гарницѣ и не получая вовсе сѣна, что такъ называемые годные верблюды были бы всѣ обращены подъ провіантъ и дошли бы благополучно до Хивы.

Но и тогда дѣло было бы все-таки въ плохомъ положеніи.

Отрядъ выступилъ бы изъ Акъ-Булака съ продовольствіемъ на два мѣсяца. Черезъ 40 или 50 дней онъ вступилъ бы въ хивинское ханство, то есть въ непріятельскую и бѣдную хлѣбомъ землю, съ продовольствіемъ на нѣсколько дней, съ крайне изнуренными лошадями, имѣя подъ ружьемъ вѣроятно не болѣе 1200 человекъ пѣхоты. При этомъ онъ вступилъ бы въ Хиву весною въ разливъ и распутицу, не будучи въ состояніи получить какую нибудь помощь.

Что мы черезъ это выиграли бы, и каковъ бы былъ результатъ? Вся кавалерія пришла бы въ Хиву пѣшая или въ такомъ положеніи, что никакъ не была бы въ состояніи дѣйствовать противъ непріятеля, потому что шла бы безкормными мѣстами. Не имѣя при себѣ продовольствія и не имѣя въ рукахъ средствъ заставить жителей доставлять все необходимое для лошадей и верблюдовъ, какую бы почетную роль приходилось разыгрывать побѣдителямъ. Преодолевъ страшныя трудности на пути, потерявъ многихъ своихъ товарищей, перенеся всѣ неудобства степнаго похода, отряду нашему предстояла бы безславная гибель въ то время, когда главная цѣль уже была достигнута и когда при другихъ обстоятельствахъ оставалось бы только наслаждаться плодами своего самоотверженія и мужества.

Но если верблюды, по обыкновенному порядку вещей до новаго подножнаго корма стали бы худать все болѣе и болѣе и слѣдовательно не дошли бы съ ношами своими до мѣста назначенія, тогда отрядъ

остался бы на Усть-Уртѣ среди безводной и безкормной пустыни, не будучи въ состояніи идти ни впередъ, ни назадъ.

Изъ этому остается только прибавить, что хотя о непріятелѣ и не было въ то время никакихъ слуховъ, но что еслибы отрядъ, продолжая путь свой на Усть-Уртъ, встрѣтилъ непріятеля, то возвращеніе его, хотя вынужденное единственно обстоятельствами, не могло уже имѣть мѣста, потому что въ такомъ случаѣ оно походило бы на отступленіе передъ Хивинцами.

Наставлять долѣе на продолженіи движенія въ Хиву было бы дѣломъ только личнаго самолюбія Перовскаго, въ ущербъ самому дѣлу; это значило бы бесполезно жертвовать людьми безъ всякой надежды на успѣхъ. Оставалось только одно—вернуться назадъ. На это Перовскій и рѣшился.

Теперь мы сравнимъ первоначальное предположеніе объ экспедиціи съ тѣмъ, что сбилось на самомъ дѣлѣ.

Экспедиція предполагалось выступить изъ Оренбурга 14 ноября на 12,000 верблюдахъ, въ 25 дней придти на Эмбенское укрѣпленіе, простоять тамъ не болѣе недѣли, поднять продовольствіе для людей и лошадей на четыре мѣсяца, пополнить вновь израсходованное количество его въ укрѣпленіи на Акъ-Булакѣ и въ 30 дней дойти до Хивы.

Все это основывалось на расчетѣ, что отрядъ долженъ пройти разстояніе до Эмбы прежде, чѣмъ глубокіе снѣга поздней зимы могли бы затруднить путь, а разстояніе отъ Эмбы до Усть-Урта, гдѣ глубокихъ снѣговъ почти никогда не бываетъ, въ концѣ декабря. Затѣмъ въ началѣ января, въ то время, когда на Усть-Уртѣ выпадаетъ снѣгъ, замѣняющій воду, отрядъ долженъ былъ подняться на Усть-Уртъ, а оттуда спуститься въ низменность, лежащую къ югу отъ него, прежде тамошней весны, въ продолженіе которой хивинское ханство, по причинѣ грязи, происходящей отъ илистой и глинистой почвы, бываетъ непроходимо.

Кромѣ четырехмѣсячнаго продовольствія, взятаго съ собою, двухмѣсячное продовольствіе для цѣлаго отряда отправлено было моремъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ нужды можно было подвести его въ Хиву, или даже отправить этимъ путемъ часть отряда.

Наконецъ предполагалось вступить въ Хиву по крайней мѣрѣ съ 2500 человекъ пѣхоты, почему и назначено было въ походъ 2750 человекъ.

Таковы были первоначальныя предположенія. На дѣлѣ же вышло совершенно другое.

Верблюдовъ набрано было къ сроку только 10,400; остальные же, которыхъ ожидали съ Нижней линіи и съ Прорвинскихъ острововъ прямо на Эмбу, не прибыли, потому что Хивинцы успѣли подослать лазутчиковъ своихъ, которые острасткою запугали Киргизовъ и заставляли ихъ отказаться отъ своего обѣщанія.

По затрудненіямъ, встрѣченнымъ на пути отъ Бишъ-Тамака до Эмбы и по случаю жестокихъ морозовъ, отрядъ пришелъ въ укрѣпленіе только 19 декабря, то есть осьюмя днями позже предположеннаго срока.

Пересыпка продовольствія, устройство выковокъ, основаніе госпиталей, перевозка больныхъ изъ Акъ-Булака, при постоянно жестокихъ морозахъ и буранахъ, крайне затруднявшихъ всякую работу на открытомъ воздухѣ, до того задержали отрядъ, что онъ выступилъ по частямъ только между 31 декабря и 16 января 1840 г.

Недостатокъ верблюдовъ, происшедшій отъ значительной убыли ихъ, дозволилъ поднять съ Эмбы продовольствіе не на четыре мѣсяца, какъ это предполагалось прежде, а только на два мѣсяца и притомъ съ обращеніемъ подъ него части верблюдовъ, предназначавшихся сначала подъ сухой фуражъ. Поэтому лошади на пути отъ Эмбы, по необходимости, должны были довольствоваться уменьшевною дачею.

Буря и ледъ на Каспійскомъ морѣ разогнали всѣ суда, шедшія съ продовольствіемъ въ Ново-Александровское укрѣпленіе, что лишило отрядъ его двухмѣсячнаго запаса для продовольствія.

Расстояніе отъ Эмбы до Акъ-Булака въ 160 верстѣ, а можетъ быть и менѣе, было пройдено съ величайшимъ трудомъ въ цѣлый мѣсяць. Стужа и бураны губили верблюдовъ сначала цѣлыми десятками, а потомъ сотнями въ день; оставшихся 5188 головъ можно было назвать годными только по сравненію съ остальными, которые были во все неблагонадежны.

Отъ необыкновенно суровой зимы и по совершенной непривычкѣ пѣхоты къ военнымъ трудамъ, больныхъ и слабыхъ уже на первой половинѣ пути оказалось непомерно много. Изъ 2750 человекъ утѣрь-офицеровъ и рядовыхъ на Акъ-Булакѣ оставалось въ строю только 1856; взъ числа выбывшихъ изъ строя 236 человекъ умерло и 528 было больныхъ.

Таковы были причины, неотступно требовавшія возвращенія нашего

отряда назадъ. Войска гнали, не выдавъ на пути непріятеля; врагъ лютый и неотразимый преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, не давая пощады; онъ невидимо губилъ десятки людей, лошадей и верблюдовъ, усебая голодную и безпріютную степь трупами и заметая слѣды ихъ сугробами снѣга. Военныя картины всегда представляютъ на первомъ планѣ победы, торжество и лавровыя вѣнки побѣдителей; человекъ незнакомый съ военнымъ дѣломъ останавливается на этихъ пріятныхъ чертахъ, которыя въ сущности составляютъ чаще всего только результаты труда, постоянства и длиннаго ряда лишеній. Для всякаго человека итальянская кампанія 1796 года, конечно, завлекательнѣе какаго нибудь степнаго похода. Противъ этого трудно возражать. Тамъ богатая и роскошная итальянская природа, роскошь городовъ, богатство, громкія победы и еще болѣе громкіе бюллетени, а здѣсь дикая, пустынная и снѣжная равнина, бураны заметающіе слѣды едва только протоптанной дороги, груды замерзающихъ тѣлъ верблюдовъ и лошадей, 30 градусная стужа, болѣзни и полное отсутствіе всякой надежды. Равнина, правда, огромная. Но человекъ, изучающій военное дѣло, долженъ съ одинаковымъ вниманіемъ прослѣдить какъ итальянскую кампанію Бонапарте, такъ и эту грустную эпопею 1839 и 1840 годовъ. Такой человекъ въ состояніи будетъ оцѣнить и сравнить подвигъ солдата съ громкимъ крикомъ рвущагося впередъ и увѣреннаго, что 40 вѣковъ смотреть на него съ высоты египетскихъ пирамидъ, а благородная Франція рукоплещетъ ему, съ подвигомъ другаго солдата, который, не крича и не лаская себя надеждой, что его прославятъ, но, сознавая долгъ свой, безмолвно обрекаетъ себя на смерть среди снѣжной равнины, твердо будучи увѣренъ, что и ближайшіе—то родные его съ трудомъ узнаютъ, что онъ умеръ въ какомъ-то походѣ, гдѣ-то очень далеко.

1 февраля Перовскій отдалъ по отряду приказъ, возвѣстившій обратное движеніе на линію.

«Товарищи, говорилъ онъ, скоро три мѣсяца, какъ выступили мы по повелѣнію Государя Императора въ походъ съ упованіемъ на Бога и съ твердою рѣшимостью исполнить царскую волю. Почти три мѣсяца сразу боролись мы съ немовѣрными трудностями, одолевая препятствія, которыя встрѣчаемъ въ необычайно жестокою зиму отъ буряновъ и непроходныхъ, небывалыхъ здѣсь снѣговъ, завалившихъ путь нашъ и всѣ кормы. Намъ не было даже отрады встрѣтиться съ непріятелемъ, если не упоминать о стычкѣ, показавшей все ничто-

жество его. Не взирая на всё перенесенные труды, люди сыжи и бодры, лошади сыты, запасы наши обильны; одно намъ измѣнилось! Значительная часть верблюдовъ нашихъ уже погибла, остальные обезсильли,—и мы лишены всякой возможности поднять необходимое для остальной части пути продовольствіе. Какъ ни больно отказаться отъ ожидавшей насъ победы, но мы должны возвратиться на сей разъ къ своимъ предѣламъ. Тамъ будемъ ждать новыхъ повелѣній государя императора; въ другой разъ будемъ счастливѣе. Мнѣ утѣшительно благодарить васъ всѣхъ за неутомимое усердіе, готовность и добрую волю каждаго при всѣхъ перенесенныхъ трудностяхъ. Всемилостивѣйшій государь и отецъ нашъ узнаетъ обо всѣмъ».

Рѣшаясь начать обратное движеніе, Перовскій не обманывалъ себя напрасною надеждою; онъ зналъ, что обратный путь будетъ не легче.

«Окончательно не могу умолчать предъ вашимъ сіятельствомъ, писалъ онъ военному министру, что обратный путь нашъ будетъ и теперь уже не менѣе затруднителенъ какъ и передній; одно только четырехтысячное продовольствіе, сложенное на Эмбѣ, обезпечить по крайней мѣрѣ съ этой стороны существованіе отряда; но совершенный недостатокъ дровъ и кормовъ, глубокіе снѣга и постоянно жестокая стужа безъ сомнѣнія окажутъ вредное вліяніе свое на здоровье людей и на скотъ, а по недостатку и слабости верблюдовъ большая часть отряда должна будетъ остаться въ укрѣпленіи на Эмбѣ до весны».

Въ то же время Перовскій послалъ на рекогносцировку къ Усть-Урту полторы сотни казаковъ при одномъ горномъ орудіи. Возвратившіеся съ рекогносцировки, уральскаго войска полковникъ Бизяновъ и генеральнаго штаба капитанъ Рехенбергъ донесли, что до самого подъема, слишкомъ на 100 верстъ отъ Акъ-Булака, снѣга еще несравненно глубже и всѣ корма и топливо занесены. На Усть-Уртѣ, по которому Бизяновъ прошелъ верстъ 20, снѣгу было также весьма много, хотя и менѣе, чѣмъ внизу. Рекогносцировка продолжалась семь дней; во все это время не было и видно слѣдовъ непріятеля, что объясняется необыкновенною суровостью зимы. Во все время морозъ доходилъ до 29 и 30 градусовъ. Последняя колонна присоединилась къ отряду только 2 февраля; по сведеніи счетовъ оказалось, что со дня выступленія съ Эмбы по 4 февраля включительно отрядъ потерялъ 1958 верблюдовъ, а въ теченіе 5,6 потеря эта возрасла до 2100. Оставшіеся еще въ живыхъ, верблюды были уже такъ слабы, что двѣ первыя колонны при выступленіи своемъ 4 и 5 фев-

рава въ обратный путь принуждены были бросить и истребить 36-ти дневное продовольствіе, поднавъ съ собою только свое собственное продовольствіе на одинъ мѣсяць. Въ такой же необходимости находились и остальные двѣ колонны. Подъ паркъ и подъ больныхъ, число которыхъ въ нѣкоторѣ возрастало со дня на день, выбраны были лучшіе въ отрядѣ верблюды; но и изъ этихъ—то лучшихъ многіе легли на первомъ же переходѣ.

Самъ Перовскій съ половины пути отправился впередъ въ Эмбенское укрѣпленіе, чтобы выбрать удобнѣйшее для лагеря мѣсто и сдѣлать разныя необходимыя распоряженія. Онъ думалъ собрать у Киргизовъ хотя нѣкоторое число верблюдовъ, чтобы тотчасъ же отправить на линію артиллерійскій паркъ.

Что касается до времени выступленія отряда съ Эмбы, то Перовскій ничего еще не зналъ самъ, потому что неизвѣстно было сколько изъ оставшихся верблюдовъ дойдетъ до Эмбы. Онъ не сомнѣвался только въ томъ, что даждѣ Эмбы не пойдетъ ни одинъ верблюдъ (*).

При обратномъ слѣдованіи нужно было употребить всѣ средства, чтобы достигнуть Эмбы до распутицы, которую, по обыкновенному порядку вещей, нужно было ожидать со дня на день. Поэтому отрядъ, несмотря на постоянную 25 градусную стужу, перемежавшуюся только пагубными для скота буранами, слѣдовалъ усиленными переходами безъ дневокъ. Верблюдовъ на пути поддерживали сухарями, мукой и овсомъ, безъ чего бы большая часть изъ нихъ вовсе не дошла бы до мѣста. Такимъ образомъ, истребивъ еще дорогою нѣкоторое количество разнаго рода продовольствія, употребивъ разборныя лодки, настялку отъ пантоновъ, всѣ запасныя веревки и кзиаты на топливо, покнинувъ разныя тяжести, колонны отряда къ 18 февраля стаянулись къ эмбенскому укрѣпленію, потерявъ въ послѣдніе десять дней еще 1780 верблюдовъ. Остальные уже такъ были изнурены, что войска, не будучи въ состояніи поднять всего продовольствія на верблюдахъ, пришли къ укрѣпленію съ навьюченными казачьими лошадьми.

На этотъ разъ отрядъ расположился на рѣкѣ Темирѣ верстахъ въ 30 или 40 отъ эмбенскаго укрѣпленія. Причинъ такого выбора пункта и предпочтенія передъ эмбенскимъ укрѣпленіемъ было много.

(*) Донесеніе Перовскаго, 7 февраля, № 13.

Близъ эмбенскаго укрѣпленія вовсе не было ни топлива, ни кормовъ для лошадей и верблюдовъ; между тѣмъ все это можно было найти на Темирѣ.

Тамъ же можно было удобнѣе и просторнѣе размѣстить больныхъ, потому что были кое-какія средства для постройки балагановъ.

Наконецъ окрестности укрѣпленія имѣли солонцеватую и глинистую почву съ вязкимъ грунтомъ, тогда какъ на Темирѣ грунтъ земли песчаный и послѣ таянія снѣговъ скоро пересыхаетъ (*).

Время, которое долженъ былъ отрядъ провести здѣсь зависѣло главнымъ образомъ отъ успѣха при сборѣ верблюдовъ, которыхъ было необходимо собрать не менѣе 3500 штукъ (**).

Исполнить же это, въ особенности въ короткій срокъ, было весьма трудно. Для этого нужно было посылать команды въ тѣ киргизскіе улусы, которые не участвовали въ первой поставкѣ и которые, пользуясь удаленіемъ своимъ отъ линіи, не покорялись русскому начальству. Доставить же отряду какія нибудь перевозочныя средства изъ Оренбурга было невозможно потому, что казаки и безъ того были чрезвычайно обременены, а ближайшія племена Киргизовъ уже участвовали въ первоначальной поставкѣ верблюдовъ.

Въ ожиданіи сбора верблюдовъ, Перовскій началъ очищать эмбенское укрѣпленіе, рассчитывая къ веснѣ оставить его вовсе, какъ потому, что весь лѣвый берегъ Эмбы представляетъ весною едва проходимую грязь, такъ и по причинѣ множества павшаго скота и другихъ нечистотъ, скопившихся въ самомъ укрѣпленіи отъ продолжительнаго пребыванія войскъ. Уже въ концѣ февраля большая часть продовольствія была вывезена изъ укрѣпленія, сложена на шестъ стоянки колоннъ и покрыта лубками и рогожками. Несмотря на непрерывную работу, едва только успѣвали расчищать снѣгъ безпрестанно заносившіи складки провіанта. Поэтому надо было опасаться, что съ наступленіемъ теплой погоды значительная часть запасовъ, особенно сухарей, окажется испорченною. Въ самомъ укрѣпленіи оставалась только часть продовольствія, артиллерійскій паркъ и больные, которые по случаю постоянно жестокихъ морозовъ и бурановъ не могли еще быть перевезены. Для нихъ впрочемъ уже были устроены при колоннахъ просторныя камышевыя балаганы, внутри одѣтые вой-

(*) Докладная записка военному министру подполковника Данилевскаго.

(**) Рапортъ Перовскаго, 20 февраля, № 18.

локомъ. Оставить всѣхъ больныхъ въ укрѣпленіи было бы неудобно: тогда легко могли развиться такъ называемыя госпитальныя болѣзни, что значительно усилило бы между войсками смертность.

По сдѣланному расчету по 20 февраля, оказывалось, что всѣхъ больныхъ обратилось въ отрядъ и въ укрѣпленіяхъ 3124 человѣка, умерло 608 и состояло больныхъ къ 20 февраля 565 человѣкъ (*). Въ отрядѣ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, приходилось больныхъ и умершихъ:

	Больныхъ.	Умершихъ.
Въ пѣхотѣ	1 на 2-хъ	1 изъ 14-ти
Въ дивизионѣ 1-го оренбургскаго полка.	1 на $\frac{2^3}{10}$ ч.	1 изъ 26
Между оренбургскими казаками	1 на $\frac{4^3}{10}$ "	1 изъ 34
Между уральскими казаками	1 на 27 "	1 изъ 200

Въ обѣихъ укрѣпленіяхъ число обратившихся больныхъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ далеко превышало число больныхъ въ отрядѣ; умершихъ же приходилось

Въ пѣхотѣ . . . . . 1 на $\frac{2^6}{10}$, т. е. изъ 5 здоровыхъ умерло 2.

Между оренбургскими

казаками . . . . . 1 на $\frac{6^8}{10}$, т. е. изъ 34 " " 5.

Если при этомъ взять во вниманіе то обстоятельство, что Уральцы, выставившіе уже прежде нѣсколько полковъ на виѣшнюю службу, вышли для настоящей экспедиціи безъ всякаго выбора, тогда какъ въ прочихъ войскахъ былъ сдѣланъ, по возможности, выборъ, и слабые были оставлены дома, то нельзя не удивляться крѣпости здоровья и сносливости уральскихъ казаковъ, нельзя не отдать имъ справедливости, что они въ предпріятіяхъ подобнаго рода незамѣнимы и неопцѣнны.

По приведеніи въ точную извѣстность всѣхъ запасовъ, покинутыхъ по недостатку въ верблюдахъ, на переходѣ отъ Акъ-Булака къ Эмбѣ оказалось, что сухарей и муки брошено 50 дневное на весь отрядъ продовольствіе; крупъ 83 дневное, овса—2-хъ недѣльное, соли на 105 дней и еще до 100 вьюковъ разныхъ другихъ тяжестей, не считая лодокъ, канатовъ и прочаго, бывшаго на подводахъ.

Чтобы сберечь по возможности фуражъ, Перовскій 22 февраля

(*) Рапортъ Перовскаго 29 февраля, № 22.

выслалъ на линію дивизионъ 1-го оренбургскаго полка, выбравъ для того до 350 верблюдовъ, которые, повидимому, обѣщали дойти до мѣста. Семь сотъ верблюдовъ было оставлено при колоннахъ для перевозки продовольствія, а остальные были угнаны на пастбу въ лучшія мѣста. Для сбора новыхъ верблюдовъ Перовскій послалъ 5 марта, внизъ по Эмбѣ, султана-правителя Айчувакова съ 3 сотнями уральскихъ казаковъ при одномъ горномъ единорогѣ.

Морозы между тѣмъ продолжались постоянно. 24 февраля было 26°, въ слѣдующіе за тѣмъ дни по 15, 16 и 18°. Вытѣренный термометръ за 101 день, со дня выступленія, показывалъ среднюю температуру—18°; февральскіе бураны свирѣпствовали съ жестокостью. Люди, хотя и не нуждались на темерешнемъ мѣстѣ стоянки такъ сильно въ топливѣ, но самое топливо было чрезвычайно сыро и потому плохо горѣло и дымилось. Какъ отъ этого, такъ и отъ чрезвычайнаго блеска снѣга въ ясные дни, стали появляться, несмотря на то, что всѣ люди были снабжены плетеными волосяными наглазниками, глазныя болѣзни.

Въ срединѣ марта эмбенское укрѣпленіе было совершенно очищено. Число больныхъ людей между тѣмъ постоянно увеличивалось. Въ это время ихъ считалось 801 человекъ; главная болѣзнь была цынга. 18 марта былъ первый день со времени выступленія въ походъ, что термометръ показывалъ въ тѣни выше нуля. Средняя же температура за первые 17 дней марта была 12°. Въ отрядѣ начались разныя приготовленія для дальнѣйшаго похода на линію.

1-го апрѣля самъ Перовскій отправился въ Оренбургъ, поручивъ начальствованіе отрядамъ генералъ-лейтенанту Толмачеву. Изъ 10,400 верблюдовъ, съ которыми отрядъ выступилъ въ походъ, теперь оставалось въ живыхъ только тысяча. Погода все время стояла дурная, и хотя снѣгъ въ это время уже сошелъ, но трава еще не показывалась. Число больныхъ увеличивалось и къ началу апрѣля дошло до 857; къ 8 числу больныхъ было уже 950 человекъ. Въ теченіе трехъ недѣль умерло 127 человекъ. Со дня выступленія отряда съ линіи до начала мая умерло 844 человека нижнихъ чиновъ; въ срединѣ мая число больныхъ возрасло до 1130 человекъ.

По возвращеніи Айчувакова, Перовскій послалъ его съ пятью сотнями уральскихъ казаковъ при двухъ горныхъ единорогахъ, подъ начальствомъ подполковника Бизякова, для наказанія Адаевцевъ, виновныхъ въ захваткѣ нашихъ рыбопромышленниковъ, въ сожженіи су-

довъ, зимовавшихъ у Прорвинскихъ острововъ, и главнымъ образомъ въ захватѣ корнета Антова.

Еще до начала экспедиціи корнетъ Антовъ былъ посланъ для сбора верблюдовъ у Киргизовъ, кочующихъ по берегу Каспійскаго моря отъ Гурьева до Прорвинскихъ острововъ. Во время слѣдованія своего къ дѣйствующему отряду, Антовъ былъ задержанъ Киргизами и доставленъ ими въ Хиву.

Подполковникъ Бизяновъ, преслѣдуя Киргизовъ, удалявшихся къ хивинскихъ предѣламъ, успѣлъ вторично побывать на Усть-Уртѣ. Поискъ Бизянова былъ совершенъ отъ р. Эмбы чрезъ р. Сагызъ, во время весеннихъ разливовъ, всего съ девятидневнымъ продовольствіемъ; казаки проходили при этомъ по 60 и 80 верстъ въ день; только одна усталость лошадей принудила ихъ вернуться назадъ.

Возвращаясь къ отряду, Бизяновъ внезапно напалъ на Адаевцевъ и уничтожилъ до 450 человекъ, безъ всякой съ нашей стороны потерн. 13 мая онъ былъ уже на уральской линіи въ калмыковской станицѣ.

Сборъ верблюдовъ, между тѣмъ, шелъ весьма медленно, потому что ближайшіе киргизскіе аулы откочевали далеко отъ мѣста стоянки отрядовъ. Причина ранней и дальней откочевки ихъ происходила, какъ отъ жестокости зимы и желанія вознаграждать грабежемъ падежъ своего скота, такъ и отъ присутствія въ степи хивинскихъ отрядовъ.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ съ наступленіемъ весны перешелъ Усть-Уртъ, дошелъ до Акъ-Балука и, не встрѣтивъ тамъ нашихъ войскъ, расположился въ видѣ наблюдательнаго поста. Откомандированіе въ это время уральскихъ казаковъ для сбора верблюдовъ, лишило возможности нанести Хивинцамъ пораженіе при Акъ-Булакѣ; остальную кавалерію нельзя было послать, потому что она была необходима для прикрытія скота.

Между тѣмъ изъ Хивы, гдѣ по суровости бывшей зимы и непроходимости снѣговъ не знали еще ничего вѣрнаго объ отступленіи нашего отряда, прибылъ въ Оренбургъ гонецъ съ письмомъ отъ хана на имя государя, отъ Мегтеря на имя Перовскаго и съ донесеніемъ корнета Антова. Бумаги эти, содержаніе которыхъ видимымъ образомъ клонилось только къ проволочкѣ времени, были препровождены Перовскимъ въ Петербургъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Перовскій же отвѣчалъ, что, получивъ повелѣніе идти на Хиву войною, онъ уже не можетъ отъ себя входить ни въ какіе переговоры.

Въ среднѣ мая мѣсяца отрядъ былъ окончательно снабженъ всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго пути и 18 мая выступилъ съ Темира въ двухъ колоннахъ. Къ 20 числу всѣхъ больныхъ состояло въ отрядѣ 16 оберъ-офицеровъ, въ томъ числѣ два врача, и 1195 человекъ нижнихъ чиновъ. Всѣ больные были размѣщены частью на конныхъ и воловьихъ повозкахъ, частью же въ койкахъ, привѣшанныхъ попарно на верблюдахъ. Съ открытiемъ весны цынготная болѣзнь стала уменьшаться, но за то начали свирѣпствовать горячки (*).

8 iюня отрядъ прибылъ наконецъ въ Оренбургъ, пробывъ отъ 8—13 мѣсяцевъ въ степи. Въ теченiе похода умерло всѣхъ чиновъ 1054 человека; по приходѣ же въ Оренбургъ больныхъ было сдано въ госпиталь 609 человекъ.

Такъ плачевно окончилось на этотъ разъ предпрiятiе, стоившее намъ огромныхъ издержекъ и пожертвованiй людьми. Впрочемъ, дѣло на этомъ не остановилось.

С. ЗЫКОВЪ.

(*) Разновременныя донесенiя Перовскаго.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦИИ.

I.

При Наполеонѣ I.

« Для управленія необходимы сапоги и шпоры, сказалъ генералъ Бонапарте принимая званіе перваго консула французской республики. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новаго правительства было слѣдующее циркулярное предписаніе:

« Консулы республики убѣдились въ томъ, что часть журналовъ, печатающихся въ департаментѣ Сены, составляютъ орудія враговъ республики. Вслѣдствіе этого, министерство полиціи во все время войны будетъ запрещать печатаніе и разсылку всѣхъ журналовъ, кромѣ *Moniteur universel*, *Journal des Débats*, *Journal de Paris*, *le Bien informé*, *le Publiciste*, *l'Ami des Lois*, *la Clef des cabinets*, *le Citoyen français*, *la Gazette de France*, *le Journal des hommes libres*, *le Journal du soir*, *le Journal des Defenseurs de la Patrie*, *la Décade philosophique*, и тѣхъ журналовъ, которые занимаются исключительно науками, искусствами и литературою. »

Издателямъ и редакторамъ велѣно было явиться въ полицію и тамъ съ нихъ взяли письменное обязательство не писать и не печатать ничего противъ конституціи. Имъ запретили точно также перепечатывать изъ иностранныхъ газетъ какія бы то ни было статьи, говорившія противъ верховнаго владычества французскаго народа, про-

тивъ славы французскаго оружія или противъ правительствъ и націй, находившихся въ дружескихъ отношеніяхъ или въ союзѣ съ республикою. За нарушение этихъ правилъ журналъ подвергался немедленному закрытію.

Когда первый консулъ Бонапарте превратился въ императора Наполеона, тогда изъ семи сенаторовъ была образована особая коммиссія, которой было поручено охранять свободу печати отъ стѣснительныхъ распоряженій администраціи. Во все время царствованія Наполеона эта коммиссія оставалась въ совершенномъ бездѣйствіи; самъ Наполеонъ не жаловалъ литераторовъ вообще и журналистовъ въ особенности, и коммиссія никогда не рѣшалась за нихъ заступаться. «Я добился власти, говорилъ самъ императоръ, потому что умѣю ея распорядиться, я художникъ въ дѣлѣ управленія... Чтобы управлять большимъ государствомъ, надо завести много судей, много чиновниковъ, много жандармовъ, много солдатъ... Сколько мнѣ пришлось выслушать объясненій и возраженій, когда я подчинилъ вѣдомству полиціи ежедневныя газеты. Чтобы убѣдить метафизиковъ, мнѣ самому пришлось пускаться въ метафизику; государственный человѣкъ долженъ говорить на всѣхъ языкахъ и принимать на себя всевозможныя роли. Поручая полиціи наблюдать за печатью, я хочу разсѣять опасныя ассоціаціи и зажать ротъ безпокойнымъ ораторамъ. Журналисты ничто иное, какъ говорунъ, а его подписчики составляютъ вокругъ него клубъ. То, что онъ печатаетъ, читается ими, а потомъ каждый изъ нихъ составляетъ вокругъ себя кружки и ораторствуетъ въ свою очередь».

При Наполеонѣ остались въ живыхъ только четыре политическія газеты: *Moniteur*, *Journal des Débats*, *Gazette de France*, и *Journal de Paris*.

Moniteur былъ органомъ самаго императора, который довольно часто помѣщалъ въ немъ свои собственные статьи.

Journal des Débats, принадлежавшій Бертену-де-Во, возбуждалъ недовѣріе правительства, не смотря на то, что одинъ изъ сотрудниковъ этой газеты, Жофруа, въ своихъ фельетонахъ постоянно льстилъ особѣ императора и его распоряженіямъ. Наполеонъ подозрѣвалъ издателя этой газеты въ сношеніяхъ съ Англіею и съ эмигрантами; носились даже слухи; будто Бертенъ получаетъ изъ Англіи денежныя субсидіи; по настоянію министра полиціи, Фуше, къ этому журналу приставили цензора, но выборъ палъ на одного изъ друзей редактора, Фіеве, который не удовлетворилъ требованій полицейскаго началь-

ства, не смотря на то, что ему предписано было читать съ особеннымъ вниманіемъ эту газету, пользовавшуюся значительнымъ сочувствіемъ публики; и имѣвшую, по словамъ правительственной инструкціи, въ десять разъ больше подписчиковъ, чѣмъ остальные періодическія изданія. Проходя черезъ руки цензора, политическая часть журнала приняла такую официальную фязіономію, которая опять—таки не повравилась императору; «болтовня журналовъ, замѣтилъ онъ, при многихъ неудобствахъ имѣеть также свои хорошія стороны». Было рѣшено отставить цензора, но вмѣстѣ съ сѣмъ смѣнить редактора, не смотря на то, что журналъ составлялъ его собственность. Журналъ, отнятый у Бертена, былъ отданъ тому самому Фіеве, который былъ цензоромъ этого журнала; вмѣстѣ съ тѣмъ было измѣнено названіе журнала, связывавшееся съ воспоминаніями о революціи; *Journal des Débats* преобразился въ *Journal de l'Empire*. Но и Фіеве показался неудовлетворительнымъ, и его смѣнилъ Этьенъ, человекъ, преданный интересамъ правительства, но, не смотря на то, неспособный служить ему слѣднымъ орудіемъ. Однажды Наполеонъ сгорая написалъ противъ Австріи статью, наполненную ругательствомъ и послалъ ее къ Этьену для напечатанія въ слѣдующемъ номерѣ. Этьенъ пришелъ въ недоумѣніе, читая рукопись, и отправился попросить совѣта у герцога Бассано.—Это воля императора, отвѣчалъ ему герцогъ; Этьенъ отдалъ статью въ типографію, но читая корректуру, еще разъ задумался надъ нею, и наконецъ рѣшился вовсе не печатать ея. На другой день императоръ беретъ журналъ, удивляется тому, что въ немъ нѣтъ его статьи и распекаетъ герцога Бассано, который въ свою очередь дѣлаетъ строгій выговоръ Этьену и приказываетъ ему непременно помѣстить статью въ завтрашнемъ номерѣ газеты. Но Этьенъ выдержалъ характеръ, и на этотъ разъ даже не послалъ статью въ типографію. Что же моя статья? спрашиваетъ Наполеонъ у герцога Бассано.—Ваше Величество, она не помѣщена.—Да кто же осмѣливается не исполнять моихъ приказаній?—Этьенъ утверждаетъ, что эта статья недостойна васъ, и отказывается ее печатать.—А! Онъ осмѣлился... впрочемъ, прибавилъ Наполеонъ, вдругъ успокоиваясь, онъ правъ.

Книги проходили черезъ руки цензоровъ, и, не смотря на то, часто конфисковались послѣ поступленія въ продажу. Г-жа Сталь пригнуждена была уѣхать изъ Франціи за свою книгу о Германіи. Изданіе книги было отобрано въ полицію и лавка издателя обыскана. Въ

*

исторических сочиненияхъ, описывавшихъ далекое прошлое, администрація искала намековъ и преслѣдовала за нихъ авторовъ и издателей. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, Шатобрианъ пишетъ: «благоденствіе Нерона непрочно, Тацитъ родился въ его имперіи, выросъ возлѣ праха Германика и правосудное Провидѣніе вручило неизвѣстному юношѣ славу владыки міра». Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ отношеніяхъ Серторія къ правительству Суллы, онъ высказываетъ слѣдующую мысль: «безъ сомнѣнія, во времена Серторія, робкія души, принимавшія свою низость за благоразуміе, находили безумнымъ то, что простой гражданинъ рѣшился вызвать на бой все могущество Суллы». Наполеонъ самъ замѣтилъ эти два мѣста и прогнѣвался на автора. Шатобрианъ, кажется, считаетъ меня идиотомъ; онъ думаетъ, я его не понимаю? Я велю его изрубить саблями на ступеняхъ моего дворца.

До этого дѣла не дошло, но журналъ *Mercure de France*, купленный Шатобрианомъ у де-Фонтана, былъ запрещенъ.

Одинъ литераторъ, Мерсанъ, безо всякаго особеннаго умысла напечаталъ сборникъ мыслей Бальзака, стариннаго писателя, жившаго въ XVII столѣтіи. Чиновникъ, имѣвшій спеціальную обязанность слѣдить за нѣкоторыми отраслями литературы и доносить объ упущеніяхъ предварительной цензуры, довелъ до свѣдѣнія императора, что нѣкоторыя фразы этого сборника направлены противъ его особы. Наполеонъ вспылилъ и тотчасъ же отдалъ приказаніе посадить де-Мерсана въ тюрьму. Приближенные государя задержали это приказаніе и умоляли разобрать дѣло, какъ слѣдуетъ.

— Это очень ясно, говорилъ разгнѣванный императоръ, меня называютъ бичемъ Бога, пагубнымъ челоѣкомъ,. Полюбуйтесь этими дерзостями. Завтра мы поговоримъ объ этомъ.

Изданіе де-Мерсана сличили съ книгами Бальзака и оказалось, что фразы, взволновавшія Наполеона, были цѣликомъ направлены противъ кардинала Ришелье, который однако въ свое время не принималъ ихъ на свой счетъ.

Читая подлинный текстъ Бальзака, Наполеонъ убѣдился въ своей ошибкѣ и разорвалъ свой приказъ.

— Что за идиоты, говорилъ онъ, разбирая преступную фразу по частямъ. Развѣ эти эпитеты, *карликъ*, *свнухъ*, могутъ относиться ко мнѣ? Эта официальная цензура рѣшительно ни на что не годится!

По мѣрѣ того, какъ политическія дѣла Наполеона запутывались, распоряженія его касательно печати становились строже. Въ 1810

году онъ учредилъ должность генеральнаго директора книжной торговли и предоставилъ ему неограниченную власть надъ изданиями, т. е. право запрещать книгу раньше ея напечатанія, и отбирать ее у книгопродавцевъ, если она уже дозволена и напечатана. Въ томъ же году онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ каждомъ департаментѣ (кроме Сены) издавался только одинъ журналъ, состоящій изъ казенныхъ и частныхъ объявленій и увѣдомленій и чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлялъ форматъ этихъ изданій и цѣну за строчку объявленій. Въ томъ же году онъ обратилъ въ казенную собственность два журнала: *Journal de l'Empire* и *Journal de Paris*. Каждый изъ этихъ журналовъ онъ раздѣлилъ на двадцать четыре пая; восемь паевъ были отданы въ распоряженіе полиціи, которая изъ этихъ денегъ производила литераторамъ пенсіи, по благоусмотрѣнію правительства; шестнадцать остальныхъ паевъ императоръ предполагалъ раздать въ видѣ награды надежнымъ людямъ, заявившимъ ему свою преданность:

Въ минуты раздумья и откровенности, Наполеонъ самъ тяготился этимъ натянутымъ положеніемъ дѣлъ. «Пресса, сказалъ онъ однажды въ государственномъ совѣтѣ, пресса, которую величаютъ свободною, находится въ полнѣйшемъ рабствѣ. Полиція самовластно утѣзываетъ и запрещаетъ книги и статьи; эти дѣла судить даже не самъ министръ, онъ принужденъ полагаться на мелкихъ чиновниковъ. Что за безпорядокъ, что за произволь!»

Паденіе Наполеона мгновенно отразилось въ тонѣ періодической литературы. Газеты 30-го марта 1814 года описываютъ современные событія въ духѣ империалитетовъ и наполнены изъявленіями глубочайшей преданности къ особѣ и правительству великаго императора.

31-го марта *Journal de l'Empire* не выходитъ въ свѣтъ, а съ перваго апрѣля всѣ періодическія изданія разражаются ругательствами и проклятіями противъ Наполеона, называютъ его тираномъ, узурпаторомъ, Робеспьеромъ на конѣ, призываютъ Бурбоновъ для спасенія Франціи и превозносятъ великодушіе союзныхъ государей. Въ маѣ того же года, братья Бертени и Ру-Лабори овладѣваютъ изданіемъ *Journal de l'Empire*, оставленнымъ разсѣявшимися империалистами, и снова переименовываютъ его въ *Journal des Débats*.

Третьяго апрѣля того же года сенатъ признаетъ императора лишенымъ престола и, перечисляя въ своей прокламаціи его противозаконные поступки, говоритъ между прочимъ, что «свобода печати, учрежденная и освященная, какъ одно изъ правъ французской націи,

постоянно стѣснялась самовластною цензурою полиціи, и что онъ (Наполеонъ) постоянно пользовался печатью, чтобы наподнять Европу и Францію искаженными извѣстіями, превратными идеями, доктринами, благопріятствовавшими деспотизму и ругательствами противъ иностранныхъ правительствъ».

Это говорить на всю Европу тотъ самый сенать, который повергалъ къ стопамъ императора послѣдняго человѣка и послѣдній зкю французской націи. Это говорить тотъ самый сенать, котораго коммиссія, назначенная для охраненія свободы печати, во все время царствованія Наполеона ни разу не заявляла о своемъ существованіи, ни разу не прерывала благоразумнаго молчанія.

Подавая проектъ конституціи, сенать говоритъ въ 23 статьѣ, что «свобода печати будетъ полная, за исключеніемъ законнаго преслѣдованія тѣхъ преступленій, къ которымъ можетъ повести злоупотребленіе этой свободы. Сенатскія коммиссіи, охраняющія свободу печати и личную свободу гражданъ, остаются въ прежней силѣ».

Въ то же время были приведены во всеобщую извѣстность слѣдующія два постановленія временно-учрежденнаго правительства:

- 1) Запрещается выставлять на улицу афиши и плакарды, безъ предварительнаго разсмотрѣнія префекта полиціи.
- 2) Запрещается продавать или раздавать на улицѣ памфлеты или листки, не разрѣшенные предварительно полицейскою префектурою.

II.

При Людовикѣ XVIII.

Хартія, на основаніи которой Людовикъ XVIII обѣщаль управлять своимъ государствомъ, говоритъ въ 8-мъ пунктѣ: «Французы имѣютъ право обнародовать и печатать свои мнѣнія, соображаясь съ тѣми законами, которые должны подавлять (*gérmer*) злоупотребленія этого права. Министръ внутреннихъ дѣлъ, аббатъ Монтескю, въ іюль 1814 года представилъ проектъ закона объ учрежденіи предварительной цензуры. Этотъ проектъ былъ составленъ по идеямъ Гизо и Ройе-Коллара; слово «подавлять» употребленное въ хартіи, въ этомъ про-

ектѣ признавалось равносильнымъ слову «предупреждать» (prévenir); палата депутатовъ разсмотрѣла предложеніе Монтескю; противъ него были произнесены горячія рѣчи; двѣ пятыхъ собранія объявили себя противъ него; въ палатѣ перовъ половина членовъ подали противъ него голоса, но, не смотря на все это, 21 октября 1814 года, состоялся законъ о печати, по которому всѣ сочиненія, заключавшія въ себѣ менѣе двадцати печатныхъ листовъ, должны были подчиняться предварительной ценсурѣ; кромѣ того, журналы и другія періодическія изданія могутъ выходить въ свѣтъ не иначе, какъ по особому разрѣшенію короля; типографщики и книгопродавцы должны брать отъ правительства разрѣшеніе и давать присягу, чтобы имѣть право заниматься своею профессіею. Этотъ законъ долженъ былъ имѣть только временное значеніе, до конца засѣданій 1816 года; послѣ этого срока дѣло печати подлежало новому разсмотрѣнію.

1-го марта, 1815 года, Наполеонъ высадился на французскій берегъ; 20-го марта онъ явился въ Парижъ и 25-го уничтожилъ цензуру и дирекцію книгопечатанія и книжной торговли; министръ полиціи, Фуше, пригласилъ къ себѣ журналистовъ, просилъ ихъ не возбуждать общественнаго мнѣнія противъ правительства и отъ имени императора объявилъ, что новая имперія не будетъ похожа на старую, и что въ ней будетъ мѣсто для свободы и для либеральныхъ учреждений. Не всѣ журналисты повѣрили этимъ увѣреніямъ; журналъ «*Sesveur Enjo, ben*» продолжалъ относиться скептически къ дѣйствіямъ и къ тенденціямъ императорскаго правительства; полиція попробовала остановить раздачу одной изъ книжекъ этого журнала, но публика такъ громко выразила свое негодованіе, что Фуше не рѣшился вести дальше свои энергическія мѣры.

Статья 64-я дополнительнаго акта конституціи имперіи говоритъ, что «каждый гражданинъ имѣетъ право печатать и доводить до свѣденія публики свои мысли, подписывая подъ ними свое имя, не подвергаясь никакой предварительной ценсурѣ и принимая на себя законную отвѣтственность, послѣ напечатанія, передъ судомъ присяжныхъ, даже въ томъ случаѣ, если проступокъ заслуживаетъ по закону только исправительнаго наказанія.

7-го іюня, въ засѣданіи государственнаго совѣта, самъ императоръ говорилъ объ отношеніяхъ между литературою и правительствомъ. Свобода печати, замѣтилъ онъ, составляетъ необходимую часть теперешней конституціи; ея нельзя стѣснить, не искажая всей нашей по-

литической системы; но намъ необходимы карательные законы, особенно при теперешнемъ настроеніи націи; я предоставляю вамъ обдумать этотъ важный предметъ.»

22-го іюня, императоръ отказался отъ престола и правительство Людовика XVIII принялось за прежнюю систему.

До 1819 года законодательство печати остается неопредѣленнымъ и возбуждаетъ самыя горячія пренія въ обѣихъ палатахъ; въ процессахъ, возникавшихъ вслѣдствіе литературныхъ преступленій, судьи не имѣли прочныхъ основаній, которыми они могли бы руководствоваться; ихъ рѣшенія зависѣли отъ личныхъ соображеній и отъ настроенія общественнаго мнѣнія въ данную минуту. Крайніе роялисты, смотрѣвшіе съ величайшимъ предубѣжденіемъ на свободу печати, какъ на несчастный остатокъ зловредной революціи, не допускали въ пользу обвиняемыхъ никакихъ гарантій. Они говорили, что можно перетолковывать фразы писателя и осуждать его на основаніи этого толкованія, хотя бы самъ онъ протестовалъ противъ смысла, придаваемого его словамъ; порицать дѣйствія министровъ значило, по ихъ мнѣнію, оскорблять особу короля; противъ обвиняемаго можно было, по ихъ мнѣнію, приводить въ дѣйствіе тѣ законы, которые уже замѣнены новыми или отмѣнены обычаемъ судебной практики; обвиненный, по ихъ мнѣнію, могъ усилить свою вину или совершить новое преступленіе, если, защищаясь передъ судомъ, онъ обнаруживалъ въ своей защитительной рѣчи либеральное направленіе идей; типографчикъ, исполнившій всѣ законныя формальности, могъ, по ихъ мнѣнію, оказаться виновнымъ, если напечатанное имъ сочиненіе вызвало преслѣдованія правительства.

Въ 1819 году цензура была уничтожена, и вмѣшательство общей полиціи въ литературныя преступленія устранено; положено, что наказанія за литературныя преступленія приводятся въ исполненіе не иначе, какъ по приговору суда присяжныхъ. Денежные штрафы, тюремныя заключенія, запрещенія журналовъ на время или навсегда становятся рѣже, потому что присяжные, какъ люди, не имѣющіе личнаго интереса въ сужденіи обвиняемыхъ, разсматриваютъ поручаемыя имъ дѣла безпристрастиѣ коронныхъ судей. Журналы становятся живѣе и дѣльнѣе; писатели начинаютъ обсуживать серьезно и спокойно вопросы и недостатки, потребности и болѣзни современнаго общества; крайніе роялисты, недовольные новыми законами и не имѣющіе возможности подавлять выраженіе ненавистныхъ имъ идей, вступили въ ожесточенную

полемику съ тѣми людьми, которыхъ они подозрѣвали въ либерализмъ. Они осмѣивали ихъ, осыпали ихъ ругательствами, обращали вниманіе правительства на опасное направленіе ихъ литературныхъ и политическихъ мнѣній, словомъ, воевали противъ нихъ всѣми силами своего существа и пускали въ ходъ самое разнообразное оружіе.

Журналь *Drapeau blanc* отличался особеннымъ жаромъ и крайнею неутомимостью на поприщѣ этой полемики. Этотъ либерализмъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ номеровъ, составляетъ, какъ извѣстно, религію людей, коротко знакомыхъ съ галерами. На дняхъ мы слышали, что одинъ изъ этихъ честныхъ гражданъ, убѣжавшихъ съ каторги послѣ ордованса 5-го сентября, запустилъ руку въ карманъ своего сосѣда; когда у него спросили причину этой ошибки, онъ отвѣчалъ, что всѣ носы равны, и что, слѣдовательно, всѣ люди должны сморкаться въ одинъ платокъ». Остроумныя нападенія «*Drapeau Blanc*» на либераловъ во всякомъ случаѣ казались имъ сносимѣ судебныхъ преслѣдованій, тюремныхъ заключеній и конфискацій; поэтому, они были довольны законами 1819 года и готовы были защищать ихъ словесно и печатно, въ палатѣ депутатовъ, и на столбцахъ періодическихъ изданій. Но законы эти продержались недолго.

13-го февраля 1820 года, герцогъ Беррійскій былъ зарѣзанъ при выходѣ изъ театра; крайніе роялисты обвинили либеральную партію въ этомъ преступленіи, которое тотчасъ же возбудило сильную реакцію; враги свободной журналистики заговорили громче, и настоятельнѣе прежняго потребовали, чтобы печать была подчинена значительнымъ ограниченіямъ; нашлись люди, которые пустили въ ходъ выразительную фразу, что герцога Беррійскаго зарѣзала либеральная идея. Наконецъ, 31 марта 1820 года былъ изданъ новый законъ слѣдующаго содержания: «Безпрепятственный выпускъ періодическихъ изданій на время останавливается; ни одинъ журналъ не можетъ выходить безъ предварительнаго разрѣшенія короля; до напечатанія, каждая рукопись должна быть разсмотрѣна и одобрена. Каждый листъ или каждая статья, не показанная цензору до напечатанія или напечатаніе безъ его разрѣшенія, подвергають виновниковъ исправительному наказанію. Въ этомъ случаѣ правительство предоставляетъ себѣ право останавливать выходъ журнала впредь до судебного рѣшенія. Вслучаѣ осужденія обвиненныхъ, задержаніе журнала можетъ быть продолжено въ теченіи шести мѣсяцевъ; въ случаѣ повторенія проступка, правительство можетъ запретить журналъ».

Приказъ 1-го апрѣля того же года дополняетъ эти узаконенія:

«Журналы должны объявить, что они будутъ соотноситься съ новыиъ закономъ».

При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждается коммиссія цензуры, состоящая изъ двѣнадцати членовъ. Каждая журнальная статья до напечатанія должна быть подписана цензоромъ. Чтобы рѣшать спорное дѣло, должны быть на лицо по крайней мѣрѣ пять ценсоровъ. Наблюденіе за дѣйствіями цензуры поручается совѣту, состоящему изъ девяти чиновниковъ. Этотъ совѣтъ опредѣляетъ запрещеніе журнала на время или навсегда».

Было предположено сначала, чтобы совѣтъ, наблюдающій за дѣйствіями цензуры, былъ составленъ изъ трехъ перовъ, трехъ депутатовъ и трехъ коронныхъ чиновниковъ, но это предположеніе оказалось неосуществимымъ, потому что члены обѣихъ палатъ рѣшительно не согласились принять эту должность.

Въ обѣихъ палатахъ послышались со всѣхъ сторонъ сильныя, рѣзкія, и справедливыя нападенія противъ новыхъ постановленій, противъ обязанности ценсора и противъ личности тѣхъ людей, которые согласились принять эту должность.

Тогдашняя молодежь также заявила свое неудовольствіе. — —

Роялисты съ своей стороны защищали цензуру и ея распоряженія.

«Жалобы на цензуру несправедливы, говорилъ государственный канцлеръ де Серръ въ палатѣ перовъ; слѣдуя своимъ инструкціямъ, она устраняетъ изъ журналовъ все то, что можетъ нарушить общественное спокойствіе. Выполнить такую задачу, не возбуждая неудовольствія въ отдѣльныхъ партіяхъ или личностяхъ, невозможно; цензуру могутъ обвинять съ одной стороны за то, что она позволяетъ высказывать, а съ другой за то, что она запрещаетъ говорить».

«Конечно, прибавилъ съ своей стороны министръ Паскье, цензура будетъ пристрастна къ монархическимъ доктринамъ».

Въ 1822 году въ палатѣ депутатовъ завязалась самая упорная борьба. Дѣло шло о законахъ печати. Приверженцы законовъ 1819 года изобразили положеніе дѣлъ въ настоящемъ, объяснили его неудобства и потребовали многочисленныхъ измѣненій.

Божжамень Констанъ, ревностный защитникъ свободы печати, одиннадцать разъ въ одно засѣданіе взошелъ на трибуну, опровергая возраженія своихъ оппонентовъ и подробно развивая свои идеи. Ми-

нистерство съ своей стороны также требовало измѣненій въ существующемъ порядкѣ вещей; оно хотѣло уничтожить судъ присяжныхъ въ процессахъ по литературнымъ преступленіямъ. «Законы 1819 года, говорили защитники этого мнѣнія, предоставляютъ виновнымъ непоправимую безнаказанность. Наказанія за проступки журналовъ слишкомъ недостаточны. Журналистъ, осужденный на тюремное заключеніе, сажаетъ за себя въ тюрьму подставное лицо, точно также, какъ бы онъ поставилъ за себя наемщика, чтобы не идти въ армію. Осужденіе журналиста увеличиваетъ число подписчиковъ на журналъ. Судья не долженъ поддаваться состраданію. Ядъ, послужившій злодѣю для совершения преступленія, долженъ быть истребленъ. Журналъ—желтая лихорадка. Если запрещеніе журнала разоряетъ цѣлыя семейства, то въ этомъ должно видѣть законное наказаніе за то, что они употребили свои капиталы на дурное дѣло.

Все эти идеи съ варіаціями и распространеніями составляли тему для министерскихъ рѣчей, и вызывали болѣе или менѣе энергичскія возраженія. Однажды, въ палатѣ депутатовъ серьезное и ожесточенное преніе объ этомъ важномъ предметѣ подало поводъ къ невинной шуткѣ. Министръ финансовъ, Виллель, высказалъ свое мнѣніе, склонившееся къ стѣсненію печати; депутатъ Станиславъ Жирарденъ послѣ него взомель на трибуну, и, запинаясь и путаясь, прочелъ возраженія противъ этого мнѣнія; правая сторона собранія, т. е. министерская партія постоянно прерывала его насмѣшливымъ ропотомъ; высказавъ свои замѣчанія, онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Осмѣливаюсь думать, что доводы мои кажутся вамъ неопровержимыми (ропотъ на правой сторонѣ усиливается), скажу даже, что я выражался краснорѣчиво (ропотъ переходитъ въ ироническій смѣхъ); но справедливость требуетъ, чтобы я воздалъ Кесарево Кесареви, и потому я объявляю, что, если мои слова удостоивались вашего сочувствія, то вся честь принадлежитъ не мнѣ, а г. Виллелю (взрывъ хохота на лѣво; Виллель просить слова). Это мнѣніе было цѣлкомъ высказано г. Виллелемъ въ 1817 году, по поводу проекта, подобнаго тому, который теперь предложенъ на разсмотрѣніе». (Хохотъ на лѣвой сторонѣ усиливается; правая сторона изумлена и молчитъ). Виллель, блѣдный отъ гнѣва, бросается къ трибунѣ и начинаетъ свою рѣчь словами: «*giga bien, qui giga le dernier*»; но этотъ смѣлый приступъ не вяжется съ продолженіемъ; онъ путается, возражаетъ и оправдывается слабо и наконецъ возвращается на свое мѣсто, уличенный въ безысходномъ противорѣчій съ самимъ собою.

Результатъ всѣхъ этихъ преній былъ въ высшей степени невыгоденъ для свободы печати: судъ присяжныхъ былъ уничтоженъ въ процессахъ о литературныхъ преступленіяхъ.

Кромѣ того, законы 1822 года создали новый родъ литературныхъ преступленій; они постановили, что, если статья журнала, пропущенная по одиначкѣ ценсурю, въ общей связи своей обнаруживаетъ непопозвлятельный образъ мыслей, то судъ въ торжественномъ засѣданіи опредѣляетъ за первую вину закрытіе журнала на одинъ мѣсяць, за вторую—на три мѣсяца, за третью—окончательное запрещеніе.

Когда новые законы получили свою силу, то процессы и осужденія градомъ посыпались на тѣ журналы, къ которымъ не благоволяло правительство. Перечислять отдѣльные случаи не стоить, они всѣ похожи другъ на друга, всѣ начинаются или съ придирки къ отдѣльному выраженію, или съ обвиненія въ незаконномъ направленіи; затѣмъ идетъ процессъ, въ которомъ судьи почти всегда сочувствуютъ обвинителю; потомъ провозносится приговоръ, взыскивается опредѣленный штрафъ или происходитъ арестованіе виновнаго и запрещеніе журнала на нѣкоторое время или навсегда.

Впрочемъ, даже коронные судьи не всегда умѣли угодить требованіямъ правительства. Когда журналъ *Courrier Français* былъ обвиненъ въ зловредныхъ тенденціяхъ, проявляющихся въ общемъ подборѣ и въ группировкѣ статей, тогда голоса судей раздѣлились пополамъ и, слѣдовательно, дѣло оставалось нерѣшеннымъ и журналъ былъ избавленъ отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій.

Министры увидѣли, что дѣйствія правительства возбуждаютъ неудовольствіе въ обществѣ, что постоянные процессы только озлобляютъ литераторовъ и что борьба между администраціею и оппозиціонною прессою продолжается, подъ различными формами, съ постоянно возрастающимъ ожесточеніемъ. Они попробовали пустить въ ходъ новое средство—подкупъ; имъ дѣйствительно удалось купить девять журналовъ и обратить ихъ въ панегиристовъ правительства. Изъ секретныхъ фондовъ было истрачено на эту операцію до 2,000,000 франковъ.

Во время дебатовъ, клонившихся къ рѣшенію вопросовъ о печати, цензура потеряла свое вліяніе и дѣйствія ея были приостановлены впередъ до исхода парламентскихъ совѣщаній. 15 августа 1824 цензуру возстановили въ прежнемъ ея значеніи и журналамъ было отдано

приказаніе подчиниться новымъ правиламъ черезъ 12 часовъ послѣ напечатанія ихъ въ Монитерѣ. Чиновники, назначенные въ цензора, пожелали, чтобы имена ихъ оставались неизвѣстными публикѣ. Раздраженіе публики противъ этихъ чиновниковъ было очень сильно и Банжаменъ Констанъ говоритъ, что во Франціи въ то время не нашлось бы ни одного человѣка, который рѣшился бы выйти на улицу, признавъ себя ценсоромъ.

III.

ПРИ КАРЛѢ X.

Людовикъ XVIII умеръ 16 сентября 1824 года, а 29 сентября того же года преемникъ его, Карлъ X, отменилъ указъ отъ 15-го августа и такимъ образомъ уничтожилъ цензуру. При дворѣ усилилась партія шеттистовъ и иезуитовъ, пользовавшихся личнымъ сочувствіемъ короля; эта партія начала преслѣдовать либеральную прессу, которая съ своей стороны пошла войною противъ клерикаловъ.

Въ концѣ 1825 года *Constitutionnel* и *Courrier Français* были призваны къ суду; въ первомъ нашлось 34, во второмъ—25 статей, клонившихся, по мнѣнію генеральнаго прокурора Беллара, къ тому, чтобы уронить духовенство въ глазахъ общества. Являясь обвинителемъ, генеральный прокуроръ потребовалъ, чтобы эти журналы были закрыты на нѣсколько мѣсяцевъ, но судьи оправдали подсудимыхъ и ограничились тѣмъ, что посоветовали редакторамъ быть осторожнѣе на будущее время. Либеральные журналы съ восторгомъ извѣстили своихъ подписчиковъ о благополучномъ исходѣ этого процесса, но за то клерикальные журналы громко выразили свое неудовольствіе.

Въ теченіи 1826 года число процессовъ по дѣламъ печати увеличилось; сорокъ три различныхъ изданія подверглись преслѣдованію; возникло сто шестьдесятъ девять процессовъ; въ нихъ было замѣшено сто восемьдесятъ четыре человѣка; изъ нихъ пятьдесятъ три человѣка заплатили штрафы; сорокъ шесть человѣкъ кромѣ того посажены въ тюрьму и восемьдесятъ пять признаны невинными.

Въ 1827 году, 24 іюня, правительство возстановило предварительную цензуру и учредило комиссію наблюденія за цензурою, подъ предѣлательствомъ извѣстнаго писателя Бопальда. Эта цензура довела строгость свою до послѣднихъ предѣловъ; такъ какъ цензура была обязательна только для періодическихъ изданій, то люди преданные интересамъ литературы, составили общество съ цѣлью печатать отдѣльными брошюрами статьи, запрещенныя цензурою въ журналахъ; въ этихъ же брошюрахъ обнародовались ценсурныя распоряженія. Нѣкоторыя ежедневныя газеты, ненавистныя министерству Виллеля, часто по распоряженіямъ цензуры бывали поставлены въ безвыходное положеніе; случалось такъ, что корректура цѣлаго номера, посланная утромъ въ цензуру, возвращалась въ одиннадцать часовъ вечера; главная статья оказывалась запрещенною; выпустить номеръ съ пробѣломъ не позволялось; тогда отправляли въ цензуру другую статью, взамѣвъ запрещенной; но эту статью никто не прочитывалъ, потому что цензоръ уже спалъ. Что же оставалось дѣлать редактору? Выпустить номеръ безъ главной статьи значило лишить его всякаго интереса; оставить пробѣлъ, значило возстановить противъ себя всѣхъ цензоровъ до такой степени, что они могли отказаться читать и подписывать корректурные листы; напечатать статью непросмотрѣнную цензоромъ было невозможно, потому что это вело за собою запрещеніе журнала; дѣло часто кончалось тѣмъ, что номеръ газеты не могъ выдти въ срокъ; это раздражало подписчиковъ и вредило интересамъ редакціи, потому что запоздалый номеръ не находилъ себѣ покупателей.

Чтобы сколько нибудь помириться съ общественнымъ мнѣніемъ, правительство опять уничтожило предварительную цензуру 5 ноября 1827 года; въ то же время палата депутатовъ была распущена и либеральная партія рѣшительно восторжествовала на новыхъ выборахъ; попытки министерства подчинить выборы своему вліянію рѣшительно не удалось и повели къ серьезнымъ схваткамъ между народомъ и жандармами; кое-гдѣ появились баррикады и наконецъ, 4 января 1828 года, министерство Виллеля пало. Съ нимъ вместе пала цензура, которую Виллель снова хотѣлъ утвердить надъ періодическими изданіями. Клерикалы и ультра-роялисты составили оппозицію противъ новаго министерства, во главѣ котораго стоялъ Мартиньякъ, оиравшійся на либеральную партію. Но Мартиньякъ продержался всего полтора года; его смѣнилъ князь Поляньякъ, и съ августа 1829 года между либе-

ральною журналистикою и министерствомъ завязалась ожесточенная борьба.

Полицьякъ истощилъ всевозможныя средства, чтобы заставить замолчать ненавистную журналистику; процессы и строгія наказанія сыпались на писателей и редакторовъ за малѣйшую попытку отнестись критически къ дѣйствіямъ министерства, за фразы, написанныя безъ умысла и перетолкованныя обвинителями. Наконецъ, 26 іюля 1830 года, приказъ короля еще разъ возстановилъ цензуру и вѣдѣнилъ въ обязанность журналистамъ, какъ редакторамъ, такъ и писателямъ, испрашивать черезъ каждые три мѣсяца разрѣшеніе у правительства для изданія журнала и для писанія статей. Вслучаѣ неудовольствія со стороны правительства, журналъ не получаетъ разрѣшенія и писатели теряютъ право писать. Нарушители этого правила подвергаются наказаніямъ; журналы конфискуются, типографіи запечатываются, станки и шрифтъ уносятся въ полицію или ломаются и приводятся въ негодность.

Содержатели типографій заперли свои мастерскія, наборщики и печатники очутились на улицѣ, безъ работы; коронные судьи объявили приказъ 26 іюля незаконнымъ и противнымъ конституціи; президентъ Беллеймъ приказалъ продолжать печатаніе *Journal de Commerce* вопреки новымъ правиламъ; сорокъ пять извѣстныхъ писателей, сотрудники одиннадцати журналовъ составили протестъ, и за своими подписями напечатали его въ *National* и въ *Temps*; полиція ворвалась въ типографіи этихъ журналовъ, выломала двери, разбила станки, взорвала бумага; работники пошли на драку; первая капля крови, пролитая полицейскими солдатами, привела въ неистовство собравшуюся толпу; свалка передъ дверьми типографіи перешла въ бунтъ; изъ бунта вышла революція и черезъ три дня послѣ этого незначительнаго событія старшая линія Бурбоновъ лпшилась престола.

Изъ всего этого запутаннаго перечня суухъ и однообразныхъ фактовъ, которые я старался рассказать какъ можно короче, можно вывести очень простое заключеніе: правительство постоянно обращалось къ предварительной ценсурѣ, какъ къ средству, имѣющему несомнѣнное свойство сдерживать строптивую часть литературы. Общественное мнѣніе постоянно къ этому послѣднему средству относилось съ неприязнью. Никакія судебныя преслѣдованія, никакіе процессы и наказанія не вызвали такого негодованія, какое обнаружилось при введеніи ценсуры и часто тяжелымъ бременемъ па-

дало на личности самихъ цензоровъ. Правительство постоянно таило на сторону предварительной цензуры, толковало въ такомъ смыслѣ букву хартіи и въ теченіи шестнадцати лѣтъ (1814 — 1830) семь разъ возстановляло и подновляло это учрежденіе. Общество постоянно предпочитало карательную систему и съ возрастающимъ раздраженіемъ подчинялось попыткамъ правительства.

Разладъ между правительствомъ и обществомъ поддерживался тѣмъ, что общество не имѣло возможности откровенно заявить свои желанія и обсудить свои потребности; разладъ этотъ повелъ къ печальному столкновенію и наконецъ разрѣшился кровопролитнымъ переворотомъ 1830 года.

Надѣюсь въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ дать нѣсколько очерковъ изъ исторіи печати послѣ 1830 года, т. е. при Людовикѣ-Филиппѣ, во время республики, и при Наполеонѣ III-мъ.

И. РАГОДИНЪ.

ПРЯЮЧЕНІЯ ФІЛІППА.,

ВЪ ЕГО СТРАНСТВОВАНІЯХЪ ПО СВѢТУ.

РОМАНЪ ТЭККЕРЯ.

ГЛАВА VI.

БРАНДОНЪ.

Торгофская улица теперь довольно жалкое мѣсто, но домъ съ большимъ окномъ въ первомъ этажѣ, окномъ, нарочно увеличеннымъ для мастерской художника, домъ, на дверяхъ котораго видѣется имя: Брандонъ, имѣетъ видъ приличный, не хуже любого дома въ этомъ кварталѣ. Мѣдная дощечка на дверяхъ всегда сіяетъ, какъ выполированное золото. Когда приближается время къ Пасхѣ, много прекрасныхъ экипажей останавливается у дверей этого дома, и опрятная служанка или высокій итальянецъ съ глянцевитой черной бородой и золотыми серьгами въ ушахъ ведутъ знатныхъ гостей въ гостиную бель-этажа, гдѣ живетъ мистеръ Ридли, живописецъ, и гдѣ его картины выставляются частнымъ образомъ, прежде чѣмъ будутъ отданы въ академію.

Когда экипажи останавливаются, вы часто увидите краснолицаго мужчину въ парикѣ оливковаго цвѣта, кротко улыбающагося въ окнѣ гостинной нижняго этажа. Это капитанъ Ганнъ, отецъ дамы, нанимающей этотъ домъ. Я не знаю, какъ онъ получилъ чинъ капитана, но онъ носилъ его такъ долго и такъ молодцовато, что нѣтъ уже ника-

кой надобности разсматривать его права на этотъ чинъ. Онъ не предъ-
являетъ на него правъ, но и не отвергаетъ ихъ. Шутники, бывающіе
у мистриссъ Брандонъ, умѣютъ всегда, какъ говорится, подстрекнуть
ея отца, заведя рѣчь о Пруссіи, Франціи, Ватерлоо, или о сраженіяхъ
вообще, пока Сестрица не скажетъ:

— Довольно о Ватерлоо, папѣ, вы уже рассказали о Ватерлоо. Пе-
рестаньте мистеръ Бинсъ, *пожалуйста*, перестаньте.

Молодой Бинсъ уже выпыталъ, какъ капитанъ Ганнъ (съ помощью
Шо лейбъ-гвардейца) убилъ двадцать четыре французскихъ кирасира
при Ватерлоо. Какъ капитанъ, Ганнъ защищалъ Гуумонтъ. Какъ
капитанъ Ганнъ, которому Наполеонъ Бонапартъ предлагалъ поло-
жить оружіе, закричалъ: «капитанъ милиціи умираетъ, но не сдается»!
Какъ герцогъ Веллингтонъ, указывая на приближающуюся старую
гвардію, закричалъ: «пу, Ганнъ, бросайся на нихъ!» Эти описанія
были такъ смѣшны, что даже Сестрица, родная дочь капитана Ганна,
не могла удержаться отъ смѣха, слушая ихъ. Сестрица любила по-
смѣяться, это такъ; она смѣялась надъ смѣшными книгами, смѣялась
сама про себя, въ своемъ тихомъ уголку, за работой; смѣялась надъ
картинами; а когда было нужно и смѣялась, и сочувствовала тоже. Рид-
ли говорилъ, что онъ мало зналъ людей, которые умѣли бы такъ вѣр-
но судить о картинахъ, какъ мистриссъ Брандонъ. У ней былъ крот-
кій характеръ, веселое чувство юмора, отъ котораго на щекахъ ея
появлялись ямочки, а глаза блестѣли, и доброе сердце, которое было
глубоко опечалено и уязвлено, но все-таки осталось мягко и кротко.
Счастливы тѣ, чьи сердца, искушаемыя страданіемъ, все-таки вы-
здоровливаютъ. Нѣкоторые страдаютъ болѣзнями, отъ которыхъ выздо-
ровѣть нельзя, и больные, изувѣченные влечать свою жизнь кое-какъ.

Но Сестрица, подвергнувшись въ молодости страшному горю, была
спасена милосерднымъ Провидѣніемъ, и теперь выздоровѣла даже до
того, что признается, будто она счастлива и благодаритъ небо, что
можетъ быть признательна Богу и полезна людямъ. Когда умеръ бѣд-
ный Монфишъ, она ухаживала за нимъ въ болѣзни съ такою же нѣж-
ностью, какъ и его добрая жена. Въ то время, когда она сама была
огорчена и несчастна, отецъ ея, бывшій подъ властью у своей жены,
жестокой и безтолковой женщины, выгналъ Каролину изъ дома, когда
она воротилась къ нему съ разбитымъ сердцемъ, жертвою обольщенія
негодяя, а когда старый капитанъ самъ попалъ въ нужду, самъ очутился
бездоменъ,—она отыскала его, приютила, кормила и поила. И съ это-
го дня раны ея начали излѣчиваться, и изъ признательности къ этому
неизмѣрному благополучію, доставшемуся ей, она сама сдѣлалась
опять счастлива и весела. У нихъ была старая служанка, которая не

могла оставаться въ домѣ, потому что она была такъ ужасно непочтительна къ капитану,—и эта женщина говорила, что она никогда не знала миссъ Каролину такой веселой, такой счастливой, такой хорошенькой, какою она была теперь.

Итакъ капитанъ Ганнъ сталъ жить съ своею дочерью и покровительствовалъ ей съ большимъ достоинствомъ. Онъ имѣлъ нѣсколько фунтовъ сжегоднаго дохода, которые шли на его издержки въ клубѣ и его одежду. Миѣ не нужно говорить, что клубъ его былъ таверна подъ вывѣскою «Голова адмирала Бинга» (*) въ Тотенгэмской улицѣ, и тамъ капитанъ часто встрѣчалъ пріятное маленькое общество и постоянно хвастался своимъ прежнимъ богатствомъ.

Я слышалъ, что замокъ въ Кентѣ, которымъ онъ хвалился, былъ жалкій домишка въ Маргэтѣ, куда онъ пускалъ жильцовъ и откуда мебель была продана за долги; но были люди, воображавшіе, что капитанъ и въ любовъ палаццо не былъ бы лишнимъ. Дочь его также думала много хорошаго о своемъ отцѣ, особенно считала его человѣкомъ съ замѣчательно-изящнымъ обращеніемъ. Но она видѣла двухъ-трехъ джентльменовъ послѣ своего бѣднаго старика отца—джентльменовъ въ толстыхъ сертукахъ и съ добрымъ сердцемъ, какъ докторъ Гуденовъ; джентльменовъ въ тонкихъ скртукахъ и съ тонкими манерами, какъ докторъ Ферминъ, а съ сердцемъ—не будемъ говорить объ этомъ,—джентльменовъ съ неправильнымъ произношеніемъ буквы h, какъ добрый, милый, вѣрный, благодѣтель, спасшій ее отъ отчаянія;—геніальныхъ людей, какъ Ридли, чистосердечныхъ, великодушныхъ, честныхъ джентльменовъ; какъ Филиппъ;—и эта обманчивая мечта о папѣ, я полагаю, исчезла вмѣстѣ съ другими фантазіями ея бѣдной дѣвической юности. Дѣло въ томъ, что она сговорила тайкомъ съ содержательницей таверны: «Голова адмирала Бинга», какое именно количество грога должна она отпускать капитану, а рассказы его были слишкомъ хорошо извѣстны бѣдной Каролинѣ, для того, чтобы она могла вѣрить имъ.

Я не хочу, чтобы думали, будто я обвиняю капитана въ постоянной невоздержности. Это былъ офицеръ щедрый, и когда былъ при деньгахъ, любилъ угощать компанію въ клубѣ, рассказывая о своихъ былыхъ, блестящихъ дняхъ.

Пасторъ сосѣдней церкви былъ хорошимъ другомъ Сестрицы, пивалъ чай у ней въ гостиной; объ этомъ обстоятельстве капитанъ часто упоминалъ, указывая даже на то кресло, на которомъ сидѣлъ святой отецъ. Мистеръ Ганнъ аккуратно бывалъ въ церкви по воскресеньямъ, подтягивая своимъ богатымъ, но нѣсколько уже дребезжающимъ басомъ,

(*) Этотъ адмиралъ былъ разстрѣлянъ по приговору военнаго суда въ прошломъ столѣтіи. *Прим. перес.*

антифонамъ и гимнамъ. Стиль его пѣнія былъ гораздо цвѣтисѣе того, какой теперь употребляется между церковными пѣвчими, и научился онъ ему въ былыя времена, воспѣвая вакханальныя пѣсенки, восхищавшія современниковъ нашихъ Инкльдоновъ и Брэгетовъ (*). Капитанъ не заставлялъ просить себя долго, чтобы пропѣть въ клубѣ; и я долженъ признаться, что Филь Фэрминъ умѣлъ вытянуть отъ капитана пѣсенку бывалыхъ дней; но всегда въ отсутствіи его дочери, маленькое личико которой принимало такое выраженіе ужаса и тревоги, когда отецъ ея пѣлъ, что онъ пересталъ высказывать свои музыкальныя дарованія при ней. Онъ повѣсилъ свою лиру и, надо признаться, что время оборвало много изъ ея нѣкогда звучныхъ струвъ.

Съ двумя, тремя эскизами, подаренными ей ея жильцами, съ нѣсколькими рѣдкими бездѣлушками, изъ сосѣдней Уардарской улицы (**), подаренными ей другими ея друзьями, съ мебелью гладко выполированной, маленькая гостинная Сестрицы была превеселенькимъ мѣстечкомъ и принимала не мало гостей. Она позволяла папѣ курить трубку.

— Это—препровожденіе времени для него, говорила она. Человѣкъ не можетъ дѣлать вреда, когда курить трубку.

Филю она позволяла курить сигары. Филю позволялось все, говорили другіе посѣтители, увѣряя, будто они ревнуютъ ее къ Филиппу Фэрмину. Книгъ у Сестрицы было немного.

— Когда я была дѣвочкой, я все читала романы, говорила она—но это такой вздоръ. Вотъ мистеръ Пенденнисъ приходитъ навѣщать мистера Ридли. Я удивляюсь; какъ женатый человѣкъ можетъ писать о любви и тому подобныхъ пустякахъ.

И дѣйствительно пожилымъ пальцамъ нелѣпо бряцать лукомъ и стрѣлами купидона. Вчера прошло—да, но мы помнимъ о немъ очень хорошо; и мы тѣмъ болѣе думаемъ о немъ сегодня, что, какъ намъ извѣстно, завтра немного намъ принесеть.

Въ гостинную мистриссъ Брандонъ входилъ иногда по вечерамъ старый отецъ мистера Ридли и раздѣлялъ скромный ужинъ мистриссъ Брандонъ и капитана. Простой и домашній ужинъ почти вывелся теперь изъ употребленія, но въ былое время онъ собиралъ много семействъ вокругъ своихъ гостепріимныхъ яствъ. Маленькій скромный подносъ съужиномъ, маленькая, тихая болтовня, маленькая рюмка, развеселявшая, но никогда не нагонявшая опьяненіе. Я вижу дружескія лица, улыбающіяся вокругъ стола, въ періодъ не очень давно минувшій, но какой отдаленный! Желалъ бы я знать, есть ли теперь еще старики и старушки

(*) Знаменитые англійскіе пѣвцы прошедшаго столѣтія. *Прим. перев.*

(**) Гдѣ много лавокъ съ древностями, рѣдкостями, картинами. *Прим. перев.*

въ старыхъ кварталахъ старыхъ провинціальныхъ городовъ, прїѣзжавшіе другъ къ другу въ портсезахъ, въ шесть часовъ, и игравшіе въ кадрили до ужина. По вечерамъ Ридли и капитанъ торжественно играли въ *криббеджъ*, а сестрица приготавлила какой нибудь вкусный напитокъ для обонхъ стариковъ. Она любила, когда приходилъ мистеръ Ридли, потому что онъ всегда такъ почтительно обращался съ ея отцомъ, и велъ себя, какъ настоящій джентльмэнъ. А мистриссъ Ридли супруга мистера Ридли, не была ли признательна Сестрицѣ за то, что она ухаживала за ея сыномъ во время его болѣзни? По своимъ связямъ, они умѣли доставить мистриссъ Брандонъ много драгоценныхъ друзей; и мнѣ всегда было прїятно провести вечеръ съ капитаномъ: мы были такъ вѣжливы къ нему, какъ будто онъ находился на самой вершинѣ благоденствія и богатства. Мое собственное мнѣніе о старомъ капитанѣ было таково, что онъ былъ самый ничтожный старый капитанъ, и раззорился, очень кстати, потому что послѣ того жилъ въ большомъ уваженіи и почетѣ, и всегда съ достаточнымъ количествомъ виски.

Уваженіе стараго мистера Ридли къ ея отцу, чрезвычайно утѣшало Сестрицу. Ридли любилъ, чтобы ему читали газету. Онъ не очень былъ силенъ въ печатномъ, и до конца его жизни много словъ, встречающихся въ газетахъ и журналахъ, очень затрудняли добраго буфетчика. Сестрица писала ему счета для его жильцовъ. (Мистеръ Ридли, также какъ и дочь капитана, старались увеличить свой небольшой доходъ, отдавая въ наймы квартиры) или самъ капитанъ бралъ на себя эти документы; онъ писалъ красивымъ купеческимъ почеркомъ, теперь уже нѣсколько дрожавшимъ, но все-таки съ великолѣпными прописными буквами. Когда сынъ Ридли былъ мальчикомъ, онъ приготавливалъ эти счета, которые ни отецъ его, ни мать не умѣли написать.

— Насъ въ молодости не многому учили, мистеръ Ганнъ, замѣчалъ Ридли своему другу: людей *моею* званія не учили книжной премудрости. Она, разумѣется, была необходима и прилична для васъ джентльменовъ, сэръ.

— Разумѣется, мистеръ Ридли, отвѣчаетъ другой ветеранъ, чванно кура трубку.

— Но я не могу теперь просить моего сына Джона Джэмса вести счета отца, какъ онъ дѣлывалъ это прежде, а со стороны вашей и мистриссъ Брандонъ, это доказываетъ истинную дружбу; а цѣню это, сэръ, и мой сынъ Джонъ Джэмсъ цѣнитъ это, сэръ.

Мистеръ Ридли находился въ услуженіи джентльменовъ *de la bonne école*. Ни одинъ вельможа не могъ быть вѣжливѣе и важнѣе его. Въ обращеніи мистера Ганна было болѣе юмористической шутовности, ко-

торая, однако, нисколько не уменьшала аристократических манеръ капитана. По мѣрѣ того, какъ короткость его съ мистеромъ Ридли увеличивалась, онъ дѣлался величавѣе и важнѣе. Миѣ кажется, оба эти добрые старички имѣли одинъ на другаго полезное вліяніе; и я надѣюсь, что миѣніе Ридли было справедливо, и что мистеръ Ганнъ всегда занималъ роль джентльмена. Видѣть вмѣстѣ обоихъ этихъ добрыхъ старикашекъ—было зрѣлищемъ поучительнымъ. Стаканы ихъ чокались за столомъ, Дружба ихъ служила утѣшеніемъ и имъ самимъ и ихъ семействамъ. Небольшое денежное дѣло разъ возбудило охлажденіе между обоими стариками. Но Сестрица уплатила спорный счетъ за своего отца и за Ридли: никогда уже не было рѣчи между ними о денежныхъ займахъ, а когда они отправлялись въ клубъ «Адмирала Бинга», каждый платилъ за себя.

Филь часто слышалъ о почныхъ митингахъ въ «Головъ адмирала Бинга», и ему очень хотѣлось побывать въ этой компаніи. Но даже, когда онъ видѣлъ старыхъ джентльменовъ въ гостиной Сестрицы, они смутно чувствовали, что онъ подшучиваетъ надъ ними. Капитанъ не могъ бы хвастаться такъ свободно, еслибы Филь постоянно наблюдалъ за нимъ.

— Я имѣлъ честь служить вашему достойному батюшкѣ за столомъ мистера Тодмордена. Нашъ маленькій клубъ не мѣсто для васъ и для моего сына, хотя онъ добрый сынъ и мать его, и я гордился имъ; онъ никогда насъ не огорчалъ, съ тѣхъ поръ какъ выросъ; кромѣ того, когда бывалъ болеснъ—съ признательностью и положила руку на сердце говорю я. Но то, что годится для меня и мистера Ганна, не годится для васъ, молодые господа. *Вы* не лавочникъ, сэръ, или я очень ошибаюсь, но миѣ всегда казалось, что Рингуды одна изъ лучшихъ фамилій въ Англии, и Фэрмины также.

Отъ этого упрека Филь покраснѣлъ и со стыдомъ повѣсилъ голову.

— Мистеръ Ридли, сказалъ онъ, вы увидите, что я не стану приходить туда, гдѣ меня не хотятъ видѣть; а если я приду надоѣдать вамъ въ «Головъ адмирала Бинга», пусть меня выведутъ на ютъ и разстрѣляютъ какъ его.

Мистеръ Ридли объявилъ, что Филиппъ «самый странный, самый эксцентрическій молодой человекъ. «Доброе сердце, сэръ, очень щедро помогаетъ несчастнымъ. Прекрасно образованъ, сэръ; но я боюсь—я боюсь, что его не доведутъ до добра, мистеръ Ганнъ — не при васъ будь сказано, мистриссъ Брандонъ, а то вѣдь вы *всегда* за него заступаетесь».

Когда Филиппъ Фэрминъ выкурить бывало трубку и поговорить съ Сестрицей въ ея гостиной, онъ отправляется выкурить вторую, третью,

десятую трубку въ мастерской Ридли. Онъ просиживалъ по цѣлымъ часамъ передъ мольбертомъ Джоша Джэмса, болтая о политикѣ, о религіи, о поэзіи, о женщинахъ, объ ужасномъ эгоизмѣ и низости мірской; онъ также неумоимо болталъ и дѣнился, какъ неумоимо Джонъ Джэмсъ слушалъ и работалъ. Живописецъ слишкомъ былъ занятъ цѣлою жизнью своимъ мольбертомъ, чтобы читать много книгъ. Онъ часто стыдился своего невѣжества въ литературѣ. Онъ пыталъ восторгъ къ писателямъ и къ молодымъ людямъ, воспитывавшимся въ университетѣ, бѣгло цитировавшимъ греческихъ писателей и Горація. Онъ съ уваженіемъ слушалъ разговоръ ихъ о подобныхъ предметахъ, безъ сомнѣнія набирался отъ нихъ кое-чему; всегда таймо удивлялся и огорчался, когда воспитанники университета были побиты на аргументахъ или разговаривали громко и грубо, какъ иногда случалось съ ними.

— Джонъ Джэмсъ—малый, очень талантливый, говаривалъ объ немъ Джэрманъ—и счастливѣйшій человекъ въ Европѣ. Онъ любитъ рисовать и работаетъ цѣлый день. Онъ любитъ ухаживать за знатными людьми, и пьетъ чай въ гостяхъ каждый вечеръ.

Вы всѣ знали Джэрмана изъ Шарлоттской улицы, живописца миниатюрныхъ портретовъ. Онъ былъ одинъ изъ главныхъ членовъ нашего клуба. Его языкъ не щадилъ никого. Онъ завидовалъ всякому успѣху, чужое счастье бѣсило его; но къ тѣмъ, кто не имѣлъ успѣха, онъ былъ добръ: бѣднымъ снѣшилъ помочь, былъ щедръ на состраданіе; и краснорѣчиво и свирѣпо декламировалъ о природномъ благородствѣ и славѣ труда, и тому подобныхъ изношенныхъ идеяхъ. Друзья восхищались имъ: онъ былъ душою независимости и считалъ поддсцами тѣхъ, кто носилъ чистое бѣлье и посѣщалъ общество джентльменовъ; но надо признаться, что хозяинъ его квартиры имѣлъ дурное мнѣніе о немъ, и я слышалъ о двухъ, трехъ денежныхъ сдѣлкахъ, которыя, конечно, не дѣлали чести мистеру Джэрману. Джэрманъ былъ человекъ съ замѣчательнымъ юморомъ. Онъ любилъ вдову и говорилъ о ея добротѣ, способности быть полезной и честности, со слезами на глазахъ. Она была бѣдна и еще боролась съ неприятностями. Еслибы она была богата и имѣла въ жизни успѣхъ, мистеръ Джэрманъ не превозносилъ бы такъ ея достоинства.

Мы входимъ въ комнату перваго этажа, гдѣ среднее окно прорѣзано выше прочихъ, чтобы пропускать свѣтъ сверху, и подъ этимъ свѣтымъ лучомъ мы усматриваемъ голову нашего стараго друга, мистера Джоша Джэмса Ридли, академика. Время нѣсколько поубавило его густыя кудри и преждевременно усеребрило его голову. Лицо его поблѣднѣло; пыльная, чувствительная рука, держащая кисть и палитру, очень худа; глаза обведены линіями нездоровья, а можеть быть и за-

боть, но глаза свѣтлые по прежнему, и когда они глядятъ на полотно, на модель, которую онъ переводитъ на него, они чисты, проникательны и счастливы. У него очень пріятный голосъ для пѣнія, онъ распѣваетъ за работой или свиститъ, улыбаясь. Онъ заставляетъ свою руку совершать маленькіе подвиги искусства и улыбается съ ребяческимъ удовольствіемъ своей безпримѣрной быстротѣ въ работѣ. Я видѣлъ, какъ онъ нарисовалъ въ одной изъ своихъ картинъ великолѣпную серебряную фляжку съ старой оловянной горчичницы; видѣлъ, какъ онъ писалъ шерсть животнаго, складки и цвѣты на парчѣ, и тому подобное съ полнымъ удовольствіемъ, удовольствіемъ, продолжавшимся съ утра до вечера—и въ это время онъ былъ такъ занятъ своею работою, что не находилъ времени съѣсть сухарь или выпить стаканъ воды, приготовленные для его утренняго завтрака. Онъ съ жадностью пользовался послѣднею минутою свѣта, и никогда безъ сожалѣнія не могъ оторваться отъ своихъ картинъ. Быть живописцемъ и совершенно владѣть своею кистью я считаю одною изъ *summa bona* жизни. Счастливое соединеніе ручной и головной работы должно сдѣлать это занятіе необыкновенно пріятнымъ. Въ ежедневной работѣ должны случаться безконечныя воспитательныя затрудненія и возможность выказывать свое искусство.

Подробностямъ этихъ доспѣховъ, этой драпировки, блеску этихъ глазъ, пушистому румянцу этихъ щекъ, брилліантамъ на этой шеѣ надо задавать сраженія и одерживать побѣды. Каждый день должны случаться критическія минуты великой борьбы и торжества, и эта борьба, и эта побѣда должны и укрѣплять, и приносить удовольствіе — точно такъ, какъ галопъ черезъ поля всаднику, ѣдущему на прекрасной лошади, который знаетъ, что его мужество и его лошадь никогда ему не измѣнятъ. Это—сильныя ощущенія, возбуждаемыя игрою, и чудное наслажденіе, доставляемое выигрышемъ. Никто, я думаю, не пользуется болѣе живописцевъ этою дивною наградою за свои труды (можетъ быть игрокъ на скрипкѣ, съ совершенствомъ и торжествомъ исполняющій свое собственное чудное сочиненіе, также бываетъ счастливъ). Тутъ есть занятіе, тутъ есть сильныя ощущенія, тутъ есть борьба и побѣда, тутъ есть выгоды. Чего болѣе вправѣ требовать человекъ отъ судьбы? Герцоги и Ротшильды могутъ позавидовать такому человеку.

Хотя Ридли имѣлъ свои непріятности, какъ мы узнаемъ впослѣдствіи, его искусство возвышалось надъ всѣмъ. Черныя заботы, можетъ быть, сидѣли позади его на этомъ Пегасѣ, но никогда не обрасывали всадника съ ковы (*). Въ нѣкоторыхъ душахъ искусство стоитъ выше всего—оно

(*) Намекъ на одно мѣсто въ Гораціѣ, гдѣ онъ говоритъ, что «забота сидитъ за всадникомъ» *Post equitem sedet atra cura*. Пр. пер.

сильнѣе любви, сильнѣе ненависти, заботъ, бѣдности. Какъ только лихо-радка оставляетъ руку свободною, она съ наслажденіемъ схватываетъ кисть. Любовь можетъ хмуриться и обмануть, но эта любовница не обманетъ никогда. Она всегда вѣрна, всегда нова, всегда остается другомъ, собесѣдницей, неоцѣненной утѣшительницей. Джонъ Джэмсъ Ридли сидѣлъ за своимъ мольбертомъ съ ранняго утра до заката солнца и никогда охотно не оставлялъ своей работы. Желалъ бы я знать, такъ ли люди другихъ профессій пристрастны къ своему ремеслу; такъ ли стряпчие не отставляютъ отъ своихъ любимыхъ бумагъ до самой гробовой доски и предпочитаютъ ли писатели свой письменный столъ и чернилицу обществу, дружбѣ, пріятной лѣности? Я не видалъ въ жизни людей до такой степени любящихъ свою профессію, какъ живописцы, исключая, можетъ быть, актеровъ, которые, если не играютъ сами, всегда отправляются въ театръ смотрѣть на игру другихъ.

Передъ мольбертомъ этого прилежнаго художника Филь сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, непрерывно болтая и куря. Присутствіе его было восторгомъ для души Ридли, лицо его солнечнымъ лучемъ, голосъ крѣпительнымъ лекарствомъ. Самъ слабый и почти дряхлый тѣломъ, съ чувствительностью болѣзненно-тонкою, живописецъ болѣе всего восхищался въ людяхъ силою, здоровьемъ, веселостью, изящными манерами. Всѣмъ этимъ въ юности Филиппъ былъ щедро одаренъ; и я надѣюсь, что эти драгоценные дары фортуны не оставили его и въ зрѣломъ возрастѣ. Я не говорю, что Филиппъ со всѣми былъ такъ популяренъ. Есть люди, которые никогда не могутъ простить другимъ счастья, и въ мужскомъ обществѣ всѣмъ готовы обижаться; и безъ сомнѣнія, въ своемъ странствованіи по жизненному пути, бѣдный прямодушный Филиппъ часто шелъ наперекоръ тѣмъ, кто съ нимъ встрѣчался.

Джэрманъ подшучивалъ довольно зло надъ привязанностью Ридли къ Филиппу; онъ могъ презирать человѣка и за то, что онъ не былъ джентльмэнъ, и оскорблять его за то, что онъ джентльмэнъ. Я встрѣчался въ свѣтѣ съ людьми, для которыхъ послѣднее обстоятельство—непростительное преступленіе—причина къ непрерывному сомнѣнію, раздору и подозрѣнію. Что можетъ быть естественнѣе или обыкновеннѣе, какъ ненавидѣть другаго за то, что онъ то, чѣмъ вы не можете быть.

Однако, кромя завистниковъ, у васъ есть и поклонники въ жизни. Кромя остроумія, которое онъ понималъ, кромя генія, который у него былъ, Ридли восхищался красивою наружностью и изящнымъ обращеніемъ, и у него всегда былъ какой нибудь простой герой, котораго онъ втайнѣ любилъ, обожалъ и боготворилъ. Онъ любилъ быть въ обществѣ прекрасныхъ женщинъ и аристократическихъ мужчинъ. Фи-

липпъ Фэрминъ съ своими республиканскими понятіями, съ своимъ прямымъ и рѣзкимъ обращеніемъ со всѣми тѣми, кто былъ выше его званіемъ, имѣлъ свое собственное благородство въ обращеніи; и если даже у него было не болѣе двухъ пенсовъ въ карманѣ, онъ засовывалъ въ него руки съ независимостью первѣйшаго дэди, когда либо расхаживавшаго по Пэль-Мэльской мостовой. Какъ онъ былъ хладнокровенъ! Нѣкоторые могли, не совѣтъ неосновательно, принять это за наглость. Это очаровывало Ридли. Обладать такою наружностью, такимъ обращеніемъ, имѣть возможность смотрѣть въ лицо обществу, трепать его по плечу и держать его за пуговицу — чего не далъ бы Ридли за такую возможность, за такія шалости? Не угодно ли вамъ помнить, что я не хвалю за это Джона Джэмса, а просто говорю, каковъ онъ былъ. Я надѣюсь, что у насъ никого не будетъ въ этой исторіи безъ своихъ маленькихъ недостатковъ и особенностей. Джэрманъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что Ридли любилъ знатное общество. Мнѣ кажется, что его родословная тайно мучила его. Онъ предпочелъ бы скорѣе быть джентльменомъ, чѣмъ такимъ великимъ гениемъ; но если у насъ съ вами нѣтъ своихъ собственныхъ слабостей, то постараемся смотрѣть снисходительно на эту слабость моего друга.

Джону Джемсу въ голову никогда не приходило выговаривать Филиппу за его лѣность. Филь ходилъ на лиліи въ долині, по мнѣнію живописца. Ему не опредѣлено было трудиться и пряхъ, но жить себѣ въ волю, расти, грѣться на солнышкѣ, облекаться великолѣпнѣмъ. Маленькое общество живописцевъ знало, каковы были средства Фэрмина. Онъ имѣлъ своихъ собственныхъ тридцать тысячъ. Тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, сэръ, въ рукахъ, да будущее наслѣдство огромнаго богатства отца! Роскошью такъ и вѣло отъ этого, одареннаго столь щедрыми дарами, молодого человѣка. Его мнѣнія, шуточки, смѣхъ, вѣнне имѣли вѣсь тридцати тысячъ фунтовъ, сэръ! Зачѣмъ ему было работать? Посовѣтуйте вы молодому дворянину пойти въ подмастерья? Филиппъ могъ лѣниться, какъ любой лордъ, если хотѣлъ. Ему надо бы носить шегольское платье, ѣздить на прекрасныхъ лошадяхъ, обѣдать на серебрѣ и пить шампанское каждый день. Джонъ Джэмсъ весело работалъ до захожденія солнца и за восемь пенни въ Уардоурской улицѣ имѣлъ блюдо мяса и рюмку портера за своимъ смиреннымъ обѣдомъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ собиралась молодежь, скромное мѣстечко у камина всегда находилось для Фэрмина. Хотя Джэрманъ былъ свирѣпый республиканецъ, однако у него находилась улыбка для аристократа Фэрмина, и онъ всегда принималъ особенно франтовскій видъ, когда его приглашали обѣдать въ Старую Паррскую улицу.

Мнѣ кажется, Филиппъ любить лезть. Я сознаюсь, что это была его слабая сторона и что мы съ вами, мой любезный сэръ, разумѣется, гораздо выше его въ этомъ отношеніи. Джонъ Джэмсъ, который любилъ его, готовъ былъ уговаривать его—послѣдовать совѣту его тетки и кузины и жить въ лучшемъ обществѣ; но мнѣ кажется, что живописецъ не захотѣлъ бы, чтобы его любимецъ пачкалъ свои руки излишнимъ трудомъ, и даже восхищался мистеромъ Филемъ именно за то, что онъ былъ лѣнивъ.

Сестрица, конечно, подавала ему совѣты и относительно того общества, въ которомъ онъ долженъ бывать и занятій полезныхъ для него. Но когда другіе его знакомые намекали, что его лѣньность сдѣлаетъ ему вредъ, она не хотѣла слушать ихъ порицаній.

— Зачѣмъ ему работать, если онъ не хочетъ? спрашивала она. У него нѣтъ склонности пачкать бумагу. Вы не захотѣли бы, чтобы онъ сядѣлъ цѣлый день и рисовалъ головки куколокъ на полотнѣ и работалъ какъ невольникъ. Славная мысль, нечего сказать! Дядя хочетъ доставить ему мѣсто. Вотъ чего ему нужно. Ему слѣдуетъ быть секретаремъ въ иностранномъ посольствѣ, и онъ *будетъ!*

Въ самомъ дѣлѣ, Филъ въ то время высказывалъ желаніе вступить въ дипломатическую службу, и надежду, что лордъ Рингудъ будетъ способствовать его желанію. А пока онъ былъ царемъ въ Торнигофской улицѣ, онъ могъ лѣниться сколько хотѣлъ, а у мистриссъ Брандонъ всегда находилась для него улыбка. Можетъ быть, онъ курилъ слишкомъ много, но она вышивала для него прехорошенькія сигарочницы. Она подрублила его тонкіе батистовые платки, вышивала гербъ его на углахъ. Она сшила ему такой великолѣпный жилетъ, что ему почти было стыдно носить его, хотя въ то время онъ щеголялъ роскошнымъ парадомъ, цѣпочками и бѣльемъ. Я боюсь, что докторъ Ферминъ, вздыхая о своихъ неудавшихся надеждахъ, возложенныхъ имъ на сына, имѣлъ нѣкоторое основаніе для своего неудовольствія. Но объ этихъ увѣщаніяхъ Сестрица не хотѣла слышать.

— Почему ему не лѣниться? Почему онъ долженъ работать? Мальчики всегда будутъ мальчиками. Ужъ, конечно, старый ворчунъ папа его былъ не лучше Филиппа, когда онъ былъ молодъ!

Она говорила это съ румянцемъ на своемъ личикѣ, качая головою съ вызывающимъ видомъ, все значеніе котораго я не понималъ тогда. но приписывалъ се горьчее заступничество той чудной несправедливости, которая принадлежитъ всѣмъ добрымъ женщинамъ, и за которую мы должны благодарить ихъ каждый день. Я знаю, милостивыя государыни, что вы разсердитесь на эти слова. Но, даже рискуя прогнѣвать *васъ*, мы должны говорить правду. Вы желали бы предста-

вить себя справедливыми, логичными и строго безпристрастными. Наверно, доктору Джонсону приятно было бы слышать отъ мистриссъ Трэль: «Сэръ, ваши манеры граціозны, ваша наружность изящна, опрятна и необыкновенно привлекательна; аппетитъ у васъ не большой (особенно къ чаю), а танцуете вы точь-въ-точь, какъ Віолетта». Вы примѣчаете, что это чистая иронія. Женщины справедливы, логичны, строго безпристрастны! Господи помилуй! Еслибы онѣ были таковы, народонаселеніе пресѣклось бы, свѣтъ превратился бы въ вопіющую пустыню. Ну, словомъ, Сестрица ласкала и баловала Филиппа Фэрмина такимъ нелѣпнымъ образомъ, что всё это замѣчали—и тѣ, у кого не было ни друзей, ни возлюбленныхъ, ни матерей, ни дочерей, ни женъ, и тѣ, которыхъ самихъ ласкали и баловали дома.»

Допустимъ опять, что отецъ Филиппа имѣлъ причины сердиться на сына и сожалѣть о наклонностяхъ его къ низкому обществу; но съ другой стороны, молодого человѣка можно нѣсколько извинить за его глубокое отвращеніе къ его домашнему кружку, который нагонялъ на него скуку.

— Эй Богу! кричалъ онъ, дергая себя за волосы и усы, и съ разными свирѣпными восклицаніями по своему обыкновенію; мнѣ такъ тошно отъ торжественности этой аффектаціи, что такъ и забираетъ охота опрокинуть миску на голову старика биспопа, а судѣ барону Бемпшеру дать оплеуху лопаткой баранины. У моей тетки точно такая же аффектація, только можетъ быть поискусѣе; но, о Пенденнисъ! еслибы вы могли знать, какая тоска терзаетъ мое сердце, — какъ коршунъ грызетъ эту проклятую печонку, когда я вижу, что женщины, — женщины которымъ слѣдовало бы оставаться чистосердечными, женщины, которымъ слѣдовало бы походить на ангеловъ, женщины, которымъ слѣдовало бы не знать другаго искусства кромѣ умѣнья улаживать наши горести и утѣшать насъ въ печаляхъ—ползаютъ, рабоблѣвствуютъ, хитрятъ; холодны къ одному, унижаются передъ тѣмъ, льстятъ богатому и равнодушны къ тому кто занимаетъ невысокое мѣсто въ свѣтѣ. Говорю вамъ, что я видѣлъ все это, мистриссъ Пенденнисъ! Я не стану называть именъ, но я встрѣчалъ такихъ женщинъ, которыя заставили меня состарѣться, преждевременно сдѣлаться столѣтнимъ старикомъ! Сокъ жизни изсякъ во мнѣ (тутъ мистеръ Филь опорожнилъ полную рюмку изъ ближайшаго графина). Но если я люблю то, что вашему мужу угодно называть низкимъ обществомъ, это потому, что я видѣлъ другое общество. Шатался я на знатныхъ вечерникахъ, танцовалъ на аристократическихъ балахъ. Видалъ я матерей, которыя сами подводятъ дочерей къ дряхлымъ развратникамъ и готовы пожертвовать ихъ невѣнностью для богатства и титула. Атмосфера этихъ вѣжливыхъ го-

стинныхъ душить меня. Я не могу преклонять колѣнъ передъ отвратительною маммою. Я хожу въ толпѣ такъ одиноко, какъ въ пустынѣ; и тогда только вздохну свободно, пока табакъ не прочиститъ воздухъ около меня. Мужъ же вашъ (онъ разумѣлъ писателя этихъ мемуаровъ) не можетъ преодолѣть себя; онъ свѣтскій человѣкъ, онъ отъ земли—земной. Если какой нибудь герцогъ пригласитъ его обѣдать завтра, паразитъ признается, что онъ пойдетъ. Предоставьте мнѣ, друзья мои, мою свободу, моихъ грубыхъ товарищей въ ихъ будничныхъ платьяхъ. Я не слышу такой лжи и такой лести отъ тѣхъ, кто куритъ трубки, какія вырывались у людей въ бѣлыхъ галстукахъ, когда я бывалъ въ свѣтѣ.

И онъ срывалъ съ себя галстукъ, какъ будто одна мысль о свѣтскихъ приличіяхъ душила его.

Это, разумѣется, было на послѣдней ступени его карьеры, но я выбираю изъ его біографіи все, что можетъ дать наиболѣе лучшее понятіе о характерѣ моего друга. Въ то время—онъ теперь за границей и кромѣ того если его собственный портретъ бросится въ глаза, я увѣренъ, что онъ его не узнаетъ—мистеръ Филиппъ, въ нѣкоторыхъ вещахъ былъ упрямъ, какъ осель, а въ другихъ—слабъ, какъ женщина. Онъ былъ чувствителенъ, какъ ребенокъ ко всему нѣжному, безпомощному, милому или патетическому; а къ обману онъ питалъ сильнѣйшее презрѣніе, гдѣ бы ни находилъ его. У него было много добрыхъ намѣреній, которыя часто колебались и рѣдко приводились въ исполненіе. У него было множество дурныхъ привычекъ, корень которыхъ, вы знаете, лѣность, говорятъ. Многимъ изъ этихъ дурныхъ наклонностей онъ потакалъ, и хотя кричалъ «виноватъ, грѣшенъ я» очень откровенно, когда его обвиняли въ грѣхахъ,—преступникъ очень часто грѣшилъ снова, послѣ того, какъ обѣщалъ исправиться. Онъ желалъ непремѣнно добиться до того, чего ему хотѣлось. Чего онъ не любилъ, того уже онъ не дѣлалъ. Онъ любилъ хорошіе обѣды, хорошее вино, хорошіе лошадей, хорошее платье, любилъ проводить ночи въ пирушкахъ—и всѣми этими удобствами жизни (или какими либо другими, о которыхъ онъ воображалъ или которыя были у него подъ рукою) онъ пользовался совершенно свободно. Онъ ненавидѣлъ лицемеріе; онъ говорилъ все, что приходило ему на мысль о предметахъ и о людяхъ, и, разумѣется, часто ошибался и часто поддавался предубѣжденію, и часто возбуждалъ крики негодованія или недоброжелательный шопотъ ненависти своимъ свободнымъ способомъ выраженія. Онъ вѣрилъ всему, что ему говорили до тѣхъ поръ, пока сообщавшій ему свѣдѣніе не обманулъ его раза два, послѣ чего онъ не хотѣлъ вѣрить ничему. И вы увидите, что его пылкое легковѣріе было также неплно,

как и послѣдующее упорство въ недовѣріи. Мой милый, юный другъ, самая полезная дорога въ жизни—средняя. Не вѣрьте вполнѣ никому, потому что васъ могутъ обмануть, но и не показывайте полнаго недовѣрія, потому что это нелестно для вашего друга. Черная краска не очень черна; а бѣлая, *bon Dieu!* Какая же краска можетъ долго оставаться бѣлою, въ нашемъ климатѣ? Если Филиппъ потакалъ своимъ прихотямъ, я полагаю, что и другіе также любятъ потакать себѣ; и кромѣ того, знаете, ваши безукоризненные герои давно уже вышли изъ моды. Быть молодымъ, красивымъ собою, здоровымъ, голоднымъ по три раза въ день, имѣть денегъ вдоволь, способность быстро засыпать, и ничего не дѣлать—все это, конечно, весьма опасныя искушенія для мужчины, но мнѣ кажется, я знаю такихъ, которые не прочь бы подвергнуться опасностямъ этого искушенія. Положимъ, что бываютъ праздники, но развѣ не бываетъ также и будничныхъ дней? Положимъ, сегодня праздникъ; но не могутъ ли завтра явиться слезы и раскаяніе? Такія времена ожидаютъ мистера Фила, и потому пусть его отдыхаетъ и наслаждается главы двѣ.

ГЛАВА VII.

Бахусъ—полный хозяинъ этой главы.

Это время, веселое время Брандоновъ, устрицъ, лѣности, куренія, пѣсенъ по ночамъ и содовой воды по утрамъ, изголовья одинокаго и холостаго—это правда, но зато беззаботнаго, это время, когда денегъ было вдоволь, когда сегодня было весело, а о завтра не думалось, это время часто вспоминалось Филиппомъ впослѣдствіи. Мистеръ Филъ не очень восторженно смотрѣлъ на жизнь. Плоды міра сего, которые онъ вкушалъ съ такимъ наслажденіемъ, я долженъ признаться были самые обыкновенные, садовые, а честолюбіе лѣнтяя не заходило далѣе возможности гулять по солнечной сторонѣ сада, наѣсться до сыта, а потомъ спокойно отдыхать въ бесѣдкѣ изъ виноградныхъ лозъ. Зачѣмъ родители матери Фила оставили ей тридцать тысячъ фунтовъ? Конечно, многіе были бы рады сдѣлать столько же для дѣтей своихъ; но еслибы у меня было десять человѣкъ дѣтей, я бы оставилъ каждому изъ нихъ или по сту тысячъ, или одинъ насущный хлѣбъ.

— Люди созданы работать или лѣниться, утверждаетъ Филиппъ, съ своей обыкновенной энергіей выраженія. Когда индійскій воинъ идетъ

на охоту, онъ трезвъ, дѣлатель, неустойчивъ. Никакія опасности не устрашаютъ его и никакіе труды не утомляютъ. Онъ терпитъ зимній холодъ, онъ спитъ на лѣсныхъ листьяхъ, онъ питается корѣями или добычею своей стрѣлы. Когда онъ возвращается въ свою деревню, онъ наѣдается до пресыщенія; онъ спитъ, можетъ быть, до чрезмѣрности. Когда дичь съѣдена, а огненная вода выпита, опять онъ выступаетъ въ пустыню, онъ лазитъ ловче двуутробки, онъ думитъ медвѣдя. Барбара, моя жена, говоритъ онъ, принеси мнѣ устрицъ, кружку пѣнащагося чернаго пива блѣднлицыхъ, или я повѣшу твой черепъ съ волосами на шесть въ моей палаткѣ.

И Барбара, добрая, старая служанка въ этой тавернѣ бандитовъ отвѣтитъ бывало:

— Какія вы пустяки болтаете, мистеръ Филиппъ!

Гдѣ теперь эта таверна? Гдѣ всѣ веселые люди, собиравшіеся тамъ? Выѣска снята, пѣсня безмолвствуетъ, трубки разбиты и пепель разсыялся по вѣтру.

Еще нѣсколько поболтаемъ о веселыхъ дняхъ Филиппа—и довольно. Онъ былъ принятъ въ адвокаты, и на ужинѣ, которымъ онъ праздновалъ свое вступленіе въ адвокатуру, собралось насъ человѣкъ двѣнадцать его старшихъ и младшихъ друзей. Квартира въ Пергаментской улицѣ была вся предоставлена ему въ этотъ день. Мистеръ Ванъ-Джонъ, кажется, уѣхалъ куда-то далеко на охоту, но мистеръ Касиди былъ съ нами и многіе знакомые Филиппа, школьные, свѣтскіе и университетскіе. Былъ отецъ Филиппа и дядя Филиппа, Тунсенъ, и я, уважаемый и почтенный старшій его товарищъ въ школѣ, и другіе изъ нашего бывшего училища.

Вина были изъ погреба доктора Фермина. Слуги его служили гостямъ; отецъ и сынъ любили пышное гостепрѣимство, и относительно комфорта—плръ Филиппа былъ богатый.

— Ужинъ, я люблю ужинъ больше всего, и для того чтобы насладиться вашимъужиномъ, я съѣлъ за обѣдомъ только кусочекъ баранины! закричалъ мистеръ Тунсенъ, встрѣчая Филиппа.

Мы нашли его, прѣхавъ изъ Темпла, гдѣ Филиппъ обѣдалъ въ залѣ коллегіи, въ парикѣ и мантии съ другими членами этой коллегіи, уже въ квартирѣ Филиппа и кушающаго десертъ молодого адвоката.

— Онъ здѣсь давно, сказалъ мистеръ Брайсъ, занимавшій должность буфетчика,—такъ и бросился на оливки и макароны. Не буду удивляться, если онъ сунулъ ихъ въ карманы.

Брайсъ не слишкомъ уважалъ мистера Тунсена, котораго достойный буфетчикъ откровенно называлъ скупымъ скотомъ. Между тѣмъ

Тальботъ воображалъ, будто старикъ уважаетъ его, всегда разговари-
валъ съ Брайсомъ и обращался съ нимъ съ веселымъ дружелюбиемъ.

Собрались и другіе гости, не принадлежавшіе къ адвокатурѣ. Ми-
стеръ Туисденъ говорилъ за всѣхъ. Онъ сіялъ восторгомъ. Онъ чув-
ствовалъ себя въ духѣ. Онъ распоряжался за столомъ Филиппа. Право
никто никогда не подчивалъ гостепріимнѣ чужимъ виномъ; самъ Фи-
липпъ былъ молчаливъ и встревоженъ. Я спросилъ его, не утомила
ли его страшная церемонія, которую онъ только-что выдержалъ?

Онъ нѣсколько тревожно глядѣлъ на дверь; зная нѣсколько о
положеніи дѣлъ дома, я подумалъ, что вѣроятно онъ имѣлъ съ отцомъ
однѣ изъ тѣхъ споровъ, которые въ послѣднее время случались такъ
часто между ними.

Гости почти всѣ собрались, занимались разговоромъ и пили пре-
восходное бордосское, когда Брайсъ доложилъ о докторѣ Ферминѣ и
мистерѣ Тѣтонѣ Гѣнтѣ.

— Чортъ возьми мистера Тѣтона Гѣнта, чуть было не сказалъ Фи-
липпъ, однако онъ вскочилъ, подошелъ къ отцу и встрѣтилъ его очень
почтительно. Потому онъ поклонился джентльмену, представленному
подъ именемъ мистера Гѣнта и они сѣли за столъ; докторъ занялъ
свое мѣсто съ своей обыкновенной изящной граціей.

Разговоръ довольно живой до пріѣзда доктора Фермина нѣсколько
утихъ при его появленіи.

— У насъ была ужасная ссора два дня тому назадъ, шепнулъ мнѣ
Филиппъ. Мы пожали руку другъ другу и примирились, какъ вы видите.
Онъ не долго останется. За нимъ пришлютъ черезъ полчаса. Онъ ска-
жетъ, что за нимъ прислала герцогиня и поѣдетъ пить чай въ клубъ.

Докторъ Ферминъ поклонился и грустно улыбнулся мнѣ, пока Фи-
липпъ говорилъ. Кажется я немножко покраснѣлъ, мнѣ казалось, что
докторъ знаетъ, о чемъ его сынъ говорилъ со мной. Онъ тотчасъ началъ
разговоръ съ лордомъ Эскотомъ; онъ надѣялся, что отецъ его здоровъ.

— Вы поддерживаете его здоровье, докторъ. Вы не даете мнѣ воз-
можности сдѣлаться его наследникомъ, сказалъ молодой лордъ.

— Передавайте же бутылку, молодые люди! Мы намѣрены про-
водить васъ всѣхъ отсюда! кричить Тальботъ Туисденъ съ твердымъ намѣ-
реніемъ пошiroвать на чужой счетъ.

— Прекрасно сказано, сэръ, подхватилъ незнакомецъ, представлен-
ный подъ именемъ мистера Гѣнта—и неподобное вино. Ага, Ферминъ!
Я знаю это вино—онъ чмокнулъ губами, потягивая бордосское; это ваше
бордосское 1825 года, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Этотъ красноносый, кажется, знатокъ, шепнулъ Розбѣри, сидѣвшій
возлѣ меня. Розбѣри, любимецъ Мэй-Фэра, Розбѣри, визитные карточки

и пригласительные билеты на каминъ котораго, заставляли всѣхъ мужчинъ широко раскрывать глаза отъ удивленія, а нѣкоторыхъ хмуриться отъ зависти.

Ночь незнакомца, дѣйствительно, былъ нѣсколько красенъ. Къ этому я могу прибавить, что платье было черное, лицо блѣдное, и не весьма тщательно выбритое, бѣлый галстухъ грязенъ, а глаза налиты кровью.—Онъ какъ будто ложился въ постель не раздѣваясь, точно весь въ пуху. Кто этотъ уважаемый другъ вашего отца? продолжалъ вполголоса шалунъ.

— Вы слышали его имя, Розбѣри, угрюмо сказалъ молодой адвокатъ.

— А мнѣ кажется, что ващъ отецъ находится въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и сопровождается полицейскимъ, что, можетъ быть, онъ подверженъ умственному разстройству и отданъ подъ надзоръ сторожа умалишенныхъ.

— Оставьте меня въ покоѣ, заворчалъ Филиппъ.

Тутъ Тусиденъ, поджидавшій случая сказать спичъ, вскочилъ съ своего стула и остановилъ дальнѣйшія замѣчанія шутливаго адвоката своимъ краснорѣчіемъ. Онъ расхваливалъ въ своей рѣчи Фидиппа, новоцожалованнаго адвоката.

— Какъ, если никто другой не предлагаетъ, этого тоста, то егo предложить твой дядя, съ множествомъ искреннихъ благословеній, мой милый! закричалъ маленькій человѣчекъ.

Онъ былъ щедръ на благословенія. Онъ отеръ слезу умилениа. Онъ говорилъ много и долго. Спичъ его былъ дѣйствительно хорошъ и его приняли съ заслуженными восклицаніями, когда Тусиденъ наконецъ сѣлъ.

Филь пробормоталъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на комплиментъ дяди, а потомъ лордъ Эскотъ, молодой аристократъ и большой юмористъ, предложилъ тостъ за здоровье отца Филя и пѣсню. Докторъ сказалъ очень милый спичъ. Его волновали нѣжныя чувства родительскаго сердца, сказалъ онъ, кротко глядя на Филя, который грызъ орѣхи. Видѣть сына счастливымъ, видѣть его окруженнымъ такими друзьями, знать, что онъ съ этого дня вступаетъ въ профессію, представляющую обширное поле для дарованій, благороднѣйшую награду за трудолюбіе, было гордою и счастливою минутою для него, доктора Фермина.

Онъ выпилъ за здоровье молодаго адвоката изъ рюмки, въ которой вина было не болѣе какъ съ наперстокъ; онъ уговаривалъ юныхъ друзей, собравшихся здѣсь, поощрить его сына на его новомъ поприщѣ. Онъ благодарилъ ихъ сердцемъ отца! Онъ махнулъ своимъ изумруднымъ перстнемъ, поднялъ глаза къ потолку, испрашивая оттуда благословеніе на своего сына. Какъ будто невидимые духи одобряли его воззваніе, громкій стукъ послышался сверху, вмѣстѣ съ аплодисментами, которыми

спичъ доктора привѣтствовали джентльмены, сидѣвшіе вокругъ стола. Это стучалъ мистеръ Бѣфферсъ, жилецъ третьяго этажа, которому захотѣлось такимъ образомъ помянуться надъ нашимъ невиннымъ маленькимъ празднествомъ.

Мнѣ кажется, что эта шуточка насмѣшника Бѣфферса развеселила насъ. Несмотря на всѣ разговоры, намъ было скучно; и я не могу не признаться въ справедливости замѣчанія моего сосѣда, что насъ душили старики. Двое, трое изъ молодыхъ джентльменовъ сердились, зачѣмъ еще не позволялось курить. Но Филиппъ запретилъ это удовольствіе.

— Отецъ мой этого не любитъ, сказалъ онъ. Онъ поѣдетъ къ больнымъ вечеромъ; а они не могутъ переносить запаха табачнаго дыма у своей постели.

Нетерпѣливые юноши ждали, положивъ возлѣ себя сигарочки, скоро ли удалится препятствіе къ ихъ наслажденію.

— Онъ не уйдетъ, говорю я вамъ. За нимъ пришлиють, ворчалъ мнѣ Филиппъ.

Докторъ разговаривалъ на право и на лѣво и, повидимому, не думалъ уходить. Но вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, послѣ десяти часовъ, лакей доктора Фармина вошелъ въ комнату съ запиской, которую Фарминъ распечаталъ и прочелъ, между тѣмъ какъ Филиппъ глядѣлъ на меня съ угрюмымъ юморомъ на лицѣ. Мнѣ кажется, отецъ Фила понималъ, что мы знаемъ, что онъ игралъ роль. Однако, онъ очень серьезно разыгралъ комедію.

— Время доктора не принадлежитъ ему, сказалъ онъ, качая своей красивой меланхолической головой. Прощайте, любезный лордъ! Пожалуйста напомните обо мнѣ дома! Прощай, Филиппъ, мой милый, дай Богъ тебѣ успѣха въ твоей карьерѣ! Пожалуйста, пожалуйста, не безпокойтесь.

И онъ ушелъ, махая своею бѣлою рукою и шляпой съ широкими полями и съ красивой бѣлою подкладкой. Филь проводилъ его до дверей и вздохнулъ, закрывъ ее за отцомъ — вздохнулъ съ облегченіемъ: — я думаю, что онъ ушелъ.

— Извините меня, пролетѣлъ Розбѣри: но зачѣмъ онъ не взялъ съ собою своего пожилаго друга — этого оборваннаго джентльмена духовнаго званія, который такъ безцеремонно пьетъ бордосское? А также зачѣмъ онъ не увелъ вашего оратора? Мистеръ Тунсенъ вашъ интересный молодой неопитъ угощаетъ насъ превосходнымъ обрашникомъ увеселительнаго произведенія гасконскаго винограда.

— Ну, теперь, когда старикъ ушелъ, выпьемъ хорошенько и про-

ведемъ ночь за бутылкой. Не такъ ли, милордъ? кричитъ Тунсенъ. Филиппъ, ваше бордосское прекрасно! Ты помнишь мое шато-марго, которое Уинтонъ такъ любить? Оно должно быть хорошо, если онъ его хвалить. Я самъ его вывезъ и далъ Уинтону адресъ бордосскаго купца, и онъ говорилъ, что рѣдко пилъ подобное. Это его собственными словами. Надо вамъ всѣмъ попробовать это вино, когда нибудь у меня.

— Когда нибудь! Когда же? Назначьте день, великодушный американистъ! закричалъ Розбѣри.

— Когда нибудь въ семь часовъ. Обѣдъ будетъ простой, тихій—ирѣпкій бульонъ, рыба, два маленькихъ entrees, и вкусное жаркое. Вотъ мой обѣдъ. Попробуемъ этого бордосскаго, молодые люди. Это вино не тяжелое. Это не первоклассное вино. Я не хочу даже сказать, чтобы это было дорогое вино, но оно имѣетъ букетъ и чистоту. Какъ, вы будете курить?

— Будемъ, мистеръ Тунсенъ. Лучше подражайте всѣмъ намъ. Попробуйте вотъ эту сигару.

Маленькій человѣчекъ принялъ предлагаемую сигару изъ сигарочницы молодого аристократа, закурилъ ее, закашлялся, плюнулъ, и замолчалъ.

— Я думаю, что онъ задохнется, пробормоталъ шутникъ Эскотъ. Она довольно крѣпка, чтобы закружить его старую голову, и мнѣ бы очень этого хотѣлось. Эта сигара, продолжалъ онъ громко, была подарена моему отцу герцогомъ Медина Сидоня, который получилъ ее изъ собственной сигарочницы испанской королевы. Она много куритъ, но натурально любитъ слабыя сигары. Я могу дать вамъ покрѣпче.

— О, пѣтъ, эта кажется очень хороша. Благодарю! сказалъ бѣдный Тальботъ.

— Неужели вы не можете его оставить въ покоѣ? замѣтилъ Филиппъ. Не дурачьте его при молодыхъ людяхъ, Эскотъ.

— Филиппъ все былъ очень унылъ среди пиршества. Онъ думалъ о своихъ несогласіяхъ съ отсутствующимъ отцомъ.

Мы всѣ легко утѣшились бы, еслибы докторъ взялъ съ собою пожилаго господина, котораго онъ привезъ къ Филю. Онъ не былъ пріятнымъ гостемъ для нашего хозяина, потому что Филиппъ хмурился на него и шепталъ своему сосѣду:

— Проклятый Гѣнты!

Проклятый Гѣнтъ—Тѣстонъ Гѣнтъ было его имя, а званіе пасторъ—вовсе не смущался холодностью его приѣма. Онъ очень свободно пилъ свое вино, любезно разговаривалъ съ своими сосѣдами и громко кри-

чалъ «слушайте, слушайте», когда Тунсденъ объявилъ о своемъ намѣреніи просидѣть за виномъ всю ночь. Разгорячившись отъ вина, мистеръ Гейтъ разговорился со всѣми гостями вообще. Онъ много болталъ о фамиліи Рингудъ, говорилъ мистеру Тунсдену, что онъ былъ очень друженъ въ Уингетѣ съ бѣднымъ Синкбарзомъ, единственнымъ сыномъ лорда Рингуда. Воспоминаніе о покойномъ лордѣ Синкбарзѣ было не очень пріятно для родственниковъ рингудскаго дома. Онъ былъ расточительнымъ и безславнымъ молодымъ лордомъ. Его имя рѣдко упоминалось въ его семействѣ; отецъ же, съ которымъ у него были большія ссоры, никогда не говорилъ о немъ.

— Вы знаете, это я познакомилъ Синкбарза съ вашимъ отцомъ, Филиппъ? сказалъ грязный насторъ.

— Я слышала, что вы говорили объ этомъ, отвѣчалъ Филиппъ.

— Они встрѣтились на пирушкѣ у меня. Въ это время мы называли вашего отца Брумелль Ферминъ. Онъ былъ первый щеголь у насъ въ университетѣ, держалъ охотничьихъ лошадей, давалъ лучшіе обѣды въ Кембриджѣ. Мы были большіе кутилы. Синкбарзъ, Брандъ Ферминъ, Берриль, Тотэди, человекъ двѣнадцать насъ, почти все вельможи и дворяне, всѣ держали своихъ лошадей и своихъ слугъ.

Эта рѣчь обращена была къ обществу, которому, казалось, не очень нравились университетскія воспоминанія этого грязнаго, пошлаго господина.

— Мы обѣдали другъ у друга поочереды черезъ недѣлю. У многихъ изъ нихъ были свои кабриолеты. Отчаянный человекъ былъ вашъ отецъ. И — но мы не должны рассказывать, что у насъ бывало въ университетѣ, не такъ ли?

— Нѣтъ, пожалуйста не рассказывайте, сказалъ Филиппъ, сжавъ кулаки и закусивъ губы.

Грязный, дурно воспитанный хвастунъ ѣлъ хлѣбъ соль Филиппа; возвышенные идеи Фила о гостепріимствѣ не позволяли ему ссориться съ своимъ гостемъ въ своемъ домѣ.

— Когда онъ пошелъ въ доктора, мы всѣ удивились. Брандъ Ферминъ одно время былъ первымъ щеголемъ въ университетѣ, продолжалъ мистеръ Гейтъ:— и какой онъ былъ храбрець! Синкбарзъ, я и Ферминъ дрались съ двадцатью гребцами разъ, у воротъ коллегіи Кайя, и вамъ надо было бы видѣть, какіе удары наносилъ вашъ отецъ. И я также въ то время проворно дѣйствовалъ кулаками. Мы учились благородному искусству защищать себя, въ мое время, юные джентльмены! Мы пригласили Гловера, боксера изъ Лондона, давать намъ уроки. Синкбарзъ былъ перадошный боксеръ, только силы въ немъ не хватало, онъ тщедушный былъ.

Водка убивала его, сэръ, водка! Да вѣдь это вино вашего отца! Мы съ нимъ пили его сегодня въ Паррской улицѣ и говорили о прошлыхъ временахъ.

— Я радъ, сэръ, что вы находите вино по вашему вкусу, сказалъ серьезно Филиппъ.

— Нахожу, Филиппъ, мой милый. А когда отецъ вашъ сказалъ, что ѣдетъ къ вамъ пить ваше вино, я сказалъ, что и я поѣду тоже.

— Желалъ бы я, чтобы кто нибудь вышвырнулъ его изъ окна, застоялъ Филиппъ.

— Важный, серьезный и почтенный старичокъ, шениуль миѣ Розбѣри. Я вижу бильярдъ, Булонь, игорные дома въ его благородныхъ чертахъ. Давно онъ украшаетъ вашъ семейный кругъ, Фермишъ?

— Я нашелъ его дома, мѣсяцъ тому назадъ, въ передней моего отца, въ этомъ же самомъ платѣ и съ паршивыми усами на лицѣ; онъ бывалъ у насъ съ тѣхъ поръ каждый день.

— *Echarré de Toulon* (каторжникъ изъ Тулона), спокойно сказалъ Розбѣри, смотря на незнакомца. *Cela se voit. Homme parfaitement distingué.* (Это видно, человѣкъ чрезвычайно изящной наружности). — Вы правы, сэръ, я говорилъ о васъ; и спрашивалъ нашего пріятеля Филиппа, гдѣ я имѣлъ честь встрѣчать васъ за границей въ прошломъ году? Эта вѣжливость, прибавилъ онъ кротко, обезоружить тигра.

— Я былъ за границей, сэръ, въ прошломъ году, сказалъ тотъ кивнувъ головой.

— Держу три противъ одного, что онъ былъ въ булонской тюрьмѣ, или, можетъ быть, капелланомъ въ игорномъ домѣ. Постойте, я вспомнилъ! Въ Баденъ-Баденѣ, сэръ?

— Я точно былъ тамъ, сказалъ пасторъ, это очень хорошенькое мѣсто; но воздухъ *Argès* (*) убиваетъ васъ. Ха, ха! Отецъ вашъ любилъ помгрывать, когда былъ молодъ, Филиппъ! Я не могу удержаться, чтобы не называть васъ Филиппомъ. Я знаю вашего отца тридцать лѣтъ. Мы были университетскими товарищами, знаете.

— Ахъ! чего не далъ бы я, сказалъ со вздохомъ Розбѣри, чтобы это почтенное существо назвало меня по имени! Филиппъ, оживите чѣмъ нибудь ваше общество. Старики душатъ его. Спойте что нибудь, кто нибудь! Или потопимъ нашу меланхолію въ винѣ. Вы похваляли это бордосское, сэръ, и сказали, что прежде отивдывали его?

(*) Слово употребляемое въ игрѣ *Rouge et Noir*.

— Я выпилъ его двѣ дюжины бутылокъ въ прошломъ мѣсяцѣ, ска-
залъ, улыбаясь, мистеръ Гѣнтъ.

— Двѣ дюжины и четыре бутылки, сэръ, замѣтилъ мистеръ Брайсъ,
ставя новую бутылку на столъ.

— Прекрасно сказано, Брайсъ! Я дѣлаю отель подъ вывѣскою фэр-
минскаго герба своею главною квартирой, и удостоиваю хозяина своимъ
обществомъ, замѣтилъ мистеръ Гѣнтъ.

— Фэрминскій гербъ получаетъ много чести отъ подобныхъ посѣти-
телей, сказалъ Филиппъ съ сверкающими глазами и съ тяжело поднимаю-
щейся грудью.

Каждую минуту онъ все болѣе сердился на этого пастора. Подъ
хвѣлькомъ Филиппъ любилъ говорить о своей родословной, и хотя онъ
выражалъ весьма либеральныя мнѣнія, однако не мало гордился своими
предками.

— О, полноте! Къ чорту вашъ гербъ! закричалъ лордъ Эскотъ.

— Мнѣ очень жаль! Я готовъ на все, чтобы сдѣлать вамъ удоволь-
ствие, но я не могу не быть джентльмэномъ! заворчалъ Филиппъ. Ваши
предки были лавочниками, Эскотъ, когда мои стояли на сторонѣ короля
Ричарда, въ справедливой войнѣ!

Этотъ монархъ наградилъ землями рингудскую фамилию. Ричардъ III
былъ любимымъ конькомъ Филиппа, когда онъ разъѣзжалъ на немъ послѣ
обѣда, онъ былъ великолѣпенъ своимъ рыцарскимъ духомъ.

О! если вы сядете на бѣлаго Сѣррея (*), будете сражаться при Бос-
вортѣ (**), и задушите принцевъ въ Тоуерѣ (***)... продолжалъ лордъ
Эскотъ.

— По дѣломъ этимъ маленькимъ злодѣямъ! заревѣлъ Филь. Они были
такіе же наследники королевской англійской крови какъ и...

— Еще бы! А все-таки мнѣ лучше хотѣлось бы послушать пѣсню.
Ну, товарищи, спойте что нибудь! Перестаньте спорить о босвортскомъ
сраженіи и Ричардѣ III! Онъ всегда такой, когда подгуляетъ, клянусь
моею честью, шепнулъ молодой аристократъ своему сосѣду.

— Я сумашедшій! Я сумашедшій! закричалъ Филь, ударивъ себя по
лбу. Есть минуты, когда несчастья моихъ предковъ приходятъ мнѣ на па-
мять. Не ваша вина, мистеръ, какъ бишь васъ зовутъ, что вы наме-
нули съ насмѣшкой на мой гербъ. Я на васъ не сержусь! Я прошу у васъ
прощенья! Я пью за ваше здоровье этимъ бордосскимъ, которое хорошо,
хотя оно принадлежитъ моему отцу. Въ нашемъ домѣ не все... шш! это

(*) Кань Ричарда III въ шекспировской трагедіи.

(**) Гдѣ былъ убитъ Ричардъ III.

(***) Какъ сдѣлалъ Ричардъ III.

Пр. пер.

Пр. пер.

Пр. пер.

бордосское 1825 года, сэръ! Отецъ Эскота подарилъ ему цѣлую бочку за то, что онъ спасъ жизнь, которая могла бы лучше быть употреблена, и мнѣ кажется аптекарь вылечилъ бы васъ, Эскотъ, не хуже моего отца. Но вино хорошо! Ну Брайсъ, дайте еще бордосскаго! Пѣсню! Кто говорилъ о пѣснѣ? Провойте намъ что нибудь, Томъ Дэль! Пѣсню, пѣсню, дѣсню!

Томъ Дэль съ своимъ обычнымъ юморомъ пропѣлъ чудную пѣсенку: «На кривахъ луна сіяетъ». Потомъ вѣжливость требовала, чтобы нашъ хозяинъ послѣдовалъ его примѣру, и Филиппъ своимъ звучнымъ голосомъ запѣлъ пѣсню: «Докторъ Лютеръ».

Нижайшій слуга читателя былъ старѣе многихъ въ этомъ пиршествѣ, которое происходило лѣтъ двадцать тому назадъ; но когда я прислушивался къ шуму, къ хохоту, къ пѣснямъ, припоминаемымъ отъ нашихъ университетскихъ дней, къ разговору и фразамъ старой школы, въ которой многіе изъ насъ были учениками, Боже мой, я совѣмъ помолодѣлъ, и когда въ дверь послышался стукъ около полночи, мнѣ представилось, будто это стучатся педели, услышавшіе наши крики на дворѣ. А поздній посѣтитель былъ ни кто иной, какъ слуга изъ таверны съ ужиномъ; и мы могли разглагольствовать, кричать, ссориться и быть молодыми сколько мы хотѣли, и никто не нашелъ бы въ этомъ преступленія, кромѣ можетъ быть, стараго адвоката, жившаго внизу, который вѣрно не могъ заснуть отъ нашего шума.

Когда явился ужинъ, бѣдный Тальботъ Туисденъ, пришедшій такъ далеко, чтобы насладиться имъ, не былъ способенъ участвовать въ немъ. Сигара лорда Эскота оказалась слишкомъ крѣпкою для него и достойный джентльменъ лежалъ на диванѣ въ сосѣдней комнатѣ уже нѣсколько времени, почти безъ чувствъ. Онъ рассказывалъ намъ, пока еще способенъ былъ говорить, какую любовь и какое уваженіе имѣлъ онъ къ Филиппу: но между нимъ и отцомъ Филиппа было любви не много. У нихъ случилась самая худшая изъ всѣхъ ссоръ,—несогласіе насчетъ раздѣла вѣнчанаго покойнаго тестя. Фэрминъ все считалъ Туисдена подлымъ скрягой, а Туисденъ считалъ Фэрмина человѣкомъ безъ правилъ. Когда мистриссъ Фэрминъ была жива, двѣ бѣдныя сестры должны были распредѣлять свою привязанность по приказанію своихъ мужей и быть то горячими, то холодными, соображаясь съ ихъ расположеніемъ. Желалъ бы я знать, много ли бываетъ истинныхъ примиреній? Я знаю, что я примирился съ яснымъ Томкинсомъ. Мы обѣдали вмѣстѣ у Джонса. Ахъ, какъ мы любимъ другъ друга! О, очень любимъ! Такъ и Фэрминъ съ Туисденомъ. Они встрѣчались и пожимали руку другъ другу съ волею враждою. Такъ и младшій Туисденъ и младшій Фэрминъ. Молодой Туисденъ былъ стар-

ше Филиппа, билъ и обижалъ Филъ въ дѣтствѣ, пока тотъ не раскорекарился и не швырнулъ своего кузена съ лѣстницы. Мысленно они всегда шмыряли другъ друга съ лѣстницы. Игакъ бѣдный Тальботъ не могъ участвовать въ ужинѣ, когда его принесли, и лежалъ въ жалкомъ положеніи на диванѣ отсутствующаго мистера Ван-Джона.

Кто поѣдетъ съ нимъ домой, гдѣ жена его вѣрно съ безпокойствомъ ждетъ? Я согласился отвезти его и пасторъ сказалъ, что ему тоже надо въ ту сторону и что онъ проводитъ насъ. Мы подъ руки провели старика черезъ Темплъ и посадили его въ извозничій кабриолетъ. Его тошнило отъ сигары и моралистъ, захотѣвшій бы прочесть нравоученіе о вредѣ куренія, могъ бы выставить примѣромъ этого безпомощнаго и несчастнаго джентльмена.

Вечернее пиршество только воодушевило мистера Гента и придало пріятное увлеченіе его разговору. Я видѣлъ этого человѣка прежде въ домѣ доктора Фермина, и признаюсь, его общество было почти столько же противно мнѣ, какъ и сыну доктора, Филиппу. Обо всѣхъ предметахъ и людяхъ Филъ привыкъ высказывать свои мысли слишкомъ откровенно, а мистеръ Гентъ былъ для него предметомъ особеннаго отвращенія съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ узналъ Гента. Я старался извинить его отца. Люди добрые, находящіеся въ хорошемъ положеніи, почти всегда имѣютъ двухъ, трехъ бѣдныхъ друзей. Люди отправляются вѣстѣ на ристалище жизни; Джэкъ выигрываетъ, а Томъ падаетъ возлѣ него. Тотъ, кто имѣлъ успѣхъ, помогаетъ и протягиваетъ дружескую руку несчастному состязателю. Воспоминаніе о прошломъ даетъ послѣднему нѣкоторое право обратиться къ своему счастливому товарищу, и сначала тотъ сожалѣетъ, потомъ терпитъ, потомъ обнимаетъ товарища, къ которому въ прежнее время, можетъ быть, онъ не имѣлъ никакого уваженія. У человѣка, имѣвшаго успѣхъ въ жизни, должны быть послѣдователи: если у него ихъ нѣтъ, значитъ онъ имѣетъ жестокое сердце.

Такъ философствовать было очень хорошо. Это прекрасно, что человѣкъ не бросаетъ друзей своего дѣтства; но жить съ такимъ мерзавцемъ, съ такимъ низкимъ, раболѣпнымъ, пьянымъ существомъ...

— Какъ могъ мой отецъ, у котораго такіе изящные вкусы, который любитъ знатное общество, сносить присутствіе такого человѣка? спрашивалъ Филъ. Я не знаю, когда онъ противнѣе: тогда ли какъ фамильярничаютъ или когда онъ почтителенъ, тогда ли какъ говоритъ комплименты гостямъ моего отца въ Паррской улицѣ, или когда рассказываетъ отвратительныя исторіи, какъ у меня за ужиномъ.

Вино, которое мистеръ Гентъ свободно выпивалъ, въ то время сдѣлало его, какъ я уже сказалъ, сообщительнымъ.

— Наша хозяйка, человекъ каретный, замѣчаетъ ея съ своей стороны, когда мы вышли вѣстѣ. Вамъ кажется, красить себою, говорить что думаетъ, не нравится маме, а мнѣ ипрочесть все равно. Мистеру Флиппу должно быть находится въ хорошемъ положеніи.

— Я сказала, что я надѣюсь и думаю это.

— Брумелль Ферминъ долженъ зарабатывать четыре или пять тысячъ фунтовъ въ годъ. Сумасбродный малый былъ онъ въ мое время; могу я сказать вамъ, кутилъ, моталъ, раззорился, поправилъ кое-что свои дѣла, и наконецъ женился на богатой. Не всѣ изъ насъ были такъ счастливы. За меня некому было платить долги. Я потерялъ свое мѣсто въ университетѣ, оттого что дѣлился и моталъ. Я любилъ хорошее общество въ то время, всегда любилъ, когда могъ попасть въ него. Еслибы вы описывали мои приключенія, вамъ пришлось бы рассказывать пространныя исторіи; я вездѣ былъ, видалъ и высокое, и низкое общество, особенно низкое. Я былъ школьнымъ учителемъ, я показывалъ медвѣдя, я издавалъ газету, я былъ въ Америкѣ, въ Вест-Индіи, въ каждомъ городѣ въ Европѣ. Мнѣ не несчастливилось, какъ Брумеллю Фермину. Онъ разъѣзжаетъ въ каретѣ, а я хожу на своихъ на двоихъ. Гниетъ каждый день падаютъ къ нему въ руку, а въ моихъ рукахъ онъ очень рѣдки, могу сказать; бѣдный старикъ Тео-тонъ Гентъ не богаче на пятомъ десяткѣ, какъ и въ то время, когда ему было восемнадцать лѣтъ. Какъ вы себя чувствуете? Воздухъ васъ облегчить? Вотъ мы въ Бонашовою улицѣ; надѣюсь, что влечетъ съ вами, и что барыня не увидитъ васъ.

Толстый буфетчикъ слишкомъ хорошо воспитанный, чтобы выразить удивленіе при какомъ бы то ни было происшествіи, случавшемся вѣ дома, растворилъ дверь мистеру Тунсенду и впустилъ джентльмена въ столь плачевномъ состояніи. Онъ былъ очень блѣденъ и торжественъ. Онъ проговорилъ нѣсколько словъ, выражавшихъ его намѣреніе назначить, въ какой день пригласить насъ обѣдать, и попробовать вина, которое Уинтонъ такъ любилъ. Онъ махнулъ намъ не твердою рукой. Если бѣ мистриссъ Тунсендъ стояла на лѣстницѣ и увидѣла, въ какомъ положеніи воротился ея властелинъ, я надѣюсь, что она сама взяла бы подсвѣчникъ, чтобы пьяный мужъ не выронилъ его изъ рукъ. Гентъ заворчалъ, когда мы вышли.

— Онъ могъ бы предложить намъ закусить за то, что мы привели его домой. Только половина втораго. Не хорошо ложиться спать такъ рано. Пойдемъ и выпьемъ гдѣ нибудь. Я знаю очень хорошую таверну недалеко отсюда. Нѣтъ, вы не хотите? Я знаю (тутъ онъ разразился хохотомъ, который какъ-то странно раздавался по снѣжной

улицѣ), я знаю, о чемъ вы думали все это время. Вы думали: «этотъ смущенный старикъ пасторъ попробуетъ занять денегъ у меня». Но я не буду занимать, мой милый. У меня есть банкиръ. Онъ меня боится. Вы понимаете. Я могу добывать соверени отъ него штегала доктора въ Старой Паррской улицѣ. Я предписываю ему кровопусканіе. Я вытягиваю деньги отъ него. Онъ очень добрый малый, Бруммель Ферминъ. Онъ не можетъ ни въ чемъ отказать своему дорогому старому другу. Спасибо ему.

И отправляясь въ одинъ изъ своихъ полуночныхъ притоновъ, онъ махнулъ рукою по воздуху. Я слышалъ его хохотъ въ безмолвной улицѣ и полицманъ X, шагавшій на караулъ, обернулся и подозрительно поглядѣлъ на него!

Мои подозрѣнія о грязномъ пасторѣ подтверждались предположеніями Филиппа о немъ, которыя онъ выражалъ съ своимъ обыкновеннымъ чистосердечіемъ.

— Этотъ негодяй требуетъ чего хочетъ въ гостиницѣ Фринни-снаго герба, говоритъ бѣдный Филь, а когда собираются важные гости моего отца, я полагаю, что почтенный джентльменъ обѣдаетъ съ ними. Желалъ бы я посмотреть какъ онъ чокается съ старымъ Бемпширомъ или бьетъ бисхопа по спицѣ. Онъ живетъ въ улицѣ Саго за угломъ, такъ чтобы находиться около нашего дома и между тѣмъ сохранять свою независимость. А то я удивился бы, почему онъ не поселился въ Старой Паррской улицѣ, гдѣ стоитъ порожнею спальная моей бѣдной матери. Докторъ не хочетъ занимать этой комнаты. Я помню теперь, какъ молчаливы бывали они между собою, и какъ испугана она всегда казалась передъ нимъ. Что онъ сдѣлалъ? Я знаю одно дѣло въ его молодости. Но знаетъ ли еще чего этотъ Гентъ? Они вѣрно были сообщниками въ какомъ нибудь заговорѣ, сэръ; и непремѣнно съ этимъ молодымъ Синкбарзомъ, о которомъ вѣчно хвастаетъ Гентъ: достойнымъ сыномъ достойнаго Рингуда. Неужели развратъ течетъ въ крови? Я слышалъ, что мои предки были честными людьми. Можетъ быть только оттого, что никто не могъ узнать ихъ дурныхъ дѣлъ, и фамильное пятно обнаружится во мнѣ когда нибудь. Я теперь еще не совсѣмъ дурень, но я дрожу, какъ бы мнѣ не пропасть совсѣмъ. Положимъ я утону и пойду ко дну? Не весело, Пенденнисъ, имѣть такого отца, какъ мой. Не обманывайте меня вашимъ наляпчивымъ состраданіемъ и успокоительными предположеніями. Вы тогда напоминаете мнѣ о большомъ свѣтѣ, ей Богу такъ! Я сиѣюсь, пою, веселюсь, пью, курю безконечно; а по правдѣ сказать, чувствую постоянно, какъ будто мечъ виситъ надъ черепомъ моимъ и когда нибудь опустится и

разсѣчетъ его. Подъ Старой Паррской улицей подводятъ мины, сэръ, подводятъ мины! И когда нибудь мы будемъ взорваны на воздухъ—на воздухъ, сэръ; помяните мое слово! Вотъ почему я такъ безпеченъ и лѣнивъ, за что вы, товарищи, вѣчно браните меня, вѣчно надоѣдаете мнѣ. Какая польза остепениться, пока взрыва не было еще, развѣ вы не видите? Бѣдная, бѣдная матушка (онъ обратился къ портрету матери, который висѣлъ въ той комнатѣ, гдѣ мы говорили), не знала ли ты этой тайны, и не оттого ли въ глазахъ твоихъ всегда выражался такой страхъ? Она всегда любила васъ, Петъ. Помните, какъ она казалась мила и граціозна, когда лежала на диванѣ наверху, или когда улыбалась изъ своей кареты, посылая намъ, мальчишкамъ, поцѣлуй рукой? Каково женщинамъ, если ее обольщать нѣжными словами, увезутъ, а потомъ она узнаетъ, что у ея мужа копыто на ногѣ?

— Ахъ, Филиппъ!

— Какова доля сына такого человѣка? Нѣтъ ли и на моей ногѣ копыта?

Нога его, когда онъ говорилъ была протянута по-американски, на рѣшотку камина.

— Положимъ, для меня спасенія нѣтъ, и я наслѣдую мою участь, какъ другіе наслѣдуютъ подагру или чахотку? А когда знаешь свою судьбу, какая польза дѣлать что нибудь особенное? Говорю вамъ сэръ, все зданіе нашей настоящей жизни разрушится и разсыплется. (Тутъ онъ бросилъ свою трубку на полъ, такъ что она разлетѣлась въ дребезги). А пока настанетъ катастрофа, какая польза приниматься за работу, какъ вы выражаетесь? Это все равно, что говорить жителю Помпей, чтобы онъ выбралъ себѣ профессію наканунѣ изверженія Везувія.

— Если вы знаете, что изверженіе Везувія разразится надъ Помпеей, сказалъ я съ испугомъ, зачѣмъ не переѣхать въ Неаполь, или подалее, если вы хотите?

— Развѣ не было часовыхъ въ будкахъ у городскихъ воротъ, спросилъ Филиппъ, которые могли бы бѣжать, а между тѣмъ остались, чтобы быть погребенными тамъ? Положимъ, что эта участь намъ не угрожаетъ, а опасеніе мое просто нервный страхъ? Положимъ, это случится и я останусь живъ? Опасность получить добычу придаетъ ей вкусъ, старій товарищъ. Кромѣ того, надо помнить о чести, и о комъ-то другому въ этомъ дѣлѣ, съ кѣмъ разстаться нельзя въ часъ опасности.

Тутъ онъ покраснѣлъ, тяжело вздохнулъ и выпилъ рюмку бордоскаго.

ГЛАВА VIII.

НАЗОВЕТСЯ ЦИНИЧЕСКОЙ ЛЮДЬМИ ДОВОДЪТЕЛЬНЫМИ.

Я надѣюсь, что кроткіе читатели не будутъ имѣть дурнаго мнѣнія о ихъ нижайшемъ и покорнѣйшемъ слугѣ, если я признаю, что говорилъ съ моей женой, воротившись домой, о Филиппѣ и его дѣлахъ. Когда я захочу быть откровеннымъ, я надѣюсь, что никто не можетъ быть откровеннѣе меня; когда я намѣренъ молчать, рыба не можетъ быть такъ нѣма. Я сохранялъ тайны такъ ненарушимо, что самъ совсѣмъ забывалъ ихъ, пока память моя не освѣжалась людьми, также знавшими эти тайны. Но къ чему было скрывать это отъ существа, которому я открываю все, или почти все—да, все, кромѣ двухъ, трехъ обстоятельствъ—что лежитъ у меня на сердцѣ?

Вотъ я и сказалъ ей:

— Душа моя, случилось, какъ я подозрѣвалъ. Филиппъ и кузина его Агнеса влюблены другъ въ друга.

— Агнеса эта блѣдная или *самая* блѣдная? спросила радость моей жизни.

— Нѣтъ, старшая Бланшъ. Онѣ обѣ старше мистера Фэрмина, но Бланшъ старшая изъ сестеръ.

— Я не говорю ничего дурнаго, не оспариваю этого; не такъ ли, сэръ?

Только я зналъ по ея лицу, когда упоминали о какой нибудь другой женщинѣ, любить ее моя жена или нѣтъ. И я обязанъ сказать, что ея фizioномія не всякій разъ удостоиваетъ улыбаться, когда называютъ другихъ дамъ по именамъ.

— Ты не бываешь тамъ? Ты и мистриссъ Туисденъ сдѣлали визиты другъ другу, на томъ дѣло и остановилось? О, я знаю! Ты питаешь такое нехристіанское чувство къ бѣдному Тальботу потому, что онъ такъ хвастается своимъ виномъ, а даетъ такую отвратительную дрянъ!

— Да, конечно, потому, сказала моя жена.

— Нѣтъ, совсѣмъ не потому. Хотя ты *умишь* отличить хересь отъ портвейна, я вѣрю по совѣсти, что ты избѣгаешь Туисденовъ не потому, что они угощаютъ дурнымъ виномъ. Многіе другіе грѣшатъ въ этомъ отношеніи и ты прощаешь имъ. Ты любишь своихъ ближнихъ болѣе вина, нѣкоторыхъ ближнихъ, а другихъ ближнихъ ты не любишь хуже чѣмъ лекарство. Ты проглатываешь ихъ. Ты не говоришь ничего,

но твои взгляды ужасны. Ты дѣлаешь гримасы, а когда примешь ихъ, тебѣ нужна конфетка, чтобы истребить этотъ вкусъ во рту.

Дама, къ которой обращалась эта остроумная рѣчь, пожала своими хорошенькими плечиками. Моя жена раздражаетъ меня во многомъ, напримеръ, когда она встаетъ въ сумасбродные часы, чтобы идти къ ранней обѣдѣ, или когда смотритъ на меня особеннымъ образомъ за обѣдомъ, если я хочу съѣсть одно изъ тѣхъ кушаньевъ, которыя по увѣреніямъ доктора Гуденофа не здоровы для меня, а болѣе всего когда упрямно молчать, если я браню людей, которыхъ я не люблю, которыхъ она не любитъ, и которые бранятъ меня,—это молчаніе сводитъ меня съ ума. Какое довѣріе можетъ быть между мужемъ и женою, если онъ не можетъ сказать ей: «чортъ побери такого-то, я терпѣть его не могу», или «какой подлецъ этотъ какъ бышь его!» или «какимъ раздутымъ аристократомъ сдѣлался Тингэми съ тѣхъ поръ, какъ получилъ это мѣсто».

— Нѣтъ, продолжалъ я, я знаю почему вы ненавидите Тунсденовъ, мистриссъ Пенденнисъ. Вы ненавидите ихъ потому, что они живутъ въ свѣтѣ, въ которомъ вы можете бывать только изрѣдка; вы ненавидите ихъ потому, что они на дружеской ногѣ съ самыми знатными людьми, потому что они обладаютъ непринужденной граціей, открытымъ и благороднымъ изяществомъ, какими не одарены провинціалы и аптекарскіе сыновья.

— Любезный Артуръ, мнѣ кажется, ты стыдишься, что ты аптекарскій сынъ. Ты такъ часто объ этомъ говоришь, сказала моя жена.

Все это было очень хорошо, но вы видите, что она не отвѣчала на мои замѣчанія о Тунсденахъ.

— Ты права, моя милая, сказалъ я тогда. Я не долженъ осуждать другихъ, потому что самъ не добродѣтельнѣе моихъ ближнихъ.

— Я знаю людей, которые бранятъ тебя, Артуръ; но мнѣ кажется, что ты очень хорошій человекъ, сказала моя жена, сѣдя за своимъ маленькимъ чайнымъ подносомъ.

— И Тунсденъ также хорошіе люди—очень милые, безъискусственныя, безкорыстные, простые, великодушные, хорошо воспитанные люди. Мистеръ Тунсденъ человекъ съ сердцемъ; способность Тунсдена къ разговору замѣчательна и пріятна; Филиппъ чрезвычайно счастливъ, что женится на одной изъ этихъ очаровательныхъ дѣвушекъ.

— Я не терплю ихъ, закричала моя жена, потерявъ свою добродѣтель къ моему величайшему удовольствію, потому что я узналъ тогда, что я вшаель трещину въ стальной брони мадамъ Пенденнисъ и перазилъ ее въ самомъ чувствительномъ мѣстечкѣ.

— Не терпишь ихъ? Такихъ милыхъ, самой аристократической наружности молодыхъ дѣвицъ, закричалъ я.

— Ахъ! сказала со вздохомъ моя жена: что онѣ могутъ дать Филиппу взамѣнъ?..

— Взамѣнъ его тридцати тысячъ? Онѣ будутъ имѣть каждая по десяти тысячъ послѣ смерти матери.

— О! я не хотѣла бы, чтобы сынъ нашъ женился на женщинѣ, похожей на нихъ, еслибы у ней былъ даже миллионъ. Не хотѣла бы, дитя мое и моя радость!

Эти слова обращались къ милому малюткѣ, который ѣлъ пирожное, сидя на высокомъ стулѣ за маленькимъ столикомъ возлѣ матери, и который, хотя много кричалъ въ то время, будетъ нѣмымъ персонажемъ въ этой исторіи.

— Ты намекаешь на маленькую исторію Бланшъ съ..

— Нѣтъ, я не намекаю, сэръ!

— Почему же ты знаешь, о которой исторіи я говорю?.. Или на обманутыя ожиданія Агнесы, когда лордъ Фаринтошъ овдовѣлъ? Если онъ не хочетъ, она не можетъ, ты знаешь, моя милая. А и увѣренъ, что она употребляла всё силѣ, по крайней мѣрѣ такъ всё говорить.

— Ахъ! я не имѣю терпѣнія слышать какъ вы, свѣтскіе люди, обращаетесь съ самымъ священнымъ предметомъ — съ самымъ священнымъ, сэръ. Вы слышите? Развѣ женщина можетъ отдавать и отнимать свою любовь каждый день? Развѣ ея вѣрность и чистота сердца должны сдѣлаться товаромъ для промѣна на званіе и общественное уваженіе? Мнѣ жаль, потому что я не желаю видѣть Филиппа, который добръ, честенъ и великодушенъ, и справедливъ до сихъ поръ— какъ бы ни были велики его проступки—я не желаю видѣть его... О! это ужасно, ужасно!

— Видѣть его чѣмъ? Чѣмъ нибудь ужаснымъ на этомъ свѣтѣ, или въ будущемъ? Не воображайте, что родственники Филиппа думали, будто они дѣлаютъ Филю вредъ, соглашаясь выдать дочь за него, за докторскаго сына. Тунсденъ занимали гораздо лучшее мѣсто въ свѣтѣ, чѣмъ родственники ихъ въ Старой Паррской улицѣ, и бывали въ лучшихъ домахъ. Свѣзды при дворѣ были бы не полны безъ мистера и мистриссъ Тунсденъ. Можетъ быть, нашлись бы фамиліи познатіе ихъ титулами, и побогаче и занимавшія болѣе высокое положеніе, но на свѣтѣ не находилось болѣе уважаемыхъ людей, какъ Тунсденъ; въ этомъ всё въ семействѣ были убѣждены, начиная отъ самаго Тальбота до его наследника. Еслибы кому нибудь вздумалось написать исторію о томъ, какой вредъ былъ сдѣланъ людьми, которые воображали себя добродѣтельными, какая это была бы странная, назидательная книга!

Кто сожигалъ протестантовъ? Добродѣтельныя католики. Кто жарилъ католиковъ? Добродѣтельныя реформаты. Кто думаетъ, что я человѣкъ опасный и избѣгаетъ меня въ клубъ? Добродѣтельный Сквертосъ. Кто презираетъ? Кто преслѣдуетъ? Кто не прощаетъ? Добродѣтельная мистрисъ Грѣнди. Она помнитъ грѣшки своихъ ближнихъ до третьяго и четвертаго поколѣнія; и если она увидитъ, что такой-то упалъ на ея дорогѣ, она съ крикомъ подберетъ свое платье, опасаясь, что грязный, окровавленный злодѣй можетъ заразить ее, и проходить мимо.

Я не намѣренъ дѣлать сюрпризы изъ этой скромной исторіи или держать невинныхъ читателей въ недоумѣніи насчетъ многого, что можетъ интересовать ихъ. Напримѣръ, любовь интересовала читателей романовъ гдѣ сто сряду, и безъ сомнѣнія будетъ всегда интересовать ихъ. Почти всѣ молодые люди читаютъ любовныя исторіи съ увлеченіемъ, какъ старшии читаютъ медицинскія книги, о чемъ бы то ни было, о болѣзняхъ сердца, печени, о подагрѣ, параличѣ, и кричатъ: «именно такъ, совершенно такъ какъ со мной!» Первая любовь Фила, къ которой мы теперь приступаемъ, была ложнымъ шагомъ. Я сознаюсь въ этомъ тотчасъ. И въ началѣ своей карьеры я полагаю, что онъ былъ счастливъ не болѣе или не менѣе многихъ и многихъ мужчинъ и женщинъ на этомъ свѣтѣ. Положимъ, что потокъ истинной любви всегда протекалъ бы гладко, и всякій женился бы на предметѣ своей первой любви. Ахъ, какіе браки случались бы?

Великодушный молодой человѣкъ приходитъ на рынокъ съ сердцемъ, которое такъ и хочетъ выскочить изъ груди его, такъ и бьется и волнуется, и онъ не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не продастъ его. Что же удивительнаго, если онъ нападетъ на хитраго купца въ Ярмаркѣ Тшеславіа и продастъ все свое имущество за пошлую бездѣлушку, которая не стоитъ гроша? Филъ вздумалъ влюбиться въ свою кузину, и я предупреждаю васъ, что изъ этой страсти не выдетъ ничего, кромѣ влияния, которое она имѣла на характеръ молодого человѣка. Хотя моя жена не любила Тумсденовъ, она любила чувства, любила любовныя дѣла—всѣ женщины это любятъ. Бѣдный Филъ надоѣдалъ мнѣ послѣ обѣда безконечными разглагольствованіями о своей страсти и своей очаровательницѣ; но моя жена никогда не уставала его слушать.

— Вы знойсь, бездушный, пресытившійся свѣтскій человѣкъ, вотъ вы что, говаривалъ онъ мнѣ. Ваше огромное и незаслуженное счастье въ супружеской лоттерей, сдѣлало васъ жестокимъ, холоднымъ, глупымъ, равнодушнымъ. Вы засыпали, ееръ, два раза сегодня, пока я говорилъ. Я пойду и расскажу все вашей женѣ. У ней есть сердце.

И, занимаясь моею книгою, или дремотою послѣ обѣда, я слы-

шалъ, какъ погъ трещалъ подъ ногами Филиппа надъ головой моею, или какъ онъ энергически мѣшалъ огонь въ гостиной.

Тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ были уже у молодого человека, третья часть этой суммы должна была достаться дѣвухѣ послѣ смерти ея матери; все что накопилъ и оставилъ докторъ—этого конечно было довольно въ настоящемъ и будущемъ для многихъ молодыхъ супруговъ; и такъ какъ Филю было двадцать два года, а Агнесъ (долженъ ли я признаться) двадцать пять, и такъ какъ она согласилась слушать горячія изліянія краснорѣчиваго и страстнаго юноши и промѣнять на его свѣжее, только что отчеканенное золотое серебряное сердце, свое вытертое маленькое трех-пенсовое сердечко, зачѣмъ имъ не обвѣчаться бы тотчасъ, и такимъ образомъ заставить насъ покончить и съ ними, и съ этой исторіей? Денегъ у нихъ достанетъ, чтобы заплатить пастору и за почтовыхъ лошадей; они могутъ уѣхать въ провинцію, жить собственными средствами и вести жизнь такую пошлую и счастливую, что Филь могъ бы растолстѣть, облѣниться и сдѣлаться совершенно негоднымъ для своего настоящаго званія героя романа. Но позвольте—есть препятствія. Филиппъ милый, славный, красивый, сумасбродный, но беззаботный юноша, наступавшій всѣмъ на платья, разбиравшій маленькія фарфоровыя украшенія въ обществѣ, былъ не поворотливъ и въ жизни; притомъ къ чему спѣшить? Знаете ли вы навѣрно, что мать оставила ему деньги, и какъ это отецъ его докторъ еще не отдалъ ему отчета? *C'est louche*. Люди, занимающіе высокое положеніе въ обществѣ, и съ правилами, должны позаботиться чтобы денежныя дѣла были въ совершенномъ порядкѣ, прежде чѣмъ отдадутъ свою любимицу, привыкшую къ роскоши, сумасбродному и эксцентрическому, хотя великодушному и любезному молодому человеку. Кромѣ того... ахъ! Кромѣ того—кромѣ того!

— Это ужасно, Артуръ! Стыдно судить такъ о женщинѣ, о христіанкахъ! О, моя душечки, мои радости! Продамъ ли я *вась*? говорить молодая мать, прижимая къ своему сердцу маленькое пикливое созданьеце, съ голубыми ленточками на плечикахъ, съ ручками, къ которымъ только что привита была оспа, и въ премиленькихъ красныхъ башмачкахъ. Продамъ ли я *вась*? говорить мама.

Маленькій Арти кричитъ, а маленькая Нелли поднимаетъ глазки съ своихъ игрушекъ съ изумительнымъ и плаксивымъ выраженіемъ.

Мнѣ стыдно сказать, что значить «кромѣ того»; но дѣло въ томъ, что молодой Улькомъ лейбгвардеецъ, получившій въ наслѣдство огромное имѣніе въ Вест-Индіи и нѣсколько капель той черной крови, которая внушаетъ мужчинѣ природное пристрастіе къ бѣлокурнымъ красавицамъ, устремилъ свои опаловые глаза на свѣтлорусую Агнесу;

онъ безпрестанно танцовалъ съ нею, а когда коляска мистриссъ Тунсденъ показывалась въ Гайдъ-Паркъ, вы могли бы видѣть пару самыхъ изящныхъ желтыхъ лайковыхъ перчатокъ, играющихъ поводьями, пару красивыхъ сапоговъ, слегка касающихся стремянъ, великолѣпную лошадь, исполняющую самыя граціозныя прыжки, а на великолѣпной лошади—красиваго низенькаго человѣка съ яркимъ пунцовымъ цвѣткомъ въ петлицѣ, съ блестящими опаловыми глазами, съ смуглымъ цвѣтомъ лица, а съ волосами такими черными и курчавыми, что, право, въ южныхъ американскихъ штатахъ ему надѣляли бы грубостей на желѣзной дорогѣ. (*)

Но въ Англіи мы не таковы. Въ Англіи Гревиль Улькомъ человѣкъ и братъ. Говорятъ, что половина Арроуртскаго острова принадлежитъ ему, кромѣ Мэнгровскаго замка и такихъ же имѣній въ другихъ графствахъ, и прекрасный домъ въ Лондонѣ. Его называютъ Чернымъ Принцемъ за кулисами многихъ театровъ; дамы киваютъ ему головой изъ тѣхъ колясокъ, о которыхъ, вы понимаете, не слѣдуетъ говорить. Слухи объ его богатствѣ подтверждаются тѣмъ известнымъ фактомъ, что Черный Принцъ скупъ и любитъ разставаться съ своими деньгами не иначе, какъ для собственныхъ своихъ удовольствій.

Когда онъ принимаетъ въ своемъ деревенскомъ домѣ, угощеніе его очень великолѣпно. Ему льстили, его ласкали всю жизнь; нѣжная мать позволяла ему дѣлать все, что онъ хотѣлъ; а такъ какъ учиться онъ не хотѣлъ, то надо признаться, что его литературное образованіе не весьма обширно, и что даже пишетъ онъ съ ошибками. Но въ управленіи своими денежными дѣлами онъ очень проникатель и искусенъ. Лошади стоятъ ему гораздо менѣе, чѣмъ какому бы то ни было молодому человѣку въ Англіи, имѣющему такихъ хорошихъ лошадей. Ни одному торгашу не удалось обмануть его; и хотя онъ нѣсколько скупъ на деньги, однако если какое-нибудь желаніе сильно овладѣвало имъ, никакая сумма не останавливала его.

Напримѣръ, когда онъ купилъ... Но оставимъ въ покоѣ скандальныя исторіи. Какое дѣло намъ до прошлаго. Докторскій сынъ, имѣющій тысячу фунтовъ въ годъ годоваго дохода, можетъ считаться прекрасной партией въ нѣкоторыхъ кружкахъ, но, *vous sçavez*, не въ высшемъ обществѣ. А милая, образованная, уважаемая женщина, развѣ не знаетъ, какъ прощать многіе недостатки нашего пола? А дѣта? Фи! Она увѣнчиваетъ мою плѣшивую голову розами своей юности. А цвѣтъ лица? Какой контрастъ пріятнѣе и трогательнѣе золотистыхъ локоновъ Дез-

(*) Потому то его приняла бы за мулата. *Прим. перев.*

демоны на смугломъ плечѣ Отелло? А прошлая жизнь, исполненная эгоизма и проведенная въ дурномъ обществѣ. Приди хоть отъ свиней, мой блудный сынъ, и я очищу тебя! Это называется цинизмомъ, знаете. Стало быть и жена моя циникъ, когда прижимаетъ своихъ дѣтей къ своему чистому сердцу и молится небу, чтобы оно оберегло ихъ отъ эгоизма, отъ суетности, отъ бездушія, отъ злой жадности.

ГЛАВА IX,

Содержащая одну загадку, которая разрѣшается, а можетъ быть и еще кое-что.

Моя муза скромная, и когда исторія достигаетъ до того періода, что слѣдуетъ описывать любовь, моя Мнемозина отворачивается отъ молодой четы, опускаетъ занавѣсъ надъ амбразурой, гдѣ шепчутся влюбленные, выпускаетъ вздохъ изъ своей пожилой груди и прикладываетъ палецъ къ своимъ губамъ. Ахъ, милая Мнемозина, мы не будемъ шпионами надъ молодыми людьми! Мы не будемъ ихъ бранить. Мы не будемъ много говорить объ ихъ поступкахъ. Когда мы были молоды, можетъ быть, и насъ принимали подъ палаткою купидона, мы ѣли его горькую, но восхительную хлѣбъ-соль. Теперь мы странствуемъ одиноко въ пустынѣ и не будемъ бранить нашего хозяина. Мы ляжемъ подъ открытымъ небомъ, будемъ съ любовью думать о быломъ, а завтра возьмемъ опять посохъ и пустимся въ путь.

Но я не думаю, чтобы эта страсть Филиппа была истинной любовью; это былъ только непродолжительный обманъ чувствъ, отъ котораго я предупреждаю васъ, что нашъ герой выздоровѣетъ черезъ нѣсколько главъ. Какъ, мой милый юноша, неужели мы отдадимъ твое сердце до гробовой доски? Какъ, мой Коридонъ и поющій лебедь, неужели мы навсегда отдадимъ тебя твоей Филлидѣ, которая во все время, пока ты играешь ей на свирѣли и ухаживаешь за нею, держитъ Мелибея въ шкапу, и готова выпустить его, если только онъ окажется болѣе выгоднымъ пастушкомъ, чѣмъ ты? Я не такъ жестокъ къ моимъ читателямъ или моему герою, чтобы подвергнуть ихъ несчастью такого брака.

Филиппъ не былъ ни клубнымъ, ни свѣтскимъ человѣкомъ. Онъ рѣдко бывалъ въ клубѣ, а когда входилъ туда, то свирѣло и странно

смѣялся надъ обычаями посѣтителей. Онъ представлялъ довольно неулыбчивую фигуру въ свѣтѣ, хотя наружность имѣлъ красивую, живую и довольно приличную; но онъ вѣчно наступалъ своею огромною ногою на воланы *сетта*, и свѣтъ кричалъ и ненавидѣлъ его. Онъ одинъ не примѣчалъ волокитства Улькома, хотя сотни людей давно подсмѣивались надъ этимъ.

— Кто этотъ человѣкъ низенькаго роста, который бываетъ у васъ, и котораго я иногда вижу въ паркѣ, тетушка,—этотъ низенькій человѣкъ въ такихъ бѣлыхъ перчаткахъ и очень смуглый лицомъ? спрашиваетъ Филиппъ.

— Это мистеръ Улькомъ, лейбгвардеецъ, напоминаетъ тетка.

— Офицеръ, неужели? говоритъ Филиппъ, обращаясь къ дѣвушкамъ. А мнѣ кажется, что къ нему болѣе шелъ бы тюрбанъ и бубень.

И онъ смѣется и думаетъ, будто сказалъ умную вещь. О, эти остроты о людяхъ и противъ людей! Никогда, мой милый, юный другъ, не говорите ихъ никому, не говорите постороннему, потому что онъ пойдетъ и расскажетъ; не говорите владычицѣ вашего сердца, потому что вы можете поссориться съ ней и тогда она расскажетъ; не говорите вашему сыну, потому что безъискусственный ребенокъ воротится къ своимъ школьнымъ товарищамъ и скажетъ: «папа говоритъ, что мистеръ Бленкинсонъ—копакъ». Дитя мое, хвалите всѣхъ, улыбайтесь всѣмъ, и всѣ будутъ улыбаться вамъ притворною улыбкою, и протягивать вамъ притворно дружескую руку, словомъ, будутъ уважать васъ, какъ вы заслуживаете. Нѣтъ. Я думаю, что мы съ вами будемъ хвалить тѣхъ, кого любимъ, хотя никто не повторитъ нашихъ добрыхъ словъ; и будемъ прямо говорить, что думаемъ о тѣхъ, кого мы не любимъ, хотя мы увѣрены, что наши слова сплетники перескажутъ съ прибавленіями и они будутъ вспоминаться долго спустя послѣ того какъ мы забудемъ ихъ. Мы кидаемъ въ воду камешекъ, маленькій камешекъ, который нырнетъ и исчезнетъ, но весь прудъ приходитъ въ сотрясеніе и струится безпрестанно расширяющимися кругами, долго спустя послѣ того какъ камешекъ пошелъ ко дну и исчезъ изъ глазъ. Развѣ ваши слова, сказанныя десять лѣтъ тому назадъ, не возвращались къ вамъ обезображенныя, испорченныя, можетъ быть такъ, что ихъ узнать нельзя.

Филь черезъ пять минутъ послѣ своей шуточки, совсѣмъ забывъ, что сказалъ о Черномъ Принцѣ и димбалахъ, и когда капитанъ Улькомъ нахмурился на него свирѣпо, молодой Фарминъ подумалъ, что это было природное выраженіе смуглой физиономіи капитана, и даже пересталъ на него глядѣть.

*

— Ей Богу, сэръ! сказалъ послѣ Филь, говоря объ этомъ офицерѣ, я замѣтилъ, что онъ ухмылялся, болталъ, скалилъ зубы, и когда я вспомнилъ, что болтать и скалить зубы, въ натурѣ подобныхъ обезьянъ, у меня не было и въ умѣ, что этотъ оранг-утангъ сердится на меня болѣе чѣмъ на другихъ. Видите, Пенъ, я бѣлокожій по природѣ, а злые называютъ меня ржимъ. Это не очень хорошей цвѣтъ. Но я никакъ не думалъ, чтобы моимъ соперникомъ былъ мулатъ. Конечно, я не такъ богатъ, но состояніе у меня есть. Я могу читать и писать правильно и довольно бѣгло. Могу ли я опасаться соперничества, могу ли думать, что вороная лошадь побѣдитъ гнѣдую? Разсказать ли мнѣ вамъ, что она всегда, постоянно, говорила мнѣ? Я этимъ не измѣню тайнамъ любви. Нѣтъ, ей-Богу, добродѣтель и благоразуміе всегда были у ней на языкѣ. Она напѣвала мнѣ правоученія, кротко намекала, что я долженъ помѣстить мои деньги съ самымъ вѣрнымъ обезпеченіемъ, и что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ, даже отецъ, не долженъ самовластно распоряжаться ими. Она дѣлала мнѣ, сэръ, множество маленькихъ, кроткихъ, робкихъ, невинныхъ вопросовъ о состояніи моего отца, и сколько онъ имѣетъ, по моему мнѣнію, и какъ онъ откладываетъ? Какіе добродѣтельные родители у этого ангела! Какъ они ее воспитали, какъ направили ея милые голубые глазки исключительно на практическіе предметы. Она знаетъ, чего стоитъ вести домашнее хозяйство, знаетъ цѣну акцій желѣзныхъ дорогъ; она копятъ капиталъ для себя и въ этомъ свѣтѣ и въ будущемъ. Можетъ быть, она не всегда поступаетъ какъ слѣдуетъ, но не ошибется она никогда! Я говорю вамъ, Пенъ, это ангелъ съ крылышками, сложенными подъ ея платьицемъ, можетъ быть не тѣми могучими бѣлоснѣжными, блестящими крыльями, которыя парятъ къ самымъ высокимъ звѣздамъ, но съ крылышками хорошими, полезными, сизыми, которыя будутъ тихо и ровно поддерживать ее, какъ разъ надъ нашими головами, и помогутъ ей тихо спуститься, когда она удостоится слетѣть къ намъ. Когда я подумаю, сэръ, что я могъ бы быть женатъ на такомъ миломъ ангелѣ, и что я все еще холостъ — о, я въ отчаяніи, въ отчаяніи!

Но исторія обманутой надежды и неудавшейся страсти Филиппа должна быть разсказана не въ такихъ язвительныхъ и несправедливыхъ выраженіяхъ, какія употреблялъ этотъ джентльменъ, обыкновенно пылкій и хвастливый въ разговорѣ, любившій преувеличивать свои разочарованія и кричать, реветъ—даже ругаться, если ему наступать на мозоль, такъ громко, какъ кричатъ тѣ, у кого отрѣзываютъ ногу.

Я могу поручиться за миссъ Тунсенъ, мистриссъ Тунсенъ и за всю ихъ семью, что если они, какъ вы это называете, надули Фи-

липпа, то они сдѣлали это, вовсе не подозрѣвая, что это былъ поступокъ грязный. Ихъ поступки никогда не бывали грязны или низки; они всегда бывали вынуждены необходимостью, говорю я вамъ, и спокойно приличны. Они ѣли остатки вчерашняго обѣда съ граціознымъ молчаніемъ; они скупо кормили своихъ людей, они выгоняли изъ дома голодныхъ слугъ; они извлекали выгоды изъ всего; они спали граціозно подъ узкими одѣялами; они зябли у скупо-затопленнаго камина; они запирали чайницу самымъ крѣпкимъ замкомъ, дѣлали самый жидкій чай; неужели вы предполагаете, что они думали, будто они поступаютъ низко или дурно? Ахъ, удивительно, какъ подумаешь, сколько самыхъ почтенныхъ семействъ изъ вашихъ знакомыхъ и моихъ, любезный другъ, обманываютъ другъ друга!

— Дружокъ, я выгадала полдюйма плюша изъ панталончиковъ Джэмса.

— Душечка, я сберегла полпени отъ пива. Пора одѣваться и ѣхать къ герцогинѣ; какъ ты думаешь, можетъ Джонъ надѣть ливрею Томаса, онъ носилъ ее только годъ и умеръ отъ оспы? Джону она немножко узка, но....

Это что такое? Я выдаю себя за безпристрастнаго лѣтописца счастья, злополучія, дружескихъ связей Филиппа и сержусь на этихъ Тусденовъ почти столько же, какъ и самъ Филиппъ.

Я не сержусь на тѣхъ несчастныхъ женщинъ, которыя таскаются по мостовой, и приторную улыбку которыхъ освѣщаетъ газовой рожокъ, а то моя щекотливая добродѣтель и брюзгливая скромность не могли бы прогуливаться въ Пиккадилли, не могли бы выйти со двора. Но Лаиса нравственная, опрятная, щеголеватая, туго зашнурованная; Фриней, вовсе не растрепанная, но съ волосами приглаженными фуксатоаромъ, въ лучшей шнуровкѣ, стянутой самой мамой; Аспазія, послѣдовательница Верхней Церкви, образецъ приличія, обладающая всѣми дѣвственными прелестями, готова продать ихъ самому старому изъ старыхъ старикашекъ, у котораго есть деньги и титулъ; — вотъ этихъ несчастныхъ, хотѣлось бы мнѣ видѣть раскаявающимися, но прежде приколотить ихъ хорошенько. Ну, нѣкоторые изъ нихъ отдамы въ исправительныя заведенія на Гросвенорскомъ сквэрѣ. Онѣ носить тюземную одежду изъ брильянтовъ и кружевъ. Родители плачутъ и благодарятъ Бога, когда продаютъ ихъ; а всякіе разные бисшопы, пасторы, родственники, вдовы, росписываются въ книгѣ и утверждаютъ своею подписью обрядъ. Созовемъ на полуночный митингъ всѣхъ, кто былъ продавъ въ замужество: какое порядочное, какое зватное, какое блестящее, какое величественное, какое многочислен-

ное собраніе будемъ мы имѣть; найдется ли такая большая комната, въ которой онѣ могли бы помѣститься всѣ?

Загляните въ эту темную, торжественную, довольно мало, но изящно меблированную гостиную въ Бонатской улицѣ, и въ эту маленькую зрительную трубку,—вы можете видѣть нѣсколько премилыхъ группъ, разговаривающихъ въ разное время дня. Послѣ завтрака, пока еще рано ѣхать кататься въ паркъ, въ гостиную входитъ бѣлокурый молодой человѣкъ съ большими ногами и широкой грудью, безъ перчатокъ, съ длинными каштановыми усами, повиснувшими на широкій воротничокъ и, долженъ ли я признаться, что отъ него сильно несетъ сига-рою? Онъ начинаетъ громко высказывать свое мнѣніе о вчерашнихъ преніяхъ или о вчерашнемъ памфлетѣ, или о вчерашней поэмѣ, или о скандалѣ, случившемся на прошлой недѣлѣ, или объ итальянцѣ съ обезьяной, кривлявшейся на улицѣ, словомъ, о чемъ бы то ни было, что занимаетъ его мысли въ эту минуту. Если у Филиппа былъ дурной обѣдъ вчера (и онъ неравно вспомнить объ этомъ), онъ ворчитъ, сердится и бранитъ самымъ гнуснымъ образомъ повара, слугъ, эконома, весь комитетъ, все общество того клуба, гдѣ онъ обѣдалъ. Если Филиппъ встрѣтилъ дѣвочку, играющую на органѣ, съ хорошеишкими глазками и обязыной, на улицѣ, онъ смѣялся, удивлялся обязынѣ, качалъ головою, напѣвалъ подъ мотивъ органа, нашелъ, что у дѣвочки самые чудные глаза, какіе когда либо случалось ему видѣть, и что отецъ у нея вѣроятно какой-нибудь альпійскій мошенникъ, продавшій свою дочь аферисту, который съ своей стороны продалъ ее въ Англію. Если ему приходится разсуждать о поэмѣ, памфлетѣ, журнальной статьѣ, то она непремѣнно написана или величайшимъ гениемъ или самымъ величайшимъ дуракомъ, когда-либо существовавшимъ въ свѣтѣ. Можетъ ли онъ писать! Въ этой юдоли слезъ, въ которой мы обитаемъ, не найдется другаго подобнаго идиота. Или видели вы поэмы Доббинса? Агнеса, помяните мое слово, въ Доббинсѣ есть геніальность, которая покажетъ со временемъ то, что я всегда предполагалъ, то, что я всегда воображалъ возможнымъ, и всякій, кто не согласится съ этимъ, лгунъ, злой негодай, а свѣтъ полонъ людьми, которые никогда не отдають справедливости другому; а я клянусь что узнавать и чувствовать достоинство въ поэзіи, живописи, музыкѣ, въ пляскѣ на канатѣ, въ чемъ бы то ни было—есть величайшій восторгъ и радость моей жизни. Я говорю—о чемъ бишь я говорилъ?

— Вы говорили, Филиппъ, что вы любите признавать достоинство во всѣхъ, сказала кроткая Агнеса, и я тоже думаю.

— Да, кричатъ Филь, трянувъ своими бѣлокурными кудрями. Я

думаю, что я люблю. Слава Богу, я это люблю. Я знаю людей, которые могут дѣлать многое, даже все лучше меня.

— О, Филиппъ! говорить со вздохомъ Агнеса.

— Но я не ненавижу ихъ за это.

— Вы никого не ненавидите, сэръ. Вы слишкомъ великодушны. Можете вы вообразить, чтобы Филиппъ ненавидѣлъ когонибудь, мамá?

Мамá пишетъ:

«Мистеръ и Мистриссъ Тальботъ Тунсденъ просятъ адмирала и мистриссъ Дэвисъ Локеръ сдѣлать имъ честь пожаловать на обѣдъ въ четвергъ сего...»

— Что такое Филиппъ? говоритъ мамá, поднимая глаза съ своей записки. Филиппъ ненавидитъ когонибудь! Филиппъ, у насъ не большой обѣдъ 24-го. Мы попросимъ отца твоего обѣдать. Намъ нельзя приглашать слишкомъ много родныхъ. Приходите послѣ пожалуйста.

— Хорошо, тетушка, говоритъ прямодушный Филь,—я приду, если вы и кузины этого желаете. Вы знаете, чай не по моей части, и обѣды-то я люблю только по моему вкусу и съ...

— И съ вашей противной компаніей, сэръ?

— Ну, да, говоритъ султанъ Филиппъ, разваливаясь и чванясь на диванѣ,—я люблю и свои удобства и свою свободу.

— Ахъ, Филиппъ! Вы становитесь все бóльшимъ эгоистомъ каждый день. То есть, я говорю о всѣхъ мужчинахъ вообще, сказала со вздохомъ Агнеса.

Вы угадаете, что мама выдетъ изъ комнаты въ эту минуту. Она такъ довѣрять милому Филиппу и своимъ милымъ дочерямъ, что иногда уходитъ изъ комнаты, когда Агнеса и Филь сидятъ вдвоемъ. Она пожалуй оставитъ Рувина старшаго сына съ своими дочерьми, но мой бѣдный младшій сынъ Юсіафъ, если ты предполагаешь, что она уйдетъ изъ комнаты и оставитъ *тебя* одного—о, мой милый, ужъ лучше тебѣ прямо броситься въ колодезь! Мамá, я говорю, ушла наконецъ изъ комнаты съ совершенной кротостью, съ спокойной граціей и серьезностью и спустилась съ лѣстницы не слышище тѣни, скользящей по полинялому ковру—мамá ушла, я говорю, внизъ и съ самыми приличными манерами мучить буфетчика среди его бутылокъ—терзаетъ ключицу среди ея банокъ съ вареньемъ, смотритъ на три холодныя котлетки въ кладовой—и такъ пристально не спускаетъ глазъ съ судомойки, что бѣдняжка наконецъ воображаетъ, ужъ не догадалась ли, что она отдала нищему кусокъ ветчины.

Несчастная служанка, гладившая воротнички и разныя разности, съ трепетомъ отвѣшиваетъ барынѣ поклонъ и ускользаетъ съ своими

воротничками, а между тѣмъ наши дѣвушка и юноша болтаютъ себѣ въ гостинной.

О чемъ? Обо всемъ, о чемъ Филиппу вздумается говорить. Здѣсь некому ему противорѣчить, кромѣ его самого, но его хорошенькая слушательница увѣряетъ, что онъ вовсе не противорѣчитъ самому себѣ. Онъ декламируетъ свои любимыя поэмы.

— Чудесно! Пожадуйста Филиппъ прочитайте чтонибудь изъ Вальтеръ Скотта! Онъ, какъ вы говорите, самый свѣжій, самый энергическій, самый добрый изъ поэтическихъ писателей—не первоклассный, конечно, онъ написалъ много чепухи, какъ вы называете это такъ смѣшно, но вѣдь это случалось и съ Вордсвортомъ, хотя онъ былъ величайшій геній и доходилъ иногда до самыхъ крайнихъ предѣловъ высокой поэзіи; но теперь, когда вы замѣтили это, я должна признаться, что онъ часто ужасъ, какъ скученъ, и я непремѣнно заснула бы слушая *Прогумку* (*), если бы вы не читали такъ мило. Вы думаете, что новые композиторы совсѣмъ не такъ хороши, какъ старыя, и любите старинную игру мамы на фортепiano. Да, Филиппъ, она восхитительно играетъ, такъ изящно, такъ женственно! Ахъ, Филиппъ, вдругъ продолжаетъ Агнеса, — я боюсь, что теперь всѣ молодые люди любятъ сильныя ощущенія. Когда вы остепенитесь, сэръ?

— И буду ходить въ должность каждый день какъ дядюшка и кузень; читать газету по три часа сряду и бѣгать къ вамъ.

— А что жъ такое, сэръ, это должно быть не дурное удовольствіе? говоритъ одна изъ дѣвицъ.

— Какой я не ловкій! Я вѣчно наступлю ногой на чтонибудь или на когонибудь, вскрикиваетъ Филъ.

— Вы должны приходиться къ намъ и мы выучимъ васъ плясать, медвѣдь, говоритъ кроткая Агнеса, улыбаясь ему.

И всегда, когда Филиппъ бываетъ въ Бонаской улицѣ, Агнеса слушаетъ его ласково, кротко, нѣжно и дружелюбно. Сердце ея забьется сильнѣе, когда она услышитъ топотъ его лошади въ тихой улицѣ. Оно забьется слабѣе, когда настаетъ ежедневная горестъ разставанья. Бланшъ и Агнеса не очень страстно любятъ другъ друга. Если бы я могъ рассказать, какъ эти двѣ овечки бодаются—какъ онѣ ссорятся между собою—но онѣ также имѣютъ и секреты между собой. Во время визита Фила дѣвушки остаются вѣстѣ, вы понимаете, или мама сидитъ съ молодыми людьми. Къ мистриссъ Тунсденъ могутъ пріѣхать какіянибудь пріятельницы, и тогда маменьки

(*) Нѣсколько скучная поэма Вордсворта. *Пр. перев.*

перешептываются между собою, глядя на кузеновъ съ значительнымъ видомъ.

— Бѣдный сирота! скажетъ мамѣ своей пріятельницѣ: я ему все равно что мать, послѣ смерти моей милой сестры. У него дома такъ пусто, а у насъ такъ весело, такъ дружелюбно! Между кузенами есть и короткость, и нѣжное уваженіе, и полное довѣріе, можетъ быть, со временемъ будутъ еще болѣе тѣсныя связи; но вы понимаете, милая мистриссъ Мачамъ, что между ними помолвки еще не можетъ быть. Онъ горячъ, пылокъ и неостороженъ, какъ мы знаемъ это всѣ. Она еще не довольно видѣла свѣтъ, она еще не увѣрена въ себѣ, бѣдняжка. Слѣдовательно, необходимо принять всѣ предосторожности. Не должно быть ни помолвки, ни переписки между ними. Моя милая Агнеса никогда не приглашаетъ его обѣдать письменно, не показавъ своей записки мнѣ или отцу. Мои милыя дочери уважаютъ сами себя.

— Разумѣется, моя милая мистриссъ Туисденъ, обѣ онѣ превосходно держатъ себя. Какія милочки! Агнеса, вы прехорошенькая сегодня. Ахъ, Роза, дитя мое, я желала бы, чтобы у тебя былъ цвѣтъ лица милой Блавшъ!

— Не ужасно ли заманивать этого бѣднаго мальчика, пока мистеръ Улькомъ не рѣшился еще сдѣлать предложеніе? говоритъ милая мистриссъ Мачамъ своей дочери, садясь въ свою коляску. Вотъ онъ, это его экипажъ, Марія Туисденъ прехитрая женщина, ей-Богу!

— Какъ это странно, мамѣ, что beau cousin и капитанъ Улькомъ такъ часто бываютъ у Туисденовъ и никогда не встрѣчаются!—замѣчаетъ ingénue.

— Они могли бы поссориться, еслибы встрѣчались. Говорятъ, что молодой мистеръ Ферминъ очень придирчивъ и запальчивъ, замѣчаетъ мамѣ.

— Но какъ же ихъ держать врозь?

— Случай, моя милая! просто случай! говоритъ мамѣ.

И онѣ соглашаются, что это случай и дѣлаютъ видъ будто вѣрять одна другой. И дочь, и мать знаютъ подробно состояніе Улькама, онѣ знаютъ состояніе Филиппа и его надежды, онѣ знаютъ все о всѣхъ молодыхъ людяхъ въ Лондонѣ. Дочь мистриссъ Мачамъ ловила капитана Улькама въ прошломъ году въ Шотландіи; въ Лох-гукѣ, и погналась за нимъ въ Парижъ; они чуть не стали на колѣна передъ лэди Бэвбѣри, когда услышали о театральномъ представленіи въ ея замкѣ, и преслѣдовали этого человѣка до того, что онъ принужденъ былъ говорить:

— Чортъ меня побери! Провались сквозь землю! Ужасъ, какъ надоѣла мнѣ эта женщина съ своею дочерью, честное слово! И всѣ то-

варищи поддразниваютъ меня! Она наняла квартиру въ Регентскомъ Паркѣ, напротивъ нашихъ казармъ, и просила, чтобы ея дочери позволили учиться ѣздить верхомъ въ нашей школѣ,—будь я проклять, если она этого не сдѣлала, мистриссъ Тунсденъ!

— Неужели, спрашиваетъ Агнеса съ кроткою улыбкою, съ невинными голубыми глазками—тѣми же самыми глазками и губками, которые улыбаются и блестятъ Филиппу.

Итакъ Улькомъ болтаетъ, безыскусственно рассказывая свои исторіи о скачкахъ, попойкахъ, приключеніяхъ, въ которыхъ смуглый человекъ самъ занимаетъ видное мѣсто. Сладкорѣчиваго Платона не слушали ли бы охотнѣе эти три дамы. Спокойная, откровенная улыбка сіяетъ на благородномъ лицѣ Тальбота Тунсдена, когда онъ возвращается изъ своей должности домой и застаётъ болтовню Креола.

— Какъ! вы здѣсь, Улькомъ? Какъ я радъ васъ видѣть!

И вѣжливая рука протягивается и пожимаетъ маленькую лайковую перчатку Улькома.

— Какой онъ былъ забавный, папá! Онъ морилъ насъ со смѣху! Скажите папá эту загадку, которую вы рассказывали намъ, капитанъ Улькомъ?

И все семейство собирается вокругъ молодаго офицера, и зававѣсь опускается.

Такъ какъ на ярморочныхъ театрахъ бываетъ по два, по три представленія въ одинъ день, такъ и въ Бонашской улицѣ два раза разыгрывается маленькая комедія: въ четыре часа съ мистеромъ Ферминномъ, въ пять часовъ съ мистеромъ Улькомомъ, и для обоихъ джентльменовъ находятя тѣ же улыбки, тѣ же глазки, тотъ же голосъ, тотъ же приемъ. Bravo, bravo, encore!

ГЛАВА X,

въ которой мы посвящаемъ «адмирала Бинга».

Отъ продолжительнаго пребыванія въ холостой компаніи, отъ гибельной любви къ холостымъ привычкамъ, чистые вкусы мистера Филиппа до того извратились, а манеры его такъ испортились, что, по вѣрите ли вы, онъ сдѣлался равнодушнѣе къ удовольствіямъ утонченнаго семейства, которое мы описывали сейчасъ; а когда Агнесы не было дома, а иногда даже при ней, онъ съ радостью уходилъ изъ

Бонашской улицы. Едва отойдетъ онъ за двадцать шаговъ отъ двери дома, какъ изъ кармана его вынимается сигарочница, а изъ сигарочницы ароматическая сигара, разливающая благоуханіе, между тѣмъ какъ онъ спѣшитъ даже болѣе быстрыми шагами, чѣмъ когда летѣлъ на крыльяхъ любви въ Бонашскую улицу. Въ томъ домѣ, куда онъ теперь идетъ, и онъ, и сигары его всегда принимаются съ удовольствіемъ. Ему нужно жевать апельсиня, глотать душистыя пилюли или бросать сигару за полмили отъ Торнгофской улицы.

Я увѣряю васъ, что Филь можетъ курить у Брандоновъ, и видѣть, что и другіе дѣлаютъ тоже. Онъ можетъ, пожалуй, сдѣлать въ домѣ пожаръ, если захочетъ, такой онъ тамъ фаворитъ; и Сестрица съ своей доброй, сіяющей улыбкой всегда гостепріимно принимаетъ его. Какъ эта женщина любила Филь, и какъ онъ любилъ ее, это право странно; надъ этой привязанностью подсмѣивались ихъ общіе друзья, а они краснѣли, сознаваясь въ ней. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сидѣлка спасла его жизнь въ школѣ, между ними было *à la vie et à la mort*. Карета отца Филь иногда очень рѣдко заѣзжала въ Торнгофскую улицу и докторъ выходилъ и разговаривалъ съ Сестрицей. Она ухаживала за нѣкоторыми его больными. Въ эти послѣдніе годы, когда она узнала доктора Фэрмина, ея денежныя дѣла находились въ лучшемъ положеніи. Вы думаете—она брала отъ него деньги? Какъ романистъ, которому извѣстно все объ его дѣйствующихъ лицахъ, я принужденъ сказать: да. Она брала довольно, чтобы улачивать по маленькимъ счетамъ ея слабоумнаго старика отца, но не болѣе.

— Я думаю, вы обязаны дѣлать для него это, сказала она доктору.

Но зато вотъ какіе комплименты говорила она ему:

— Докторъ Фэрминъ, я скорѣе умру, чѣмъ буду обязана вамъ чѣмънибудь, сказала она однажды вся трепеща отъ ужаса и съ глазами, сверкающими отъ гнѣва. Какъ вы смѣете, сэръ, послѣ всего, что было, говорить комплименты мнѣ; я расскажу о васъ вашему сыну, сэръ! и маленькая женщина приняла такой видъ, какъ будто собиралась заколотъ на мѣстѣ стараго развратника.

А онъ пожалъ своими красивыми плечами, немножко покраснѣлъ, бросилъ на нее одинъ изъ своихъ мрачныхъ взглядовъ и ушелъ. Она повѣрила ему когда-то. Она вышла за него замужъ, какъ она воображала. Она ему надоѣла, онъ бросилъ ее и не оставилъ ей даже имени. Она не знала его настоящаго имени много лѣтъ послѣ своего довѣрія и его обмана.

— Нѣтъ, сэръ, я не хочу вашего имени теперь, хоть бы даже вы были лордъ, не хочу, хоть бы даже на дверцахъ вашей кареты

врасовалась графская корона. Вы стойте ниже меня теперь, мистеръ Брандъ Фэрминъ! сказала она.

Какъ она полюбила мальчика такимъ образомъ? Много лѣтъ тому назадъ, во время ея страшнаго горя, она помнила недѣли двѣ кроткаго чуднаго счастья, которое явилось къ ней среди ея униженія и одиночества, помнила ребенка на своихъ рукахъ, съ глазами похожими на Филипповы. Онъ былъ отнятъ отъ нея черезъ шестнадцать дней послѣ его рожденія. Помѣшательство овладѣло ею, когда ея умершаго ребенка унесли. Помѣшательство, горячка и борьба—ахъ! кто знаетъ, какая ужасная! Она сама не знала этого никогда. Въ жизни ея есть пропускъ, котораго она никогда не могла припомнить. Но Джорджъ Брандъ Фэрминъ эсквайръ, докторъ медицины, знаетъ какъ часты подобныя припадки помѣшательства, знаетъ, что женщины, которыя не говорятъ о нихъ, часто страдаютъ ими по нѣскольку лѣтъ незамѣтно для другихъ. Сестрица говорить иногда совершенно серьезно:

— Они возвращаются. А то зачѣмъ бы родиться маленькимъ, улыбающимся, счастливымъ и прелестнымъ херувимамъ только на шестнадцать дней, а тамъ и исчезнуть навсегда. Я говорила объ этомъ многимъ дамамъ, испытавшимъ такую же потерю какъ и я, это утѣшаетъ ихъ. Когда я увидала этого ребенка больнаго на постелѣ, и онъ поднялъ глаза, *я узнала его*, говорю я вамъ, мистеръ Ридли. Я не рассказываю объ этомъ; но я узнала его—мой ангелъ воротился опять. Я узнала его по глазамъ. Поглядите-ка на нихъ. Видали вы когда подобныя глаза? Они какъ будто видѣли небо. Глаза у его отца не таковы.

Мистриссъ Ридли торжественно вѣритъ этой теоріи, и, мнѣ кажется, я знаю одну даму очень близкую ко мнѣ, которая не совсѣмъ отвергаетъ ее. И это тайное мнѣніе мистриссъ Брандонъ упорно сообщаетъ женщинамъ, оплакивающимъ своихъ перворожденныхъ умершихъ дѣтей.

— Я знаю одинъ случай, шепчетъ сидѣлка, одна бѣдная мать лишилась своего ребенка, которому было шестнадцать дней, и шестнадцать лѣтъ спустя, въ этотъ самый день, она увидѣла его опять.

Филиппъ знаетъ изъ исторіи Сестрицы только то, что онъ предметъ этой обманчивой мечты, и это очень странно и нѣжно трогаетъ его. Онъ припоминаетъ нѣсколько болѣзней, во время которой Сетрица ухаживала за нимъ и припоминаетъ безумный пароксизмъ горячки, какъ голова его металась на ея плечѣ—прохладительное питье, которое она подносила къ его губамъ; огромныя ночныя тѣни, мелькавшія въ пустомъ школьномъ дортуарѣ; маленькую фигуру сидѣлки, скользящей вадъ и впередъ въ темнотѣ. Онъ долженъ знать, что случилось возлѣ

его постели, хотя онъ никогда не упоминалъ объ этомъ ни отцу, ни Каролинѣ. Но онъ сближается съ женщиной и удаляется отъ мужчины. Инстинктивныя ли это любовь и антипатія? Особенную причину его ссоры съ отцомъ младшій Фэрминъ никогда ясно не объяснялъ мнѣ ни тогда, ни послѣ. Я зналъ сыновей гораздо болѣе откровенныхъ, которые, когда отцы ихъ поскользаются и спотыкаются, приводятъ своихъ знакомыхъ подсмѣиваться надъ паденіемъ старика.

Въ одинъ день, когда Филиппъ вошелъ въ маленькую гостиную Сестрицы, представьте себѣ его удивленіе при видѣ грязнаго друга его отца, пастора Тѣтона Гента, спокойно сидѣвшаго у камня.

— Вы удивляетесь, что видите *меня* здѣсь? говоритъ грязный джентльменъ съ насмѣшкой, глядя на надменное лицо Филиппа, на которомъ выражалось удивленіе и отвращеніе. Оказалось, что мистриссъ Брандонъ и я очень старые друзья.

— Да, сэръ, старые друзья, очень серьезно говоритъ Сестрица.

— Капитанъ привезъ меня домой изъ клуба «Головы Адмирала Бинга». Веселые собесѣдники эти Бинги. Честь ниѣю вамъ кланяться, мистеръ Ганъ и мистриссъ Брандонъ.

И обѣ особы, къ которымъ обратился джентльменъ съ рюмкою въ рукахъ, кланяются въ отвѣтъ на его привѣтствіе.

— Жаль, что вы не были на ужинѣ мистера Филиппа, капитанъ Ганъ—продолжаетъ пасторъ—вотъ была ючка! Все знать,—дворяне; бордосское перваго сорта. А вино вашего отца, Филиппъ, почти все выпито. И пѣсня ваша была отличная. Вы слышали, какъ онъ поетъ, мистриссъ Брандонъ?

— Про кого это вы говорите *онъ*? спрашиваетъ Филиппъ, всегда кипѣвшій бѣшенствомъ передъ этимъ человѣкомъ.

Каролина угадала антипатію Филиппа. Она положила свою маленькую ручку на руку молодого человѣка.

— Мистеръ Гентъ, кажется, выпилъ лишнее, говоритъ она. Я знаю его уже давно, Филиппъ!

— Кто такой *онъ*? опять говоритъ Филиппъ, съ сердцемъ глядя на Тѣтона Гента.

— Ну, *онъ*, тотъ гимнъ, который вы пѣли! кричитъ пасторъ, напѣвая мотивъ. Я самъ выучилъ его въ Германіи — я долго жилъ въ Германіи, капитанъ Ганъ—полгода въ одномъ особенно темномъ мѣстечкѣ, на Quod Strasse, въ Фракфуртѣ на Майнѣ, меня преслѣдовали злые жида. Тамъ жилъ также другой бѣдный англичанинъ, который чирикалъ эту пѣсенку за рѣшеткой и умеръ тамъ, а жида остались не причемъ. Я много видалъ въ жизни, много претерпѣвалъ разныхъ злополучій и храбро ихъ переносилъ послѣ того, какъ мы

съ вашимъ отцомъ учились вмѣстѣ въ университетѣ, Филиппъ. Вы ничего подобнаго не дѣлаете? Еще рано. Ромъ прекрасный, Гантъ, право такъ.

И опять пасторъ пьетъ за здоровье капитана, который протягиваетъ грязную руку гостепрѣимства своему мрачному гостю.

Нѣсколько мѣсяцевъ Гентъ жилъ въ Лондонѣ и постоянно бывалъ въ домѣ доктора Фармина. Онъ приходилъ и уходилъ, когда хотѣлъ; онъ сдѣлалъ домъ Фармина своей главною квартирою и въ щегольскомъ, безмолвномъ, приличномъ домѣ былъ совершенно свободенъ, разговорчивъ, грязенъ и фамильяренъ. Отвращеніе Филиппа къ этому человѣку увеличивалось до того, что наконецъ дошло до неистовой ненависти. Мистеръ Филь, теоретически радикаль, и почти республиканецъ (изъ оппозиціи, можетъ быть, отцу, который, разумѣется, принадлежалъ къ партіи консервативной), санкюлотъ Филь въ сущности былъ самый аристократическій и надменный изъ юныхъ джентльменовъ; онъ чувствовалъ презрѣніе и ненависть къ низкимъ и рабочимъ, особенно къ слишкомъ фамильярнымъ людямъ, что было иногда весьма забавно, а иногда очень досадно, но что онъ никогда не принималъ ни малѣйшаго труда скрывать. Съ дядей своимъ и кузеномъ Туисденомъ, напримѣръ, онъ обращался и вполнину не такъ вѣжливо, какъ съ ихъ лакеемъ. Маленькій Тальботъ унижался передъ Фильемъ, и ему было не совсѣмъ ловко въ его обществѣ. Молодой Туисденъ ненавидѣлъ Филиппа и не скрывалъ своихъ чувствъ въ клубѣ или передъ ихъ общими знакомыми за широкую спиною Фила. А Филь, съ своей стороны, принималъ съ своимъ кузеномъ такой надменный видъ, который, я признаюсь, долженъ былъ раздражать этого джентльмена, бывшаго старѣе Фила тремя годами, занимавшаго казенную должность, члена нѣсколькихъ хорошихъ клубовъ и вообще порядочнаго члена общества. Филь часто забывалъ присутствіе Рингуда Туисдена, и продолжалъ свой разговоръ, вовсе не обращая вниманія на замѣчанія Рингуда. Признаюсь, онъ *бывалъ* очень грубъ. *Que voulez vous?* Мы всѣ имѣемъ наши маленькіе недостатки, и въ числѣ недостатковъ Филиппа было неумѣнье терпѣливо переносить общество нахаловъ, паразитовъ и притворщиковъ.

Поэтому, неудивительно, что мой юный джентльменъ не очень долюбивалъ друга своего отца, грязнаго тюремнаго капелана. Я, самый терпимый чловѣкъ на свѣтѣ, какъ это извѣстно всѣмъ моимъ друзьямъ, любилъ Гента не болѣе Филиппа. Мнѣ было какъ-то неловко въ присутствіи этого чловѣка. Его одежда, цвѣтъ его лица, его зубы, его косые взгляды на женщинъ—*que sais-je?*—все было непріятно въ этомъ мистерѣ Гентѣ, а веселость его и фамильярность еще про-

тивнѣе даже его непріязненности. Удивительно, какъ между Филиппомъ и тюремнымъ капеланомъ не случилось драки, тотъ кажется привыкъ, что его всѣ терять не могли, и хохоталъ съ цинической веселостью надъ отвращеніемъ къ нему другихъ.

Гейтъ бывалъ въ разныхъ тавернахъ и однажды, выходя изъ «Головы Адмирала Бинга» увидалъ хорошо знакомый ему экипажъ доктора Фармина, остановившійся у дверей одного дома въ Торнгофской улицѣ, изъ котораго докторъ выходилъ. «Брандонъ» было на дверяхъ, Брандонъ, Брандонъ! Гейтъ помнилъ одно темное дѣло, болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ — помнилъ женщину, обманутую этимъ Фарминомъ, которому тогда вздумалось называться Брандономъ.

Онъ живетъ еще съ нею, старый лицемѣрь, или воротился къ ней, подумалъ пасторъ. «О, ты старый грѣховодникъ!» И въ слѣдующій разъ, какъ мистеръ Гейтъ явился въ Старую Паррскую улицу, къ своему любезному университетскому товарищу, онъ былъ особенно шутивъ и ужасно непріятенъ, и фамильяренъ.

— Я видѣлъ вашъ экипажъ въ Тотенгской улицѣ, сказалъ негодяй, кивая головою доктору.

— У меня тамъ есть больные, замѣтилъ докторъ.

— *Pallida mors aequo pede*, докторъ?

— *Aequo pede*, отвѣчаетъ со вздохомъ докторъ, поднимая къ полтку свои прекрасные глаза.

«Хитрая лисица! Ни слова не хочетъ сказать о ней! думаетъ пасторъ. Да, да, помню. Ей-Богу, ее звали Гантъ».

Ганномъ также звали того страннаго старика, который бывалъ въ тавернѣ «Адмирала Бинга», гдѣ эль былъ такъ хорошъ — старика, котораго называли капитаномъ. Да все было ясно теперь. Это скверное дѣло было слажено. Хитрый Гейтъ все понялъ. Докторъ еще поддерживаетъ сношенія съ этой женщиной. А это навѣрно ея старій отецъ.

«Старая лиса, старая лиса! Я нашелъ ея нору. Это славная штука. Мнѣ хотѣлось дѣлать что нибудь, а это займетъ меня, думаетъ пасторъ».

Я описываю то, чего мнѣ никогда нельзя было ни видѣть, ни слышать, и я могу поручиться только въ вѣроятности, а не въ истинѣ секретныхъ разговоровъ этихъ достойныхъ людей. Въ разговорѣ Гейта съ его другомъ конецъ всегда былъ одинъ и тотъ же — просьба о деньгахъ. Если шолъ дождь, когда Гейтъ разставался съ своимъ университетскимъ товарищемъ, онъ говорилъ.

— Я испорчу мою новую шляпу, докторъ, а у меня нѣтъ денегъ на извозчика. Благодарствуйте, старій товарищъ. *Au revoir*.

Если погода была хороша, онъ говорилъ:

— У меня такое потертое платье, что вы изъ состраданія должны бы шить мнѣ новую пару, только не у вашего портняго. Онъ слишкомъ дорогой. Благодарю, довольно и двухъ совереновъ.

Докторъ беретъ два соверена съ каминна, а пасторъ удаляется, бряцая золотомъ въ своемъ грязномъ карманѣ.

Докторъ уже уходилъ послѣ разговора о pallida mors и уже бралъ свою вычищенную широкую шляпу съ вѣчно новою подкладкой, которою мы всё восхищаемся, какъ пасторъ опять началъ:

— О! Ферминъ, прежде чѣмъ вы уйдете, пожалуйста дайте мнѣ взаимы нѣсколько совереновъ. Меня обобрали въ игорномъ домѣ. Эта проклятая рулетка! Я совсѣмъ съ ума схожу.

— Ей-Богу, кричить докторъ съ крѣпкимъ ругательствомъ: это ни на что не похоже, Гейтъ. Вы каждую недѣлю приходите ко мнѣ за деньгами. Вы и то уже много получили. Просите у другихъ. Я вамъ не дамъ.

— Да, вы дадите, старый товарищъ, говоритъ пасторъ, бросая на доктора страшный взглядъ—за....

— За что? спрашиваетъ докторъ и жилы на его высокомъ лбу надуваются.

— За прошлое, говоритъ пасторъ. На столѣ лежитъ семь совереновъ въ бумажкѣ—этого будетъ какъ разъ.

И онъ сгребаетъ деньги, полученные докторомъ отъ больныхъ, грязною рукою въ грязный карманъ.

— Какъ, браниться и проклипать при пасторѣ! Ну, полно:, не сердитесь, старичокъ. Выдите на воздухъ. Онъ освѣжитъ васъ.

— Не думаю, чтобы я позвалъ его лечить меня, когда занемогу, бормочетъ Гейтъ уходя и бряцая добычею въ своей грязной рукѣ. Не думаю, чтобы мнѣ пріятно было встрѣтить его одного въ лунную ночь въ *очень* тихой улицѣ. Это рѣшительный малый. Въ глазахъ его такое скверное выраженіе. Фу!

И онъ хохочетъ и дѣлаетъ грубое замѣчаніе о глазахъ Фермина.

Докторъ Ферминъ поѣздивъ по городу, постоявъ у постели больныхъ съ своею кроткою, грустною улыбкою, облаканный и благословляемый лѣжными матерями, которыя видятъ въ немъ спасителя дѣтей своихъ, пощупавъ пульсъ у дамъ рукою такою же деликатною, какъ и ихъ рука, потрепавъ дѣтей по свѣжимъ щечкамъ съ вѣжливой добротою—щечкамъ, которыя обязаны своимъ румянцемъ его чудному искусству, успокоивъ и утѣшивъ миледи, пожавъ руку милорду, заглянувъ въ клубъ и разбѣнявшись вѣжливыми поклонами съ своими пріятелями важными господами, и уѣхавъ въ красивой каретѣ на велико-

лѣнныхъ лошадахъ, окруженный восторгомъ, уваженіемъ, такъ что всѣ говорятъ: «отличный человѣкъ, Фэрминъ; отличный докторъ, отличный человѣкъ, надежный человѣкъ, основательный человѣкъ; человѣкъ хорошей фамиліи, вдовецъ богатой жены, счастливый человѣкъ», и т. д., — ѣдетъ домой съ грустными, грустными глазами и угрюмою улыбкой.

Онъ ѣдетъ по Старой Паррской улицѣ именно въ ту минуту, какъ Филь выходитъ изъ Регентской улицы по обыкновенію съ сигарою во рту. Онъ бросаетъ сигару, какъ только усматриваетъ отца и они вмѣстѣ входятъ въ домъ.

— Ты обѣдаешь дома, Филиппъ? спрашиваетъ отецъ.

— А вы, сэръ? Я буду обѣдать дома если обѣдаете вы, говорить сынъ, и если вы будете одни.

— Одинъ. Да... То-есть, вѣрно придетъ Гѣтъ, котораго ты не любишь. Но бѣдняжкѣ не у кого обѣдать больше. Какъ? можно ли такъ ругать бѣднаго несчастнаго человѣка, и стараго друга твоего отца.

Я боюсь, что у Филиппа вырвалось довольно крѣпкое выраженіе, пока отецъ говорилъ.

— Извините, это слово вырвалось у меня невольно. Я не могу удержаться, я ненавижу этого человѣка.

— Ты не скрываешь своей симпатіи и антипатіи, Филиппъ, говорить или лучше сказать стонетъ надежный человѣкъ, основательный, счастливый, несчастный человѣкъ.

Много лѣтъ сряду видѣлъ онъ, какъ сердце его сына чуждалось его, развѣзнало его и удалилось отъ него, и со стыдомъ, съ угрызёніемъ, съ болѣзненнымъ чувствомъ не спитъ онъ по ночамъ, и думаетъ, что онъ одинъ—одинъ на свѣтѣ. Ахъ, любите вашихъ родителей, юноши! О, отецъ милосердный, укрѣпи наши сердца—укрѣпи и очисти ихъ такъ, чтобы намъ не пришлось краснѣть передъ нашими дѣтьми!

— Ты не скрываешь твоей симпатіи и антипатіи, Филиппъ, продолжаетъ отецъ, тономъ, который странно и больно укоряетъ молодого человѣка.

Голосъ Филиппа сильно дрожить, когда онъ отвѣчаетъ.

— Да, батюшка, я терпѣть, не могу этого человѣка и не могу скрывать моихъ чувствъ. Я только-что разстался съ этимъ человѣкомъ. Я только-что встрѣтилъ его.

— Гдѣ?

— У мистриссъ Брандонъ.

Онъ краснѣетъ какъ дѣвушка при этихъ словахъ. Черезъ минуту его поражаетъ ругательство, срывающееся съ губъ отца, и страшное

выраженіе ненависти, которое принимаетъ лицо отца—роковое, отчаянно, униженное—выраженіе, которое часто пугало бѣднаго Фила и въ дѣтскомъ, и въ мужскомъ возрастѣ. Филиппу не нравилось это выраженіе, не понравился и взглядъ, который отецъ бросилъ на Гента, вошедшаго въ эту минуту.

— Какъ вы обѣдаете здѣсь? Вы рѣдко дѣлаете папѣ честь обѣдать съ нимъ, говоритъ пасторъ съ своимъ хитрымъ взглядомъ. Вѣрно, докторъ, вы сегодня убьете жирнаго тельца въ честь возвращенія блуднаго сына. Какая вкусная телятина!

Докторъ и пасторъ старались казаться веселыми, какъ думалъ Филиппъ, который мало принималъ труда скрывать свое собственное мрачное или веселое расположеніе. Ничего не было сказано о происшествіяхъ того утра, когда мой юный джентльменъ былъ нѣсколько грубъ къ мистеру Генту, и Филиппу не нужно было предостереженія отца, чтобы не упоминать о своей прежней встрѣчѣ съ ихъ гостемъ. Гентъ, по обыкновенію, говорилъ съ буфетчикомъ, дѣлалъ косвенныя замѣчанія лаксу и украшалъ свой разговоръ двусмысленными и грязными остротами. Докторъ проглатывалъ лекарство, подносимое ему его другомъ, безъ малѣйшаго, по видимому, отвращенія. Напротивъ, онъ былъ веселъ: онъ спросилъ даже лишнюю бутылку бордоссаго.

Только-что бутылка была поставлена на столъ, отвѣдана и провозглашена превосходной, когда—о, какая досада!—буфетчикъ являлся съ запиской къ доктору отъ одной изъ его больныхъ. Онъ долженъ ѣхать. Она больна не опасно. Она живетъ недалеко въ Мэй Фэрѣ.

— Ты съ Гентомъ кончи эту бутылку, если я не успѣю воротиться; а если она будетъ кончена, мы спросимъ другую, весело говоритъ докторъ Фэрминъ. Не вставайте, Гентъ... и докторъ Фэрминъ уѣхалъ, оставивъ Филиппа одного съ гостемъ, къ которому онъ былъ грубъ утромъ.

— Пациенты доктора часто вдругъ дѣлаются больны, когда подають бордосское, ворчитъ мистеръ Гентъ черезъ нѣсколько минутъ. Нужды нѣтъ, напитокъ хорошъ—хорошъ! какъ кто-то сказалъ на вашемъ знаменитомъ ужинѣ, мистеръ Филиппъ— я не буду называть васъ Филиппомъ, такъ какъ вы этого не любите. Вы были необыкновенно брюзгливы со мной утромъ. Въ мое время за такое обращеніе, бутылки были бы перебиты или еще хуже.

— Я просилъ у васъ прощенія, сказалъ Филиппъ. Я былъ раздосадованъ— все равно чѣмъ бы то ни было, и не имѣлъ права быть грубымъ къ гостю мистриссъ Брандонъ.

— Вы сказали вашему батюшкѣ, что видѣли меня въ Торигосской улицѣ? спросилъ Гѣнтъ.

— Я былъ очень грубъ и раздосадованъ, и опять сознаюсь, что я былъ неправъ, сказалъ Филиппъ колеблясь и заикаясь, и очень покраснѣвъ. Онъ вспомнилъ выговоръ отца.

— Я опять спрашиваю васъ, сэръ, сказали вы вашему отцу о нашей утренней встрѣчѣ? спросилъ пасторъ.

— А позвольте васъ спросить, сэръ, какое право имѣете вы спрашивать меня о моихъ разговорахъ съ отцомъ? спросилъ Филиппъ съ грознымъ достоинствомъ.

— Вы не хотите мнѣ сказать? Стало бытъ вы говорили ему. Хорошо вашъ отецъ, нечего сказать, въ нравственномъ отношеніи.

— Я не желаю знать ваше мнѣніе о нравственности моего отца, мистеръ Гѣнтъ, говоритъ Филиппъ, задыхаясь отъ гнѣва и испуга, и барабана постолу. Я здѣсь, чтобы замѣнить его въ его отсутствіе, и вѣжливо угощать его гостя.

— Вѣжливо, хороша вѣжливость! говоритъ пасторъ, устремивъ на него сверкающіе глаза.

— Какова бы она ни была, сэръ, а ужъ лучше я не умѣю, сказалъ молодой человѣкъ.

— Я старый другъ вашего отца, воспитанникъ университета, магистръ философіи, природный джентльманъ, ей-Богу! пасторъ, а вы обращаетесь со мною, какъ съ собакой... Да вы сами то кто? знаете ли кто вы?

— Сэръ, я стараюсь всѣми силами припомнить, отвѣчалъ Филиппъ.

— Полно... говорю вамъ, прошу не принимать со мною такого тона! кричитъ Гѣнтъ съ ужасными ругательствами и выпивая рюмку за рюмкой изъ различныхъ графиновъ, стоявшихъ передъ нимъ. Чортъ меня возьми, еслибы я былъ помоложе, я влѣпилъ бы вамъ пару оплеухъ, будь вы и вдвое выше! Кто вы, что осмѣливаетесь принимать покровительственный тонъ съ тѣмъ, кто старше васъ, съ давнишнимъ товарищемъ вашего отца, съ воспитанникомъ университета, вы гнусный и самонадѣянный...

— Я здѣсь затѣмъ, чтобы оказывать вниманіе къ гостю моего отца, говоритъ Филиппъ; но если вы кончили пить ваше вино, я буду очень радъ уйти отсюда такъ скоро, какъ вамъ угодно.

— Вы мнѣ заплатите; я клянусь, что вы заплатите, сказалъ Гѣнтъ.

— О, мистеръ Гѣнтъ! закричалъ Филиппъ, вскакивая и сжимая свои большіе кулаки—я ничего такъ не желаю бы!

*

Пасторъ попытлся, думая, что Филиппъ хочетъ его ударить (какъ разсказывалъ мнѣ Филиппъ, описывая эту сцену) и позвонилъ въ колокольчикъ. Но когда вошелъ буфетчикъ, Филиппъ спросилъ только кофе; а Гентъ, съ безумными ругательствами вышелъ изъ комнаты за слугою. Филь благословилъ свою судьбу, что онъ не обидѣлъ гостя своего отца въ его собственномъ домѣ.

Онъ вышелъ на воздухъ. Онъ перевелъ духъ и освѣжился подъ открытымъ небомъ. Онъ успокоилъ свои чувства своимъ обыкновеннымъ утѣшеніемъ—сигарою. Онъ вспомнилъ, что Ридли въ Торгофской улицѣ приглашалъ въ этотъ вечеръ своихъ друзей курить; онъ сѣлъ на извозчика и поскакалъ къ своему старому другу.

Когда Филь вошелъ въ переднюю, онъ нашелъ Сестрицу и своего отца разговаривавшихъ тамъ. Широкая шляпа доктора закрывала его лицо отъ свѣта лампы, горѣвшей необыкновенно ярко, но мистриссъ Брандонъ была очень блѣдна и глаза у ней были заплаканы. Она слегка вскрикнула, когда увидала Филья.

— А, это вы милый? сказала она.

Она подбѣжала къ нему, схватила его обѣ руки и облила ихъ горячими слезами.

— Никогда! О, никогда, никогда, никогда! прошептала она.

Изъ широкой груди доктора вырвался вздохъ облегченія. Онъ взглянулъ на эту женщину и на своего сына съ странной улыбкой—улыбкой не сладостной.

— Богъ да благословитъ васъ, Каролина, сказалъ онъ напыщеннымъ, нѣсколько театральнымъ тономъ.

— Прощайте, сэръ, сказала мистриссъ Брандонъ, все не выпуская руки Филиппа и дѣлая доктору смиренный поклонъ.

Когда онъ ушелъ, она опять поцѣловала руку Филиппа, опять облила ее слезами и сказала:

— Никогда, мой милый. Нѣтъ, никогда, никогда!

ГЛАВА XI,

въ которой Филиппъ очень не въ духъ.

Филиппъ давно угадалъ грустную часть исторіи своего дорогаго друга. Необразованная, молодая дѣвушка была обольщена и брошена свѣтскимъ человѣкомъ. Бѣдная Каролина была жертвою, а родной

отецъ Филиппа оболстителемъ. Роли, которую докторъ Фарминъ играетъ въ этой исторіи, было достаточно, чтобы внушить сыну отвращеніе и увеличить недобѣріе, сомнѣніе, отчужденіе, давно внушаемыя отцомъ сыну. Что почувствовала бы Филиппъ, еслибы всѣ страницы этой мрачной книги раскрылись передъ нимъ, и онъ услышалъ бы о подложномъ бракѣ, о погубленной и брошенной женщинѣ, забытой въ продолженіи столькихъ лѣтъ человѣкомъ, котораго онъ самъ обязанъ былъ уважать болѣе всѣхъ? Словомъ, Филиппъ считалъ эту исторію простымъ случаемъ ювенескаго заблужденія, не болѣе; такъ онъ и хотѣлъ смотрѣть на это, судя по тѣмъ немногимъ словамъ, которыя вырвались у него, когда онъ говорилъ со мною объ этомъ. Я зналъ тогда не болѣе того, что другъ мой рассказалъ мнѣ объ этой исторіи; только постепенно, по мѣрѣ того, какъ происшествія развивали и объясняли ее, узнавалъ я все подробно.

Старшій Фарминъ, когда его спрашивалъ его старый знакомый и, какъ казалось, бывшій сообщникъ, о томъ, какъ окончилась извѣстная интрига въ Маргетѣ, случившаяся лѣтъ двадцать пять тому назадъ, когда Фарминъ, имѣя причину избѣгать университетскихъ кредиторовъ, вздумалъ прятаться и носить фальшивое имя, наскочилъ пастору разную ложь, которой повидимому тотъ остался удовлетворенъ. Что сдѣлалось съ этой бѣдняжкой, о которой онъ такъ сходилъ съ ума? О, она умерла, умерла давнымъ-давно. Онъ положилъ ей содержаніе. Она вышла замужъ и умерла въ Канадѣ—да, въ Канадѣ, бѣдняжка! Да, она была предоброе созданье и одно время онъ точно былъ въ нее до глубины влюбленъ. Я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что этотъ почтенный джентльменъ лгалъ очень часто и легко. Но видите, если вы совершите преступленіе и нарушите шестую или седьмую заповѣдь—вамъ вѣроятно придется поддержать преступленіе поступка преступленіемъ слова. Если я убью человѣка и полиціемъ спроситъ: «позвольте спросить, сэръ, это вы перерѣзали горло этому господину»? Я долженъ дать ложное показаніе, защищая самъ себя, хотя по природѣ я, можетъ быть, самый правдивый человѣкъ. Такъ и съ другими преступленіями, которыя совершаютъ джентльмены—тяжело это говорить о джентльменахъ, но они становятся ни болѣе ни менѣе, какъ всегдашними лжецами, и лгутъ дѣлую жизнь и вамъ, и мнѣ, и слугамъ, и женамъ, и дѣтямъ, и—о, ужасъ! Склоняюсь и смиряюсь. Преклонилъ колѣна и не осмѣлюсь сказать ложь передъ Тобою!

Поэтому, мой любезный сэръ, разъ нарушивъ нравственные законы, вы должны говорить ложь, чтобы избавить себя отъ бѣды, позвольте мнѣ спросить васъ, какъ честнаго человѣка и джентльмена, не лучше ли уже вамъ обойти преступленіе, чтобы не подвергать се-

бя неизбежной неприятности и ежедневно встречающейся необходимости вечно говорить ложь? Обольстить или погубить бедную, молодую дѣвушку низкаго званія, разумѣется дѣло не важное. Она поступить на мѣсто или выйдетъ за человѣка равнаго съ ней званія, который не имѣетъ чести принадлежать «къ благородной крови» и конечно. Но если вы женитесь тайно и незаконно, а потомъ бросите ее и женитесь на другой—вы попадете въ разныя неприятныя бѣды.

Неприятно должно было быть человѣку свѣтскому, честному и изъ хорошей фамиліи солгать дочери бѣднаго, обезславленнаго, обанкротившагося купца, какова была Каролина Ганнъ; но Джорджу Бранду Фармину, эсквайру, доктору медицины, не оставались другаго выбора, а когда онъ лгалъ—какъ въ опасныхъ болѣзняхъ, когда онъ давалъ каломель—онъ думалъ, что лучше давать приемъ въ большомъ количествѣ. Такъ онъ лгалъ и Генту, сказавъ, что мистриссъ Брандонъ давно умерла въ Канадѣ, такъ онъ лгалъ и Каролинѣ, прописывая ей тѣ же самыя пилюли, и говори, что Гентъ давно умеръ въ Канадѣ. А можетъ ли быть положеніе болѣе тягостное и унижительное для человѣка знатнаго, свѣтскаго и пользующагося огромной репутаціей, какъ унижаться до жи съ ничтожною, низкаго званія женщиной, которая зарабатываетъ себѣ пропитаніе должностью сидѣлки у больныхъ.

— А, да, Гентъ! сказалъ Фарминъ Сестрицѣ въ одномъ изъ тѣхъ грустныхъ разговоровъ, которые иногда происходили между нимъ и его жертвой—его женою прежнихъ дней. Сумасбродный дурной человѣкъ былъ этотъ Гентъ—въ то время, когда я самъ былъ чуть-чуть лучше его! Я глубоко раскаялся послѣ того, Каролина; а болѣе всего въ моемъ поступкѣ съ вами, потому что вы были достойны лучшей участи и вы любили меня истинно, безумно...

— Да, сказала Каролина.

— Я сумасбродствовалъ тогда, я находился въ отчаянномъ положеніи; я погубилъ мою будущность, возстановилъ отца противъ себя, прятался отъ моихъ кредиторовъ подъ чужимъ именемъ, которое я носилъ, когда увидѣлъ васъ. Ахъ, зачѣмъ я вступилъ въ вашъ домъ, бѣдное дитя? Печать демона лежала на мнѣ. Я не смѣлъ заговорить о бракѣ при отцѣ моемъ. Вы ухаживали за вашимъ отцомъ съ постоянной лоботою. Знаете ли, что отецъ мой не хотѣлъ меня видѣть даже передъ смертью? О, тяжело подумать объ этомъ!

И этотъ страдающій человѣкъ хлопнулъ по своему высокому лбу трепещущей рукою; и горесть его объ отцѣ навѣрно была искренна, потому что ему было стыдно и совѣстно, что онъ возстановилъ противъ себя своего роднаго сына.

Онъ признавался, что бракъ былъ самымъ отвратительнымъ и ничтъмъ не оправдываемымъ обманомъ; но онъ былъ безъ ума, когда это случилось, безъ ума отъ долговъ и отъ отчанія, что отецъ бросилъ его; но дѣло въ томъ, что это былъ ненастоящій бракъ.

— Я этому рада, сказала со вздохомъ бѣдная Сестрица.

— Почему? спросилъ докторъ съ жаромъ.

Любовь его умерла, но его тщеславіе еще было живо.

— Развѣ вы любили кого-нибудь другаго, Каролина? Развѣ вы были вашего Джорджа, котораго вы...

— Нѣтъ! храбро сказала маленькая женщина. Но я не могла бы жить съ человѣкомъ, который такъ безчестно поступилъ съ женщиной, какъ вы поступили со мной. Я любила васъ, потому что считала васъ джентльменомъ. Но джентльмены говорятъ правду! Джентльмены не обманываютъ бѣдныхъ, невинныхъ дѣвушекъ, не бросаютъ ихъ безъ копѣйки!

— Каролина! меня преслѣдовали кредиторы, я...

— Все равно. Теперь все кончено. Я не сержусь на васъ, мистеръ Фэрминъ, но я не вышла бы теперь за васъ замужъ, нѣтъ, еслибы даже вы были лейбъ-медикомъ королевы.

Такъ говорила Сестрица, когда она и не думала о существованіи Гента, пастора, который вѣнчалъ ихъ; и я не знаю, обижался или радъ былъ Фэрминъ разводу, который маленькая женщина рѣшила сама. Но когда явился злобщій Гентъ, сомнѣніе и ужасъ наполнили душу доктора. Гентъ находился въ бѣдности; онъ былъ жаденъ, вѣроломъ, безсовѣстенъ. Онъ могъ угрожать этимъ бракомъ доктору. Онъ могъ подвергнуть опасности и даже уничтожить законность рожденія Филиппа. Первый бракъ былъ ничтоженъ, это вѣрно, но огласка могла быть пагубна для репутаціи и практики Фэрмина. А ссора съ сыномъ повлечетъ за собою послѣдствія, о которыхъ не очень пріятно было думать. Видите Джорджъ Фэрминъ, эсквайръ, докторъ медицины, былъ человѣкъ очень настойчивый; когда ему хотѣлось чего нибудь, онъ добивался этого такъ свирѣпо, что долженъ былъ добиться, несмотря на послѣдствія. Такъ ему захотѣлось овладѣть бѣдною Каролиной, такъ ему захотѣлось, молодому человѣку, имѣть лошадей, великолѣпно жить, играть въ рулетку и экартэ; а счета являлись въ надлежащую пору, а Джорджъ Фэрминъ эсквайръ не всегда любилъ платить. Но для величественнаго, образованнѣйшаго джентльмена, принадлежащаго къ лучшему обществу, съ такимъ глѣдкимъ лбомъ и съ такими изящными манерами, котораго всѣ такъ уважали — говорить ложь бѣдной, робкой, безропотной сидѣлкѣ было унижительно, не правда ли? Я могу понять чувства Фэрмина.

Лгать Гёнту было отвратительно: но какъ-то не такъ низко и постыдно, какъ обманывать довърчивое, смиренное, безпріютное созданіе, пѣтъ кроткой юности которой его проклятая нога уже затоптала. Но этотъ Гёнтъ былъ самъ такой злодѣй, что обманывать *его* нечего было совѣститься; и еслибы Фармину пришла охота, онъ даже чувствовалъ бы какое то угрюмое удовольствіе опутать грязнаго пастора разными затрудненіями. Такъ что можетъ быть (разумѣется, я не имѣю средствъ удостовѣриться въ этомъ) доктору не совѣтъ неприятна была обязанность, выпавшая ему на долю — обманывать своего стараго знакомаго и сообщника, а Гёнтъ такой низкій и непривлекательный бродяга, что если его немножко приколотать, или проведутъ, намъ нечего очень горевать.

Фэрминъ былъ смѣлый, мужественный человѣкъ, настойчивый въ желаніяхъ, горячій въ достиженіи своей цѣли, но хладнокровный въ опасности и быстрый въ дѣйствіи. Огромный успѣхъ его, какъ врача, происходилъ отъ его смѣлаго и успѣшнаго способа дѣйствія въ случаяхъ, не терпѣвшихъ отлагательства. Пока Гёнтъ рыскалъ по городу безъ всякой цѣли, насыщая грязною рукою грязный ротъ, а пока у него были вино, карты и ночлеги, онъ оставался довольнымъ, или покрайней мѣрѣ его легко можно было успокоить гинеей или двумя, Фэрминъ могъ слѣдовать паллятивной системѣ, успокаивать своего пациента случайными щедротами, давать ему усыпительное питье изъ бордосскаго или водки. Притомъ Гёнтъ могъ умереть, могъ опять отправиться за-границу; его могли опять сослать въ каторжную работу за поддѣлку или какое-нибудь другое мошенничество, докторъ Фэрминъ утѣшился бы, и онъ рассчитывалъ, что случай избавитъ его отъ этого друга. Но еслибы Гёнтъ узналъ, что женщина, которую онъ незаконно обвинялъ съ Фэрминомъ, была жива, онъ сталъ бы врагомъ, котораго необходимо было укротить, улестить или подкупить, и чѣмъ скорѣе докторъ принялъ бы оборонительныя мѣры, тѣмъ было бы лучше. Какія же оборонительныя мѣры? Можетъ быть всего дѣйствительнѣе была бы свирѣпая атака на врага, а можетъ быть лучше было бы подкупить его. Чтó предпринять, можно было рѣшить только послѣ предварительной рекогноспировки.

«Онъ попробуетъ подстрекнуть Каролину, думалъ докторъ, представивъ ей ея обиды и ея права. Онъ покажетъ ей, что, какъ моя жена, она имѣетъ право на мое имя и на часть моего дохода. Менѣе корыстолюбивой женщины не было на свѣтѣ, какъ это бѣдное созданіе. Она преизраетъ деньги, и еслибы не для отца, то она никогда не взяла бы ни копѣйки отъ меня.

Но развѣ ее нельзя уговорить объявить войну противъ меня и до-

казать ей бракъ со мною, для того чтобы наказать за низкій поступокъ съ нею и предъявить права на положеніе въ свѣтѣ какъ честной женщины? Послѣ того какъ она оставила свой домъ, ея двѣ единокровныя сестры, Ирландки, ее знать не хотѣли, а когда она воротилась, эти бездушныя женщины выгнали ее изъ дома. О, эхидны! А теперь не отрадно ли было бы для нея отмстить сестрамъ, объявивъ о своемъ бракѣ, ѣздить мимо нихъ въ своей каретѣ, вытребовать отъ меня содержаніе и имѣть право носить мое благородное имя?»

Фэрминъ зналъ женщину и зналъ какъ эти женщины поступили съ своей сестрой. Развѣ не въ человѣческой натурѣ желать отмстить? Эти мысли прямо поднялись въ головѣ Фэрмина, когда онъ услышалъ, что между Каролиной и капеланомъ Гентомъ, случилась та встрѣча, которой онъ такъ опасался.

Когда онъ обѣдалъ съ своимъ гостемъ, своимъ врагомъ, сидѣвшимъ напротивъ него, онъ рѣшилъ, какъ ему дѣйствовать. Разумѣется, онъ былъ такъ вѣжливъ къ Генту, какъ арендаторъ къ своему помѣщику, когда приходитъ къ нему безъ арендныхъ денегъ. Докторъ смѣялся, шутилъ, болталъ, а самъ думалъ между тѣмъ, что предпринять противъ опасности.

Онъ составилъ планъ, который могъ имѣть успѣхъ. Онъ долженъ немедленно увидѣться съ Каролиной. Онъ зналъ слабую сторону ея сердца и гдѣ ее можно было чувствительнѣе задѣть. Онъ зналъ, какъ Каролина любила его сына—этой-то любовью онъ и хотѣлъ дѣйствовать на нее. Пока онъ мылъ свои красивыя руки передъ обѣдомъ, примачивалъ свой благородный лобъ, онъ придумалъ маленькій планъ. Онъ приказалъ прислать за собою вскорѣ послѣ второй бутылки бордосскаго; кажется слуги привыкли приносить записки къ своему барину отъ него самого. Расположивъ планъ, онъ хотѣлъ пообѣдать, выпить вина и устроиться какъ можно комфортабельнѣе, пока не наступитъ минута дѣйствія. Въ свои сумасбродные дни, когда онъ путешествовалъ за-границей съ сумасбродными и знатными товарищами, Фэрминъ имѣлъ нѣсколько дуэлей и всегда отличался веселостью своего разговора и прекраснымъ аппетитомъ за завтракомъ передъ поединкомъ, такъ что, еслибы Гентъ не отупѣлъ отъ вина, то можетъ быть его испугала бы чрезмѣрная вѣжливость и веселость Фэрмина, за обѣдомъ. Когда принялись за вторую бутылку бордосскаго, докторъ Фэрминъ уѣхалъ. Онъ опередилъ по крайней мѣрѣ полчасомъ своего противника, или челоуѣка, который могъ быть его протавникомъ. Если Сестрица дома, онъ увидитъ ее, онъ обнажитъ передъ нею чистосердечно свое сердце, онъ все ей выскажетъ. Сестрица была дома.

— Миѣ хотѣлось бы поговорить съ вами наединѣ о болѣзни бѣдной лэди Гумандгау, говорилъ онъ, понизивъ голосъ.

— Я найду, моя милая, подышать немножко свѣжимъ воздухомъ, говоритъ капитанъ Ганнъ, разумѣя подъ этимъ, что онъ отправится въ таверну «Адмирала Бинга», и докторъ остался съ Каролиной вдвоемъ.

— У меня лежить что-то на совѣсти. Я обманулъ васъ, Каролина, говоритъ докторъ.

— Ахъ, мистеръ Фэрминъ, отвѣчаетъ она, наклоняясь надъ своей работой, вы приучили меня къ этому.

— Человѣкъ, котораго вы знали когда-то и который подговорилъ меня для своей собственной эгоистической цѣли сдѣлать вамъ большое оскорбленіе, человѣкъ, котораго я считалъ умершимъ, живъ, Тѣтонъ Гѣнтъ, совершившій этотъ незаконный обрядъ въ Маргэтъ, въ чемъ я такъ часто и часто раскаявался на колѣнахъ, Каролина!

Прекрасныя руки сжались, прекрасный звучный голосъ тихо раздается по комнатѣ, и, еслибы изъ прекрасныхъ глазъ выкатились двѣ, три слезы, навѣрно докторъ не былъ бы огорченъ.

— Онъ былъ здѣсь сегодня. Мистеръ Филиппъ поссорился съ нимъ. Вѣрно Филиппъ рассказывалъ вамъ, сэръ?

— Передъ Богомъ, честное слово джентльмена, когда я говорилъ, что онъ умеръ, Каролина, я думалъ, что онъ умеръ! Да, Максвелль—докторъ Максвелль—который былъ съ нами въ кембриджскомъ университетѣ, сказывалъ, что нашъ старый пріятель Гѣнтъ умеръ въ Канадѣ. Да, докторъ Максвелль сказалъ, что нашъ старый другъ умеръ; нашъ старый другъ? — злѣйшій врагъ мой и вашъ! Но оставимъ это. Это онъ, Каролина, довелъ меня до преступленія, которое я никогда не переставалъ оплакивать.

— Ахъ, мистеръ Фэрминъ, возразила со вздохомъ Сестрица, когда я знала васъ, вы были довольно взрослые, чтобы самому умѣть вести себя, какъ слѣдуетъ.

— Я не извинять себя хочу, Каролина, говоритъ глубоко нѣжный голосъ. Я сдѣлалъ вамъ довольно вреда и я чувствую это здѣсь—въ сердцѣ. Я хочу говорить не о себѣ, но о томъ, кого я люблю болѣе всего на свѣтѣ—объ единственномъ существѣ, которое я люблю, о томъ, кого любите вы, добрая и великодушная душа,—о Филиппѣ.

— А что такое съ Филиппомъ? живо спрашиваетъ мистриссъ Брайдонъ.

— Вы желаете, чтобы съ нимъ случился вредъ?

— Съ моимъ возлюбленнымъ мальчикомъ, о, нѣтъ! вскрикнула Сестрица, всплеснувъ своими маленькими ручками.

— Вы сохраните его отъ вреда?

— Ахъ, сэръ, вы знаете, что я сдѣлаю это. Когда у него была скарлатина, развѣ я не вливала лекарства въ его бѣдное горлышко, не ухаживала за нимъ, не смотрѣла такъ, какъ мать за своимъ роднымъ сыномъ?

— Да, да, благороднѣйшая женщина, да благословить васъ Господь за это! Отецъ благословляетъ. Я вовсе не такъ бездушенъ, Каролина, какъ вы, можетъ быть, считаете меня.

— Я не думаю, чтобы любить его была большая заслуга съ вашей стороны, сказала Каролина, принимаясь опять за свое шитье.

И можетъ быть она думала про себя: «Куда это онъ мѣтеть?» Вы видите, это была женщина проникательная, когда ея страсти и симпатіи не преодолевали ея разсудка; и она дошла до заключенія, что этотъ изящный докторъ Ферминъ, которымъ она восхищалась когда-то, былъ не совсѣмъ правдивый джентльменъ. Она сама говорила мнѣ потомъ: «онъ говорилъ такъ хорошо, прижималъ руку къ сердцу, знаете, но я стала ему вѣрить столько же, какъ актеру на сценѣ».

— Съ вашей стороны не большая заслуга любить этого мальчика, продолжала Каролина. Но что такое съ нимъ, сэръ?

Ферминъ объяснилъ. Этотъ Гентъ способенъ на всякое преступленіе изъ денегъ или изъ мести. Увидѣвъ, что Каролина жива...

— Вы вѣрно и ему также сказали, что я умерла, говоритъ она, поднимая глаза съ работы.

— Попадите меня, попадите меня! Много лѣтъ тому назадъ, можетъ быть, когда я потерялъ васъ изъ вида, я могъ думать...

— Не вамъ, Джорджъ Брандонъ—не вамъ, перебила Каролина своимъ вѣжливъмъ, невиннымъ, звучнымъ голосомъ, а добрымъ дорогимъ друзьямъ и моему милостивому Богу обязана я сохраненіемъ моей жизни, которую вы испортили. Я отплатила вамъ, сохранивъ жизнь вашего милого сына, отплатила въ глазахъ Того, Кто даруетъ и отнимаетъ. Да будетъ благословенно имя Его!

— Вы добрая женщина, а я—дурной, грѣшный человекъ, Каролина, сказалъ докторъ. Вы спасли жизнь моего—нашего Филиппа, рискуя своей собственной. Теперь я скажу вамъ, что другая, огромнѣйшая опасность угрожаетъ ему и можетъ разразиться надъ нимъ каждый день, пока живъ этотъ злодѣй. Что ежели его доброе имя будетъ затронуто, что, ежели считая васъ умершей, я женился на другой?

— Ахъ, Джорджъ, вы никогда не считали меня умершей, хотя вы, можетъ быть, желали этого, сэръ. И многія умерли бы на моемъ мѣстѣ, прибавила бѣдная Сестрица.

— Послушайте, Каролина. Еслибы я былъ женатъ на васъ, моя жена—мать Филиппа не была бы моею женой, а ояъ былъ бы ея

незаконнымъ сыномъ. Имѣніе, которое онъ наследовалъ, не принадлежало бы ему. Дѣти другой дочери его дѣда предъявили бы права на это наследство и Филиппъ остался бы нищимъ. Филиппъ, воспитанный такимъ образомъ, Филиппъ, наследникъ большого состоянія своей матери.

— И своего отца? съ безпокойствомъ спросила Каролина.

— Я не смѣю вамъ сказать—нѣтъ! Я могу положиться на васъ во всемъ. Мое пріобрѣтенное состояніе было поглощено спекуляціями, которыя почти всѣ оказались гибельны. Надо мною виситъ какая-то роковая судьба, Каролина,—справедливое наказаніе за то, что я бросилъ васъ. Я сплю съ мечомъ надъ головой моей, который можетъ опуститься и убить меня. Подъ моими ногами волканъ, который можетъ вспыхнуть когда нибудь и уничтожить меня. А всѣ говорятъ о знаменитомъ докторѣ Ферминнѣ, о богатомъ докторѣ Ферминнѣ, всѣ считаютъ меня счастливымъ,—а я одинъ и самый несчастѣйшій человекъ на свѣтѣ.

— Вы одинъ? сказала Каролина, а когда-то была женщина, которая посвятила бы себя вамъ, вамъ одному—вы бросили ее. Между нами все кончено, Джорджъ Брандонъ. Много лѣтъ тому назадъ моя любовь къ вамъ схоронена въ той самой могилѣ, гдѣ лежитъ маленький херувимъ. Но я люблю моего Филиппа и не хочу повредить ему, нѣтъ, никогда, никогда, никогда.

Когда докторъ уходилъ, Каролина проводила его въ переднюю и тамъ-то Филиппъ нашелъ ихъ.

Нѣжное «никогда, никогда» Каролины раздавалось въ воспоминаніи Филиппа, когда онъ сидѣлъ у Ридли между художниками и авторами, собравшимися у живописца. Филиппъ былъ задумчивъ и молчаливъ. Онъ не смѣялся громко, онъ не расхваливалъ и не бранилъ никого чрезмѣрно, по своему всегдашнему обыкновенію.

У насъ такъ недавно былъ холостой ужинъ въ Темплѣ, что, мнѣ кажется, мы должны сдѣлать самый коротенькій визитъ холостой компаніи въ Торгофской улицѣ, или дамы скажутъ, что мы слишкомъ любимъ холостыя привычки и удаляемъ нашихъ друзей отъ ихъ очаровательнаго и любезнаго общества. Романъ не долженъ много пахнуть сигарами, а его утощенные и изящныя страницы не должны слишкомъ часто пачкаться громомъ. Пожалуйста, вообразите же болтовню художниковъ, авторовъ и любителей, собравшихся у Ридли. Представьте себѣ, что Джэрманъ, миниатюрный живописецъ, выпившій болѣе водки, чѣмъ всѣ присутствующіе, спросилъ своего сосѣда (sub voce), зачѣмъ Ридли не далъ своему отцу (старому буетчику) паякъ ирландцовъ, чтобы онъ служилъ, прибавивъ, что, можетъ быть,

старикъ пошелъ служить въ другое мѣсто за семь шиллинговъ съ половиной; Джэрманъ расхваливалъ вслухъ картину Ридли и подсмѣивался надъ нею вполголоса; а когда какой нибудь аристократъ входилъ въ комнату, онъ подлѣзалъ къ нему, рассыпался передъ нимъ въ раболѣпныхъ похвалахъ и лести. А какъ только тотъ повертывался къ нему спиной, Джэрманъ отпускалъ на него эпиграммы. Я надѣюсь, что онъ не проститъ Ридли и всегда будетъ ненавидѣть его, потому что Джэрманъ будетъ ненавидѣть его, пока онъ будетъ имѣть успѣхъ, и проклинать его, пока свѣтъ будетъ уважать его. Тутъ собралось шестнадцать, осьмнадцать, двадцать человѣкъ. Надо открыть окна, а то они задохнутся отъ дыма! Онъ такъ наполнилъ весь домъ, что Сестрица должна была открыть окно нъ нижнемъ этажѣ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

Филиппъ высунулъ свою голову и сигару изъ окна и задумался о своихъ собственныхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ дымъ его поднимается къ небу. Молодой мистеръ Филиппъ Фэрминъ считается богатымъ, а отецъ его даетъ очень хорошіе обѣды въ Старой Паррской улицѣ, поэтому Джэрманъ и подходитъ къ Филю, ему тоже захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ начинаетъ разговоръ бранью картины Ридли, лежащей на мольбертѣ.

— Всѣ хвалятъ эту картину, что вы думаете о ней, мистеръ Фэрминъ? Очень странно нарисованы эти глаза, неправда ли?

— Неужели? заворчалъ Филъ.

— Очень яркій колоритъ.

— О! говоритъ Филъ.

— Композиція такъ явно украдена у Рафаэля.

— Неужели!

— Извините. Мнѣ кажется, вы не знаете кто я, продолжаетъ Джэрманъ, глупо улыбаясь.

— Знаю, отвѣчаетъ Филъ, устремивъ на него сверкающіе глаза. Вы живописецъ, а зовутъ васъ—господинъ завистникъ.

— Сэръ! вскрикиваетъ живописецъ.

Но онъ обращается къ фаддамъ фрака Фила, такъ какъ верхняя половина тѣла мистера Фэрмина высунута изъ окна. Вы можете говорить о человѣкѣ за его спиной, но вы не можете говорить съ нимъ. Поэтому мистеръ Джэрманъ удаляется и обращается то къ тому, то другому въ этомъ обществѣ. Вѣрно онъ ругаетъ держаго, завосчиваго выскочку, докторскаго сына. Вѣдь я сознавался, что Филиппъ бывалъ часто очень грубъ; а сегодня онъ особенно въ дурномъ расположеніи духа.

Когда Филиппъ продолжалъ смотрѣть на улицу, кто-то подошелъ

къ окну мистриссъ Брандонъ и началъ разговаривать съ нею. Чей грубый голосъ и хохотъ узнаеть Филиппъ съ трепетомъ? Это голосъ и хохотъ нашего пріятеля, мистера Гента, котораго Филиппъ оставилъ незадолго передъ этимъ, въ домѣ отца своего въ Старой Паррской улицѣ; и оба эти звука еще противнѣе, еще пьянѣе, еще безстыднѣе, чѣмъ они были два часа тому назадъ.

— Ага! кричить онъ съ хохотомъ и проклятіемъ. Мистриссъ какъ бишь васъ тамъ? Не запирайте окно. Впустите же къ вамъ человѣка!

Поднявъ голову къ верхнему окну, гдѣ голова и туловище Филиппа чернѣются передъ свѣтомъ, Гентъ кричить:

— Ага, это что тамъ наверху? Ужинъ и балъ. Не удивляюсь.

И онъ напѣваетъ хриплымъ тономъ мотивъ вальса и бьетъ тактъ своими грязными сапогами.

— Мистриссъ, какъ бишь васъ! мистриссъ Б—! принялся опять кричать дуракъ. Я долженъ васъ видѣть, по весьма важному дѣлу, самому секретному. Вы услышите кое-что весьма выгодное для васъ.

И стукъ, стукъ, стукъ, онъ стучится въ дверь. При шумѣ двадцати голосовъ немногіе слышатъ стукъ Гента, кромѣ Филиппа, а если и слышатъ, то воображаютъ, что пришелъ еще какой нибудь гость къ Ридли.

Въ передней говоръ и споръ, и произительный визгъ хорошо знакомаго, противнаго голоса. Филиппъ быстро отходитъ отъ окна, отталкиваетъ своего пріятеля Джэрмана отъ двери мастерской и безъ всякаго сомнѣнія получаетъ самыя добрыя желанія отъ этого талантливаго художника. Филиппъ такъ грубъ и повелителевъ, что, право, мнѣ хочется лишить его званія героя—только видите ужъ никакъ нельзя. Имя его стоитъ въ заглавіи, и мы не можемъ уже вычеркнуть его и поставить другое. Сестрица стояла въ передней у растворенной двери и увѣщевала мистера Гента, который повидимому желалъ насильно войти.

— Пустяки, моя милая! Если онъ здѣсь, я долженъ его видѣть—по особенному дѣлу—отойдите!

И онъ ринулся впередъ, задрѣвъ маленькую Каролину за плечо.

— Вошь грубиянъ! закричала Каролина. Ступайте домой, мистеръ Гентъ; вы теперь хуже, чѣмъ утромъ.

Она была рѣшительная женщина и протянула твердую руку къ этому гнусному забіякѣ. Она видала больныхъ въ госпиталѣ въ горячечномъ бреду, ее не испугалъ пьяный человѣкъ.

— А, это вы мистеръ Филиппъ? Кто выгонитъ отсюда этого противнаго человѣка? Ему нельзя идти на верхъ къ джентльменамъ; право нельзя.

— Вы сказали, что Ферминъ здѣсь—не отецъ, а этотъ негодай! Мнѣ нужно доктора. Гдѣ докторъ? кричитъ капеланъ, шатаясь и прислоняясь къ стѣнѣ; потомъ взглядывая на Филиппа съ налитыми кровью глазами, сіявшими ненавистью, онъ продолжалъ:

— Кому нуженъ ты, желалъ бы я знать? Ужъ я довольно наглядѣлся на тебя сегодня, самохвалъ и грубіянь. Не гляди на *меня* такимъ образомъ! Я тебя не боюсь—я не боюсь никого.

— Ступайте домой, ступайте домой, вотъ это будетъ лучше, сказала хозяйка.

— Поглядите-ка сюда, Филиппъ! Вы даете честное слово, что вашего отца нѣтъ здѣсь? Экой хитрый старикашка этотъ Бруммель Ферминъ. Филиппъ дайте мнѣ вашу руку. Послушайте—особенное дѣло. Послѣ обѣда я пошелъ—знаете, *rouge gagne et souleux*—все до чиста проигралъ. Проигрался до чиста, честное слово джентльмена и магистра философіи кэмбриджскаго университета, какъ и вашъ отецъ—нѣтъ, онъ пошелъ въ доктора. Филиппъ, дайте-ка намъ пять совереновъ, мы опять попробуемъ счастья! Какъ, вы не хотите? Это низость, я говорю. Не дѣлайте же низостей.

— Вотъ вамъ пять шиллинговъ! Ступайте и наймите извозчика. Приведите для него извозчика, *Виргилио!* говорить хозяйка дома.

— Этого не довольно, моя милая! кричитъ капеланъ, подходя къ мистриссъ Брандонъ съ такимъ взглядомъ и съ такимъ видомъ, что Филиппъ, задыхаясь отъ гнѣва, бросается, схватываетъ Гента за воротъ и кричитъ:

— Подлый негодай! Такъ какъ это не мой домъ, я могу вышвырнуть тебя отсюда!

И въ одинъ мигъ онъ вытащилъ Гента изъ передней и столкнулъ его съ лѣстницы прямо въ канаву.

— На улицѣ дерутся, спокойно говоритъ Розбери, смотря сверху. Какой-то пьяный полетѣлъ въ канаву. Нашъ пылкій другъ вышвырнулъ его.

Гентъ черезъ минуту приподнялся, сѣлъ и вытаращилъ глаза на Филиппа. Онъ не ушибся. Можетъ быть потрясеніе протрезвило его. Онъ думаетъ, вѣроятно, что Филиппъ опять его ударить.

— Не давай рукавъ воли *побочный сынъ!* закричалъ распростертый негодай.

— О, Филиппъ, Филиппъ! Онъ съ ума сошелъ, онъ пьянь, кричитъ Сестрица, выбѣжавъ на улицу.

Она обвила Филиппа руками.

— Не обращай на него вниманія, милый, онъ сошелъ съ ума!

Полисманъ! Этотъ господинъ слишкомъ много выпилъ. Пойдемте, Филиппъ, пойдемте!

Она увела его въ свою комнатку. Ей понравилась храбрость юноши. Ей правилось, что онъ такъ мужественно, побѣдоносно защитилъ ее отъ ея врага.

— Какъ вы свирѣпо смотрите! Какой вы храбрый, какой вы сильный! Но этотъ негодий недостоенъ сражаться съ вами!

И она взяла своею маленькою ручкой его руку, мускулы которой всё дрожали отъ недавней схватки.

— Зачѣмъ этотъ мерзавецъ называлъ меня побочнымъ сыномъ? сказалъ Филиппъ и дикіе голубые глаза его сверкали свирѣпѣе обыкновеннаго.

— Это вздоръ, дружокъ! Кто можетъ обращать вниманіе на слова такого скота? Онъ всегда ужасно выражается, онъ не джентльманъ. Онъ былъ уже пьянъ сегодня утромъ, когда былъ у меня. Кому какое дѣло до того, что онъ говорить? Онъ самъ завтра не будетъ помнить, что онъ сказалъ. Но какъ былъ добръ мой Филиппъ, что заступился за свою бѣдную сидѣлку? Точно какъ въ романѣ. Пойдемте ко мнѣ, я сдѣлаю вамъ чаю. Не ходите больше курить, съ васъ довольно. Пойдемте и поговоримте со мной.

И какъ мать съ кроткимъ и благочестивымъ личикомъ, она ласкаетъ его, наблюдастъ за нимъ, она наливаетъ ему чай. Она говоритъ говорить и о томъ, и о другомъ. Удивительно, какъ она болтаетъ, хотя вообще она довольно молчалива. Она не хочетъ видѣть глазъ Филиппа, которые слѣдуютъ за нею очень странно и свирѣпо. А когда онъ опять забормоталъ: «Что онъ хотѣлъ сказать...» Она перебила его.

— Какой вы сердитый! Вы всегда не въ духѣ, вамъ не можетъ быть весело безъ вашей сигары. Вотъ вамъ, да какая чудесная. Папа прінесъ ее изъ клуба. Ему подарилъ шкиперъ какого-то китайскаго корабля. Вамъ надо закурить ее съ маленькаго конца. Вотъ!

И еслибы я могъ нарисовать картину, представляющуюся моему воображенію, какъ Сестрица зажигала Филю сигару и улыбалась ему, маленькая, невинная Делила, ласкавшая юнаго Самсона, я знаю, что картина вышла бы прекрасная. Я желалъ бы, чтобы Ридли нарисовалъ ее для меня.

ГЛАВА XII.

Дамоклесь.

На слѣдующее утро такъ рано, что Старая Паррская улица еще не проснулася, у дверей доктора Фармина позвонили въ ночной колокольчикъ, и когда дверь отворилъ зѣвающий слуга, маленькая женщина въ обромъ платъ и черной шляпкѣ подала ему записку, говоря, что докторъ долженъ ѣхать сейчасъ. Не опаситѣ ли заимогла леди Гумандгау, та благородная больная, о которой докторъ говорилъ вчера съ сидѣлкой. Сестрица, — это была она, — сказала это самое имя лакею, который ушелъ ворча, что долженъ будить барина и отдавать ему записку.

Сидѣлка Брандонъ-сидѣла, между тѣмъ, въ столовой, гдѣ висѣлъ портретъ доктора и смотрѣла на это мастеровое произведеніе до тѣхъ поръ, пока нашествіе служанокъ не выгнало ее изъ этой комнаты, и она укрылася въ другую маленькую комнатку, куда былъ повѣшенъ портретъ мистриссъ Фарминъ.

«Какъ это было похоже на него, много и много лѣтъ тому назадъ, думаетъ она. Этотъ портретъ нѣсколько лучше его, но онъ имѣетъ то злое выраженіе, которое мнѣ казалось столь дивнымъ, какъ и обиднъ моихъ сестрамъ. Онѣ готовы были выцарапать глаза другъ другу изъ ревности. А это портретъ мистриссъ Фарминъ! Вѣрно живописецъ не польстилъ ей...»

Докторъ, тихо войдя въ открытую дверь и по толстому турецкому ковру, подошелъ къ ней неслышно и нашелъ Сестрицу, смотрящую на портретъ его умершей жены.

— А, это вы? Желала бы я знать лучше ли вы обращались съ нею, чѣмъ со мной, докторъ Фарминъ. Я думаю, вы обманули не ее одну. Она, кажется, не очень счастлива, бѣдняжка, сказала Сестрица.

— Чтѣ привело васъ сюда такъ рано, Каролина? спросилъ звучный голосомъ докторъ.

Сестрица объяснила ему.

— Вчера, когда вы ушли, пришелъ Гѣнтъ. Онъ былъ пьянъ. Онъ былъ очень грубъ и Филиппъ не могъ этого перенести. Филиппъ мучается, у него горячая кровь. Филиппу вообразилось, что Гѣнтъ оскорбляетъ меня. Онъ поднялъ руку и мистеръ Гѣнтъ полетѣлъ на мостовую. Онъ взбѣсился и назвалъ Филиппа ужаснымъ именемъ.

— Какимъ именемъ? Какимъ?

Каролина сказала доктору, какъ Гѣнтъ называлъ Филиппа; и если лицо Фэрмина обыкновенно казалось зло, то ужъ навѣрно не показалось оно ангельскимъ, когда онъ услышалъ, какимъ гнуснымъ именемъ былъ названъ его сынъ.

— Можетъ онъ сдѣлать Филиппу вредъ? продолжала Каролина. Я думала, что я обязана сказать его отцу. Послушайте, докторъ Фэрминъ, я не хочу сдѣлать вредъ моему милому мальчику. Но если то, что вы говорили мнѣ вчера, неправда,—такъ какъ вѣдь вы не церемонитесь говорить неправду намъ, женщинамъ, если, когда вы разыграли роль негодяя, думая обмануть бѣдную; невинную, шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, вы были обмануты сами и я была вашей законною женой? Вотъ вамъ и наказаніе.

— Я имѣлъ бы благородную и добрую жену, Каролина, сказалъ докторъ, застававъ.

— Это было бы наказаніемъ не для васъ, а для моего бѣднаго Филиппа, продолжала эта женщина. Что онъ сдѣлалъ, чтобы его честное имя, можетъ быть, и его состояніе были отняты отъ него? Я не спала всю ночь, думая о немъ. Ахъ, Джорджъ Брандонъ! Зачѣмъ, зачѣмъ вы вошли въ домъ моего бѣднаго стараго отца, и навлекли это несчастье на меня и на вашего еще не рожденнаго ребенка?

— А больше всѣхъ на самого себя, сказалъ докторъ.

— Вы заслужили это. Но мы невинные страдали и будемъ страдать больше васъ. О, Джорджъ Брандонъ! подумайте о бѣдной женщинѣ, брошенной умирать съ голода и не знавшей даже вашего настоящаго имени! Подумайте о вашемъ сынѣ, можетъ быть, доведеннымъ до стыда и бѣдности черезъ вашу вину.

— Неужели вы полагаете, что я не часто думаю о моихъ проступкахъ, сказалъ докторъ, что не провожу бессонныхъ ночей и цѣлыхъ часовъ тоски. Ахъ, Каролина!

Онъ поглядѣлся въ зеркало и подумалъ: «я не выбрить, это очень неприлично» т. е., если я осмѣлюсь прочесть его мысли, такъ какъ мнѣ приходится передавать его произнесенныя слова.

— Вы думаете о вашемъ проступкѣ теперь, когда его можно разгласить! говоритъ Каролина. Что если этотъ Гѣнтъ найдетъ противъ васъ? Онъ человѣкъ отчаянный, онъ до безумія пристрастился къ пьяству и деньгамъ, онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, какъ онъ сказалъ вчера мнѣ и моему папѣ. Онъ сдѣластъ или скажетъ, что нибудь. Если вы будете обращаться съ нимъ жестоко, а Филиппъ уже поступилъ съ нимъ жестоко — не болѣе, какъ онъ заслуживалъ, однако, онъ погубитъ васъ и самого себя, но онъ отступитъ. Можетъ быть онъ такъ былъ пьянъ вчера, что, самъ не зная, что говорилъ. Но я боюсь, что

опять задумалъ сдѣлать вредъ; я пришла сказать вамъ это и надѣюсь, что вы будете остерегаться, докторъ Ферминъ. Я не спала всю ночь, все думала, и какъ только увидела дневной свѣтъ, рѣшилась побѣжать къ вамъ и сказать.

— Когда онъ называлъ такъ Филиппа, мальчикъ очень расстроужился? спросилъ докторъ.

— Да, онъ безпрестанно говорилъ объ этомъ, хотя я старалась ласками заставить его забыть. Но вчера это лежало у него на душѣ, и я увѣрена, что и сегодня утромъ это прежде всего придетъ ему въ голову. Ахъ, да, докторъ! Совѣсть иногда позволяетъ джентльмену задремать, но когда открытіе явится, отдернетъ ваши занавѣски и скажетъ: «вы приказали разбудить васъ рано?»—безполезно стараться заснуть. Вы кажетесь очень испуганы, докторъ Ферминъ, продолжала сидѣлка. У васъ нѣтъ столько мужества, какъ у Филиппа, или сколько было у васъ самихъ, когда вы были молодымъ человѣкомъ и сбивали съ пути бѣдныхъ дѣвушекъ. Тогда вы не боялись ничего. Помните этого человѣка на пароходѣ, когда мы ѣхали въ Шотландію послѣ свадьбы, я думала, что вы убьете его. Бѣдный лордъ Синкбаръзъ рассказывалъ мнѣ множество исторій о вашемъ мужествѣ и о томъ, какъ вы убиваете людей на дуэли. Бросить бѣдную дѣвушку безъ имени и безъ гласа было не очень мужественно, не такъ ли? Но я пришла сюда не за тѣмъ, чтобы вспоминать старое, а только за тѣмъ, чтобы предостеречь васъ. Даже въ былое время, когда Гѣнтъ вѣнчалъ насъ, и я считала это одолженіемъ съ его стороны, я не могла терпѣть этого ужаснаго человѣка. Въ Шотландіи, когда вы охотились съ этимъ бѣднымъ лордомъ, вещи, которыя говорилъ Гѣнтъ, и выраженіе его лица, были ужасны. Желала бы я знать, какъ это вы, джентльмены, могли сносить присутствіе такого человѣка! Ахъ, какъ грустенъ былъ нашъ медовой мѣсяцъ! Я удивляюсь, зачѣмъ я думаю объ этомъ теперь? Вѣроятно оттого, что я видѣла портретъ той, другой, бѣдной лэди!

— Я говорилъ вамъ, Каролина, я былъ такой сумасбродный и отчаянный человѣкъ въ то время, что я не могъ даже отвѣчать за свои поступки. И если я оставилъ васъ, то это потому, что у меня не оставалось другихъ средствъ, кромѣ побѣга. Я былъ разоренъ и остался бы безъ копѣйки за душою, еслибы не бракъ мой съ Эленъ Рянгуль. Неужели вы думаете, что этотъ бракъ былъ счастливъ? Счастливъ... когда бывалъ я счастливъ? Моя доля быть самымъ несчастнымъ и навлекать несчастье на тѣхъ, кого я люблю—на васъ, на моего отца, на мою жену, на моего сына. Таковъ ужъ приговоръ судьбы. Ахъ, зачѣмъ невинные должны за меня страдать.

— У меня никогда не было брачнаго свидѣтельства, продолжала

*

Сестрица, я не знала, бываютъ ли какія бумаги, или что нибудь, кромѣ кольца и пастора, когда вы вѣнчались со мной. Но я слышала, что въ Шотландіи совсѣмъ не нужны пасторы, что если люди называютъ себя мужемъ и женой, то этого довольно для того, чтобы они считались мужемъ и женой. А мистеръ и мистриссъ Брандонъ ѣздили вмѣстѣ въ Шотландію, свидѣтелемъ можетъ быть тотъ человѣкъ, котораго вы чуть не бросили въ озеро, за то, что онъ былъ грубъ съ вашей женой, и... не сердитесь! Это не я бѣдная шестнадцатилѣтняя дѣвушка поступила дурно, а вы, свѣтскій человѣкъ, бывшій старѣ меня многими годами.

Когда Брандонъ увезъ свою бѣдную жертву и жену, они отправились въ Шотландію, гдѣ лордъ Синкбарсъ, тогда бывшій въ живыхъ, нанялъ дачу для охоты. Капеланъ его сіятельства, мистеръ Гейтъ, тоже участвовалъ въ этой компаніи, которую судьба вскорѣ разстроила. Смерть застала Синкбарза въ Неаполѣ. Долги заставили Фермина—Брандона, какъ онъ назывался тогда—бѣжать за границу, капеланъ странствовалъ изъ тюрьмы въ тюрьму. А что касается до бѣженской Каролины Брандонъ, вѣроятно мужъ, женившійся на ней подъ чужимъ именемъ, думалъ, что бросить ее, отказать отъ нея совсѣмъ было легче и не такъ опасно, какъ продолжать сношенія съ нею. Въ одинъ день, черезъ четыре мѣсяца послѣ ихъ свадьбы, молодые супруги были тогда въ Дуврѣ, мужъ Каролины пошелъ гулять, но онъ отправилъ свой чемоданъ въ заднюю дверь, и между тѣмъ какъ Каролина ждала его обѣдать, нѣсколько часовъ спустя носильщикъ, относившій поклажу, принесъ ей записку отъ ея возлюбленнаго Д. и Б., наполненную нѣжными выраженіями уваженія и любви, какими мужчины наполняютъ свои записочки; но возлюбленный Д. Б. писалъ, что вѣлителей преслѣдуютъ его за долги, что онъ долженъ бѣжать; онъ взялъ съ собою половину денегъ, а половину оставлялъ своей маленькой Керри. Онъ скоро воротится, устроить всѣ дѣла или увѣдомить ее, куда писать или пріѣхать къ нему. А она должна была заботиться о своемъ здоровьи, и писать много къ своему Джорджи. Она не умѣла тогда писать очень хорошо, но писала какъ могла, и сдѣлала большіе успѣхи, потому что точно писала много, бѣдвяжка. Сколько листовъ бумаги покрывала она чернилами и слезами. Деньги были истрачены, а другихъ не получалось, не получалось и писемъ. Она осталась одна въ жизненномъ морѣ и утопала, утонала, когда Богу было угодно послать ей друга, спасшаго ее. Грустна была эта исторія, такъ грустна, что мнѣ не хочется распространяться о ней.

Вѣроятно, когда Каролина воскликнула: «не сердитесь докторъ Ферминъ» онъ кричалъ или свирѣпо ругался при воспоминаніи о своемъ пріят-

тегъ мистеръ Брандонъ и объ опасности, угрожавшей этому джентльмену. Брачныя церемоніи—опасный рискъ и въ шутку и серьезно. Вы не можете притворно вѣнчаться даже на дочери бѣднаго старика, пускающаго къ себѣ жильцовъ, не рискуя впоследствии отвѣчать за это. Если у васъ жива жена незнатная, а вы вздумаете бросить ее и жениться на племянницѣ графа, вы попадете въ непріятности, несмотря на ваши связи и на высокое положеніе въ обществѣ. Если вы получили тридцать тысячъ фунтовъ за женою № 2, и должны будете вдругъ возвратить ихъ—эта уплата можетъ показаться вамъ довольно стѣснительной. Васъ могутъ судить за двоеженство и приговорить, Богъ знаетъ, къ какому наказанію. По крайней мѣрѣ, если это дѣло разгласится, а вы человекъ почтенный, движущійся въ высокоученомъ и общественномъ кругахъ, эти круги, пожалуй, попросятъ васъ выйти изъ ихъ окружности. Я знаю, что романистъ не долженъ имѣть ни симпатіи, ни антипатіи, ни страданія, ни пристрастія къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ; но я объявляю, что не могу не чувствовать почтительнаго состраданія къ джентльмену, который вслѣдствіе юношескаго и, я увѣренъ, оплакиваемаго сумасбродства могъ потерять свое состояніе, свое мѣсто въ обществѣ, и свою значительную практику. Наказаніе не имѣетъ права являться съ такимъ *pede claudo*. Должны быть ограниченія и со стороны правосудія низко и мстительно представлять свой счетъ двадцать лѣтъ спустя... Поговоривъ съ Сестрицей, услышавъ, что давно сдѣланное преступленіе вдругъ обнаружено, чувствуя, что угроженіе, которое давно предполагалось умершимъ и похороненнымъ, вдругъ пробудилось самымъ шумнымъ и неприличнымъ образомъ, чувствуя, какъ ярость и ужасъ раздираютъ его внутри, каково было этому почтенному доктору заниматься своимъ дѣломъ въ этотъ день,—я могу вообразить это и искренно сочувствую ему. Кто вылечитъ врача? Развѣ онъ не болѣе страдалъ сердцемъ въ этотъ день многихъ своихъ больныхъ? Онъ долженъ слушать, какъ леди Мегринъ по крайней мѣрѣ полчаса описываетъ ему свои маленькія немощи. Онъ долженъ слушать и ни разу не смѣть сказать: «чортъ тебя возьми, старая болтунья? Что ты тараторишь мнѣ о твоихъ болѣзняхъ, когда я самъ терплю настоящую пытку, между тѣмъ какъ я улыбаюсь тебѣ въ лицо?» Онъ долженъ улыбаться, шутить, утѣшать, внушать надежду, прописывать лекарство; а можетъ быть во весь день онъ не видалъ никого столь больнаго, столь грустнаго, столь отчаяннаго, какъ онъ самъ.

Первый человекъ, съ которымъ онъ долженъ былъ употребить лицемеріе въ этотъ день, былъ его родной сынъ, вздумавшій придти къ утреннему чаю, за которымъ отецъ и сынъ рѣдко теперь сидѣлись.

Что онъ знаетъ и что онъ подозреваетъ? думалъ отецъ.

Но на лицѣ Филиппа изображался угрюмый мракъ, и глаза отца смотреть въ глаза сына, но не могутъ проникнуть въ нихъ тѣноту.

— Ты поздно оставался вчера, Филиппъ? говоритъ папá.

— Да, сэръ, немножко поздно, отвѣчаетъ сынъ.

— Приятный былъ вечеръ?

— Нѣтъ, сэръ, преглупѣйшій. Вашъ пріятель мистеръ Гейтъ непремѣнно хотѣлъ войти. Онъ былъ пьянъ и нагрубилъ мистриссъ Брандонъ, и я принужденъ былъ вытолкать его. Онъ ужасно былъ разгорченъ и ругался самымъ свирѣпымъ образомъ, сэръ.

Навѣрно сердце Филиппа такъ билось, когда онъ сказалъ эти послѣднія слова, что ихъ почти нельзя было слышать; покрайней мѣрѣ отецъ Филиппа не обратилъ на нихъ большаго вниманія, потому что онъ прилежно читалъ Morning Post, и этимъ листкомъ свѣтскихъ новостей скрывалъ выраженіе агоніи на своемъ лицѣ. Филиппъ послѣ рассказывалъ настоящему біографу это свиданіе за чаемъ и это печальное tête-à-tête.

— Я горѣлъ нетерпѣніемъ спросить, что значили вчерашнія слова этого мерзавца, сказалъ Филиппъ своему біографу, но я какъ-то не смѣлъ. Видите, Пенденнисъ, не такъ-то приятно сказать напрямки своему отцу: «сэръ, совершенный ли вы мошенникъ или нѣтъ? Возможно ли, чтобы вы были двоеженецъ, какъ намекнулъ тотъ негодай, и что мое законное происхожденіе и добрая слава моей матери, также какъ и честь и счастье бѣдной невинной Каролины были разрушены вашимъ преступленіемъ»? Я не спалъ всю ночь, думая о словахъ этого мошенника Гейнта, и было ли въ нихъ какое нибудь значеніе кромѣ пьяной злости.

Такимъ образомъ мы узнаемъ, что трое человѣкъ провели дурную ночь, по милости дурнаго поступка мистера Фэрмина, сдѣланнаго двадцать пять лѣтъ тому навадъ, что, конечно можетъ назваться самымъ безразсуднымъ наказаніемъ за такой давнишній грѣхъ. Желалъ бы я, мои возлюбленные братья грѣшники, чтобы мы носили на своихъ собственныхъ плечахъ все наказаніе за наши собственные преступленія, но вотъ вѣдь въ чемъ бѣда, когда Макгита осудятъ на висѣлицу, Полли и Люси должны плакать, страдать и носить трауръ въ сердцѣ долго спустя послѣ того, когда этотъ отчаянный злодѣй влѣзалъ на висѣлицу.

— Ну, сэръ, онъ не сказалъ ни слова, продолжалъ Филиппъ, описывая эту встрѣчу съ отцомъ своему другу, ни одного слова покрайней мѣрѣ о томъ дѣлѣ, которое болѣе всего лежало у насъ на сердцѣ. Но о людяхъ, вечерахъ, политикѣ онъ разговаривалъ гораздо свободнѣе, чѣмъ обыкновенно. Онъ сказалъ, что я могъ бы получить отъ лорда Рингуда мѣсто депутата отъ Уингэма, еслибы не моя несчастная

политика. Что могло сдѣлать радикала изъ меня, спросилъ онъ, когда я по природѣ былъ самый надменный человѣкъ? (можетъ быть я дѣйствительно таковъ, сказалъ Филь, да и многіе либералы таковы). Онъ былъ увѣренъ, что я остепенюсь—остепенюсь и буду держаться политики *des hommes du monde*.

Филиппъ не могъ сказать своему отцу: «сэръ, я сдѣлался такимъ потому, что видѣлъ, какъ вы ползаете передъ знатью». Было много пунктовъ, о которыхъ отецъ съ сыномъ говорить не могли, и какое-то невидимое, невыражаемое, совершенно непонятное недовѣріе всегда присутствовало при ихъ tête-à-tête.

Они не успѣли еще отпить чаю, когда къ нимъ вошелъ съ шляпой на головѣ мистеръ Гентъ. Меня не было при томъ, и я не могу говорить съ увѣренностью, но мнѣ кажется, что при его злобщемъ появленіи, Филиппъ долженъ былъ покраснѣть, а отецъ поблѣднѣть. «Пришла пора» навѣрно подумали оба; и докторъ вспомнилъ бурные дни своей молодости, когда онъ картежничалъ, интриговалъ, дрался на дуэли, когда его поставили передъ его противникомъ и велѣли по данному сигналу стрѣлять. Разъ, два, три! каждая рука этого человѣка была вооружена злостью и убійствомъ. У Филиппа было много отваги съ своей стороны, но, мнѣ кажется, въ подобномъ случаѣ онъ вѣрно былъ вѣсколько растревоженъ и взволнованъ, между тѣмъ какъ глаза его отца были зорки, а дѣлился онъ быстро и вѣрно.

— Вы съ Филиппомъ поссорились вчера, Филиппъ сказывалъ мнѣ, началъ докторъ.

— Да, и я обѣщалъ, что онъ заплатится мнѣ, отвѣчалъ пасторъ.

— А я сказалъ, что я самъ ничего лучше не желаю, замѣтилъ мистеръ Филь.

— Онъ ударилъ человѣка старѣе себя, друга его отца, человѣка больного, пастора... проговорилъ Гентъ.

— Если вы повторите то, чтѣ вы сдѣлали вчера, и я повторю то же, что я сдѣлалъ, сказалъ Филь. Вы оскорбили добрую женщину.

— Это ложь, сэръ! закричалъ тотъ.

— Вы оскорбили добрую женщину, хозяйку въ ея собственномъ домѣ, и я вытолкалъ васъ, сказалъ Филь.

— Я опять говорю, что это ложь, сэръ, крикнулъ Гентъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Мнѣ рѣшительно всеравно, когда вы называете меня лжецомъ или чѣмъ нибудь другимъ. Но если вы оскорбите мистрисъ Брандонъ, или другую какую нибудь невинную женщину въ моемъ присутствіи, я накажу васъ, закричалъ Филиппъ съ достоинствомъ, крутя свои рыжіе усы.

— Вы слышите, Ферминъ? сказалъ пасторъ.

— Слышу, Гентъ! отвѣчалъ докторъ. И мнѣ кажется онъ сдѣлаетъ то, что говоритъ.

— О, такъ вы вотъ чью сторону держите? вскрикнулъ Гентъ съ грязными руками, съ грязными зубами, въ грязномъ галстукѣ.

— Я держу эту сторону, какъ вы говорите; и если съ этой превосходной женщиной поступить кто нибудь грубо при моемъ сынѣ, я буду очень удивленъ, если онъ не оплатитъ за это, сказалъ докторъ. Благодарю тебя, Филиппъ!

Рѣшительныя слова и поведеніе отца очень успокоили Филиппа. Вчерашнія слова Гента сильно занимали мысли молодого человѣка. Еслибы Фарминъ былъ преступенъ, онъ не могъ бы выказать такую смѣлость.

— Вы говорите такимъ образомъ въ присутствіи вашего сына? Вы переговарили объ этомъ прежде? спросилъ Гентъ.

— Мы переговарили объ этомъ прежде—да. Мы занимались этимъ, когда вы вошли, сказалъ докторъ. Продолжать намъ разговоръ съ того мѣста, гдѣ мы остановились?

— Ну, да — то-есть если вы смѣете, сказалъ пасторъ, нѣсколько удивившись.

— Филиппъ, мой милый, тяжело человѣку краснѣть передъ своимъ роднымъ сыномъ, но если ужъ говорить—а я долженъ говорить не сегодня такъ завтра—то почему же не теперь?

— Зачѣмъ говорить, когда бы то ни было? этого вовсе не нужно, сказалъ пасторъ, удивившись внезапной рѣшимости доктора.

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что вы надѣли и опротивѣли мнѣ, мистеръ Гентъ — вскричалъ докторъ чрезвычайно надменно — и вы, и ваше присутствіе въ моемъ домѣ, и ваше наглое поведеніе, и ваши мошенническія требованія, затѣмъ, что вы принудили бы меня заговорить не сегодня такъ завтра, и если ты хочешь, Филиппъ, я буду говорить сегодня.

— Чортъ возьми! Пойдите! закричалъ пасторъ.

— Я понялъ, что вамъ нужны опять деньги отъ меня.

— Я обѣщаль заплатить Джэкобсу сегодня, вотъ почему и былъ такъ сердитъ вчера; да можетъ быть и выпилъ лишнее. Къ чему рассказывать исторію, которая не можетъ быть никому полезна, Фарминъ, а меньше всѣхъ вамъ, ирачно закричалъ пасторъ.

— Потому что я не хочу терпѣть больше отъ тебя, негодяй, вскричалъ докторъ и жилы на лбу его надулись, и онъ свирѣпо глядѣлъ на своего грязнаго противника. Въ послѣдніе девять мѣсяцевъ, Филиппъ, этотъ человѣкъ получилъ отъ меня девять сотъ фунтовъ.

— Счастье совѣмъ не везло, совѣмъ не везло, честное слово, заворчалъ пасторъ.

— Завтра ему понадобится больше, послѣ завтра—еще больше; а я нехочу жить въ такой постоянной мукѣ. Ты услышишь всю исторію, а мистеръ Гейтъ будетъ свидѣтелемъ своего собственнаго преступленія и моего. Я много кутилъ въ Кэмбриджѣ, когда былъ молодымъ человѣкомъ. Я поссорился съ отцомъ, жилъ въ кругу мотовъ и выше моихъ средствъ; твой дѣдъ такъ часто платилъ мои долги, что я боялся уже просить у него денегъ. Онъ былъ суровъ со мной; я былъ къ нему непочтителенъ. Я сознаюсь въ моей винѣ, мистеръ Гейтъ можетъ подтвердить мои слова. Я прятался въ Маргетѣ подъ чужимъ именемъ. Ты знаешь это имя.

— Да, сэръ кажется знаю, сказала Филиппъ, вздохнувъ.

— Ему казалось, что онъ никогда не любилъ отца своего такъ, какъ въ эту минуту, и онъ думалъ: «ахъ, еслибы онъ всегда былъ откровененъ и правдивъ со мной!»

— Я нанялъ смиренную квартиру въ одномъ смиренномъ семействѣ. (Если докторъ Фарминъ много воображалъ о своей знатности и важности, это ужъ не отъ меня зависитъ; его долго считали такимъ почтеннымъ человѣкомъ). И тамъ я нашелъ молодую дѣвушку—одно изъ самыхъ невинныхъ созданій, когда либо обманутыхъ мужчиной. Я сознаюсь, что я обманулъ ее, да проститъ мнѣ Богъ! Это преступленіе было стыдомъ моей жизни и помрачило бѣдствіемъ всю мою карьеру. Я попалъ на человѣка еще хуже меня, если это быть могло. Я принудилъ Гейта за нѣсколько фунтовъ, которые онъ былъ долженъ мнѣ, фальшиво обвинять меня съ бѣдной Каролиной. Деньги мои скоро были истрачены. Мои кредиторы преслѣдовали меня. Я бѣжалъ за границу и бросилъ ее.

— Фальшиво обвинять, фальшиво обвинять! закричалъ пасторъ. Развѣ вы не принудили меня къ этому, приставивъ пистолетъ къ горлу? Не будетъ же человѣкъ рисковать быть сосланнымъ на каторгу даромъ. Но я проигралъ ему въ карты; у него былъ на меня вексель, онъ сказалъ, что не станетъ взыскивать съ меня этихъ денегъ, вотъ почему я помогъ ему. Все равно, теперь я въ этомъ не участвую, мистеръ Брумелль Фарминъ, а вы участвуете. Я читалъ законъ о бракѣ, сэръ. Пасторъ, который вѣнчалъ, подлежитъ наказанію, если на него доведутъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, а теперь этому уже болѣе двадцати. Но для васъ, мистеръ Брумелль Фарминъ—дѣло другое; а вы мой юный джентльменъ съ свирѣпыми усами, обижающій стариковъ ночью, вы, можетъ быть, узнаете, что мы умѣемъ мстить, хотя мы люди бѣдные.

Съ этими словами Гёнтъ схватилъ свою грязную шляпу и вышелъ изъ дома, осыпая проклятіями своихъ хозяевъ.

Отецъ и сынъ сидѣли нѣсколько времени молча, послѣ ухода ихъ общаго врага. Наконецъ отецъ заговорилъ:

— Вотъ мечъ, вѣчно висѣвшій надъ моею головою... онъ теперь опускается, Филиппъ.

— Что можетъ сдѣлать этотъ человѣкъ? Развѣ первый бракъ былъ законнымъ? спросилъ Филиппъ съ испуганнымъ лицомъ.

— Бракъ совсѣмъ не было. Ты можешь себѣ представить, что я позаботился узнать всѣ законы насчетъ этого. Твое законное происхождение не подлежитъ сомнѣнію, это вѣрно. Но этотъ человѣкъ можетъ погубить меня. Онъ постарается начать клевету завтра, если не сегодня. Пока ты или я будемъ давать ему но гиней, онъ станетъ относить ее въ игорный домъ. У меня у самого была прежде эта страсть. Мой бѣдный отецъ поссорился со мной изъ-за этого и умеръ, не выдавшись со мной. Я женился на твоей матери — упокой Господи ея бѣдную душу и прости меня за то, что я былъ для нея суровымъ мужемъ — съ намѣреніемъ поправить мое разстроенное состояніе. Желалъ бы я, чтобы она была счастливѣе, бѣдняжка. Но не осуждай меня совершенно, Филиппъ. Я былъ доведенъ до крайности, а ей такъ хотѣлось выдти за меня! Я былъ хорошъ собою и молодцовать въ то время. Такъ говорили, по крайней мѣрѣ (тутъ онъ искоса взглянулъ на свой красивый портретъ). Теперь я развалина, развалина!

— Я понимаю, сэръ, что это должно быть для васъ непріятно; но какъ это можетъ погубить васъ? спросилъ Филиппъ.

— Что сдѣлается съ моею практикой семейнаго врача? Практика и теперь уже не та, между нами, Филиппъ, а расходы больше, чѣмъ ты воображаешь. Я пускался въ разныя неудачныя спекуляціи. Если ты рассчитываешь получить отъ меня богатство, мой милый, ты обманешься въ ожиданіи, хотя ты никогда не былъ корыстолюбивъ, нѣтъ, никогда. Но когда этотъ негодяй разгласитъ исторію о знаменитомъ врачѣ двоеженцѣ, неужели ты думаешь, что мои соперники не услышатъ ее и не воспользуются ею, а мои пациенты не подхватятъ ее и не станутъ избѣгать меня?

— Если такъ, условьтесь же тотчасъ съ этимъ человѣкомъ, сэръ, и заставьте его молчать.

— Условиться съ картежникомъ невозможно. Онъ всегда будетъ засовывать руку въ мой кошелекъ, когда проиграетъ. Ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не устоитъ противъ подобнаго искушенія. Я радъ, что ты никогда этому не поддавался. Я ссорился съ тобою иногда за то, что ты жилъ съ людьми ниже тебя по званію: можетъ быть ты былъ

правъ, а я нѣтъ. Я любилъ, всегда любилъ, я этого не скрываю, жить съ знатными людьми. Когда я былъ въ университетѣ, они научили меня картежничать, и мотать, а въ свѣтѣ мало мнѣ помогли. Да и кто сдѣлаетъ это? Кто сдѣлаетъ? и докторъ задумался.

Тутъ случилась маленькая катастрофа, послѣ которой мистеръ Филиппъ Фэрминъ разсказалъ мнѣ эту исторію. Онъ сообщилъ мнѣ, какъ отецъ долго соглашался на требованія Гента, какъ вдругъ пересталъ, и никакъ не могъ объяснить себѣ эту переměну. Я не сказалъ моему другу въ прямыхъ выраженіяхъ, но мнѣ казалось, что я могу объяснить переměну его поведенія. Докторъ Фэрминъ въ своихъ свиданіяхъ съ Каролиной успокоился относительно одной стороны своей опасности. Доктору нечего было бояться обвиненія въ двоеженствѣ. Сестрица отказалась отъ своихъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ правъ.

Когда человѣка приговорятъ къ висѣлицѣ, желалъ бы я знать, утѣшительно для него или нѣтъ заранѣе знать въ какой день совершится его казнь? Гентъ отмститъ. Когда и какъ? спрашивалъ себя докторъ Фэрминъ. Можетъ быть, вы даже узнаете, что этому знаменитому врачу угрожала не одна неминуемая опасность. Можетъ быть, ему угрожала веревка, можетъ быть мечъ. Проходить день, убійца не бросается на доктора, когда онъ идетъ подъ колоннадой итальянской оперы въ свой клубъ. Проходить недѣля—кинжалъ не вонзается въ его подбитую ватой грудь, когда онъ выходитъ изъ своей кареты у дверей какого-нибудь благороднаго пациента. Филиппъ говорилъ, что онъ никогда не зналъ отца пріятнѣе, непринужденнѣе, добродушнѣе и веселѣе какъ въ этотъ періодъ, когда онъ долженъ былъ чувствовать, что надъ нимъ виситъ опасность, о которой сынъ его въ то время не имѣлъ понятія. Я обѣдалъ въ Старой Паррской улицѣ одинъ разъ въ тотъ достопамятный періодъ (онъ казался мнѣ достопамятнымъ вслѣдствіе немедленно послѣ того случившихся происшествій). Никогда обѣдъ не былъ лучше сервированъ, вино превосходнѣе, гости и разговоръ важнѣе и почтеннѣе какъ на этомъ обѣдѣ; и сосѣдъ мой замѣтилъ съ удовольствіемъ, что отецъ и сынъ казались гораздо въ лучшихъ отношеніяхъ, чѣмъ обыкновенно. Докторъ разъ или два значительно обращался къ Филиппу; ссылался на его заграничныя путешествія, говорилъ о семействѣ его матери—пріятно было видѣть вмѣстѣ ихъ обоихъ. День за днемъ проходилъ такъ. Врагъ исчезъ. Покрайней мѣрѣ его грязная шляпа уже не видѣлась на широкомъ мраморномъ столѣ въ передней доктора Фэрмина.

Но однажды—дней десять послѣ ссоры—къ Филиппу является Сестрица и говорить:

— Милый Филиппъ, вѣрно происходитъ что нибудь дурное. Этотъ противный Гѣнтъ былъ у насъ съ какимъ-то очень тихимъ старымъ джентльмѣномъ; они разговаривали съ мной бѣднымъ папá о моихъ обидахъ и его—его—и подстрекнули его, увѣривъ, будто кто-то обманомъ лишилъ его дочь большаго богатства. Кто же это, можетъ быть какъ не вашъ отецъ? А когда они видятъ, что я подхожу къ нимъ, папá и этотъ противный Гѣнтъ уходятъ въ таверну «Адмирала Бинга» и въ одинъ вечеръ, когда папá пришолъ домой, онъ сказалъ мнѣ: «мое бѣдное, невинное, оскорбленное дитя; ты будешь счастлива! Помяни слово нѣжнаго отца!» Они замышляютъ что-то противъ васъ, Филиппъ, и вашего отца. Того стараго джентльмена, который такъ тихо говоритъ, зовутъ мистеръ Бондъ и два раза приходилъ къ намъ какой-то мистеръ Уальзъ и спрашивалъ, у насъ ли мистеръ Гѣнтъ.

— Мистеръ Бондъ? Мистеръ Уальзъ? Какой-то Бондъ былъ стряпчимъ дяди Тунсдена. Старикъ, плѣшивый, и одинъ глазъ больше другаго?

— Ну, да, кажется у этого старика одинъ глазъ меньше другаго, говоритъ Каролина. Первый приходилъ мистеръ Уальзъ—болтливый, молодой, свѣтскій человѣкъ: вѣчно хохочетъ, болтаетъ о театрахъ, операхъ, обо всемъ—онъ пришелъ къ намъ изъ «Адмирала Бинга» съ папá и его новымъ другомъ—о, я ненавижу этого человѣка, этого Гѣнта! Потомъ онъ привелъ старика, этого мистера Бонда. Чтó замышляютъ они противъ васъ, Филиппъ? Я говорю вамъ, что всѣ эти переговоры происходятъ о насъ и о вашемъ отцѣ.

Много лѣтъ тому назадъ, ещѣ при жизни бѣдной матери, Филиппъ вспомнилъ вспышку гнѣва своего отца, который назвалъ дядю Тунсдена плутомъ и скрягой, а этого самаго мистера Бонда—мошенникомъ, заслуживающимъ висѣлицы, за какое-то вмѣшательство по управленію какого-то имѣнія, которое мистриссъ Тунсденъ съ сестрою получили въ наслѣдство отъ своей матери. Ссора эта была затушена, какъ многія подобныя ссоры. Своими продолжали недовѣрять другъ другу; но не было никакой причины, чтобы вражда перешла къ дѣтямъ, и Филиппъ, его тетка и одна изъ ея дочерей, по крайней мѣрѣ, были въ хорошихъ отношеніяхъ между собою. Союзъ стряпчихъ дяди Филиппа съ должникомъ и врагомъ его отца, не предвѣщалъ ничего хорошаго.

— Я не скажу тебѣ, чтó я думаю, Филиппъ, замѣтилъ ему отецъ. Ты любишь твою кузину?

— О, навсе....

— Навсегда, это разумѣется само собой! По крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока ты не передумаешь или кто нибудь изъ васъ не надоѣсть другому, или не найдеть получше кого нибудь.

— Ахъ, сэръ! вскричалъ Филиппъ, но вдругъ остановился.

— Что ты хотѣлъ сказать, Филиппъ, и зачѣмъ ты остановился?

— Я хотѣлъ сказать, еслибы не боялся оскорбить васъ, что мнѣ кажется вы жестоко судите о женщинахъ. Я знаю двухъ, которыя были очень вѣрны вамъ.

— А я измѣнилъ обѣянь. Да, а мои угроженія, Филиппъ, мои угроженія! сказалъ отецъ своимъ густымъ трагическимъ голосомъ, прикладывая руку къ сердцу, которое, кажется, билось очень холодно.

Но зачѣмъ мнѣ, біографу Филиппа бранить его отца? Развѣ угрозы въ двоеженствѣ и огласкѣ не довольно, чтобы разстроить душевное спокойствіе всякаго человѣка?

Отецъ и сынъ однако встрѣчались и разставались въ тѣ дни съ необыкновенной кротостью и дружелюбіемъ, и эти дни были послѣдніе, въ которые имъ приходилось встрѣчаться. Филиппъ и впоследствии не могъ вспомнить безъ удовольствія, что рука, которую онъ бралъ, отвѣчала на его пожатіе съ истинной добротою и дружелюбіемъ.

Почему же это были послѣдніе дни, которые пришлось проводить вмѣстѣ отцу и сыну? Докторъ Фарминъ еще живъ. Филиппъ довольно благополученъ въ свѣтѣ. Онъ и отецъ его разстались добрыми друзьями и біографъ обязанъ объяснить, какъ и почему. Когда Филиппъ разсказалъ отцу, что Бондъ и Уальзъ, стряпчие дади его, Туисдена, вдругъ приняли участіе въ дѣлахъ мистера Брандона, отецъ тотчасъ угадалъ, хотя сынъ былъ слишкомъ еще простодушенъ, чтобы понять, зачѣмъ въ это дѣло вмѣшивались эти господа. Если бракъ мистера Брандона-Фармина съ миссъ Рингудъ былъ ничтоженъ, сынъ его былъ незаконнорожденный и ея состояніе переходило къ ея сестрѣ. Какъ имъ тяжела была для такихъ добрыхъ людей, какъ наши пріатели Туисдены, обязанность лишать милаго племянника его состоянія, однако вѣдь обязанность всегда должна стоять выше всего и родители должны жертвовать всею для справедливости и своихъ родныхъ дѣтей.

— Случись со мною подобное обстоятельство, повторялъ безпрестанно впоследствии Тальботъ Туисденъ—я не былъ бы спокоенъ ни минуты, еслибы думалъ, что я неправильно присвоилъ себѣ имѣніе моего возлюбленнаго племянника. Я не могъ бы спать спокойно; я не могъ бы показаться въ клубъ, стыдился бы своей собственной совѣсти, еслибы у меня на душѣ лежала подобная несправедливость.

Словомъ, когда онъ узналъ, что есть возможность присвоить себѣ часть состоянія Филиппа, Туисденъ видѣлъ ясно, что долгъ предписываетъ ему стоять на сторонѣ жены своей и дѣтей.

Свѣдѣнія, по которымъ дѣйствовалъ Тальботъ Туисденъ, были до-

ставлены ему джентльменомъ въ грязномъ, черномъ платкѣ, который послѣ продолжительнаго свиданія съ нимъ отправился вмѣстѣ съ нимъ къ его стряпчему, вышеупомянутому мистеру Бонду. Тамъ на Южномъ скверѣ, въ гостинницѣ Грея, происходило совѣщаніе троицхъ джентльменовъ, результатъ котораго скоро обнаружился. Господа Бондъ и Сельби имѣли необыкновенно проворнаго, веселаго, шутливаго и умнаго довѣреннаго писаря, который соединялъ дѣло съ удовольствіемъ, съ необыкновенной любезностью и зналъ множество разныхъ странныхъ исторій о разныхъ странныхъ людяхъ въ городѣ: кто давалъ деньги взаимы, кому нужны были деньги, кто былъ въ долгахъ, кто бѣгалъ отъ констебля, у кого брильянты, а у кого имѣніе было въ залогѣ, кто разорялся на строительныя спекуляціи, кто гонялся за какою хорошенькою танцовщицей,—онъ зналъ все о скачкахъ, дракахъ, ростовщичахъ, *quidquid agunt homines* (*). Этотъ Томъ Уальзъ зналъ много кое-чего и сообщалъ это такъ, что вы помирали со смѣху.

Тѣтонъ Гейтъ прежде привелъ этого веселаго человѣка въ клубъ «Адмирала Бинга», гдѣ его любезность плѣнила всѣ сердца. Въ клубѣ было не трудно приобрести довѣріе капитана Ганна. И этому старику, за весьма небольшимъ количествомъ грога, было растолковано, что его дочь была жертвою злаго заговора и законною, и оскорбленною женою человѣка, который долженъ былъ оправдать ея доброе имя передъ свѣтомъ и раздѣлить съ нею свое огромное состояніе.

Огромное состояніе? А какъ оно было велико? Триста тысячъ? Многие доктора зарабатываютъ по пятнадцати тысячъ въ годъ. Мистеръ Уальзъ (который можетъ быть зналъ) не умѣлъ сказать, какъ велико было состояніе, но было ясно только то, что мистриссъ Брандонъ была лишена принадлежащихъ ей правъ.

Волненіе старика Ганна, когда ему объяснили это (подъ самой глубочайшей тайной) было такъ велико, что его старый умишка чуть не свихнулся совсѣмъ. Ему до смерти хотѣлось разболтать этотъ секретъ. Мистеръ и мистриссъ Овсъ, почтенные хозяева «Бинга», никогда не видали его въ такомъ волненіи. Онъ имѣлъ высокое мнѣніе о сужденіи своего друга, мистера Ридли; словомъ, мистеру Ганну пришлось бы отправиться въ Бедламъ, еслибы онъ никому не рассказалъ объ этомъ гнусномъ дѣлѣ, отъ котораго застыла бы кровь всякаго Британца, какъ онъ говорилъ.

Старикъ Ридли имѣлъ болѣе хладнокровный темпераментъ и былъ гораздо осторожнѣе. Докторъ богатъ? Онъ не желалъ ни рассказывать

(*) Фраза Ювенала: все что дѣлаютъ молодые люди. *Прим. перев.*

секретовъ, ни вмѣшиваться въ чужія дѣла, но онъ слышалъ совсѣмъ другое о дѣлахъ доктора Фармина.

Когда мистриссъ Каролинѣ были сдѣланы намски на взѣмъ, на лишеніе правъ, когда ей сказали: «у тебя отнялъ огромное богатство, моя бѣдная Каролина, злодѣй, волкъ, въ овечьей шкурѣ; я всегда ему не довѣрялъ, съ первой минуты, какъ его увидѣлъ, я сказалъ твоей матери: «Эмили, этотъ Брандонъ человѣкъ дурной» и горько, горько раскаявался я, что принималъ его въ своею домъ». Странно, что она приняла все это съ небреженіемъ.

— О, папѣ, какіе пустяки! не выкапывайте эту грустную, давнишнюю исторію! Я уже довольно отъ нея пострадала. Не одинъ мистеръ Фарминъ бросилъ меня; я пережила все это, слава Богу.

Это былъ ударъ жестокой и котораго отразить было нельзя. Дѣло въ томъ, что когда бѣдная Каролина, брошенная своимъ мужемъ, воротилась къ отцу, этотъ человѣкъ и жена, управлявшая имъ, заблаго-разсудили выгнать ее. А она простила имъ и отплатила старику добромъ за зло.

Когда капитанъ примѣтилъ равнодушіе и нежеланіе дочери поднимать тягостный вопросъ о ея подложномъ бракѣ съ Фарминомъ—его гнѣвъ и подозрѣніе пробудились.

— А, сказалъ онъ, ужъ не надуваетъ ли тебя опять этотъ человекъ?

— Какой вздоръ, папѣ! снова сказала Каролина. А я вамъ говорю, что это васъ надуваетъ писарь стряпчего. Изъ васъ хотятъ сдѣлать орудіе, папѣ! Вы всю вашу жизнь служили орудіемъ другимъ.

— Что вы это? Клянусь честью, милостивая государыня! вмѣшался мистеръ Уальзъ.

— Не говорите со мною, сэръ! Я не хочу, чтобы писаря стряпчихъ мѣшались въ мои дѣла! вскричала рѣзко мистриссъ Брандонъ. Я не знаю, зачѣмъ вы пришли сюда, да и не хочу знать; я увѣрена, что не за хорошимъ дѣломъ.

Вѣрно дурной успѣхъ посла привелъ самого Бонда въ Торгофскую улицу; и нельзя было встрѣтить человека добрѣе, ласковѣе мистера Бонда, хотя у него одинъ глазъ былъ меньше другаго.

— Что это я услышалъ отъ моего довѣреннаго писаря, мистера Уальза, милая мистрисъ Брандонъ? спросилъ онъ Сестрицу. Вы отказываетесь оказать ему довѣріе, потому что онъ писарь? Желалъ бы я знать, окажете ли вы довѣріе мнѣ, какъ къ его хозяину?

— Окажетъ, сэръ, окажетъ полное довѣріе! сказалъ капитанъ, приложивъ руку къ тому атласному значающему табакомъ жилету, ко-

торымъ всё его друзья такъ давно восхищались. Она могла бы говорить и съ мистеромъ Уальзомъ.

— Мистеръ Уальзъ не семейный человекъ. А у меня есть дѣти дома, мистриссъ Брандонъ, въ такихъ же лѣтахъ какъ вы, говоритъ добродетельный Бондъ. Я хотѣлъ бы, чтобы вамъ отдана была сира-ведливость все равно какъ бы имъ.

— Вы очень добры, что такъ вдругъ вздумали заботиться обо мнѣ, съ важною сказала мистриссъ Брандонъ. Вѣрно это ужъ не даромъ.

— Я не потребую большой платы, для того чтобы помочь бѣдной жевщицѣ возратить свои права, и я не думаю, чтобы благородную даму нужно было много уговаривать принять помощь къ ея выгодѣ, замѣтила мистеръ Бондъ.

— Это зависитъ оттого, кто будетъ помогать.

— Ну, если я не могу сдѣлать вамъ вреда, а помогу, напротивъ, приобрести имя, богатство, высокое положеніе въ свѣтѣ,—мнѣ кажется вамъ нечего бояться. Неужели я кажусь такимъ ужасно злымъ или хитрымъ?

— Многие и не кажутся, да таковы. Я научилась думать такимъ образомъ о васъ, мужичинахъ, замѣтила мистриссъ Брандонъ.

— Васъ оскорбилъ одинъ мужчина, а вы подозреваете всѣхъ.

— Нѣтъ, не всѣхъ, а нѣкоторыхъ, сэръ!

— Подозрѣваете меня, какъ будто я могу сдѣлать вамъ вредъ. Но могу ли и зачѣмъ я сдѣлаю это? Вашему доброму отцу извѣстно, зачѣмъ я пришелъ сюда. Я не имѣю отъ него секретовъ. Имѣю ли я, мистеръ Ганнъ, или капитанъ Ганнъ, какъ я слышалъ васъ называютъ?

— Мистеръ, сэръ, просто мистеръ. Нѣтъ, сэръ, ваши поступки были открыты, благородны, какъ настоящаго джентльмена. Вы ничего не сдѣлаете ко вреду мистриссъ Брандонъ, да и также ея отецъ. Можетъ ли, кажется, отецъ сдѣлать вредъ родной дочери? Могу я предложить вамъ выпить рюмочку, сэръ?

И дрожаящая, грязная, но гостепримная рука протягивается къ бутфету, въ которомъ мистриссъ Брандонъ держитъ свой скромный запасъ спиртуозныхъ напитковъ.

— Ни одной капли, благодарю васъ! Я думаю, вы болѣе доверите мнѣ, чѣмъ мистриссъ Фэрм... извините, мистриссъ Брандонъ расположена.

Когда было выговорено слово *Фэрм*... Каролина такъ поблѣднѣла и задрожала, что стряпчій остановился, нѣсколько испугавшись эффекта своего слова—своего недоконченнаго слова!

Старый стряпчій поправился очень любезно.

— Извините меня, сударыня, сказалъ онъ, я знаю, какъ вы были оскорблены, и я знаю вашу печальѣйшую исторію; я знаю ваше имя

и чуть было не сказалъ его, но оно, повидному, оживляетъ воспомина- нія тягостныя для васъ, которыхъ я безъ надобности не стану вызы- вать.

Капитанъ Ганнъ вынулъ запачканный табакомъ носовой платокъ, вы- теръ два красныхъ глаза, подмигнулъ стряпчему и перевелъ духъ са- мымъ патетическимъ образомъ.

— Вы знаете мою исторію и мое имя, сэръ, вы—человѣкъ незна- комый мнѣ. Неужели вы рассказали этому старому джентльмену всѣ мои дѣла? спрашиваетъ Каролина довольно колко. А, вы рассказали ему, что моя мачиха никогда не говорила мнѣ ласковаго слова, что я трудилась для васъ и для нея, какъ служанка, а когда я вороти- лась къ вамъ обманутая и брошенная, вы съ мамѣ захлопнули мнѣ дверь подъ носъ? Вы сдѣлали это, сдѣлали! Я прощаю васъ, но сто тысячъ лѣтъ не могутъ загладить оскорбленіе, которымъ вы разбили сердце вашей бѣдной дочери въ тотъ день! Сказалъ вамъ отецъ мой все это, мистеръ, какъ васъ тамъ зовутъ? Я удивляюсь, какъ онъ не нашелъ разговора пріятнѣе этого!

— Душа моя! виѣшался капитанъ.

— Хороша любовь... рассказывать постороннему въ публичномъ мѣ- стѣ, да еще, навѣрно, многимъ другимъ, несчастье своей дочери. Хо- роша любовь! Вотъ что я заслужила отъ васъ!

— Ни одна душа не знаетъ, честное слово джентльмена, кромѣ меня и мистера Уэльза.

— Такъ зачѣмъ же вы пришли говорить мнѣ обо всемъ этомъ? Какой планъ затѣваете вы? Зачѣмъ пришелъ сюда этотъ старикъ? за- кричала хозяйка въ Торнгофской улицѣ, топнувъ ногою.

— Сказать вамъ откровенно? Я назвалъ васъ мистриссъ Фэрминъ, потому что, клянусь честью, я считаю это имя вашимъ настоящимъ именемъ, потому что вы законная жена Джорджа Бранда Фэрмина. Если это ваше законное имя, его носить другіе, не имѣющіе права его носить и пользуются имѣніемъ, на которое они не могутъ предъ- явить никакихъ притязаній. Въ 1827 г., вы, Каролина Ганнъ, шест- надцатилѣтняя дѣвушка, были обвѣнчаны пасторомъ, извѣстнымъ вамъ, съ Джоржемъ Брандомъ-Фэрминомъ, назвавшимся Джоржемъ Бран- дономъ. Онъ былъ виновенъ въ томъ, что обманулъ васъ; но вы въ обманѣ виновны не были. Онъ былъ закоренѣлый и хитрый человѣкъ; но вы—невинная, молоденькая дѣвушка. И хотя онъ думалъ, что этотъ бракъ не связываетъ его, однако онъ связываетъ его по зако- ну и рѣшенію юристовъ; и вы такая же законная жена Джорджа Фэрмина, сударыня, какъ мистриссъ Бондъ—моя!

— Ты была жестоко обманута, Каролина, сказалъ капитанъ, сморкаясь.

Каролина, повидимому, очень хорошо знала законы.

— Вы хотите сказать, сэръ, проговорила она медленно, что если я и мистеръ Брандонъ были обвѣнчаны, когда онъ зналъ, что онъ только итраетъ бракомъ, а я вѣрила, что бракъ былъ настоящий, то мы дѣйствительно законные мужъ и жена?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Но если мы оба знали, что этотъ бракъ былъ фальшивый—неправильный?

— Въ законахъ сказано, что въ такомъ случаѣ бракъ считается ничтожнымъ.

— Но ты этого не знала, мое бѣдное, невинное дитя? вскрикнулъ мистеръ Ганнъ. Гдѣ же тебѣ было знать? Сколько было тебѣ лѣтъ? Она была ребенкомъ въ дѣтской, мистеръ Бондъ, когда негодяй сманилъ ее отъ ея бѣднаго старика отца. Она не имѣла понятія, что такое незаконный бракъ.

— Разумѣется, гдѣ же ей бѣдняжкѣ, вскричалъ старый стряпчій, добродушно потирая руки—бѣдняжечка, бѣдняжечка!

Пока онъ говорилъ, Каролина очень блѣдная и неподвижная смотрѣла на портретъ Филиппа, нарисованный Ридли, который висѣлъ въ ея маленькой комнаткѣ. Вдругъ она обернулась къ стряпчему, сложивъ свои маленькія ручки надъ работой.

— Мистеръ Бондъ, сказала она, какъ бы ни были дѣвушки молоды, а онѣ знаютъ больше, чѣмъ многіе воображаютъ. Мнѣ было болѣе шестнадцати лѣтъ, когда... когда случилось это происшествіе. Я не была счастлива дома, я съ нетерпѣніемъ желала оставить его. Я знала, что джентльменъ такого званія не захочетъ жениться на такой бѣдной сандрильонѣ, какъ я. Если сказать по правдѣ, я... я знала, что это былъ бракъ не настоящий... я никогда не думала, чтобы это былъ бракъ законный.

И она сложила свои ручки, произнося эти слова и навѣрно опять взглянула на портретъ Филиппа.

— Боже милостивый, сударыня, вы должно быть ошибаетесь, вскричалъ стряпчій. Какъ такой ребенокъ, какъ вы, могъ знать, что бракъ былъ незаконный?

— Потому что у меня не было брачнаго свидѣтельства, живо вскрикнула Каролина. Я и не спрашивала объ немъ! Наша горничная, которая служила у насъ тогда, говорила мнѣ: «смисъ Керри, гдѣ же ваше свидѣтельство? Безъ него вѣдь не хорошо». И я это знала! Я

готова завтра же пойти къ лорду канцлеру и сказать ему это, закричала Каролина къ изумленію своего отца и своего допросчика.

— Позвольте, позвольте, сударыня! воскликнулъ кроткій старичокъ, вставая со стула.

— Ступайте и скажите это тѣмъ, кто васъ послалъ, сэръ! вскричала повелительно Каролина, оставивъ стряпчаго въ остоленбѣніи.

Надъ изумленнымъ же лицомъ отца мы развѣсимъ его запачканный табакомъ старый носовой платокъ.

— Если къ несчастью вы дѣйствительно намѣрены сдѣлать это изумительное признаніе, которое лишаетъ васъ высокаго мѣста въ обществѣ и уничтожаетъ надежду, которую мы возымѣли поправить вашу репутацію—мнѣ нечего здѣсь дѣлать! Я уйду, сударыня! Прощайте, мистеръ Ганнъ!

И старый стряпчій вышелъ изъ комнаты Сестрицы.

— Она не признается! Она любитъ кого нибудь другого—экая самоубійца! думаетъ старый стряпчій, отправляясь къ сосѣднему дому, гдѣ ждетъ его съ нетерпѣніемъ его клиентъ. Она полюбила кого нибудь другого!»

Да. Но этотъ другой, кого любила Каролина, былъ сынъ Бранда Фармина и для того, чтобы спасти Филиппа отъ гибели, бѣдная Сестрица захотѣла забыть свой бракъ съ его отцомъ.

* * *

Пускай, ты говоришь, они тебя клянутъ,
Пускай презрительно безумнымъ называютъ,
Пускай насмѣшливо, небрежно порицаютъ —
Не пропадетъ твой скорбный, темный трудъ.

Но, право, можно ли всю жизнь страдать, страдать,
И до конца, средь мелочныхъ волненій,
Разумныхъ доводовъ, разбитыхъ увлеченій,
Усталости покоя не желать...

А тутъ еще любовь, да грубая нужда,
Да бой томительный за право жизни скучной,
Да толки пошлости бездарной и докучной,
Да безучастіе, да темная вражда....

Но все-жъ, коль молодость въ крови твоей кипитъ,
Она, безумная, все жаждетъ битвы новой,
Какой-то жизни дѣлъ и бурной, и суровой,
О свѣтломъ будущемъ какомъ-то говорить.

ФЕДОРЪ БЕРГЪ.

ПОЛИТИКА.

Франція. Пренія въ сенатѣ. Рѣчь д'Агессо: его превращеніе изъ республиканца въ монархиста. — Оцѣнка итальянскаго вопроса г. Бонжо и принцемъ Нополеономъ. — «A bas les prêtres и à bas les traitres». — Замѣчаніе министра безъ портфеля г. Билльо на рѣчь принца. — Рѣчь іезуита Келлера въ законодательномъ собраніи. — Министръ Руланъ и клерикалы. — Епископовъ не пускаютъ на вселенскій соборъ. — Канонизація св. Лабра и японскихъ мучениковъ. — Оппозиція въ парламентѣ: Эмиль д'Оливье, Пикаръ и Жюль Фавръ. Ихъ рѣчи объ Италіи, Мексикѣ, карательной цензурѣ и свободѣ выборовъ. — Подвигъ г. Веру. — Какого рода судъ нуженъ для преступленій противъ печати? — Пробужденіе юношества и умноженіе арестовъ. — Дѣло Ренана. — Проектъ императора.

Италія. Общество предусмотрительности. — Ратацци на мѣстѣ Рикасоли и трудное положеніе министерства. — Пруссія. — Распущеніе парламента и министерства. — Возвращеніе короля къ реакціи. — Предстоящіе выборы. — Австрійскія дѣла. — Двуличная политика Австріи. Венгерскія неустройства. — Греція. — Неудача янсургентовъ. — Смиѣлость президента Ливады. — Адольфъ Вертровъ, претендентъ на мексиканскій престолъ. — Положеніе союзныхъ войскъ въ Мексикѣ. — Американскія дѣла. — Англія.

Приближеніе весенняго равноденствія—роковая эпоха для французской конституціи. Тутъ—то она и подвергается всѣмъ нападкамъ оппозиціи, которая спѣшитъ воспользоваться удобной минутой призрачной свободѣ, предоставленной ей дальновиднымъ правительствомъ ради обсужденія адреса. Недовольные торопятся извлечь какъ можно болѣе выгоды за это короткое время. Они не удовлетворяются безплодными сиватками на тупомъ оружіи и производятъ свои атаки въ вооруженнѣйшій армянско закала, съ отпущеннымъ лезвеемъ, направляя свои

удары то въ голову, то въ сердце. Въ Англіи, классической странѣ парламентовъ, недовольство не успѣваетъ сосредоточиться, дойти до крайняго раздраженія и распространять свой ядъ; оно истрачивается по мѣрѣ собственнаго накопленія, такъ какъ право свободнаго обсужденія, этотъ предохранительный клапанъ, остается постоянно открытымъ. Во Франціи постановленія конституціи распорядились иначе: благотѣльный клапанъ дѣйствуетъ только разъ въ годъ, а такъ какъ при двухъ первыхъ испытаніяхъ его дѣйствія цѣлыя волны сжатыхъ паровъ съ страшнымъ шумомъ вырвались наружу, то присяжные механики правительства и замышляютъ совершенно его уничтожить. У створки этого клапана есть двѣ отдушны: одна для выдыханія негодующихъ мнѣній господъ сенаторовъ, а другая для выпариванія гнѣвныхъ ощущеній господъ членовъ законодательнаго собранія. Что за странное противорѣчіе! Первостепенное государственное учрежденіе порицаетъ правительство за излишнюю свободу, предоставленную печатному слову, а министры принуждены отвѣчать на это, что они вовсе не такъ себя держали, чтобъ ихъ можно было упрекнуть въ либерализмъ. Напротивъ того, въ законодательномъ собраніи раздавались голоса, требовавшіе отчета въ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются журналы, и министры отвѣчаютъ, что они вынуждены къ притѣснительнымъ мѣрамъ. А вотъ противорѣчіе другаго рода: сенатъ прінялъ сторону папы противъ Италіи. Г. Билль по этому случаю сказалъ превосходную рѣчь, состоящую изъ двухъ частей, чтобы показать виновность папы передъ Италіей и Италіи передъ папой, а въ заключеніе отдать полную справедливость политикѣ императора Наполеона. И вотъ, по духу противорѣчія, самые краснорѣчивые представители законодательнаго собранія пріняли сторону папы противъ Италіи. А г. Билль снова принимается за свою рѣчь: папа правъ въ отношеніи къ Италіи и Италія права относительно папы, но въ сущности—права только наполеоновская политика. Таково въ двухъ словахъ содержаніе этихъ преній. Какъ ни сокращали, какъ ни смягчали ихъ въ официальныхъ извѣстіяхъ нашихъ журналовъ, впечатлѣніе на умы отдалось сильно во всей Франціи и потому эти мнѣнія заслуживаютъ болѣе внимательнаго изслѣдованія. Но съ чего начать? съ «Palais Bourbon» или съ «Palais du Luxembourg»? Такъ какъ каждый сенаторъ получаетъ въ годъ 30,000 франковъ, а каждый депутатъ законодательнаго собранія только 15,000, то по величю правъ первое мѣсто въ нашемъ обзорѣ принадлежитъ высокопоч-

тенилыъ господамъ сенаторамъ, собирающимся на свои совѣщанія въ люксембургскомъ дворцѣ.

Въ сенатѣ честь первой атаки принадлежитъ графу Сегюру д'Агессо, этому отголоску іезуитскихъ мнѣній. Онъ представилъ цѣлый обвинительный актъ противъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Феалэнъ (извѣстнаго подъ именемъ Персиньи), колько называя его *Полиньякомъ ммиерім*. Полиньякъ, какъ извѣстно, скрѣпилъ знаменитыя іюльскія распоряженія, послѣ которыхъ Карлу X оставалось только одно изгнаніе. Сравненіе г. Сегюра, можетъ быть, нѣсколько натянуто, потому что преступленіе Полиньяка заключалось въ тиранническомъ преслѣдованіи прессы, тогда какъ вина г. Персиньи въ томъ, что онъ предоставилъ ее полному произволу анархическихъ инстинктовъ. Эта несчастная пресса однако должна бы была воспользоваться тайнымъ покровительствомъ министра, чтобъ обратить свои нападки на святаго отца, первосвященника римскаго и на всѣхъ добродѣтельныхъ пастырей, которыхъ впродолженіи двухъ лѣтъ наши трибуналы рассылаютъ поэтому на галеры—искупаятъ преступленія, не имѣющія имени на языкѣ честныхъ людей. Негодованіе графа Сегюра д'Агессо противъ безсовѣстныхъ журналистовъ и авторовъ брошюръ почти равнялось негодованію маркиза де-Ларошъ-Жакленъ.

Если страннымъ кажется обвиненіе г. Персиньи въ либерализмъ, то не менѣе странно, какъ это два іезуита, его противники, до такой степени отступили отъ прежнихъ убѣжденій. Г. маркизь, вѣроятно, позабылъ, что, принимая кандидатуру распайльскаго клуба, онъ клялся «прислѣпиться къ республикѣ всею энергіею своей души». Графъ, его другъ, былъ одушевленъ въ то время такимъ же энтузіазмомъ: «цѣтъ болѣе бонапартизма!»—кричалъ онъ обитателямъ Пиренейскихъ горъ. «Граждане, да здравствуетъ республика! Я смѣю думать, что никто не заподозритъ моей искренности, если я вамъ скажу, что славный девизъ республики *свобода, равенство и братство* всегда былъ навѣчатленъ въ моемъ сердцѣ. Это мое живое и горячее убѣжденіе, въ немъ—все мое исповѣданіе вѣры!»—И вдругъ тотъ же Сегюръ восклицаетъ въ сенатѣ: «мнѣ скажутъ, вы реакціонеръ... Ахъ, Боже мой, да кто же изъ насъ теперь не реакціонеръ? *Развѣ императоръ также не реакціонеръ?* Въ этомъ мірѣ только и есть, что реакція да революція... (Маркизь де-Ларошъ-Жакленъ вставляетъ при этомъ свое замѣчаніе: «самая лучшая революція ничего не стоитъ...») Г. Сегюръ продолжаетъ: «въ 1849 г. мы были въ Римѣ для воз-

*

бужденія реакціи противъ итальянскихъ догматовъ. Мы прибавили еще славную страницу къ *Gesta Domini per Francos*, неужели мы можемъ допустить, чтобы прибавилась страница къ *Gesta Diaboli per Sardos* (одобрительный смѣхъ). А 2 декабря развѣ не есть удивительное реакціонное движеніе противъ революціонной амерки? Что такое самая имперія, какъ не реакціа противъ республики? (Продолжительныя рукоплестанія). А наши войска противъ Россіи и Мексики, наши экспедиціи въ Сирію и Колликину развѣ не блестятельный протестъ въ пользу заключенныхъ, но нарушенныхъ договоровъ? (*Очень хорошо!*)

Итальянскій вопросъ былъ замѣчательнымъ образомъ разобранъ гг. Бонжо, Пьетри и принцемъ Наполеономъ. Адресъ, около котораго обращались пренія, былъ составленъ подобно рѣчи г. Бьяльо. Для пріобрѣтенія сочувствія либеральной партіи, въ немъ обвиняли папу въ упорствѣ, а для возбужденія симпатіи ея стороны клерикаловъ, въ немъ порицались стремленія Итальянцевъ.

Г. Бонжо, искренній католикъ, сильно возставалъ противъ свѣтской власти папъ. Не признавая мѣстной Мадзини, г. Бонжо утверждаетъ, что отдѣленіе свѣтской власти одно можетъ спасти духовную. Въ доказательство онъ приводитъ свидѣтельство святаго Бернара, писавшаго въ 1149 году къ папѣ Евгенію III: «тебѣ запрещено соединять господство власти съ аностольскимъ званіемъ, и если ты хочешь владѣть и тѣмъ, и другимъ вмѣстѣ, то не получишь ни того, ни другаго... Я боюсь, чтобы для тебя властолюбіе не сдѣлалось опаснѣе всякаго яда или княжала... Святой Петръ не носилъ драгоценныхъ камней, не одѣвался въ шелкъ и золото, не ѣздилъ на бѣломъ мулѣ, не окружалъ себя стражею и угодливой прислугой... Выйди изъ Вавилона, ступай проповѣдывать Евангеліе въ другія мѣста... И ты не расквѣсь въ этомъ изгнаніи, потому что вмѣсто одного погибшаго города, ты завоеешь всееленную!..» А Екатерина Сиенская писала Григорію XI письмо, которое кажется писаннымъ вчера еще къ Пію IX: «взгляните на зло, происходящее отъ временныхъ благъ свѣтской власти, служащихъ нѣлью вашихъ домогательствъ, и вспомните, что вы скорѣе должны заботиться о пріобрѣтеніи духовной власти надъ сердцами вѣрующихъ и умноженіи числа ихъ! Мира просимъ мы у васъ, одного мира, ради истинна распятаго Христа!» Г. Бонжо остроумно сравниваетъ папство съ вѣсами, на одной чашкѣ которыхъ лежитъ свѣтская власть, а на дру-

гой духовная: первая выигрывает настолько, насколько теряет послѣдняя. Заключение такой интересной рѣчи слѣдующее: «нустъ лапа царствуетъ въ Римѣ, но не касается правленія!» Такое разрѣшеніе вопроса рѣшительно непримѣнимо. Виктору Эммануилу слишкомъ достаточно его іерусалимскаго королевства, чтобы сдѣлаться сверхъ того еще намѣстникомъ намѣстника Іисуса Христа. На такое обманчивое соглашеніе равно отказываются согласиться и римскій первосвященникъ, и итальянскій король; зачѣмъ же такъ упорно называть имъ его?

Когда принцъ Наполеонъ рѣшился въ первой своей рѣчи напомнить, что Наполеонъ I возвратился съ острова Эльбы во Францію при крикахъ: «да здравствуетъ императоръ! Долой дворянство! Долой духовенство!»—страшный шумъ поднялся въ сенатѣ. Оглушительные крики и восклицанія могли заставить принца подумать, что всѣ эти почтенные старцы готовы поднять руку на его высочество, чтобы принудить его сойдти съ кафедры. Обиды, нанесенныя императорскому высочеству относились по закону отраженія и къ его императорскому величеству; тѣмъ не менѣе наши іезуиты-сенаторы не пощадилъ принца, какъ не щадятъ безпокойные школьники какого нибудь несчастнаго учителя, позволившаго имъ на себя затопать.

Напрасно министръ внутреннихъ дѣлъ поспѣшилъ на помощь принцу, научая его прибѣгнуть къ остроумной уловкѣ и увѣрить, будто онъ сказалъ: «à bas les traitres»! а вовсе не «à bas les prêtres»! Сенатъ все-таки продолжалъ волноваться и кричать, какъ будто дѣло шло о двухъ разнозначущихъ выраженіяхъ. На другой день въ газетахъ говорилось, на основаніи цитатъ изъ сочиненій Тьера и другихъ историковъ, что крикъ, раздававшійся вокругъ Наполеона I въ 1814 году, былъ действительно: «à bas les prêtres»!

Однако у принца Наполеона достало необходимаго присутствія духа, чтобы возвратиться къ прежнимъ своимъ показаніямъ во второй рѣчи, конечно, замѣчательной по своей гладкости, чистосердечію и историческимъ документамъ, приведеннымъ въ подтвержденіе изложеннаго мнѣнія.

Онъ началъ съ разбора одной рѣчи виконта Артура де-Лагероньера. Этотъ пресловутый писатель брошюръ, какъ извѣстно, написалъ подъ диктовку книжковку, въ которой предлагаетъ ограничить наслѣдство св. Петра единымъ обладаніемъ Ватикана и его садами. Изъ-за такой выходки прозвонно большое смятеніе въ дипломатическомъ мірѣ и его святѣй-

шество въ страшномъ негодованіи, среди полнаго собранія консисторіи, заклеилъ брошюру и ея автора именами подлости, разврата, безмысленности, клеветы и лицемерія. Двадцать шесть мѣсяцевъ спустя, мы видимъ, какъ тотъ же писатель произноситъ рѣчь въ поэтической прозѣ, противорѣчащую его прежнему произведенію, и получаетъ отъ Пія IX орденъ въ воздаяніе за «особенныя услуги, оказанныя св. престолу»!

Вотъ образчикъ рѣчи принца Наполеона, направленный противъ де-Лагеронньера:

«Въ заключеніе громкихъ фразъ, содержащихъ въ себѣ похвалы Италіи и папству, Пію IX и Виктору Эммануилу, Кавуру и кардиналу Антонелли, удивительно сгруппированныхъ подъ однимъ вѣнкомъ цвѣтовъ, къ чему же приходитъ г. де-Лагеронньеръ? По его мнѣнію, больше ничего не остается дѣлать, какъ выждать! Но это вовсе не разрѣшеніе вопроса, это—сознаніе безсилія, прикрытое закругленными и обточенными фразами, лишенными всякаго смысла (всеобщая усмѣшка). *Моему* правительству совѣтуютъ выждать!.. Но чего же ждать еще? Чтобы умы сдѣлались еще болѣе раздражены? Чтобы волненіе увеличилось въ Италіи, а вслѣдъ затѣмъ во Франціи и во всей Европѣ?»

Тутъ ораторъ напоминаетъ сенату цѣлый рядъ дипломатическихъ актовъ, очень удачно выбранныхъ. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что за пятнадцать лѣтъ до жестокихъ преслѣдованій, обратившихся на протестантовъ, Лудовикъ XIV получалъ отъ своего посланника при римскомъ дворѣ увѣренія въ будущемъ паденіи свѣтской власти папы. Въ 1782 году, кардиналъ де-Берни въ письмѣ къ Лудовику XVI употребилъ такое выраженіе: «мнѣ очень прискорбно видѣть, какъ его святѣйшество все болѣе и болѣе уничтожается».

Вотъ что писалъ Наполеону въ 1810 году его министръ иностранныхъ дѣлъ: «Ваше величество, уроки опытности уже доказали опасность, являющуюся отъ соединенія первосвященничества съ верховной властью: Представитель святой религіи изъять не болѣе всякаго другаго отъ страстей и пороковъ. Если есть положеніе, при которомъ честолюбіе можетъ доходить до крайней степени раздраженія, то это положеніе чловѣка, стоящаго между силою духовнаго своего могущества и ограниченностью своей свѣтской власти. По праву церковнаго первенства, имѣи вліяніе на всѣхъ и cadaго, не захочетъ ли онъ распространить и свои права свѣтскаго государя также на всѣхъ и каж-

даго? Чувствуя себя выше свѣтскихъ государей, по своему званію намѣстника божьяго, согласится ли онъ считаться только равнымъ имъ, а оставаться все-таки самымъ слабымъ и наименѣе могущественнымъ между равными себѣ государями? Проникнутый съ одной стороны гордостью всего своего величія, а съ другой—сознаніемъ своей слабости, неужели онъ откажется употребить въ дѣло всю силу своей духовной власти для расширенія свѣтской? А если еще, сверхъ того, онъ по несчастію сознаетъ себя независимымъ ни отъ кого судьей людской совѣсти, то не поспѣшитъ ли онъ избавить свою собственную совѣсть отъ упрековъ, которые могли бы остановить обыкновеннаго чловѣка? Рѣшитель добра и зла не признаетъ ли онъ справедливымъ все, что только можетъ быть ему полезно, и не будетъ ли называть преступленіемъ все, что можетъ повредить его интересамъ?»

Въ другомъ донесеніи находится такого рода мѣсто: «Неаполь былъ взятъ, какъ только наши войска приступили къ атакѣ. Безпорядочныя толпы крестьянъ, наскоро набранныя шайки, не могли устоять передъ мужествомъ и опытностью. Но открытую борьбу заимѣли постыдный грабежъ и вѣроломныя убійства. Одинъ министръ, связавшій свое имя съ безславіемъ, держался въ Римѣ и тамъ открытымъ образомъ совѣщался съ агентами неаполитанскаго двора. Оттуда онъ подстерегалъ движеніе нашихъ войскъ, чтобы подвергать ихъ нападеніямъ разбойниковъ, чтобы услѣдить за тѣми изъ начальниковъ, которыхъ онъ обрекалъ кинжаламъ подосланныхъ убійцъ. Собранія атамановъ разбойничьихъ шаекъ происходили въ самомъ Римѣ. Барберіи, убійца Дюфо, былъ возвышенъ до званія префекта полиціи... Наши протестаціи не имѣли никакого дѣйствія. Римскій дворъ отвѣчалъ на требованія Франціи своими вѣчными жалобами на занятіе Анконы. Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе сосредоточивался на своей системѣ пассивной и замкнутой непріязненности... и пр., и пр.»

«Господа, продолжалъ принцъ, я бы могъ сдѣлать очень легко выгодное сближеніе такого положенія дѣлъ съ современными обстоятельствами. Я не сдѣлаю этого, но это сдѣлаетъ каждый изъ васъ!»

...«Слѣдующія слова, произнесенныя въ 1847 году г. Ламартиномъ, дѣятельнымъ защитникомъ папства, опредѣляютъ съ удивительною вѣрностью выраженіе настоящее положеніе церковной области: «рѣдко отдается отчетъ въ странномъ, запутанномъ и безпорядочномъ механизмѣ свѣтскаго управленія въ папскихъ владѣніяхъ». Вотъ опре-

дѣленіе его въ немногихъ словахъ: «Здѣсь все, что есть дурнаго у всѣхъ возможныхъ правительствъ и ровно ничего изъ того, что въ нихъ есть хорошаго!»

«Положеніе дѣлъ, воскликнулъ въ заключеніе принцъ, невыносимо для Италіи, невыносимо для Франціи, невыносимо для всей Европы. Чтобы усмирить волненія, нѣтъ другаго средства, кромя очищенія Рима! Рѣшеніе Наполеона III должно быть согласно съ рѣшеніемъ Наполеона I — оно состоитъ въ отдѣленіи свѣтской власти отъ духовной. Смѣю думать, что гѣнь и геній великаго императора вдохновяютъ его наследника» (глухой шумъ).

— Его превосходительство, г. Билль, министръ безъ портфеля, представитель правительства, встаетъ и говоритъ: «Мм. гг., императорское правительство объявить впоследствии какого рода политика имъ руководить (?!); оно отдастъ преимущество, но, что касается до настоящей минуты, то оно объявляетъ, что между образомъ мыслей, выраженнымъ принцемъ, и видами правительства нѣтъ ничего общаго!» (*Очень хорошо! Очень хорошо!* Продолжительныя рукоплесканія).

Въ законодательномъ собраніи іезуитъ Келлеръ изъяснилъ мнѣніе, что свѣтская власть папы необходима не для католической церкви, но для общества; изъ преданности христіанству рѣшается святой отецъ пользоваться церковною областью, принадлежащею ему, какъ виноградники и луга. Затѣмъ г. Келлеръ проповѣдуетъ крестовый походъ противъ вѣчной революціи, которую онъ рисуетъ какъ крайнюю централизацию (не такую ли, какъ была монархія Лудовика XVI?), какъ оправданіе средствъ цѣлью (не такъ ли, какъ дѣлаютъ іезуиты?) и наконецъ, какъ выраженіе насилія (подобно его преосвященству г. Мероду?). Короче, г. Келлеръ представляетъ изображенія своихъ друзей, свое собственное и восклицаетъ: «смотрите, какая гнусность!» Потомъ, вооружившись кое-какими ораторскими предосторожностями, онъ находитъ воплощеніе революціи въ лицѣ его величества Лудовика-Наполеона Бонапарта, нечувствительнымъ образомъ напоминаетъ о декабрьской ночи, указываетъ на злоупотребленія префектовъ, падучность чиновниковъ и оканчиваетъ свою рѣчь потрясеніемъ самаго основанія имперіи».

Такая рѣчь кажется вамъ неслыханною наглостью, не правда ли? Напротивъ того, она была исполнена кротости, съ стѣсненнымъ пріятной меланхоліи; она была проникнута паточными сиропомъ, была продиктована автору его супругою, теперь сидящемъ уже въ

лучшемъ мірѣ. Буйные крики, прѣвы и оскорбительныя обвиненія не соответствовали бы времени года, такъ какъ положеніе дѣлъ за послѣдній годъ значительно переизмѣнилось. Вообще наші клерикалы не разглагольствуютъ болѣе, не сокрушаютъ правительства подъ бременемъ своего негодованія и не говорятъ болѣе объ «императорѣ Иродѣ». Напротивъ, они дѣлаются покорны и послушны, скромнымъ и слезливымъ голосомъ заклиniają «нашего благодѣятельнаго императора» *de réserver et de préserver* и умоляютъ благодушно выждать, пока эта ненавидимая Італія упадетъ къ ногамъ своего государя—первосвященника. Правительство, надо отдать ему справедливость, не такъ глупо, чтобы поддаться такому смиренію и чрезъ посредство своего органа, г. Билльо, оно довольно откровенно отвѣчаетъ: «вы ждете, вы надѣетесь, что вотъ постигнетъ меня несчастіе и вы соединитесь съ моими врагами, съ Австрійцами. Если теперь вы не поднимаете руни на меня, то потому, что вы не смѣете!» Противъ такого презрительнаго обращенія клерикалы не протестуютъ; они складываютъ руни, моникаютъ своими бритыми головами и возводятъ къ небу взоры своихъ влажныхъ и заплавленныхъ глазъ. Покорность хотѣли бы они отвратить подозрѣнія главы государства и получить для своихъ епископовъ позволеніе, въ которомъ имъ постоянно было отказываемо — ѣхать въ Римъ ради важнаго дѣла церкви, которое тамъ замысливается. Три мѣсяца продолжаются таинственныя приготовленія къ вселенскому собору, имѣющему цѣлью возвести право свѣтской власти папы въ догматъ, но главное — сосредоточить въ однихъ рукахъ все нити большаго католическаго заговора. На весьма естественный вопросъ французскаго правительства, обращенный къ епископамъ: «что вы будете дѣлать въ Римѣ, на своемъ великомъ соборѣ?»—Они отвѣчаютъ, что дѣло идетъ вовсе не о соборѣ, а просто о канонизаціи двадцати трехъ мучениковъ, погибшихъ въ Японіи, которыхъ надо причислить къ лику святыхъ». Тогда Руланъ, министръ духовныхъ дѣлъ, сказалъ имъ: «Въ самомъ дѣлѣ? Для этого обряда все епископы христіанской церкви соберутся въ вѣчномъ городѣ? Позаботьтесь прежде о спасеніи живыхъ, предоставленныхъ вашимъ пастырскимъ попеченіямъ. Причины, приводимыя вами, не кажутся мнѣ настолько удачными, чтобы я допустилъ васъ оставить ваши епархіи. Итакъ вы потрудитесь остаться на вашихъ мѣстахъ для попеченій о спасеніи душъ, вѣрющей вамъ паствы. Полиція поручается наблюдать, чтобы вы не укрылись, отъ правосудія, вслучаѣ неповиновенія».

Заставить ли это наших фанатических епископов подумать о соединеніи во что бы то ни стало духовной и свѣтской власти? Какъ! Какой нибудь чиновникъ изъ мірянъ судейскаго сословія позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ ихъ дѣла? Какъ, двадцать мучениковъ хотѣтъ канонизировать, и вдругъ — адвокатъ Руланъ противится этому, хочетъ подражать тому полицейскому, который позволялъ себѣ запрещать религиозныя манифестаціи? Дѣйствительно, нѣчто подобное было во времена Людовика XV; всякое утро на могилѣ одного дьякона Париса совершалось какое нибудь чудо среди толпы любонитныхъ, пока полиція не обратила на это вниманія, и не прекратила сборищъ и чудесныхъ явленій, выставивъ такое объявленіе:

De par le roi
Défense à Dieu
De faire miracle en ce lieu!

И вдругъ, министръ финансовъ, г. Фульдъ, Еврей, противится совершенно канонизаціи. Для этого торжества потребуется 230,000 франковъ, а обстоятельства такъ стѣснены, что новыиъ увеличеніемъ налога у бѣдныхъ людей отняли бы возможность покупать соль для своего хлѣба. А мы еще не выплатили издержекъ за торжество канонизаціи *блаженнаго* св. Лабра и насъ безпощадно приѣмъ, который сдѣлаетъ законоподательное собраніе нашему проекту закона:

«Мы, Наполеонъ, Божьею милостью и волею народа, императоръ Французовъ и пр., и пр., и пр.

« На донесеніе нашего министра, государственнаго секретаря, при департаментѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ.

«Вслѣдствіе нашего декрета отъ 12-го декабря 1860 г., заключающаго въ себѣ и т. д.

« Въ уваженіе нашего декрета отъ 6-го августа 1861 г.

« Согласно декрету нашему отъ 1 ноября 1856 г., касательно и т. д.

«Вслѣдствіе письма нашего министра финансовъ и т. д.

«Выслушавъ мнѣніе нашего государственнаго совѣта, повелѣваемъ слѣдующее:

«Статья 1-я. Нашему министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ открывается на 1861 годъ чрезвычайный кредитъ въ 10,000

Франковъ для покрытія издержекъ на причисленіе къ лику святыхъ блаженнаго Лабра.

«Ст. 2-я. Онъ будетъ снабженъ необходимыми деньгами изъ доходовъ, утвержденныхъ закономъ 1861 года

«Ст. 3-я. Приведеніе въ порядокъ этого кредита будетъ предложено законодательному собранію.

«Данъ въ Сенъ—Клу и пр.

«(Императоромъ подписано:) Наполеонъ.

Подписали: Руланъ и Де-Форкадъ.

(Bulletin des lois, du 7 Février, 1862).

— Кто же былъ этотъ святой, блаженный Лабръ? спросите вы. Это былъ нищій, который никогда не сдѣлалъ ничего своими руками и изъ религіознаго рвенія не соглашался ни разу умыться, боясь смыть съ себя воду своего крещенія.

На турнирахъ парламента Жюль Фавръ съ Пикаромъ и Пикарь съ Жюлемъ Фавромъ, ассистенты Эмиля Оливье, надѣлали чедесь. Казалось, они были нарочно созданы для того, чтобы превосходнѣйшимъ образомъ разыграть роль депутатовъ оппозиціи временъ имперіи. Они говорили удивительно искусно, выбирали выраженія самыя удачныя и съ такою твердостью выдерживали свои рѣчи, что ихъ *«походъ противъ адреса»* напоминаетъ славныя отступленія Моро и маршала Бельгарда, отступленія, болѣе прославлявшія полководцевъ, чѣмъ самыя блестящія побѣды. Три бойца разбрасывались подобно стальному клинку, который, по волѣ искуснаго фехтовальщика, сверкаетъ въ одно и то же время и передъ глазами, и противъ сердца его противника. Они обращались ко всѣмъ возможнымъ вопросамъ, и вежуду успѣвали сдѣлать пробоины. Эти три оратора хлопотали за тридцать другихъ, и несмотря на то, что ихъ освистывали, бранили и оскорбляли, они заставляли себя слушать съ лихорадочнымъ вниманіемъ, тогда какъ триста членовъ большинства, ихъ товарищи, аплодировали только другъ другу, среди всеобщей зѣвоты. Когда г. Морни захотѣлъ унижить трехъ ораторовъ и ихъ двухъ приверженцевъ, напомнилъ имъ объ ихъ численномъ ничтожествѣ, то они гордо отвѣчали: «въ палатѣ 1815 года также было не болѣе семи членовъ оппозиціи, но они были представителями страны, съ которой говорили

черезъ оно. Насъ также только пять, но въ народѣ насъ пять милліоновъ!»!

Они одни или почти одни хорошо говорили объ Италіи и объ этой несчастной мексиканской экспедиціи, въ которой правительство затрачиваетъ милліоны франковъ и десятки тысячъ людей изъ-за жалкой долговой претензіи въ какихъ нибудь 700,000 франковъ. Они требовали, чтобы къ поздравленіямъ, посланнымъ торжествующимъ штатамъ Сѣверной Америки, присоединено было заявленіе мнѣній противъ рабства. Но г. Гранье и правительство воспротивились этому на томъ основаніи, что такое заявленіе было бы несогласно съ принципомъ невмѣшательства и показывало бы желаніе направлять ходъ внутреннихъ дѣлъ посторонняго государства». Г. Фавръ выразилъ желаніе, чтобы милліоны, истраченные въ Сициліи, Китаѣ и Кохинхинѣ оставались еще въ казнѣ въ утѣшеніе г. Фульду на счетъ «*misère d'estime*», который имѣла его операція съ $4\frac{1}{2}\%$ (*).

Оппозиція распространилась въ своихъ рѣчахъ о невыносимомъ положеніи прессы, вслѣдствіе системы *предостереженій* и *сообщеній*, вѣчно угрожающихъ журналамъ. Это мягкое слово *предостереженіе*—въ сущности ничто иное какъ приговоръ, грозящій смертною казнью. «Съ высоты кафедръ подобныхъ *предостереженій* правительство даетъ уроки религіи, нравственности, исторіи, филологіи, грамматики, политики и даже уваживанія! Если оно дѣйствуетъ такимъ образомъ, слѣдовательно, считаетъ себя ученѣе, нравственнѣе, религіознѣе всѣхъ. Такая система во Франціи не новость: она господствовала у насъ еще до 1789 года. Тогда можно было сказать, что мозги Франціи находятся въ рукахъ ея правительства... Въ настоящую минуту во всей Франціи только одинъ журналистъ—императоръ...» «Относительно права, какъ можно рѣже дозволить выходъ новыхъ журналовъ, правительство пользуется неограниченною властью, такъ что самый нравственный, самый добродѣтельный философъ можетъ не получить дозволенія... Но дозволеніе само по себѣ не даетъ ни-

---

(*) Мы не можемъ представить буквальныхъ выдержекъ изъ рѣчей оппозиціонныхъ ораторовъ, какъ мы сдѣлали это съ рѣчами принца Наполеона, гг. Келлера и Бонжана, а потому будемъ представлять только сущность всего сказаннаго, заимствуя въ одномъ мѣстѣ только мысль, въ другомъ дѣлаю фразу. По что касается до общей фізіономіи премій, можемъ утвердительно сказать, что она *вѣрна дѣйствительности*.

якой гарантіи, оно служить только къ умноженію числа журналовъ, угрожаемыхъ насильственной и внезапною смертію, хотя они и доставляютъ императорской казнѣ поручительство въ 50,000 франковъ, превышающее налогъ въ 60% на весь доходъ...

Журналы получаютъ приказаніе молчать о такомъ-то событіи, говорить о такомъ-то, проклинать друзей и благословлять маронитовъ, обвинять Мексиканцевъ или оправдывать рабовладельцевъ Южной Америки. Однимъ изъ нихъ предписывается нападать на папское правительство, другимъ—защищать его. Отчаянные споры между «*Patrie*», органомъ независимости, и «*Pays*», органомъ правительства, развѣ не служатъ доказательствомъ для огромной массы публики свободы печатнаго слова? Можно ли въ этомъ сомнѣваться, когда «*Polichinelle*» и «*Arlequin*» гвзутъ чуть не съ кулаками другъ на друга, а въ «*Corsaire*» или въ «*Figaro*», поминутно встрѣчаются самыя безнравственныя вещи?

А несчастная провинціальная пресса! Г. Пикарь вспоминаетъ и объ ея бѣдствіяхъ. «Какъ только какой нибудь префектъ или под-префектъ водворяется на своемъ мѣстѣ, онъ тотчасъ находитъ къ своимъ услугамъ извѣстнаго редактора и извѣстную газету». Я прочелъ въ одномъ алжирскомъ журналѣ слѣдующее по поводу такого устройства дѣлъ: «полагается еженедѣльно посвящать особую похвальную статью въ мѣстной газетѣ о чиновникахъ, стоящихъ во главѣ управленіи».

Г. Пикарь могъ бы сказать еще о цѣлой сотнѣ литературныхъ картинокъ, разбланныхъ ежедневно провинціальнымъ газетамъ для напечатанія отъ имени ихъ главныхъ редакторовъ. Однако не всѣ редакторы до такой степени послушны и, по чувству справедливости, мы должны привести здѣсь новый анекдотъ, говорящій въ пользу одной личности, съ которой мы какъ-то обошлись прежде слишкомъ презрительно. Дѣло идетъ о Веру́, Мими-Веру́, извѣстномъ цѣлому свѣту. Министръ внутреннихъ дѣлъ, по какому-то внезапному вдохновенію, доверилъ ему судьбы журнала «*Constitutionnel*», органа Мираса. Веру́ было послано приказаніе нападать на Сѣверные Штаты и стоять за рабовладельцевъ юга. Веру́ такъ и сдѣлалъ. Черезъ два дня получилъ приказаніе нападать на Южные Штаты и выразить сочувствіе Сѣверу. Веру́ опять исполнялъ, что было приказано. На другой день приходитъ обратное приказаніе: опять говорить противъ Сѣверныхъ въ пользу Южныхъ штатовъ. Тутъ Веру́ уже не послушался. Онъ благо-

роднымъ образомъ взялъ отставку; это было уже слишкомъ для этого господина «*de charivarique mémoire*». Доведенный до крайности, онъ сумѣлъ сохранить остатокъ собственного достоинства передъ лицомъ самого г. Фіалень-де Персинья: «я человѣкъ серьезный, да! воскликнулъ онъ на очной ставкѣ съ министромъ».

«Положеніе прессы, говорить въ заключеніе г. Пикаръ, чрезвычайно тяжело и унизительно. Съ величайшимъ прискорбіемъ услышали мы слова г. сенатора Буркена, противъ которыхъ ничего нельзя сказать: «свобода печати въ Австріи гораздо шире, нежели во Франціи!» (Правда, что г. Евгений Пелльтанъ былъ присужденъ къ пенн и тюремному заключенію за то, что потребовалъ допущенія во Франціи хоть столько свободы, сколько ея въ Австраліи!). По моему мнѣнію все это доказываетъ отсутствіе свободы. Человѣческая мысль у насъ находится въ распоряженіи правительства, которое сдѣлало изъ нея орудіе полицейскихъ сплетенъ».

Еще еслибы такъ называемыя преступленія печати разбирались судебнымъ порядкомъ въ судѣ присяжныхъ или въ трибуналѣ,—а то и этого нѣтъ. «Всякое преступленіе этого рода считается выраженіемъ безнравственности. Весьма незначительное число постороннихъ лицъ допускается въ небольшую залу засѣданія, но внѣ этой жалкой аудиторіи не дается никакой публичности дѣлу. Обвиненнаго заслоняютъ отъ общественнаго мнѣнія, его естественнаго судьи, и агенты правительства осуждаютъ его втихомолку, скрываясь въ тѣни, боясь встрѣтить лицомъ къ лицу неумолимый приговоръ общественнаго суда. Правительство недоувѣряетъ даже своей собственной магистратурѣ; его узаконенія противъ свободы мысли дѣлаютъ подозрительнымъ все сословіе его чиновниковъ... Почему для злоупотребленій печатнымъ словомъ не должно бы было быть другаго судилища, кромѣ суда присяжныхъ? Потому что такіа злоупотребленія разнообразны до безконечности и выходятъ изъ круга дѣятельности правительственныхъ агентовъ, которые обязаны примѣнять законы только въ самомъ точномъ ихъ смыслѣ, а для оцѣнки такихъ преступленій они не могутъ замѣнить своимъ приговоромъ судъ общественнаго мнѣнія. Есть еще и другая причина, когда преступленіе противъ печати переносится въ судъ, то тамъ рѣшается участь не только свободы самого писателя, но и всякой свободы вообще, съ тою разницею все-таки, что даже и въ томъ случаѣ, когда писатель подвергается самому легкому наказанію, общей свободѣ наносится самый тяжелый ударъ».

Свободные выборы чуть держутся въ странѣ всеобщей подачи голо-совъ, доставившей ихъ восемь милліоновъ въ пользу имперіи. Оппозиція говорила и объ этой свободѣ. До настоящаго времени только въ Парижѣ, Лионѣ и Бордо избиратели осмѣливались бороться противъ несокрушимаго могущества правительственной кандидатуры. Пять или шесть членовъ оппозиціи, среди трехъ сотъ кандидатовъ отъ правительства, представляютъ только незамѣтныя песчинки, случайныя уклоненія отъ общаго закона, доказывающія собою не существованіе свободы выборовъ, а несостоятельность нашей quasi свободной избирательной системы... Обращаясь къ палатѣ, составленной на такихъ основаніяхъ, г. Пикарь напомнилъ о г. Гизо, имя котораго сдѣлалось синонимомъ къ лонгатию продажности избирателей: гг. избиратели, спрашивалъ онъ, чувствуете ли вы себя подкупленными?—Нѣтъ, отвѣчали они. Еслибы васъ спросили: чувствуете ли вы себя свободными? — Да, отвѣчали бы вы.

—Полиція обращалась нѣсколько разъ къ мѣрамъ строгости противъ учащагося юношества, а по ночамъ занималась арестами гражданъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціяхъ. Нельзя опредѣлительно сказать, какъ велика цифра арестовъ, (въ этомъ случаѣ неблагоразумно довѣряться однимъ слухамъ), но положительно извѣстно, что столичныя тюрьмы полны и говорятъ даже, будто бы въ Иссуденѣ, небольшомъ городкѣ съ 6 или 7,000 жителей, было захвачено около 80 человекъ. Если вычестъ изъ этого числа женщинъ, дѣтей и стариковъ, то мы дойдемъ до значительной пропорціи. Всего болѣе произвели впечатлѣнія аресты гг. Гавело, главнаго редактора «*Courrier du Dimanche*», Мио и Грепшо, бывшихъ народныхъ представителей, возвратившихся на родину по праву амнистіи. Произведено кромѣ того множество домашнихъ обысковъ, нарушено уваженіе къ неприкосновенности частной корреспонденціи. Письма изъ Цюриха, гдѣ живетъ полковникъ Шарра, и изъ Вейто, гдѣ живетъ знаменитый авторъ «*Чародья Мерлина*» и «*Итальянскихъ революцій*», послужили поводомъ къ различнаго рода арестамъ; между прочимъ былъ взятъ и г. Шѣреръ. Последнее обстоятельство отозвалось весьма неблагопріятно въ Эльзасѣ. И за что такой терроризмъ? Отвѣчая на вопросъ г. Жюля Фавра, его превосходительство, г. Барошъ, говорилъ въ неопредѣленныхъ, даже очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ о революціонерныхъ проискахъ въ ущербъ законамъ имперіи и наконецъ о заговорѣ противъ насльдственнаго права (11) Члены заговора, утверждалъ онъ, по-

клялись уничтожить право наследства, представить его въ пользу государства, и поставить на будущее время право всеобщаго наследования послѣ всѣхъ умирающихъ. Можно ли было представить себѣ что либо подобное! И многочисленные ех-сенъ-симонисты, присутствовавшіе въ палатѣ, должны были закрыть себѣ лицо отъ ужаса. Какъ! Неисправимые враги порядка хотѣли уничтожить всѣ общественныя учрежденія! О ужась!

Его превосходительство, великій законвѣдъ, г. Баронъ, показавъ въ этомъ случаѣ крайнюю нелѣпость; онъ не смѣлъ сказать, что правительство, видя страну въ раздраженномъ состояніи, захотѣло устранить ее однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Притомъ самому правительству выгоднѣе бить сильно, нежели бить ловко. Всѣ его подданные, какъ крѣпковерные буржуа такъ и слабоверныя женщины, одинаково поражены. Расчетъ оказался вѣренъ до нѣкоторой степени. Со времени этихъ строгостей, а въ особенности со времени прекращенія преній объ адресѣ, нѣтъ болѣе вѣшняго волненія, но и то, которое продолжаетъ совершаться въ движеніи молодыхъ умовъ, показалось настолько значительнымъ, что ему дали названіе «*пробужденіе юности*». Оно началось съ дѣла Абу и распространялось болѣе и болѣе. Правительству хотѣлось узнать до какой степени могутъ дойти оскорбленія, наносимыя его любимцу, и вотъ, по особому распоряженію, приказано было дать на сценахъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ театровъ и во многихъ предмѣстіяхъ Парижа драмную пьесу: *Гаэтана*; несчастному своею извѣстностью автору пришлось разыграть роль агента-зачинщика, а въ прошедшей, вслѣдствіе того манифестаціи, полицейскіе солдаты ранили на-смерть молодого Дорнеса, сына одного народнаго представителя, погибшаго на баррикадахъ.—«*Moniteur*» клялся всеми святыми, что ни одинъ студентъ не былъ убитъ и «*Moniteur*» правъ, потому что Дорнесъ уже окончилъ свой курсъ. Затѣмъ последовалъ случай съ Ренаномъ. Это имя одного достойнаго ученаго, первостатейнаго археолога, который въ одно и то же время и литераторъ, и артистъ, и философъ, и хотя не спеціально нравственный человѣкъ, то покрайней мѣрѣ диллетантъ въ дѣлѣ нравственности. Онъ учился у иезуитовъ, былъ любимымъ ученикомъ извѣстнаго Дюпанлу, предвѣщавшаго ему блестящую будущность епископа. Но молодой Ренанъ увлекся либерализмомъ и разошелся съ своими наставниками; но имперія просуществовала болѣе чѣмъ онъ предполагалъ, а между тѣмъ одна особа, очень ловкая и любез-

ная, доставившая уже одного приверженца императору въ лицѣ бѣднаго Морн (этотъ ученый осужденъ теперь на занятія славной исторіей Юлія Цезаря), овладѣла необузданнымъ филологомъ и мало по малу, отчасти по доброй волѣ, но, большею частью насильно завербовала его въ небольшое общество: «осторожные» бонапартисты. И вотъ Ренанъ попадаетъ въ ложное положеніе, дѣлается предметомъ ненависти іезуитовъ и презрѣнія либераловъ; обѣ партіи считаютъ его перебѣжчикомъ. Чтобы облегчить себѣ такой переходъ, Ренанъ отправляется въ Сирію въ качествѣ «императорскаго миссіонера» съ научною цѣлью, а по возвращеніи получаетъ въ награду каеэдру греческаго языка. Тутъ-то либералы и ихъ противники поджидали его, чтобы освистать разомъ и за либерализмъ и за анти-либерализмъ; клерикалы отячились своею пропагандою противъ низкаго «отступничества либерализма». Манифестація занимала умы точно какое нибудь генеральное сраженіе и поставила на ноги отъ 12 до 15,000 человекъ. Іезуиты забыли только одно: а именно то глубокое отвращеніе, которое они внушаютъ, и толпы молодыхъ людей, вмѣсто того чтобы устроить триумфъ іезуитамъ, хотѣли видѣть въ Ренанѣ только человека, ненавидимаго духовенствомъ, а потому, послѣ нѣсколькихъ скромныхъ возгласовъ: *Vive Renan!* стали громко кричать: *A bas les Jésuites! Vive Michelet! Vive Quinet! Vive Pelletan!* (который только что былъ осужденъ за преступленіе противъ печати) и даже—*vive Victor Hugo!* (авторъ «*Chatimens*»). «Мы шли противъ духовенства, наивно разсказывалъ одинъ изъ этихъ юношей, а дошли до правительства». Предѣлы нашей статьи заставили насъ сократить разсказъ объ этой маленькой драмѣ. Ея заключеніе отличается двойнымъ и даже тройнымъ противорѣчіемъ. Оно состоитъ въ строгомъ обвиненіи, павшемъ на іезуитскій журналъ «*l'Union*», въ закрытіи лекцій г. Ренана, по распоряженію правительства, наконецъ въ собственноручномъ письмѣ императора, увѣряющаго профессора въ своемъ глубокомъ къ нему уваженіи и даже расположеніи, несмотря ни на какія политическія соображенія, которымъ его величество вынужденъ былъ уступить.

Правительственные лица были въ такомъ же волненіи какъ и студенты. Законодательное собраніе позволило себѣ дурно принять предложеніе императора о награжденіи генерала Монтобана, бывшаго главнокомандующаго въ китайской экспедиціи, титуломъ графа Пеликао, одновременною выдачею 50,000 франковъ и арендой въ такую же сумму, переходящей и къ его потомству въ мужескомъ колѣнѣ. Видя

возникающее непослушание палаты, до сихъ поръ отличавшейся такою покорностью и заклѣйвенной прозваньемъ «палаты Жюбиняля» (*), императоръ рѣшился подавить зло въ самомъ зародышѣ и написалъ официальное письмо къ упомянутому генералу такого содержания: «Если палата не признаетъ вашихъ заслугъ, то я съумѣю оцѣнить ихъ по достоинству. Только выражающіяся нации (sic) торгуются объ отличіяхъ и вознагражденіяхъ, когда дѣло идетъ о славѣ отечества».

Но каково было повсемѣстное изумленіе страны, когда узнали, что законодательное собраніе, чрезъ посредство своей комиссіи, единогласно отказалось принять проектъ императора. Удивленіе происходило не отъ недостатка уважительныхъ причинъ для отказа въ 50-ти тысячахъ франковъ г-ну Пеликао, но отъ необычности того обстоятельства, что законодательное собраніе рѣшилось на этотъ разъ подумать!

Три дня продолжалось необыкновенное, небывалое волненіе; оно отозвалось подобно сильному землетрясенію во всей Франціи. Незначительный случай, который въ конституціонномъ государствѣ прошелъ бы незамѣченнымъ, принялъ размѣры необъятные... Наконецъ, императоръ уступилъ и рѣшился вторымъ своимъ письмомъ принять вину на самого себя. Но это только такъ показалось. Съ искренностью выразилъ онъ сожалѣніе о случившемся, взялъ назадъ непринятый проектъ закона, но объявлялъ, что, для предупрежденія впредь подобныхъ непріятныхъ столкновеній, онъ требуетъ на будущее время права бланковой надписи для всякаго рода наградъ, какія только ему взду-

(*) Этотъ Жюбиняль, бывшій секретарь Бланки, прозванный «*Spectre Rouge*», теперь—депутатъ отъ аррагонской провинціи. Онъ самъ рассказываетъ про себя слѣдующій случай. На одной ярмаркѣ онъ замѣтилъ раненаго орла, котораго какой-то охотникъ продавалъ очень дешево за 15 франковъ. Жюбиняль купилъ птицу и успѣлъ ее вылечить. Тогда, въ сопровожденіи своего слуги и одного овернца, въ бѣломъ галстухѣ, онъ отправляется въ Тюльери, держа несчастнаго царя пернатыхъ крѣпко привязаннымъ къ своему пальцу. Явившись передъ лицомъ своего повелителя, Жюбиняль торжественно объявляетъ, что восторженное населеніе его гористой родины наложило на него и двухъ товарищей почетную обязанность поднести его величеству эту царственную птицу—символъ гевія великаго Наполеона и пр., и пр. Представте себя, прибавляя Жюбиняль въ заключеніе своего разсказа, представьте, что императоръ заплатилъ за мою остроумную мысль только 3000 франковъ!

мается назначить. Мы будемъ очень удивлены, если палата, въ крайнемъ порывѣ къ независимости, не приметъ обѣими руками великодушной уступки, дѣлаемой императоромъ.

Съ января мѣсяца 1862 года императорская Франція повидимому вступила въ новый фазисъ своего существованія. Только и слышны кругомъ слова: «имперія» да «переходное состояніе»; всюду повторяются одни и тѣ же выраженія: «имперія—это императоръ, а императоръ—одинъ только человекъ». Въ современной исторіи бонапартизмъ представляетъ столкновеніе двухъ принциповъ; онъ можетъ вредить и тому, и другому, но не въ состояніи ни слиться съ ними, ни подчиниться которому либо изъ нихъ; ему не остается даже возможности сдѣлать изъ нихъ выборъ, какъ это доказано вилафранкскимъ договоромъ; въ то же время бонапартизмъ самъ по себѣ, отдѣленный отъ всякаго другаго принципа, не имѣетъ никакого смысла. Бонапартизмъ водворился во Франціи совершенно такъ, какъ и въ Римѣ, гдѣ онъ терпимъ Римлянами изъ ненависти къ папистамъ и папистами изъ ненависти къ Римлянамъ. Намъ не нужно другихъ доказательствъ этого, кромѣ восклицаній, вырвавшихся у двухъ комиссаровъ отъ правительства во время преній объ адресѣ:

«Неблагодарные! восклицаетъ г. Билльо, обращаясь къ клерикаламъ, вы пользуетесь нашими благодѣяніями и самопожертвованіями только для того, чтобы на насъ же клеветать и вести противъ насъ тайную, безчестную и вѣроломную войну!»

«Неблагодарные! кричалъ въ свою очередь г. Морни, обращаясь къ несправнымъ членамъ оппозиціи. Всѣ льготы, даруемыя вамъ императоромъ, ведутъ только къ тому, что вы же вооружаетесь противъ своего благодѣтеля».

Конечно, и г. Билльо, и г. Морни говорили правду; въ ихъ устахъ приведенныя слова не были вовсе обыкновенною уловкою застѣнчивыхъ ораторовъ, которые не знаютъ, чѣмъ закончить свою рѣчь. Доказавъ, что папство и Италія—двѣ вещи несомѣстныя, но что императорское правительство находится въ необходимости совмѣстить ихъ, г. Билльо оканчиваетъ призываніемъ на помощь времени и providѣнія, единственной надежды всѣхъ тѣхъ, кому уже болѣе равно не на что надѣяться... «Дайте срокъ, дайте срокъ!»... умоляетъ какой нибудь неоплатный должникъ. Чуда, чуда! просить у providѣнія преступникъ, уже слышашій стукъ сколачиваемыхъ эшафотныхъ досокъ!..

*

Великимъ событіемъ въ настоящемъ положеніи Италіи служить возрастающее вліяніе обществъ *предусмотрительности* (provvedimento), основанныхъ въ виду неизбежной войны, которую Италія одна, или съ помощію Франціи, должна будетъ вести противъ Австріи. Эти общества соединились въ одномъ значительномъ собраніи, подъ председательствомъ Гарибальди, въ Генуѣ, сдѣлавшейся столицей революціонной Италіи, тогда какъ Туринъ остается столицей Италіи политической. Общества «предусмотрительности» начинаютъ движеніе, которымъ должно бы управлять само правительство. Захочетъ ли итальянское правительство поставить себя въ подобное положеніе? Это вопросъ жизни и смерти: политика тюльерійскаго кабинета связала итальянское правительство по рукамъ и по ногамъ; императоръ Наполеонъ, не допустивъ Италію погибнуть насильственной смертью отъ руки Австріи, предоставилъ ей погибать отъ собственныхъ неурядицъ и беспорядковъ, такъ что правительству несчастной страны ничего болѣе не остается, какъ искать спасенія въ собственныхъ силахъ итальянскаго народа. Король чрезъ это не поставитъ себя въ худшее противъ теперяшняго положеніе; а народъ ничего больше не желаетъ, какъ идти впередъ подъ знаменемъ съ девизомъ «Италія и Викторъ—Эммануэль!» Вся будущность Италіи зависитъ отъ рѣшенія, которое приметъ туринское правительство относительно народнаго движенія. Императоръ Наполеонъ такъ хорошо понялъ новое положеніе дѣлъ, что какъ можно скорѣе отправилъ Виллрुकана, одного изъ отличнѣйшихъ своихъ клевретовъ, къ Виктору—Эммануэлю для внушительныхъ совѣтовъ противъ всякаго соглашенія съ революціонной партіей и противъ амнистіи Мадзани.

Этотъ вопросъ уже стоилъ намъ удаленія отъ дѣлъ Рикасоли и возведенія Ратацци на тронъ министерства. Отставка Рикасоли нельзя назвать паденіемъ: онъ отступилъ съ полнымъ достоинствомъ, во всѣхъ доспѣхахъ воинскаго вооруженія. Не отличаясь въ обыкновенное время особенною ловкостью, онъ показалъ на этотъ разъ въ себѣ много такту и его удаленіе немедленно возвысило его во мнѣніи общества. Имъ тяготились, всякій старался отъ него какъ можно скорѣе избавиться, а на другой же день, по его замѣщеніи, объ немъ уже почти сожалѣютъ, а его счастливый соперникъ Ратацци завидуетъ уже его хорошему состоянію.

Баронъ Рикасоли, до послѣдняго дня своего министерскаго существованія, принадлежалъ къ консервативному большинству и держался

правой стороны, по крайней мѣрѣ настолько, насколько ему позволяла его ограниченная, но сильная натура. По мѣрѣ возможности, онъ подавлялъ народныя манифестаціи, которыя важнѣйшіе города Италіи устраивали противъ замысловъ папы; онъ писалъ противъ нихъ скучные циркуляры, но считалъ недостойнымъ себя и не политическимъ поступкомъ быть орудіемъ партіи Фарини-ла-Фарина, который образовалъ общество, будто бы *національное*, для противодѣйствія революціонной партіи. Когда вопросъ былъ перенесенъ въ палату, лѣвая сторона требовала отъ итальянскаго правительства не содѣйствія распоряженіямъ комитета «*provvedimento*», потому что это было бы стѣсненіемъ его дѣйствій, а полной терпимости, требуемой критическимъ положеніемъ страны. Напротивъ того, правая сторона, съ искусствомъ, свойственнымъ всѣмъ реакціоннымъ партіямъ, требовала преслѣдованія и разсѣянія эманципаціонныхъ союзовъ и принятія насильственной внутренней политики, которой неминуемымъ слѣдствіемъ должно быть заключеніе въ тюрьму Гарибальди. Но Рикасоли обсудилъ положеніе дѣлъ и объявилъ, что будетъ держаться въ своемъ образѣ дѣйствій самой широкой свободы; уважая, въ качествѣ министра конституціонной страны, правъ соединенія и ассоціаціи, онъ отказывается дѣйствовать противъ честныхъ людей, соединяющихся для устройства дѣлъ своего отечества, какъ законныхъ подданныхъ короля Виктора-Эммануила. Такого рода декларация имѣла театральнѣйшій эффектъ. Лѣвая сторона привѣтствовала рѣчь министра необычайными криками, а правая принуждена была удержать свою злобу въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, каковъ вопросъ о свободѣ. Опасаясь этой злобы прежнихъ своихъ друзей, Рикасоли внезапно оставилъ свой постъ, именно въ ту минуту, когда къ нему обращалось съ уваженіемъ общественное мнѣніе страны. Слѣдовательно, онъ окончилъ такъ, какъ ему слѣдовало начать; онъ умеръ въ такое время, когда ему слѣдовало родиться, и передалъ своему сопернику дѣла въ самомъ трудномъ и запутанномъ положеніи.

Французскій кабинетъ покровительствуетъ Ратацци: вотъ первая причина недовѣрія къ нему. Его окружаютъ тѣ же затрудненія, какія окружали Рикасоли, но они еще увеличены временемъ и бесполезностью усилій противъ упорной воли человѣка, заставляющаго по телеграфу братья за оружіе въ Гойонѣ, обнажать шпаги и стрѣлять изъ пушекъ. Рикасоли выжидалъ; нужно, чтобы Ратацци выжидалъ также. А генуэзское соединеніе представляетъ новое затрудненіе для итальян-

скаго правительства. Нельзя не сознаться, что учрежденіе эманципаціонной ассоціаціи представляетъ организованную силу, дѣйствующую рядомъ съ правительствомъ и идущую теперь къ одной съ нимъ цѣли—къ *единству Италіи*; но эта ассоціація не признаетъ необходимости мирнаго соглашенія и благоразумныхъ уступокъ, а чрезъ то можетъ сдѣлаться очень опаснымъ помощникомъ, ибо королевство итальянское, говоря откровенно, находится въ роковой необходимости или руководить движеніемъ и идти впередъ, или быть увлечену въ пропасть и разорвану на клочки, если вздумаетъ остаться позади.

Такимъ образомъ, направление и результатъ генуэзскихъ засѣданій производятъ ощутительное дѣйствіе на Туринъ. Министерство дѣлаетъ видъ, будто намѣрено предостерегать ассоціаціи, наблюдать за ними, а въ случаѣ надобности и укрощать ихъ порывы. За такое намѣреніе оно пріобрѣло довольно сомнительное, впрочемъ, расположеніе со стороны членовъ прежняго большинства. Если г. Ратацци поддастся на эту приманку, то мы увидимъ довольно любопытное зрѣлище, какъ министерство, бесспорно превосходящее своимъ личнымъ составомъ прежнее, явится, въ отношеніи къ нему, министерствомъ реакціоннаго направленія. По ходу дѣлъ, положеніе перваго министра итальянскаго короля самое незавидное и непонятно, почему ловкій Ратацци домогался съ такою настойчивостью занять его. Для государственнаго человѣка нѣтъ ничего прискорбнѣе, какъ чувствовать себя доведеннымъ до немощнаго безсилія трудностью своего положенія; а между тѣмъ именно такой участи обречены министры итальянскаго короля до времени разрѣшенія римскаго вопроса. Два министерства уже сокрушились объ этотъ подводный камень, сокрушится объ него и сама палата; итальянскіе журналы, говоря о парламентѣ, повторяютъ уже фразу: «*delenda est Carthago*».

Пока въ Туринѣ собираются распустить палату за то, что она далеко отстала отъ страны, въ Берлинѣ ее уже распустили за то, что она слишкомъ перегнала министерство. По королевскому повелѣнію, отъ 11 марта, подписанному всѣми членами министерства, кромѣ г. Бешманна-Гольвеса, распущеніе это объявлено, и все собраніе разошлось при единодушныхъ, троекратныхъ крикахъ: «да здравствуетъ король»!

За нѣсколько дней до этого событія, его уже предвидѣли. Среди совершенной тишины вдругъ разносится слухъ, будто бы правительство дѣлаетъ большія приготовленія противъ возмущенія, которое до сихъ

поръ никто не предполагалъ у насъ возможнымъ. Фельдмаршалъ Врангель головой отвѣчалъ за спокойствіе столицы. Провели телеграфы отъ королевскаго дворца ко всѣмъ казармамъ. Большая берлинская литейня была превращена въ казарму для помѣщенія войскъ, призванныхъ изъ Шпандау. Всѣ эти мѣста были снабжены цѣлыми ящиками пуль и патроновъ. Ключи отъ ящиковъ должны были находиться постоянно при командующихъ отдѣльными частями войска, подѣ страхомъ шестимѣсячнаго ареста, и фельдмаршалъ самъ ходилъ изъ одной казармы въ другую ревизовать ящики. Кромѣ того всѣ полковники получили особаго приказанія въ на-глухо запечатанныхъ конвертахъ, которые они имѣли право распечатать только по полученіи приказанія по телеграфу или въ случаѣ открытаго мятежа на улицахъ. Къ чему же ведутъ всѣ эти приготовления? Противъ кого вооружается правительство? Разузнется, противъ народа. А къ чему же эта борьба съ народомъ, какъ не къ тому, чтобы способствовать распущенію палаты? Палата, по многимъ причинамъ, возбуждала антипатію правительства. Во — первыхъ, она заключала въ себѣ значительное большинство либераловъ; извѣстно было, что она не расположена принять знаменитый военный бюджетъ, составляющій предметъ особеннаго вниманія короля; притомъ палата приготовилась принять проектъ признанія итальянскаго королевства. Правительство за десять дней до того, долженствовавшее признать новыя границы Италіи съ единственной цѣлью подшутить надъ Австріей, объявило комиссіи, что оно недовольно присвоеніемъ палатою правъ, которыхъ она не имѣетъ — оказывать вліяніе на насущные вопросы европейской политики. 6 марта распущеніе палаты было дѣло рѣшенное, въ особенности послѣ того, какъ она большинствомъ голосовъ приняла мнѣніе г. Гагена, чтобы на будущее время всѣ статьи бюджета были разсматриваемы въ отдѣльности и министрамъ не представлялось бы болѣе возможности тратить по собственному благоусмотрѣнію казенныя деньги. Такія притязанія показались слишкомъ неумѣренными и непокорные были отправлены во свояси.

Итакъ палата распущена къ величайшему удовольствію феодальной партіи, употребляющей всѣ усилія, чтобы заставить короля невозвратно идти путемъ реакціи. Въ «*Gazette de la Croix*» представлена даже программа, по которой его королевское величество, благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ, можетъ окончателно освободить Пруссію отъ парламентскаго способа обсужденія и веденія дѣлъ. Благодаря этому

органу реакціонной партіи, дѣлается яснымъ, что и само министерство, ради котораго распущена палата, было отставлено за излишнюю приверженность къ либерализму. Дѣйствительно, теперь, послѣ тяжкаго кризиса, удаленіе либеральной партіи кабинета несомнѣнно. Феодалы торжествуютъ. Осуществленіе слуховъ о возмущеніи оказало бы величайшую услугу партіи реакціонеровъ, но она упустила изъ виду пригласить способныхъ къ тому зачинщиковъ изъ Парижа. Въ Берлинѣ и во всей Пруссіи господствуетъ сильное волненіе; но это волненіе совершенно мирнаго характера и происходитъ только въ виду выборовъ. Говорятъ, что король хочетъ въ скоромъ времени разослать манифестъ къ своему народу, по поводу приближающагося созванія избирательнаго собранія. Съ своей стороны депутаты конституціи напечатали слѣдующую программу: учрежденіе федеральнаго государства на союзныхъ началахъ, съ парламентскимъ представительствомъ и сохраненіемъ независимости отдѣльныхъ частей; гегемонія Пруссіи; конституціонное правленіе внутри страны; окончательное устройство конституціи помощью положительныхъ либеральныхъ узаконеній; сохраненіе единства направленія въ общественныхъ дѣлахъ и преобразованіе палаты «господъ» (*la chambre des seigneurs*), составляющей одно изъ первыхъ препятствій къ развитію страны. Такъ какъ избирательные ясты, недавно составленные, не нуждаются въ пересмотрѣ, то прогрессисты надѣются, что новые выборы, назначенные въ маѣ мѣсяцѣ, возстановятъ либеральную партію, увеличенную присоединеніемъ новыхъ членовъ. До сихъ поръ такія надежды кажутся очень основательными, но эти господа заблуждаются, воображая, будто ихъ поведеніе въ краткое время существованія парламентскихъ засѣданій заслуживаетъ только похвальныхъ отзывовъ! Совѣтъ нѣтъ! Ихъ упрекаютъ въ излишней слабости въ отношеніи къ палатѣ господъ, а также и въ томъ, что при всемъ своемъ искусствѣ, они не сообщили своему образу дѣйствій ни силъ, ни характера. вмѣсто того, чтобы признать невозможность всякой серьезной реформы въ министерствѣ, составленномъ изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, вмѣсто того, чтобы открыто поставить вопросъ объ очищеніи кабинета въ отвѣтъ на тронную рѣчь, палата депутатовъ прибѣгала къ разнымъ хитростямъ, уловкамъ и окончательно пошла по пути къ совершенному паденію, подобно своей предшественницѣ. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, какъ либералы собраны, что сдѣлали они замѣчательнаго, какое серьезное дѣло привели къ концу, помощью своего вліятельнаго большинства?

Они привели къ хорошему результату кое-какія маловажныя дѣла, но они даже не представили ни одной замѣчательной рѣчи, а ужъ этого-то всегда можно требовать отъ депутатовъ, посылаемыхъ въ общее собраніе для разсужденія о государственныхъ дѣлахъ. Мы готовы надѣяться, что Германія осуществитъ наконецъ свою мечту давно желаемого единства безъ особеннаго кровопролитія, но пусть наши берлинскіе друзья помнятъ о невозможности обойтись при этомъ безъ многого множества словъ, брошенныхъ на вѣтеръ. Будущіе депутаты должны помнить слѣдующее: при существованіи палаты «господь» съ преобладаніемъ феодальнаго дворянства, арміи, въ которой офицеры по большей части изъ дворянъ, бюрократіи съ реакціонернымъ направлениемъ, конституціи, лишенной всякой гарантіи,—Пруссія не можетъ надѣяться на сочувствіе со стороны народовъ, коихъ конституціонное устройство стоитъ далеко выше ея собственнаго. Если Пруссія хочетъ преобразовать Германію, то пусть начнетъ это преобразованіе съ самой себя.

Что касается до короля, то замѣчательный успѣхъ демократовъ при послѣднихъ выборахъ сильно поразилъ его и даже разстроилъ; поэтому можно предполагать, какъ онъ будетъ пораженъ результатами новыхъ выборовъ. Мы никакъ не можемъ понять, что предполагалъ онъ выиграть двойнымъ выраженіемъ дѣйствительности своей власти: распущеніемъ палаты, потому что она не правилась министерству, и удаленіемъ министерства за то, что оно не правилось ему самому. Прусскій король, надо признаться, еще не перешелъ границъ своихъ конституціонныхъ правъ. Онъ дѣйствовалъ до сихъ поръ совершенно законно, а это-то и не нравится всего болѣе феодаламъ. Они бы хотѣли видѣть его дѣйствующимъ внѣ правилъ конституціи, потому что въ дѣлѣ государственныхъ реформъ самыя крутыя мѣры, бывають въ то же время и самыя дѣйствительныя. Король неудовлетворялъ феодаловъ (они по принципу народъ ненасытный), но, въ то же время онъ не служилъ и дѣлу конституціонной свободы, такъ что ему оставалось продолжать дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы разойтись окончательно со всею прогрессивною партією.

Не забудемъ сказать, что въ самый разгаръ кризиса 2,000 членовъ національнаго собранія соединились въ Берлинѣ для протестаціи противъ мѣтнія, заявленнаго Австрією въ Вюрцбургѣ и для убѣжденія прусскаго правительства выйти на либеральный путь, который одинъ

только может привести ее къ первенству въ Германіи. Мы увидимъ, подѣйствуютъ ли такія мѣры на національное собраніе.

Это учрежденіе съ удивительнымъ жаромъ занимается дѣлами гессенскаго княжества, съ его курфирстомъ, съ самаго 1831 года. Даже нѣкоторые кабинеты, между прочимъ и кабинетъ герцога баденскаго, не поколебались поощрить выраженіемъ сочувствія противодѣйствія Гессенцевъ произволъ своего правительства. Еще недавно надѣялись рѣшить это дѣло по справедливости, какъ вдругъ неожиданное извѣстіе о соглашеніи между Пруссіею и Австріею уничтожило всякую надежду. «Сообразно съ закономъ 1849 года, принимая въ уваженіе права медиатизированныхъ владѣтелей и сохраняя мѣры, служащія для и т. д., и т. д.». Мы отказываемся цитировать далѣе эту ужасную прозу г. Бернштофа, оставившаго, какъ выражаются Нѣмцы, *der Rechtboden*, для плутанія по трясинамъ дипломатіи. Что теперь дѣлаетъ этотъ первый голосъ берлинской камеры? А это вмѣшательство прусской арміи, ожидавшееся съ минуты на минуту? Можно, не будучи пророкомъ, предсказать, что общее рѣшеніе предложенное Австріею и Пруссіею не удовлетворитъ никого: ни государя, выдающаго въ немъ униженіе достоинства своей короны, ни народа, выдающаго въ этомъ насиліе противъ принадлежащихъ ему правъ. Еще одинъ разъ берлинскій кабинетъ подчинится влиянію Австрійцевъ. Гораздо раньше, тотчасъ послѣ отказа, сдѣланнаго ему на германскомъ сеймѣ 24 мая 1850 года, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ энергическимъ, а не ограничиваться безсильною протестаціею, неимѣющею никакого значенія. Случай представлялся самый благопріятный, можетъ быть единственный, — разорвать ненавистный для народа федеральный договоръ, нанести смертельный ударъ пресловутому германскому сейму, который съ самаго рожденія своего въ 1815 году и вплоть до нашего времени оказывался стѣснительнымъ для внутренняго управленія и беспильнымъ для вѣшняго вліянія.

Здѣсь мы можемъ привести, прежде чѣмъ кончимъ говорить о гессенскомъ дѣлѣ, одинъ анекдотъ, осязательно указывающій на состояніе этой маленькой, но героической страны. Дѣло происходило въ Ганау. Когда палата депутатовъ, на правахъ конституціоннаго устройства, отказала правительству въ платежѣ налога, кассеры казначейства придумали слѣдующую мѣру. Они отправили въ походъ за налогомъ экзекутора, подъ прикрытіемъ офицера и въ сопровожденіи одного стрѣлка и одного сапера. Всего четверо отправляются къ жилищу

какого-то упорнаго неплательщика. На требованіе экзекутора, тотъ отвѣчаетъ, что онъ не платитъ, основываясь на законахъ своего отечества. Тогда офицеръ вынимаетъ свою шпагу, стрѣлокъ прилаживаетъ штыкъ и подъ ихъ защитою саперъ, съ помощію топора, молотка и долота, вскрываетъ ящикъ съ деньгами; экзекуторъ опускаетъ свою руку и вынимаетъ нужную сумму денегъ для уплаты правительству и также для вознагражденія за свой собственный подвигъ. Такой способъ собиранія налоговъ не удивилъ бы никого, еслибы описанное нами случилось гдѣ нибудь въ Египтѣ или въ Турціи, но въ конституціонномъ государствѣ онъ представляетъ поистинѣ необычайное явленіе!

Политика Австріи неизмѣнно двуличная: одну она открыто признаетъ — и это политика конституціонная и миролюбивая; другую она скрываетъ — и это политика деспотическая и военная. Официальная политика Австріи отличается либеральнымъ направленіемъ; цѣль ея — подорвать популярность Пруссіи въ глазахъ остальныхъ государствъ Германіи. Органъ ея — государственнй совѣтъ, воплощенный въ лицѣ г. Шмерлинга, этой загадочной личности. Постановленія совѣта противъ свободы печати пересматриваются также какъ и статьи конкордата, объщающаго свободу совѣсти, такъ что каждый гражданинъ, достигшій 18 лѣтъ, получаетъ возможность избрать себѣ любое вѣроисповѣданіе, не будучи стѣсняемъ въ своихъ гражданскихъ правахъ. Это очешъ хорошо, но Тироль протестуетъ, находя, что свобода совѣсти душитъ его и даетъ такъ много воздуха, что мѣшаетъ ему свободно дышать. Онъ протестуетъ, какъ говорятъ, сколько по собственному желанью, столько же и по наученію двора; графы Лео-де-Тунъ и Штаммъ руководятъ этимъ движеніемъ. Въ этихъ манифестаціяхъ нѣсколько разъ уже пробилась наружу сокровенная мысль придворной партіи, точно также, какъ и въ гордо вызывающей веронской демонстраціи, устроенной по соглашенію между Бенедекомъ и императоромъ Францомъ-Юсифомъ, чтобы служить предлогомъ для подготовленнаго діалога, происходившаго въ виду австрійской арміи и въ глазахъ всей Европы. Главнымъ условіемъ успѣшности проекта было бы новое соглашеніе съ Венгріей, которая своею враждебностью отнимаетъ всю силу у внѣшняго выраженія могущества имперіи. Для избѣжанія народнаго вмѣшательства въ мирное

устройство дѣль, венгерскимъ магнатамъ будутъ сдѣланы всевозможныя уступки. Въ Вѣнѣ такъ увѣрены въ благополучномъ исходѣ такого соглашенія, что въ самомъ непродолжительномъ времени назначаютъ срокъ поѣздки въ Пестъ императора Франца-Юсифа и его коронаціи въ Пресбургѣ королемъ венгерскимъ. Назначаютъ также время будущаго созванія сеймовъ Трансильваніи и Кرواتской Славоніи, которыхъ члены будутъ приглашены отправить депутатовъ въ государственный совѣтъ. Мы увидимъ, каковъ будетъ успѣхъ такой мѣры.

Благородное сердце Гарибальди было тронуто несчастіями, произведенными страшнымъ наводненіемъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Австріи. Онъ предложилъ своимъ соотечественникамъ подписку въ пользу пострадавшихъ въ Вѣнѣ. Въ это же самое время Кабинетъ объявилъ объ увеличеніи налоговъ. Нельзя сказать, чтобы моментъ былъ выбранъ удачно.

Революція въ Греціи созрѣвала давно и наконецъ разразилась во всей своей силѣ, но такъ какъ исходъ ея неизвѣстенъ, а получаемыя свѣдѣнія до крайности неточны и противорѣчивы, то мы оставляемъ обстоятельное обозрѣніе военныхъ событій въ этой странѣ до болѣе благоприятнаго времени, ограничиваясь теперь только краткими извѣстіями.

Повидимому, король Оттонъ могъ бы избавить себя отъ послѣдней поѣздки съ цѣлью найти себѣ наслѣдника, котораго онъ и нашелъ, хотя не безъ большихъ затрудненій, въ лицѣ своего племянника, принца Лудовика Леопольда Юсифа Маріи Алоизія Альфреда.

Въ послѣднее время инсургенты потерѣли значительныя пораженія; они осаждены въ Павліи, но въ ихъ рукахъ единственный арсеналь Греціи, они владѣютъ Кориноскимъ перешейкомъ, лучшею третью войска и имѣютъ на своей сторонѣ половину всего населенія. Возмущеніе достигаетъ даже Эпира и Фессаліи, оставшихся во власти Турціи, этой несчастной имперіи, нисколько не нуждающейся въ новой примѣси къ своему разнохарактерному населенію. Движеніе распространилось и въ Архипелагѣ; говорятъ о мятежѣ войскъ на островѣ Сиросѣ, гдѣ замѣтно отражается итальянское вліяніе, такъ какъ мятежники хотятъ предложить корону третьему сыну Виктора-Эммануила. Увидимъ, что изъ этого выйдетъ. Общее безпокойство сообщилось и Ионическимъ островамъ. Въ собраніи парламента въ Корфу президентъ Ливада, принявъ на себя смѣлую инициативу, предложилъ депутатамъ возобновить ихъ просьбы о разрывѣ съ ненавистной Велико-

британіей и о присоединеніи семи острововъ къ Греціи. Что скажетъ Англія, оффіціальная покровительница Ионическихъ острововъ, завистливо наблюдающая за маленькой Греціей, въ которой она предвидитъ для себя опасную соперницу на морѣ? Появилось мнѣніе объ образованіи королевства греко-іоническаго, подѣ управленіемъ короля изъ англійскихъ принцевъ. Что можетъ быть легче осуществленія такого предположенія? Стоитъ только упрочить на разныхъ престолахъ еще кое-кого изъ младшихъ членовъ различныхъ владѣтельныхъ домовъ, въ родѣ принца Альфреда или эрцгерцога Максимилиана—и мѣръ будетъ успокоенъ.

Эрцгерцогъ Максимилианъ, можетъ быть, будущій мексиканскій императоръ, не воспользовался еще предстоящимъ титуломъ! Правда, онъ видѣлъ, что имѣетъ соперника на тронную вакансію въ лицѣ г. Адольфа Бертрона. Этотъ господинъ, очень хорошо извѣстный въ Парижѣ по своему образу жизни, представляетъ забавную смѣсь здраваго смысла съ глупостью. Онъ высказалъ свои права на мексиканскій престолъ въ прокламаціи, появившейся во многихъ журналахъ. Мы представимъ ее въ извлеченіи, такъ какъ боимся не сохранить всѣ красоты подлинника, передавая его вполнѣ. Вотъ эта прокламація, невольно вызывающая улыбку у всякаго читателя:

«Мексиканцы»!

«Я слышалъ, что вы непременно хотите имѣть короля.—Возьмите меня».

«Я не царской крови,—это правда, но я имѣю независимое состояніе и живу въ Со, въ департаментѣ Сены. Я умѣлъ выдѣлывать масло изъ грязи парижскихъ улицъ. Я съумѣю, если вы удостовѣрите меня своей довѣренности, возстановить порядокъ среди господствующей въ Мексикѣ анархіи».

«Я распушу армию, неумѣющую предохранять большихъ дорогъ отъ своихъ собственныхъ грабежей. Всѣ деньги, шедшія до сихъ поръ на солдата, я употреблю, чтобы заставить ихъ работать; они будутъ имѣть свою собственность, сдѣлаются отцами семействъ, перестанутъ похищать молодыхъ дѣвушекъ и поддерживать въ странѣ эту страсть къ игрѣ, которая такъ пагубна для вашего достоинства, такъ гибельна для вашей свободы».

«Внутри страны я дозволю вамъ почти все, что вамъ будетъ угодно, приучая васъ обходиться безъ помощи правительства, самимъ защищать себя и дѣйствовать безъ чужаго покровительства. Наконецъ,

я буду довольствоваться возможно—умѣренной цифрою доходовъ, для того, чтобы показать примѣръ простоты въ образѣ жизни».

«Адольтъ Бертронъ, *candidat humain* (sic)».

—Только сумасшедшіе могутъ разсуждать такъ здраво! Къ чему послѣ этаго императоръ, имѣющій подъ рукою такого превосходнаго кандидата, станетъ искать какого нибудь эрцгерцога, извѣстнаго только по неудачнымъ столкновеніямъ съ жителями Ломбардо—Венеціанской области, при первомъ опытѣ учрежденія вице-королевства?

— 28 февраля (12 марта) въ четыре часа безъ четверти, его превосходительство г. Билльо, министръ безъ портфеля, воскликнулъ, вынимая свои часы изъ кармана: «господа, въ эту минуту наши войска вступаютъ въ Мексику». За недостаткомъ всякаго подтвержденія справедливости этихъ словъ, мы ограничиваемся только занесеніемъ такой новости въ свою лѣтопись, возлагая всю отвѣтственность на его превосходительство. Но должно сознаться, что послѣднія извѣстія не представляютъ положенія союзниковъ очень завиднымъ. Англо-французскій флотъ приплылъ къ стѣнамъ Вера-Круца между 5-мъ и 8-мъ числомъ января и дружески салютовалъ мексиканскому флагу. Едва успѣли сойти на берегъ, какъ начальники трехъ союзныхъ отрядовъ, какъ и слѣдовало ожидать, начали завидовать другъ другу и взаимно обвинять одинъ другаго. Такъ Испанцы, пріѣхавшіе первыми, поставили свой флотъ гораздо выше флаговъ Франціи и Англіи. Увидя это зуавы съ яростью бросились къ флагу и, спустивъ его съ почетной вышины, подняли туда трехцвѣтное знамя. Такою замѣною, разумѣется, были недовольны Англичане. Изъ опасенія кровавыхъ столкновеній, должны были помѣстить Французовъ подалеже отъ Испанцевъ; что же касается до Англичанъ, то они предпочли возвратиться на свои корабли, вмѣсто того, чтобы принять помѣщеніе изъ мусора и щебня, предоставленное имъ ихъ друзьями Кастильянцами. Новыя жалобы: Примъ обнародовалъ воинственную прокламацію противъ Мексиканцевъ. Является копртъ-прокламація со стороны французскаго адмирала Жюрьень-де-ла—Гравьера и г. Вика. (Вуке). Чтобы кольнуть своего же соотечественника, посла Дюбуа-де-Салинья, зачинщика войны, французскій адмиралъ отказываетъ ему въ почетномъ караулѣ. Примъ немедленно посылаетъ ему вѣстоваго изъ Испанцевъ. Нужны ли еще доказательства единодушія союзниковъ? Пока Англо-Французы устранились на берегу, Испанцы, желая завоевать себѣ пальму первенства начатіемъ военныхъ дѣйствій,

бросаются одни на непріятеля, который ихъ обращаетъ въ бѣгство, при громкихъ кликахъ одобренія со стороны остальныхъ союзниковъ. Ожесточеніе туземцевъ противъ ихъ прежнихъ прятѣснителей ужасно; со всѣхъ сторонъ стекаются цѣлыя шайки волонтеровъ, чтобы вести съ ними непрерывную партизанскую войну; даже женщины раздѣляютъ эту ненависть и образовали отрядъ амазонокъ, которыя сражаются съ непріятелемъ на лошадяхъ помощью копья и другихъ орудій своего отечества. За то Французы и въ особенности зуавы находятся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ туземцами, которыхъ они клятвами завѣряютъ, что пришли только мѣшать Испанцамъ дѣлать глупости. Это, конечно, съ ихъ стороны страшное вѣроломство, но что же дѣлать: *á la guerre comme á la guerre!* За то ихъ принимаютъ какъ друзей. Они ходятъ всюду какъ дома, отправляются пить, смѣяться и веселиться въ непріятельскій лагерь; по большей части они занимаются тамъ не совсѣмъ скромными танцами, разнообразя канканъ и другія пляски фигурами собственнаго изобрѣтенія, съ такими названіями, какихъ, вѣроятно, никогда не приметъ хореографія. Но, если какойнибудь Испанецъ вздумалъ бы выйти за черту аванпостовъ, онъ долженъ сильно беречься нечаянныхъ выстрѣловъ изъ непріятельскаго лагеря. Но Испанцамъ приходится бояться не однихъ только ружейныхъ выстрѣловъ: противъ нихъ дѣйствуетъ страшная *Vomito Negro*, приходящаяся сродни знаменитой зимѣ, съ которою познакомились Французы въ 1812 году, во время своего похода въ Россію. Благодаря большому скопленію людей и всякаго рода нечистотѣ, желтая лихорадка показалась въ Вѣра Крузѣ тремя мѣсяцами раньше обыкновеннаго и четвертая часть испанской арміи была между жизнью и смертью. Лагерь заваленъ трупами и умирающими. Что же касается до Французовъ, то генераль Урака очень любезно предложилъ имъ для лагеря здоровую равнину Холапы (*Jolara*), снабдивъ ихъ кромѣ того особеннымъ почетнымъ конвоемъ.

Между тѣмъ президентъ Хуарецъ сдѣлалъ начальникамъ союзныхъ войскъ мирныя предложенія. Онъ соглашался заплатить издержки европейцевъ, но просилъ только времени для пріисканія денегъ. Эти господа, ссылаясь на полученныя ими инструкціи, должны были требовать немедленной уплаты суммъ, для которой можетъ быть у Хуареца не было бы ни копѣйки. Съ другой стороны насъ извѣщаютъ, что генераль Скоттъ и Фремутъ (*Fremont*) выѣхалъ изъ Нью-Йоркъ 20-го февраля для соглашенія съ тремя шейлоками и предложенія имъ ругательства и гарантіи со стороны Соединенныхъ Штатовъ въ точной

уплатѣ всего долга. Глухой слухъ ходилъ два дня въ Парижѣ, о томъ, будто генераль Примъ недоволенъ ролью, которую онъ играетъ, и эрцгерцогомъ Максимилианомъ, и желтою лихорадкой, и Vomito Negro, и другими неудобствами этой безпокойной экспедиціи, вслѣдствіе чего и хочетъ принять предложеніе Соединенныхъ Штатовъ. Если это правда, то неужели Франція одна останется довершать экспедицію? Неужели изъ за того что Англичане отстали и Испанцы удалились, нужно удваивать и безъ того многочисленную французскую армію и издавать приказы цѣлой бригадѣ двухъ полковъ готовиться къ отплытію въ море. Неужели Французы захотятъ обременить свою совѣсть новымъ преступленіемъ противъ народности?

Для президента Соединенныхъ Штатовъ мексиканскія дѣла представляютъ большой интересъ и онъ будетъ очень недоволенъ, если союзники не примутъ его предложенія, а гитѣвъ «кузена Іонатана» далеко не маловаженъ для нихъ, въ особенности теперь, когда онъ такъ счастливо управился съ мятежниками. Мы говоримъ «съ мятежниками», а не съ конфедератами, потому что по словамъ самой Англии теперь въ Америкѣ остались только мятежники, преслѣдуемые жандармами законнаго правительства. Въ Лондонѣ и Манчестерѣ, какъ видно, были получены извѣстія о взятіи форта «Генрихъ» въ Тенессе и форта «Донельсонъ» въ Кумберландѣ. Это были единственныя крѣпости, охранявшія доступъ къ федеральнымъ штатамъ съ сѣверо-запада, если не считать «Колумбусъ», которая теперь упразднена. Теперь, когда дорога открыта, въ самую ночь взятія форта «Генрихъ», канонеры федеральныхъ войскъ поднялись къ югу по Тенессе, по дорогѣ разрушили мостъ желѣзной дороги, который соединялъ двѣ столицы провинціи—Мемфисъ и Наввилль; затѣмъ они предали пламени укрѣпленія, попадавшіяся имъ кое-гдѣ на берегахъ рѣки и остановились только въ 300 километрахъ отъ мѣста своего отправленія, и то потому, что ихъ суда не могли идти дальше за недостаточной глубины воды.

Армія рабовладѣльцевъ въ Тенессе была раздѣлена на двѣ части и федераламъ представлялась возможность разбить ихъ поочереди одну за другою.

На западѣ сепаратисты Колумбін, опасаясь быть вытѣсненными, быстро оставили укрѣпленія къ берегамъ Миссисипи. Южныя войска, расположенныя въ Баулингъ-Гринѣ, двинулись далѣе къ югу. Кларксвилль, а потомъ и Наввилль, третій важнѣйшій городъ конфедеральныхъ штатовъ, сдѣлались добычею побѣдоносной арміи, которая дошла

даже до Мёрфибороу (Murfreesborough) около 80 километров къ юго-востоку и захватила значительную часть непріятельскаго войска. Если это справедливо, то желѣзная дорога между Луизианой и Виргиніей, Новый-Орлеаномъ и Ричмондомъ достается Янки; конфедеральные штаты распались на двѣ части, соединенныя между собою единственною и уже не безопасною желѣзною дорогою между обѣими Каролинами. Вотъ гдѣ центръ войны въ Тенессе, на которомъ рѣшаются судьбы невольничьихъ штатовъ.

На западѣ послѣднія шайки сепаратистовъ были прогнаны съ береговъ Миссури и федералы проникли до Арканзаса, перешли Бѣлую рѣку, заняли Файетъ-вилль и близъ р. Арканзаса соединятся съ войсками, которыя должны спуститься по Миссисипи. Только съ этой стороны мятежникамъ открытъ свободный путь, суживающійся однако болѣе и болѣе, такъ что въ скоромъ времени у плантаторовъ, мечтавшихъ о распространеніи невольничества, не останется надежды привести свои планы въ исполненіе. На востокѣ, у берега Потомака, Макъ Клеланъ, постоянно жалующійся на лихорадку, остается въ бездѣйствіи, хотя и не оставляетъ оружія, потому ли, что онъ боится заболѣть, или потому, что не хочетъ компрометировать своихъ дорогихъ сепаратистовъ. Однако онъ позволилъ одному изъ своихъ генераловъ обойти непріятельскую позицію и Банксъ проникнулъ въ долину Виргиніи. Наконецъ Боррсайдъ и Шерманъ подвигаются шагъ за шагомъ въ сѣверной Каролинѣ и въ Георгіи; Норфолькъ, Саванна и береговыя линіи желѣзныхъ дорогъ подвергаются опасности.

Не знаемъ сколько времени нужно для полного искорененія невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ, но оно началось и мы радостно встрѣчаемъ эту зорю освобожденія! Что же касается до ремесленниковъ Франціи и Англіи, Ливерпуля и Гавра, они также радуются съ своей стороны успѣху федераловъ. По мѣрѣ того какъ они видятъ приближеніе ихъ арміи къ плантаціямъ хлопка,—ихъ трудъ дѣлается бодрѣе и работа успѣшнѣе. Въ Гаврѣ, со времени взятія форта Генриха, цѣна хлопка понизилась на 50 франковъ, т. е. на $\frac{1}{2}$ часть стоимости. Надежда проникла въ сердца фабрикантовъ.

Англія, безъ особенныхъ видовъ на будущее, спокойно наслаждается своимъ триумфомъ надъ Соединенными Штатами. О политическихъ дѣлахъ ничего не слышно съ того берега, за исключеніемъ

развѣ слабого эха однообразныхъ парламентскихъ засѣданій, занятыхъ теперь вопросомъ о *правахъ нейтралитета*; поговариваютъ также о пирахъ лорда Майера (Lord Mayer) съ его альдэрменами. Все, что умираетъ съ голоду, погибаетъ молча. Страна законности жирѣетъ, благоденствуетъ, и жалуется только на увеличеніе налоговъ, на доходы, безпокоющіе этихъ бѣдныхъ богачей. Въ низшихъ слояхъ общества происходитъ медленное броженіе умовъ, возникаютъ и рѣшаются вопросы изъ сферы наукъ и нравственной философіи. Умы заняты улучшеніемъ *правовъ* и это движеніе проявляется въ многочисленныхъ ассоціаціяхъ ремесленниковъ, заслуживающихъ особеннаго изученія.

Шотландія съ прежнимъ упорствомъ предается подвигамъ благочестія и торговлѣ.

Но что сказать объ Ирландцахъ, которые могли бы быть очень симпатичными людьми, еслибы не поработились духовенствомъ до крайней степени, возбуждающей отвращенія въ людяхъ самыхъ благорасположенныхъ къ нимъ. Что сказать объ этой способной расѣ людей, глубоко невѣжественныхъ? Ихъ лучшія надежды покоятся на холодной физиономіи Лудовика-Наполеона. Они украсили ореоломъ святости дряхлаго старика съ распухшими ногами. Пій IX могъ бы безнаказано направить громъ Ватикана, въ ихъ глазахъ, на своихъ враговъ и предать ихъ анаемѣ. Но, нѣтъ! Пій IX стоитъ у дверей своей базилики съ поникшей головой и дрожащимъ голосомъ проситъ хоть одинъ оболь, маленькое приношеніе изъ любви къ св. Петру. Католическая Ирландія не откажетъ ему.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ВАЗАРОВЪ.

(Отцы и дѣти, романъ И. С. Тургенева. Русскій Вѣстникъ, № 2)

I.

Новый романъ Тургенева даетъ намъ все то, чѣмъ мы привыкли наслаждаться въ его произведеніяхъ. Художественная отдѣлка безупоризненно хороша; характеры и положенія, сцены и картины нарисованы такъ наглядно и въ то же время такъ мягко, что самый отчаянный отрицатель искусства почувствуетъ при чтеніи романа какое-то непонятное наслажденіе, котораго не объяснишь ни занимательностью рассказываемыхъ событій, ни поразительною вѣрностью основной идеи. Дѣло въ томъ, что событія вовсе не занимательны, а идея вовсе не поразительно вѣрна. Въ романѣ нѣтъ ни завязки, ни развязки, ни строго обдуманнаго плана; есть типы и характеры, есть сцены и картины, и главное, сквозь ткань разсказа сквозитъ личное, глубокопрочувствованное отношеніе автора къ выведеннымъ явленіямъ жизни. А явленія эти очень близки къ намъ, такъ близки, что все наше молодое поколѣніе съ своими стремленіями и идеями можетъ узнать себя въ дѣйствующихъ лицахъ этого романа. Я этимъ не хочу сказать, чтобы въ романѣ Тургенева идеи и стремленія молодого поколѣнія отразились такъ, какъ понимаетъ ихъ само молодое поколѣніе; къ этимъ

Отд. II.

идеямъ и стремленіямъ Тургеневъ относится съ своей личной точки зрѣнія, а старикъ и юноша почти никогда не сходятся между собою въ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Но, если вы подойдете къ зеркалу, которое, отражая предметы, измѣняетъ немного ихъ цвѣта, то вы узнаете свою физиономію, не смотря на погрѣшности зеркала. Читая романъ Тургенева, мы видимъ въ немъ типы настоящей минуты и въ то же время отдаемъ себѣ отчетъ въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя испытывали явленія дѣйствительности, проходя черезъ сознаніе художника. Любопытно прослѣдить, какъ дѣйствуютъ на человѣка, подобнаго Тургеневу, идеи и стремленія, шевелящіеся въ нашемъ молодомъ поколѣніи, и проявляющіяся, какъ все живое, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, рѣдко привлекательныхъ, часто оригинальныхъ, иногда уродливыхъ.

Такого рода изслѣдованіе можетъ имѣть очень глубокое значеніе. Тургеневъ одинъ изъ лучшихъ людей прошлаго поколѣнія; опредѣлить, какъ онъ смотритъ на насъ, и почему онъ смотритъ на насъ такъ, а не иначе, значитъ найти причину того разлада, который замѣчается повсемѣстно въ нашей частной семейной жизни, того разлада, отъ котораго часто гибнутъ молодые жизни и отъ котораго постоянно крехтять и охаютъ старички и старушки, не успѣвающіе обработать на свою колодку понятія и поступки своихъ сыновей и дочерей. Задача, какъ видите, жизненная, крупная и сложная; сладить я съ нею вѣроятно не слажу, а подумать—подумаю.

Романъ Тургенева, кромѣ своей художественной красоты, замѣчательнѣе еще тѣмъ, что онъ шевелитъ умъ, наводитъ на размышленія, хотя самъ по себѣ не разрѣшаетъ никакого вопроса, и даже освѣщаетъ яркимъ свѣтомъ не столько выводимыя явленія, сколько отношенія автора къ этимъ самымъ явленіямъ. Наводитъ онъ на размышленія именно потому, что весь насквозь проникнутъ самою полною, самою трогательною искренностью. Все, что написано въ послѣднемъ романѣ Тургенева, прочувствовано до послѣдней строки; чувство это прорывается помимо воли и сознанія самого автора и сорвется объективный рассказъ, вмѣсто того, чтобы выразиться въ лирическихъ отступленіяхъ. Авторъ самъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ, не подвергаетъ ихъ анализу, не становится къ нимъ въ критическія отношенія. Это обстоятельство даетъ намъ возможность видѣть эти чувства во всей ихъ нетронутой непосредственности. Мы видимъ то, что просвѣчиваетъ, а не то, что авторъ

хочетъ показать или доказать. Мнѣнія и сужденія Тургенева неизмѣнить ни на волосъ нашего взгляда на молодое поколѣнiе и на идеи нашего времени; мы ихъ даже не примемъ въ соображенiе, мы съ ними даже не будемъ спорить; эти мнѣнія, сужденія и чувства, выраженные въ неподражаемо живыхъ образахъ, дадутъ только матеріалы для характеристики прошлаго поколѣнiя, въ лицѣ одного изъ лучшихъ его представителей. Постараюсь сгруппировать эти матеріалы и, если это мнѣ удастся, объясню, почему наши старики не сходятся съ нами, качаютъ головами, и, смотря по различнымъ характерамъ и по различнымъ настроенiямъ, то сердятся, то недоумѣваютъ, то тихо грустятъ по поводу нашихъ поступковъ и разсужденiй.

II.

Дѣйствiе романа происходитъ лѣтомъ 1859 года. Молодой кандидатъ, Аркадiй Николаевичъ Кирсановъ, прѣзжаетъ въ деревню къ своему отцу вѣстѣ съ своимъ прiятелемъ, Евгениемъ Васильевичемъ Базаровымъ, который, очевидно, вѣдетъ сильное влiянiе на образъ мыслей своего товарища. Этотъ Базаровъ, человѣкъ сильный по уму и по характеру, составляетъ центръ всего романа. Онъ—представитель нашего молодого поколѣнiя; въ его личности сгруппированы тѣ свойства, которыя мелкими долями разсыпаны въ массахъ, и образъ этого человѣка ярко и отчетливо вырисовывается передъ воображенiемъ читателя.

Базаровъ—сынъ бѣднаго уѣзднаго лекаря; Тургеневъ ничего не говоритъ объ его студенческой жизни, но надо полагать, что то была жизнь бѣдная, трудовая, тяжелая; отецъ Базарова говоритъ о своемъ сынѣ, что онъ у нихъ отроду лишней копѣйки не взялъ; но правдѣ сказать, многого нельзя было бы взять, при величайшемъ желанiи; следовательно, если старикъ Базаровъ говоритъ это въ похвалу своему сыну, то это значитъ, что Евгенийъ Васильевичъ содержалъ себя въ университетѣ собственными трудами, перебивался копѣчными уроками и въ то же время находилъ возможность дѣльно готовить себя къ будущей дѣятельности. Изъ этой школы труда и лишенiй Базаровъ

*

вышелъ человѣкомъ сильнымъ и суровымъ; прослушанный имъ курсъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ развилъ его природный умъ и отлучилъ его принимать на вѣру какія бы то ни было понятія и убѣжденія; онъ сдѣлался чистымъ эмпирикомъ; опытъ сдѣлался для него единственнымъ источникомъ познания, личное ощущение—единственнымъ и послѣднимъ убѣдительнымъ доказательствомъ. «Я придерживаюсь отрицательнаго направленія, говорить онъ, въ силу ощущеній. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и basta! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? Тоже въ силу ощущенія—это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ. Не всякій тебѣ это скажетъ, да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу». Какъ эмпирикъ, Базаровъ признаетъ только то, что можно ощупать руками, увидеть глазами, положить на языкъ, словомъ, только то, что можно освидѣтельствовать однимъ изъ пяти чувствъ. Всѣ остальные человѣческія чувства онъ сводитъ на дѣятельность нервной системы; вслѣдствіе этого, наслажденіе красотами природы, музыкою, живописью, поэзіею, любовью женщины вовсе не кажутся ему выше и чище наслажденія сытнымъ обѣдомъ или бутылкою хорошаго вина. То, что восторженные юноши называютъ идеаломъ, для Базарова не существуетъ; онъ все это называетъ «романтизмомъ», а иногда вмѣсто слова романтизмъ употребляетъ слово вздоръ. Несмотря на все это, Базаровъ не воруетъ чужихъ платковъ, не вытягиваетъ изъ своихъ родителей денегъ, работаетъ усидчиво и даже не прочь отъ того, чтобы сдѣлать въ жизни что нибудь путное. Я предчувствую, что многіе изъ моихъ читателей зададутъ себѣ вопросъ: а что же удерживаетъ Базарова отъ подлыхъ поступковъ, и что побуждаетъ его дѣлать что нибудь путное? Этотъ вопросъ поведетъ за собою слѣдующее сомнѣніе: ужъ не притворяется ли Базаровъ передъ самимъ собою и передъ другими? Не рисуется ли онъ? Можетъ быть онъ въ глубинѣ души признаетъ многое изъ того, что онъ отрицаетъ на словахъ, и можетъ быть именно это признаваемое, это затанвшееся спасаетъ его отъ нравственнаго паденія и отъ нравственнаго ничтожества. Хотя мнѣ Базаровъ ни свать, ни братъ, хоть я, можетъ быть, и не сочувствую ему, однако ради отвлеченной справедливости, я постараюсь отвѣтить на вопросъ и опровергнуть лукавое сомнѣніе. На людей подобныхъ Базарову можно негодовать сколько душѣ угодно, но признать ихъ искренность—рѣшительно необходимо. Эти люди могутъ быть честными и безчестными, гражданскими дѣятелями и отъ-

зависимыми мошенниками, смотря по обстоятельствамъ и по личнымъ вкусамъ. Ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ имъ убивать и грабить и ничто, кромѣ личнаго вкуса, не побуждаетъ людей подобнаго закала дѣлать открытія въ области наукъ и общественной жизни. Базаровъ не украдетъ платка по тому же самому, почему онъ не съестъ кусокъ тулой говядины. Еслибы Базаровъ умиралъ съ голоду, то онъ вѣроятно сдѣлалъ бы то и другое. Мучительное чувство неудовлетворенной физической потребности побѣдило бы въ немъ обращеніе къ дурному запаху разлагающагося мяса и къ тайному посягательству на чужую собственность. Кромѣ непосредственнаго влеченія, у Базарова есть еще другой руководитель въ жизни—расчетъ. Когда онъ бываетъ боленъ, онъ принимаетъ лекарство, хотя не чувствуетъ никакого непосредственнаго влеченія къ касторовому маслу или къ ассафетидѣ. Онъ поступаетъ такимъ образомъ по расчету; цѣною маленькой непріятности онъ покупаетъ въ будущемъ большее удобство, или избавленіе отъ большей непріятности. Словомъ, въ двухъ золь онъ выбираетъ меньшее, хотя и къ меньшему не чувствуетъ никакого влеченія. У людей посредственныхъ такого рода расчетъ большею частью оказывается несостоятельнымъ; они по расчету хитрятъ, подличаютъ, воруютъ, запутываются и въ концѣ концовъ остаются въ дуракахъ. Люди очень умные поступаютъ иначе; они понимаютъ, что быть честнымъ очень выгодно, и что всякое преступленіе, начиная отъ простой лжи и кончая смертоубійствомъ—опасно и слѣдовательно неудобно. Поэтому, очень умные люди могутъ быть честны по расчету, и дѣйствовать на честоту тамъ, гдѣ люди ограниченные будутъ вилать и метать петли. Работая неутомимо, Базаровъ повиновался непосредственному влеченію, вкусу, и, кромѣ того, поступалъ по самому вѣрному расчету. Еслибы онъ искалъ протекціи, кланялся, подличалъ, вмѣсто того чтобы трудиться и держать себя гордо и независимо, то онъ поступалъ бы нерасчетливо. Карьеры, пробитыя собственною головою, всегда прочтѣе и шире карьеръ, проложенныхъ низкими поклонами или заступничествомъ важнаго дядюшки. Благодаря двумъ послѣднимъ средствамъ можно попасть въ губернскіе или въ столичныя, тузы, но, по милости этихъ средствъ, никому съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, не удавалось сдѣлаться ни Вашингтономъ, ни Гарибальди, ни Коперникомъ, ни Гейнрихомъ Гейне. Даже Эростратъ, и тотъ пробилъ себѣ карьеру собственными силами и попалъ въ исторію не по протекціи.—Что же касается до Ба-

зарова, то онъ не мѣтитъ въ губернскіе тузы; если воображеніе иногда рисуетъ ему будущность, то эта будущность какъ—то неопредѣленно широка; работаетъ онъ безъ цѣли, для добыванія насущнаго хлѣба или изъ любви къ процессу работы, а между тѣмъ онъ смутно чувствуетъ, по количеству собственныхъ силъ, что работа его не останется безслѣдною и къ чему нибудь приведетъ. Базаровъ чрезвычайно самолюбивъ, но самолюбіе его незамѣтно именно вслѣдствіе своей громадности. Его не занимаютъ тѣ мелочи, изъ которыхъ складываются обыденныя людскія отношенія; его нельзя оскорбить явнымъ пренебреженіемъ, его нельзя обрадовать знаками уваженія; онъ такъ полонъ собою и такъ непоколебимо—высоко стоитъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, что дѣлается почти совершенно равнодушнымъ къ мнѣнію другихъ людей. Дядя Кирсанова, близко подходящій къ Базарову по складу ума и характера, называетъ его самолюбіе «сатанинскою гордостью». Это выраженіе очень удачно выбрано и совершенно характеризуетъ нашего героя. Дѣйствительно, удовлетворить Базарова могла бы только цѣлая вѣчность постоянно расширяющейся дѣятельности и постоянно увеличивающагося наслажденія, но, къ несчастію для себя, Базаровъ не признаетъ вѣчнаго существованія человѣческой личности. «Да вотъ, напримѣръ, говоритъ онъ своему товарищу, Кирсанову, ты сегодня сказалъ, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа—она такая славная, бѣлая—вотъ, сказалъ ты, Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать... А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... Да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ;—ну, а дальше?»

Итакъ Базаровъ вездѣ и во всемъ поступаетъ только такъ, какъ ему хочется или какъ ему кажется выгоднымъ и удобнымъ. Имъ управляютъ только личная прихоть или личные расчеты. Ни надъ собою, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Впередъ—никакой высокой цѣли; въ умѣ—никакого высокаго помысла, и при всемъ этомъ, силы огромныя. Да вѣдь это безнравственный человѣкъ! Злодѣй, уродъ! слышу я со всѣхъ сторонъ восклицанія негодующихъ читателей. Ну, хорошо, злодѣй, уродъ; браните больше, преслѣдуйте его сатирой и эпиграммой, негодующимъ лиризмомъ и возмущеннымъ

общественнымъ мнѣніемъ, кострами инквизиціи и топорами палачей,— и вы не вытравите, не убьете этого уroda, не посадите его въ спиртъ на удивленіе почтенной публикѣ. Если базаровщина—болѣзнь, то она болѣзнь нашего времени, и ее приходится выстрадать, несмотря ни на какіе палліативы и ампутаціи. Относитесь къ базаровщинѣ какъ угодно—это ваше дѣло; а остановить—не остановите; это также холера.

III.

Болѣзнь вѣка раньше всего пристаётъ къ людямъ, стоящимъ по своимъ умственнымъ силамъ выше общаго уровня. Базаровъ, одержимый этою болѣзью, отличается замѣчательнымъ умомъ, и вслѣдствіе этого производитъ сильное впечатлѣніе на сталкивающихся съ нимъ людей. «Настоящій человекъ, говоритъ онъ, тотъ, о которомъ думать нечего, а котораго надобно слушаться или ненавидѣть. Подъ опредѣленіе настоящаго человека подходитъ именно самъ Базаровъ; онъ постоянно сразу овладѣваетъ вниманіемъ окружающихъ людей; однихъ онъ запугиваетъ и отталкиваетъ; другихъ подчиняетъ, не столько доводами, сколько непосредственною силою, простотою и цѣльностью своихъ понятій. Какъ человекъ замѣчательно умный, онъ не встрѣчалъ себѣ равнаго. «Когда я встрѣчу человека, который не спасовалъ бы передо мною, проговорилъ онъ съ разстановкой, тогда я измѣню свое мнѣніе о самомъ себѣ».

Онъ смотритъ на людей сверху внизъ и даже рѣдко даетъ себѣ трудъ скрывать свои полу-презрительныя, полу-покровительственныя отношенія къ тѣмъ людямъ, которые его ненавидятъ, и къ тѣмъ, которые его слушаются. Онъ никого не любитъ; не разрывая существующихъ связей и отношеній, онъ въ то же время не сдѣлаетъ ни шагу для того, чтобы снова завязать или поддержать эти отношенія, не смягчить ни одной ноты въ своемъ суровомъ голосѣ, не пожертвуетъ ни одною рѣзкою шуткою, ни однимъ краснымъ словомъ.

Поступаетъ онъ такимъ образомъ не во имя принципа, не для того, чтобы въ каждую данную минуту быть вполнѣ откровеннымъ, а потому, что считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было, по тому же самому побужденію, по которому

американцы задирают ноги на спинки креселъ и заплывають табачнымъ сокомъ паркетные полы пыльныхъ гостинницъ. Базаровъ ни въ комъ не нуждается, никого не боится, никого не любитъ и, вслѣдствіе этого, никого не шадитъ. Какъ Диогенъ, онъ готовъ жить чуть не въ бочкѣ и за это предоставляетъ себѣ право говорить людямъ въ глаза рѣзкія истины по той простой причинѣ, что это ему нравится. Въ цинизмъ Базарова можно различить двѣ стороны: внутреннюю и вѣншнюю, цинизмъ мыслей и чувствъ, и цинизмъ манеръ и выраженій. Ироническое отношеніе къ чувству всякаго рода, къ мечтательности, къ лирическимъ порывамъ и изліаніямъ составляетъ сущность внутренняго цинизма. Грубое выраженіе этой ироніи, безпричинная и безцѣльная рѣзкость въ обращеніи относятся къ вѣншнему цинизму. Первый зависитъ отъ склада ума и отъ общаго міросозерцанія; второй обусловливается чисто вѣншними условіями развитія, свойствами того общества, въ которомъ жилъ разсматриваемый субъектъ. Насмѣшливыя отношенія Базарова къ мягкосердечному Кирсанову вытекають изъ основныхъ свойствъ общаго базаровскаго типа. Грубыя столкновенія его съ Кирсановымъ и съ его дядею составляютъ его личную принадлежность. Базаровъ не только эмпирикъ—онъ, кромѣ того, неотесанный буршъ, незнающій другой жизни, кромѣ бездомной, трудовой, подъ часъ дико-разгульной жизни бѣднаго студента. Въ числѣ почитателей Базарова найдутся навѣрное такіе люди, которые будутъ восхищаться его грубыми манерами, слѣдами бурсацкой жизни, будутъ подражать этимъ манерамъ, составляющимъ во всякомъ случаѣ недостатокъ, а не достоинство, будутъ даже, можетъ быть, утрировать его угловатость, мѣшковатость и рѣзкость. Въ числѣ ненавистниковъ Базарова найдутся навѣрное такіе люди, которые обратятъ особенное вниманіе на эти неказистыя особенности его личности и поставятъ ихъ въ укоръ общему типу. Тѣ и другіе ошибутся и обнаружатъ только глубокое непониманіе настоящаго дѣла. И тѣмъ, и другимъ можно будетъ напомнить стихъ Пушкина:

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей.

Можно быть крайнимъ матеріалистомъ, полнѣйшимъ эмпирикомъ и въ то же время заботиться о своемъ туалетѣ, обращаться утонченновѣжливо съ своими знакомыми, быть любезнымъ собесѣдникомъ и со-

вершинный джентльменомъ. Это я говорю для тѣхъ читателей, которые, придавая важное значеніе утонченныиъ манерамъ, съ отвращеніемъ несмотрятъ на Базарова, какъ на человека *mal élevé* и *mauvais ton*. Онъ дѣйствительно *mal élevé* и *mauvais ton*, но это несколько не относится къ сущности типа, и не говоритъ ни противъ него, ни въ его пользу. Тургеневу пришло въ голову выбрать представителемъ базаровскаго типа человека неотесаннаго; онъ такъ и сдѣлалъ, и, конечно, рисуя своего героя, не утаилъ и не закрасилъ его угловатостей; выборъ Тургенева можно объяснить двумя различными причинами; во-первыхъ, личность человека, безпощадно и съ полнымъ убѣжденіемъ отрицающаго все, что другіе признаютъ высокимъ и прекраснымъ, всего чаще вырабатывается при сѣрой обстановкѣ трудовой жизни; отъ суроваго труда грубѣютъ руки, грубѣютъ манеры, грубѣютъ чувства; человекъ крѣпнетъ и прогоняетъ юношескую мечтательность, избавляется отъ слезливой чувствительности; за работою мечтать нельзя, потому что вниманіе сосредоточено на занимающемъ дѣлѣ; а послѣ работы нуженъ отдыхъ, необходимо дѣйствительное удовлетвореніе физическимъ потребностямъ и мечта нейдетъ на умъ. На мечту человекъ привыкаетъ смотрѣть, какъ на блажь, свойственную праздности и барской извѣженности; нравственныя страданія онъ начинаетъ считать мечтательными; нравственныя стремленія и подвиги—придуманными и нелѣпыми. Для него, трудового человека, существуетъ только одна, вѣчно повторяющаяся забота: сегодня надо думать о томъ, чтобы не голодать завтра. Эта простая, грозная въ своей простотѣ забота заслоняетъ отъ него остальные, второстепенныя тревоги, драги и заботы жизни; въ сравненіи съ этою заботою ему кажутся мелкими, ничтожными, искусственно созданными разныя неразрѣшенные вопросы, неразъясненныя сомнѣнія, неопредѣленныя отношенія, которыя отравляютъ жизнь людей обезпеченныхъ и досужихъ.

Такимъ образомъ пролетарій—труженикъ самымъ процессомъ своей жизни, независимо отъ процесса размышленія, доходитъ до практическаго реализма; онъ за недосугомъ отълучается мечтать, гоняться за идеаломъ, стремиться въ идеѣ къ недостижимо—высокой цѣли. Развивая въ труженикѣ энергію, трудъ пріучаетъ его обижать дѣло съ мыслью, актъ воли съ актомъ ума. Человекъ, привыкшій надѣяться на себя и на свои собственныя силы, привыкшій осуществлять сегодня то, что задумано было вчера, начинаетъ смотрѣть съ болѣе или менѣе явнымъ пренебреженіемъ на тѣхъ людей, которые, мечтая о люб-

ви, о полезной деятельности, о счастье всего человеческого рода, не умѣютъ шевельнуть пальцемъ, чтобы хоть сколько нибудь улучшить свое собственное, въ высшей степени неудобное положеніе. Словомъ, человѣкъ дѣла, будь онъ медикъ, ремесленникъ, педагогъ, даже литераторъ (можно быть литераторомъ и человѣкомъ дѣла въ одно и то же время) чувствуетъ естественное, непреодолимое отвращеніе къ фразистости, къ тратѣ словъ, къ сладкимъ мыслямъ, къ сантиментальнымъ стремленіямъ и вообще ко всякимъ претензіямъ, не основаннымъ на дѣйствительной, осязательной силѣ. Такого рода отвращеніе ко всему отрѣшенному отъ жизни и улетучивающемуся въ звукъ составляетъ коренное свойство людей базаровскаго тина. Это коренное свойство вырабатывается именно въ тѣхъ разнородныхъ мастерскихъ, въ которыхъ человѣкъ, изоцря свой умъ и напрягая мускулы, борется съ природою за право существовать на бѣломъ свѣтѣ. На этомъ основаніи Тургеневъ имѣлъ право взять своего героя въ одной изъ такихъ мастерскихъ и привести его въ рабочемъ фартукѣ, съ неумытыми руками и угрюмо-озабоченнымъ взглядомъ въ общество фешенебельныхъ кавалеровъ и дамъ. Но справедливость побуждаетъ меня выразить предположеніе, что авторъ романа «Отцы и дѣти» поступилъ такимъ образомъ не безъ коварнаго умысла. Этотъ коварной умыселъ и составляетъ ту вторую причину, о которой я упомянулъ выше. Дѣло въ томъ, что Тургеневъ, очевидно, не благоволилъ къ своему герою. Его мягкую, любящую натуру, стремящуюся къ вѣрѣ и сочувствію, коробитъ отъ развѣдающаго реализма; его тонкое эстетическое чувство, не лишенное значительной дозы аристократизма, оскорбляется даже самыми легкими проблесками цинизма; онъ слишкомъ слабъ и впечатлителенъ, чтобы вынести безотрадное отрицаніе; ему необходимо помириться съ существованіемъ, если не въ области жизни, то по крайней мѣрѣ въ области мысли, или вѣрнѣе, мечты. Тургеневъ, какъ нервная женщина, какъ растение «нетронь меня», сжимается богижненно отъ самаго легкаго соприкосновенія съ букетомъ базаровщины.

Чувствуя такимъ образомъ невольную антипатію къ этому направлению мысли, онъ вывелъ его передъ читающею публикою въ возможно неграціозномъ экземплярѣ. Онъ очень хорошо знаетъ, что въ публикѣ нашей очень много фешенебельныхъ читателей и, расчитывая на утонченность ихъ аристократическаго вкуса, не щадитъ грубыхъ красокъ, съ очевиднымъ желаніемъ уронить и онежить, имѣетъ съ героемъ тотъ складъ идей, который составляетъ общую принадлежность

тина. Онъ очень хорошо знаетъ, что большинство его читателей скажутъ только о Базаровѣ, что онъ дурно воспитанъ и что его нельзя пустить въ порядочную гостиную; дальше и глубже они не пойдутъ, но, говоря съ такими людьми, даровитый художникъ и честный человекъ долженъ быть въ высшей степени остороженъ изъ уваженія къ самому себѣ и къ той идее, которую онъ защищаетъ или опровергаетъ. Тутъ надо держать въ уздѣ свою личную антипатію, которая при извѣстныхъ условіяхъ можетъ превратиться въ произвольную клевету на людей, не имѣющихъ возможности защищаться тѣмъ же орудіемъ.

IV.

Я старался до сихъ поръ обрисовать крупными чертами личность Базарова, или вѣрнѣе, тотъ общій, складывающійся типъ, котораго представителемъ является герой тургеневскаго романа. Надобно теперь прослѣдить, по возможности, его историческое происхожденіе; надо указать, въ какихъ отношеніяхъ находится Базаровъ къ разнымъ Онѣгиннымъ, Печориннымъ, Рудиннымъ, Бельтовымъ и другимъ литературнымъ типамъ, въ которыхъ, въ прошлыя десятилѣтія, молодое поколѣніе узнавало черты своей умственной физиономіи. Во всякое время жила на свѣтѣ люди недовольные жизнью вообще или нѣкоторыми формами жизни въ особенности; во всякое время люди эти составляли незначительное меньшинство. Масса во всякое время жила припѣваючи, и, по свойственной ей неприхотливости, удовлетворялась тѣмъ, что было на лицо. Только какое нибудь матеріальное бѣдствіе, въ родѣ «труса, глада, потопа, нашествія иноплеменныхъ» приводило массу въ безпокойное движеніе и нарушало обычный, сонливо безмятежный процессъ ея прозабанія. Масса, составленная изъ тѣхъ сотенъ тысячъ недѣльныхъ, которые никогда въ жизни не пользовались своимъ головнымъ мозгомъ, какъ орудіемъ самостоятельнаго мышленія, живетъ себѣ со дня на день, обдѣлываетъ свои дѣлшки, получаетъ мѣстечки, играетъ въ картишки, кое-что почитываетъ, слѣдитъ за модою въ идеяхъ и въ платьяхъ, идетъ черепашинымъ шагомъ впередъ по силѣ инерціи, и, никогда не задавая себѣ крупныхъ, многособъемныхъ вопросовъ, никогда не мучась сомнѣніями, не испытываетъ

ни раздраженія, ни утомленія, ни досады, ни скуки. Эта масса не дѣлаетъ ни открытій, ни преступленій; за нее думаютъ и страдаютъ, ищутъ и находятъ, борятся и ошибаются другіе люди, вѣчно для нея чужіе, вѣчно смотрящіе на нее съ пренебреженіемъ, и въ то же время вѣчно работающіе для того, чтобы увеличить удобства ея жизни. Эта масса, желудокъ человѣчества, живетъ на всемъ на готовомъ, не спрашивая, откуда оно берется, и не внося съ своей стороны ни одной полушки въ общую сокровищницу человѣческой мысли. Люди массы у насъ въ Россіи учатся, служатъ, работаютъ, веселятся, женятся, плодятъ дѣтей, воспитываютъ ихъ, словомъ; живутъ самую полную жизнью, совершенно довольны собою и средою, не желаютъ никакихъ усовершенствованій, и, шествуя по торной дорогѣ, не подозреваютъ ни возможности, ни необходимости другихъ путей и направленій. Они держатся заведеннаго порядка по силѣ инерціи, а не вслѣдствіе привязанности къ нему; попробуйте измѣнить этотъ порядокъ—они сейчасъ сживутся съ нововведеніемъ; закоренѣлые старовѣры являются самобытными личностями и стоятъ выше безответнаго стада. А масса сегодня ѣздитъ по сквернымъ проселочнымъ дорогамъ и мирится съ ними; черезъ нѣсколько лѣтъ она сядетъ въ вагоны и будетъ любоваться быстротою движенія и удобствами путешествія. Эта инерція, эта способность на все соглашаться и со всемъ уживаться составляетъ, можетъ быть, драгоцѣннѣйшее достояніе человѣчества. Убогость мысли уравнивается такимъ образомъ скромностью требованій. Человѣкъ, у котораго не хватаетъ ума на то, чтобы придумать средства для улучшенія своего невыносимаго положенія, можетъ назваться счастливымъ только въ томъ случаѣ, если онъ не понимаетъ и не чувствуетъ неудобствъ своего положенія. Жизнь человѣка ограниченнаго почти всегда течетъ ровнѣе и пріятнѣе жизни гонимаго или даже просто умнаго человѣка. Умные люди не уживаются съ тѣми явленіями, къ которымъ безъ малѣйшаго труда привыкаетъ масса. Къ этимъ явленіямъ умные люди, смотря по различнымъ условіямъ темперамента и развитія, становятся въ самыя разнородныя отношенія.

Вотъ, положимъ, живетъ въ Петербургѣ молодой человѣкъ, единственный сынъ богатыхъ родителей. Онъ уменъ. Учили его, какъ слѣдуетъ, слегка всему тому, что по понятіямъ папеньки и гувернера необходимо знать молодому человѣку хорошаго семейства. Книжки и уроки ему надобѣли; надобѣли и романы, которые онъ читалъ сначала потихоньку, а потомъ открыто; онъ жадно набрасыв-

вается на жизнь, танцует до упаду, волочитя за женщинами, одерживает блестящія победы. Незаметно пролетаетъ два, три года; сегодня то же самое, что вчера, завтра то же, что сегодня—шуму, толкотни, движенія, блеску, пестроты много, а въ сущности разнообразія впечатлѣній нѣтъ; то, что видѣлъ нашъ предполагаемый герой, то уже понято и изучено имъ; новой пицци для ума нѣтъ и начинается томительное чувство умственного голода, скуки. Разочарованный или, проще и вѣрнѣе, скучающій молодой человѣкъ начинаетъ раздумывать, что бы ему сдѣлать, за что бы ему приняться. Работать, что ли? Но работать, задавить себѣ работу для того, чтобы не скучать—все равно, что гулять для мотона безъ опредѣленной цѣли. О такомъ фокусѣ умному человѣку и подумать странно. Да и наконецъ, не угодно ли вамъ найти у насъ такую работу, которая заинтересовала и удовлетворяла бы умнаго человѣка, не вткнувшася въ эту работу съ молодю. Ужъ не поступить ли ему на службу въ казенную палату? Или не готовиться ли для развлеченія къ магистерскому экзамену? Не вообразить ли себя художникомъ и не приняться ли въ двадцать пять лѣтъ, за рисованіе глазъ и ушей, за изученіе перспективы или генералъ—баса?

Развѣ влюбиться?—Оно, конечно, не мѣшало бы, да бѣда въ томъ, что умные люди очень требовательны и рѣдко удовлетворяются тѣми экземплярами женскаго пола, которыми изобилуютъ блестящія петербургскія гостиныя. Съ этими женщинами они любезничаютъ, съ ними они сводятъ интриги, на нихъ они женятся иногда по увлеченію, чаще по благоразумному расчету, но сдѣлать изъ отношеній съ подобными женщинами занятіе, наполняющее жизнь, спасающее отъ скуки—это для умнаго человѣка не мыслимо. Въ отношенія между мужчиною и женщиною проникла та же мертвящая казенщина, которая обуяла остальные проявленія нашей частной и общественной жизни. Живая природа человѣка здѣсь, какъ и вездѣ, скована и обезцвѣчена мундирностью и обрядностью. Ну, вотъ, молодому человѣку, изучившему мундиръ и обрядъ до послѣднихъ подробностей, остается только или махнуть рукой на свою скуку, какъ на неизбежное зло, или съ отчаянья броситься въ разныя эксцентричности, питая неопредѣленную надежду разсвѣтаться. Первое сдѣлалъ Онѣгинъ, второе—Печоринъ; вся разнища между тѣмъ и другимъ заключается въ темпераментъ. Условія, при которыхъ они фермировались и отъ которыхъ они заскучали,—одни и тѣ же; среда, которая пріѣлась тому и другому—та же самая.

Но Онегинъ холоднѣе Печорина и потому Печоринъ дуритъ гораздо больше Онегина, кидается за впечатлѣніями на Кавказъ, ищетъ ихъ въ любви Базы, въ дуэляхъ съ Грушницкимъ, въ сиваткахъ съ Черкесами, между тѣмъ какъ Онегинъ вяло и лѣнливо носитъ съ собою по свѣту свое красивое разочарованіе. Немножко Онегинымъ, немножко Печоринимъ бывалъ и до сихъ поръ бываетъ у насъ всякій, мало-мальски умный человѣкъ, владѣющій обезпеченнымъ состояніемъ, выросшій въ атмосферѣ барства и не получившій серьезнаго образованія.

Рядомъ съ этими скучающими трутнями являлись и до сихъ поръ являются толпами люди грустящіе, тоскующіе отъ неудовлетвореннаго стремленія приносить пользу. Воспитанные въ гимназіяхъ и университетахъ, эти люди получаютъ довольно основательныя понятія о томъ, какъ живутъ на свѣтѣ цивилизованные народы, какъ трудятся на пользу общества даровитые дѣятели, какъ опредѣляютъ обязанности человѣка разные мыслители и моралисты. Въ неопредѣленныхъ, но часто теплыхъ выраженіяхъ говорятъ этимъ людямъ профессора о честной дѣятельности, о подвигѣ жизни, о самоотверженіи во имя человѣчества, истины, науки, общества. Вариации на эти теплыя выраженія наполняютъ собою задушевные, студенческія бесѣды, во время которыхъ высказывается такъ много юношески-свѣжаго, во время которыхъ такъ тепло и безгранично вѣрится въ существованіе и въ торжество добра. Ну, вотъ, проникнутые теплыми словами идеалистовъ профессоровъ, согрѣтые собственными восторженными рѣчами, молодые люди изъ школы выходятъ въ жизнь съ неукротимымъ желаніемъ сдѣлать хорошее дѣло или—пострадать за правду. Пострадать имъ иногда приходится, но сдѣлать дѣло никогда не удается. Они ли сами въ этомъ виноваты, та ли жизнь виновата, въ которую они вступаютъ,—разсудить мудрено. Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что передѣлать условія жизни у нихъ не хватаетъ силъ, а ужиться съ этими условіями они не умѣютъ. Вотъ они мечутся изъ стороны въ сторону, пробуютъ свои силы на разныхъ карьерахъ, просятъ, умоляютъ общество: «пристрой ты насъ куда нибудь, возьми ты наши силы, выжми изъ нихъ для себя какую нибудь частицу пользы; погуби насъ, но погуби такъ, чтобы наша гибель не пропала даромъ». Общество глухо и неумолимо; горячее желаніе Рудинныхъ и Бельтовыхъ пристроиться къ практической дѣятельности и видѣть плоды своихъ трудовъ и жертвованій остается безплоднымъ. Еще ни одинъ Рудинъ, ни одинъ Бельтовъ не дослу-

жились до начальника отдѣленія; да къ тому же странные люди! Они, чего добраго, даже эту почетную и обезпеченную должность не удовлетворились бы. Они говорили на такомъ языкѣ, котораго не понимало общество, и послѣ напрасныхъ попытокъ растолковать этому обществу свои желанія, они умолкали и впадали въ очень извинительное уныніе. Иные Рудины успокоивались и находили себѣ удовлетвореніе въ педагогической дѣятельности; дѣлаясь учителями и профессорами, они находили исходъ для своего стремленія къ дѣятельности. Сами мы, говорили они себѣ, ничего не сдѣлали. По крайней мѣрѣ, передадимъ наши честныя тенденціи молодому поколѣнію, которое будетъ крѣпче насъ, и создастъ себѣ другія, болѣе благопріятныя времена. Оставаясь такимъ образомъ вдали отъ практической дѣятельности, бѣдные идеалисты—преподаватели не замѣчали того, что ихъ лекціи плодятъ такихъ же Рудиныхъ, какъ и они сами, что ихъ ученикамъ придется точно также оставаться внѣ практической дѣятельности или дѣлаться ренегатами, отказываться отъ убѣжденій и тенденцій. Рудинимъ—преподавателямъ было бы тяжело предвидѣть, что они даже въ лицѣ своихъ учениковъ не примутъ участія въ практической дѣятельности; а между тѣмъ, они бы ошиблись, еслибы, даже предвидя это обстоятельство, они подумали, что не приносятъ никакой пользы. Отрицательная польза, принесенная и приносимая людьми этого закала, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Они размножаютъ людей *неспособныхъ* къ практической дѣятельности; вслѣдствіе этого, самая практическая дѣятельность, или вѣрнѣе, тѣ формы, въ которыхъ она обыкновенно выражается теперь, медленно, но постоянно понижаются во мѣрѣ обществу. Лѣтъ двадцать тому назадъ, всѣ молодые люди служили въ различныхъ вѣдомствахъ; люди не служащіе принадлежали къ исключительнымъ явленіямъ; общество смотрѣло на нихъ съ состраданіемъ или съ пренебреженіемъ; сдѣлать карьеру—значило дослужиться до большаго чина. Теперь очень многіе молодые люди не служатъ, и никто не находитъ въ этомъ ничего страннаго или предосудительнаго. Почему такъ случилось? А потому, мнѣ кажется, что къ подобнымъ явленіямъ приглядѣлись, или, что то же самое, потому что Рудины размножились въ нашемъ обществѣ. Не такъ давно, лѣтъ шесть тому назадъ, вскорѣ послѣ Крымской кампаніи, наши Рудины вообразили себѣ, что ихъ время настало, что общество приметъ и пуститъ въ ходъ тѣ силы, которыя они давно предлагали ему съ полнымъ самоотверженіемъ. Они рванулись впередъ; литерату-

ра оживилась; университетское преподаваніе сдѣлалось свѣжѣе; студенты преобразились; общество съ небывалымъ рвеніемъ принялось за журналы и стало даже заглядывать въ аудиторіи; возникли даже новыя административныя должности. Казалось, что за эпохою безплодныхъ мечтаній и стремленій наступаетъ эпоха кипучей, полезной дѣятельности. Казалось, Рудинству приходитъ конецъ, и даже самъ г. Гончаровъ похоронилъ своего Обломова, и объявилъ, что подъ русскими именами таится много Штольцевъ. Но міражъ разсѣялся—Рудины не сдѣлались практическими дѣятелями; изъ-за Рудиныхъ выдвинулось новое поколѣніе, которое съ укоромъ и насмѣшкой отнеслось къ своимъ предшественникамъ. «Объ чемъ вы ноете, чего вы ищете, чего просите отъ жизни? Вамъ, небось, счастья хочется, говорили эти новые люди мягкосердечнымъ идеалистамъ, тоскливо опустившимъ крылышки, да вѣдь мало ли что! Счастье надо завоевать. Есть силы—берите его. Нѣтъ силъ—молчите, а то и безъ васъ тошно!»—Мрачная, сосредоточенная энергія сказывалась въ этомъ недружелюбномъ отношеніи молодаго поколѣнія къ своимъ наставникамъ. Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, это поколѣніе сходилось съ лучшими людьми предъидущаго; симпатіи и антипатіи у нихъ были общія; желали они одного и того же; но люди прошлаго метались и суетились, надѣясь гдѣ нибудь пристроиться и какъ нибудь, втихомолку, урывками, незамѣтно влить въ жизнь свои честныя убѣжденія. Люди настоящаго не мечтаютъ, ничего не ищутъ, нигдѣ не пристраиваются, не поддаются ни на какіе компромиссы, и ни на что не надѣются. Въ практическомъ отношеніи они также безсильны, какъ и Рудины, но они сознали свое безсиліе и перестали махать руками. «Я не могу дѣйствовать теперь—думаю про себя каждый изъ этихъ новыхъ людей,—не стану и пробовать; я презираю все, что меня окружаетъ, и не стану скрывать этого презрѣнія. Въ борьбу со зломъ я пойду тогда, когда почувствую себя сильнымъ. До тѣхъ поръ буду жить самъ по себѣ, какъ живетъ, не мѣшаясь съ господствующимъ зломъ и не давая ему надъ собою никакой власти. Я—чужой среди существующаго порядка вещей и мнѣ до него нѣтъ никакого дѣла. Занимаюсь я хлѣбнымъ ремесломъ, думаю—что хочу и высказываю—что можно высказать».

Это холодное отчаяніе, доходящее до полнаго индифферентизма, и въ то же время развивающее отдѣльную личность до послѣднихъ предѣловъ твердости и самостоятельности, напрягаетъ умственные спосо-

бности; не имѣя возможности дѣйствовать, люди начинаютъ думать и вслѣдовать; не имѣя возможности передѣлать жизнь, люди вымещаютъ свое безсиліе въ области мысли; тамъ ничто не останавливаетъ разрушительной критической работы; суевѣрія и авторитеты разбиваются въдребезги и міросозерцаніе совершенно очищается отъ разныхъ призрачныхъ представлений.

— Что же вы дѣлаете? (спрашиваетъ дядя Аркадія у Базарова)

— А вотъ что мы дѣлаемъ (отвѣчаетъ Базаровъ), прежде,—въ недавнее время, мы говорили, что чиновники наши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правильного суда.

— Ну да, да, вы обличители, такъ, кажется, это называется. Со многими изъ вашихъ обличеній и я соглашаюсь, но...

— А потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ извазахъ не стоитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и къ доктринерству; мы увидали, что умники наши, такъ называемые передовые люди и обличители, ни куда не годятся, что мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ то искусствѣ, бессознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ, и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда *зрубившее суевѣріе насъ душило*, когда всѣ наши акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ...

— Такъ, перебилъ Павелъ Петровичъ, такъ; вы во всемъ этомъ убѣдились и рѣшились сами ни за что серьезно не приниматься?

— И рѣшились ни за что не приниматься, угрюмо повторилъ Базаровъ. Ему вдругъ стало досадно на самого себя, зачѣмъ онъ такъ распространился передъ этимъ баринномъ.

— А только ругаться?

— И ругаться.

— И это называется нишляизмомъ?

— И это называемся нишляизмомъ, повторилъ опять Базаровъ, на этотъ разъ съ особенною дерзостью.

И такъ вотъ мои выводы. Человѣкъ массы живетъ по установленной норѣ, которая достается ему на долю не по свободному выбору, а потому, что онъ родился въ известное время, въ известномъ городѣ или селѣ. Онъ весь опутанъ разными отношеніями родствен-

цыни, служебными, бытовыми, общественными; мысль его скована принятыми предрассудками; самъ онъ не любитъ ни этихъ отношеній, ни этихъ предрассудковъ, но они представляются ему «предѣломъ, его же не преjdeши», и онъ живетъ и умираетъ не проявивъ своей личной воли, и часто даже не заподозривъ въ себѣ ея существованія. Если попадется въ этой массѣ человекъ поумнѣе, то онъ, смотря по обстоятельствамъ, въ томъ или въ другомъ отношеніи выдѣлится изъ массы, и распорядится по своему, какъ ему выгодно, удобнѣе и пріятнѣе. Умные люди, не получившіе серьезнаго образованія, не выдерживаютъ жизни массы, потому что она надоѣдаетъ имъ своею безцѣлностью; они сами не имѣютъ понятія о лучшей жизни, и потому, пассивно отшатнувшись отъ массы, остаются въ пустомъ пространствѣ, не зная куда идти, зачѣмъ жить на свѣтѣ, чѣмъ разогнать тоску. Здѣсь отдѣльная личность отрывается отъ стада, но не умѣетъ распорядиться собою. Другіе люди, умные и образованные, не удовлетворяются жизнью массы, и подвергаютъ ее сознательной критикѣ; у нихъ составленъ свой идеалъ; они хотятъ идти къ нему, но, оглядываясь назадъ, постоянно, беззлочно сердчатываютъ другъ друга: а пойдеть ли за нами общество? А не останемся ли мы одни съ своими стремленіями? Не попадемъ ли мы въ просакъ? У этихъ людей, за недостаткомъ твердости, дѣло останавливается на словахъ. Здѣсь личность сознаетъ свою отдѣльность, составляетъ себѣ понятіе самостоятельной жизни, и, не осмѣливаясь двинуться съ мѣста, раздваиваетъ свое существованіе, отдѣляетъ міръ мысли отъ міра жизни. Люди третьяго разряда идутъ дальше—они сознаютъ свое несходство съ массою, и смѣло отдѣляются отъ нея поступками, привычками, всею образомъ жизни. Пойдетъ ли за ними общество, до этого имъ нѣтъ дѣла. Они полны собою, своею внутреннею жизнью, и не стѣсняють ея въ угоду принятымъ обычаямъ и церемоніямъ. Здѣсь личность достигаетъ полнаго самоосвобожденія, полной osobности и самостоятельности.

Словомъ, у Печориныхъ есть воля безъ знанія, у Рудиныхъ—знаніе безъ воли; у Базаровыхъ есть и знаніе, и воля. Мысль и дѣло сливаются въ одно твердое цѣлое.

V.

До сихъ поръ я говорилъ объ общемъ жизненномъ явленіи, вывавшемъ собою романъ Тургенева; теперь надо посмотрѣть, какъ это

явленіе отразилось въ художественномъ произведеніи. Узнавши, что такое Базаровъ, мы должны обратить вниманіе на то, какъ понимаетъ этого Базарова самъ Тургеневъ, какъ онъ заставляетъ его дѣйствовать, и въ какія отношенія ставитъ его къ окружающимъ людямъ. Словомъ, я приступлю теперь къ подробному, фактическому разбору романа.

Я сказалъ выше, что Базаровъ пріѣзжаетъ въ деревню къ своему пріятелю, Аркадію Николаевичу Кирсанову, подчиняющемуся его вліянію. Аркадій Николаевичъ молодой человекъ не глухой, но совершенно лишенный умственной оригинальности и постоянно нуждающійся въ чьей нибудь интеллектуальной поддержкѣ. Онъ, вѣроятно, дѣтъ на пять моложе Базарова, и въ сравненіи съ нимъ кажется совершенно неоперившимся щенкомъ, не смотря на то, что ему около двадцати трехъ лѣтъ и что онъ кончилъ курсъ въ университетѣ. Благоговѣя передъ своимъ учителемъ, Аркадій съ наслажденіемъ отрицаетъ авторитеты; онъ дѣлаетъ это съ чужаго голоса, не замѣчая такимъ образомъ внутренняго противорѣчія въ своемъ поведеніи. Онъ слишкомъ слабъ, чтобы держаться самостоятельно въ той холодной атмосферѣ трезвой разумности, въ которой такъ привольно дышется Базарову; онъ принадлежитъ къ разряду людей вѣчно опекаемыхъ, и вѣчно не замѣчающихъ надъ собою опеки. Базаровъ относится къ нему покровительственно, и почти всегда насмѣшливо; Аркадій часто споритъ съ нимъ, и въ этихъ спорахъ Базаровъ даетъ полную волю своему увѣсистому юмору. Аркадій не любитъ своего друга, а какъ то невольно подчиняется неотразимому вліянію сильной личности, и при томъ воображаетъ себѣ, что глубоко сочувствуетъ базаровскому міросозерцанію. Отношенія его къ Базарову чисто головныя, сдѣланныя на заказъ; онъ познакомился съ нимъ гдѣ нибудь въ студенческомъ кругу, заинтересовался цѣльностью его воззрѣній, покорился его силѣ, и вообразилъ себѣ, что онъ его глубоко уважаетъ и отъ души любитъ. Базаровъ, конечно, ничего не вообразилъ, и, нисколько не стѣсняя себя, позволилъ своему новому презантиту любить его, Базарова и поддерживать съ нимъ постоянныя отношенія. Поѣхалъ онъ съ нимъ въ деревню, не для того, чтобы доставить ему удовольствіе, и не для того, чтобы познакомиться съ семействомъ своего нареченнаго друга, а просто потому, что это было по дорогѣ, да и, наконецъ, отчего же не пожить недѣли двѣ въ гостяхъ у порядочнаго человека, въ деревнѣ, гдѣтъ, когда нѣтъ никакихъ отвлекающихъ занятій и интересовъ.

*

Деревня, въ которую прѣехали наши молодые люди, принадлежитъ отцу и дядѣ Аркадія. Отецъ его, Николай Петровичъ Кирсановъ—человѣкъ лѣтъ сорока съ небольшимъ; по складу характера онъ очень похожъ на своего сына. Но у Николая Петровича между его умственными убѣжденіями и природными наклонностями гораздо больше соотвѣтствія и гармоніи, чѣмъ у Аркадія. Какъ человѣкъ мягкій, чувствительный и даже сантиментальный, Николай Петровичъ не норывается къ рационализму и успокаивается на такомъ міросозерцаніи, которое даетъ пищу его воображенію и пріятно щекочетъ его нравственное чувство. Аркадій, напротивъ того, хочетъ быть сыномъ своего вѣка и напаливаетъ на себя идеи Базарова, которыя рѣшительно не могутъ съ нимъ сродиться. Онъ—самъ по себѣ, а идеи—сами по себѣ болтаются, какъ сюртукъ взрослога человѣка, надѣтый на десятилѣтняго ребенка. Даже та ребяческая радость, которая обнаруживается въ мальчикѣ, когда его шутя производятъ въ большіе, даже эта радость, говорю я, замѣтна въ нашемъ юномъ мыслителѣ съ чужаго голоса. Аркадій щеголяетъ своими идеями, старается обратить на нихъ вниманіе окружающихъ, думаетъ про себя: вотъ я какой молодецъ и увы, какъ дитя малое, неразумное, иногда проворачивается и доходитъ до явнаго противорѣчія съ самимъ собою и съ накладными своими убѣжденіями.

Дядя Аркадія, Павелъ Петровичъ, можетъ быть названъ Печоринымъ маленькихъ размѣровъ; онъ на своемъ вѣку пожурировалъ и подурачился, и наконецъ все ему надоѣло; пристроиться ему не удалось, да это и не было въ его характерѣ; добравшись до той поры, когда, по выраженію Тургенева, сожалѣнія похожи на надежды, и надежды похожи на сожалѣнія, бывший левъ удалился къ брату въ деревню, окружилъ себя изящнымъ комфортомъ, и превратилъ свою жизнь въ спокойное прозябаніе. Выдающимся воспоминаніемъ изъ прежней шумной и блестящей жизни Павла Петровича было сильное чувство къ одной великосвѣтской женщинѣ, чувство, доставившее ему много наслажденій, и вслѣдъ за тѣмъ, какъ бываетъ почти всегда, много страданій. Когда отношенія Павла Петровича къ этой женщинѣ оборвались, то жизнь его совершенно опустѣла.

«Какъ отравленный бродилъ онъ съ мѣста на мѣсто, говорить Тургеневъ; онъ еще выѣзжалъ, онъ сохранилъ всѣ привычки свѣтскаго человѣка, онъ могъ похвастаться двумя, тремя новыми побѣдами; но онъ уже не ждалъ ничего особеннаго ни отъ себя, ни отъ другихъ, и ничего не предпринималъ; онъ состарѣлся, посѣдѣлъ; сидѣть

но вечерамъ въ клубѣ, желчно скучать, равнодушно поспорить въ холостомъ обществѣ, стало для него потребностью—знакъ, какъ извѣстно, плохой. О женитьбѣ онъ, разумѣется, и не думалъ. Десять лѣтъ прошло такимъ образомъ, безцвѣтно, безплодно и быстро, страшно быстро. Нигдѣ время такъ не бѣжитъ, какъ въ Россіи: въ тюрьмѣ, говорятъ, оно бѣжитъ еще скорѣе. » Какъ человѣкъ желчный и страстный, одаренный гибкимъ умомъ и сильною волею, Павелъ Петровичъ рѣзко отличается отъ своего брата и отъ племянника. Онъ не поддается чужому влиянію; онъ самъ подчиняетъ себѣ окружающія личности и ненавидитъ тѣхъ людей, въ которыхъ встрѣчаетъ себѣ отпоръ. Убѣжденъ у него, по правдѣ сказать, не имѣется, но за то есть привычки, которыми онъ очень дорожитъ. Онъ по привычкѣ толкуетъ о правахъ и обязанностяхъ аристократіи, и по привычкѣ доказываетъ въ спорахъ необходимость *принциповъ*. Онъ привыкъ къ тѣмъ идеямъ, которыхъ держится общество, и стоитъ за эти идеи, какъ за свой комфортъ. Онъ терпѣть не можетъ, чтобы кто нибудь опровергалъ эти понятія, хотя въ сущности онъ не питаетъ къ нимъ никакой сердечной привязанности. Онъ гораздо энергичнѣе своего брата спорить съ Базаровымъ, а между тѣмъ Николай Петровичъ гораздо искреннѣе страдаетъ отъ его безпощаднаго отрицанія. Въ глубинѣ души Павелъ Петровичъ такой же скептикъ и эмпирикъ, какъ и самъ Базаровъ; въ практической жизни онъ всегда поступалъ и поступаетъ какъ ему вздумается, но въ области мысли онъ не умѣетъ признаться въ этомъ передъ самимъ собою, и потому поддерживаетъ на словахъ такія доктрины, которымъ постоянно противорѣчатъ его поступки. Дядѣ и племяннику слѣдовало бы помѣняться между собою убѣжденіями, потому что первый ошибочно приписываетъ себѣ вѣру въ *принципы*, второй точно также ошибочно воображаетъ себя крайнимъ скептикомъ и смѣлымъ рационалистомъ. Павелъ Петровичъ начинаетъ чувствовать къ Базарову сильнѣйшую антипатію съ перваго знакомства. Плебейскія манеры Базарова возмущаютъ отставнаго дядю; самоувѣренность и нецеремонность его раздражаютъ Павла Петровича, какъ недостатокъ уваженія къ его изящной особѣ. Павелъ Петровичъ видитъ, что Базаровъ не уступитъ ему преобладанія надъ собою, и это возбуждаетъ въ немъ чувство досады, за которое онъ ухватывается какъ за развлеченіе среди глубокой деревенской скуки. Ненавидя самаго Базарова, Павелъ Петровичъ возмущается всѣми его мнѣніями, придирается къ нему, пасивно вызываетъ его на споръ, и

спорить съ тѣмъ рьянымъ увлеченіемъ, которое обыкновенно обнаруживаютъ люди праздные и скучающіе.

А что же дѣлаетъ Базаровъ среди этихъ трехъ личностей. Во-первыхъ, онъ старается обращать на нихъ какъ можно меньше вниманія и большую часть своего времени проводитъ за работою; шляется по окрестностямъ, собираетъ растенія и насѣкомыхъ, рѣжетъ лягушекъ и занимается микроскопическими наблюденіями; на Аркадія онъ смотритъ какъ на ребенка, на Николая Петровича какъ на добродушнаго старичка, или, какъ онъ выражается, на старенькаго романтика. Къ Павлу Петровичу онъ относится не совсѣмъ дружелюбно; его возмущаетъ въ немъ элементъ барства, по онъ невольно старается скрывать свое раздраженіе подъ видомъ презрительнаго равнодушія. Ему не хочется сознаться передъ собою, что онъ можетъ сердиться на «уѣзднаго аристократа», а между тѣмъ страстная натура беретъ свое; онъ часто запальчиво возражаетъ на тирады Павла Петровича и не вдругъ успѣваетъ овладѣть собою и замкнуться въ свою насмѣшливую холодность. Базаровъ не любитъ ни спорить, ни вообще высказываться, и только Павелъ Петровичъ отчасти обладает умѣніемъ вызвать его на многозначительный разговоръ. Эти два сильные характера дѣйствуютъ другъ на друга враждебно; видя этихъ двухъ людей лицомъ къ лицу, можно себѣ представить борьбу, происходящую между двумя поколѣніями, непосредственно слѣдующими одно за другимъ. Николай Петровичъ, конечно, не способенъ быть угнетателемъ; Аркадій Николаевичъ, конечно, не способенъ вступить въ борьбу съ семейнымъ деспотизмомъ; но Павелъ Петровичъ и Базаровъ могли бы, при извѣстныхъ условіяхъ, явиться яркими представителями, первый—сковывающей, ледяной силы прошедшаго, второй—разрушительной, освобождающей силы настоящаго.

На чьей же сторонѣ лежатъ симпатіи художника? Кому онъ сочувствуетъ? На этотъ существенно важный вопросъ можно отвѣчать положительно, что Тургеневъ не сочувствуетъ вполнѣ ни одному изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ; отъ его анализа не ускользаетъ ни одна слабая или смѣшная черта; мы видимъ, какъ Базаровъ завирается въ своемъ отрицаніи, какъ Аркадій наслаждается своею развитостью, какъ Николай Петровичъ робѣетъ, какъ пятнадцатилѣтній юноша, и какъ Павелъ Петровичъ рисуется и злится, зачѣмъ на него не любитъ Базаровъ, единственный человѣкъ, котораго онъ уважаетъ въ самой ненависти своей.

Базаровъ завирается—это, къ сожалѣнію, справедливо. Онъ съ плеча отрицаетъ вещи, которыхъ не знаетъ или не понимаетъ; поэзія, по его мнѣнію, ерунда; читать Пушкина—потерянное время; заниматься музыкою—смѣшно; наслаждаться природою—нелѣпо. Очень можетъ быть, что онъ, человѣкъ затертый трудовою жизнью, потерялъ или не успѣлъ развить въ себѣ способность наслаждаться пріятнымъ раздраженіемъ зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ разумное основаніе отрицать или осмѣивать эту способность въ другихъ. Выкраивать другихъ людей на одну мѣрку съ собою значитъ впадать въ узкій умственный деспотизмъ. Отрицать совершенно произвольно ту или другую естественную и дѣйствительно существующую въ человѣкѣ потребность или способность—значитъ удаляться отъ чистаго эмпиризма.

Увлеченіе Базарова очень естественно; оно объясняется, во-первыхъ, односторонностью развитія, во-вторыхъ, общимъ характеромъ эпохи, въ которую намъ пришлось жить. Базаровъ основательно знаетъ естественныя и медицинскія науки; при ихъ содѣйствіи онъ выбилъ изъ своей головы всякіе предрассудки; затѣмъ, онъ остался человѣкомъ крайне необразованнымъ; онъ слышалъ кое-что о поэзіи, кое-что объ искусствѣ, не потрудился подумать, и съ плеча произнесъ приговоръ надъ незнакомыми ему предметами. Эта заносчивость свойственна намъ вообще; она имѣетъ свои хорошія стороны, какъ умственная смѣлость, но за то, конечно, приводитъ порою къ грубымъ ошибкамъ. Общій характеръ эпохи заключается въ практическомъ направленіи; мы всѣ хотимъ жить и придерживаемся того правила, что соловья баснями не кормятъ. Люди очень энергическіе часто преувеличиваютъ тенденціи, господствующія въ обществѣ; на этомъ основаніи, слишкомъ неразборчивое отрицаніе Базарова и самая односторонность его развитія стоятъ въ прямой связи съ преобладающими стремленіями къ осязательной пользѣ. Намъ надоѣли фразы гегелистовъ; у насъ закружилась голова отъ витанія въ заоблачныхъ высяхъ и многіе изъ насъ, отрезвившись и спустившись на землю, ударились въ крайность, и, изгоняя мечтательность, вмѣстѣ съ нею стали преслѣдовать простыя чувства и даже чисто физическія ощущенія, въ родѣ наслажденія музыкою. Большаго вреда въ этой крайности нѣтъ, но указать на нее не мѣшаетъ и назвать ее смѣшною вовсе не значитъ стать въ ряды обскурантовъ и старепкиихъ романтиковъ. Многіе изъ нашихъ реалистовъ возстанутъ на Тургенева за то, что онъ не со-

чувствуетъ Базарову и не скрываетъ отъ читателя промаховъ своего героя; многіе изъявляютъ желаніе, чтобы Базаровъ былъ выведенъ человѣкомъ образцовымъ, рыцаремъ мысли безъ страха и упрека, и что бы такимъ образомъ было доказано передъ лицомъ читающей публики несомнѣнное превосходство реализма надъ другими направленіями мысли. Да, реализмъ, по моему, вещь хорошая; но во имя этого же самаго реализма, не будемъ же идеализировать ни себя, ни нашего направленія. Мы смотримъ холодно и трезво на все, что насъ окружаетъ; посмотримъ же точно также холодно и трезво на самихъ себя; кругомъ чушь и глушь, да и у насъ самихъ не Богъ знаетъ, какъ свѣтло. Отрицаемое нелѣпо, да и отрицатели тоже дѣлаютъ порою капитальныя глупости; они все таки стоятъ неизмѣримо выше отрицаемаго, но тутъ еще честь больно невелика; стоять выше вопіющей нелѣпости не значитъ еще быть гениальнымъ мыслителемъ. Но мы, пишущіе и говорящіе реалисты, теперь слишкомъ увлечены умственной борьбою минуты, горячими схватками съ отсталыми идеалистами, съ которыми по настоящему не стоило бы даже спорить, мы, говорю я, слишкомъ увлечены, чтобы скептически отнестись къ самимъ себѣ и провѣрить строгимъ анализомъ, не провираемся ли мы въ пылу диалектическихъ сраженій, совершающихся въ журнальныхъ книжкахъ и во вседневной жизни. Къ намъ отнесутся скептически наши дѣти, или, можетъ быть, мы сами узнаемъ себѣ со временемъ настоящую цѣну, и посмотримъ à vol d'oiseau на теперешнія любимыя идеи. Тогда мы будемъ смотрѣть съ высоты настоящаго на прошедшее; Тургеневъ теперь смотритъ на настоящее съ высоты прошедшаго. Онъ не идетъ за нами; онъ спокойно смотритъ намъ въ слѣдъ, описываетъ нашу походку, рассказываетъ намъ, какъ мы ускоряемъ шаги, какъ прыгаемъ черезъ рытвины, какъ порою спотыкаемся на неровныхъ мѣстахъ дороги.

Въ тонѣ его описанія не слышно раздраженія; онъ просто усталъ идти; развитіе его личнаго міросозерцанія окончилось, но способность наблюдать за движеніемъ чужой мысли, понимать и воспроизводить все ея изгибы осталась во всей своей свѣжести и полнотѣ. Тургеневъ самъ никогда не будетъ Базаровымъ, но онъ вдумался въ этотъ типъ и понялъ его такъ вѣрно, какъ не пойметъ ни одинъ изъ нашихъ молодыхъ реалистовъ. Апострофы прошедшаго нѣтъ въ романѣ Тургенева. Авторъ «Рудина» и «Аси», разоблачившій слабости своего поколѣвія, и открывшій въ «Запискахъ Охотника» цѣлый міръ отече-

ственный диковиннокъ, дѣлавшихся на глазахъ этого самаго поколѣнія, остался вѣрять себѣ и не покривлять душою въ своемъ последнемъ произведеніи. Представители прошлаго, «отцы» изображены съ безпощадною вѣрностью; они люди хорошіе, но объ этихъ хорошихъ людяхъ не пожалѣеть Россія; въ нихъ нѣтъ ни одного элемента, который дѣйствительно стоило бы спасать отъ могилы и отъ забвенія, а между тѣмъ есть и такія минуты, когда этимъ отцамъ можно полнѣе сочувствовать, чѣмъ самому Базарову. Когда Нилолай Петровичъ любуется вечернимъ пейзажемъ, тогда онъ всякому непредубѣжденному читателю покажется человѣчнѣе Базарова, голословно отрицающаго красоту природы.

— И природа пустыки? проговорилъ Аркадій, задумчиво глядя вдаль на пестрыя поля, красиво и мягко освѣщенные уже невысокимъ солнцемъ.

— И природа пустыки въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее теперь понимаешь.

Природа не храмъ, а мастерская, и человекъ въ ней работникъ.

Въ этихъ словахъ у Базарова отрицаніе превращается во что-то искусственное и даже перестаетъ быть послѣдовательнымъ. Природа—мастерская, и человекъ въ ней—работникъ,—съ этою мыслью я готовъ согласиться; но, развивая эту мысль дальше, я никакъ не прихожу къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ приходитъ Базаровъ. Работнику надо отдыхать, и отдыхъ не можетъ ограничиться однимъ тяжелымъ сномъ послѣ утомительнаго труда. Человеку необходимо освѣжаться приятными впечатлѣніями, и жизнь безъ приятныхъ впечатлѣній, даже при удовлетвореніи всѣмъ насущнымъ потребностямъ, превращается въ невыносимое страданіе. Послѣдовательные матеріалисты, въ родѣ Карла Фохта, Мошота и Бюхнера, не отказываютъ поденщику въ чаркѣ водки, а достаточнымъ классамъ въ употребленіи наркотическихъ веществъ. Они смотрятъ свысходительно даже на нарушенія должной мѣры, хотя признаютъ подобныя нарушенія вредными для здоровья. Еслибы работникъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы въ свободныя часы лежать на спинѣ и глазѣть на стѣны и потолокъ своей мастерской, то тѣмъ болѣе всякій здравомыслящій человекъ сказалъ бы ему: глазѣй, любезный другъ, глазѣй, сколько душѣ угодно; здоровью твоему это не повредитъ, а въ рабочее время ты глазѣть не будешь, чтобы не надѣлать промаховъ. Отчего же, допуская употребленіе водки и наркотическихъ веществъ вообще, не допустить насла-

жденія красотою природы, мягкимъ воздухомъ, свѣжею зеленью, нѣжными переливами контуровъ и красокъ? Преслѣдуя романтизмъ, Базаровъ съ невѣроятною подозрительностью ищетъ его тамъ, гдѣ его никогда и не бывало. Вооружась противъ идеализма и разбивая его воздушные замки, онъ порою самъ дѣлается идеалистомъ, т. е. начинаетъ предписывать человѣку законы, какъ и чѣмъ ему наслаждаться, и къ какой мѣрѣ пригонять свои личныя ощущенія. Сказать человѣку: не наслаждайся природою—все равно, что сказать ему: умерщвляй свою плоть. Чѣмъ больше будетъ въ жизни безвредныхъ источниковъ наслажденія, тѣмъ легче будетъ жить на свѣтѣ, и вся задача нашего времени заключается именно въ томъ, чтобы уменьшить сумму страданій и увеличить силу и количество наслажденій. Многіе возразятъ на это, что мы живемъ въ такое тяжелое время, въ которомъ еще нечего думать о наслажденіи; наше дѣло, скажутъ они, работать, искоренять зло, сѣять добро, расчищать мѣсто для великаго зданія, въ которомъ будутъ пировать наши отдаленные потомки. Хорошо, я согласенъ съ тѣмъ, что мы поставлены въ необходимость работать для будущаго, потому что плоды всѣхъ нашихъ начинаній могутъ созрѣть только въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій; цѣль наша, положимъ, очень возвышенна, но эта возвышенность цѣли представляетъ очень слабое утѣшеніе въ житейскихъ передрыгахъ. Человѣку усталому и измученному врядъ ли станетъ весело и приятно отъ той мысли, что его прапраправнукъ будетъ жить въ свое удовольствіе. Въ тяжелыя минуты жизни утѣшаться возвышенностью цѣли—это, воля ваша, все равно, что пить неподслащенный чай, поглядывая на кусокъ сахара, привѣшенный къ потолку. Людямъ, не обладающимъ чрезмѣрною пылкостью воображенія, чай не покажется вкуснѣе отъ этихъ тоскливыхъ взглядовъ къ верху. Точно также жизнь, состоящая изъ однихъ трудовъ, окажется не по вкусу и не по силамъ современному человѣку. Поэтому, съ какой точки зрѣнія вы не посмотрите на жизнь, а все-таки выдетъ на повѣрку, что наслажденіе рѣшительно необходимо. Одни посмотрятъ на наслажденіе, какъ на конечную цѣль; другіе принуждены будутъ признать въ наслажденіи важнѣйшій источникъ силъ, необходимыхъ для работы. Въ этомъ будетъ заключаться вся разница между эпикурейцами и стойками нашего времени.

Итакъ, Тургеневъ никому и ничему въ своемъ романѣ не сочувствуетъ вполнѣ. Если бы сказать ему: Иванъ Сергѣевичъ, вамъ Базаровъ не нравится, чего же вамъ угодно? То онъ на этотъ вопросъ

не отвѣтилъ бы ничего. Онъ никакъ не пожелалъ бы молодому поколѣнію сойтись съ отцами въ понятіяхъ и влеченіяхъ. Его не удовлетворяютъ ни отцы, ни дѣти, и въ этомъ случаѣ его отрицаніе глубже и серьезнѣе отрицанія тѣхъ людей, которые, разрушая то, что было до нихъ, воображаютъ себѣ, что они—солъ земли, и чистѣйшее выраженіе полной человѣчности. Въ разрушеніи своемъ эти люди могутъ быть правы, но въ наивномъ самообожаніи, или въ обожаніи того типа, къ которому они себя причисляютъ, заключается ихъ ограниченность и односторонность. Такихъ формъ, такихъ типовъ, на которыхъ дѣйствительно можно было бы успокоиться и остановиться, еще не выработала, и, можетъ быть, никогда не выработаетъ жизнь. Тѣ люди, которые, отдаваясь въ полное распоряженіе какой бы то ни было господствующей теоріи, отказываются отъ своей умственной самостоятельности и замѣняютъ критику подобострастнымъ поклоненіемъ, оказываются людьми узкими, безсильными и часто вредными. Поступить такимъ образомъ способенъ Аркадій, но это совершенно невозможно для Базарона, и именно въ этомъ свойствѣ ума и характера заключается вся обаятельная сила тургеневскаго героя. Эту обаятельную силу понимаетъ и признаетъ авторъ, несмотря на то, что самъ онъ ни по темпераменту, ни по условіямъ развитія не сходится съ своимъ нигилистомъ. Скажу больше: общія отношенія Тургенева къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя составляютъ канву его романа, такъ спокойны и безпристрастны, такъ свободны отъ рабскаго поклоненія той или другой теоріи, что самъ Базаровъ не нашелъ бы въ этихъ отношеніяхъ ничего робкаго или фальшиваго. Тургеневъ не любитъ безпощаднаго отрицанія, и между тѣмъ личность безпощаднаго отрицателя выходитъ личностью сильною, и внушаетъ каждому читателю невольное уваженіе. Тургеневъ склоненъ къ идеализму, а между тѣмъ ни одинъ изъ идеалистовъ, выведенныхъ въ его романѣ, не можетъ сравниться съ Базаровымъ ни по силѣ ума, ни по силѣ характера. Я увѣренъ, что многіе изъ нашихъ журнальныхъ критиковъ захотятъ во что бы то ни стало увидать въ романѣ Тургенева затаенное стремленіе унизить молодое поколѣніе и доказать, что дѣти хуже родителей, но я точно также увѣренъ въ томъ, что непосредственное чувство читателей, не скованныхъ обязательными отношеніями къ теоріи, оправдаетъ Тургенева, и увидитъ въ его произведеніи не диссертацию на заданную тему, а вѣрную, глубоко прочувствованную, и безъ малѣйшей утайки нарисованную картину современной жизни. Еслибы на тур-

геневскую тему начал какойнибудь принадлежащій къ нашему молодому поколѣнію, и глубоко сочувствующій базаровскому направлению, тогда, конечно, картина вышла бы не такая, и краски были бы положены иначе. Базаровъ не былъ бы угловатымъ бураскомъ, господствующимъ надъ окружающими людьми естественною силою своего здороваго ума; онъ, можетъ быть, превратился бы въ воплощеніе тѣхъ идей, которыя составляютъ сущность этого типа; онъ, можетъ быть, представилъ бы намъ въ своей личности яркое выраженіе тенденцій автора, но врядъ ли онъ былъ бы равенъ Базарову въ отношеніи къ жизненной вѣрности и рельефности. Предполагаемый мною молодой художникъ говорилъ бы своимъ произведеніемъ, обращаясь къ сверстникамъ: вотъ, друзья мои, чѣмъ долженъ быть развитый человѣкъ! Вотъ конечная цѣль нашихъ стремленій! Что же касается до Тургенева, то онъ просто и спокойно говоритъ: вотъ какіе бываютъ теперь молодые люди! и при этомъ не скрываетъ даже того обстоятельства, что ему такіе молодые люди не совсѣмъ нравятся. Какъ же это можно, закричать многіе изъ нашихъ современныхъ критиковъ и публицистовъ. Это обскурантизмъ! Господа, можно было бы отвѣтить имъ, да что вамъ за дѣло до личнаго ощущенія Тургенева. Нравятся или не нравятся ему такіе люди,—это дѣло вкуса; вотъ если бы онъ, несочувствуя типу, клеветалъ бы на него, тогда каждый честный человѣкъ имѣлъ бы право вывести его на свѣжую воду, но подобной клеветы вы не найдете въ романѣ; даже угловатости Базарова, на которыя я уже обращалъ вниманіе читателя, объясняются совершенно удовлетворительно обстоятельствами жизни, и составляютъ, если не существенно необходимое, то по крайней мѣрѣ очень часто встрѣчающееся свойство людей базаровскаго типа. Намъ, молодымъ людямъ, было бы, конечно, пріятнѣе, если бы Тургеневъ скрылъ и скрасилъ неграціозныя шероховатости; но я не думаю, чтобы, потворствуя такимъ образомъ нашимъ пріхотливымъ желаніямъ, художникъ полнѣе охватилъ бы явленія дѣйствительности. Со стороны виднѣе достоинства и недостатки, и потому строго-критическій взглядъ на Базарова со стороны въ настоящую минуту оказывается гораздо плодотворнѣе, чѣмъ голословное восхищеніе или раболѣпное обожаніе. Взглянувъ на Базарова со стороны, взглянувъ такъ, какъ можетъ смотрѣть только человѣкъ «отставной», не причастный къ современному движенію идей, разсмотрѣвъ его тѣмъ холоднымъ, испытующимъ взглядомъ, который дается только долгимъ

опытомъ жизни, Тургеневъ оправдалъ Базарова и оцѣнилъ его по достоинству. Базаровъ вышелъ изъ испытанія чистымъ и крѣпкимъ. Противъ этого типа Тургеневъ не нашелъ ни одного существеннаго обвиненія, и въ этомъ случаѣ его голосъ, какъ голосъ человѣка, находящагося по лѣтамъ и по взгляду на жизнь въ другомъ лагерѣ, имѣеть особенно важное, рѣшительное значеніе. Тургеневъ не любилъ Базарова, но призналъ его силу, призналъ его перевѣсъ надъ окружающими людьми, и самъ принесъ ему полную дань уваженія.

Этого слишкомъ достаточно для того, чтобы снять съ романа Тургенева всякій, могущій возникнуть упрекъ въ отсталости направленія; этого достаточно даже для того, чтобы признать его романъ практически полезнымъ для настоящаго времени.

VI.

Отношенія Базарова къ его товарищу бросаютъ яркую полосу свѣта на его характеръ; у Базарова нѣтъ друга, потому что онъ не встрѣчалъ еще человѣка, «который бы не снасовалъ передъ нимъ»; Базаровъ одинъ, самъ по себѣ, стоитъ на холодной высотѣ трезвой мысли, и ему не тяжело это одиночество; онъ весь поглощенъ собою и работою; наблюденія и изслѣдованія надъ живою природою, наблюденія и изслѣдованія надъ живыми людьми наполняютъ для него пустоту жизни и застраховываютъ его противъ скуки. Онъ не чувствуетъ потребности въ какомъ нибудь другомъ человѣкѣ отыскать себѣ сочувствіе и пониманіе; когда ему приходитъ въ голову какая нибудь мысль, онъ просто высказывается, не обращая вниманія на то, согласны ли съ его мнѣніемъ слушатели, и пріятно ли дѣйствуютъ на нихъ его идеи. Чаще всего онъ даже не чувствуетъ потребности высказаться; думаетъ про себя, и нрѣдка роняетъ бѣглое замѣчаніе, которое обыкновенно съ почтительною жадностью подхватываютъ прозелиты и птенцы, подобныя Аркадію. Личность Базарова замыкается въ самой себѣ, потому что внѣ ея и вокругъ нея почти вовсе нѣтъ родственныхъ ей элементовъ. Эта замкнутость Базарова тяжело дѣйствуетъ на тѣхъ людей, которые желали бы отъ него нѣжности и соощительности, но въ этой замкнутости нѣтъ ничего искусственнаго и

предназначеннаго. Люди, окружающіе Базарова, ничтожны въ умственномъ отношеніи и никакимъ образомъ не могутъ расшевелить его, поэтому онъ и молчитъ, или говоритъ отрывочныя афоризмы, или обрываетъ начатый споръ, чувствуя его смѣшную бесполезность. Посадите взрослога человѣка въ одну комнату съ дюжиною ребятъ, и вы вѣроятно не найдете удивительнымъ, если этотъ взрослый не станетъ говорить съ своими товарищами по мѣсту жительства о своихъ человѣческихъ, гражданскихъ и научныхъ убѣжденіяхъ. Базаровъ не важничаетъ передъ другими, не считаетъ себя гениальнымъ человѣкомъ, непонятнымъ для своихъ современниковъ или соотечественниковъ; онъ просто принужденъ смотрѣть на своихъ знакомыхъ сверху внизъ, потому что эти знакомые приходится ему по колѣно; чтожь ему дѣлать? Вѣдь не садится же ему на полъ для того, чтобы сравниться съ ними въ ростѣ? Не прикидывается же ребенкомъ для того, чтобы дѣлать съ ребятами ихъ недозрѣлыя мысленія. Онъ поневолѣ остается въ уединеніе, и это уединеніе не тяжело для него потому, что онъ молодъ, крѣпокъ, занятъ кипучею работою собственной мысли. Процессъ этой работы остается въ тѣни; сомнѣваюсь, чтобы Тургеневъ былъ въ состояніи передать намъ описаніе этого процесса; чтобы изобразить его, надо самому пережить его въ своей головѣ, надо самому быть Базаровымъ, а съ Тургеневымъ этого не случалось, за это можно поручиться, потому что кто въ жизни своей хотя одинъ разъ, хоть въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ смотрѣлъ на вещи глазами Базарова, тотъ остается нигилистомъ на весь свой вѣкъ. У Тургенева мы видимъ только результаты, къ которымъ пришелъ Базаровъ, мы видимъ вѣшнюю сторону явленія, т. е. слышимъ, что говоритъ Базаровъ, и узнаемъ, какъ онъ поступаетъ въ жизни, какъ обращается съ разными людьми. Психологическаго анализа, связаннаго перечня мыслей Базарова мы не находимъ; мы можемъ только отгадывать, что онъ думалъ, и какъ формулировалъ передъ самимъ собою свои убѣжденія. Не посвящая читателя въ тайны умственной жизни Базарова, Тургеневъ можетъ возбудить недоумѣніе въ той части публики, которая не привыкла трудомъ собственной мысли дополнять то, что не договорено или не дорисовано въ произведеніи писателя. Невнимательный читатель можетъ подумать, что у Базарова нѣтъ внутренняго содержанія, и что весь его нигилизмъ состоитъ изъ сплетенія смѣлыхъ фразъ, выхваченныхъ изъ воздуха и не выработанныхъ самостоятельнымъ мышленіемъ. Можно сказать положительно, что самъ Тургеневъ не такъ понима-

еть своего героя, и только потому не слѣдуетъ за постепеннымъ развитіемъ и созрѣваніемъ его идей, что не можетъ и не находить удобнымъ передавать мысли Базарова такъ, какъ онѣ представляются его уму. Мысли Базарова выражаются въ его поступкахъ, въ его обращеніи съ людьми; онѣ просвѣчиваютъ, и ихъ разглядѣть не трудно, если только читать внимательно, группируя факты и отдавая себѣ отчетъ въ ихъ причинахъ.

Два эпизода окончательно дорисовываютъ эту замѣчательную личность: во-первыхъ, отношенія его къ женщинѣ, которая ему нравится; во-вторыхъ,—его смерть.

Я рассмотрю и то и другое, но сначала считаю лишнимъ обратитъ вниманіе на другія, второстепенныя подробности.

Отношенія Базарова къ его родителямъ могутъ однихъ читателей предрасположить противъ героя, другихъ—противъ автора. Первые, увлекаясь чувствительнымъ настроеніемъ, упрекнутъ Базарова въ черствости; вторые, увлекаясь привязанностью къ базаровскому типу, упрекнутъ Тургенева въ несправедливости къ своему герою, и въ желаніи выставить его съ невыгодной стороны. И тѣ, и другіе, по моему мнѣнію, будутъ совершенно неправы. Базаровъ дѣйствительно, не доставляетъ своимъ родителямъ тѣхъ удовольствій, которыхъ эти добрые старики ожидаютъ отъ его пребыванія съ ними, но между ними и его родителями нѣтъ ни одной точки соприкосновенія.

Отецъ его—старый уѣздный лекарь, совершенно опустившійся въ безцѣльной жизни бѣднаго помѣщика; мать его—дворяночка стараго покроя, вѣрящая во все примѣры и ужьющая только отлично готовить кушанье. Ни съ отцомъ, ни съ матерью Базаровъ не можетъ ни поговорить такъ, какъ онъ говоритъ съ Аркадіемъ, ни даже поспорить такъ, какъ онъ споритъ съ Павломъ Петровичемъ. Ему съ ними скучно, пусто, тяжело. Жить съ ними подъ одною кровлею онъ можетъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они не мѣшали ему работать. Имъ это, конечно, тяжело; иль онъ запугиваетъ, какъ существо изъ другаго міра, но ему—то что жъ съ этимъ дѣлать? Вѣдь это было бы безжалостно въ отношенія къ самому себѣ, если бы Базаровъ захотѣлъ посвятить два, три мѣсяца на то, чтобы потѣшить своихъ стариковъ; для этого ему надо было бы отложить въ сторону всякія занятія и цѣлыми днями просияживать съ Васиіемъ Ивановичемъ, и съ Ариною Влаасьевною, которые на радостяхъ болтали бы всякій вадоръ, приплетая каждый по своему и уѣздныя сплетни, и

городскіе слухи, и замѣчанія объ урожаѣ, и рассказы какой нибудь юродивой, и латинскія сентенціи изъ стараго медицинскаго трактата. Человѣкъ молодой, энергическій, полный своею личною жизнью не выдержалъ бы двухъ дней подобной идилліи, и, какъ угорѣлый, вырвался бы изъ этого тихаго уголка, гдѣ его такъ любятъ, и гдѣ ему такъ страшно надоѣдаютъ. Не знаю, хорошо ли бы себя почувствовали старики Базаровы, если бы, послѣ двухъ-суточного блаженства, они услышали отъ своего ненагляднаго сына, что непредвидѣнные обстоятельства принуждаютъ его уѣхать. Не знаю вообще какими образомъ Базаровъ могъ бы исполнить удовлетворить требованіямъ своихъ родителей, не отказываясь совершенно отъ своего личнаго существованія. Если же, такъ или иначе, ему непремѣнно пришлось бы оставить ихъ неудовлетворенными, тогда не изъ чего было возбуждать въ нихъ такіа надежды, которыя не могли осуществиться. Когда два человѣка, любящіе другъ друга или связанные между собою какими нибудь отношеніями, расходятся между собою въ образованіи, въ идеяхъ, въ наклонностяхъ и привычкахъ, тогда разладъ и страданіе той или другой стороны, а иногда обѣихъ имѣеть, дѣлаются до такой степени неизбежными, что становится даже бесполезнымъ хлопотать объ ихъ устраненіи. Но родители Базарова страдаютъ отъ этого разлада, а Базаровъ и въ усъ не дуетъ; это обстоятельство естественно располагаетъ сострадательнаго читателя въ пользу стариковъ; иной скажетъ даже: зачѣмъ онъ ихъ мучаетъ? Вѣдь они его такъ любятъ! А чѣмъ же позвольте васъ спросить, онъ ихъ мучаетъ? Тѣмъ что ли, что онъ не вѣритъ въ принятые, или скучаетъ отъ ихъ болтовни. Да какъ же ему вѣрить—то, и какъ же не скучать? Если бы самый близкій мнѣ человѣкъ сокрушался бы отъ того, что во мнѣ слишкомъ два съ половиною, а не полтора аршина роста, то я при всемъ моемъ желаніи не могъ бы его утѣшить; вѣроятно даже я не сталъ бы утѣшать его, а просто пожалъ бы плечами и отошелъ бы въ сторону. Предвижу впрочемъ одно, довольно курьезное обстоятельство: если бы Базаровъ также страдалъ отъ невозможности сойтись съ своими родителями, то сострадательные читатели помирись бы съ нимъ и посмотрѣли бы на него, какъ на несчастную жертву историческаго процесса развитія. Но Базаровъ не страдаетъ, и потому многіе на него накинутся, и съ негодованіемъ назовутъ его безчувственнымъ человѣкомъ. Эти многіе очень дорожатъ красотою чувства, хотя эта красота не имѣеть никакого практичес-

каго значенія. Страданіе отъ разединенія съ родителями кажется имъ чертою, необходимою для красоты чувства, и потому они требуютъ, чтобы Базаровъ страдалъ, не обращая вниманія на то, что это нисколько не поправило бы дѣла, и что Василю Ивановичу и Аринѣ Власьевѣ отъ этого никакъ не было бы легче. Если же отношенія Базарова къ его родителямъ могутъ повредить ему только во мнѣніи сочувствующихъ читателей, то Тургеневъ нельзя упрекнуть въ несправедливости или въ утрировкѣ, потому что тѣмъ людямъ, у которыхъ чувствительность беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ критикою ума, вообще не понравятся всѣ существенныя, основныя черты базаровскаго типа. Имъ не понравится ни трезвость мысли, ни безпошадность критики, ни твердость характера, не понравились бы имъ эти свойства даже въ томъ случаѣ, когда бы авторъ романа написалъ этимъ свойствамъ восторженный панегирикъ; слѣдовательно тутъ, какъ и вездѣ, не художественная обработка, а самый матеріалъ, самое явленіе дѣйствительности возбудило бы непріязненные чувства. Изображая отношенія Базарова къ старикамъ, Тургеневъ вовсе не превращается въ обвинителя, умышленно подбрасывающаго мрачныя краски; онъ остается по прежнему искреннимъ художникомъ и изображаетъ явленіе, какъ оно есть, не подслащая и не скрашивая его по своему произволу. Самъ Тургеневъ, можетъ быть, по своему характеру подходитъ къ сочувствующимъ людямъ, о которыхъ я говорилъ выше; онъ порою увлекается сочувствіемъ къ названной, почти не сознанной грусти старухи матери, и къ сдержанному, стыдливому чувству старика отца, увлекается до такой степени, что почти готовъ корить и обвинять Базарова; но въ этомъ увлеченіи нельзя искать ничего преднамѣреннаго и рассчитаннаго. Въ немъ сказывается только любящая натура самаго Тургенева, и въ этомъ свойствѣ его характера трудно найти что нибудь предосудительное. Тургеневъ не виноватъ въ томъ, что жалѣетъ бѣдныхъ стариковъ, и даже сочувствуетъ ихъ непоправимому горю. Тургеневу не резонъ скрывать свои симпатіи въ угоду той или другой психологической или социальной теоріи. Эти симпатіи не заставляютъ его кривить душою и уродовать дѣйствительность, слѣдовательно, онъ не вредитъ ни достоинству романа, ни личному характеру художника.

VII.

Базаровъ съ Аркадіемъ отправляются въ губернской городъ, по приглашенію одного родственника Аркадія, и встрѣчаются съ двумя, въ высшей степени типичными личностями. Эти личности—юноша Ситниковъ и молодая дама Кукшина представляютъ великолѣпно исполненную каррикутуру безмозглаго прогрессиста и по русски эманципированной женщины. Ситниковыхъ и Кукшиныхъ у насъ развелось въ последнее время безчисленное множество; хватиться чужихъ фразъ, исковеркать чужую мысль и нарядиться прогрессистомъ теперь такъ же легко и выгодно, какъ при Петрѣ было легко и выгодно нарядиться европейцемъ. Истинныхъ прогрессистовъ, т. е. людей дѣйствительно умныхъ, образованныхъ и добросовѣстныхъ у насъ очень немного; порядочныхъ и развитыхъ женщинъ еще того меньше, но зато не перечесть того несмѣтнаго количества разнокалиберной свалоты, которая тѣшится прогрессивными фразами, какъ модною вещью, или драпируется въ нихъ, что-бы закрыть свои пошленькія неполюзованія. У насъ можно сказать, что всякій пустомеля смотритъ прогрессистомъ, лѣзетъ въ передовые люди, создаетъ изъ чужихъ лоскутьевъ свою теорію, и даже часто смилится заявить о ней въ литературу. Русскій Вѣстникъ смотритъ на это обстоятельство съ сердечнымъ прискорбіемъ, которое часто переходитъ въ крикливое негодованіе. Это крикливое негодованіе вызываетъ себѣ отпоръ.

— Что вы дѣлаете? говорятъ многіе Русскому Вѣстнику. Вы ругаете прогрессистовъ, вы вредите дѣлу и идеѣ прогресса. Русскій Вѣстникъ вѣроятно съ особеннымъ наслажденіемъ принялъ на свои страницы тѣ сцены романа Тургенева, въ которыхъ дѣйствуютъ Ситниковъ и Кукшина: вотъ, думаетъ онъ, всѣ псевдо-прогрессисты съ ужасомъ и съ отвращеніемъ оглянутся на самихъ себя! Многіе изъ литературныхъ противниковъ Русскаго Вѣстника съ ожесточеніемъ накинутся на Тургенева за эти сцены. Онъ осмѣиваетъ нашу святую, закричатъ они съ неистовыми жестами. Онъ идетъ противъ насъ правленія вѣка, противъ свободы женщины. Этотъ споръ между сторонниками и противниками Русскаго Вѣстника, какъ вообще многіе литературные и нелитературны споры, вовсе не касается того предмета, по поводу котораго горячатся споряція стороны. Какъ негодова-

ніе Русскаго Вѣстника противъ Ситниковыхъ, такъ и негодованіе многихъ журналовъ противъ возгласовъ Русскаго Вѣстника не имѣютъ ни малѣйшаго смысла. Негодованіе противъ глупости и подлости вообще понятно, хотя впрочемъ оно такъ же плодотворно, какъ негодованіе противъ осенней сырости, или зимняго холода. Но негодованіе противъ той формы, въ которой выражается глупость или подлость, дѣлается уже совершенно нелѣпнымъ. Ни правительственныя распоряженія, ни литературныя теоріи никогда не уничтожаютъ глухихъ и мелкихъ людей; эти глухые и мелкіе люди надѣваются на себя тотъ или другой костюмъ, но никакой головной уборъ не можетъ закрыть ихъ осланными ушами. Чѣмъ бы ни былъ Ситниковъ — байронистомъ (вродѣ Грушицкаго) гегелистомъ (вродѣ Шамилова) или нигилистомъ (каковъ онъ и есть), онъ все-таки останется пошлымъ человекомъ. Слѣдовательно, не все ли равно, какъ онъ себя величаетъ, консерваторомъ, прогрессистомъ. Всего лучше то положеніе, которое дѣлаетъ глупаго человѣка по возможности безвреднымъ, а надо сказать правду, что глухой прогрессистъ принадлежитъ къ числу наиболее безвредныхъ созданій. Въ былые годы Ситниковъ былъ бы способенъ изъ удалства бить на почтовыхъ станціяхъ ямщиковъ; теперь онъ уже откажетъ себѣ въ этомъ удовольствіи, потому что это не принято, и потому что я-де прогрессистъ. Ужъ и это хорошо, и за то спасибо отечественному прогрессу. Противъ чего же тутъ негодовать, и отчего же не позволить Ситникову величать себя прогрессистомъ и дѣятелемъ? Кому это вредитъ? Кому отъ этого больно? Но только, конечно, надо знать Ситниковымъ ихъ настоящую цѣну, и не надо ожидать чудесъ гражданской и человѣческой доблести отъ такого общества, въ которомъ большая половина сама не знаетъ того, что она говоритъ, и чего хочетъ. Поэтому художникъ, рисующій передъ нашими глазами поразительно живую карикатуру, осмѣивающій искаженія великихъ и прекрасныхъ идей, заслуживаетъ нашей полной признательности. Многія идеи сдѣлались халачею монетою и, путешествуя изъ рукъ въ руки, потемнѣли и потерялись, какъ старый полтинникъ; на идею валать то, что принадлежитъ исключительно ея уродливому проявленію, то, что пристало къ ней случайно, отъ прикосновенія грязныхъ рукъ; чтобы очистить идею, надо представить уродливое проявленіе во всей его уродливости, и такимъ образомъ строго отдѣлать основную сущность отъ произвольныхъ примѣсей. Между Кукшиной и эманципациею женщины нѣтъ ничего общаго, между Са-

*

тниковымъ и гуманнѣйшими идеями XIX вѣка нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Назвать Ситникова и Кукшину порожденіемъ времени было бы въ высокой степени нелѣпо. Оба они заимствовали у своей эпохи только верхнюю драпировку, и эта драпировка все-таки лучше всего остальнаго ихъ умственного достоянія. Стало быть, какой же смыслъ будетъ имѣть негодованіе теоретиковъ противъ Тургенева за Кукшину и Ситникова? Что же, было бы лучше, если бы Тургеневъ представилъ русскую женщину, эмансипированную въ лучшемъ смыслѣ этого слова и молодаго человѣка, проникнутаго высокими чувствами гуманности? Да вѣдь это было бы пріятное самообольщеніе! Это была бы сладкая ложь, и къ тому же, ложь, въ высшей степени неудачная. Спрашивается, откуда бы взялъ Тургеневъ красокъ для изображенія такихъ явленій, которыхъ нѣтъ въ Россіи и для которыхъ въ русской жизни нѣтъ ни почвы, ни простора? И какое значеніе имѣла бы эта произвольная выдумка? Вѣроятно возбудила бы въ нашихъ мужчинахъ и женщинахъ добродѣтельное желаніе подражать столь высокимъ образцамъ нравственнаго совершенства!... Нѣтъ, скажутъ противники Тургенева, пусть авторъ не выдумываетъ небывалыхъ явленій! Пусть онъ только разрушаетъ старое, гнилое, и не трогаетъ тѣхъ идей, отъ которыхъ мы ожидаемъ обильныхъ, благотворительныхъ результатовъ. Ахъ! да, это понятно; это значить: нашихъ не тронь! Да какъ же, господа, не трогать, если въ числѣ нашихъ много дрянн, если фиржою многихъ идей пользуются тѣ самые негодяи, которые, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были Чичиковыми, Нодревыми, Молчаливыми и Хлестаковыми? Неужели не трогать ихъ въ награду за то, что они перелбывали на нашу сторону, неужели поощрять ихъ за ренегатство подобно тому, какъ въ Турціи поощряютъ за пріятіе исламизма? Нѣтъ, это было бы слишкомъ нелѣпо. Мнѣ кажется, идеи нашего времени слишкомъ сильны своимъ собственнымъ внутреннимъ значеніемъ, чтобы нуждаться въ некускусвенной подпоркѣ. Пусть принимаетъ эти идеи только тотъ, кто дѣйствительно убѣжденъ въ ихъ вѣрности, и пусть онъ не думаетъ, что титулъ прогрессиста самъ по себѣ, подобно индульгенціи, покрываетъ грѣхи прошедшаго, настоящаго и будущаго. Ситниковы и Кукшины всегда останутся смѣшными личностями; ни одинъ благообразный человѣкъ не порадуется тому, что онъ стоитъ съ ними подъ однимъ знаменемъ, и въ то же время не припишетъ ихъ уродливости тому девизу, который написанъ на знамени. Посмотрите, какъ обращается Базаровъ съ этими идиотами; онъ, по приглашенію Ситникова,

заходить къ Кукшиной, съ цѣлью посмотрѣть людей, завтракаетъ, ѣсть шампанское, не обращаетъ никакого вниманія на усилія Ситникова блеснуть смѣлостью мысли, и на усилія Кукшиной вызвать его, Базарова, на умный разговоръ, и наконецъ уходитъ, даже не простившись съ хозяйкой.

«Ситниковъ выскочилъ вслѣдъ за ними.

— Ну что, ну что, спрашивалъ онъ, подобострастно забѣгая то справа, то слѣва: вѣдь я говорилъ вамъ: замѣчательная личность! Вотъ какихъ бы намъ женщинъ побольше? Она въ своемъ родѣ высоко нравственное явленіе!

— А это заведеніе *твоего* отца тоже нравственное явленіе? промолвилъ Базаровъ, ткнувъ пальцемъ на кабакъ, мимо котораго они въ это мгновеніе проходили,

Ситниковъ опять засмѣялся съ визгомъ. Онъ очень стыдился своего происхожденія, и не зналъ, чувствовать ли ему себя польщеннымъ или обиженнымъ отъ неожиданнаго тыканья Базарова».

VIII.

Въ городѣ Аркадій знакомится на балѣ у губернатора съ молодою вдовою, Анною Сергѣевною Одинцовой; онъ танцуетъ съ нею мазурку, между прочимъ заговариваетъ съ нею о своемъ другѣ Базаровѣ и заинтересовываетъ ее восторженнымъ описаніемъ его смѣлаго ума и рѣшительнаго характера. Она приглашаетъ его къ себѣ и проситъ привести съ собою Базарова. Базаровъ замѣтившій ее, какъ только она появилась на балѣ, говоритъ о ней съ Аркадіемъ, невольно усиливая обыкновенный цинизмъ своего тона, отчасти для того, чтобы скрыть и отъ себя, и отъ своего собесѣдника впечатлѣніе, произведенное на него этою женщиною. Онъ съ удовольствіемъ соглашается пойти къ Одинцовой виѣстѣ съ Аркадіемъ, и объясняетъ себѣ и ему это удовольствіе надеждою завести пріятную интригу. Аркадія, не преминувшаго влюбиться въ Одинцову, коробитъ отъ шутившаго тона Базарова, а Базаровъ, конечно, не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія, продолжаетъ толковать о красивыхъ плечахъ Одинцовой, спрашиваетъ у Аркадія действительно ли эта барыня—ой, ой, ой? говоритъ, что въ

тихомъ омутѣ черти водятся, и что холодныя женщины—все равно, что мороженое. Подходя къ квартирѣ Одинцовой, Базаровъ чувствуетъ нѣкоторое волненіе, и, желая переломить себя, въ началѣ визита, ведетъ себя неестественно развязно, и, по замѣчанію Тургенева, разваливается въ креслѣ не хуже Ситникова. Одинцова замѣчаетъ волненіе Базарова, отчасти отгадываетъ его причину, успокаиваетъ нашего героя ровною и тихою пріятливостью обращенія и часа три проводитъ съ молодыми людьми въ неторопливой, разнообразной и живой бесѣдѣ. Базаровъ обращается съ нею особенно почтительно; видно, что ему не все равно, какъ объ немъ подумаютъ и какое онъ произведетъ впечатлѣніе; онъ, противъ обыкновенія, говоритъ довольно много, старается занять свою собесѣдницу, не дѣлаетъ рѣзкихъ выходовъ, и даже, осторожно держась вѣнъ круга общихъ убѣжденій и воззрѣній, толкуетъ о ботаникѣ, о медицинѣ и другихъ, хорошо извѣстныхъ ему предметахъ. Прощаясь съ молодыми людьми, Одинцова приглашаетъ ихъ къ себѣ въ деревню. Базаровъ въ знакъ согласія молча кланяется и при этомъ краснѣетъ. Аркадій все это замѣчаетъ и всему этому удивляется. Послѣ этого перваго свиданія съ Одинцовой, Базаровъ пробуетъ по прежнему говорить объ ней шутливымъ тономъ, но въ самомъ дннизшѣ его выраженій сказывается какое-то невольное, застенное уваженіе. Видно, что онъ любитъ эту женщину и желаетъ съ нею сблизиться; шутитъ онъ на ея счетъ потому, что ему не хочется говорить серьезно съ Аркадіемъ ни объ этой женщинѣ, ни о тѣхъ новыхъ ощущеніяхъ, которыя онъ замѣчаетъ въ самомъ себѣ. Базаровъ не могъ полюбить Одинцову съ перваго взгляда, или послѣ перваго свиданія; такъ вообще влюблялись только очень пустые люди въ очень плохихъ романахъ. Ему просто понравилось ея красивое, или, какъ онъ самъ выражается, богатое тѣло; разговоръ съ нею не нарушилъ общей гармоніи впечатлѣнія, и этого на первый разъ было достаточно, чтобы поддержать въ немъ желаніе узнать ее покороче. Базаровъ не составлялъ себѣ никакихъ теорій о любви. Его студенческіе годы, о которыхъ Тургеневъ не говоритъ ни слова, вѣроятно не обошлись безъ походовъ по сердечной части; Базаровъ, какъ мы увидимъ впоследствии, оказывается опытнымъ человѣкомъ, но по всей вѣроятности онъ имѣлъ дѣло съ женщинами совершенно неразвитыми, далеко не изящными, и, следовательно, не способными сильно заинтересовать его умъ, или повзвуть его нервы. Онъ и на женщинъ привыкъ смотрѣть сверху.

внѣ; встрѣчаясь съ Одинцовой, онъ видитъ, что можетъ говорить съ нею, какъ равный съ равнымъ, и предчувствуетъ въ ней долю того гибкаго ума и твердаго характера, который онъ сознаетъ и любитъ въ своей особѣ. Говоря между собою, Базаровъ и Одинцова, въ умственномъ отношеніи, умѣютъ какъ-то смотрѣть другъ другу въ глаза, черезъ голову итенца Аркадія, и эти задатки взаимнаго пониманія доставляютъ пріятныя ощущенія обоимъ дѣйствующимъ лицамъ. Базаровъ видитъ изящную форму и невольно любитъ ее; подъ этою изящною формою онъ отгадываетъ самородную силу, и безотчетно начинаетъ уважать эту силу. Какъ чистый эмпирикъ, онъ наслаждается пріятнымъ ощущеніемъ, и постепенно втягивается въ это наслажденіе, и втягивается до такой степени, что, когда приходитъ время оторваться, тогда оторваться уже становится тяжело и больно. У Базарова въ любви нѣтъ анализа, потому что нѣтъ недовѣрія къ самому себѣ. Онъ ѣдетъ въ деревню къ Одинцовой съ любопытствомъ, и безъ малѣйшей боязни, потому что хочется присмотрѣться къ этой миловидной жрицѣ, хочется быть съ нею вмѣстѣ, провести пріятно нѣсколько дней. Въ деревнѣ незамѣтно проходитъ пятнадцать дней; Базаровъ много говоритъ съ Анною Сергѣевною, спорить съ нею, высказывается, раздражается, и наконецъ привязывается къ ней какою-то злобною, мучительною страстью. Такую страсть всего чаще внушаютъ энергическимъ людямъ женщины красивыя, умныя, и холодныя. Красота женщины волнуетъ пръвѣе ея обожателя; умъ ея даетъ ей возможность понимать голову и обсуживать тонкимъ психическимъ зрѣніемъ такія чувства, которыхъ она сама не раздѣляетъ и которыми даже не сочувствуетъ; холодность застраховываетъ ее противъ увлеченія, и, усиливая препятствія, вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ въ мужчине желаніе преодолѣть ихъ. Глядя на такую женщину, мужчина невольно думаетъ: она такъ хороша, она такъ умно говоритъ о чувствѣ, порою такъ оживляется, высказывая свои тонкія психологическія замѣчанія, или выслушавъ мои горячо-прочувствованныя рѣчи. Отчего же въ ней такъ упорно молчатъ чувственность? Какъ затронуть ее за живое? Неужели вся жизнь ея сосредоточена въ головномъ мозгу? Неужели она только тѣнится впечатлѣніями и не способна ими увлечься? Время уходитъ въ напряженныхъ усиліяхъ распутать живую загадку; голова работаетъ вмѣстѣ съ чувственностью; являются тяжелыя, мучительныя ощущенія; весь романъ отношенія между мужчиною и женщиною принимаетъ какой-сграницы характеръ борьбы. Знакомая

съ Одинцовой, Базаровъ думалъ развлечься пріятною шуткою; увидяши ее покороче, онъ почувствовалъ къ ней уваженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ увидалъ, что надежды на успѣхъ очень мало; если бы онъ не успѣлъ привязаться къ Одинцовой, тогда онъ просто махнулъ бы рукою и тотчасъ утѣшился бы практическимъ замѣчаніемъ, что земля не клиномъ сошлась, и что на свѣтѣ много такихъ женщинъ, съ которыми легко справиться; онъ попробовалъ и тутъ поступить такимъ образомъ, но махнуть рукою на Одинцову у него не хватило смѣли. Практическое благоразуміе совѣтовало ему бросить все дѣло и убраться, чтобы не томить себя понапрасну, а жажда наслажденія говорила противъ практическаго благоразумія, и Базаровъ оставался, и злился, и сознавалъ, что дѣлаетъ глупость, и все таки продолжалъ ее дѣлать; потому что желаніе пожить въ свое удовольствіе было сильнѣе желанія быть послѣдовательнымъ. Эта способность дѣлать сознательныя глупости составляетъ завидное преимущество людей сильныхъ и умныхъ. Человѣкъ безстрастный и сухой поступаетъ всегда такъ, какъ велитъ поступать логическія выкладки; человѣкъ робкій и слабый старается обмануть себя софизмами и увѣрить себя въ правотѣ своихъ желаній или поступковъ; но Базаровъ не нуждается въ подобныхъ фокусахъ; онъ прямо говоритъ себѣ: это глупо, а поступаю я все таки такъ, какъ мнѣ хочется, и ломать себя не хочу. Когда явится необходимость, тогда успѣю и смѣю повернуть самого себя какъ слѣдуетъ. Цѣльная, крѣпкая натура сказывается въ этой способности самъ себя увлекаться; здоровый, неподкупный умъ выражается въ этомъ умѣи назвать глупостью то самое увлеченіе, которое въ данную минуту охватываетъ весь организмъ.

Отношенія Базарова съ Одинцовой кончаются тѣмъ, что между ними происходитъ странная сцена. Она вызываетъ его на разговоръ о счастья и любви, она, съ любезитствомъ, свойственнымъ холоднымъ и умнымъ женщинамъ выспрашиваетъ у него, что въ немъ происходитъ, она вытягиваетъ изъ него признаніе въ любви, она съ отѣнкомъ невольной нѣжности произноситъ его имя, потомъ, когда онъ, ошеломленный внезапнымъ притокомъ ощущеній и новыми надеждами, бросается къ ней и прижимаетъ ее къ груди, она же отскакиваетъ съ испугомъ на другой конецъ комнаты и увѣряетъ его, что онъ ее не такъ понялъ, что онъ ошибся.

Базаровъ уходитъ изъ комнаты и тѣмъ кончаются отношенія. Онъ уѣзжаетъ на другой день послѣ этого происшествія, потому что свидѣлся.

два: два съ Анной Сергѣевной, даже гостить у нея вѣстѣ съ Аркадіемъ, но для него и для нея прошедшія событія оказываются дѣйствительно невозкресимымъ прошедшимъ, и они смотрятъ другъ на друга спешно и говорятъ между собою тономъ разсудительныхъ и солидныхъ людей. А между тѣмъ Базарову грустно смотрѣть на отношенія съ Одинцовою какъ на пережитой эпизодъ; онъ любитъ ея, и, не давая себѣ воли ныть, страдать и разыгрывать несчастнаго любовника, становится однако какъ-то неровень въ своемъ образѣ жизни, то бросается на работу, то впадаетъ въ бездѣйствіе, то просто скушаетъ и брызжитъ на окружающихъ людей. Высказаться онъ ни передъ кѣмъ не хочетъ, да онъ и самъ передъ собою не сознается въ томъ, что чувствуетъ что-то похожее на тоску и на утомленіе. Онъ какъ-то злится и окисляется отъ этой неудачи, ему досадно думать, что счастье поманило его и прошло мимо, и досадно чувствовать, что это событіе производитъ на него впечатлѣніе. Все это скорее перерабаталось бы въ его организмъ; онъ принялся бы за дѣло, выругалъ бы самымъ энергичнейшимъ образомъ пропалый романтизмъ и непротупную барыню, водившую его за носъ, и зажилъ бы по прежнему, занимаясь рѣзаніемъ лягушекъ и ухаживая за менте непобдиными прасавицами. Но Тургеневъ не вывелъ Базарова изъ тяжелаго настроенія. Базаровъ внезапно умираетъ, конечно, не отъ огорченія, и романъ оканчивается явл. вѣрнѣе, рѣже и неожиданно обрывается.

Въ то время, какъ Базаровъ хандритъ въ деревнѣ своего отца, Аркадій, влюбившійся также въ Одинцову со времени губернаторскаго бала, но не успѣвшій даже заинтересовать ее, сближается съ ея сестрою, Катериною Сергѣевною, 18-ти лѣтнею дѣвушкою и, самъ того не замѣчая, привязывается къ ней, забываетъ свою прежнюю страсть и наконецъ дѣлаетъ ей предложеніе. Она соглашается, Аркадій женится на ней и вотъ, когда онъ уже объявленъ женихомъ, между ними и Базаровымъ, ухаживающимъ къ своему отцу, происходитъ слѣдующій пороткѣй, но выразительный разговоръ.

«Аркадій бросился на меня къ своему бывшему наставнику и другу, и слезы такъ и брызнули у него изъ глазъ.

— Что значить молодость! произнесъ спешно Базаровъ, да и на Катерину Сергѣевну надѣюсь. Посмотри, какъ живо она тебя утѣшаетъ.

— Прощай, братъ! сказалъ онъ Аркадію, уже взобравшись на те-

лѣгу, и, указавъ на пару галокъ, сидѣвшихъ рядомъ на краѣхъ комода, прибавилъ: — вотъ тебѣ, изучай!

— Это что значитъ? спросилъ Аркадій.

— Какъ? Развѣ ты такъ плохъ въ естественной исторіи или забылъ, что галка самая почтенная, семейная птица? Тебѣ пришло!.. Прощайте, сивѣоры!

Телѣга задрезжалась и покатилась.

Да, Аркадій, по выраженію Базарова, попалъ въ галки, и прямо изъ-подъ вліянія своего друга перешелъ подъ мягкую власть своей юной супруги. Но, какъ бы то ни было, Аркадій свилъ себѣ гнѣздо, нашелъ себѣ кой-какое счастье, а Базаровъ остался бездомнымъ, не согрѣтымъ скитальцемъ. И это не прихоть романиста! Это не случайное обстоятельство. Если вы, господа, сколько нибудь понимаете характеръ Базарова, то вы принуждены будете согласиться, что такого человѣка пристроить очень мудро, и что онъ не можетъ, не измѣнившись въ основныхъ чертахъ своей личности, сдѣлаться добродѣтельнымъ семьяниномъ. Базаровъ можетъ полюбить только женщину очень умную; полюбивши женщину, онъ не подчинитъ свою любовь никакимъ условіямъ; онъ не станетъ охлаждать и сдерживать себя, и точно также не станетъ искусственно подогревать своего чувства, когда оно остынетъ послѣ полного удовлетворенія. Онъ не способенъ поддерживать съ женщиною обязательныя отношенія; его искрення и дѣльная натура не подается на компромиссы и не дѣлаетъ уступокъ; онъ не покупаетъ расположеніе женщины известными обязательствами; онъ беретъ его тогда, когда оно дается ему совершенно добровольно и безусловно. Но умныя женщины у насъ обыкновенно бываютъ осторожны и расчетливы. Ихъ зависимое положеніе заставляетъ ихъ бояться общественнаго мнѣнія и не давать воли своимъ влеченіямъ. Ихъ страшитъ неизвѣстное будущее, имъ хочется застраховать его, и потому рѣдкая умная женщина рѣшится броситься на шею къ любимому мужчине, не связавъ его предварительно крѣпкимъ обѣщаніемъ передъ лицомъ общества и церкви. Игтя дѣло съ Базаровымъ, эта умная женщина пойметъ очень скоро, что никакое крѣпкое обѣщаніе не свяжетъ необузданной воли этого своенравнаго человѣка и что его нельзя обязать быть хорошимъ мужемъ и нѣжнымъ отцомъ семейства. Она пойметъ, что Базаровъ или вовсе не дастъ никакого обѣщанія, или, давши его въ минуту полного увлеченія, нарушитъ его тогда, когда это увлеченіе разсѣется. Словомъ, она пойметъ, что чувство Базаро-

ва свободно и останется свободнымъ, не смотря ни на какія клятвы и контракты. Чтобы не отшатнуться отъ неизвѣстной перспективы, эта женщина должна безраздѣльно подчиниться влеченію чувства, броситься къ любимому человѣку очерта голову и не спрашивая о томъ, что будетъ завтра или черезъ годъ. Но такъ способны увлекаться только очень молодыя дѣвушки, совершенно незнакомыя съ жизнью, совершенно нетронутыя опытомъ, а такія дѣвушки не обратятъ вниманія на Базарова или, испугавшись его рѣзкаго образа мыслей, откинутся къ такимъ личностямъ, изъ которыхъ современемъ вырабатываются почтенныя галки. У Аркадія гораздо больше шансовъ поправиться молодой дѣвушкѣ, не смотря на то, что Базаровъ несравненно умнѣе и замѣчательнѣе своего юнаго товарища. Женщина, способная оцѣнить Базарова, не отдастся ему безъ предварительныхъ условій, потому что такая женщина обыкновенно бываетъ себѣ на умѣ, знаетъ жизнь, и по расчету бережетъ свою репутацію. Женщина, способная увлекаться чувствомъ, какъ существо наивное и мало размышлявшее, не пойметъ Базарова и не полюбитъ его. Словомъ, для Базарова нѣтъ женщинъ, способныхъ вызвать въ немъ серьезное чувство и съ своей стороны горячо отвѣтить на это чувство. Въ настоящее время нѣтъ такихъ женщинъ, которыя, умѣя мыслить, умѣли бы въ то же время безъ оглядки и безъ боязни отдаваться влеченію господствующаго чувства. Какъ существо зависимое и страдательное, современная женщина изъ опыта жизни выноситъ ясное сознаніе своей зависимости, и потому думаютъ не столько о томъ, чтобы наслаждаться жизнью, сколько о томъ, чтобы не попасть въ какую нибудь непріятную передѣлку. Ровный комфортъ, отсутствіе грубыхъ оскорбленій, увѣренность въ завтрашнемъ днѣ для нихъ дороги. Ихъ за это нельзя осуждать, потому что человѣкъ, подверженный въ жизни серьезнымъ опасностямъ, поневолѣ становится осмотрительнымъ, но вѣстѣ съ тѣмъ, трудно осуждать и тѣхъ мужчинъ, которые, не видя въ современныхъ женщинахъ энергій и рѣшимости, навсегда отказываются отъ серьезныхъ и прочныхъ отношеній съ женщинами, и пробавляются пустыми интригами и легкими побѣдами. Еслибы Базаровъ имѣлъ дѣло съ Асею, или съ Натальею (въ Рудинѣ), или съ Вѣрою (въ Фаустѣ), то онъ бы, конечно, не отступилъ въ рѣшительную минуту; но дѣло въ томъ, что женщины, подобныя Асѣ, Натальѣ и Вѣрѣ увлекаются сладкорѣчивыми фразерами, а передъ сильными людьми, вродѣ Базарова, чувствуютъ только робость, близкую къ антипатіи. Такихъ

женщинъ надо приласкать, а Базаровъ никого ласкать не умѣетъ. Понятно, въ настоящее время нѣтъ женщинъ, способныхъ серьезно отвѣтить на серьезное чувство Базарова, и пока женщина будетъ находиться въ теперешнемъ зависномъ положеніи, пока за каждымъ ея шагомъ будутъ наблюдать и она сама, и нѣжные родители, и заботливые родственники, и то, что называется общественнымъ мнѣніемъ, до тѣхъ поръ Базаровы будутъ жить и умирать бобылями, до тѣхъ поръ согрѣвающая нѣжная любовь умной и развитой женщины будетъ имъ известна только по слухамъ, да по романахъ. Базаровъ не дастъ женщинѣ никакихъ гарантій; онъ доставляетъ ей только свою особую непосредственное наслажденіе, въ томъ случаѣ, если его особа правится; но въ настоящее время, женщина не можетъ отдаваться непосредственному наслажденію, потому что за этимъ наслажденіемъ всегда выдвигается грозный вопросъ: а что же потомъ? Любовь безъ гарантій и условій не употребительна, а любви съ гарантіями и условіями Базаровъ не понимаетъ. Любовь, такъ любовь, думаетъ онъ, торгъ, такъ торгъ, «а смѣшивать эти два ремесла», по его мнѣнію, неудобно и неприятно. *Къ сожалѣнію*, я долженъ замѣтить, что *безразличныя* и *пагубныя* убѣжденія Базарова находятъ себѣ во многихъ хорошихъ людяхъ сознательное сочувствіе.

IX.

Разсмотрю теперь три обстоятельства въ романѣ Тургенева: 1) отношенія Базарова къ простому народу, 2) ухаживаніе Базарова за Феничкой и 3) дуэль Базарова съ Павломъ Петровичемъ.

Въ отношеніяхъ Базарова къ простому народу надо замѣтить прежде всего отсутствіе всякой вычурности и всякой сладости. Народу это нравится и потому Базарова любятъ прислуга, любятъ ребятишки, несмотря на то, что онъ съ ними вовсе не минальничаетъ и не задариваетъ ихъ ни деньгами, ни пряниками. Замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ, что Базарова любятъ простые люди, Тургеневъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что мужики смотрятъ на него какъ на шута горохового. Эти два показанія нисколько не противорѣчатъ другъ другу. Базаровъ держитъ себя съ мужиками просто, не обнаруживаетъ ни барства, ни

нриторнаго желанія поддѣлаться надъ ихъ говоръ и научить ихъ умному, и потому мужики, говоря съ ними, не робѣютъ и не стѣсняются; но съ другой стороны Базаровъ и по обращенію, и по языку, и по понятіямъ совершенно расходится какъ съ ними, такъ и съ тѣми поѣзжиками, которыхъ мужики привыкли видѣть и слушать. Они смотрятъ на него, какъ на странное, исключительное явленіе, ни то, ни сеё, и будутъ смотрѣть такимъ образомъ на господъ подобныхъ Базарову до тѣхъ поръ, пока ихъ не разведетъ больше и пока къ нимъ не унебѣютъ приглядѣться. У мужиковъ лежитъ сердце къ Базарову, потому что они видятъ въ немъ простаго и умнаго человѣка, но въ то же время этотъ человѣкъ для нихъ чуждой, потому что онъ не знаетъ ихъ быта, ихъ потребностей, ихъ надеждъ и опасеній, ихъ понятій, вѣрованій и предразсудковъ.

Послѣ своего неудавшагося романа съ Одинцовою, Базаровъ снова вѣзжаешь въ деревню къ Кирсановымъ, и начинаетъ заигрывать съ Феничкой, любовницею Николая Петровича. Феничка ему нравится, какъ пушленская, молоденькая женщина; онъ ей нравится, какъ добрый, простой и веселый человѣкъ. Въ одно прекрасное июльское утро онъ успѣваетъ напечатлѣть на ея свѣжія губки подновтоснѣй поцѣлуй; она слабо сопротивляется, такъ что ему удается «созодновитъ и продать своей поцѣлуй». На этомъ мѣстѣ его любовное положеніе обрывается; ему, какъ видно, вообще не везе въ то лѣто, такъ что ни одна интрига не доводилась до счастливаго окончанія, хотя всѣ онѣ начинались при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ.

Всгдѣ затѣвъ, Базаровъ уѣзжаетъ изъ деревни Кирсановыхъ и Тургеневъ напутствуетъ его слѣдующими словами: «ему и въ голову не пришло, что онъ въ этомъ домѣ нарушилъ всѣ права гостепріимства». — —

Увидавши, что Базаровъ поддѣловалъ Феничку, Павелъ Петровичъ, давно уже питавшій ненависть къ «лекарникамъ» и нигилисту, и, кромѣ того, неравнодушный къ Феничкѣ, которая почему-то напоминаетъ ему вѣрнѣю любимую женщину, вызываетъ нашего героя на дуэль. Базаровъ стрѣлится съ нимъ, ранитъ его въ ногу, потомъ самъ перевязываетъ эту рану, и на другой день уѣзжаетъ, видя, что ему послѣ этой исторіи неудобно оставаться въ домѣ Кирсановыхъ. Дуэль, по понятіямъ Базарова, негѣпость. Спрашивается, хорошо ли поступилъ Базаровъ, принявши вызовъ Павла Петровича? Этотъ вопросъ сводится на другой, болѣе общій вопросъ: позволительно ли вообще въ

жизни отступать от своих теоретических убеждений. Насчет понятия *убеждение* господствуют различные мнѣнія, которыя можно свести въ двух главных отѣнкахъ. Идеалисты и фанатики, готовы все сломать передъ своимъ убежденіемъ — и чужую личность, и свои интересы, и часто даже невозможные факты, и законы жизни. Они кричатъ объ убежденіяхъ, не анализируя этого понятія, и потому рѣшительно не хотятъ и не умѣютъ взять въ толкъ, что человекъ всегда дороже мозгового вывода, въ силу простой математической аксіомы, говорящей намъ, что цѣлое всегда больше части. Идеалисты и фанатики скажутъ такимъ образомъ, что отступать въ жизни отъ теоретическихъ убежденій—всегда позорно и преступно. Это не помѣшаетъ многимъ идеалистамъ и фанатикамъ при случаѣ струсить и попятиться, а потомъ упрекать себя въ практической несостоятельности и заниматься угроженіями совѣти. Есть другіе люди, которые не скрываютъ отъ себя того, что имъ иногда приходится дѣлать нелѣпости, а даже вовсе не желаютъ обратить свою жизнь въ логическую выкладку. Къ числу такихъ людей принадлежитъ Базаровъ. Онъ говоритъ себѣ: «я знаю, что дуэль нелѣпость, но въ данную минуту я вижу, что мнѣ отъ нея отказаться рѣшительно неудобно. По моему лучше сдѣлать нелѣпость, чѣмъ, оставаясь благоразумнымъ до послѣдней степени, получить ударъ отъ руки или отъ треста Павла Петровича». Стоякъ Эпиктетъ, конечно, поступилъ бы ничто, и даже рѣшился бы съ особеннымъ удовольствіемъ пострадать за свои убежденія, но Базаровъ слишкомъ умно, чтобы быть идеалистомъ вообще и стоякомъ въ особенности. Когда онъ размышляетъ, тогда даетъ своему мозгу полную свободу и не старается придти къ заранѣе назначеннымъ выводамъ; когда онъ хочетъ дѣйствовать, тогда онъ по своему благоусмотрѣнію, примѣняетъ или не примѣняетъ оной логическій выводъ, пускаетъ его въ ходъ или оставляетъ его подъ сундукъ. Дѣло въ томъ, что мысль наша свободна, а дѣйствія наши происходятъ во времени и въ пространствѣ; между вѣрною мыслью и благоразумнымъ поступкомъ такая же разница, какъ между математическимъ и физическимъ натяжкомъ. Базаровъ знаетъ это и потому въ своихъ поступкахъ руководствуется практическимъ смысломъ, сметкомъ и навыкомъ, а не теоретическими соображеніями.

X.

Въ концѣ романа Базаровъ умираетъ; его смерть—случайность; онъ умираетъ отъ хирургическаго отравленія, т. е. отъ небольшого порѣза, сдѣланнаго во время разсѣченія трупа. Это событіе не находится въ связи съ общею нитью романа; оно не вытекаетъ изъ предъидущихъ событій, но оно необходимо для художника, чтобы дорисовать характеръ своего героя. Дѣйствіе романа происходитъ въ томъ 1859 года; въ теченіи 1860 и 1861 года Базаровъ не могъ бы сдѣлать ничего такого, что бы показало намъ приложеніе его міросозерцанія къ жизни; онъ бы поврежнему рѣзалъ лягушекъ, возился бы съ микроскопомъ и, насмѣхаясь надъ различными проявленіями романтизма, пользовался бы благами жизни по мѣрѣ силъ и возможности. Все это были бы только задатки; судить о томъ, что разовьется изъ этихъ задатковъ, можно будетъ только тогда, когда Базарову и его сверстникамъ минетъ лѣтъ пятьдесятъ, и когда имъ на сужбу выдѣлится новое поколѣніе, которое въ свою очередь отнесется критически къ своимъ предшественникамъ. Такіе люди, какъ Базаровъ, не опредѣляются вполнѣ однимъ эпизодомъ, выхваченнымъ изъ ихъ жизни. Такого рода эпизодъ даетъ намъ только смутное понятіе о томъ, что въ этихъ людяхъ таятся колоссальныя силы. Въ чемъ выразятся эти силы? На этотъ вопросъ можетъ отвѣчать только біографія этихъ людей или исторія ихъ народа, а біографія, какъ известно, пишется послѣ смерти дѣятеля, точно также какъ исторія пишется тогда, когда событіе уже совершилось. Изъ Базаровыхъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ вырабатываются великіе историческіе дѣятели; такіе люди долго остаются молодыми, сильными и годными на всякую работу; они не впадаютъ въ односторонность, не привязываются къ теоріи, не прирастаютъ къ специальнымъ занятіямъ; они всегда готовы промѣнить одну сферу дѣятельности на другую, болѣе широкую и болѣе занимательную; они всегда готовы выйти изъ ученаго кабинета и лабораторіи; это не труженики; углубляясь въ тщательныя изслѣдованія специальныхъ вопросовъ науки, эти люди никогда не теряютъ изъ виду того великаго міра, который вмѣщаетъ въ себя ихъ лабораторію и ихъ самихъ, со всюю изъ наукою и со всеми ихъ инструментами и аппаратами; когда жизнь серьезно шевельнетъ ихъ мозговые нервы, тогда

они бросать микроскопъ и скальпель, тогда они оставятъ недописаннымъ какое нибудь ученѣйшее изслѣдованіе о костяхъ или перепонкахъ. Базаровъ никогда не сдѣлается фанатикомъ, жрецомъ науки, никогда не возведетъ ее въ кумиръ, никогда не обречетъ своей жизни на ея служеніе; постоянно сохраняя скептическое отношеніе къ самой наукѣ, онъ не дастъ ей приобрести самостоятельное значеніе; онъ будетъ ею заниматься или для того, чтобы дать работу своему мозгу, или для того, чтобы выжать изъ нея непосредственную выгоду для себя и для другихъ. Медициною онъ будетъ заниматься отчасти для препровожденія времени отчасти, какъ хлѣбнымъ и полезнымъ ремесломъ. Если представится другое занятіе, болѣе интересное, болѣе хлѣбное, болѣе полезное,—онъ оставитъ медицину, точно также, какъ Вешаминъ Франклинъ оставилъ типографскій станокъ. Базаровъ человекъ жизни, человекъ дѣла, но возьмется онъ за дѣло только тогда, когда увидитъ возможность дѣйствовать не машинально. Его не подкупятъ обманчивыя формы; видѣнія усовершенствованія не побѣдятъ его упорнаго скептицизма; онъ не приметъ случайной отщепки за наступленіе весны и проведетъ всю жизнь въ своей лабораторіи, если въ сознаніи нашего общества не произойдетъ существенныхъ измѣненій. Если же въ сознаніи, а слѣдовательно и въ жизни общества произойдутъ желаемыя измѣненія, тогда люди, подобные Базарову, окажутся готовыми, потому что постоянный трудъ мысли не дастъ имъ залѣпиться, залежаться и заржавѣть, а постоянно бодрствующій скептицизмъ не позволитъ имъ сдѣлаться фанатиками специальности или вылыми послѣдователями односторонней доктрины. Кто рѣшится отгадывать будущее, и бросать на ветеръ типографскія тезы? Кто рѣшится дорисовывать такой типъ, который только что начинаетъ складываться и обозначаться, и который можетъ быть дорисованъ только временемъ и событіями? Не имѣя возможности показать намъ, какъ живетъ и дѣйствуетъ Базаровъ, Тургеневъ показалъ намъ, какъ онъ умираетъ. Этого на первый разъ довольно, чтобы составить себѣ понятіе о силахъ Базарова, о тѣхъ силахъ, которыхъ полное развитіе могло обозначиться только жизнью, борьбою, дѣйствіями и результатами. Что Базаровъ въ фразеръ—это увидитъ всякій, взглядываясь въ эту личность съ первой минуты ея появленія въ романѣ. Что отрицаніе и скептицизмъ этого человека сознаны и прочувствованы, а не надѣты для прихоти и для пушей важности,—въ этомъ убѣждаетъ cadaго безпристраст-

наго читателя непосредственное ощущение. Въ Базаровѣ есть сила, самостоятельность, энергія, которой не бываетъ у фразеровъ и подражателей. Но еслибы кто нибудь захотѣлъ не замѣтить и не почувствовать въ немъ присутствія этой силы, еслибы кто нибудь захотѣлъ подвергнуть ее сомнѣнію, то единственнымъ фактомъ, торжественно и безапелляціонно опровергающимъ это недѣльное сомнѣніе была бы смерть Базарова. Вліяніе его на окружающихъ людей ничего не доказываетъ; вѣдь и Рудинъ имѣлъ вліяніе; на безрыбьи и ракъ рыба, и на людей, подобныхъ Аркадію, Николаю Петровичу, Василю Ивановичу и Аринѣ Власевнѣ, больно нетрудно произвести сильное впечатлѣніе. Но смотрѣть въ глаза смерти, предвидѣть ея приближеніе, не стараясь себя обмануть, оставаться вѣрнымъ себѣ до послѣдней минуты, не ослабѣть и не струсить—это дѣло сильнаго характера. Умереть такъ, какъ умеръ Базаровъ, все равно, что сдѣлать великій подвигъ; этотъ подвигъ остается безъ послѣдствій, но та доза энергіи, которая тратится на подвигъ, на блестящее и полезное дѣло, истрачена здѣсь на простой и неизбѣжный физиологическій процессъ. Оттого, что Базаровъ умеръ твердо и спокойно, никто не почувствовалъ себѣ ни облегченія, ни пользы, но такой человекъ, который умѣетъ умирать спокойно и твердо, не отступить передъ препятствіемъ, и не струсить передъ опасностью.

Описаніе смерти Базарова составляетъ лучшее мѣсто въ романѣ Тургенева; я сомнѣваюсь даже, чтобы во всѣхъ произведеніяхъ нашего художника нашлось что нибудь болѣе замѣчательное. Выписывать какой нибудь отрывокъ изъ этого великолѣпнаго эпизода я считаю невозможнымъ; это значило бы уродовать цѣльность впечатлѣнія; но настоящему слѣдовало бы выписать цѣлыхъ десять страницъ (стр. 648—стр. 658), но мѣсто не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать; кромѣ того, я надѣюсь, что всѣ мои читатели прочли или прочтутъ романъ Тургенева, и потому, не извлекая изъ него ни одной строки, я постараюсь только прослѣдить и объяснить съ начала до конца болѣзненное психическое состояніе Базарова. Обрѣзавъ себѣ палецъ при разсѣченіи труна и не имѣвши возможности тотчасъ прижечь ранку ланцетомъ или ланцетомъ, Базаровъ черезъ четыре часа послѣ этого событія приходитъ къ отцу и прижигаетъ себѣ больное мѣсто, не скрывая ни съея себя, ни отъ Василя Ивановича безполезности этой мѣры въ томъ случаѣ, если гной разлагающагося труна проникъ въ ранку и инфицировалъ ея кровью. Василій Ивановичъ, какъ медикъ, знаетъ, какъ

велика опасность, но не рѣшается взглянуть ей въ глаза и старается обмануть самого себя. Проходитъ два дня. Базаровъ крѣпится, не ложится въ постель, но чувствуетъ жаръ и ознобъ, теряетъ аппетитъ и страдаетъ сильною головою болью. Участіе и распросы отца раздражаютъ его, потому что онъ знаетъ, что все это не поможетъ, и что старикъ только самого себя лелѣетъ и тѣшитъ пустыми иллюзіями. Ему досадно видѣть, что мужчина, и притомъ медикъ, не смѣетъ видѣть дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Арипу Власьевну Базаровъ бережетъ; онъ говоритъ ей, что простудился; на третій день ложится въ постель и проситъ прислать ему липоваго чаю. На четвертый день, онъ обращается къ отцу, прямо и серьезно говоритъ ему, что скоро умереть, показываетъ ему красныя пятна, выступившія на тѣлѣ, и служація признакомъ зараженія, называетъ ему медицинскимъ терминомъ свою болѣзнь и холодно опровергаетъ робкія возраженія растерявшагося старика. А между тѣмъ, ему хочется жить, жаль прощаться съ самосознаніемъ, съ своею мыслью, съ своею сильною личностью, но эта боль разставанія съ молодою жизнью и съ неизношенными силами выражается не въ мягкой грусти, а въ желчной, пропической досадѣ, въ презрительномъ отношеніи къ себѣ, какъ къ безсильному существу, и къ той грубой, нелѣпой случайности, которая смяла и задавила его. Нигилистъ остается вѣренъ себѣ до послѣдней минуты.

Какъ медикъ, онъ видѣлъ, что люди зараженные всегда умираютъ, и онъ не сомнѣвается въ непреложности этого закона, не смотря на то, что этотъ законъ осуждаетъ его на смерть. Точно также онъ въ критическую минуту не мѣняетъ своего мрачнаго міросозерцанія на другое, болѣе отрадное; какъ медикъ и какъ человѣкъ, онъ не утѣшаетъ себя миражами.

Образъ единственнаго существа, возбуждавшаго въ Базаровѣ сильное чувство и внушившаго ему уваженіе, приходитъ ему на умъ въ то время, когда онъ собирается прощаться съ жизнью. Этотъ образъ вѣроятно и раньше носился передъ его воображеніемъ, потому что насильственно сдавленное чувство еще не успѣло умереть, но тутъ, прощаясь съ жизнью и, чувствуя приближеніе бреда, онъ проситъ Василія Ивановича послать нарочнаго къ Аннѣ Сергѣевнѣ и объявить ей, что Базаровъ умираетъ и приказалъ ей кланяться. Надѣялся ли онъ увидѣть ее передъ смертью или просто хотѣлъ ей дать вѣсть о себѣ—это невозможно рѣшить; можетъ быть, ему было пріятно, про-

износя при другомъ чловѣкѣ имя любимой женщины, живѣ представить себѣ ея красивое лицо, ея спокойныя, умныя глаза, ея молодое, роскошное тѣло. Онъ любить только одно существо въ мѣрѣ, и тѣ вѣжныя мотивы чувства, которые онъ давилъ въ себѣ, какъ романтизмъ, теперь всплываютъ на поверхность; это не признакъ слабости, это—естественное проявленіе чувства, высвободившагося изъ подъ гнета разсудочности; Базаровъ не измѣняетъ себѣ; приближеніе смерти не перерождаетъ его; напротивъ, онъ становится естественнѣе, чловѣчнѣе, непринужденнѣе, чѣмъ онъ былъ въ полномъ здоровьи. Молодая, красивая женщина часто бываетъ привлекательнѣе въ простой, утренней блузѣ, чѣмъ въ богатомъ бальномъ платьѣ. Такъ точно умирающій Базаровъ, распустившій свою натуру, давшій себѣ полную волю, возбуждаетъ больше сочувствія, чѣмъ тотъ же Базаровъ, когда онъ холоднымъ разсудкомъ контролируетъ каждое свое движеніе, и постоянно ловитъ себя на романтическихъ поползновеніяхъ.

Если чловѣкъ, ослабляя контроль надъ самимъ собою, становится лучше и чловѣчнѣе, то это служитъ энергическимъ доказательствомъ цѣльности, полноты и естественнаго богатства натуры. Разсудочность Базарова была въ немъ простительною и понятною крайностью; эта крайность, заставлявшая его мудрить надъ собою и ломать себя, исчезла бы отъ дѣйствія времени и жизни; она исчезла точно также во время приближенія смерти. Онъ сдѣлался чловѣкомъ, вмѣсто того чтобы быть воплощеніемъ теоріи нигилизма, и, какъ чловѣкъ, онъ выразилъ желаніе видѣть любимую женщину.

Анна Сергѣевна прѣзжаетъ. Базаровъ говоритъ съ нею ласково и спокойно, не скрывая легкаго оттѣнка грусти, любитъ ея, проситъ у нея послѣдняго поцѣлуя, закрываетъ глаза и впадаетъ въ безпамятство.

Къ родителямъ своимъ онъ остается по прежнему равнодушенъ и не даетъ себѣ труда притворяться. О матери онъ говоритъ: «мать бѣдная! Кого—то она будетъ кормить теперь своимъ удивительнымъ борщомъ»? Василию Ивановичу онъ предобродушно совѣтуетъ быть философомъ.

Слѣдить за нитью романа послѣ смерти Базарова я не намѣренъ. Когда умеръ такой чловѣкъ, какъ Базаровъ, и когда его геройскою смертью рѣшена такая важная психологическая задача, прознесенъ приговоръ надъ цѣлымъ направленіемъ дѣй, тогда стоитъ ли слѣ-

*

дять за судьбою людей, подобныхъ Аркадію, Николаю Петровичу, Сятникову et tutti quanti?.. Постараюсь сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Тургенева къ новому, созданному имъ типу.

XI.

Приступая къ сооруженію характера Инсарова, Тургеневъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ представить его великимъ, и, вмѣсто того, сдѣлалъ его смѣшнымъ. Создавая Базарова, Тургеневъ хотѣлъ разбить его въ прахъ, и, вмѣсто того, отдалъ ему полную дань справедливаго уваженія. Онъ хотѣлъ сказать: наше молодое поколѣніе идетъ по ложной дорогѣ, и сказалъ: въ нашемъ молодомъ поколѣніи вся наша надежда. Тургеневъ не діалектикъ, не софистъ, онъ не можетъ доказывать своими образами предвзятую идею, какъ бы эта идея ни казалась ему отвлеченно вѣрна, или практически полезна. Онъ прежде всего художникъ, человѣкъ безсознательно, невольно искренній; его образы живутъ своею жизнью; онъ любитъ ихъ, онъ увлекается ими, онъ привязывается къ нимъ во время процесса творчества и ему становится невозможнымъ помыкать ими, по своей прихоти, и превращать картину жизни въ аллегорію съ нравственною цѣлью и съ добродѣтельною развязкою. Честная, чистая натура художника беретъ свое, ломаетъ теоретическія загородки, торжествуетъ надъ заблужденіями ума и своими инстинктами выкупаетъ все, и невѣрность основной идеи, и односторонность развитія, и устарѣлость понятій. Вглядываясь въ своего Базарова, Тургеневъ, какъ человѣкъ и какъ художникъ, растетъ въ своемъ романѣ, растетъ на нашихъ глазахъ и до-растаетъ до правильнаго пониманія, до справедливой оцѣнки созданнаго типа. Съ не добрымъ чувствомъ, началъ Тургеневъ свое послѣднее произведеніе.

Съ перваго разу онъ показалъ намъ въ Базаровѣ угловатое обращеніе, педантическую самонадѣянность, черствую разсудочность; съ Аркадіемъ онъ держитъ себя деспотически-небрежно, къ Николаю Петровичу относится безъ нужды насмѣшливо, и все сочувствіе художника лежитъ на сторонѣ тѣхъ людей, которыхъ обижаютъ, тѣхъ безобидныхъ стариковъ, которымъ велѣтъ глотать пилюлю, говоря о нихъ,

что они отставные люди. И вотъ художникъ начинаетъ искать въ нигилистѣ и безпощадномъ отрицателѣ слабаго мѣста; онъ ставитъ его въ разныя положенія, вертитъ его на всѣ стороны и находитъ противъ него только одно обвиненіе—обвиненіе въ черствости и рѣзкости. Всмотривается онъ въ это темное пятно; возникаетъ въ его головѣ вопросъ: а кого же станетъ любить этотъ человѣкъ? Въ комъ найдетъ удовлетвореніе своимъ потребностямъ? Кто его пойметъ насквозь, и не испугается его карявой оболочки? Подводитъ онъ къ своему герою умную женщину; женщина эта смотритъ съ любопытствомъ на эту своеобразную личность; нигилистъ съ своей стороны вглядывается въ нее съ возрастающимъ сочувствіемъ, и потомъ, увидавъ что-то похожее на нѣжность, на ласку, кидается къ ней съ нерасчитанною порывистостью молодого, горячаго, любящаго существа, готоваго отдаться вполне, безъ торгу, безъ утайки, безъ задней мысли. Такъ не выдаются люди холодные, такъ не любятъ черствые педанты. Безпощадный отрицатель оказывается моложе и свѣжѣ той молодой женщины, съ которою онъ имѣетъ дѣло; въ немъ накипѣла и вырвалась бѣшеная страсть въ то время, когда въ ней только что начинало бродить что-то въ родѣ чувства; онъ бросился, перепугалъ ее, сбилъ ее съ толку и вдругъ отрезвилъ ее; она отшатнулась назадъ и сказала себѣ, что спокойствіе все—таки лучше всего. Съ этой минуты все сочувствіе автора переходитъ на сторону Базарова и только кой-какія разсудочныя замѣчанія, которыя не выжуются съ дѣлымъ, напоминаютъ прежнее, недоброе чувство Тургенева.

Авторъ видитъ, что Базарову некого любить, потому что вокругъ него все мелко, плоско и дрябло, а самъ онъ свѣжъ, уменъ и крѣпокъ; авторъ видитъ это и въ умѣ своемъ снимаетъ съ своего героя послѣдній незаслуженный упрекъ. Изучивъ характеръ Базарова, вдумавшись въ его элементы и въ условія развитія, Тургеневъ видитъ, что для него нѣтъ ни дѣятельности, ни счастья. Онъ живетъ бобылемъ и умретъ бобылемъ, и притомъ бесполезнымъ бобылемъ, умретъ, какъ богатырь, которому негдѣ повернуться, нечѣмъ дышать, некуда дѣвать исполинской силы, некого полюбить крѣпкою любовью. А нечѣмъ ему жить, такъ надо посмотрѣть, какъ онъ будетъ умирать. Весь интересъ, весь смыслъ романа заключался въ смерти Базарова. Еслибы онъ струсился, еслибы онъ измѣнилъ себѣ,—весь характеръ его освѣтился бы иначе; явился бы пустой хвостунъ, отъ котораго нельзя ожидать въ случаѣ нужды ни стойкости, ни рѣшимости;

весь романъ оказался бы клеветою на молодое поколѣніе, незаслуженнымъ укоромъ; этимъ романомъ Тургеневъ сказалъ бы: вотъ, посмотрите, молодые люди, вотъ лучшій, умнѣйшій, изъ васъ—и тотъ нигде не годится! Но у Тургенева, какъ у честнаго челоуѣка и искреннаго художника, языкъ не повернулся произнести теперь такую печальную ложь. Базаровъ не оплошалъ и смыслъ романа вышелъ такой: теперешніе молодые люди увлекаются и впадаютъ въ крайности, но въ самыхъ увлеченіяхъ сказываются свѣжая сила и неподкупный умъ; эта сила и этотъ умъ даютъ себя знать въ минуту тяжелыхъ испытаній; эта сила и этотъ умъ безъ всякихъ постороннихъ пособій и вліяній выведутъ молодыхъ людей на прямую дорогу и поддержать ихъ въ жизни.

Кто прочелъ въ романѣ Тургенева эту прекрасную мысль, тотъ не можетъ не изъявить ему глубокой и горячей признательности, какъ великому художнику и честному гражданину Россіи.

А Базаровымъ все-таки плохо жить на свѣтѣ, хоть они прищипываютъ и пощипываютъ. Нѣтъ дѣятельности, нѣтъ любви,—стало быть, нѣтъ и наслажденія.

Страдать они не умѣютъ, ныть не стануть, а подчасъ чувствуютъ только, что пусто, скучно, безцвѣтно и бессмысленно.

А что же дѣлать? Вѣдь не заражать же себя умышленно, чтобы имѣть удовольствіе умирать красиво и спокойно? Нѣтъ! Что дѣлать? Жить, пока живется, ѣсть сухой хлѣбъ, когда нѣтъ ростбѣфу, быть съ женщинами, когда нельзя любить женщину, и вообще не мечтать объ апельсиновыхъ деревьяхъ и пальмахъ, когда подъ ногами снѣговые сугробы и холодныя тундры.

Д. ПИСАРЕВЪ.

Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина.
С.—Петербургъ. 1762 г.

Мы никогда не отличались особеннымъ уваженіемъ къ литературному мнѣнію—и это неудивительно; наше литературное мнѣніе ни-

когда не было независимымъ и рѣдко искреннимъ. Оно постоянно унижалось до потворства тѣмъ или другимъ авторитетамъ, до рабочей лести обществу или чисто внѣшнему влиянію эпохи, но не имѣло настолько значенія, чтобы стать выше случайныхъ обстоятельствъ и признать за собой руководящую силу. А между тѣмъ, кромя литературнаго мнѣнія, у насъ нѣтъ ни одного общественнаго органа, который бы выражалъ и обобщалъ умственные интересы, сблизая ихъ съ дѣйствительными явленіями жизни. Что происходило внутри и кругомъ насъ, о чемъ мы думали, во что вѣровали, на что надѣялись, къ чему стремились, однимъ словомъ, всѣ воздушные миражи такъ называемаго историческаго развитія, вся нравственная наша физиономія отражалась въ литературѣ; на ея блѣдныхъ страницахъ сохранились, если не всѣ и далеко не лучшіе, то, по крайней мѣрѣ, болѣе полные признаки пережитыхъ нами идей и чувствъ. Честный русскій писатель можетъ похвалиться однимъ великимъ достоинствомъ—безграничной преданностью своему народу, передавая въ своихъ произведеніяхъ его неясныя думы и робкія стремленія къ самосознанію; такихъ писателей у насъ, конечно, насчитывается немного, но зато они были для насъ всею, что осталось за нами на пути нашего прошлаго; они одни пережили своимъ умомъ и сердцемъ болѣе, чѣмъ милліоны подобныхъ имъ братьевъ; на ихъ нѣжныхъ и раздраженныхъ нервахъ, какъ на музыкальный струнѣ, отзывались всѣ звуки, всѣ движенія шевелившей насъ мысли; наши органическіе и временныя недуги, наши забубенныя радости и глухіе стоны прежде всего доходили до ихъ чуткой души и, слагаясь въ поэтическіе образы и теоретическіе вопросы, являлись передъ нами тѣмъ легендарнымъ голосомъ, который неизвѣстно откуда раздавался и куда призывалъ заблудившагося пѣшехода въ очарованномъ лѣсу... Обвинять русскаго писателя въ томъ, что его мысль любила останавливаться болѣе на мрачныхъ и монотонныхъ картинахъ, чѣмъ на свѣтлыхъ и разнообразныхъ,—это значитъ требовать отъ ночнаго филина соловьиной пѣсни; осуждать его за то, что онъ бѣденъ внутреннимъ содержаниемъ—это значитъ не понимать самаго склада жизни и ея осязательныхъ формъ. Наши лучшія дарованія остались наивными мечтателями не потому, чтобы мечты казались имъ лучше дѣйствительности, а потому, что у нихъ не было ни матеріаловъ, ни свободной сферы для положительнаго творчества; къ чему и гдѣ они были призваны въ практической дѣятельности? И многіе ли изъ нихъ пользовались пра-

вомъ гражданства? Поэтому намъ дорого въ этихъ мечтателяхъ не сумма фактическаго ихъ знанія, не степень ихъ таланта, не объемъ вліянія ихъ на читающую публику, а *мильиэ*, котораго они были представителями; намъ дѣла нѣтъ до того, написалъ ли авторъ десять строкъ или двадцать томовъ, дописался ли онъ до седыхъ волосъ или умеръ въ ранней юности—это рѣшительно все равно, но мы строго отнесемъ къ идеѣ, которая заключается въ этихъ десяти строкахъ или двадцати томахъ. И если въ однихъ критическій анализъ найдетъ болѣе человѣческихъ симпатій, чистоты убѣжденій и искреннаго сочувствія общему добру, чѣмъ въ другихъ, то мы отдадимъ преимущество первымъ передъ послѣдними. Положимъ, что Оадей Булгаринъ оставилъ бы по себѣ цѣлую бібліотеку произведеній, то весь этотъ хламъ не стоилъ бы и двухъ страницъ, взятыхъ на выдержку изъ сочиненій Бѣлинскаго...

Но уваженіе къ литературному мнѣнію, или говоря точнѣе, къ убѣжденію писателя есть плодъ высоко развитой умственной дѣятельности народа и его критической способности. Съ той минуты, когда идея ложится въ основаніе жизни, крѣпко соединяется съ побужденіями нашей воли и повседневными поступками, общество перестаетъ быть равнодушнымъ къ ея нравственному достоинству. Оно начинаетъ сознавать, что литературный ренегатъ, продающій свою мысль на вѣсъ золота и пускающій ее въ оборотъ между доверчивыми и мало образованными людьми, опаснѣе уличнаго вора, что всякое фальшивое чувство, выражаемое подъ видомъ искренняго восторга или лицемернаго непониманія дѣла, заслуживаетъ полнаго презрѣнія. И это понятно; если я ошибаюсь въ фактѣ, въ томъ или другомъ внѣшнемъ явленіи жизни—такая ошибка не можетъ имѣть для меня особенно вредныхъ послѣдствій; но если я заблуждаюсь въ мнѣніи, принимаю ложь за истину, то это заблужденіе можетъ исказить направленіе всей моей жизни и привести меня къ самому печальному результату. Поэтому въ эпохи доблестныхъ гражданскихъ реформъ и пробѣгающей литературной дѣятельности критика чрезвычайно строго относится къ мнѣнію и горячо отстаиваетъ его отъ своекорыстныхъ нападеній и преднамѣренной поддѣлки... Въ послѣднее время стали появляться жалобы на равномысліе, или вѣрнѣе, разногласіе въ нашей журналистикѣ,—жалобы совершенно неосновательныя. Различіе мнѣній есть лучшее доказательство живучести мысли и ея возрастающей силы; тутъ каждый изъ насъ имѣетъ свой особенный взглядъ на вещи;

пусть мнѣніе каждаго будетъ оригинально и несогласно съ мнѣніемъ
 всѣхъ другихъ, пусть въ числѣ шестидесяти милліоновъ мыслящихъ
 головъ не будетъ ни одной, которая бы не носила свою собственную
 идею, свое личное воззрѣніе на окружающій міръ—это было бы въ
 высшей степени гениально; и напрасно думаютъ, что такое различіе
 мнѣній вредитъ единству направленія умственныхъ силъ. Главная
 причина нашей колеблющейся трескотни, пустой и утомительно-скучной,
 заключается вовсе не въ различіи мнѣній, а въ однообразіи предме-
 товъ, въ кругу которыхъ вертится критика, какъ бѣлка въ колесѣ.
 Всѣ наши споры, собственно говоря, начинаются изъ—за словъ и
 оканчиваются личностями; наше разномысліе, на самомъ дѣлѣ, не
 представляетъ ни малѣйшей оригинальности въ идеяхъ, ничего непо-
 жого на ту одушевленную борьбу партій, въ которой замѣняются
 серьезныя человѣческіе вопросы; првемотритесь ближе къ нашимъ
 литературнымъ преніямъ и вы увидите, что они занимаютъ не столько
 результатомъ той или другой идеи, сколько самымъ процессомъ слово-
 изверженій и тѣми эффектами, которые оно производитъ на слуша-
 телей, привыкшихъ къ разнымъ кивалламъ, бряцающимъ въ пустынѣ.
 Явленіе это объясняется недостаткомъ жизненныхъ и глубокихъ задачъ,
 образующихъ литературныя направленія, и мелочью интересовъ, вызы-
 вающихъ на самостоятельное мнѣніе. Рѣдко возникаетъ дѣйствительно спор-
 ная идея, достойная вниманія зоркаго и смѣлаго ума. Наши Базаровы пре-
 няли только половину того букваря, который оставили имъ отцы неразрѣ-
 заннымъ. Но многіе изъ насъ уже опасаются, чтобъ мы не заучились
 до увлеченія идеей и совѣтуютъ намъ умѣренность и благопристой-
 ность въ прогрессѣ. Давъ чемъ же мы оказались особенно быстрыми
 и крайними? Въ чемъ мы опередили свое время и его существенныя
 потребности? Куда не поглядишь, вездѣ чувствуется отсталость же-
 нитій, вездѣ лежатъ нетронутыми первобытные пласты чернозема
 различныхъ историческихъ формаций, не прикрытыхъ даже наружными
 лесомъ, повсюду грубое невѣжество и дикіе предрассудки; вездѣ жи-
 вется тяжело и апатично, а мы уже начинаемъ бояться за то, чтобъ
 не уйти отъ положительныхъ вѣстей вѣка и въ торопяхъ не побросать за
 бортъ корабля сокровища, унаследованныя отъ нашей почтенной
 старины. Что живемъ мы давно жизнью отдѣльнаго народа —
 это извѣстно всѣмъ. Но какими же благами мы подѣлились съ чело-
 вѣчествомъ? Гдѣ наши открытія и изобрѣтенія, которыя внесли бы
 новыя стороны въ общее развитіе народовъ? На чемъ видны тѣ отли-

чительныя черты, которыми опредѣляется національная личность, живая и свободная въ своемъ поступательномъ движеніи? Мы ежеминутно произносимъ: *народность, община*, но гдѣ же автономія этихъ словъ и гдѣ ихъ дѣйствительное приложеніе? Если все это успѣла похоронить рука одного Петра I, то поэтому можно судить, какъ хилы и гнилы были эти начала, не устоявшія передъ волей суроваго преобразователя. Сила его росла пропорціально безсилію тѣхъ матеріаловъ, на которыхъ онъ вырубалъ топоромъ свою идею. Переломъ исторической жизни вовсе не былъ такимъ крутымъ переломомъ, какъ считаютъ его противники Петра I; онъ коснулся однихъ формъ, а принципы оставилъ на прежнемъ основаніи. Этого мало, онъ развилъ ихъ далѣе и изъ хаотическаго состоянія возвелъ въ искусственную систему; въ сущности пострадали бороды, а не убѣжденія; въ старыхъ мѣхахъ осталось старое вино, но только его взболтали и сообщили ему новое броженіе. Петръ I не создалъ ни бюрократіи, существовавшей и до него подъ другими ярлыками, ни новаго государственнаго порядка, выработаннаго гораздо ранѣе московскими князьями; онъ главнымъ образомъ протестовалъ противъ неподвижности понятій, скованныхъ мертвыми формами нелѣпо—сложившагося семейства и общества, и съ этой цѣлью онъ вывелъ женщину на свѣтъ божій изъ домашней тюрьмы и отворилъ намъ заставы въ западную Европу. Образованіе сдѣлалось необходимымъ, потому что его предписывали указами и отличали рангами, т. е. оно вошло въ разрядъ тѣхъ внѣшнихъ обрядовъ, отъ которыхъ нельзя было отказаться. И вотъ на томъ же черномъ грунтѣ стали выводить различные узоры, довольно странно поражавшіе своей пестротой и вопіющими контрастами съ общимъ ходомъ жизни. Проводникомъ этого накладнаго образованія было высшее и привилегированное сословіе; оно приняло отъ допетровской эпохи полное наслѣдство своихъ предковъ—крѣпостное право, барскую спесь, честолюбіе, и въ то же время читало французскихъ энциклопедистовъ, сочиняло комедіи и проекты о разныхъ общественныхъ реформахъ. Когда требовало приличіе, оно вело себя по правиламъ европейской цивилизаціи, а у себя дома, въ деревнѣ, гдѣ нечемъ было стѣсняться, поступки его, были также произвольны какъ и прежде. Матеріальныя выгоды и соціальное положеніе заставляло его держаться строгаго консерватизма въ жизни, а въ идеяхъ и чувствахъ поддѣлываться подъ новый либеральный образъ мыслей. Такимъ образомъ явился дѣйствительно двѣ логики, два языка, двѣ противоположныя тенденціи

и постоянныя колебанія между тяготящимъ началомъ старины и инстинктивнымъ стремленіемъ впередъ. Какъ только подавался голосъ въ пользу какого нибудь дѣйствительнаго преобразованія, задѣвшаго номиничье право, сейчасъ являлась оппозиція и посылала реформатора на долгое келейное молчаніе... При такомъ порядкѣ вещей литературное мнѣніе не могло пользоваться уваженіемъ и такъ называемое наше разномысліе было, на самомъ дѣлѣ, тупымъ безсмысліемъ.

Но если мы мало уважаемъ идею, то нѣсколько иначе относимся къ ея представителямъ. Пока они живутъ и дѣйствуютъ, мы стараемся не замѣчать ихъ и если они слишкомъ рѣзко отдѣляются отъ стада, поднимаемъ противъ нихъ поголовное возстаніе. Какъ ни силенъ левъ, но всегдѣ болѣе онъ страдаетъ отъ наѣкомыхъ, которые тѣмъ охотнѣе язвятъ его, чѣмъ онъ меньше ими занимается. При этомъ сравненіи намъ приходитъ на память одна замѣчательная личность по таланту и разностороннему образованію, заѣденная мошками и букашками нашей литературы: это — Сенковский. Отъ какихъ только копытъ онъ не получалъ ударовъ; какихъ только враговъ не было у него; на какія только оскорбленія не рѣшалась зависть и посредственность, ненавидѣвшая въ немъ оригинальность ума. Но Сенковский умеръ и ему не только простили, но даже пожалѣли о потерѣ силы, почти даромъ растроченной на мелкія журнальныя работы. Съ другими умершими дѣятелями критика была еще благосклоннѣе. Едва они сходили въ могилу, какъ она принималась разрывать ихъ портфели, отыскивать рукописи, собирать письма и все, что ни попадалось ей подъ руку, издавать въ свѣтъ. Вѣроятно, сами авторы никогда не рѣшились бы напечатать подъ своимъ именемъ и половины того, что друзья ихъ такъ безперемонно открывали публикѣ. Пушкина обобрали до самыхъ невинныхъ стихковъ, записанныхъ имъ въ какомъ нибудь альбомѣ, по просьбѣ прихотливой кокетки; наконецъ, изъ него сдѣлали рыночную спекуляцію, выдавая за его стихотворенія плохія вирши, составленныя какимъ нибудь досужимъ дилеттантомъ. Съ Бѣлинскимъ поступили точно также, напицкавъ въ полное собраніе его сочиненій всѣ бѣглыя рецензіи, не имѣвшія никакого значенія. Та же участь, если не ошибаемся, ожидаетъ Карамзина и Добролюбова. Еслибъ такія изданія предназначались для спеціальнаго удовольствія библиографовъ и собирателей античныхъ рѣдкостей, то разумѣется, противъ нихъ нечего и говорить; для удовольствія *сихъ почтенныхъ мужей* можетъ пригодиться всякая бумажка, оставленная авторомъ за собой. Но

какой интерес эти издания могут иметь для публики, которая знает писателя по двум или трем лучшим его произведениям и оценивает его по силе своего непосредственного чувства? Прочитывая сотни страниц, наполненных наскоро составленными статьями, кабинетными замѣтками и ничего не выражающими записками къ друзьямъ, она зѣваетъ отъ скуки и бросаетъ книгу, не добравшись въ ней до капитальных трудовъ автора. Нельзя же требовать отъ публики, чтобы она изъ уваженія къ памяти своего любимого поэта или прозаика, читала все безъ различія, и хорошее, и плохое, только потому, что хронологическій перечень не допускалъ исключенія болѣе слабыхъ и неоконченныхъ этюдовъ автора. Но если такіе издания бесполезны для публики, то они рѣшительно вредятъ репутаціи самого писателя. Если, при жизни, онъ дорожилъ своею дѣятельностью и не хотѣлъ представляться на судъ самихъ читателей въ неподходящемъ и неопредѣленномъ видѣ, то какое право имѣемъ мы разоблачать его слабыя стороны? Количествомъ томовъ не опредѣляется значеніе таланта; мы уже сказали, что достаточно одной превосходной страницы, за которую мы никогда не забудемъ ея автора и не променяемъ ее на все, что произвели и произведутъ совокупными силами гг. Дудинкинъ и Катковъ. При томъ вліяніе идеи на развитіе общества обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ярче эта идея выступаетъ въ ряду произведеній, чѣмъ меньше загромождаютъ ее побочные предметы и чисто-библиографическіе подробности. Мы убѣждены, что изданіе Бѣлинскаго, ограниченное его лучшими критическими статьями, успѣшнѣе разошлось бы въ публикѣ и, яснѣе освѣтивъ его личность, скорѣе достигло бы самой нравственной цѣли.

Къ этому мнѣнію привела насъ книга, поставленная въ началѣ нашего разбора. Чего только не вошло въ эту книгу — и дѣловыя бумаги, писанныя Карамзинымъ по частнымъ дѣламъ, и выписки изъ его записной книжки, и матеріалы, наскоро набросанные имъ для составленія разныхъ статей, и замѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: *«Прологъ довольно старъ, а Миня нова. Les premiers propriétaires Normands: города въ удѣлы и проч.—Какъ во всей Европѣ. У Славянъ не могло быть въ подданствѣ людей. Что Юль о правахъ и законахъ Саксонскихъ въ началѣ II тома?»* и т. д. Въ этой интересной рубрикѣ недостаетъ только обѣденныхъ карточекъ, которыя уважаемый историографъ отдавалъ своему повару и счетныхъ записокъ, которыя ему, вѣроятно, случалось посылать управляющему;

затѣмъ не забыта ни одна настольная помѣтка, ни одна памятная строчка. И все это, конечно, по мнѣнію издателя, должно пролить новый свѣтъ на характеръ Карамзина. Изъ чисто-литературныхъ произведеній Карамзина мы находимъ здѣсь «Мысли въ саду Павловскомъ» (1816), въ которыхъ собственно нѣтъ никакой мысли, кромѣ общихъ риторическихъ фразъ, напоминающихъ пухленькія лирическія мѣста «Бѣдной Лизы». Далѣе встрѣчается стихотвореніе, посвященное Луизѣ (*) въ день ея рожденія 13 января, при врученіи ей подарка. Мы не можемъ не выписать этого стихотворенія и рекомендуемъ его г. Лонгинову, какъ новый историческій фактъ, свидѣтельствующій о присутствіи поэтическаго дара въ Карамзинѣ даже на старости его лѣтъ:

Луиза! Прими даръ искренней любви.
 Твой умъ, Твоя душа питаются прекраснымъ;
 Ты ангелъ горестныхъ; мать сирымъ и несчастнымъ;
 Живешь для счастья другихъ... И такъ живи!
 Не каждый ль день и часъ Ты въ жизни сей доброе,
 Прекраснѣ душой и дружеству милѣ,
 Достоинѣ святой, Божественной любви,
 Достоинѣ Небесъ?.. И такъ живи, живи!
 Здѣсь все мечта и сонъ; но будетъ пробужденье!
 Тебя узналъ я здѣсь въ прелестномъ сновидѣньи;
 Узнаю на яву!.. Есть вѣчность для любви,
 Безсмертіе добра, есть Богъ... И такъ живи...

Эта торжественная ода была написана Карамзинымъ, когда Россія уже читала «Руслана и Людмилу» Пушкина; но г. издатель счелъ необходимымъ сохранить и ее для потомства...

Обращаясь къ главному отдѣлу книги, гдѣ помѣщены *Бумаги для моихъ сыновей, когда они выростутъ* и письма Карамзина къ членамъ императорскаго семейства и къ его супругѣ, мы остановимъ вниманіе читателя на *Мнѣніи Русскаго гражданина*. Въ этомъ мнѣніи является Карамзинъ публицистомъ, совѣтующимъ Александру I не возстановлять Польши, не увлекаться христіанскимъ либерализмомъ въ ущербъ *патріотическому* чувству: «Государь!—пишетъ Карамзинъ—въ волненіи души моей, любящей отечество и васъ, смѣшу, послѣ нашего разговора назвать на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая

(*) Императрица Елизаветъ Алексѣевнѣ. *Прим. изд.*

ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ, совѣстью, хочу говорить съ вами».

«Вы думаете возстановить Польшу *во ея цѣлости*, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ, Государь! Вѣра христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ, есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство; она выше земли и міра, выше всѣхъ законовъ — физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ — но ихъ не отмѣняетъ. Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, но коимъ текло до явленія Христа Спасителя; такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ коренныхъ уставовъ, все осталось какъ было на землѣ и какъ иначе быть не можетъ; только возвысилась душа въ ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ, истиннымъ отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени» и т. д. въ томъ же теологическомъ духѣ. Но мы перейдемъ прямо къ главному доводу Русскаго гражданина: «Вы думаете возстановить *древнее* королевство Польское, но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во-первыхъ (не говоря о Пруссіи,) спрашиваю: Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? Можете ли Вы, творецъ *священнаго союза*, объявить ей войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во-вторыхъ, можете ли съ мирною совѣстью отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волинію, Подолю, утвержденную собственностью Россіи еще до Вашего царствования? Не клянутся ли государи бжюсти цѣлость своихъ Державъ? Сіи земли уже были Россією, когда митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами назвали *великою*. Скажутъ ли, что она *беззаконно* раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, еслибы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ; вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. *Старыхъ крѣпостей* нѣтъ въ политикѣ; иначе мы должны были возстановить и Казанское, и Астраханское царство, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и такъ далѣе. Къ тому же и *по старымъ крѣпостямъ* Бѣлоруссія, Волинія, Подоля, вмѣстѣ съ Галицією, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска; ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ. Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни яди ни врагу, ни*

другу. Наполеонъ могъ завоевать Россію; но Вы хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины Русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный. Вы, любя свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого заблагоразсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но еслибы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь, осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить Вамъ Поляки; извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы, Русскіе, не извинили, еслибы Вы для ихъ рукоплесканія свергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ, и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю, остыли бы душою и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола; ослабили бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ, унизились бы предъ другими и предъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ; Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ; но они служили бы не Отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу!» (Стр. 3—7).

Такъ разсуждалъ *Русскій гражданинъ* о судьбѣ Польши, занимавшей въ то время вниманіе Александра I. И какъ видно изъ записки, приведенной нами выше, *свободный* публицистъ оказался гораздо консервативнѣе своего монарха... Есть основаніе догадываться, что мнѣніе Карамзина не имѣло ни малѣйшаго вліянія на рѣшимость государя, потому что возстановленіе Польши было предметомъ задушевной его мечты еще нѣсколько лѣтъ послѣ этой записки...

Доселѣ говорилъ Карамзинъ, какъ поэтъ и публицистъ; теперь посмотримъ на него съ другой, болѣе интимной стороны,—какъ на человѣка, занятаго безсмертіемъ своего имени. Было бы, конечно, странно отказать исторіографу въ извѣстной дозѣ самолюбія, но еще страннѣе видѣть, съ какими неподражаемымъ кокетствомъ сибирскаго дворянина онъ поручаетъ себя грядущему поколѣнію, какъ усердно хлопочетъ онъ о томъ, чтобъ оно не ошиблось на его счетъ. Когда Карамзинъ былъ молодъ, онъ уже присуждалъ себѣ право на вниманіе потомства и его благодарное воспоминаніе. «Меня не будетъ, писалъ онъ на двадцать восьмомъ году своей жизни, но память моя не

совсѣмъ охладѣеть въ міръ; любезный, *ильно-образованный* юноша, читая нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя чувства мои, скажетъ: *онъ имѣлъ душу, имѣлъ сердце*. Теперь Карамзину было болѣе пятидесяти лѣтъ, и онъ опять обращается къ потомству, рекомендуя ему свое гражданское мужество. Вотъ какъ онъ пишетъ свое духовное завѣщаніе: «NB.—Читано государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ восьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ; обѣдалъ еще и въ Петербургѣ... но мы душою разстались, кажется, на вѣки... Потомство! *достоевъ ли я былъ имени гражданина россійскаго? Любилъ ли Отечество? Вѣрилъ ли добродѣтели? Вѣрилъ ли Богу?..* Я не зналъ нужны по своей бережливости и по милости Божіей, но не имѣлъ достатка, имѣя многочисленное семейство, безъ способовъ воспитывать дѣтей, какъ бы мнѣ хотѣлось. Не хочу описывать всего разговора моего съ государемъ но, между прочемъ, вотъ что я сказалъ ему по-французски: *Sire, vous avez beaucoup d'amour-propre... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je Vous dis, je l'aurais dis à Votre Père... Sire, je méprise les liberalistes du jour: je n'aime que la liberté qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne Vous demande plus Votre bienveillance; Je Vous parle, peut-être, pour la dernière fois.* Но вообще я мало говорилъ, и не хотѣлъ говорить. Душа моя остыла... Довольно сказаннаго для потомства и для сыновей моихъ, если они будутъ живы и выростутъ. Прибавлю, что я не измѣнилъ скромности: не сказалъ никому ни слова о моемъ разговорѣ съ Александромъ, кромѣ вѣрной моей жены, съ которой я жилъ въ одну мысль, въ одно чувство» (стр. 9—10). Неизвѣстно, на какомъ предметѣ такъ холодно разошлись Александръ I и Карамзинъ, но послѣдній ошибся въ перемѣнѣ благоволенія государя, который сохранилъ до конца жизни уваженіе и любовь къ своему историографу. Что же касается гражданскихъ доблестей его, то потомство, обыкновенно, судитъ о нихъ не по письменнымъ документамъ, а по дѣламъ и подвигамъ историческаго дѣятеля. Недостаточно сказать, что я былъ достолюбезный человѣкъ и герой своего убѣжденія (если таковое найдется въ наличности), но надо и доказать дѣйствительность такихъ свойствъ. Искренно или нѣтъ — намъ собственно до этого нѣтъ никакой надобности, потому что искренность есть дѣло чисто-условное — но Карамзинъ въ продолженіе всего царствованія императора Александра стоялъ на старо-

въ ретроградной партіи, осуждавшей предпріятія людей, подобныхъ Сперанскому, людей, надъ которыми носился духъ новаго времени. Говоря вообще, въ политическихъ вопросахъ своей эпохи Карамзинъ былъ тѣмъ же, чѣмъ соперникъ его Шишковъ — въ вопросахъ русской филологіи. Когда, напримеръ, заходила рѣчь объ освобожденіи крестьянъ, «русскій гражданинъ» и дворянинъ вовсе не раздѣлялъ мнѣнія Шторха и другихъ. И чѣмъ объяснять, какъ не мелкимъ самолюбіемъ, эту неприязнь Карамзина къ Сперанскому, котораго онъ, повидимому, долженъ былъ понимать лучше, чѣмъ толпа невѣжественныхъ и завистливыхъ интригантовъ, въ родѣ Розенкампа. По крайней мѣрѣ, дѣатели, запрашивающіе у потомства дипломъ на безсмертіе, никогда не плетутся позади своего вѣка и его стремленій, хотя бы обманчивыхъ, но благородныхъ, а для Карамзина идеаломъ нашей гражданской жизни всегда была екатерининская эпоха, въ которой онъ не умѣлъ отличить вишняго блеска отъ бѣдности внутренняго содержанія.

Мы не станемъ утомлять читателя разборомъ самой переписки Карамзина, наполняющей болѣе половины книги; эта переписка, кромѣ обыкновенной свѣтской вѣжливости и официальныхъ отношеній, не освѣщаетъ ни одной нравственной стороны ни самого Карамзина, ни тѣхъ лицъ, которыя отвѣчали на его письма. Если же черезъ нѣсколько страницъ и попадется какой нибудь фактъ, то онъ уже давно извѣстенъ въ литературѣ и достаточно обобщенъ въ публикѣ. Вообще первый томъ «Нежданнаго сочиненія» Карамзина не прибавляетъ къ нашимъ свѣдѣніямъ ни одного новаго, которымъ бы могла быть заинтересована критика. Впрочемъ, сорокалѣтняя переписка его съ Дмитриемъ, обѣщанная въ послѣднихъ томахъ, еще не поступившихъ въ продажу, раскроетъ что нибудь новое, но тогда мы надѣемся поговорить о ней особо. Въ ожиданіи же ея постараемся набросать здѣсь характеристику Карамзина, о которомъ такъ много и такъ разнорѣчиво толковала наша литература.

Немногимъ изъ русскихъ писателей удавалось развиваться среди такихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, какъ Карамзину. Онъ былъ питомецъ второй половины XVIII вѣка, когда умственная дѣятельность, возбужденная во всей Европѣ, вступала въ открытую и горячую борьбу съ феодальнымъ міромъ, разлагавшимся по закону историческаго гніенія. Вооруженная ѣдкой философскою ироніей и энтузіазмомъ, идея собрала подъ своимъ знаменемъ всѣ силы своего времени и обратила на

себя вниманіе народовъ. Эти такъ называемые мечтатели, не находившіе кругомъ себя удовлетворенія и не желавшіе равнодушно погаснуть на ветхомъ и разбитомъ кораблѣ, искали новыя формы жизни. Большею частью бездомные бѣдняки, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, они стали во главѣ политическаго движенія и руководили умственнымъ настроеніемъ Европы. Типическимъ выраженіемъ этихъ людей можно считать Бернарденъ де-Сенъ-Пьера: распродавъ свои послѣднія книги, онъ оставилъ Парижъ и съ шестью франками въ карманѣ шель на берега Аральскаго озера затѣмъ, чтобы основать тамъ новое общество, съ новыми правами и законами. Какое общество и на какихъ основаніяхъ? — онъ самъ не сознавалъ ясно, но охотно бѣжалъ изъ той среды, гдѣ, по выраженію Чатама, голодная смерть и развратная роскошь оспаривали другъ у друга свои права и жертвы. Въ такія эпохи раздраженіе мысли и фантазія, обыкновенно, доходитъ до крайнихъ предѣловъ; самыя причудливыя мечты принимаютъ дѣйствительный образъ и увлекаютъ за собой и поэтовъ, и мыслителей, и сильныя, и вялыя натуры. Наука и специальное знаніе отходитъ на второй планъ, уступая мѣсто легкому и общедоступному труду мысли. Энциклопедическое образованіе дѣлается необходимымъ условіемъ умственнаго развитія и желаніе участвовать въ общественномъ движеніи — главной цѣлью умнаго литератора.

Когда Карамзинъ росъ въ степномъ приволжскомъ краю, среди полудикаго люда, не знавшаго что «за звѣрь политика и литература», на другомъ концѣ Европы происходила оживленная работа нѣсколькихъ гениальныхъ людей, такъ счастливо соединенныхъ въ одинъ нравственный фокусъ. Какъ даровитый и впечатлительный юноша, Карамзинъ не могъ остаться внѣ этого движенія; онъ рано окончилъ свое учебное воспитаніе, изъ котораго онъ путнаго ничего не вынесъ; чтеніе дюжинныхъ французскихъ романовъ, украшавшихъ въ то время наши домашнія бібліотеки, развило въ немъ болѣзненную меланхолію и мечтательность. «Маленькій Донъ-Кихоть, какъ онъ себя называетъ, на десятомъ году отъ рожденія могъ уже часа по два играть воображеніемъ и строить замки на воздухѣ или представлять изъ себя рыцаря печальнаго ордена». Впослѣдствіи, посѣтивъ въ Англии Бедама (домъ умалишенныхъ), онъ такъ наивно приписываетъ вліянію романовъ судорожныя соціальныя припадки его эпохи: «не правда ли, говоритъ онъ, что въ наше время гораздо болѣе сумасшедшихъ, нежели когда нибудь? Отъ чего же? Отъ сильнѣйшаго дѣйствія страстей, какъ мнѣ кажется... Напримѣръ,

когда бывало столько самоубійствъ отъ любви, какъ нынѣ? Мушвина стрѣляется, а нѣжная, кроткая женщина сходитъ съ ума. Древніе не знали романовъ». Прямо изъ симбирскаго захолустья Карамзинъ былъ отданъ въ частный московскій пансіонъ Шьмца Шадена. Биографы Карамзина очень лестно отзываются объ этомъ пансіонѣ, но едва ли это справедливо. Вотъ какъ бывшій воспитанникъ его отозвался о немъ въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ: «Здѣсь-то (т. е. въ Лейпцигѣ), милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ передъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце. Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія. Воображая, какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, *чувствую горестъ въ сердцѣ и слезы на глазахъ*. Нельзя возвратитъ потеряннаго». Эта жалоба несамодовольнаго юноши подтверждается самой педагогической теоріей Шадена: онъ выводилъ ее изъ двухъ нелѣпныхъ началъ—во-первыхъ, изъ того, что у сѣверныхъ народовъ чувствительность груба, и потому считалъ необходимымъ дѣйствовать преимущественно на развитіе чувства; во-вторыхъ, онъ преподавалъ своимъ воспитанникамъ *кравственность* по геллертовымъ баснямъ, хотя вторая глава «Эмиля» Ж. Ж. Руссо уже давно была извѣстна и наглядно доказывала, что дѣти не могутъ понимать настоящаго смысла аллегорій, которая учить ихъ не *кравственности*, а обманамъ и лицемѣрію. Какъ бы то ни было, но воспитаніе Карамзина было также ложно и пусто, какъ вообще воспитаніе большинства русскаго юношества того времени. Насъ поучали нѣмецкіе педанты, составлявшіе тогда цѣлую колонію при московскомъ университетѣ.

По выходѣ изъ школы, семнадцатилѣтній юноша, по приказанію отца, надѣваетъ гвардейскій мундиръ, но черезъ годъ сбрасываетъ его, уѣзжаетъ въ деревню и, на досугъ, съ жадностью, читаетъ все, что попадало изъ Европы въ провинціальную глушь—идилліи Томсона и Геснера, плаксивыя повѣсти Жанлис и трагедіи Вольтера. Наконецъ, случай сводитъ Карамзина съ предсѣдателемъ симбирской масонской ложи И. П. Тургеневымъ, который снимаетъ повязку съ глазъ юноши и посылаетъ его въ Москву, къ Новикову.

Отсюда начинается возрожденіе Карамзина и его образованіе. Знакомство съ Новиковымъ ввело его въ кругъ людей образованных и

*

занятых дѣломъ. Самъ Новиковъ—одинъ работалъ едва ли не болѣе, чѣмъ весь московскій университетъ. Печатавъ на четырехъ типографскихъ станкахъ разнообразныя періодическія изданія, выпуская сотни книгъ на собственный счетъ, помогая и совѣтомъ, и деньгами молодымъ литераторамъ, рассылая сочиненія во все концы Россіи и отовсюду собирая древнія рукописи, онъ имѣлъ въ виду одну главную цѣль—*приохотить публику къ чтенію*, что удовлетворяло самой существенной потребности современнаго ему общества. Подъ руководствомъ этого необыкновеннаго человѣка Карамзинъ пробылъ пять лѣтъ, и эти пять лѣтъ опредѣляютъ всю послѣдующую его карьеру. Въ новиковскомъ же кругу Карамзинъ сошелся съ Петровымъ и, по закону контраста, полюбилъ его, какъ человѣка съ реальнымъ взглядомъ и положительными стремленіями. Петровъ, поклонникъ англійской литературы, указалъ своему другу на изученіе Шекспира, какъ на единственнаго воспитателя здраваго, эстетическаго чувства. Дѣйствительно, Карамзинъ усердно занимается великимъ британскимъ поэтомъ, переводитъ его трагедію «Юлій Цезарь», подражаетъ ему въ своей плохой драмѣ, если не ошибаемся, «Софья», по гораздо больше сучувствуетъ Томсону и Фильдингу. Последніе лучше отвѣчали умственнымъ способностямъ и литературнымъ вкусамъ Карамзина. Въ этотъ періодъ ясно опредѣлилась вся нравственная фізіономія его, размѣры его силъ и характеръ его будущей дѣятельности.

Умственная организація Карамзина была самая обыкновенная; въ ней не было ни творческихъ элементовъ, ни зоркаго и энергическаго взгляда на вещи; Карамзинъ не могъ прозвести никакого переворота въ области мысли или искусства; ему былъ противенъ разрушительный скептицизмъ и холодная сатира; онъ не любилъ относиться критически къ предмету: «гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, говорилъ онъ, тамъ скажемъ все—молчаніемъ; однимъ словомъ, Карамзинъ всю жизнь работалъ гораздо болѣе сердцемъ, чѣмъ головой. Поэтому, при всемъ разнообразіи гениальныхъ дѣятелей его эпохи, онъ не примкнулъ ни къ какой положительной школѣ; ученіе Гольбаха казалось ему отвратительнымъ, какъ идеалисту, а крайній идеализмъ Руссо былъ не по душѣ ему, какъ мистикъ; но и мистицизмъ не нравился ему, когда требовалъ строгой логической послѣдовательности. Во всемъ и вездѣ его занимала болѣе форма, чѣмъ самое содержаніе идеи; онъ какъ будто боялся крайнихъ результатовъ ея, каковы бы они ни были. Путешествуя по Европѣ двадцати-четыре-лѣтнимъ юношей, онъ вос-

хищается швейцарской природой, воспѣваетъ ручейки и лужайки, но проходитъ мимо передъ такими социальными явлениями, которыя сами собою напрашиваются на вниманіе и размышленіе. Къ самой природѣ, о которой у него говорится такъ хорошо, онъ относится какъ-то наивно, бессознательно, какъ относится молодая дѣвушка къ своей задушевной мечтѣ о красавцѣ-женихѣ; онъ не изучаетъ, не анализируетъ ее, а боготворитъ и слово «натура» возводитъ въ какой-то мистическій культъ, подобный «судьбѣ» древняго Грека. Любимые авторы его — Геснеръ и Томсонъ; съ ихъ риторически-надутыми идилліями онъ бесѣдуетъ въ уединеніи, путешествуетъ по Европѣ, на нихъ онъ воспитываетъ свою «чувствительность», безъ которой, по его мнѣнію, нѣтъ истиннаго таланта. Но что такое эта «чувствительность» — мягченность ли мозга или ускоренное бѣженіе пульса — мы не беремся рѣшить и предоставляемъ это нашимъ лирическимъ поэтамъ.

Такимъ образомъ Карамзинъ и по воспитанію, и по объему ума былъ идиллическаго темперамента. Его сантиментальность доходила до приторности; его либеральныя симпатіи никогда не простырались далѣе округленной и музыкальной фразы. Напрасно, впрочемъ, считаютъ его у насъ основателемъ такъ называемой сантиментальной школы; она явилась гораздо раньше его повѣстей, но онъ распространилъ и популяризовалъ ее въ публикѣ. Какъ редакторъ двухъ лучшихъ журналовъ для своего времени, онъ образовалъ особенный кругъ читателей, которые способны были расплакаться надъ смертью «Бѣдной Лизы», надъ увядшимъ цвѣткомъ, надъ воркованіемъ горлицы и въ то же время хладнокровно смотрѣть на самоуправство сильнаго съ слабымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Карамзинъ образовалъ и особенный разрядъ писателей, которые изъ луны и заката солнца составили обширный циклъ поэзій, столько напустили въ литературу неуловимыхъ красокъ и оттѣнковъ, такъ примирительно и мягко говорили о всемъ, что наконецъ читатели ихъ стали засыпать крепчайшимъ сномъ подъ эти нѣжные звуки; кроткіе въ своихъ надеждахъ, умѣренные въ требованіяхъ идеи, эти писатели — отъ которыхъ теперь осталось только нѣсколько зазимовавшихъ чижиговъ подъ чужимъ небомъ — ужасно не любили сильные драматическіе порывы въ жизни или творчествѣ; наше рѣзкое слово, наша суровая и неумытая муза возмутила бы ихъ до глубины души; они являлись передъ публикой, какъ прелестныя дѣти на картинахъ Рубенса, съ пухленькими щеками и простоватыми улыбками... То же идиллическое

настроение Карамзинъ перенесъ и на «исторію государства російскаго». Онъ принялся за этотъ колоссальный трудъ въ зрѣломъ возрастѣ, съ охлажденнымъ юношескимъ воображеніемъ, съ большею литературной опытностью, но пришелъ къ тѣмъ же результатамъ, что въ его историческихъ разсказахъ. Среди пустыни онъ отыскивать картины, лирическіе эпизоды, контрасты и параллели, а идея народной жизни исчезла изъ его глазъ, т. е. онъ принялъ декорации за самую жизнь. Исторія Карамзина давно потеряла свое значеніе, какъ патріотическая пропаганда, но она еще долго будетъ справочной книгой для молодаго специалиста.

Къ какой же категоріи мы отнесемъ убѣжденія Карамзина?—Люди, подобные ему, не имѣютъ убѣжденій; они могутъ быть честными и благородными людьми, но это зависитъ не столько отъ нихъ самихъ, сколько отъ обстоятельствъ, руководящихъ ими. Они не создаютъ ни эпохъ, ни реформъ, а плывутъ вслѣдъ за волной жизни, съ которой имъ бороться не подъ силу. Въ минуты трудныя и рѣшительныя они прячутся отъ битвы, но являются на сторонѣ побѣдителей, кому бы побѣда не принадлежала. Нѣтъ такого порядка вещей, съ которымъ бы они не могли ужиться, если только онъ не беспокоитъ ихъ лично. Это люди *очень чувствительные*—вотъ все, что можно въ похвалу ихъ сказать.

Р. Р.

ГОРЕ ОТЪ УМА, А. С. Грибоѣдова. *Первое полное изданіе*
Н. Тиблена. С.-Петербургъ 1862 г.

Почти сорокъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ комедія Грибоѣдова сдѣлалась извѣстной публикѣ, но вотъ наконецъ является и *полное* изданіе ея; покойному автору возвращается его собственность сполна. Нельзя сказать, чтобъ дополненія этого новаго изданія были очень значительны по сравненію съ прежнимъ текстомъ, но они важны по своему внутреннему достоинству. Къ типичности трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ—Фамусова, Чацкаго и Скалозуба прибавлено нѣсколько новыхъ чертъ, и оттого характеры ихъ выступаютъ еще ярче и дѣлаются болѣе вѣрными своей художественной правдѣ.

У Грибоѣдова нѣтъ лишнихъ словъ, очень мало фальшивыхъ мотивовъ и потому каждая воспроизведенная строчка сообщаетъ большую энергію его произведенію. Мы удивляемся исторической живучести его героевъ; они такъ свѣжи, такъ мало потерпѣли отъ времени и нашихъ общественныхъ условий, что какъ будто ихъ сохранили въ безвоздушномъ пространствѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ, на показъ любопытному потомству. Внимательно вглядываясь въ нравственную физиономію Фамусова, Скалозуба, Молчалина, Репетилова и графини Хрюминой, такъ и хочется сказать: «вѣдь это наши знакомые и пріатели, съ которыми мы вчера обѣдали, танцовали, потомъ зѣвали отъ скуки, сватались за ихъ дочерей, и потомъ опять зѣвали отъ скуки; завтра и послѣ завтра мы опять встрѣтимся съ ними и опять будемъ также сплетничать и подслуживаться, какъ мундирный автоматъ—Молчалинъ!» Отчего такая поразительная вѣрность стараго рисунка съ современнымъ оригиналомъ? Или жизнь и развитіе ея остались въ томъ же видѣ, какъ были въ началѣ двадцатыхъ годовъ, или художникъ такъ глубоко заглянулъ въ нее, такъ мастерски обрисовалъ свои фигуры, что онѣ не блѣднѣютъ ни отъ перемены воздуха, ни отъ движенія календаря? Но предположить первое—значило бы оклеветать жизнь: процессъ ея не останавливается ни на одну минуту. Въ эти сорокъ лѣтъ порождались новыя поколѣнія и умирали; земля точно также правильно обращалась на своей оси, одна весна смѣнялась другой, строились желѣзныя дороги, проводились телеграфическія нити, вставали и падали революціи, являлись и погибали новые таланты, а Фамусовъ и его друзья остались съ той же душой. Да, формы жизни измѣнились, а понятія остались прежнія; неподвижность ихъ, какъ египетское бальзомированіе, бережетъ свои муміи какъ отъ разложенія, такъ и отъ перехода ихъ въ новыя жизненные типы.... Послушайте, напримѣръ, какъ ясенъ и понятенъ старый Фамусовъ своимъ дѣтямъ и внукамъ:

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то, всё вы гордецы!
 Спросили бы, какъ дѣлали отцы?
 Учились бы, на старшихъ глядя.
 Мы напримѣръ.... или покойникъ дядя,
 Максимъ Петровичъ: онъ не то—на серебрѣ,
 На золотѣ обѣдалъ; сто человекъ къ услугамъ;
 Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣрно цугомъ.

(*) *Впкъ при Дворъ, да при какомъ Дворъ!*
Тогда не то, что нынѣ:
При государынь служилъ Екатеринъ!
А въ тѣ поры всѣ важны.... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся — тупеемъ не кивнуть;
Вельможа въ случай, тѣмъ паче,
Не какъ другой — и пилъ, и пьлъ иначе!
А дядя — что твой князь! Что графъ!
Серьезный видъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сибался въ перенѣбъ.
На куртажъ ему случалось оступиться:
Упалъ — да такъ, что чуть затылка не прошибъ;
Старикъ захохалъ.... голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой:
Извоили смѣяться.... Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ въ другой разъ — ужъ нарочно;
А хохотъ пуще — онъ и въ третій разъ также точно!
А? Какъ по вашему? По натеку — смѣшиленъ:
Упалъ онъ больно, всталъ здорово.
За то бывало въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при Дворѣ пріятливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми знаетъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чинъ выводитъ кто и пенсію даетъ?
Максимъ Петровичъ! Да!... Вы — митингѣ, — шутка!

Но если поколѣвіе Фамусовыхъ сберегло свою первобытную личность, то этого нельзя сказать о Чацкомъ. Это—тотъ единственный русскій типъ, на которомъ отражались тѣ или другія явленія нашего общественнаго быта; онъ прошелъ черезъ Печорина и выросъ до Базарова; на немъ легли всѣ суровыя черты жизни, за которой онъ блуждалъ по всѣмъ ея темнымъ закоулкамъ; онъ патерифлся и окрѣпъ, онъ менѣе скучаетъ, рыщетъ по свѣту и больше работаетъ. По отношенію къ опекунамъ и благодѣтелямъ онъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ, и мы не сдѣлаемъ ни малѣйшаго анахронизма, если обратимся

(*) Примѣч. Стихи, помѣченные курсивомъ, являются въ первый разъ въ печати.

съ его ѣдкой насмѣшливой и скептической рѣчью къ нашимъ отцамъ и дядямъ, во мнѣніи которыхъ мы доселѣ слышемъ за опасныхъ мечтателей и сѣумасшедшихъ. Повторимъ, наприимѣръ, за Чацкимъ хоть слѣдующій монологъ:

А судьи кто?... За древностію лѣтъ,
 Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима:
 Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
 Время очаковскихъ и покоренья Крыма.
 Всегда готовые къ журбѣ,
 Поютъ все пѣснь одну и ту же,
 Не замѣчая о себѣ:
 Что старѣе, то хуже.
 Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
 Которыхъ мы должны принять за образцы?
 Не эти ли, грабительствомъ богаты?
 Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
 Великолѣпные соорудя палаты,
 Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
 И гдѣ не истребятъ кліенты-иностранны
 Прошедшаго житья подлѣйшія черты?
 Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
 Обѣды, ужины и танцы?
 Не тотъ-ли, вы къ кому неоя, еще съ полень,
 Для замысловъ нашихъ-то непобѣдимыхъ,
 Дитя въ весиле на вѣселахъ,
 Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
 Толпою окруженный слугъ?
 Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
 И жизнь, и честь его не разъ спасали; вдругъ
 На нихъ онъ вымѣнялъ борзыхъ три собаки!
 Или — вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
 На крѣпостной балетъ сигналъ на многихъ фурахъ
 Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
 Самъ, погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
 Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
 Но должниковъ не согласилъ къ отстрочкѣ:
 Амуры и зефиры всѣ
 Распроданы поодиночкѣ!
 Вотъ тѣ, которые достигли до сѣдницъ!

Вотъ уважать кого должны мы на безлюдь!
 Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
 Теперь, пускай, изъ насъ одинъ,
 Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ искамі;
 Не требуя ни мѣсть, ни повышень въ чинъ,
 Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
 Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
 Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
 Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
 И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!
Мундиръ! одинъ мундиръ! Онъ, въ презнежъ ихъ быту,
Когда-то укрывалъ — расшитый и красивый —
Изъ слабодушіе, разсудка нищету,
И нажъ за ними въ путь счастливей?
И въ женахъ, въ дочеряхъ къ мундиру та же страсть.
Я самъ къ нему давно ль отъ нѣжности отрехся?
Теперь ужъ въ это мнѣ ребячество не власть,
Но ктобъ тогда за вѣщи не увлекся?
Когда изъ гвардіи, шны отъ двора.
Сюда на время прѣзжамъ.
Кричали женщины — ура!
И въ воздухъ чепчики бросамъ!

Первое полное изданіе Грибоѣдова, кромѣ литературнаго достоинства, имѣетъ и другую прекрасную сторону. Хорошо напечатанное, на очень порядочной бумагѣ, оно стоитъ только 10 п., и слѣдовательно по общедоступной своей цѣнѣ дѣлается популярнымъ изданіемъ. За это можно сказать искреннее спасибо г. Н. Тиблену. Распространеніе книги и успѣхъ вліанія ея на читающую массу живого зависятъ отъ дороговизны или дешевизны. Мы бѣдны, напримѣръ, по сравненію съ Англичанами, но Англія давно читаетъ своего Шекспира, покупая его за два шиллинга, а мы платимъ за Пушкина семь рублей и тѣмъ обращаемъ его почти въ исключительную собственность однихъ богатыхъ или очень достаточныхъ людей. Когда каждый изъ нашихъ лучшихъ писателей будетъ стоить не дороже пятидесяти копѣекъ, тогда уровень грамотности и умственнаго развитія, нѣтъ сомнѣнія, значительно поднимется.

Мы не можемъ не заявить здѣсь и того удовольствія, что въ нашей книгопродавческой дѣятельности стали появляться люди образованные, какъ гг. Тибленъ и Серно-Соловьевичъ. Доселѣ у насъ, ка-

жется, было только три книгопродавца, которые умѣли правильно подписать свое имя подъ письмомъ, а между тѣмъ прогрессъ литературы и обезпоченіе умственного труда, — самаго жалкаго труда въ Россіи, — тѣсно связанъ съ книжнымъ производствомъ и торговлею, и прямо зависитъ отъ ихъ успѣховъ и добросовѣстности. Г. Тибленъ, если не ошибаемся, началъ свою издательскую дѣятельность съ перевода бельгійской Коробочки, г. Молвнари, но онъ рѣшительно исправился въ послѣднее время. И если онъ дастъ намъ, согласно своему объявленію, въ русскомъ переводѣ книгу Милля «О представительномъ правленіи», тогда мы простимъ ему даже за бельгійскую Коробочку.

Р. Р.

Всемирная Исторія Ф. Шлоссера. Т. I и II. С. Петербургъ. 1861 и 62 г.

Шлоссеръ началъ писать свою всемірную исторію еще въ 1811 году; успѣлъ ее кончить; успѣлъ умереть 85 лѣтъ, создавъ себѣ громадную славу какъ историкъ; а у насъ переводъ этого сочиненія началъ появляться только нынче. Отчего бы могла случиться подобная медленность? А между тѣмъ были у насъ и переводчики, и типографіи, и издатели; переводились Парижскія тайны и всякая ерунда, а Шлоссера все-таки не переводили. Причина этому весьма простая. Шлоссеръ человекъ исключительный, а исторія его — исторія слишкомъ хорошая; зачѣмъ же ей было появляться, когда у насъ уже существовали Кайдановъ, Иванъ Шульгинъ, Смарагдовъ, Устряловъ; когда эти господа писали вполне и назидательно, и нравственно. Къ чему было мѣшать въ эту компанію вѣжливыхъ и деликатныхъ ученыхъ такого простаго и грубаго Фризійца, какъ Шлоссеръ? Чему бы могъ научить такой человекъ? Только бы противорѣчилъ Ивану Шульгину и покойному Кайданову. Что жъ въ этомъ хорошаго? Вотъ Шлоссеръ у насъ и не появлялся.

Несмотря однако на враждебность Россіи, Шлоссеръ продолжалъ заниматься историческими трудами, а хоть и послѣ смерти, но достигъ того, что и Россія признала въ немъ историка, у котораго можно учиться.

Шлоссеръ пробилъ къ исторіи новую дорогу. Онъ неудовлетворилъ-

ся мерываніемъ архивныхъ документовъ; для разъясненія поступковъ людей, причинъ тѣхъ или другихъ историческихъ событій, онъ обратился къ такимъ источникамъ, которые были открыты для всѣхъ, и на которые вѣроятно по этой-то причинѣ и не обращали вниманія—Шлоссеръ обратился къ литературѣ; въ ней искалъ онъ разъясненія того, о чемъ молчали голые историческіе факты. Этотъ Шлоссеръ не только расширилъ методу историческаго изложенія, но и вывелъ вполне народнымъ историкомъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Приемъ Шлоссера вывелъ обратнымъ. Выѣсто того чтобы въ фактахъ искать объясненія народнаго духа, онъ въ духовныхъ стремленіяхъ народа началъ искать разъясненія причинъ и смысла фактовъ. Народъ не представлялся ему совокупностью чего-то смертнаго, бессмысленнаго и слабаго, которымъ можно управлять вполне по произволу,—но самобытной силой, можетъ быть не всегда сознательной; не всегда достаточно развитой, очень часто попадающей въ руки обманщиковъ и плутовъ, но тѣмъ не менѣе имѣющей извѣстное направленіе, извѣстное стремленіе, которыхъ накакой произволъ въ міръ сломать не можетъ. Въ этомъ случаѣ у Шлоссера былъ взглядъ совершенно обратный сравнительно съ историками старой рутинной школы. Шлоссеръ знаетъ, что существуютъ правительства, что они играютъ важную роль въ исторіи; но онъ знаетъ также, что въ то же время существуетъ народъ, что народомъ двигаютъ свои законы, свои внутреннія побужденія и что онъ также сила, идущая неуклонно своимъ путемъ.

Смотря на исторію какъ на проявленіе народнаго духа, Шлоссеръ видѣлъ возможность вѣрной оцѣнки какаго нибудь народа и событій новѣйшей эпохи только въ томъ случаѣ, когда историкъ умѣлъ перенестись вполне въ описываемую имъ эпоху, когда онъ умѣлъ усвоить себѣ міросозерцаніе того времени. Въ этомъ Шлоссеръ выказалъ взглядъ совершенно противоположный такимъ историкамъ, какъ Вольтеръ, Шиллеръ, Вольтманъ. Эти господа желали сами рисоваться въ исторіи; своимъ міросозерцаніемъ они заслоняли духъ описываемаго ими времени.

При такомъ здоровомъ взглядѣ на исторію, задача Шлоссера заключалась въ томъ, чтобы и въ читателѣ пробудить здоровый взглядъ на событія и на людей, чтобы поставить его въ возможность составить о нихъ независимое сужденіе. Шлоссеръ даетъ читателю всѣ матеріалы для этого; а вѣрностью своихъ выводовъ и безпристрастностію приговора, нѣрѣдко весьма строгаго, онъ дѣлаетъ переломъ въ мыслѣ читателя и заставляетъ его разочаровываться во многихъ, на

что научили смотреть людей неправильно такіе историографы, какъ Иванъ Шульгинъ и Кайдановъ.

Шлоссера обвиняли въ томъ, что у него недостаетъ политической и національной критики. Но это мнѣніе менѣе всего справедливо. Находили, что Шлоссерь не имѣетъ никакихъ политическихъ принциповъ и что изъ страсти все бранить, онъ не даетъ значенія никакой формѣ правленія—ни монархіи, ни республикѣ. Дѣйствительно, Шлоссерь не принадлежитъ ни къ какой партіи, не придерживается никакой правительственной догмы. Но развѣ историкъ можетъ держаться какой нибудь партіи? Шлоссерь ненавидѣлъ систематику и неумѣлъ приходить въ восторгъ отъ учреждений и организацій управленій, когда они были хороши только въ теоріи; онъ неудовлетворялся тѣмъ, что люди хотѣли сдѣлать, если они въ дѣйствительности не сдѣлали ничего. Онъ считалъ лучшимъ не то государство, въ которомъ написаны лучшіе законы, а то, гдѣ существуютъ лучшія нравы и гдѣ менѣе всего нужно наказаніе. Благоденствіе большинства—вотъ точка отправления Шлоссера. Все что идетъ противъ блага всѣхъ — учреждения, отдѣльные сословія или государственные люди, все это преслѣдуетъ Шлоссерь безошадно, не давая себѣ даже никакого труда приписывать болѣе мягкія выраженія. Онъ былъ демократъ до мозга костей. Но это не мешало ему смотреть правильно и на массу. Онъ судилъ объ ней какъ и всякій, кто имѣлъ возможность изучать ее. Онъ зналъ, что сужденія и приговоры ея не всегда вѣрны; что она легко впадаетъ въ ошибки; что изъ одной крайности она переходитъ въ другую. И все-таки это не было для него основаніемъ, чтобы отдѣлать народъ отъ государства и управленія; напротивъ, онъ тѣмъ горячѣе предавался народу. Благосостояніе каждаго отдѣльнаго члена считалъ онъ благосостояніемъ государства. При всемъ аристократизмѣ своей натуры, Шлоссерь остался вѣренъ демократическимъ, національнымъ стремленіямъ своей родины. Онъ былъ Фризъ и какъ истинный сынъ своей страны, гордился своими земляками.

Шлоссерь не отдѣлялъ человека отъ ученаго; оттого онъ не давалъ никакой цѣны человеку, напитанному всякой мудростью, но не знающему, что съ ней дѣлать; людямъ, которые изъ науки не умѣли сдѣлать никакого примѣненія ни для себя, ни для общественной жизни, которые теряли изъ виду настоящую цѣль образованія и пользовались имъ для достиженія неблагородныхъ внѣшнихъ цѣлей. Шлоссерь былъ не таковъ. Онъ былъ и дома, и въ школѣ такимъ же, какимъ былъ въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что только

тотъ дѣйствуетъ на людей, кто дѣйствуетъ на самого себя; будь только самъ чѣмъ нибудь, а польза будетъ отъ человѣка и будетъ она идти все шире и шире. Одинъ англійскій писатель охарактеризовалъ Шлоссера такимъ образомъ: «это человѣкъ, котораго важность несоотвѣтствуетъ его внутреннему содержанію; это прекрасный, но нерѣдко разстроенный инструментъ; это часы, у которыхъ минутная стрѣлка иногда фальшивитъ, но за то часовая идетъ всегда вѣрно; онъ какъ спасительное лекарство, большой силы, но горькаго вкуса, которое сначала проклинаютъ, но потомъ благословляютъ». И это мнѣніе совершенно вѣрно. Въ исторіи своей Шлоссеръ честно проводитъ свои убѣжденія; болѣе честнымъ, какъ онъ, быть невозможно. Онъ стѣсняется безъ церемоніи съ пьедестала такъ называемыхъ великихъ людей, которымъ величіе досталось слишкомъ легко отъ снисходительныхъ рутинныхъ историковъ прежняго времени. Онъ не церемонится съ историческими авторитетами, когда авторитеты и имена стоятъ ниже того уровня чести, благородства и гражданственности, которыя признаетъ Шлоссеръ справедливыми. Онъ не довольствуется той домашней моралію, которая служитъ мериломъ нравственности для людей пустыхъ, утѣющихъ примирять и извинять все, потому что они сами нуждаются на каждомъ шагу въ извиненіи. Люди этого сорта и взвели на Шлоссера обвиненіе, что у него слабость браниться. Не, разумѣется, они не читали его исторіи; а иначе они бы увидѣли, что онъ никогда не отказывалъ въ величій тѣмъ, кто сдѣлалъ благо народу. Правда, Шлоссеръ выражается нѣсколько рѣзко, называетъ дураковъ глупцами и вообще не обращаетъ вниманія на изящество языка и красоту формы, не придавая ей особаго значенія; но и это было потому, что задачей своей онъ избралъ сущность, содержаніе, а не изящность языка и красоту картинъ. Эта—то манера называть вещи ихъ собственными именами и показалась деликатнымъ, но пустымъ людямъ, слабостью браниться.

До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было ничего подобнаго всемірной исторіи Шлоссера и мы не знаемъ другаго чтенія, которое было бы такъ полезно. Кто хочетъ понимать съ точки общественнаго интереса историческія событія, тотъ научится этому лучше всего у Шлоссера.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО О ПАПСТВѢ.

Pio IX per Francesco Dall' Ongaro, Torino. 1861. Rome et le vicuire Savoyard par I. Crétineau-Joly, Paris. Le Roi de Rome par J. R. Charles Paya. Paris. Plus de Question romaine. (Appel au concile national) par J. M. Cayla, Paris. Un catholique au père Passaglia par François Durand, Paris. La souveraineté pontificale et la liberté par Albert de Broglie, Paris. L'Italie et la question Romaine par le duc de Valmi, Paris.

Пій ІХ, Франческо Далль-Онгаро. Римъ и савойскій намѣстникъ, Кретино-Жоли. Римскій король, Карла Пейл. Нѣтъ больше римскаго вопроса, — воззваніе къ вселенскому собору, Кайла. Католикъ къ отцу Пассалиа, Франсуа Дюрана. Папское самодержавіе и свобода, Альберта Брольи. Италия и римскій вопросъ, герцога Вальми.

Ни одинъ изъ современныхъ вопросовъ не возбудилъ столько толковъ и пересудовъ, какъ вопросъ римскій; потому что съ нимъ связано не только единство Италіи, но и свѣтская власть папы. Съ уничтоженіемъ ея начинается для католицизма новая эпоха, и потому не мудрено, что такое столкновение преданія съ идеями прогресса вызвало бездну брошюръ самыхъ различныхъ направленій. Не смотря

на внутреннюю пустоту большей части этихъ брошюръ, мы радуемся такому явленію: оно показываетъ до какой степени политическая жизнь развита на западѣ: всякій спѣшитъ сказать свое задушевное слово, подѣлиться своей мыслью. Нѣтъ сомнѣнія, что весьма многіе изъ нихъ увидѣли свѣтъ вслѣдствіе вліянія правительства или клерикальной партіи, но самая необходимость прибѣгнуть къ общественному мнѣнію, склонить его на свою сторону — показываетъ, что политическіе инстинкты не замерли во Франціи, не смотря на стѣснительныя условія, въ которыя поставлена французская журналистика.

Всѣ брошюры о римскомъ вопросѣ можно раздѣлять на три категоріи: къ первой принадлежатъ защитники свѣтской власти папы, ко второй—противники ея, но приверженцы французской гегемоніи, къ третьей—послѣдователи неокатолицизма и реформации. Всѣ они ставятъ вопросъ съ исторической точки зрѣнія, а нѣкоторые смотрятъ на него сверхъ того какъ на политическую необходимость и оправдываютъ занятіе Французами Рима, восхваляя въ то же время кротость Пія IX и прочія его добродѣтели...

Мы уже рассмотрѣли прежде вопросъ о папствѣ съ исторической и критической точки зрѣнія; мы показали значеніе историческаго основанія свѣтской власти папъ и несовмѣстимость реформъ съ этимъ принципомъ (*)—теперь рассмотримъ, возможно ли, чтобы какая нибудь талантливая личность на папскомъ престолѣ могла сохранять прежнее значеніе безъ радикальныхъ преобразованій, безъ нанесенія папству рѣшительнаго удара, безъ обновленія его неокатолицизмомъ; намъ кажется, что ни Григорій VII, ни Иннокентій, ни Сикстъ не могли бы поправить дѣла,—тѣмъ труднѣе это Пію IX.

Напрасно панегиристы восхваляютъ его добродѣтели и способности; напрасно, представляя его жертвой, призываютъ къ защитѣ его легіоны вѣрующихъ — внимательное изслѣдованіе его жизни показываетъ, что онъ едва ли можетъ даже палліативными мѣрами замедлить паденіе свѣтской власти...

Но прежде чѣмъ приступить къ біографіи папы, приведемъ нѣкоторые изъ восторженныхъ отзывовъ его поклонниковъ, чтобы показать въ какой мѣрѣ ихъ идеалъ расходится съ дѣйствительностью. «Пій IX напоминаетъ добродѣтелями своими пастырей первоначальной

(*) Русское Слово. Янв. 1862 г., отд. ин. лит.

церкви; онъ происходитъ прямо отъ Лина, а не отъ Юлія II; онъ не хотѣлъ объявить войну Австрійцамъ, хотя она касалась справедливаго и національнаго дѣла и имѣла на своей сторонѣ всѣ симпатіи его итальянскаго сердца. (Valmi 18)».

«Потомство скажетъ, что церковь спасла тѣхъ, которые хотѣли ее погубить; она простерла спасительную руку вольнодумцамъ въ тотъ мигъ, когда они готовы были пасть подъ бременемъ идей, ими же поднятыхъ. Тогда воздадутъ Пію IX почести, которыя его смиреніе отвергаетъ теперь; тогда оцѣнятъ вліяніе его слова, которое, нисходя съ трона св. Петра, раздалось по всему міру. Могутъ сказать о многихъ первосвященникахъ, что они побѣдили силой, о Піѣ же IX скажутъ, что онъ побѣдилъ идеями. Приписывать ему значеніе противоположное—значило бы добровольно отвергиваться отъ истины и не понимать настоящихъ причинъ событій 48 года».

«Когда Піи IX вступилъ на престолъ, огонь революціи пылалъ въ Италиі также какъ и въ остальной Европѣ. Государственные люди Франціи и Германіи хотѣли потушить волканъ, но онъ разразился подъ ихъ ногами; тогда какъ Піи IX умѣлъ предварить взрывъ благоразумной умѣренностью... Далекій отъ того, чтобъ содѣйствовать этимъ переворотомъ, свѣтскій государь Рима противился имъ всѣмъ нравственнымъ могуществомъ, которое пріобрѣлъ себѣ, которое составляетъ истинную силу первосвященниковъ. Могущество славно! Оно позволило Пію IX пережить другихъ европейскихъ государей и дать имъ время и силы, чтобы снова восторжествовать (Valmi, 80—81)».

«Въ этомъ общественномъ переворотѣ, котораго значенія, можетъ быть, не понимаютъ сами его виновники, въ этомъ униженіи религіозной власти, котораго никто еще не осмѣлялся измѣрить, одинъ человекъ остается спокойнымъ, безстрастнымъ, улыбающимся. Взаимныя жалобы и гнѣвъ, горестъ и слезы, крики и радости или негодованія, преданность и оскорбленія, злые умыслы и юридическія отговорки, надобданія и совѣты, обманы и обѣщанія—все каждый мигъ смѣшивается у подножія его трона; но этотъ развѣнчанный и ограбленный старикъ остается попрежнему свободенъ умомъ и твердъ сердцемъ... Онъ выпилъ до дна чашу революціонныхъ горечей... Онъ былъ осажденъ, осужденъ и мучимъ тѣми, которымъ по собственному побужденію даровалъ самое великодушное прощеніе и самыя широкія реформы (Crétineau Joly)».

«Вы обвиняете св. отца во враждебности, въ упорствѣ передъ

*

жалобами Италіи, вы говорите, что онъ глухъ къ голосу цивилизованныхъ націй. Но скажите мнѣ, господинъ аббатъ, не были ли вы въ какой нибудь отдаленной миссіи лѣтъ 15, проповѣдая евангеліе дикарямъ антиподовъ, или ваши умственные способности пострадали? Какъ! прѣзрѣсти подобное сужденіе о первосвященникѣ, который реформами 47 года былъ предтечей италіанской эмансипаціи... (Dugand. 8) ».

Похвалы другихъ, какъ папр. архіепископа орлеанскаго еще больше. Находятся даже люди, которые, основываясь на ногѣ г. Рейневаль, бывшаго посланникомъ въ Римъ, увѣряютъ, что церковныя области облагодѣтельствованы папой по возвращеніи его изъ Гаэты. Вотъ что говоритъ г. Рейневаль: «папскіе законы выше критики; законъ о залогѣ имуществъ считается образцовымъ. Величайшее уваженіе къ независимости судейской власти провозглашено и исполняется на дѣлѣ. Финансовая консульта, составленная изъ членовъ, представленныхъ муниципалитетами на выборъ папы, занимается контролемъ государственныхъ расходовъ. Государственные отчеты ежегодно публикуются... Муниципальныя реформы такъ полны и обширны, что невольно рождается вопросъ: не лучше ли ихъ нѣсколько ограничить и расширить опеку правительственной власти? Римскій банкъ (учрежденіе первоначально французское) который дурно соответствовалъ нуждамъ торговли, теперь преобразованъ, расширенъ и оказываетъ величайшія услуги. Таможенный тарифъ пересмотрѣнъ и на многіе предметы пошлина понижена. Почтовые и торговые трактаты заключены на самыхъ широкіхъ основаніяхъ съ Франціей и съ другими державами... Государственный бюджетъ постепенно приближается къ равновѣсію... Не смотря на ограниченность средствъ, земледѣліе, торговля, промышленность, публичныя работы, искусства покровительствуются. Во многихъ мѣстахъ открыты шоссе, портъ Террачины увеличенъ, пытаются очистить воздухъ въ понтійскихъ болотахъ и окрестностяхъ Рима, занимаются осушеніемъ болотъ Остіи; строятъ великолѣпные водопроводы; по Тибру плаваютъ пароходы; улицы освѣщены газомъ; введены электрическіе телеграфы; сдѣланы уступки ежелъ для желѣзныхъ дорогъ; сдѣланы важныя улучшенія въ управленіи госпиталей, больницъ, тюремъ... Вообще нѣтъ подробности, способствующей нравственному или матеріальному благосостоянію народа, которая избѣжала бы вниманія правительства и не нашла въ немъ расположенія»...

Взглянемъ теперь на другую сторону медали; рассмотримъ, въ какой мѣрѣ справедливы эти похвалы; прослѣдимъ всю жизнь Пиа IX.

Въ половинѣ XVI вѣка одинъ фабрикантъ гребней, не имѣя чѣмъ жить на родинѣ, оставилъ Брешию и удалился въ Синнагію. Этотъ ремесленникъ назывался Альберто Мастаи. Счастье улыбнулось ему и его потомкамъ и въ концѣ XVII столѣтія фамилія Мастаи является уже въ числѣ дворянскихъ. Предпримчивость и умѣнье обрабатывать свои дѣла сдѣлали Джованни Маріа Мастаи мужемъ графини Феретти, которая принесла за собой значительное приданое... Джироламо Мастаи-Феретти женился на графинѣ Солатси. Отъ этого брака родился въ 1792 году Джованни Маріа, нынѣшній папа.

Мальчикъ былъ слабого тѣлосложенія. Худошавый, маленькій, постоянно больной, онъ сталъ подверженъ, сверхъ того, припадкамъ падучей болѣзни съ семилѣтняго возраста (*). Отецъ жалѣлъ о немъ, но тѣмъ не мѣнѣе рѣшился отдать его въ collegію патера Ингирами въ Вольтерру. Молодой Мастаи понравился наставнику и товарищамъ. Они щадили его; его болѣзненность, его кроткій и гибкій характеръ обезоруживали ихъ. Патеръ Ингирами не принуждалъ его учиться, и молодой человекъ имѣлъ полную свободу предаваться влеченіямъ своей фантазіи. Онъ весьма мало занимался языками греческій и латинскимъ, но любилъ читать великихъ поэтовъ, и, вдохновляясь ими, излагалъ свои чувства въ стихахъ, весьма не дурныхъ для его возраста. Между тѣмъ припадки его такъ усилились на 18 году (**), что Ингирами принужденъ былъ написать къ его родителямъ, чтобы они взяли сына изъ collegіи. Не смотря на то, вѣроятно, вслѣдствіе просьбы отца, молодой Мастаи оставался у Ингирами до 1812 года. Возвратившись домой, онъ предавался тѣлеснымъ упражненіямъ: охотѣ, верховой ѣздѣ, игрѣ въ мячи. Синнагія въ то время составляла часть итальянскаго королевства; жители бредили военными подвигами, и Джашъ Маріа успѣшилъ сблизиться съ офицерами, выучился фехтовать, играть на бильярдѣ—и скоро во всемъ сравнялся съ своими товарищами...

Между тѣмъ наполеоновская эпопея кончилась и родители молодого Мастаи стали серьезно подумывать, какъ бы пристроить его. Въ

(*) Gattina-Petrucelli.

(**) Dall Ongaro. Онъ увѣряетъ, что болѣзнь началась только на 17 году. A diciasette anni fu colto dai primi accessi di epilepsia, e dovette abbandonare il collegio...

Римѣ у него были два дяди: одинъ—архіепископъ въ Пезаро, другой—президентъ одного изъ римскихъ судовъ (*Auditoris Camerae*) и каноникъ св. Петра. Они должны были пособить племяннику устроить карьеру.

Пріѣхавъ въ Римъ, Джованни Маріа нанялъ весьма бѣдную комнатку и сталъ ходить обѣдать къ дядѣ президенту. Это дало ему возможность скопить нѣсколько денегъ.

Въ скоромъ времени онъ познакомился съ домами Гижди, Дорія, Потенціани и въ особенности съ Колонна...

Въ это время кончился вѣнскій конгрессъ и стали поговаривать о составленіи для папы благородной гвардіи. Эта гвардія должна была состоять изъ 80 человекъ и пользоваться большимъ жалованьемъ и содержаніемъ; простой солдатъ равнялся въ чинѣ капитану, сержантъ—полковнику, капитанъ—генераль-лейтенанту. Мастан посредствомъ своихъ... знакомствъ и дяди получилъ билетъ на кандидата отъ кардинала Консальви. Молодой человекъ радовался, но вдругъ извѣстіе объ его болѣзни достигло до кардинала и онъ отобралъ у него билетъ... Это поразило Мастан какъ громомъ—онъ рѣшился вступить въ прелатуру. Прелатура въ Римѣ вовсе не имѣетъ тѣхъ стѣснительныхъ условий, какъ въ другихъ государствахъ: младшіе сыновья благородныхъ фамилій могутъ купить извѣстныя должности, которыя открываютъ имъ прелатуру и слѣдовательно путь къ почестямъ. Если же кому наскучило бы дожидаться или представился выгодный бракъ, онъ всегда можетъ возвратиться въ свѣтъ. Благодаря усиліямъ дяди и протекціи, Мастан сдѣлался аббатомъ и сталъ изучать право и посѣщать лекціи адвоката Гариросси; но между тѣмъ онъ рѣже являлся въ общество и... доходы его уменьшились; пенсія, присылаемая отъ семейства оказывалась недостаточной. Дядя его, чтобъ помочь этому горю, убѣдилъ монашья Макараши принять Джана Маріа какъ коадьютора. Тотъ согласился; булла была уже готова, но извѣстіе объ его болѣзни помѣшало отправить ее... Эта неудача окончательно разстроила нашего аббата: онъ хотѣлъ утопиться и бросился къ Тибру; на дорогѣ ему встрѣтился адвокатъ Каттабене, его сосѣдъ и другъ дѣтства; онъ умѣлъ отговорить его отъ самоубійства и отвелъ къ канонику Стораче, духовнику Мастан. Каноникъ былъ тронутъ судьбой своего духовнаго сына и предложилъ ему мѣсто въ пріютѣ *Tata Giovanni*, которымъ завѣдывалъ. Этотъ пріютъ былъ назначенъ для малолѣтнихъ вѣнскихъ: ихъ воспитывали тамъ и учили какому нибудь ремеслу. Джованни Маріа принялъ на себя должность преемника

и совершенно отдался своему долгу: бросилъ всё прежнія зна-
комства и повелъ строгую регулярную жизнь. Отъ этого здо-
ровье его такъ поправилось, что эпилептическіе припадки почти
совершенно прекратились. Онъ воспользовался этимъ, взялъ док-
торское свидѣтельство и сдѣлался священникомъ... Проповѣди его въ
скоромъ времени доставили ему блестящую извѣстность. Слухъ объ
этомъ достигъ до Одескалки, который въ то время, вмѣстѣ съ Піатти
занимался вербованіемъ миссіонеровъ. Въ Римѣ существуетъ обычай
набирать проповѣдниковъ для ночныхъ проповѣдей, для рѣчей на пло-
щадяхъ, для наставленій простому народу, излагаемыхъ часто въ гру-
бой формѣ. Такимъ вербованіемъ занимаются люди, пользующіеся
особеннымъ расположеніемъ правительства,—въ провинціяхъ знаютъ это
и обращаются обыкновенно къ нимъ для полученія проповѣдниковъ.
Такъ случилось и въ этотъ разъ: архіепископъ Синнагалии обратился
къ Одескалки съ просьбой прислать ему проповѣдниковъ. Тотъ
согласился и въ число посланныхъ помѣстилъ аббата Мастан. Появ-
леніе его на родинѣ возбуждало фурроръ. Блестящія импровиза-
ціи его на ночныхъ проповѣдяхъ при свѣтѣ только нѣсколькихъ
свѣчей въ церкви, погруженной въ глубокой мракъ, производили потря-
сающіе впечатлѣнія. Еще больше вліянія имѣли проповѣди его на пло-
щадяхъ при блескѣ факеловъ и тысячи свѣчей, озарившихъ окна домовъ,
выходившихъ на площадь. Посрединѣ ея возвышались подмости; ря-
домъ съ ними громадное распятіе, на каедрѣ черепъ со вставленной
въ него свѣчей... Представьте себѣ при этой обстановкѣ молодого,
красиваго человѣка, одѣтаго эффектно, одареннаго звучнымъ, симпатич-
нымъ голосомъ и пламеннымъ воображеніемъ—и вы поймете, какое
онъ производилъ впечатлѣніе, когда, погружая руки въ горящій спиртъ,
говорилъ о пламени чистилища! Женщины были отъ него безъ ума
и его исповѣдальня постоянно была окружена толпами кающихся...
Мадамъ Симонелли чувствовала къ нему самую жгучую страсть; ма-
донна Ферегги сдѣлалась визионеркой и по отъѣздѣ Мастан всту-
пила въ монастырь...

Возвратившись въ Римъ, онъ долженъ былъ скоро оставить пріютъ
Tata Giovanni, потому что имѣлъ непріятность съ однимъ изъ своихъ
товарищей. Мастан пожаловался своему покровителю, кардиналу дела
Дженга (впослѣдствіи Льву XII). Чтобы заглушить ссору, кардиналъ
выхлопоталъ ему мѣсто секретаря въ миссія, которая отправлялась
въ Чили. Между тѣмъ кардиналъ Консалви общалъ это мѣсто

другому канонику Саллюсти; его поразило назначеніе Мастаи, но онъ не осмѣлился противиться папѣ и только приказалъ монсеньору Мутси оставить его, гдѣ вздумается, при первомъ припадкѣ эпилепсiи... Между тѣмъ Пій VII умеръ и на мѣсто его вступилъ Левъ XII. Мутси долженъ былъ взять съ собой Мастаю, все еще надѣясь, что падучая болѣзнь выручитъ его изъ затрудненія; но ожиданія его не оправдались; не смотря на всю трудность путешествія, Мастаю ни разу не былъ боленъ. Видя невозможность представиться въ Чили съ двумя секретарями, монсеньоръ Мутси назначилъ нашего аббата частнымъ секретаремъ...

Миссія началась. Мастаю по обычаю говорилъ ночныя проповѣди, но не имѣлъ успѣха: Чилийцы оставались холодны, не смотря на всѣ эффекты проповѣдника. Что же касается до политической части миссiи, то она также не имѣла успѣха, потому что Мастаю видѣлъ свою выгоду въ неудачѣ ея и старался возбуждать подозрѣнія въ государственныхъ людяхъ и въ высшемъ духовенствѣ Чили, ссорилъ начальника миссiи съ секретаремъ Саллюсти... наконецъ миссія должна была увѣзти немедленно.

Мастаю думалъ было остаться; онъ образовалъ уже себѣ партію въ высшемъ кругу; онъ въ минуты увлеченія не прочь былъ даже отъ мученичества; онъ думалъ успѣть тамъ, гдѣ потерпѣлъ поражение архіепископъ; но тотъ не допустилъ его привести свой замыселъ въ исполненіе и насильно заставилъ отправиться вмѣстѣ съ миссiей въ Европу.

Левъ XII симпатизировалъ со всѣми поэтическими и возвышенными характерами; онъ чрезвычайно любилъ энтузіастовъ и высоко цѣнилъ политическую ловкость. Вскорѣ по возвращеніи Мастаю получилъ мѣсто президента въ пріютѣ св. Михаила.

Этотъ пріютъ былъ назначенъ для раскаявающихся женщинъ, для дѣтей воровъ, преступниковъ, бродягъ и—бѣдныхъ родителей: тамъ они получали воспитаніе и учились какому нибудь свободному искусству.

Мастаю зналъ характеръ новаго папы и успѣлъ ему угодить. Левъ XII, бывши еще кардиналомъ, на политическомъ поприщѣ потерялъ вѣру въ честность и благородство. Поставленный въ сношенія съ людьми, которыхъ долженъ былъ обманывать и открывать ихъ обманы, принужденный прибѣгать къ слугамъ и приближеннымъ министровъ, онъ возвратился въ Римъ съ полнымъ презрѣніемъ къ людямъ. Избранный папой, онъ думалъ возвратитъ папству пре-

жнее значеніе исправленіемъ нравовъ духовенства, преслѣдованіемъ науки и прогресса и строгостью въ наказаніяхъ. Но первое было невозможно, потому что зло скрывалось въ самомъ учрежденіи; послѣднее же ограничивалось вспышками личнаго произвола. Правда, Левъ XII былъ безпощаденъ: предъ судомъ его были равны всѣ, но все—таки этотъ судъ не обезпечивалъ невинности обвиняемаго, потому что папа былъ чрезвычайно упоренъ, и если воображалъ, что кто нибудь виноватъ—не было возможности разуверитъ его въ противномъ.

Чтобъ понравиться такому первосвященнику, Мاستаи утрировалъ строгость и усердіе. Санъ сполеттскаго архіепископа былъ ему наградой; но и въ новомъ званіи онъ не измѣнилъ своего поведенія и не заслужилъ привязанности въ своей епархіи. Между тѣмъ Левъ XII умеръ, за нимъ скорѣ послѣдовалъ и преемникъ его Пій VIII; революція вспыхнула... Архіепископъ принужденъ былъ бѣжать; этотъ урокъ и невзвѣстность, какой политикъ будетъ слѣдовать новый папа, пріостановили нѣсколько усердіе Мастаи тѣмъ болѣе, что братья его были замѣшаны въ революція... Поступки его въ эту эпоху очень замѣчательны; онъ спасъ нѣсколько либераловъ отъ гнѣва инквизиторовъ и въ то же время велѣлъ вырыть изъ могилы трупъ одного карбонари; когда же генералъ Серконьани приблизился къ Риму, онъ предложилъ ему 12 т. экю и тѣмъ заставилъ его отступить. Это поведеніе доставило Мастаи санъ кардинала и архіепископство Имолы съ 9 т. экю дохода (около 14 т. р. сереб.). Впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ такой награды нельзя приписать одиѣмъ его заслугамъ: папа былъ предубѣжденъ противъ него, но другія Мастаи умѣли разсѣять его предубѣжденія.

Сдѣлавшись архіепископомъ въ Имоля, Мастаи перемѣнилъ свое поведѣніе сообразно характеру новаго папы. Григорій XVI былъ ученый теологъ, большаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ простоватымъ, но всегда веселымъ выраженіемъ лица; онъ постоянно улыбался, обращаясь запросто съ окружающими, былъ большой охотникъ до мистицизмовъ; въ религіи не отличался большой вѣрой, и проклиналъ искренно однихъ либераловъ. Во время путешествія своего по римскимъ областямъ онъ не простилъ ни одного изъ бывшихъ на каторгѣ.

Окружавшіе Григорія XVI уподобялись ему: почти всѣ кардиналы обзавелись любовницами.

Разумѣется, при такомъ папѣ Мастаи не считалъ нужнымъ придерживаться прежней системы жестокости; онъ не преслѣдовалъ либераловъ въ своей провинціи, онъ противился произволу вооруженныхъ

сбирвъ (centurioni)—и это доставило ему любовь народа. Но, съ другой стороны, онъ не терялъ расположенія Григорія: для этого онъ прекратилъ сношенія съ своимъ семействомъ, которое считалось по книгамъ полиціи либеральнымъ; для этого онъ всѣми мѣрами старался угодить кардиналамъ болонскому, равенскому и Форли. Что касается до частной жизни Мастан, онъ раздавалъ много милостыни и казался доступнымъ и ласковымъ, слѣдуя совѣтамъ каноника Саретти. Въ это же время онъ присоединилъ къ своей епархіи женскій монастырь Фоньяно, который находился прежде въ округѣ Фаенцы, подъ вѣдѣніемъ монсеньора Фоликарди. Мастан хлопоталъ и достигъ, что монастырь причисляли къ епархіи Имолы. Фоликарди, пораженный въ сердце, поклялся вѣчной ненавистью къ своему противнику и сталъ писать на него доносы за доносами...

1-го іюня 1846 года капиталійскій колоколъ провозгласилъ смерть папы. Она возбудила общее изумленіе, потому что никто не зналъ о его болѣзни. Кардиналы Ламбрускини и Маттеи утаили ее отъ всѣхъ, чтобъ собрать себѣ партію, не допустить другихъ кардиналовъ пріѣхать къ сроку и такимъ образомъ попасть въ папы.

Пока тѣло Григорія находилось въ сикстинской капеллѣ, пока совершалась церемонія его погребенія, священная коллегія, подъ предѣтельствомъ кардинала Микары, 13 іюня рѣшилась приступить къ выбору папы. Выборъ чрезвычайно затруднительный по тогдашнему состоянію умовъ.

Въ Италіи, какъ и въ остальной Европѣ, начиналось въ то время демократическое движеніе—пробужденіе народа. Въ Англіи, во Франціи, въ Германіи было поднято столько вопросовъ, касающихся народныхъ интересовъ, что всякій предусмотрительный человекъ могъ предвидѣть, что дѣло кончится или реформами, или революціей; но папское правительство въ послѣдніе годы царствованія Григорія смотрѣло на это иначе: оно вѣрило въ несокрушимость тогдашняго порядка вещей и продолжало свою систему выборовъ и произвола, надѣясь на поддержку другихъ державъ, рассчитывая на низкую степень народнаго развитія. Дѣйствительно, нравственное состояніе массы было ужасно; первоначальное воспитаніе находилось въ рукахъ іезуитовъ; они пользовались огромнымъ влияніемъ между неаполитанскими ладзарони, и развили между ними трусость и подобострастіе; воровство и убійство считалось ничемъ въ глазахъ этой дикой черни; неаполитанскіе короли ласкали ее и составляли изъ ней общества враждебныя карбонаризму; слѣдовательно, со стороны Неаполя опасаться

было нечего. Тоскана тоже была неопасна, несмотря на антагонизмъ Чеппини и быстрые успѣхи либеральной партіи; Тоскана была слишкомъ не велика и сдерживалась страхомъ Австріи; то же самое можно сказать и о Ломбардіи: австрійское правительство всѣми силами старалось раздуть вражду между простымъ народомъ и образованными классами, приписывая послѣднимъ разныя несбыточные намѣренія. О Римѣ нечего и говорить: аббаты и монахи управляли тамъ всѣмъ, они были въ своихъ приходахъ мерами, мировыми судьями, полицейскими комиссарами, сводчиками; они занимались въ богатыхъ домахъ воспитаніемъ дѣтей, хозяйствомъ, исполненіемъ капризовъ хозяйки; они покровительствовали нищенству и разврату; они смотрѣли снисходительно на убійство и воровство, съ тѣмъ только, чтобы виновный аккуратно исполнялъ церковные обряды; они рассчитывали на трансеве-ринцевъ, какъ на незыблемую опору папства; они преслѣдовали только науку и литературу... Оставалась одна Сардинія, которая подавала нѣкоторый поводъ къ опасеніямъ; но эти опасенія были такъ неопредѣленны и далеки, что папскому двору не слѣдовало ими смущаться; непріязненные намѣренія Карла Альберта относились скорѣе къ Австріи, чѣмъ къ Риму; иезуиты были всеяльны при дворѣ сардинскаго короля—все предвѣщало долгое существованіе прежней системъ управленія...

Такъ казалось, но не такъ было на самомъ дѣдѣ: это наружное спокойствіе было спокойствіе передъ бурей. Нарушеніе обѣщаній, данныхъ правительствами въ 1815 году, постоянныя преслѣдованія идеи съ каждымъ днемъ увеличивали силу либеральной партіи; сначала она дѣйствовала заговорами и возстаніями, потомъ перешла къ системѣ постепенной агитаціи: литература и тайныя общества сильно содѣйствовали къ распространенію въ народѣ революціонныхъ идей. Въ этомъ стремленіи сошлись обѣ школы: ломбардская и тосканская, несмотря на то, что первая повторяла средневѣковыя заблужденія гвельфовъ, идеализируя папство, пытаясь его воскресить съ помощью первоначальнаго христіанскаго преданія (*). Представителемъ этого направленія является аббатъ Джоберти.

«Итальянцы, говоритъ онъ, первый народъ въ мірѣ: они имѣли нравственную и политическую супрематію надъ другими націями и хотя утратили вторую, но сохранили первое, сохранивъ папство. Те-

(*) Рус. Слово. Іюль 1861, отд. вн. лит.

перь падо, чтобъ папство возвратило нмъ супрематію политическую. Если Итальянцы первые пзъ народовъ, то потому что Провидѣнію угодно было назначить пребываніе между ними главы католицизма. Арнольдъ Брешианскій и его послѣдователи въ новѣйшее время неправы, возставая противъ папства; оно разрушало политическое единство, дѣло варваровъ, для того только, чтобъ создать его нравственно. Папская диктатура не имѣла другой цѣли какъ образовать національность: федерацію князей и народовъ, соединившихся подъ знаменомъ вѣры (!?). Народы, какъ люди, имѣютъ свою зрѣлость и дѣтство. Пока они малы, они требуютъ опеки, а она по всѣмъ правамъ принадлежитъ духовенству. Варвары разрушили имперію: церковь, въ свою очередь, должна разрушить варваровъ, потому что она наследница цесарей. Итакъ, духовенству предстоить играть важную политическую роль, но эта роль должна взмѣниться со временемъ: придетъ пора, когда изъ диктатора священникъ сдѣлается посредникомъ между князьями и націями, и будетъ стараться о поддержаніи общаго мира. Это посредничество, невозможное въ другихъ странахъ Европы, возможно въ Италіи; оно требуетъ національнаго единства, территоріальной независимости и политической свободы. Папство можетъ удовлетворить этимъ требованіямъ: первымъ двумъ—ставши во главѣ политической федераціи; третьему—употребляя свой авторитетъ надъ государями. Это посредничество возможно безъ революціи, потому что папство не присвоиваетъ себѣ новыхъ правъ, а только входитъ въ старыя свои прерогативы... Будутъ реформы, но не бунты; князья и народы останутся примиренными и довольными подъ духовной властью папы... Но такому примиренію мѣшаютъ іезуиты: они были основаны для распространенія христіанства у невѣрныхъ и для поддержки власти папъ; но они забыли уставы своего ордена и только обогащаются, усиливаются, поселяютъ смуты и притѣсняютъ народы»...

Разумѣется, такое ученіе привлекло къ нему молодое духовенство и противниковъ іезуитовъ; національная гордость была польщена, возможность реформъ была указана безъ разрушенія папства; одни іезуиты были принесены въ жертву общественному негодованію... Но несмотря на такое увлеченіе, невозможность федераціи подъ предѣтельствомъ папы—главная идея Джоберти—оказывалась съ перваго взгляда; обновленіе было возможно только съ помощью неокатолицизма, а ни Григорій, ни его кардиналы не показывали ни малѣйшей

готовности сдѣлать какую либо уступку. Точно также невозможна была федерація подъ предсѣдательствомъ Карла Альберта, какъ полагалъ Цесарь Бальбо. Сардинскій кароль былъ не такая личность, на которую можно было бы положиться: прошедшее его было памятно событіями 1821 года, когда онъ былъ принцемъ кариньянскимъ; восшествіе на престолъ не измѣнило его: до 1841 онъ постоянно держался реакціонеровъ; правда, съ этого времени онъ сталъ склоняться на сторону либераловъ, но сочувствіе его было ненадежно; онъ безпрестанно измѣнялъ той партіи, которой сочувствовалъ. Вѣрный политикъ савойскаго дома — балансированію, онъ колебался между Австріей и либералами, и только по мѣрѣ того, какъ послѣдніе пріобрѣтали больше вліянія, высказывалъ яснѣе свои намѣренія (*): они клонились къ увеличенію Пиемонта Ломбардіей; герцогъ тосканскій и Фердинандъ неаполитанскій думали позволить не иначе это увеличеніе, какъ съ тѣмъ, чтобъ присоединить къ себѣ какую нибудь часть папской области. Послѣднія событія въ Романьи давали имъ къ этому поводъ. Романскіе патриоты не въ силахъ были выносить притѣсненій папскаго правительства и требовали осуществленія реформъ, обѣщанныхъ на основаніи меморандума 1831 года. Имъ отвѣчали новыми гоненіями; тогда они овладѣли Римини и обратились съ протестомъ къ Европѣ... Папа оставался глухъ ко всему; Швейцарцы взяли приступомъ Римини, начальникъ инсургентовъ Ренци и нѣкоторые изъ его товарищей убѣжали въ Тоскану. Григорій требовалъ ихъ выдачи, но ихъ не только не выдали, но еще отправили на казенный счетъ въ Ливорно, а оттуда во Францію съ тосканскими паспортами. Тосканцы рукоплескали рѣшенію великаго герцога...

Но вдругъ вѣтеръ подулъ съ другой стороны: Карлъ Альбертъ снова перешелъ на сторону реакціонеровъ. Леопольдъ выдалъ Ренци, который возвратился; папское правительство вздохнуло свободнѣе, казни и гоненія въ Романьи увеличились, но за то либеральная партія удвоила усилія. Въ Тосканѣ появились (апр. 1846) листки изъ тайныхъ типографій, требовавшіе реформъ; въ папскихъ областяхъ составились коллективныя прошенія о немедленномъ выполненіи меморандума 31 года; въ самомъ Римѣ молодые римскіе люди распространяли между трансверинцами сочиненія Ламне (Lamennais); въ Пи-

(*) Рус. Слово. Іюль 1860. Политика, 1861, янв. и апр., отд. ин. лит.

смерть, по случаю увеличения Австріей пошлины на соль, король опять явился либераломъ...

Итакъ Италия наканунѣ избранія Пія IX находилась въ напряженномъ состояніи: народы волновались и просили реформъ; государи мечтали объ увеличеніи своихъ владѣній, и хотя они не были довольно популярны, чтобъ увлечь за собой націю, но тѣмъ не мѣнѣе пробужденіе сознанія въ однихъ и честолюбія въ другихъ угрожало папству серьезною опасностью, которая увеличивалась еще болѣе отъ обще-европейскаго стремленія къ демократіи и ненависти къ іезуитамъ и Австріи, возбужденной рѣзней въ Галиціи...

Такимъ образомъ общее положеніе Италии требовало либеральнаго папу; кардиналы могли убѣдиться, какіе быстрые успѣхи сдѣлалъ либерализмъ въ послѣдніе два, три года царствованія Григорія; повсюду обнаруживались признаки національнаго соединенія, хотя умѣренные и радикалы спорили еще передъ лицомъ крѣпкаго, пока враждебнаго имъ принципа, — кардиналы видѣли это; они понимали, что папа могъ вернуть своей коронѣ утраченный ей блескъ, но не эти мысли занимали ихъ: они боялись выбрать человѣка съ сильнымъ характеромъ, который заставилъ бы ихъ повиноваться. Духъ интриги и корыстолюбія управлялъ ими при выборѣ папы. Конклавъ раздѣлился на двѣ партіи: папства безъ измѣненій и папства съ реформами; дипломатическій корпусъ раздѣлился тоже на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая поддерживала своихъ кандидатовъ, но большинство было на сторонѣ реформъ.

Изъ кандидатовъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Лудовика Микару (Micasa). Этотъ старикъ напоминалъ Юлія II и Сикста V. Высокій ростъ, сѣдая борода по поясъ, пламенный взглядъ, грозное краснорѣчіе, желѣзная воля, чистота нравовъ, непреклонная любовь къ истинѣ—все дѣлало этого человѣка народнымъ героемъ. Всю жизнь находился онъ въ оппозиціи со Львомъ XII и Григоріемъ, и теперь продолжалъ свои филиппики противъ ихъ управленія, какъ дѣлалъ при ихъ жизни... Разумѣется, весьма немногіе желали избрать его въ папы.

Партія, поддерживаемая Австріей, выставила кандидатомъ кардинала Ламбускини, управлявшаго совершенно Григоріемъ XVI.

Умѣренная партія не хотѣла ни радикальныхъ реформъ Микары, ни продолженія прежней системы управленія; она требовала маленькихъ реформъ, немножко амнистіи, немножко свободы торговли—кар-

диналы Джитси, Солія, Фальконьеры и Мастан совершенно удовлетворяли ее видамъ.

Сверхъ этихъ партій была еще партія кардинала Бернетти, которая хотѣла папства скорѣе свѣтскаго, чѣмъ духовнаго. Партія эта поддерживалась Пруссіей...

13 іюня кардиналы вступили въ конклавъ. Ворота Квиринала за-творились; наружныя окна были замазаны, но присутствующіе посредствомъ своихъ слугъ и конклавистовъ провертѣли въ свѣжей замазкѣ маленькія отверстія, чрезъ которыя спускали билеты на ниточкахъ. Сверхъ того они имѣли и другія средства сообщенія, несмотря на строгій надзоръ, которому подвержены были даже кушанья, приносимыя кардиналамъ. Такъ Ламбускини получилъ подъ двойнымъ этикетомъ бутылки шампанскаго извѣстіе отъ австрійскаго посланника о скоромъ прибытіи кардинала Гайсрука (Gaysruck); кардиналъ Пикколомини въ рукояткѣ ножа сообщилъ кардиналу Бернетти рекомендательное письмо въ пользу Мастан-Феретти...

Священная коллегія состояла на лицо изъ 51 члена, хотя въ пей считалось въ то время 62; изъ нихъ 53 были сдѣланы кардиналами при Григоріи XVI, слѣдовательно, принадлежали къ ретроградной партіи; сверхъ того Ламбускини рассчитывалъ на 7 голосовъ изъ числа отсутствующихъ кардиналовъ, полагая, что они успѣютъ пріѣхать до окончанія конклава; въ особенности онъ надѣялся на помощь Гайсрука, который вслѣдствіе инструкцій австрійскаго двора долженъ былъ исключить Мастан изъ кандидатовъ. Но увѣренность Ламбускини скоро поколебалась; партія его была слишкомъ неопытна; она прямо выставила своего кандидата, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать съ осторожностью, не оскорблять ничьего самолюбія, утомлять нетерпѣніе однихъ, манить обѣщаніями другихъ. Это было уже неблагоразумно потому, что кардиналъ Ламбускини былъ статсъ-секретаремъ въ прошедшее царствованіе, т. е. управлялъ всѣмъ, а такихъ людей выбираютъ неохотно. Слѣдствія этой безтактности выразились на другой день, 14 іюня. Когда стали собирать голоса, на сторонѣ Ламбускини оказалось 17 голосовъ, но одинъ изъ конвертовъ, содержащихъ имена избирателей, былъ запечатанъ, слѣдовательно баллотировка оказывалась недѣйствительной, по правиламъ, изложеннымъ въ церковномъ уставѣ... Приступили къ новымъ выборамъ: Ламбускини надѣялся на немедленное избраніе; онъ думалъ, что нерѣшительные изъ кардиналовъ, видя такое количество го-

люсовъ за него, присоединятся къ большинству, но онъ ошибся: при второй баллотировкѣ на его сторонѣ осталось только 14 человекъ. Несмотря на то, кардиналы умѣренной партіи возвратились въ свои кельи мрачные и молчаливые, потому что увидѣли, что ихъ противники были тѣсно соединены... Въ такой крайности Микара посовѣтовалъ имъ выбрать изъ кандидатовъ наиболѣе неизвѣстнаго, а Бернетти убѣдилъ поторопиться выборомъ до пріѣзда кардиналовъ, приверженныхъ къ Ламбускини.

Вся ночь прошла въ переговорахъ. Кардиналы Пикколомини и Амато де С.-Филиппо убѣждали кардиналовъ Соліа и Фальконьери отказаться отъ кандидатуры и передать свои голоса Мастаи-Феретти; кардиналъ Бернетти получилъ въ пользу его рекомендательно письмо, переданное ему кардиналомъ Фіаски, который окончательно склонилъ его на сторону Мастаи, обѣщавъ ему портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Партизаны австрійскаго кандидата тоже не оставались въ бездѣйствіи; они тоже собирали голоса: кардиналъ Масимо явился даже къ Микарѣ, но получилъ суровый отказъ...

На другое утро кардиналы снова собрались въ капеллѣ. Микара хотя былъ боленъ, но явился также. Онъ произнесъ энергическую рѣчь, убѣждая приступить къ немедленному выбору: «пора освободиться отъ иностраннаго вліянія, сказалъ онъ, пора вести себя сообразно духу вѣка»... Рѣчь его произвела глубокое впечатлѣніе...

Приступили къ выборамъ. Когда началось чтеніе записокъ—Мастаи поблѣднѣлъ, услышавъ свое имя, произнесенное двадцать пять разъ; блѣдность его усиливалась и наконецъ онъ упалъ въ обморокъ, когда число голосовъ дошло до 33 (двѣ трети необходимы для выбора папы)...

Всѣ бросились къ новому первосвященнику и стали облачать его; но онъ еще не пришелъ въ себя: тогда прибѣгли къ табатеркѣ кардинала Опитсоне и съ помощью ея возвратили Пія IX къ чувствамъ...

Въ скоромъ времени въ Римѣ узнали, что папу избрали (*), но

(*) Во время конклава голоса собираются слѣдующимъ образомъ: всякій кардиналъ, преклонившись предъ образомъ Спасителя, кладетъ запечатанный конвертъ въ золотую чашу, стоящую на алтарѣ капеллы. Два раза въ день кардиналы, назначенные для осмотра записокъ, увѣрившись, что никто не имѣетъ достаточнаго количества голосовъ, сжигаютъ записки въ извѣстномъ каминѣ. Дымъ, выходящій въ опредѣленное время изъ трубъ, показывается, что папа не избранъ; прекращеніе его служитъ доказательствомъ противнаго.

не знали только кого; большинство думало, что это кардиналь Джитти, избравія котораго сильно желалъ народъ, потому что онъ отличался либеральными наклонностями; тогда какъ на дѣлѣ этотъ кардиналь не получилъ въ свою пользу ни одного голоса...

Избраніе Мастаи—Феретти, о которомъ знали весьма мало, поразило всѣхъ изумленіемъ.

Мы нарочно остановились съ такой подробностью на этихъ выборахъ, чтобъ показать, какіе люди управляли судьбами церкви, какія соображенія руководили ими при выборѣ новаго первосвященника. Естественно, папа между ими долженъ былъ искать себѣ помощниковъ,—а какую помощь могли оказать они?

Такимъ образомъ различныя причины побуждали Пія IX быть либеральнымъ съ одной стороны политическое состояніе Италіи и совѣты Франціи и Англіи указывали на необходимость реформы; съ другой — либеральная партія конклава, которой онъ обязанъ былъ избраніемъ указывала ему тотъ-же путь; къ этому надо присоединить вліяніе графини Клары Колонны и другихъ; сверхъ того Пій не могъ чувствовать особеннаго расположенія къ Австріи, хотѣвшей исключить его изъ числа кандидатовъ на папскій престолъ.

Казалось столько разнородныхъ причинъ должны были бы могущественно подѣйствовать на душу новаго папы, заставить его приступить если не къ быстрымъ и радикальнымъ реформамъ, то, по крайней мѣрѣ, къ немедленному удовлетворенію наиболѣе важныхъ желаній народа. Но дѣло вышло не такъ: онъ не торопился ни приступать къ реформамъ, ни назначить статсъ-секретаря, что ясно означило бы политику, которой онъ намѣренъ слѣдовать; напротивъ того первые акты его носили тотъ характеръ нерѣшительности и неопредѣленности, которымъ отличалась большая часть его царствованія: онъ учредилъ временную совѣщательную комиссію изъ 6 членовъ, но въ число ихъ назначилъ кардинала Ламбускини и римскаго губернатора Марини—людей ненавидимыхъ за жестокости и несправедливость... Такіе поступки не оправдывали народныхъ надеждъ, и потому Пій встрѣчалъ холодно: не клики привѣтствія слышались на его пути, но выраженіе важнѣйшихъ потребностей времени. «Амнистію, святой отецъ, амнистію» кричали транстеверянцы, когда папа показывался на балконѣ, чтобъ благословить народъ. Напрасно новый первосвященникъ искалъ того сочувствія, которое встрѣтилъ Григорій XVI, во время болонскаго возмущенія: восторженная толпа

тѣснилась тогда вокругъ папы восклицая: «не бойтесь, святой отецъ, не бойтесь!» Время это прошло и можетъ быть прошло безвозвратно; трансвертинцы переродились, созрѣли—Пій увидѣлъ, что надо удовлетворить ихъ требованіямъ, что народъ не довольствуется нѣсколькими частными благодѣяніями, (*) — и потому далъ амнистію, но далъ ее только 16 іюля съ различными ограниченіями, требуя, сверхъ того, чтобы изгнанники отказались отъ своихъ мѣтній. Весьма немногіе воспользовались этой амнистіей, но большинство народа было въ восторгѣ. Съ этого дня папа сталъ въ головѣ народнаго движенія, съ этого дня крикъ: Viva Pio popo! сдѣлался призывнымъ кликомъ свободы и пронесся по всему полуострову, наводя ужасъ на ретроградную партію... Итальянцамъ и эти начатки системы болѣе гуманнаго управленія показались зарей новой жизни. Г. Далль—Онгаро оправдываетъ Піа IX, увѣряя, что онъ и эту амнистію далъ противъ воли кардиналовъ: всѣ они положили черные шары въ урну, но папа, переживъ ихъ въ свой бѣлый клубокъ, сказалъ: «всѣ бѣдые, декретъ объ амнистіи принять единогласно».

Намъ кажется, если папа стѣснялся совѣтниками, кто мѣшалъ ему перемѣнить ихъ, и наконецъ, если уже онъ вступилъ въ открытую оппозицію съ овященной коллегіей, то почему онъ не далъ амнистіи въ болѣе обширныхъ размѣрахъ? Причина этого скрывается, по нашему мнѣнію, въ самомъ характерѣ первосвященника: онъ никогда не любилъ искренно свободы, онъ никогда не дѣйствовалъ въ

(*) Такъ разъ онъ потребовалъ стаканъ лимонаду. Ему принесли два большихъ подноса, уставленныхъ разными напитками. Папа велѣлъ раздать ихъ первымъ встрѣтившимся бѣднымъ, приказавъ въ то же время выдать каждому изъ нихъ по 10 байокко. Другой разъ, передѣввшись аббатомъ, онъ посѣтилъ въ тюрьмѣ одного узника, сидѣвшаго тамъ 22 года. Узнавъ, что молодой человекъ невиненъ, онъ убѣдилъ его написать письмо къ первосвященнику и взялся доставить его по адресу. Когда письмо было написано, вошелъ сторожъ и просилъ мнимаго аббата, съ божбами и клятвами, поскорѣе уйти. Пій замѣтилъ ему неприличіе такой выходки. Тюремщикъ отвѣчалъ новыми дерзостями. Тогда папа явился къ губернатору, открылъ ему свое инкогнито и приказалъ выпустить узника и прогнать сторожа. Не станемъ говорить о другихъ подвигахъ человеколюбія Піа IX: о томъ, какъ онъ поднялъ больного Еврея на улицѣ, отвезъ его въ своей каретѣ домой и прислалъ къ нему доктора, о томъ какъ онъ принялъ депутацію изъ Гетто (еврейскій кварталъ въ Римѣ) и не только ласково поговорилъ съ ней, но еще подарилъ ей 1000 экю—все это производило много шума, обо всемъ этомъ говорили—но, какъ мы сказали, Римляне желали большего.

духъ прогресса, иначе какъ побуждаемый другими. Послѣдующія его распоряженія подтверждаютъ это.

Давъ амнистію, папа все еще не хотѣлъ ясно обозначить свою политику, и потому не назначалъ статсъ-секретаря до 8-го августа. Только тогда общее настроеніе умовъ въ Италіи заставило его назначить на это мѣсто кардинала Джитси (Gizzi). Этотъ кардиналъ пользовался репутациею либеральнаго человѣка, но въ сущности либерализмъ его ограничивался желаніемъ привести въ исполненіе нѣкоторыя мелкія реформы; онъ не былъ одаренъ ни сильнымъ характеромъ, ни особенными способностями и чрезвычайно любилъ составлять особыя коммисіи для разсмотрѣнія предполагаемыхъ реформъ. Вслѣдъ за назначеніемъ Джитси, были удалены изъ полиціи люди наиболѣе возбуждавшіе общественное негодованіе: Нардоини, Росати, Мордіани и Франки; въ одно время съ ними Пій смѣнилъ римскаго губернатора Марини. На ихъ мѣсто онъ назначилъ другихъ, но они были не многимъ лучше своихъ предшественниковъ. Только склоненіе папы на сторону патріотовъ и сила общественнаго мнѣнія, усѣвшаго уже выразиться многозначительными демонстраціями, заставили полицію дѣйствовать умѣреннѣе. Что касается до начальника ея, кардинала Грасселлини, въ немъ нисколько не было видно современныхъ тенденцій. Прежнее поведеніе его отличалось разными грязными поступками и жестокостями.

Такъ, бывши еще въ Болонѣ архіепископомъ, онъ велѣлъ инквизиціи схватить одну молодую дѣвушку, которая ему противилась. Австрійскій генералъ Дегенфельдъ приказалъ немедленно ее выпустить, но несчастная испытала столько въ короткое время своего заключенія, что черезъ двѣ недѣли умерла.

Разумѣется такіе люди должны были удерживать папу и отъ тѣхъ скромныхъ преобразованій, которыя пытался онъ сдѣлать; главнымъ врагомъ они считали литературу, потому что она просвѣщала публику и открывала глаза папѣ; но при всемъ ихъ желаніи они не могли удержать литературу въ прежнемъ стѣснительномъ положеніи: газеты изъ другихъ итальянскихъ государствъ, листки тайныхъ типографій, запрещенныя брошюры тысячами проникали въ Церковную Область посредствомъ контрабанды — — Пришлось ослабить цензуру; въ ученыхъ и литературныхъ журналахъ стали появляться статьи съ политическимъ направленіемъ, и наконецъ въ началѣ 1847 года появился вполне политическій журналъ «Современникъ»

*

(Contemporaneo). Не смотря на чрезвычайную умѣренность статей, журналъ этотъ возбудилъ противъ себя яростные крики ретроградной партіи; монахъ, назначенный ценсоромъ Contemporaneo искажалъ его нещадно, не слушая никакихъ убѣжденій, такъ что приведенные въ отчаяніе писатели принуждены бывали иногда обращаться къ самому папѣ.

Такія притѣсненія вызвали оппозицію. Одинъ изъ возвратившихся изгнанниковъ, Стербини, задумалъ издавать тайный журналъ подъ именемъ: *La Sentinella del Campidoglio*. Успѣхъ превзошелъ ожиданія Стербини: журналъ его съ жадностью расхватывали не только во владѣніяхъ Пія IX, но и въ другихъ итальянскихъ государствахъ, такъ что онъ сдѣлался предметомъ книгопродавческой спекуляціи. Папа, увидѣвъ все вліяніе этого журнала и узнавъ, кто былъ его редакторомъ, пригласилъ Стербини къ себѣ и просилъ его прекратить изданіе, обѣщая издать въ непродолжительномъ времени законъ о ценсурѣ. Дѣйствительно 16 марта 47 года обѣщанный указъ вышелъ, но онъ не оправдалъ общихъ ожиданій. Предварительная ценсура была оставлена, разсужденія о дѣйствіяхъ правительства были заключены въ самыя тѣсныя рамки—однимъ словомъ все дѣло ограничилось нѣсколькими незначительными реформами. Но ретроградная партія стала жалѣть и объ этихъ маленькихъ уступкахъ. Происки ея дошли до того, что редакторы рѣшились вдругъ остановить выпускъ журналовъ. Эта мѣра произвела свое дѣйствіе — — Либеральная партія воспользовалась такимъ положеніемъ дѣлъ: въ журналахъ явились статьи, указывающія на тѣ реформы, которыя необходимо сдѣлать немедленно. Народныя демонстраціи возрасли до громадныхъ размѣровъ. Всякій вечеръ всѣ собирались гдѣ нибудь на концѣ города, всякій кварталъ особо подъ своимъ знаменемъ. Въ назначенный часъ начиналось шествіе съ музыкой, съ факелами, и распущенными знаменами, при громкихъ кликахъ: *Viva Pio papa*. Вся эта толпа медленно подвигалась къ Квириналу, на пути ея дома были иллюминированы; на окнахъ и балконахъ вѣяли разные ткани, дамы и мужчины бросали цвѣты, махали платками, кланялись. Прибывъ на площадь Квиринала, народъ требовалъ благословенія первосвященника. При появленіи папы на балконѣ зажигались со всѣхъ сторонъ бенгальскіе огни, толпа преклоняла колѣна, получала благословеніе и потомъ, потушивъ факелы и свернувъ знамена, расходилась по домамъ...

Такія демонстраціи не могли не имѣть вліянія на Пія IX: пове-

нужь общественному голосу, онъ подписалъ въ половинѣ апрѣля указъ объ учрежденіи комитета министровъ и консулаты изъ депутатовъ отъ провинцій; но въ этотъ комитетъ были допущены только кардиналы и то какіе! Прежнее поведеніе ихъ показывало, что отъ нихъ дожидаться нечего. Президентомъ былъ кардиналъ Джитти, съ каждымъ днемъ все болѣе терявшій свою популярность; Риарио—Сфорца завѣдывалъ министерствомъ коммерціи; это былъ человекъ безъ всякихъ убѣжденій и большой охотникъ покушать; самая смерть его случилась отъ того, что онъ слишкомъ много съѣлъ омаровъ (морскихъ раковъ); на конклавѣ онъ подавалъ голосъ за кардинала Ламбускини, когда же выбрали Масаи Феретти, то онъ объявилъ, что это король изъ папъ. Массимо, другой приверженецъ Ламбускини, былъ министромъ публичныхъ работъ, Лавиніо Спада—политическій флюгеръ—военнымъ министромъ; Грасселлини—министромъ полиціи и Антонелли—финансовъ.

Антонелли родился въ 1806 году въ деревнѣ Соннино на границахъ неаполитанскаго королевства; эта деревня извѣстна какъ убѣжище бандитовъ. Можетъ быть, молодой Антонелли пошелъ бы по той же дорогѣ (такъ тамъ воспитываютъ всѣхъ) еслибъ не видѣлъ передъ собой страшныхъ примѣровъ возмездія за бандитство; сначала Французы, потомъ Пій VII, потомъ Левъ XII наводнили Соннино кровью: отрубленныя головы торчали на всѣхъ воротахъ; это навело ужасъ на другихъ: отецъ нашего героя сдѣлался изъ пастуховъ сперва интендантомъ, а потомъ муниципальнымъ сборщикомъ податей; что же касается до молодого Джакомо Антонелли, онъ поступилъ въ римскую семинарію. Здѣсь скоро способности его были замѣчены и обратили на него вниманіе Григорія XVI, который сталъ быстро возвышать его. Привязанность его къ своему любимцу была такъ велика, что онъ награждалъ его, тогда какъ слѣдовало наказывать. Принужденный послѣ одной изъ своихъ продѣлокъ убѣжать изъ Мачераты въ Римъ, онъ получилъ кардинальскую шапку... (*)

При такихъ министрахъ самыя лучшія намѣренія папы должны были остаться неисполненными. Но народъ не дремалъ и поддерживалъ Пиа IX на пути реформъ. Руководителями народнаго движенія явились отецъ Вентура, театинскій монахъ, и Анджело Брунетти, ви-

(*) О характерѣ и богатствѣ Антонелли было столько говорено, что мы считаемъ лишнимъ распространяться о томъ.

потрогонецъ, известный подъ именемъ Чичероваккіо. Первый былъ послѣдователемъ Ламне и Савонаролы: онъ хотѣлъ поставить папу во главу европейской демократіи и придать католицизму пуританскій характеръ, уничтоживъ почти совершенно обрядность. Второй вышелъ изъ народа и былъ настоящимъ его вождемъ; онъ былъ истиннымъ типомъ транстеверинца: смѣлый, краснорѣчивый, твердый въ выполнении своихъ намѣреній—онъ, по справедливости, заслужилъ имя храбраго Цицерона (Cicero-vaschio).

Поставленный такимъ образомъ между двумя партіями, Пій колебался: съ одной стороны наклонности влекли его къ ретроградной партіи; съ другой—самолюбіе его было задѣто; ему льстили народныя хвалы и оваціи; обстоятельства все болѣе и болѣе группировались такъ, что по неволѣ приходилось быть либеральнымъ. Въ затрудненіи, не зная, что дѣлать, онъ ожидалъ, чтобъ какой нибудь случай пособилъ ему. Между тѣмъ кардиналъ Джитси старался всѣми мѣрами отсрочить исполненіе и тѣхъ реформъ, которыя были уже утверждены папой.

Не довольствуясь этимъ, онъ вступилъ въ переговоры съ Австріей, желая узнать поможетъ ли она въ случаѣ нужды. Меттернихъ съ удовольствіемъ согласился. Получивъ это извѣстіе, ретроградная партія начала дѣйствовать: Джитси запретилъ народныя сходки, понимая какое вліяніе имѣли они на папу; другіе вошли въ сношеніе съ бандитами Фаенцы и бывшими сан-федистами... Между тѣмъ Римляне требовали національной гвардіи; всѣ средства были пущены въ ходъ; коллективныя прошенія, тайныя листки, депутаціи—ничто ни было забыто, народъ дошелъ до энтузіазма подъ вліяніемъ Чичероваккіо и Вентуры, произнесшаго знаменитую рѣчь, по случаю похоронъ О'Коннеда; въ этой рѣчи онъ ставилъ ирландскаго агитатора образцомъ и убѣждалъ идти дальше его. Видя такое настроеніе умовъ, Пій написалъ указъ о сформированіи національной гвардіи; тогда кардиналъ Джитси подалъ въ отставку; но удаленіе его немного способствовало осуществленію указа: римская бюрократія была противъ національной гвардіи и дѣлала всѣ возможные препятствія къ вооруженію ея.

Въ это время въ народѣ разнесся слухъ о заговорѣ обскурантистовъ: говорили, что бандиты изъ Фаенцы прибыли въ Римъ и ожидаютъ только извѣстнаго сигнала, чтобъ напасть на либераловъ; говорили, что въ нѣкоторыхъ домахъ находится складъ оружія и указывали на эти дома; называли людей, которые вошли въ сношеніе съ

самоудистами и съ Австріей—вообще, какъ всегда водится въ такихъ случаяхъ, къ наплѣ истины принимали прощаль жи... Народъ ожесточился и съ факелами въ рукахъ бросился на осмотръ подозрительныхъ домовъ... Лица, обреченныя надодному ищению, посѣщали бѣжать или скрыться; нѣкоторые добровольно заключили себя въ тюрьму... Въ эту критическую минуту могущественное слово отца Вентуры и внимательство національной гвардіи, внезапно сформировавшейся, отгратили дальнѣйшія проявленія народнаго гнѣва...

На мѣсто Джитса папа назначилъ кардинала Феретти, своего родственника, хотя при восшествіи на престолъ не хотѣлъ поддерживать пагубнаго немотизма своихъ предшественниковъ: такъ, отправляя одного изъ племянниковъ въ Сингагаію, онъ сказалъ: «возвратитесь домой и попросите родныхъ моихъ не пріѣзжать сюда, потому что мое достоиніе принадлежитъ бѣднѣйшимъ моимъ подданнымъ». Вслѣдъ за тѣмъ въ такомъ же духѣ написалъ онъ письмо къ своимъ братьямъ. Но теперь взглядъ его измѣнился: онъ, кажется, понялъ, что только люди привязанные къ нему единствомъ интересовъ, могутъ вѣрно служить ему. Мы не сказали бы объ этомъ ничего, еслибъ папа не отвергъ отца Вентуру. Кардиналъ Феретти пригласилъ на помощь брата своего Петра, бывшаго въ то время негоціантомъ въ Неаполѣ. Новое министерство, обязанное возвышеніемъ либеральной партіи, естественно, стало поддерживать ее въ началѣ. Скоро ему представился превосходный случай сдѣлаться популярнымъ. Австрійцы, не зная ничего о происшедшемъ въ Римѣ, утромъ 17 іюля усилили свой гарнизонъ въ Феррарѣ; губернаторъ, кардиналъ Чиакки, протестовалъ противъ этого; но комендантъ не только не обратилъ вниманія на его жалобу, но еще приказалъ, чтобы городъ охранялся его солдатами, а не гражданами. Кардиналъ подалъ новый протестъ, который на этотъ разъ былъ подарѣнъ папой. Крики восторга привѣтствовали энергическую ноту первосвященника; со всѣхъ сторонъ вопіяли противъ Австріи; во всѣхъ журналахъ раздавались діатрибы противъ владычества иноплемениковъ—Пій IX явился идоломъ народа...

Всѣ описанныя событія, ясныя теперь, имѣли тогда совершенно иное значеніе. Реформы слѣдовали за реформами, то въ томъ, то въ другомъ итальянскомъ государствѣ. Инициатива всѣхъ этихъ реформъ приписывалась папѣ, потому что его имя раздавалось при каждой народной демонстраціи; либеральная партія римской области требовала преобразованій по примѣру другихъ государствъ; либералы

Тосканы, Пиемонта и Неаполя требовали реформъ по примѣру римской области: такимъ образомъ, опираясь другъ на друга, патриоты быстро вели дѣло свое къ развязкѣ, прикрываясь именемъ Пія IX, какъ щитомъ. Что крайняя партія не была ниъ обманута даже въ то время служить доказательствомъ разныя брошюры и статьи Ричарди, Монтанелли, Андрея—Лудовика Матсини (брата агитатора) и другихъ. Вотъ напримѣръ, что говорить о панѣ Монтанелли. «Когда окончилась аудіенція (2 нояб. 47 г.), я вышелъ и оставовился на площади Квиринала; тамъ, среди торжественнаго молчанія ночи, котораго ничто не нарушало кромѣ однообразнаго шума фонтановъ, я живо представлялъ себѣ священное волненіе толпы въ томъ, когда ясная фигура Пія IX показалась на балконѣ, благословляя народъ и оживляя его надежды. Я никогда не считалъ его за генія, но съ тѣхъ поръ, какъ я его увидѣлъ—мечта моя разсѣялась: этотъ потухшій взоръ, этотъ голосъ безъ симпатическихъ звуковъ, разговоръ, отягчавшійся больше провѣей, чѣмъ теплотой чувства—не позволили мнѣ болѣе, не смотря на его ласковость и доброту, судить объ немъ какъ прежде... Въ моихъ глазахъ остался (а я былъ еще только полуразочарованъ) священникъ, одушевленный добрыми намѣреніями, болѣе чувствительный чѣмъ глубоко чувствующій, брошенный въ свѣтъ, въ которомъ рѣшительно растеривался, съ умомъ наивнымъ, но склоннымъ къ лукавству—виждѣть съ этимъ доступный, счастливый любовью подданныхъ, жаждущій рукоплесканій народа, готовый для достиженія ихъ идти наперекоръ мнѣнію кардиналовъ (*).»

«Никогда ни одинъ папа, говоритъ Ричарди, не уступитъ добровольно ни малѣйшей частицы своей власти или власти духовенства. Пія IX не представитъ въ этомъ случаѣ разлічія съ своими предшественниками. Въ самомъ дѣлѣ каково было его поведеніе въ этомъ отношеніи? Вообще, что онъ сдѣлалъ существеннаго, чтобъ дѣйствительно улучшить тяжелое положеніе, въ которомъ находилась римская область при его восшествіи на престолъ? Сдѣлавшись папой въ тотъ мигъ, когда правительство находилось въ состояніи разложенія, когда страшный кризисъ казался неминуемымъ, благодаря системѣ управленія, которой слѣдовалъ Григорій въ теченіи 15 лѣтъ—Пія IX, не будучи геніемъ (какъ нѣкоторые смотрятъ на него), не замедлилъ замѣтить, что для спасенія своей свѣтской и духовной

(*) Montanelli. Memorie sull'Italia.

власти должно показать видъ, что уступаешь потоку, а не бороться съ нимъ... Всѣ его реформы, не говоря уже о томъ, что сдѣланы медленно и какъ будто насильно, большею частью не полны или испорчены какимъ нибудь послѣдующимъ распоряженіемъ (*)»...

«Единственный существенно политическій актъ новаго папы — указъ объ амнистіи... Я не принадлежу ни къ числу неподвижныхъ поклонниковъ прошедшаго, ни къ числу визионеровъ будущаго, но я не понимаю также какъ и они, какимъ образомъ папа могъ стать въ уровень съ духомъ вѣка и цивилизаціи, враждебнымъ принципамъ папской власти и католицизма... Только люди безъ идей, безъ принциповъ могутъ серьезно поддерживать, что папство и римскій католицизмъ могутъ мало по малу сойтись съ либеральными и прогрессивными учреждениями нашего вѣка. Пій IX далекъ, я въ этомъ увѣренъ, отъ того, чтобъ скрывать отъ себя опасности, которыя угрожаютъ церкви и его свѣтской власти; всѣ его проекты, реформы, слова показываютъ въ немъ первосвященника столько же искуснаго какъ благо-разумнаго; государя, который чувствуетъ необходимость подкрѣпить свою колеблющуюся власть нравственной силой, любовью и просвѣщеннымъ мнѣніемъ народовъ; но, притворяясь, что уступаетъ нуждамъ и требованіямъ вѣка, показываясь расположеннымъ покровительствовать всякому прогрессу, онъ далекъ, какъ государь и глава католицизма, какъ высшій авторитетъ въ области мысли, права и власти, онъ далекъ отъ того, чтобъ позволить увлечь себя за пределы, начертанные самымъ его положеніемъ».

«Итакъ остережемся вѣрить тѣмъ писателямъ, тѣмъ патриотамъ, которые утверждаютъ, что правительство Пія IX прямо враждебно Австріи и благопріятно итальянской самостоятельности и свободѣ. Независимо отъ мнѣній и чувствъ новаго папы, папство, какъ я уже сказалъ, не можетъ поддерживаться ни въ Италіи, ни вообще въ Европѣ безъ матеріальной поддержки Австріи; его нравственное и политическое могущество таковы въ наше время, что оно только въ ней можетъ найти прочную опору» (**).

Къ числу людей, не вѣрившихъ въ Пія IX, слѣдуетъ отнести Никколини, главу тосканской школы. Однако бродилъ онъ по улицамъ

(*) Revue independante. Août. 1847.

(**) André Louis Mazzini. De l'Italie dans ses rapports avec la liberté et la civilisation moderne. Leipzig, 1847.

Флоренціи мрачный и унылый, вида, что все друзья его перешли на сторону первосвященника, оболоченные его реформами... «Либеральный папа! Либеральный папа! Это невозможно!» твердилъ бѣдный старикъ и наконецъ пересталъ выходить на прогулку, и почти никого не принималъ къ себѣ.

Но не одни люди вѣрней партіи, не одни люди, болѣе другихъ развитые, видѣли нежеланіе папы произвести надлежащіе реформы. Нѣтъ, даже нѣкоторые изъ умѣренныхъ жаловались на медленность преобразованій. Такъ графъ Росси, французскій посланникъ въ Римѣ, писалъ къ своему другу Гизо. «Пока ничего еще не сдѣлано, кромѣ обѣщаній, проектовъ и комиссій, назначенныхъ для разсмотрѣнія ихъ, которыя впрочемъ ничего не дѣлаютъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если страна начинаетъ недоувѣрять и волноваться. Папу не обвиняютъ въ двуличіи, но въ слабости; теперь нужнѣе чѣмъ когда нибудь, успокоить общественное мнѣніе, показавъ на дѣлѣ, что обѣщанія его святѣйшества не мечта, и что никто не противится ихъ осуществленію. Я сказалъ съ полной откровенностью святому отцу, что всякое замедленіе будетъ причиною смуты».

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда наконецъ консульта собралась 15 ноября подъ предѣтельствомъ кардинала Антонелли. Общественное мнѣніе указывало, чѣмъ ей должно заниматься: свобода печати, итальянская лига, эманципація Евреевъ, школы политической экономіи, публичность дѣйствій консулты, колонизація римской территоріи, уничтоженіе лоттерей и удаленіе іезуитовъ—вотъ желанія, которыя встрѣчались всякій день на столбахъ газетъ или слышались въ народныхъ крикахъ. Вмѣсто того чтобъ удовлетворить этимъ требованіямъ, Пій IX принялъ мѣры воспрепятствовать народнымъ демонстраціямъ.

1-го января 48 года многочисленная толпа по обыкновенію направилась къ Квириналу; но къ удивленію ея ворота были заперты и дворецъ окруженъ солдатами; негодованію народа не было предѣловъ: ожесточенные крики раздавались противъ министровъ, противъ іезуитовъ, противъ всѣхъ, исключая папы... Сенаторъ Корсини, видя такое ожесточеніе, отправился депутатомъ къ первосвященнику. Часовые немедленно были сняты и народъ восторженными восклицаніями снова привѣтствовалъ своего идола.

На другой день, чтобъ окончательно разсѣять неблагоприятное впечатлѣніе, папа поѣхалъ вечеромъ по Риму въ каретѣ, въ сопро-

вожденіи только четырехъ гвардейцевъ. Городъ принялъ праздничный видъ: окна были иллюминированы и украшены разными тканями. Народъ толпился на улицахъ, восклицая: Viva Pio nono!.. Вдругъ Чи-черовакіо вскакиваетъ на запятки папской кареты со знаменемъ, на которомъ написано было: «Святой отецъ, доверьтесь народу!.. Пій дѣлаетъ утвердительный знакъ головой. Тогда энтузіазмъ народа достигаетъ высшей степени: клики привѣтствія мѣшаются съ бранью противъ губернатора и іезуитовъ; самыя разнородныя требованія сыплются съ разныхъ сторонъ. Папа падаетъ въ обморокъ, карета поворачиваетъ домой... собравшійся народъ ожидаетъ благословенія, балконъ открывается... «Папа боленъ!» раздается съ высоты— всё въ молчаніи расходятся по домамъ. Популярность Піа кончилась.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ: Сицилія возсталла, въ Неаполѣ была дана конституція, въ Піемонтѣ тоже; вслѣдъ за Піемонтомъ явилась конституція и въ Тосканѣ; Ломбардія волновалась; въ Миланѣ началась извѣстная демонстрація противъ сигаръ; въ Венеціи Манани и Томасео были арестованы, что усилило еще больше народное негодованіе. Вообще все предвѣщало скорый взрывъ, все показывало, что важныя событія должны будутъ скоро совершиться... Кардиналъ Феретти испугался грядущихъ преобразованій и подалъ въ отставку. На его мѣсто былъ назначенъ кардиналъ Бофонті. Новый министръ продолжалъ прежнюю систему медленія. Народъ требовалъ конститутіи, оружія и свѣтскаго министерства. Пій отвѣчалъ, что Италия нечего бояться войны, что, еслибъ престолъ католическаго единства находился въ опасности, на защиту его встали бы 200 м. вѣрующихъ, что же касается до другихъ требованій, папа согласился на учрежденіе свѣтскаго министерства, но предсѣдательство оставилъ кардиналу Антонелли, а для разсмотрѣнія конституціи назначилъ комитетъ изъ 10 членовъ; но и этому комитету далъ весьма узкую программу, поручивъ ему только разсмотрѣть, нельзя ли въ какомъ нибудь отношеніи расширить сдѣланныя уже реформы. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда пришло извѣстіе о февральской революціи во Франціи. Это извѣстіе поразило ужасомъ кардиналовъ. Конституція немедленно была подписана 14 марта. Она предоставляла папѣ полную власть во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ, не означая съ точностью предѣловъ духовной области, такъ что онъ во имя религіи могъ пользоваться прежней неограниченной властью; она допускала участіе совѣта кардиналовъ въ дѣлахъ политическихъ; она запрещала

толковать о политических вѣдшихъ сношеніяхъ святаго престола съ другими державами, какъ скоро эти сношенія касались религій; она поддерживала духовную цензуру; она не признавала диссидентовъ способными къ исправленію общественныхъ должностей—однимъ словомъ она была полна разныхъ оговорокъ и ограниченій и ничѣмъ не обезпечивалась.

Само собой разумѣется, римскіе патриоты были недовольны такой конституціей, тѣмъ болѣе, что событія шли съ удивительною быстротою и каждое изъ нихъ больше и больше обнадеживало въ торжествѣ демократическаго принципа, лежавшаго въ основѣ итальянскаго развитія. Знаменитый манифестъ Ламартина (*), революція въ Вѣнѣ, освобожденіе Венеціи, изгнаніе Австрійцевъ изъ Милана и другихъ городовъ, объявленіе имъ войны сардинскимъ королемъ—все заставляло папу идти по слѣдамъ другихъ. Онъ рѣшился покориться силѣ обстоятельствъ. Семнадцать тысячъ подъ начальствомъ генерала Дурандо было послано на По, но имъ строго было запрещено предпринимать что либо противъ Австрійцевъ, если только они не нападутъ на церковныя области.

Между тѣмъ волненіе въ Римѣ продолжалось. Народъ требовалъ войны; министерство поддерживало его требованія. Тогда папа 29 апрѣля произнесъ ту знаменитую рѣчь, которая погубила его окончательно; онъ объявилъ, что не можетъ начать войны съ Австрійцами, потому что они духовныя его дѣти, какъ и все католики; онъ изъявлялъ надежду, что и они съ своей стороны не начнутъ войны съ нимъ. «Германія не можетъ возстать противъ насъ, сказалъ онъ, за то что мы не могли удержать пылъ нашихъ подданныхъ, соединившихъ свои усилія съ усиліями другихъ итальянскихъ народовъ. Другіе государи Европы съ арміями несравненно сильнѣйшими нашей не могли восторжествовать надъ возстаніями своихъ народовъ»...

Такимъ образомъ эта рѣчь Пія IX была полнымъ отреченіемъ прежнихъ его дѣйствій; министры подали въ отставку; республиканскіе клубы собрались; національная гвардія стала на сторону народа... Папа былъ изумленъ; въ первое время раздраженіе его не имѣло предѣловъ: онъ обвинялъ Римлянъ въ неблагодарности, говорилъ, что уѣдетъ, оставивъ ихъ на произволъ судьбы, если они не успокоятся; но вскорѣ онъ понялъ, что нельзя такъ дѣйствовать и объявилъ, что

(*) См. апр. 1861, отд. ян. лнт., стр. 14.

хотя самъ не можетъ сражаться съ Австріей, но охотно даетъ позволеніе своимъ подданнымъ взять оружіе противъ нея; вслѣдъ за-тѣмъ онъ составляетъ новое министерство, въ составъ котораго входятъ Маміани, Чиакки (губернаторъ Феррары) и изъ прежняго министерства Галетти. Эти назначенія нѣсколько успокоили общественное негодованіе, тѣмъ болѣе, что австрійскій посланникъ вы-ѣхалъ изъ Рима, а папа написалъ письмо къ австрійскому императору, приглашая его добровольно отказаться отъ Ломбардіи... Но едва только Пій IX успѣлъ оправиться отъ пораженія, какъ принялся снова за прежнюю систему тайнаго противоборства; онъ переписывался съ Карломъ-Альбертомъ, но не черезъ министра иностранныхъ дѣлъ, а черезъ кардинала Антонелли; онъ поручалъ составлять проекты законовъ не кабинету, а отцу Буттаони; онъ назначилъ государственныхъ совѣтниковъ, не посоветовавшись съ министрами — вообще онъ на каждомъ шагѣ нарушалъ конституцію.

Между тѣмъ пока продолжалась парламентская борьба, Австрійцы, составлявшіе гарнизонъ Феррары, потребовали, чтобы ихъ кормили на счетъ города. Это требованіе произвело сильное волненіе въ Римѣ. Толпа окружила парламентъ и замокъ св. Ангела; крикъ: оружія! раздавался повсюду. Министръ полиціи Галетти открыто сочувствовалъ демонстраціи. Маміани подалъ въ отставку, на мѣсто его назначили графа Росси, бывшаго прежде французскимъ посланникомъ въ Римѣ. Графъ Росси принадлежалъ къ школѣ Гизо; такой же доктринеръ, какъ французскій министръ, онъ требовалъ народнаго развитія по системѣ, по мѣркѣ; также какъ Гизо, онъ отличался твердымъ характеромъ, или лучше сказать тупымъ упорствомъ и терпѣть не могъ демократіи. Вступленіе его въ министерство обнаружилось рядомъ стѣснительныхъ мѣръ: парламентъ былъ распущенъ; министерство полиціи упразднено для того, чтобы удалить Галетти; неаполитанскимъ изгнанникамъ приказано было оставить папскія владѣнія; отецъ Гаватси, ревностный проповѣдникъ войны противъ Австріи, былъ заключенъ въ тюрьму; противъ Гарибальди появились въ правительственныхъ журналахъ статьи, наполненные угрозами — все это въ высшей степени возбуждало гнѣвъ народа.

15 ноября въ день открытія вновь созваннаго парламента графъ Росси былъ пораженъ кинжаломъ. Смерть его принудила составить новое министерство: но члены его отличались крайней неспособностью и не пользовались нисколько популярностью. Такое назначеніе отвра-

тило отъ папы даже войска, за исключеніемъ Швейцарцевъ. 16 ноября многочисленная толпа отправилась къ Квириналу просить папу о сформированіи національнаго министерства и участія въ общемъ конституціонномъ собраніи, предложенномъ Монтанелли (*).

Когда депутаты представились, папа разсуждалъ съ посланниками объ отъѣздѣ своемъ изъ Рима; поэтому онъ явился неуступчивымъ и требовалъ времени, чтобъ разсмотрѣть предложенныя ему желанія народа. Раздраженная толпа не выноситъ отсрочки и бросается на Швейцарцевъ; тѣ встрѣчаютъ ее ружейнымъ залпомъ. начинается бой: Швейцарцы осыпаны пулями съ кровель, съ балконовъ, съ колоколенъ; на ворота Квиринала наведены пушки. Папа уступаетъ, протестуя передъ посланниками, что сдѣланныя имъ уступки не имѣютъ силы, потому что вынуждены.

Новое министерство составляется изъ Галетти и Стербини, которые хотятъ присоединить къ себѣ Маміани и Росмини, но тѣ отказываются...

Между тѣмъ папа не оставлялъ своего плана о бѣгствѣ. Посланники Франціи, Испаніи и Баваріи побуждали его къ этому. Первый предлагалъ Чивитта-Веккію, второй — Балеарскіе острова, третій — Гаэту. Папа склонился на сторону послѣдняго, потому что на него имѣла большое вліяніе графиня Шпауръ, жена посланника. Красивая, вкрадчивая, веселая, мастерица разсказывать, она нечувствительно приобрѣла надъ первосвященникомъ то вліяніе, которымъ прежде пользовалась графиня Колонна, недавно умершая; она ревностно служила Австріи и Неаполю и потому увлекла папу въ Гаэту.

Не станемъ говорить о реакціонныхъ буллахъ Пія IX — съ этихъ поръ онъ находился подъ вліяніемъ Неаполя, т. е. Австріи, что все одно и то же; не станемъ говорить ни объ осадѣ Рима, ни о подвигахъ Гарибальди—все это очень интересно, но не относится къ нашему предмету. Разсмотримъ только поведеніе папы съ возвращеніемъ ему престола; покажемъ, въ какомъ положеніи находится Римская область.

Занявъ Римъ, генералъ Удино передалъ управленіе въ руки папскихъ комиссаровъ: кардиналовъ делла Дженга, Ванничелли и Альтиери, принадлежавшихъ къ ретроградной партіи. Папская полиція получила

(*) Подробности см. Р. Слово, 1860. Іюль. Политика.

прежнее значеніе; всё бывшіе прежде злоупотребленія воскресли снова. Напрасно французскій генераль приглашалъ папу возвратиться въ Римъ. Пій IX обѣщалъ, но не исполнялъ своего обѣщанія подъ разными предлогами, потому что боялся торжества республиканской партіи во Франціи; между тѣмъ притѣсненія въ Римѣ продолжались; общественное мнѣніе упрекало Французовъ въ покровительство папскаго деспотизма. Тогда президентъ французской республики написалъ къ Эдгару Нею письмо, въ которомъ утверждалъ, что французская армія была послана въ Римъ вовсе не для того, чтобъ подавить итальянскую свободу... «Я съ прискорбіемъ узналъ, говоритъ онъ, что благія намѣренія святаго отца и наши дѣйствія остаются безплодными въ виду страстей и враждебныхъ вліяній»... «Возстановляя свѣтскую власть, я считалъ необходимою со стороны ея амнистію, секуляризацию администраціи, кодексъ Наполеона и либеральное управленіе»...

Письмо это было опубликовано во флорентинскихъ газетахъ; оно устрасило Пія и заставило его удалиться въ Портичи. Оттуда онъ издалъ манифестъ отъ 12 сентября, въ которомъ обѣщалъ муниципальныя и административныя реформы, предоставляя себѣ опредѣлять въ послѣдствіи начала, на которыхъ онѣ должны развиваться. Виѣтъ съ этимъ папа объявлялъ амнистію, но съ многочисленными ограниченіями, такъ что около 300 человѣкъ не подошло подъ нее...

12 апрѣля 1850 года Пій возвратился въ Римъ. Гоненія усилились; реформы существовали большей частью на бумагѣ; если же кой-какія и были сдѣланы, то весьма не полно и не достигали своего назначенія.

Разсмотримъ ихъ по порядку.

Объ амнистіи мы уже сказали; съ тѣхъ поръ (49 года) папа позволилъ возвратиться только 49 человѣкамъ.

Управленіе по прежнему находится въ рукахъ духовенства. Вотъ табель, которую представляетъ «римскій оффиціальнй альманахъ». Во всѣхъ министерствахъ, даже въ военномъ, всѣ министры и чиновники духовные. Всѣ префекты, легаты, делегаты, посланники и вообще весь дипломатическій корпусъ—духовные; тоже самое должно сказать о трибуналахъ: *sacra consulta, rota, signatura di giustizia*, и отчасти объ уголовномъ; важнѣйшія мѣста въ различныхъ канцеляріяхъ и комитетахъ и главное управленіе полиціи, тюремъ и богоугодныхъ заведеній принадлежатъ также духовнымъ; народное образованіе находитъ

ся тоже въ ихъ рукахъ. Много-ли же остается на долю свѣтскихъ? Да и тѣ изъ нихъ, которымъ удастся какъ нибудь достать мѣсто, большей частью люди неспособные, потому что талантливымъ не даютъ ходу, чтобъ не уронить достоинства администраціи сравненіемъ.

Злоупотребленія такой системы управленія увеличиваются отъ устройства судовъ и запутанности римскаго законодательства.

Въ римскомъ уголовномъ кодексѣ смертная казнь положена за 29 различныхъ видовъ преступленій, тогда какъ въ другихъ самыхъ строгихъ европейскихъ законахъ она назначается только за семь. Всѣ обвиненные въ политическихъ преступленіяхъ, судятся въ священной консултѣ (*Sacra consulta*) и не имѣютъ права ни апеллировать, ни избрать адвоката, который назначается имъ консултой и большей частью говоритъ или во вредъ своему кліенту, или обращается къ милосердію судей. Опредѣленіе наказанія зависитъ отъ произвола; такъ въ 1850 году, въ Фабріано, три человѣка подверглись смертной казни за то, что одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ изъ ружья вблизи священника, а другіе не хотѣли открыть виновнаго.

Такіе примѣры бывали не рѣдко. Если обвиненный имѣлъ меньше 20 лѣтъ и потому, по закону, не могъ подвергнуться смертной казни, то папа особымъ указомъ прибавлялъ ему два или три года, — и несчастный отправлялся на эшафотъ. Чтобъ избѣгнуть упрека въ пролитіи крови папа не подписываетъ приговора, а кладетъ черный бантъ на бумагу, что равняется одобренію. Кромѣ священной консулты, имѣетъ право надъ жизнію гражданъ инквизиція. Сверхъ того судятъ безъ апелляціи и безъ очныхъ ставокъ со свидѣтелями такъ называемыя «комиссіи очищенія», которыхъ члены неизвѣстны. Прибавьте къ этому военные суды Австрійцевъ, которые въ теченіи 7 лѣтъ разстрѣляли 60 человѣкъ въ Анконѣ и 190 въ Болоньѣ — и вы будете имѣть понятіе о кроткомъ правленіи Пія IX.

Содержаніе плѣнниковъ жестоко не менѣе наказаній. Вотъ какъ описываетъ папскія тюрьмы г. Пейя, Французъ, захваченный по подозрѣнію, какъ политическій эмиссаръ Матсини, и отпущенный по недостатку уликъ. «Я находился въ комнаткѣ уже келій Магаса. Ни свѣтъ, ни воздухъ прямо не проникали въ нее; съ тѣхъ поръ какъ тюрьма с. Михаила выстроена, ни одинъ лучъ солнца не проникъ въ нее, и хотя келья № 44 находится въ третьемъ этажѣ, но кирпичи, покрывающіе полъ, такъ заплѣснѣли, что черезъ пять минутъ холодная сырость проникаетъ васъ до костей. Деревянная

кадка (*un baquet en bois*), которая стоит тамъ день и ночь, заражаетъ воздухъ. Чтобъ избавить узниковъ отъ асфикціи, архитекторъ устроилъ въ нижней части стѣны, выходящей наружу, маленькое отверстие, соответствующее другому большому, устроенному въ противоположной стѣнѣ. Но когда арестантъ секретный, последнее отверстие закрывается ставней и несчастному приходится дышать испорченнымъ смертоноснымъ воздухомъ».

Г. Пейя, какъ Французъ, не испыталъ еще всей тяжести папской тюрьмы. Гораздо отвратительнѣе представляется она подъ перомъ Вяичепцо де Терголина, который просидѣлъ тамъ четыре года (*). Ни свѣта, ни прогулки, ни матраца, ни одѣяла, ни ванны—оковы, пытка, жестокость и дерзости тюремщиковъ—вотъ что выпало на долю бѣднаго Венеціанца. И такихъ примѣровъ не одинъ.

Въ гражданскомъ судопроизводствѣ существуетъ другой недостатокъ: множество судовъ и безконечное право апеллировать. Въ одномъ Римѣ насчитывается до 24 трибуналовъ; сверхъ того всякій кардиналъ, архіепископъ, генераль духовнаго ордена имѣетъ свой собственный судъ. Это затягиваетъ процессы до безконечности, такъ что бывали примѣры 30 и болѣе апелляцій. Что касается до финансовой реформы, манифестъ объявлялъ, что члены финансовой консулты будутъ избираемы *пропорціонально* обширности и народонаселенію провинцій; на дѣлѣ же они назначаются *по одному* отъ провинціи, не обращая вниманія ни на ея пространство, ни на число жителей. Папѣ представляютъ списокъ кандидатовъ по четыре на каждое мѣсто; онъ назначаетъ тѣхъ, кто ему правится и потомъ прибавляетъ нѣсколько членовъ непосредственно отъ себя—и консульта готова. Разумѣется въ этомъ составѣ она ничего не можетъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что на ея замѣчанія не обращаютъ вниманія. Государственные отчеты публикуются только для виду, экземплярахъ въ тридцати, которые и раздаются избраннымъ; итоги въ этихъ отчетахъ представлены только вообще, такъ что нѣтъ возможности повѣрить расходы, еслибъ даже кто и хотѣлъ это сдѣлать.

Избраніе членовъ муниципальных совѣтовъ еще болѣе обставлено ограниченіями; но и въ этомъ видѣ правительство не рѣшается приступить къ выборамъ, такъ что болѣе десяти лѣтъ муниципальные совѣты остаются безъ измѣненій. Издержки, вотируанныя существую-

(*) Quattro anni nelle prigioni del S. Padre.

ими совѣтами, подвергаются ревизіи и одобренію правительства, такъ что коммуна не имѣетъ права распоряжаться даже своими деньгами.

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ напская область находится въ самомъ плачевномъ состояніи. Духовенство, владѣя почти половиной римской территоріи, нисколько не заботится о развитіи земледѣлія и промышленности—премии, назначенныя тому, кто посадитъ 100 елей, или 965 лимонныхъ или апельсинныхъ деревьевъ, слишкомъ ничтожны и достаются съ большими хлопотами, а потому и не могутъ принести ни малѣйшей пользы. А между тѣмъ страна удивительно плодородна: пшеница даетъ самъ девять на самой посредственной почвѣ, на хорошей же доходитъ до пятнадцати; конопля растетъ превосходно; виноградъ и тутовое дерево процвѣтаютъ вездѣ, гдѣ посажены; на склонахъ горъ растутъ отличныя оливковыя деревья; равнины представляютъ превосходныя пастбища для многочисленныхъ стадъ; нѣкоторыя провинціи изобилуютъ сѣрой, другіе мраморомъ; Чивита-Веккіа даетъ превосходную глину для фарфора; Тольфа—лучшіе квасцы—и все это богатство остается безъ употребленія вслѣдствіе неспособности правительства; мало того—чѣмъ ближе къ Риму, тѣмъ страна бѣднѣе и необработанныѣе; жители развращеннѣе. Вотъ что говоритъ о Римлянахъ Абу: «Это большія дѣти, испорченныя воспитаніемъ; правительство живетъ между нихъ и потому ихъ боится... беретъ съ нихъ немного податей и даетъ имъ разныя зрѣлища, а иногда и хлѣбъ... Оно не учитъ ихъ грамотѣ, но не запрещаетъ просить милостыни; оно посылаетъ къ нимъ капуциновъ: капуцины даютъ жепѣ счастливый номеръ въ лоттерей; пьютъ съ мужемъ, занимается образованіемъ дѣтей... Римскіе плебеи могутъ быть увѣрены, что не умрутъ съ голоду: если у нихъ нѣтъ хлѣба, они могутъ взять его въ корзинѣ булочника—законъ позволяетъ это. Отъ нихъ требуется только, чтобы они были добрыми христіанами, преклонялись передъ священниками, унижались передъ знатыми, кланялись передъ богатыми и не смѣли помышлять о революціяхъ. Они строго наказываются, когда не говѣютъ — — Имъ прощаютъ преступленіе, ихъ ободряютъ въ низости; имъ не прощаютъ только требованія свободы, негодованія противъ злоупотребленій, сознанія своего человѣческаго достоинства.

«Римская полиція очень снисходительна къ ворами и мошенникамъ; если они иногда попадаютъ въ тюрьму—одно слово священника, патриція или чиновника можетъ освободить ихъ; случается даже, что ихъ выпускаютъ по недостатку помѣщенія. Бываютъ случаи, что виѣ-

ствъ съ мошенниками попадаются и честные ремесленники, промотавшіеся во время карнавала... Имъ недостаетъ нравственнаго образованія, которое могло бы ихъ поддержать; ихъ смущаетъ желаніе выказаться—эта современная римская болъзнь, и женщина торгуется собою, а мужчина воруетъ или убиваетъ».

« Не судите ихъ слишкомъ строго; подумайте, что они ничего не читали, ничего не видали кромѣ Рима, что примѣръ пышности имъ даютъ кардиналы, примѣръ безнравственности — прелаты, примѣръ продажности — чиновники, примѣръ расточительности — министерство финансовъ. Подумайте въ особенности, что позаботились искоренить изъ ихъ сердца, какъ дурную траву, прекрасное чувство сознанія своего человѣческаго достоинства—начало всѣхъ добродѣтелей ».

« Что касается до средняго класса, клерикальная каста считаетъ самымъ благоразумнымъ и полезнымъ унижать и ослаблять его. Она поглощаетъ у бѣднаго собственника не только весь доходъ его, но и часть капитала, тогда какъ плебеи и патриціи пользуются всѣми родами льготъ. Она заставляетъ получать самыя скромныя мѣста цѣной самыхъ тяжелыхъ уступокъ... Она старается привести науки и искусства къ упадку »... (*).

Въ такомъ положеніи находится римская область и римское общество.

Изъ предшествующихъ статей мы видѣли, что папство неспособно реформировать его; оно можетъ только ставить преграды его саморазвитію. Мы видѣли, что въ критическія минуты своего существованія папство прибѣгало къ фанатизму. Первый разъ оно поддержалось доминиканцами и францисканцами, второй разъ иезуитами и св. инквизиціей; недавно еще оно прибѣгало къ саведястамъ и теперь поддерживается только французскими штыками.

Представляя въ настоящемъ свѣтѣ характеръ Пія IX, мы хотѣли показать, что онъ не имѣетъ желанія произвести необходимыя реформы; мы хотѣли разсѣять заблужденія тѣхъ, которые хотятъ отложить рѣшеніе вопроса во имя личности первосвященника. Намъ

(*) La Question Romaine.

кажется, что при немъ папство сказало свое послѣднее слово. Народъ на столько развился, что понимаетъ несовершенство этого учрежденія въ теперешнихъ его формахъ; въ самой массѣ его приверженцевъ надо считать многихъ убѣжденныхъ въ этомъ внутренно; только личные выгоды заставляютъ ихъ поддерживать настоящий порядокъ вещей. Папство отжило свой вѣкъ; теперь оно служить только къ разъединенію народностей; вездѣ, гдѣ оно господствуетъ, оно идетъ противъ народа и свободы, — доказательствомъ служатъ Италия, Испанія, Франція; вездѣ, гдѣ его терпятъ, какъ напримѣръ въ Англіи и Пруссіи, оно идетъ противъ правительства; оно возбуждаетъ Ирландію и мѣшаетъ соединенію Германіи; оно составляетъ силу реакціонной Австріи; оно поддерживаетъ раздѣленіе Швейцаріи. Мы не знаемъ для чего прибѣгать къ собору, чтобы разрѣшить вопросъ о свѣтской власти папы; зачѣмъ вмѣшивать духовенство въ свѣтскій вопросъ? Очень легко, что оно можетъ взглянуть на него съ точки зрѣнія касты, а такой взглядъ послужитъ только новымъ поводомъ къ раздорамъ. Предоставленный самому себѣ, папа не замедлитъ уступить, какъ уступалъ всегда, когда не находилъ около себя поддержки. Наконецъ, кто мѣшаетъ державамъ, которыя такъ заботятся о поддержаніи свѣтской власти папы, отвести ему клочокъ своей территоріи съ достаточнымъ обезпеченіемъ. Но едва-ли какое нибудь правительство рѣшится уступить ему тѣ права, которыми онъ пользуется въ Римѣ, хотя многіе, можетъ быть не прочь видѣть его въ своихъ владѣніяхъ какъ гостя, какъ предлогъ къ новымъ политическимъ комбинаціямъ, какъ вѣчную угрозу единству Италіи. Разумѣется это не страшно ей; въ замѣнъ одряхлѣвшаго папства въ ней развивается живое демократическое начало. Съ удаленіемъ папы изъ Рима, съ отреченіемъ его отъ свѣтской власти начнется эпоха новой итальянской и европейской цивилизаціи. Съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Италія, «когда бѣлый савойскій крестъ, древній гербъ итальянскихъ коммунъ, блестящій уже въ Романъ, Мархіахъ и Умбріи, блеснетъ наконецъ на вершинѣ Капитолія». *Cruz de cruz!* шепчутъ суевѣрные Римляне, ожидая торжества савойскаго креста надъ крестомъ первосвященника; *cruz de cruz!* повторяетъ Пій IX, въ минуты унынія, видя въ этихъ словахъ какую-то роковую силу, увлекающую его къ гибели тогда, какъ событія идутъ естественнымъ чередомъ и причина паденія папы и папства заключается не въ какомъ нибудь случайномъ обстоятельстве, а въ самомъ характерѣ его и пап-

скаго правительства не желающаго идти сообразно съ требованиями эпохи (*).

(*) Въ ватиканской библиотекѣ сохраняется одно древнее пророчество приписываемое св. Малахія, архіепископу ирландскому. Пророчество начинается съ Целестяна II (1143) и оканчивается паденіемъ Рима. Приводимъ конецъ его начиная съ Пія VI.

-Peregrinus apostolicus. Aquila rapax. Canis et coluber. Vir religiosus. De balneis Etruriae. Crux de cruce. Lumen in coelo. Ignis ardens. Religio depopulata. Fides intrepida. Pastor angelicus. Pastor et nauta. Flos florum. De medietate lunae. De labore solis. Gloria olivae. In persecutione extrema sanctae romanae Ecclesiae sedebit Petrus Romanus (secundus) qui pascet oves in multis tribulationibus, quibus transactis civitas septicolis diruetur, et Judex tremendus judicabit populum suum. Amen».

-Апостольскій путешественникъ (Пій VI). Хищный орелъ (Пій VII). Собака и змѣя (Левъ XII). Религіозный мужъ (Пій VIII). Изъ этрусскихъ бань (Григорій XVI). Крестъ отъ креста (Пій IX). Свѣтъ въ небѣ. Ярый огонь. Религія въ упадкѣ. Безстрашная вѣра. Ангельскій пастырь. Пастырь и матросъ. Цвѣтъ цвѣтовъ. Половина луны. Солнечная работа. Слава оливы. Въ эпоху послѣдняго гоненія, которое поразитъ св. римскую церковь, апостольскій престолъ будетъ занятъ Римляниномъ Петромъ (вторымъ по имени); онъ съ великой печалію и трудомъ будетъ пасти овецъ своихъ, и когда придетъ конецъ его, семихолмный градъ будетъ разрушенъ, и страшный судія придетъ судить народъ свой. Аминь.

Это пророчество чрезвычайно распространено въ Римѣ и имѣетъ большую силу между народомъ, особенно между Транстевринцами, такъ что и самое суевѣріе идетъ противъ свѣтской власти папы.

В. ПОПОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТОНІСЬ.

Замѣтка о русской публицистикѣ по дѣламъ внутреннимъ. — Вліяніе на нее обличительнаго направленія. — Преобразование ценсурнаго управленія. — Значеніе этого преобразованія. — Участіе въ ценсурѣ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. — Сомнительные случаи ценсуры политическихъ изданій. — Характеръ настоящихъ ценсурныхъ преобразованій. — Будущія преобразованія. — Комиссія для пересмотра измѣненій и дополненій по дѣламъ книгопечатанія. — Предметъ занятій этой комиссіи. — Ея предложеніе редакторамъ и литераторамъ. — Наша замѣтка о томъ, какъ обусловить точку зрѣнія между комиссіею и лицами, занимающимися литературой. — Вопросы о карательной ценсурѣ и о вліяніи сословностей на этотъ предметъ. — Будутъ ли отмѣнены тѣлесныя наказанія за проступки противъ ценсурныхъ правилъ? — О разности взглядовъ на науку и литературу учреждений полицейскихъ и учреждений народнаго просвѣщенія. — Отношеніе тѣхъ и другихъ учреждений къ развитію умственныхъ силъ. — Консервативное и прогрессивное направленіе. — Переходъ ценсурныхъ дѣлъ въ полицейскія инстанціи. — Предложеніе о способѣ веденія ценсурныхъ дѣлъ въ полицейскихъ учрежденіяхъ. — Участіе литераторовъ. — Необходимость защиты. — Вопросъ о преступленіяхъ и проступкахъ совершенныхъ словомъ и письмомъ. — Вопросъ объ университетахъ. — Общій характеръ журнальной полемики по этому вопросу. — Кандидаты въ званія профессоровъ. — Объявленіе начальства с.-петербургскаго учебнаго округа. — Замѣтка о программѣ. — Открытіе шестой гимназіи въ С.-Петербургѣ. — Излишняя требовательность. — Желаніе дворянства Воронежской губерніи. — Постановленіе дворянства Новгородской губерніи о дворянскомъ институтѣ. — Число книгъ и періодическихъ изданій съ 1833 по 1860 годъ. — Нѣсколько замѣчаній о свѣдѣніяхъ подобнаго рода. — Увеличеніе числа періодическихъ изданій. — Вопросъ о числѣ драматическихъ произведеній въ 1858 году. — Восточная филологія. — Значеніе губернскихъ вѣдомостей. — Новый матеріалъ въ ихъ пользу. — Странное распоряженіе редакціи Калужскихъ вѣдомостей. — Журналистика и почта. — Газеты, имѣющія особое значеніе для нѣкоторыхъ мѣстностей. — Количество золота, добытаго въ 1861 году въ восточной Сибири. — Славянскія поселенія въ Америкѣ. — Проектъ переселенія американскихъ Славянъ на Амуръ. — Восторженные восклицанія «Дни» и наше хладнокровное разсужденіе по поводу этого предположенія. — Финансовая замѣтка о переселенія американскихъ Славянъ. — Идея славянизма. — Свѣдѣнія о числѣ пробѣжавшихъ чрезъ русскія границы. — Нѣсколько замѣтокъ по поводу такихъ свѣдѣній. — Путешественники особаго рода. — Пересылка арестантовъ. — Какъ пользуются у насъ искусственными путями сообщенія. — Предположенія о новыхъ способахъ для отправленія ссыльныхъ въ Сибирь. — Записка двухъ министровъ. — Особый комитетъ о пересыльной системѣ. — Проекты сибирскихъ генералъ-губернаторовъ. — Правила о раздачѣ ссыльнымъ поземельныхъ участковъ. — Крестьянское дѣло. — Вопросы о пространствахъ и времени. — Что значатъ особія мѣры? — Мировыя учрежденія и общественныя управленія. — Уставныя грамоты. — Выкупныя сдѣлки. — Продажа имѣній въ казну. — Увольненіе дворянствъ. — Отказы и вѣжды губернаторовъ. — Общество распространенія грамотности въ Калугѣ. — Совѣщанія объ упрощеніи русской орфографіи. — Замѣтка объ участіи въ подобныхъ предпріятіяхъ академіи наукъ. — Будущій орфографическій расколъ. — Возможные вопросы начальника подчиненному.

Кромѣ распоряженій и извѣстій по помѣщичье-крестьянскому вопросу, помѣщаемыхъ въ настоящее время большею частью на первомъ мѣстѣ въ нашей публицистикѣ по внутреннимъ дѣламъ, мы встрѣчаемъ время-отъ-времени въ нашихъ газетахъ много официальныхъ

извѣстій о такихъ законодательныхъ и административныхъ распоряженіяхъ, которыя должны дѣйствовать болѣе или менѣе вліятельно на нашу умственную жизнь и на развитіе нашего гражданскаго, экономическаго и общественнаго быта. Слѣдить за всѣми этими извѣстіями подъ рядъ, конечно, не слишкомъ трудно, но дѣлать изъ нихъ общія теоретическія выводы или оцѣнивать важность ихъ приложенія къ дѣйствительной жизни—вовсе не такъ легко, какъ это можетъ показаться многимъ съ перваго разу. Работа этого рода бываетъ слишкомъ сложная и слишкомъ щекотливая... Притомъ публицистика наша, въ силу многихъ обстоятельствъ, поставлена въ положеніе не совсѣмъ благопріятное для своего полнаго и разносторонняго развитія и, кромѣ того, она не доведена еще до такой степени значенія, чтобы могла съ достаточной самостоятельностью заправлять и руководить общественное мнѣніе. Многіе общіе факты и многія частныя явленія ей случается проходить молчаніемъ, на иные же она должна смотрѣть подъ общепринятымъ и слѣдовательно однообразнымъ угломъ зрѣнія.

Въ числѣ фактовъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе и подлежащихъ поэтому внесенію въ наше обозрѣніе, мы должны поставить на первое мѣсто преобразование ценсурнаго управленія по той громадной важности, какое должны имѣть подобнаго рода преобразованія вообще на литературу и отчасти на учебную часть, а слѣдовательно и на весь ходъ умственнаго развитія.

Высочайшее повелѣніе преобразованія ценсурнаго управленія состоялось 8-го марта, вслѣдствіе всеподданнѣйшихъ докладовъ, въ совѣтѣ министровъ, г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнина. Первый пунктъ упомянутаго Высочайшаго повелѣнія упраздняетъ главное управленіе цензуры, а по второму пункту, наблюденіе, чтобы въ книгахъ, брошюрахъ, періодическихъ изданіяхъ, гравюрахъ, эстампахъ, и вообще произведеніяхъ печати не появлялось ничего противнаго ценсурнымъ правиламъ, возложено на министерство внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы о случаяхъ замѣченныхъ упущеній министерство это сообщало для зависящаго распоряженія: а) относительно всякаго рода изданій, изъятыхъ отъ общей цензуры—тѣмъ управленіямъ и вѣдомствамъ, въ вѣдѣніи коихъ они состоятъ, б) относительно изданій, подлежащихъ общей ценсурѣ—министерству народнаго просвѣщенія, и в) относительно изданій, подлежащихъ духовной ценсурѣ—оберъ-прокурору святѣйшаго синода.

Прочія за тѣмъ обязанности главнаго управленія цензуры возложены на министра народнаго просвѣщенія, съ предоставленіемъ ему

правъ этого учрежденія и съ подчиненіемъ непосредственно ему ценсурныхъ комитетовъ и отдѣльныхъ ценсоровъ вѣдомства народнаго просвѣщенія.

Дальнѣйшія преобразованія по ценсурной части заключаются въ слѣдующемъ:

По извѣстному пункту Высочайшаго повелѣнія не подвергаются вовсе разсмотрѣнію общей ценсуры всѣ изданія правительственныхъ учрежденій и губернскія вѣдомости, при чемъ предоставляется начальствамъ такихъ учрежденій и губернаторамъ поручить ценсурованіе упомянутыхъ изданій лицамъ по своему выбору, съ тѣмъ чтобъ въ *сомнительныхъ* только случаяхъ лица эти обращались къ ценсорамъ министерства народнаго просвѣщенія, а тамъ, гдѣ ихъ не полагается, къ директорамъ училищъ.

Слѣдующимъ, т. е. пятымъ пунктомъ сохраняется въ полной силѣ постановленіе, чтобъ встрѣчающіяся какъ въ книгахъ, такъ и въ періодическихъ изданіяхъ мѣста и статьи духовнаго содержанія, сообщались духовной ценсурѣ, а касающіяся Государя Императора и особъ Императорской фамиліи, препровождались на разсмотрѣніе министра Императорскаго двора, а за тѣмъ, *по всѣмъ прочимъ предметамъ* министерство народнаго просвѣщенія только въ *сомнительныхъ* случаяхъ обращалось къ другимъ вѣдомствамъ.

Вслѣдствіе этого, нынѣ отмѣнены назначавшіеся прежде отъ разныхъ вѣдомствъ довѣренныя чиновники, на обязанности которыхъ лежалъ особый просмотръ статей, касавшихся ихъ вѣдомствъ. Порядокъ этотъ иногда слишкомъ затруднял и усложнял ценсорскій просмотръ газетъ и журналовъ.

Разсмотрѣніе и пропускъ къ печати статей и извѣстій политическаго содержанія оставлены теперь на прямой обязанности общей ценсуры во всѣхъ изданіяхъ безъ всякаго участія и отвѣтственности за нихъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Объ этомъ ценсурномъ правилѣ *Journal de St.-Petersbourg* сообщалъ къ свѣдѣнію и для заграничныхъ правительствъ.

Этими распоряженіями оканчиваются совершившіеся уже преобразованія по ценсурной части. Они, какъ это могли замѣтить наши читатели, касаются собственно административныхъ распоряжковъ по ценсурѣ, потому что въ сущности ценсурный уставъ ими не измѣняется. Такой характеръ ценсурныхъ преобразованій не имѣлъ бы для литературы осо-

*

большой важности, еслибы они не должны были получить дополнительныхъ правилъ.

Изъ приведеннаго Высочайшаго повелѣнія видно, что начавшіяся по ценсурному вѣдомству преобразованія должны имѣть дальѣйшій ходъ, такъ какъ повелѣніемъ этимъ предоставлено г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія войти въ сношенія съ подлежащими вѣдомствами объ изыятіи отъ разсмотрѣнія ценсурю изданий разныхъ ученыхъ обществъ и чисто специальныхъ, и во-вторыхъ, составить неотлагательно комиссію для пересмотра измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія, съ тѣмъ чтобы заключенія министерства, по соглашенію со II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, представлялись на Высочайшее возрѣніе установленнымъ порядкомъ.

Здѣсь уже начинаются преобразованія ценсуры въ ея существенной, а не въ одной только исполнительной части. Преобразованія будутъ прямо относиться ко внутреннему содержанию всего того, что выходитъ съ нашихъ типографскихъ станковъ.

Упомянутая комиссія учреждена подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря, князя Оболенскаго, изъ гг. членовъ: тайнаго совѣтника Цеэ, академика Веселовскаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Воронова и профессора Андреевскаго. Предѣлатель комиссіи предоставлено право приглашать къ участию въ занятіяхъ комиссіи гг. литераторовъ и редакторовъ періодическихъ изданий, а вопросы, по которымъ признано будетъ полезнымъ знать подробно разные мнѣнія гг. писателей, *будутъ предлагаться на обсужденіе въ журналахъ.*

Въ настоящее время С.-Петербургскія Вѣдомости сообщаютъ, что упомянутая комиссія для пересмотра дополненій и измѣненій постановленій по дѣламъ книгопечатанія, имѣла 19-го марта первое засѣданіе; въ этомъ засѣданіи подробно разсматривался вопросъ о точномъ опредѣленіи предмета занятій, предстоящихъ комиссіи.

Слѣдуя указаніямъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, комиссія должна заняться:

1. Составленіемъ проекта новаго законоположенія о книгопечатаніи для тѣхъ произведеній наукъ, словесности и искусства, которыя будутъ изыаты отъ предварительнаго разсмотрѣнія ценсурю (законодательство карательное) и
- 2) Пересмотръ, дополненіе и измѣненіе нынѣ дѣйствующаго цен-

сурнаго устава, для тѣхъ произведеній, которыя останутся подѣ дѣйствию предварительной ценсуры.

Труды комиссіи раздѣляются на двѣ части. Въ составъ первой части войдутъ:

1) Постановленіе объ административныхъ, полицейскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, завѣдывающихъ дѣлами книгопечатанія.

2) Постановленія полицейскія о типографіяхъ и литографіяхъ и о книжной торговлѣ во всѣхъ ея видахъ.

3) Постановленія о періодическихъ изданіяхъ, о редакторахъ, издателяхъ, залогахъ, штемпелевыхъ сборахъ и пр.

4) Законы о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ словами, письмомъ и печатью, и о наказаніяхъ за оныя.

5) Законы о судопроизводствѣ.

Вторая часть труда будетъ заключаться въ составленіи ценсурнаго устава.

«Не предрѣшая нынѣ вопроса о томъ — сказано въ статьѣ, на которую мы ссылаемся—какія именно произведенія словесности, наукъ и искусства могутъ быть изъяты отъ дѣйствія предварительной ценсуры, комиссія будетъ имѣть въ виду разработку законодательства карательнаго, независимо отъ постановленій ценсурныхъ, въ томъ предположеніи, что при существованіи полнаго законодательства о книгопечатаніи и при устройствѣ судебныхъ органовъ преслѣдованія кругъ вѣдѣнія ценсурныхъ постановленій можетъ быть сокращаемъ постепенно, по указаніямъ опыта и по мѣрѣ того, какъ новое законодательство утвердится практикою и перейдетъ въ сознаніе самой литературы».

Гг. члены комиссіи распредѣлили между собою занятія для подробной разработки каждаго отдѣльнаго вопроса по этому многосложному дѣлу. По мѣрѣ изготовленія, работа каждаго члена будетъ разсматриваться и обсуждаться въ послѣдующихъ засѣданіяхъ.

Комиссія изъявляетъ желаніе, чтобъ гг. литераторы и редакторы періодическихъ изданій, сообщили комиссіи свои мысли и соображенія по вышеозначеннымъ предметамъ (сообщать все это должно намъ предсѣдателя, князя Дмитрія Александровича Оболенскаго, живущаго на Невскомъ проспектѣ № 72), и чтобы литература наша нѣсколько ближе ознакомила публику съ вопросами, относящимися до законодательства о книгопечатаніи. По справедливому замѣчанію комиссіи, сравнительное изложеніе законодательствъ другихъ образованныхъ государствъ и

теоретическая оцѣнка ихъ могли бы приготовить общественное мнѣніе къ правильному разумѣнію силы и значенія новой системы законодательства о книгопечатаніи.

Пользуясь приглашеніемъ комиссіи, мы позволяемъ себѣ въ настоящее время предложить на разрѣшеніе нѣсколько общихъ вопросовъ, для того чтобы редакторы и литераторы могли выраженіемъ своихъ мнѣній въ печати и въ письмахъ къ г. предсѣдателю комиссіи участвовать въ сужденіяхъ ея, предварительно ставши съ нею на одинаковую точку зрѣнія, по нѣкоторымъ существеннымъ предметамъ.

Мы полагаемъ, что при составленіи проекта о карательномъ законодательствѣ по цензурной части необходимо прежде всего опредѣлить: будетъ ли смотрѣть комиссія на нарушеніе цензурныхъ правилъ, какъ на самостоятельный проступокъ только противъ цензурныхъ порядковъ, или же она, устанавливая мѣру наказанія, будетъ главнымъ образомъ примѣняться къ содержанию, т. е. къ смыслу и выраженіямъ того, что появится въ печати, и будетъ устанавливать взысканія, сообразуясь исключительно съ этимъ условіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ едва ли можно будетъ составить особый карательный уставъ, по цензурной части, такъ какъ общему смыслу книги, статьи и даже отдѣльному выраженію можно будетъ придать видъ, характеръ и свойство такихъ проступковъ и даже преступленій, наказанія за которые будутъ въ то же время опредѣляться и общимъ уголовнымъ или исправительнымъ законодательствомъ и, слѣдовательно, при этихъ условіяхъ въ карательномъ законодательствѣ по цензурной части и въ общихъ узаконеніяхъ объ уголовныхъ и полицейскихъ взысканіяхъ, будутъ очень часто встрѣчаться и разногласія и несоразмѣрность приговоровъ.

По поводу этихъ соображеній, нельзя не спросить еще о томъ, предполагаетъ ли комиссія (что впрочемъ весьма вѣроятно) устранить въ карательномъ законодательствѣ по цензурной части сословныя различія. Года три тому назадъ было издано «Собраніе узаконеній для редакторовъ, издателей, литераторовъ и типографчиковъ». Въ книжкѣ этой слишкомъ рѣзко отзывались наши сословные элементы. По существующему законодательству, большая часть проступковъ противъ цензурной части примѣнена не только къ важнымъ, но и къ тяжкимъ уголовнымъ преступленіямъ. Поэтому, въ значительной части случаевъ, предусматриваемыхъ закономъ, полагаются за нарушеніе собственно цензурныхъ правилъ тяжелыя наказанія. Вслѣдствіе этого, въ упомянутой книжкѣ рядомъ съ свѣдѣніями объ изыятіи отъ тѣлесныхъ на-

казаній лицъ изъ привилегированныхъ состояній встрѣчаются угрозы закона рогами, плетью и клеймами такимъ лицамъ, которыя, какъ надобно предполагать прежде всего по роду ихъ виновности, стоять на одинаковой степени образованія и умственного развитія съ лицами привилегированныхъ сословій и, слѣдовательно, тѣлесныя наказанія примѣняются здѣсь къ такимъ лицамъ, для которыхъ не только мѣра, но и самый позоръ наказанія должны бы быть также чувствительны, какъ и для лицъ привилегированныхъ званій.

Надобно сказать, что при составленіи всѣхъ вообще уставовъ имѣетъ важность не только удобная обработка ихъ по примѣняемости на практикѣ, но и введеніе въ нихъ такихъ взглядовъ, такихъ пониманій и даже такихъ юридическихъ и канцелярскихъ выраженій, въ которыхъ сходятся между собою какъ составители законодательнаго проекта, такъ и тѣ, которымъ впоследствии придется блюсти и исполнять законы, выработанные на основаніи первоначальнаго проекта. Между тѣмъ, при настоящемъ, такъ сказать, раздѣленіи ценсурнаго труда между двумя вѣдомствами—вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ внутреннихъ дѣлъ—неизбѣжно должна существовать нѣкоторая, а быть можетъ даже и значительная разность въ воззрѣніяхъ на общій ходъ литературнаго и ученаго дѣла и на множество частныхъ этыхъ дѣлъ. Замѣчаніе это, какъ гажется, должно имѣть особое значеніе при вопросѣ о ценсурѣ карательной, если право взысканія, хотябы и судебнымъ порядкомъ будетъ, предоставлено полицейскому вѣдомству. Нельзя не согласиться, что наука и литература идутъ всегда впереди самыхъ либеральныхъ полицейскихъ мѣръ, въ особенности же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти мѣры относятся къ развитію въ странѣ умственныхъ силъ общества и народа. Наука и литература не только могутъ, но и должны разработать прежде полицейскихъ управленій общія теоріи по такимъ предметамъ, на которые полицейская власть въ государствѣ еще вправѣ, безъ малѣйшаго нареканія со стороны общественнаго мнѣнія, смотрѣтъ какъ на неподвижныя формы гражданскаго и общественнаго быта, какъ на формы полезныя, не вызывающія никакого осужденія и, слѣдовательно, въ глазахъ полицейской власти не только дерзкія или смѣлыя, но порою даже основательныя, а потому уже правдивыя разсужденія о многихъ вещахъ могутъ казаться нарушеніемъ общественнаго порядка, желаніемъ волновать умы и стремленіемъ поднять такіе вопросы, которые должны оставаться на практикѣ въ совершенномъ застоѣ. Короче, если такъ выразиться, въ по-

лицейской администраціи должны быть преимущественно консервативные принципы, по самому существу этой администраціи, тогда какъ администраціа народнаго просвѣщенія, при свободней умственной силѣ, входящей въ завѣдываемую ею область, должна имѣть прежде всего характеръ прогрессивный. Изъ такой разности взглядовъ двухъ управленій на одно и то же дѣло, — разности, конечно, не происходящей отъ тѣхъ личностей, которыми представляется въ государствѣ двѣ эти отрасли высшаго управленія, — можетъ возникать множество недоразумѣній и противорѣчащихъ понятій не только въ частныхъ случаяхъ, но и въ самомъ принципѣ ценсурнаго законодательства.

Мы не знаемъ въ какихъ совѣщательныхъ отношеніяхъ поставлены между собою оба вѣдомства при первоначальной обработкѣ проектовъ по ценсурной части, и хотя можно съ полною вѣроятностью предположить, что дѣятели въ высшихъ сферахъ обонхъ управленій всегда могутъ болѣе или менѣе сходиться между собою во взглядахъ на ценсурное дѣло, но нельзя не забывать и того, что судебная и полицейская дѣятельность по ценсурной части, выдѣляясь постепенно изъ этихъ сферъ въ нисшія ступени администраціи, можетъ очень легко расходиться въ возрѣвннхъ на это дѣло со стороны того вѣдомства, которому предоставлено руководить движеніемъ и развитіемъ умственныхъ силъ народа.

Такого рода соображенія, которыя, конечно, можно было бы развить и нагляднѣе, и пространнѣе, ведутъ между прочимъ, какъ намъ кажется, къ тому безошибочному заключенію, что для большей однообразности при разборѣ дѣла по ценсурной части въ полицейско-судебныхъ сферахъ необходимо допустить въ предполагаемыхъ полицейскихъ судахъ участіе самой литературы въ лицѣ ея представителей, которые могли бы являться въ этихъ судахъ какъ депутаты и члены, а также и въ видѣ особыхъ, хотя бы присяжныхъ защитниковъ. Участіе этихъ лицъ въ упомянутыхъ судахъ необходимо, потому что при полной отдачѣ дѣлъ литературныхъ на полицейскій судъ во всей его силѣ всегда будетъ встрѣчаться въ этихъ дѣлахъ много такихъ частныхъ, которыя не будутъ вовсе понятны однимъ только официальнымъ лицамъ, въ особенности же на первыхъ порахъ дѣятельности ценсурно-полицейскихъ учреждений. Нельзя упустить изъ виду также и того, что карательную цензуру предполагается примѣнить къ нѣкоторымъ произведеніямъ наукъ, и что между тѣмъ цѣнители каждаго дѣла должны быть люди въ немъ свѣдущіе; поэтому, очевидно, что

полицейскія и судебныя учрежденія по дѣламъ карательной цензуры должны состоять изъ лицъ, знакомыхъ съ науками. Для такихъ учреждений, какъ кажется, достаточно будетъ, если для нихъ чиновники будутъ имѣть скорѣе значеніе прокуроровъ, нежели судей, т. е. если они будутъ только такими лицами, которыя будутъ обвинять подсудимаго и наблюдать за правильнымъ примѣненіемъ законовъ; постановлять же приговоры будутъ такія лица, которыя съ полнымъ знаніемъ дѣла могутъ обсудить его по совѣсти.

Въ дополненіе тѣхъ вопросовъ, которые мы изложили и которые, какъ мы полагаемъ, должны служить краеугольнымъ камнемъ для разработки преобразовательныхъ проектовъ по цензурной части, мы позволимъ себѣ поставить еще одинъ вопросъ о томъ, что понимаетъ коммиссія подъ «преступленіями и проступками, совершаемыми словомъ и письмомъ»? Безъ категорическихъ объясненій этихъ предметовъ можно полагать, что цензурный кодексъ будетъ примѣняться къ чрезвычайному, огромному числу случаевъ, подлежащихъ пынѣ прямому наблюденію полицейской власти.

Мы съ своей стороны думаемъ, что подъ преступленіями, совершаемыми словомъ и письмомъ, должно разумѣть въ цензурно-судебномъ уставѣ только нѣкоторые особые случаи, какъ напримѣръ нарушеніе порядка при чтеніи лекцій и литературныхъ статей въ общественныхъ собраніяхъ, прибавкою на сценѣ какого нибудь выраженія. Такъ, мы полагаемъ, что въ силу новаго устава, это, подобно извѣстному дѣлу профессора Павлова, должно будетъ подлежать цензурно-полицейскому суду, а не общей полицейской расправѣ.

Нельзя не сообразить и того, что при установленіи карательной цензуры, примѣры прежнихъ лѣтъ будутъ служить долгое время руководительнымъ началомъ для литераторовъ, редакторовъ и издателей. Слѣдовательно при судѣ за вольность печати необходимо будетъ имѣть судьямъ въ виду обстоятельство, не слѣдовалъ ли обвиненный только примѣру прежнихъ лѣтъ, т. е. не напечаталъ ли онъ болѣе того, что было разрѣшаемо прежде предварительной цензурой. Такой необходимый поворотъ къ прошедшему будетъ, какъ кажется, вполне справедливымъ не только въ логическомъ, но и въ юридическомъ смыслѣ, а между тѣмъ онъ безъ всякаго сомнѣнія будетъ возможенъ только для людей, хорошо знакомыхъ съ ходомъ литературы предшествовавшихъ событій, а не для лицъ административныхъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ мы будемъ ожидать дальнѣйшихъ свѣ-

дѣній о занятіяхъ комиссіи для пересмотра дополненія и измѣненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія.

Другой предметъ, къ которому мы обратимся въ настоящемъ изшемъ обзорѣнн, имѣетъ самое близкое отношеніе съ тѣмъ, о которомъ мы сейчасъ говорили. Мы перейдемъ теперь къ университетамъ. Никогда, какъ кажется, основныя начала университетскаго быта не колебались такъ сильно, какъ теперь. Мы не будемъ говорить здѣсь объ общественномъ, весьма разностороннемъ мнѣніи по этому предмету, и не будемъ останавливаться на оцѣнкѣ и разборѣ статей, написанныхъ въ видѣ предположеній объ устройствѣ нашихъ университетовъ отчасти на началахъ совершенно новыхъ, а отчасти на началахъ, только нѣскольکو измѣненныхъ. Скольکو мы можемъ судить по всему прочтѣнному нами въ газетахъ и журналахъ, положительныя заявленія въ печати мыслей объ университетскихъ дѣлахъ и незначительная полемика, происходившая тамъ же, не высказали еще послѣднихъ словъ объ устройствѣ нашихъ университетовъ. Впрочемъ, неоконченность этого дѣла въ печати очень понятна, потому что въ большей части случаевъ спорящія стороны старались въ ущербъ самаго дѣла, прежде всего отстоять свои личныя мнѣнія, отнять перевѣсъ у мнѣній своего противника и не заботились о примирительномъ разрѣшеніи недоумѣній, а также и о сводкѣ въ одно цѣлое противоположныхъ взглядовъ на одно и то же дѣло. Притомъ статьи касательно русскихъ университетовъ наполнялись очень часто общими замѣтками и разсужденіями объ ученіи и воспитаніи и, такимъ образомъ, выводили главный вопросъ въ широкое раздолье для безконечныхъ споровъ, среди которыхъ противники могли очень легко, не подвигая впередъ дѣла, поражать другъ друга общими фразами и озадачивать туманными отвлеченностями. Естественно, такой способъ веденія полемики не дастъ возможности самому безпристрастному человѣку сдѣлать положительныя выводы изъ всего напечатаннаго и рѣшить окончателно, за кѣмъ остался перевѣсъ, за кѣмъ осталось послѣднее слово не по времени, а по справедливости. Несмотря однакожь на это, все же бывшая у насъ въ журналистикѣ полемика объ устройствѣ университетовъ установила нѣскольکو взглядовъ на скудость и на побочныя потребности высшаго университетскаго образованія, но она разрѣшила вопросъ о русскихъ университетахъ во всей его цѣлости.

Читавшіе статьи объ университетахъ, вѣроятно, помнятъ, что въ нихъ стоялъ едва ли не на первомъ планѣ вопросъ о выборѣ профессо-

ровъ. Вопросъ этотъ, конечно, слишкомъ важенъ особенно при обидныхъ и основательныхъ жалобахъ на неправильное занятіе профессорскихъ кафедръ. Пути къ разрѣшенію его были предложены самыя разнообразныя. Каждое изъ предложеніе, конечно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, или къ чему не ведущихъ, представляло и выгоды, и невыгоды, и вся трудность задачи состояла въ томъ, чтобы по возможности уравновѣсить и тѣ, и другія. Что же касается собственно до насъ, то мы по всей справедливости отдаемъ предпочтеніе предположеніямъ объ увеличеніи въ нашихъ университетахъ приватъ-доцентовъ, какъ кандидатовъ для будущихъ профессоровъ. Само собою разумѣется, что къ этому предположенію примѣшивалось весьма много частныхъ вопросовъ о способѣ содержанія такихъ лицъ до полученія ими профессорской должности, о посылкѣ ихъ за границу, объ отношеніи ихъ къ университетской корпораціи и такъ далѣе. Короче, и въ этомъ, повидимому, небольшомъ вопросѣ развилось множество частныхъ, и такое обстоятельство, какъ мы полагаемъ, достаточно доказываетъ, что разсматривая дѣла о приватъ-доцентахъ занялись между прочимъ люди, смотрящіе на него не поверхностно и притомъ люди хорошо знакомые съ тѣмъ положеніемъ, которое имъ приходилось обусловить и матеріально, и нравственно.

Въ настоящее время мы встрѣчаемъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ небольшую замѣтку подъ заглавіемъ: «Кандидаты въ званіи профессоровъ».

«Главною причиною—сказано въ этой замѣткѣ—препятствующею надлежащему развитію нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, служитъ недостатокъ въ профессорахъ, который особенно чувствуютъ наши университеты. Для устраненія этого недостатка, министерство народного просвѣщенія предполагаетъ отправить, въ самомъ непродолжительномъ времени, въ заграничные университеты на два и на три года необходимое число молодыхъ людей, пріобрѣвшихъ уже ученую степень магистра, или по крайней мѣрѣ кандидата въ одномъ изъ русскихъ университетовъ».

«Опыты прежнихъ временъ—продолжаетъ замѣтка—показали несомнѣнную пользу этой мѣры: подобнымъ путемъ, въ теченіе времени съ 1832 по 1838 годъ было приготовлено для нашихъ университетовъ 20 профессоровъ, изъ которыхъ многіе пользуются заслуженною извѣстностью въ ученomъ мѣрѣ».

Руководителемъ отправляемыхъ за границу молодыхъ людей назначает-

ся Николай Иванович Пироговъ. Министерство съ своей стороны признает необходимымъ распределить занятія ихъ такимъ образомъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ возможность изучать безъ напрасной траты времени избранныя имъ спеціальныя науки въ тѣхъ университетахъ, которые имѣютъ наилучшихъ, по ихъ спеціальностямъ, профессоровъ. Отчеты объ ученыхъ занятіяхъ будутъ въ свое время помѣщаться въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія для всеобщаго свѣдѣнія.

Говоря о дѣлахъ, относящихся къ народному просвѣщенію, мы должны указать на объявленіе «отъ начальства с.-петербургскаго округа», помѣщенное въ петербургскихъ газетахъ. Сущность этого объявленія, сопровождаемая подробной программой, заключается въ томъ, что лица, неокончившія курса въ гимназіяхъ и дворянскихъ институтахъ, но пріобрѣтшія основательныя свѣдѣнія въ предметахъ гимназическаго курса, для полученія удовлетворительнаго въ томъ свѣдѣтельства, могутъ, по желанію ихъ, подвергаться испытанію вмѣстѣ съ оканчивающими нынѣ курсъ учениками гимназій, въ одной изъ петербургскихъ гимназій, по назначенію попечителя округа, или въ другихъ гимназіяхъ, принадлежащихъ къ с.-петербургскому учебному округу. Испытаніе будетъ производиться въ теченіи мая.

Объявленіе это сопровождается указаніями на то, какіе документы должны быть представлены въ этомъ случаѣ лицами, желающими подвергнуться испытанію.

Хотя, судя по заголовку упомянутаго объявленія и по отсутствію въ немъ всякихъ указаній на ближайшій его источникъ, надобно полагать, что оно сообщается какъ распоряженіе только мѣстнаго учебно-окружнаго управленія; и, поэтому, должно имѣть силу только въ предѣлахъ с.-петербургскаго учебнаго округа, но мы полагаемъ однако, что сообразно съ важностію этой мѣры въ учебномъ отношеніи оно основывается на первоначальномъ распоряженіи самаго министерства народнаго просвѣщенія и что, слѣдовательно, возможность такихъ облегчительныхъ испытаній распространена вообще на всѣ гимназіи имперіи. Что же касается приложенной по этому объявленію программы, то она возбудила въ насъ нѣкоторое недоумѣніе.

Мы не можемъ сказать утвердительно, есть ли эта программа общая для выпускныхъ испытаній въ гимназіяхъ, или же она составлена собственно для настоящей только цѣли, съ нѣкоторыми дополненіями или исключеніями, противъ общепринятой гимназической про-

граммы; въ последнемъ случаѣ она, вѣроятно, въ значительной степени затруднить многихъ, желающихъ воспользоваться предоставленнымъ правомъ. Такъ, въ упомянутой программѣ, не указано на руководителя, а между тѣмъ по ней, напр. въ отношеніи русскаго языка, требуется знать между прочимъ: «причины различія языковъ», «высшее изученіе языка», «вліяніе на нашъ народный языкъ языковъ иностранныхъ». Все эти и подобныя предметы знанія, входятъ въ область высшей филологіи; для всѣхъ ихъ существуютъ весьма различные взгляды и потому, безъ указанія программю на одно общее руководство, очень легко можетъ быть, что несходственность взглядовъ со стороны экзаминаторовъ со взглядами испытуемаго, почеркнутыми послѣднимъ изъ такого руководства, котораго не придерживаются сами испытатели, можетъ быть принято послѣднимъ, какъ положительное мнѣніе. По всему этому, какъ кажется, необходимо объяснить приводимыя здѣсь недоразумѣнія, такъ какъ во многихъ случаяхъ они могутъ затруднить пользованіе новымъ правомъ для тѣхъ, кому оно было бы не лишнее.

Кстати скажемъ еще нѣсколько словъ о гимназіяхъ, или вѣрнѣе, объ одной изъ нихъ.

Въ концѣ прошлаго года, 28 декабря, состоялось Высочайшее повелѣніе объ открытіи въ С. Петербургѣ, у Чернышева моста, въ домѣ, назначенномъ для жительства министерствъ народнаго просвѣщенія, шестой гимназіи для приходящихъ учениковъ. Гимназія эта, по направленію преподаванія, сходна съ третьей гимназіей, такъ какъ въ ней будутъ преподавать языки—греческій и латинскій. Нынѣ объявляется въ петербургскихъ газетахъ о времени для приѣма дѣтей въ эту гимназію и, между прочимъ, отъ поступающихъ въ гимназію требуется представленіе свидѣтельства о здоровомъ тѣлосложеніи и о прижитіи оспы.

Едва ли въ требованіи такихъ свидѣтельствъ отъ приходящихъ учениковъ можно видѣть какую нибудь практическую пользу, а не излишнюю формальность, между тѣмъ какъ полученіе подобныхъ свидѣтельствъ для большинства родителей, определяющихъ своихъ дѣтей въ новую гимназію, принадлежащихъ по преимуществу къ числу людей небогатыхъ, можетъ быть затруднительно, а при неимѣніи знакомыхъ докторовъ, полученіе подобныхъ свидѣтельствъ должно требовать излишнихъ издержекъ. Да и что нужно разумѣть подъ здоровымъ

тѣлесложеніемъ гимназиста, какъ будто дѣти слабаго тѣлесложенія не могутъ и не желаютъ учиться?

Къ новымъ свѣдѣніямъ по учебной части должно отнести два свѣдѣнія: первое, сообщаемое Современною Лѣтописью Русскаго Вѣстника, о томъ, что дворянство Воронежской губернии положило ходатайствовать о преобразованіи мѣстнаго кадетскаго корпуса въ университетъ или, по крайней мѣрѣ въ медицинскую академію, и второе, сообщаемое Нижегородскими губерневыми вѣдомостями, о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ въ нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ по постановленію мѣстнаго дворянства. Въ ряду этихъ преобразованій, замѣчательно то, что, по большинству дворянскихъ голосовъ, въ институтѣ дозволенъ приемъ дѣтей, не принадлежащихъ къ дворянскому сословію, впрочемъ, въ такомъ только случаѣ, если поступить на открывающіеся въ институтѣ вакансіи не будетъ желающихъ изъ дворянъ, которымъ должно быть отдаваемо предпочтеніе.

За нѣсколько страницъ передъ этимъ, мы говорили объ условіяхъ для будущей дѣятельности ценсурнаго вѣдомства, но теперь намъ приходится возвратиться къ его прошедшему, по поводу напечатанной въ февральской книжкѣ журнала народнаго просвѣщенія таблицы, показывающей число выходявшихъ съ одобренія ценсуры министерства народнаго просвѣщенія періодическихъ изданій и разнаго рода книгъ съ 1833 по 1861 годъ. Таблица эта, несмотря на общій интересъ подобнаго дѣла, представляетъ нѣкоторые недостатки для опредѣленія нашей литературной дѣятельности въ полномъ ея объемѣ. Извѣстно, что у насъ общій размѣръ литературной дѣятельности не обуславливается одними только появляющимися въ печати сочиненіями, потому что ценсурныя исключенія изъ книгъ и журналовъ, иногда въ объемѣ нѣсколькихъ листовъ, ограничиваютъ массу всего, что вырабатывается редакціями журналовъ и газетъ, а также отдѣльными лицами, занимающимися литературой. Поэтому для большей опредѣленности такихъ таблицъ, не излишнимъ было бы означать въ нихъ рядомъ съ количествомъ всего выпущеннаго изъ типографій съ разрѣшенія ценсуры и количество оставшагося подъ ценсурнымъ запретомъ.

Но возвратимся къ таблицѣ и скажемъ, что рубрики ея представляютъ не точное распредѣленіе книгъ по родамъ; такъ, напримѣръ, въ этой таблицѣ, въ одинъ общій итогъ включены и энциклопедическіе словари и разныя сочиненія въ стихахъ, два рода изданій совершенно противоположныхъ одно другому не только по вѣдѣній

формѣ, но и по сущности содержания и по ихъ значенію въ библіографическомъ смыслѣ.

Вообще же изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ упомянутой таблицѣ, оказывается, что самое большое число названій и вмѣстѣ съ тѣмъ самое большое число печатныхъ листовъ относится къ 1860 году. Въ этомъ году значится по таблицѣ 2,085 названій книгъ въ количествѣ 17,999 печатныхъ листовъ; следовательно въ типографскомъ, но не въ чисто-литературномъ отношеніи, это былъ самый большой годовой размѣръ книжной и журнальной дѣятельности. Наименьшее число названій книгъ въ теченіи 27 лѣтнаго періода, обнимаемаго таблицей, было въ 1835 году, когда число это доходило только до 708; наименьшее количество печатныхъ листовъ въ русскихъ типографіяхъ относится къ 1842 году; въ этомъ году оно понижалось до $7,925\frac{3}{4}$.

Вообще изъ лежащей передъ нами таблицы никакъ нельзя вывести положительныхъ свѣдѣній о постепенномъ развитіи нашей литературной дѣятельности даже и въ типографскомъ смыслѣ; цифры, введенныя въ эту таблицу, показываютъ не постепенность хода, но чрезвычайное колебаніе въ размѣрѣ бумажно-литературной производительности въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ, можно только сказать на основаніи таблицы, что постепенное и постоянное увеличеніе производительности этого рода начинается съ 1853 года по числу названій появившихся книгъ, а съ 1856 года начинается постепенное увеличеніе по числу печатныхъ листовъ. Вообще же только съ послѣдняго, т. е. съ 1856 года наше книгопечатаніе принимаетъ постепенно съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивающіеся размѣры.

Что же касается періодическихъ изданій, то нужно сказать, что общее ихъ число, отдѣльно по каждому году, не представляетъ тоже послѣдовательнаго увеличенія съ 1833 до 1851 года; въ послѣднемъ же году число періодическихъ изданій значительно увеличилось, но только въ отчетной таблицѣ, а не въ дѣйствительности. Въ таблицѣ число періодическихъ изданій измѣнилось на этотъ годъ вдругъ съ 56 на 102; такое быстрое развитіе нашей журналистики въ численномъ отношеніи объясняется тѣмъ, что въ этомъ году была подчинена ценсурѣ министерства народнаго просвѣщенія неофициальная часть губернскихъ вѣдомостей, выходившихъ въ ту пору въ числѣ 44. Следовательно эта цифра приблизилась разомъ къ цифрѣ предшествовавшаго года. Далѣе, число періодическихъ изданій остается и въ 1852

году то же самое, а съ 1853 года оно представляеть слѣдующую постепенность въ своемъ увеличеніи. Такъ періодическихъ изданій было: въ 1853 и 1854 годахъ — 404, въ 1855 году — 108, въ 1856—110, въ 1857—122, въ 1858—165, въ 1859—199, въ 1860—230.

Само собою разумѣется, что всѣ приведенныя здѣсь числа говорить, какъ мы это замѣтили прежде, очень мало точнаго въ отношеніи самостоятельнаго и полнаго развитія нашей литературной дѣятельности и весьма слабо опредѣляютъ ее, какъ независимую рабочую силу, даже и въ отношеніи ея уживчивости съ ценсурными правилами. Такъ наиримѣръ, неопредѣленность шриота и размѣра печатныхъ листовъ никакъ не позволяютъ сдѣлать хотя бы приблизительный выводъ о валовомъ количествѣ всего напечатаннаго, между тѣмъ какъ духовный матеріалъ книгъ бываетъ весьма различенъ и при равномъ числѣ листовъ, завися главнымъ образомъ отъ формата послѣднихъ и отъ плотности шриота. Далѣе, изъ таблицы не видно, въ какомъ количествѣ ежегодно печатались періодическія изданія и въ числѣ сколькихъ экземпляровъ издавались книги и выходили газеты и журналы. Въ таблицѣ не указывается также и на то, сколько ежегодно было издаво книгъ въ первый, во второй или третій разъ. Наконецъ въ рубрицѣ періодическихъ изданій не означено, сколько прекращалось журналовъ и сколько возникало новыхъ, а указывается единственно на то, сколько вообще выходило въ каждомъ году періодическихъ изданій.

Мы считаемъ излишнимъ останавливаться надъ каждою рубрикою таблицы, но не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на нѣкоторыя цифры, несметра на всю замѣченную нами ихъ неопредѣленность. Такъ наиримѣръ, изъ упомянутой таблицы надобно вывести заключеніе, что самый благопріятный годъ для нашей драматической литературы былъ 1858, когда произведеній этого рода явилось въ числѣ 93 книгъ? Здѣсь, впрочемъ, предстоитъ одно весьма важное недоумѣніе. Въ 1858 году журналистика почти исключительно овладѣла всей текущей литературой, такъ что отдѣльныхъ изданій по части беллетристически и драматической было очень, очень немного; неужели же однако въ 1858 году наши драматурги могли надѣть 93 пьесы и написать такое число книгъ по драматической части? Что-то невѣроятно. Желательно, чтобы бібліографія указала на такую необыкновенную плодовитость. Что же значать эти 93 названія драматическихъ сочиненій? Включено ли сюда все то, что было напечатано

по драматической части въ журналахъ? Но въ такомъ случаѣ, не говоря уже о слишкомъ большомъ размѣрѣ, общія цифры о періодическихкихъ изданіяхъ должны будутъ пойдти въ раздробъ по всѣмъ другимъ рубрикамъ и, слѣдовательно, эти цифры ужь нельзя будетъ принять, какъ извѣстные числа въ отношеніи къ отдельной періодической литературѣ; тогда вся система таблицы будетъ нарушена и помѣщенныя въ ней свѣдѣнія будутъ представлять смѣшеніе и неопредѣленность въ собранныхъ въ ней числовыхъ данныхъ.

Добавимъ къ этому, что упомянутая таблица не представляетъ, можетъ быть, свѣдѣній, исключительно относящихся къ русской литературѣ! Мы дѣлаемъ это замѣчаніе на томъ основаніи, что, какъ извѣстно, въ ценсурные отчеты министерства народнаго просвѣщенія входятъ вообще все количество книгъ, напечатанныхъ въ Россіи и на иностранныхъ языкахъ (кроме восточныхъ и еврейскаго, вмѣющихся въ таблицѣ свои отдѣльные столбцы и въ разсматриваемой нами таблицѣ) и что ценсурное вѣдомство имперіи соединено было съ ценсурнымъ вѣдомствомъ царства Польскаго. Поэтому, безъ особой оговорки, нельзя принять помѣщенную въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія таблицу, какъ исключительно относящуюся къ имперіи. Кроме того надобно считать еще и то, что въ западномъ край Россіи довольно значительно развита дѣятельность польской литературы, слѣдовательно въ общее число книгъ и листовъ, входятъ также значительныя числа, относящіяся и къ произведеніямъ, выходившимъ въ свѣтъ на польскомъ языкѣ, такъ какъ часть этихъ чиселъ относится и къ произведеніямъ на языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ; хотя, конечно, книжныхъ произведеній на двухъ послѣднихъ языкахъ и является у насъ весьма немного, если только не принимать въ расчетъ значительнаго числа учебниковъ, почти безъ всякаго сомнѣнія вошедшихъ въ таблицу. Такимъ образомъ, изъ этой таблицы нельзя даже съ полною безошибочностью выдѣлать хотя бы однихъ только числовыхъ свѣдѣній, относящихся прямо къ одной только русской литературѣ.

Безъ всякаго сомнѣнія, при слѣдующихъ таблицахъ подобнаго рода будетъ введена большая опредѣленность въ цифрахъ и большая ясность въ ихъ значеніи и въ ихъ относительности какъ къ различнымъ родамъ печатныхъ произведеній, такъ и къ тѣмъ языкамъ, на которыхъ они издаются.

Довольствуясь же на первыхъ порахъ настоящей таблицей, мы можемъ сказать еще нѣсколько словъ о книгопечатной дѣятельности

по части восточной филологіи. Самое значительное развитіе этой дѣятельности было въ 1844 году, когда по части восточной филологіи было отпечатано 865 листовъ, въ числѣ 15 названій. Нельзя при этомъ не указать еще и на то обстоятельство, что въ теченіе пяти лѣтъ т. е. съ 1850 по 1855 годъ не было напечатано въ Россіи, ни одного листа на восточныхъ языкахъ. Само собою разумѣется, что такое сопоставленіе числовыхъ данныхъ должно приводить къ многимъ догадкамъ и потому очень желательно, чтобы составители подобныхъ таблицъ постарались на будущее время сопровождать ихъ необходимыми дополненіями и объясненіями, безъ чего эти таблицы не могутъ служить вразумительнымъ и удовлетворительнымъ матеріаломъ.

Мы недавно въ настоящей статьѣ коснулись нашихъ губернскихъ вѣдомостей. Вѣдомостямъ этимъ, на которыя въ общей сложности тратятся довольно значительныя суммы, придается у насъ вообще весьма мало значенія; они даже не обращаютъ на себя вниманіе какъ мѣстные органы и тамъ, гдѣ они издаются и гдѣ слѣдовательно они должны бы имѣть хотя оффиціальную важность въ извѣстной мѣрѣ, очерченной для нихъ административными распорядками. Только въ послѣднее время губернскія вѣдомости получили было нѣкоторый ходъ вслѣдствіе того, что во многихъ изъ нихъ стали печататься свѣдѣнія по крестьянскому дѣлу; но, къ сожалѣнію, нѣкоторыя редакціи губернскихъ вѣдомостей не захотѣли и не могли воспользоваться призывомъ къ нимъ этого новаго и не безынтереснаго матеріала. Такъ напримѣръ С. Петербургскія Губернскія Вѣдомости и Новгородскія Губернскія Вѣдомости не печатаютъ вовсе извѣстій по крестьянскому дѣлу и по какой причинѣ—объ редакціи этого не объясняютъ. Особенною полнотою насчетъ этихъ свѣдѣній объясняются Ярославскія Губернскія Вѣдомости, которыя, говоря вообще, едва ли не лучшія изъ всѣхъ однородныхъ съ ними изданій; жаль только, что редакція Ярославскихъ Губерн. Вѣдом. печатаетъ порою слишкомъ нѣжныя поэтическія произведенія мѣстныхъ стихотворцевъ «о грусти» «о дѣлѣ» «о мѣсяцѣ» и тому подобныя вирши.

Далѣе въ отношеніи свѣдѣній по крестьянскому дѣлу весьма удовлетворительны губернскія вѣдомости: Калужскія, Рязанскія, Харьковскія, Владимірскія, Тамбовскія. Нѣкоторою особенностью въ передачѣ этого дѣла отличаются Черниговскія Губернскія Вѣдомости. Справедливость требуетъ сказать, что печатаемые въ нихъ журналы присутствія отличаются правильною обработкою и многими общими, весьма

дѣльными мыслями. Говоря о губернскихъ вѣдомостяхъ, нельзя не упомянуть о странномъ объявленіи, сдѣланномъ редакцію Калужскихъ Вѣдомостей. Редакція, принявъ подписку на газету въ теченіе наступающаго года съ журналами губернскаго присутствія по прежней цѣнѣ, вдругъ, по выпускѣ уже нѣсколькихъ номеровъ вѣдомостей, потребовала добавочной платы за журналы губернскаго присутствія, заявляя, что тѣмъ изъ своихъ подписчиковъ, которые не пришлютъ добавочной платы, оно прекратитъ высылку журналовъ губернскаго присутствія, на которые однако подписка принималась вмѣстѣ съ газетой. Само собою разумѣется, что въ подобномъ случаѣ подписчики могутъ протестовать не противъ надбавки небольшой платы, но противъ самой сущности дѣла, противъ принципа самовольства. Кто можетъ поручиться, что черезъ два или три мѣсяца редакція Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостей не объявитъ, что она прекратитъ высылку свѣдѣній, положимъ, о продажахъ, запрещеніяхъ и подрядахъ тѣмъ изъ своихъ подписчиковъ, которые не пришлютъ новой дополнительной платы, или что она за высылку свѣдѣній, напримѣръ, о бродягахъ и найденныхъ мертвыхъ тѣлахъ потребуетъ надбавки по полтинѣ съ экземпляра. Подобное колебаніе подписной суммы на газету въ теченіе года, напоминающее колебаніе биржевыхъ фондовъ, кажется чрезвычайно страннымъ и неумѣстнымъ.

Добавимъ впрочемъ, что Калужскія Губернскія Вѣдомости отличаются весьма недурными и притомъ современными статьями по многимъ предметамъ мѣстнаго губернскаго хозяйства.

Щеголеватостью внѣшняго изданія, т. е. бѣлизной бумаги, очень хорошимъ шрифтомъ, отличаются весьма замѣтно отъ другихъ губернскихъ вѣдомостей, Тамбовскія Вѣдомости, но къ сожалѣнію въ нихъ встрѣчается весьма мало мѣстныхъ извѣстій.

Игнѣя подъ рукою все издаваемая нынѣ губернскія вѣдомости, мы время отъ времени будемъ обращать на нихъ вниманіе читающей публики не имѣющей, конечно, никакой возможности слѣдить за этой отраслью современной литературной дѣятельности. Вообще, эти вѣдомости могли бы служить очень хорошимъ подспорьемъ для внутренней хроники столичныхъ газетъ и журналовъ, если бы они заботились разрабатывать на своихъ страницахъ преимущественно мѣстные вопросы, мѣстные интересы и мѣстныя свѣдѣнія и еслибы доставка ихъ была своевременна и исправна; къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о многихъ губернскихъ газетахъ.

*

Да впрочемъ отъ этого страдаютъ не однѣ губернскія періодическія изданія, но и столичныя. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году первый номеръ одного изъ новыхъ періодическихъ изданій пролежалъ, Богъ—вѣсть почему, на почтѣ, безъ разсылки по Николаевской желѣзной дорогѣ, ровно цѣлую недѣлю. Мы не говоримъ уже здѣсь о томъ, что иногда въ книгахъ газетной экспедиціи помѣчена отправка какой нибудь газеты или журнала и что между тѣмъ ни газета, ни книга до подписчика не доходятъ.

Вообще эта часть находится еще у насъ въ плохомъ младенчествующемъ положеніи, а между тѣмъ своевременность доставки газетъ и журналовъ почтовымъ путемъ имѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія, значительное вліяніе на развитіе и расходимость періодическихъ изданій. Очень желательно, что бы наши редакторы обратили вообще вниманіе на этотъ важный предметъ, подумали бы о томъ, какъ устроить это дѣло съ большими удобствами и для себя, и для публики.

Кромѣ губернскихъ вѣдомостей, у насъ есть еще особые областныя органы. Мы употребили здѣсь слово «областные» не въ административномъ смыслѣ, какъ напримѣръ Бессарабскія Областныя Вѣдомости, но въ томъ смыслѣ, что въ вѣдомостяхъ этого рода сосредоточиваются преимущественно интересы извѣстнаго, довольно-обширнаго края. Такъ для южной Россіи существуетъ Одесскій Вѣстникъ, для Закавказскаго края—Кавказъ, для Западнаго края, въ двухъ его полосахъ, въ сѣвѣрной—Вилевскій Вѣстникъ (*Kyruer Wilenski*) и въ южной—Кіевскій Телеграфъ и наконецъ для восточной Сибири—Амуръ. Всѣ эти газеты уже упрочились въ своемъ существованіи и слѣдовательно надобно полагать, что онѣ возникли не вслѣдствіе какой нибудь случайности, а вслѣдствіе мѣстныхъ потребностей.

Для тѣхъ, кто имѣлъ случай слѣдять за всеми этими газетами, ясно обрисовываются по нимъ главнѣйшія условія того края, въ которомъ онѣ расходятся; въ нихъ отражается также и умственное его настроеніе и развитіе. Возьмемъ напримѣръ Одесскій Вѣстникъ: тамъ извѣстія о торговлѣ, о колонизаціи Крыма, о рабочей силѣ составляютъ отличительныя черты; Кавказъ, какъ и надобно этого ожидать, изобилуетъ преимущественно извѣстіями по военной части; въ самостоятельныхъ статьяхъ Кіевского Телеграфа, крайне-беспристрастнаго, въ корректурномъ отношеніи, выражается теперь прежде всего племенная столкновеніе, проявляющееся то въ большой, то въ меньшей степени около Кіева, а также на Волыни и Подолѣ. Вилевскій

Вѣстникъ или *Kuzyer Wilenski* представляетъ ту особенность, что въ немъ отдѣлы политическій, литературной корреспонденціи и разныя извѣстія печатаются по польски, между тѣмъ какъ фельетонъ пишется исключительно на русскомъ языкѣ, а официальные извѣстія, въ двухъ столбцахъ и на русскомъ, и на польскомъ языкахъ. Статьи пестраго Виленскаго Вѣстника обращены преимущественно на крестьянское дѣло, составляющее для западнаго края, по многимъ особеннымъ условіямъ его быта, едва ли не большую еще важность, чѣмъ для прочихъ мѣстностей Россіи. Въ уровень съ статьями этого рода идутъ статьи, относящіяся къ обзору польской литературы мѣстной археологій. Вообще же Виленскій Вѣстникъ имѣетъ отличительный мѣстный колоритъ.

Органъ восточной Сибири при неудовлетворительности его—конечно, очень понятной и простибельной—въ типографскомъ отношеніи, т. е. при его сѣрой бумагѣ, некрасивомъ и блѣдномъ шрифтѣ, изобилуетъ постоянно любопытными текущими свѣдѣніями о томъ краѣ, который входитъ въ составъ генераль-губернаторства восточной Сибири. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ *Амуръ* въ послѣдніе время были помѣщены въ большихъ подробностяхъ свѣдѣнія отъ разныхъ околныхъ мѣстностей, о землетрясеніяхъ, бывшихъ въ Иркутскѣ и въ мѣстахъ, лежащихъ отъ этого города на значительномъ разстояніи.

Въ газетѣ *Амуръ* мы встрѣтили, между прочимъ, свѣдѣнія о добычѣ золота въ восточной Сибири въ 1861 г. Мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь свѣдѣнія объ этой добычѣ по отдѣльнымъ окружнымъ промысламъ, но скажемъ только, что вообще въ теченіе упомянутого года добыто было тамъ при 24,515 рабочихъ, 1116 пудъ золота.

Говоря о газетѣ *Амуръ*, мы сообщимъ кстатіи нѣкоторыя новости и о мѣстности, орошаемой рѣкою, соименною съ этой газетой.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ газеты *День* напечатано письмо какого-то поляка о переселеніи на *Амуръ*. Письмо это сообщаетъ, что около 5000 Чеховъ, жившихъ въ колоніяхъ *Расинъ* и *Санъ-Луи* въ Америкѣ, переселились (по замѣчанію же редакціи *Дня* еще не переселились, но только намѣрены переселиться) недавно въ русскія владѣнія на *Амуръ*, вслѣдствіе чего переносятся туда и редакція выходящаго въ колоніи *Расинъ* чешскаго журнала *Slavia*.

«Этотъ фактъ—сказано въ письмѣ—важный, могущій сильно способствовать развитію колонизаціи въ амурскомъ краѣ. Но кромѣ

коловій Расинъ и Санъ-Луи—продолжаетъ письмо—найдутся въ Америкѣ и другія славянскія колоніи, какъ напр. колонія Силезцевъ въ Чили, которыя будучи заброшены среди чуждыхъ народностей и находясь въ худомъ положеніи, при небольшой помощи, охотно переселились бы въ при-амурскую область.

Какъ для Славянъ, разбросанныхъ нынѣ по всей Америкѣ, было бы истиннымъ благодѣніемъ сосредоточіе ихъ на Амурѣ, ибо оно избавило бы ихъ отъ потери народности, такъ съ другой стороны пріобрѣтеніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ населенія трудолюбиваго, честнаго и образованнаго, содѣйствовало бы въ сильной степени благосостоянію самаго Амурскаго края. Итакъ, заключаетъ письмо, весьма желательно было бы переселеніе всѣхъ американскихъ Славянъ, особенно, когда для достиженія этого, кажется, не представляется слишкомъ большихъ трудностей въ сравненіи съ взглядами, которые оно должно доставить».

Въ замѣчаніи къ этому письму, редакція Дня пишетъ, что г. Малиновскій, который былъ посланъ нашимъ правительствомъ въ Америку для переговоровъ съ Чехами, возвратился недавно въ Петербургъ. При этомъ редакція Дня надѣется, что результаты поѣздки г. Малиновскаго будутъ обнародованы.

По поводу этого письма редакція Дня дѣлаетъ слѣдующее восклицаніе: «въ этомъ письмѣ мы видимъ отчасти доказательство возможности въ наше время братскихъ и безпристрастныхъ отношеній между Поляками и Русскими, возстановленія или, вѣрнѣе сказать, установленія которыхъ, съ уничтоженіемъ всѣхъ послѣдствій прискорбной и братоубійственной взаимной вражды, мы всею душою желаемъ!...»

Мы вообще раздѣляемъ въ этомъ случаѣ эту часть приводимаго здѣсь восклицанія, въ которой идетъ дѣло о прекращеніи племенной вражды, но рѣшаемся взглянуть на письмо и на то дѣло, къ которому оно относится нѣсколько или, вѣрнѣе сказать, даже совершенно иначе, нежели смотритъ на него редакція Дня, и позволяемъ себѣ, конечно, не въ видѣ пророчества, но только въ видѣ грустной возможности замѣтить редакціи Дня то, что быть можетъ, по поводу переселенія Чеховъ на Амуръ ей придется когда либо напечатать что нибудь подобное тому, что она сообщала недавно о переселеніи Чеховъ въ Дикальну. На переселеніе всѣхъ американскихъ

Славянъ мы смотримъ гораздо серьезнѣе и менѣе восторженно, нежели неизвѣстный авторъ письма.

Легко сказать—переселить нѣсколько десятковъ тысячъ, въ особенности тогда, когда положеніе переселенцевъ всегда можетъ представлять двѣ крайности: или они люди слишкомъ бѣдные, ничего не имущіе, или же они, наоборотъ, люди не только зажиточные, но уже и достигшіе на мѣстахъ своихъ настоящихъ поселеній известной степени умственного образованія, чему въ приводимомъ здѣсь случаѣ можетъ служить отчасти изданіе у нихъ журнала. При первомъ условіи перевозка изъ Америки на Амуръ ничего не имущихъ переселенцевъ обойдется слишкомъ дорого; кромѣ того, имъ нужно будетъ предоставить возможность обзавестись на мѣстѣ новаго поселенія рѣшительно всѣмъ. При второмъ условіи, переселенцы захотятъ, и весьма справедливо, еще болѣе улучшить свой бытъ и рѣшатся промѣнять свою прежнюю селятбу не иначе, какъ только въ виду особенныхъ выгодъ и многихъ удобствъ, такъ что переселенцамъ нужно будетъ доставить не только вещественное довольство, но и средства къ удовлетворенію ихъ умственныхъ потребностей. Понятно, однако, что переселеніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ при подобномъ условіи обойдется слишкомъ дорого. Притомъ намъ приводилось читать нѣсколько разъ не слишкомъ утѣшительныя извѣстія о заселеніи приамурской области русскими переселенцами; мы не забыли также множества сообщенныхъ Одесскимъ Вѣстникомъ хлопотъ при переселеніи Болгаровъ въ Крымъ и потому вообще плохо довѣряемъ успѣху переселеній, особенно на дальнихъ разстояніяхъ.

Въ финансовомъ отношеніи надобно имѣть въ виду, что въ одной штатѣ Миссури считается нынѣ 44,000 Славянъ, такъ что перевозка и первоначальное обзаведеніе однихъ ихъ, считая хотя по 250 руб. на человѣка, обойдется до 17 милліоновъ, что же будетъ стоить переселеніе всѣхъ Славянъ? Между тѣмъ всѣ эти траты, производимыя ради устройства одной только отдаленной мѣстности, не имѣющей своихъ денежныхъ средствъ, должны будутъ пасть на общія государственныя средства и стѣснить ихъ еще болѣе.

Мы должны также сказать, что въ переселеніи на Амуръ Поляковъ, Чеховъ и Силезцевъ если, оно и исполнится во всей полнотѣ; мы все же не видимъ того значенія, которое хочетъ придать редакція Дня этому факту въ политическомъ, между-народномъ смыслѣ; такъ какъ подобное переселеніе Славянъ въ русскія владѣнія изъ Америки

совершится, если такъ выразится, не изъ первыхъ рукъ; на Амуръ прїѣдутъ такіе славянскіе выходцы, которые уже однажды, не для Россіи собственно, отrekliсь отъ своей родной земли и которые поэтому, въ смыслѣ сближенія славянскихъ народностей съ Россіей, не могутъ представлять никакой особенной важности. Переселенцы же скорѣе космополиты, нежели Славяне. Всего вѣроятнѣе, что люди, которые хотя бы и невольно промѣняли однажды свою родину Силезію или Галицію на Чили или Перу, не переселятся на Амуръ съ идеей славянизма. Да наконецъ если они и сохраняютъ эту идею, то практическое ея значеніе будетъ слишкомъ слабо и даже незаметно. Вообще переселеніе Славянъ изъ Америки на Амуръ можетъ имѣть только хозяйственное значеніе для при-амурской области тѣмъ болѣе, что оно будетъ произведено на мѣстность совершенно еще чужую Россіи въ смыслѣ народности и подвластную ей только въ политическомъ отношеніи и то съ весьма недавняго времени. При всемъ своемъ желаніи сблизиться на Амурѣ съ русской народностью, едва ли американскіе Славяне достигнутъ этого; они извѣдаютъ тамъ только большее или меньшее вліяніе на себя всероссійскихъ, а не общеславянскихъ распорядковъ.

Переходъ отъ переселеній въ Россію по прїѣзду и выѣзду изъ этой страны весьма недалекъ и мы, по этому предмету, встрѣтили весьма интересныя свѣдѣнія, помѣщенныя въ издаваемомъ въ Москвѣ еженедѣльномъ журналѣ Зритель. Тамъ напечатана вѣдомость о прѣѣхавшихъ черезъ русскія границы. Редакція Зрителя не говоритъ, какимъ образомъ удалось ей получить этого рода свѣдѣнія, печатаемая, если мы не ошибаемся, въ первый разъ. Изъ упомянутой вѣдомости видно, что въ означенномъ году прїѣхало въ Россію 368,607 человекъ, выѣхало изъ нея 519,436; значитъ, что выѣхавшимъ приливомъ общее число народонаселенія Россіи не только не прибавилось, но напротивъ убавилось и даже на довольно-значительную цифру.

Изъ общаго числа прѣѣхавшихъ было по европейской границѣ: сухопутно 323,394, моремъ 16,410; выѣхало первымъ путемъ 303,413, вторымъ—194,634. Что же касается прїѣзда и выѣзда по азиатской границѣ, то въ означенномъ году было прѣѣхавшихъ сухопутно 26,319, моремъ—2484, выѣхавшихъ: первымъ путемъ 18,615, вторымъ—2,774. Самое большое число въ этой таблицѣ 189,733 относится къ Русскимъ, выѣхавшимъ за границу моремъ; вторая по своей величинѣ цифра 163,483 относится къ Пруссакамъ, выѣхав-

нимъ въ Россію. Вообще же выѣхавшихъ въ 1860 году за границу Русскихъ, кромѣ показанныхъ выше, выѣхавшихъ моремъ, было 85,849 сухимъ путемъ по европейской границѣ, и 9,823 такимъ же путемъ по азиатской границѣ, по которой выѣхало моремъ 1,273.

Здѣсь, впрочемъ, рождается нѣкоторый вопросъ: относится ли эта таблица собственно къ границамъ имперіи или вмѣстѣ съ этимъ и къ границамъ Царства Польскаго. Въ первомъ случаѣ, числа, приводимыя въ вѣдомости по европейской сухопутной границѣ, должны быть выше нѣсколько, потому что весьма многіе и выѣзжаютъ изъ Россіи и пріѣзжаютъ туда черезъ границу Царства Польскаго, а потому въ такихъ случаяхъ вѣздъ въ имперію и выѣздъ оттуда по снати, еще въ 1852 году, границы между имперіей и царствомъ не считаются заграничными. Притомъ не показаны въ общей массѣ Русскихъ перѣѣзжавшихъ границу и жители пограничныхъ мѣстностей съ Австріей и Пруссіей, очень часто перѣѣзжающіе и переходящіе черезъ границу не какъ путешественники, но какъ близкіе сосѣди по ежедневнымъ надобностямъ. Если редація журнала Зритель имѣетъ возможность пользоваться подобными не безъ интересными свѣдѣніями, то желательно бы было встрѣтить въ нихъ большую опредѣленность.

Между тѣмъ, когда заграничные путешественники съ большими или меньшими удобствами, а иногда съ большей или меньшей пользой для своего здоровья и для приобрѣтенія знаній совершаютъ свои путешествія по нашей родинѣ, постоянно, изъ одного конца въ другой, тамъ своего рода путешественники, лишенные не только вещественнаго довольства, но и надеждъ на будущее. Вопросъ объ этихъ несчастныхъ путешественникахъ возникалъ уже не разъ не только въ административныхъ сферахъ, но и въ нашей литературѣ. Въ послѣднее же время егo болѣе нагляднымъ образомъ затронула и драма, и живопись. Пересыльные въ Сибирь арестанты явились на сценѣ Александринскаго театра въ драмѣ «Жертва за жертву» — драмѣ, обязанной нѣкоторымъ успѣхомъ, именно этой печальной картиной. Сельские арестанты явились также въ прошедшемъ году и на полотнѣ въ академіи художествъ, и передъ этой картиной позора и страданія всегда толпилось много посѣтителей, въ которыхъ возбуждался интересъ, быть можетъ, не столько исполненіемъ картины, сколько новостью ея сюжета.

Въ настоящее время, при обсужденіи въ комитетѣ гг. министровъ

мѣръ къ исправленію финансоваго положенія Россіи, между прочимъ, обращено было вниманіе и на существующій въ имперіи способъ przeprowadенія арестантовъ изъ Россіи въ отдаленныя мѣстности Сибири на поселеніе и на каторжную работу.

Мы воспользуемся статьею Русскаго Инвалида объ этомъ предметѣ и постараемся, по возможности, вкратцѣ коснуться этого вопроса, столь важнаго и въ гуманномъ, и въ финансовомъ отношеніи.

Въ запискѣ, составленной въ комитетѣ гг. министровъ по возбужденному вопросу о пересылкѣ арестантовъ, высказано, что при нынѣшнемъ порядкѣ пересылка арестантовъ слишкомъ долговременна, вслѣдствіе чего государство терпитъ убытокъ, какъ отъ затраты значительныхъ капиталовъ на содержаніе арестантовъ въ излишнее время, проведенное ими въ пути, такъ точно и отъ потери матеріальнаго труда нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, — труда, который отъ изнуренія переселенныхъ во время продолжительнаго пути, сопряженнаго со всѣми неудобствами и лишеніями, должно считать навсегда погибшимъ.

Изъ ближайшаго разсмотрѣнія условій пересылки арестантовъ, гг. министры военный и внутреннихъ дѣлъ, до которыхъ первоначально относился этотъ вопросъ—такъ какъ въ ихъ вѣдѣніи находятся пересылки арестантовъ—пришли къ тому убѣжденію, что настоящій порядокъ требуетъ измѣненія для извлеченія возможныхъ выгодъ въ экономическомъ отношеніи и для улучшенія положеній пересылаемыхъ, которые и безъ того уже, будучи осуждены закономъ на каторгу или ссылку, слишкомъ тяжелой цѣной искупаютъ свое преступленіе, совершенное иногда не вслѣдствіе внутреннихъ побужденій, но единственно отъ грубости, крайней неразвитости и, часто, изъ страха, чтобы еще испытывали, во время слѣдованія къ мѣстамъ своего назначенія, тѣ тяжелыя, оскорбляющія человѣческое достоинство лишенія и неудобства, которымъ они подвергаются при существующемъ порядкѣ.

Эта послѣдняя цѣль была признана столь важной, что оба министра въ запискахъ своихъ заявили о необходимости удовлетворить ей даже и въ такомъ случаѣ, еслибы результаты измѣненія въ пересильной системѣ не оправдали ожиданія въ отношеніи уменьшенія расходовъ.

Разсмотрѣніе записокъ обонхъ министровъ было поручено особому комитету и, по разсмотрѣнію ихъ потомъ въ совѣтѣ министровъ,

состоялось Высочайшее повелѣніе о составленіи комитета о пересылкѣ арестантовъ въ отдаленныя мѣста Сибири. Въ составѣ этого комитета назначены члены отъ министерствъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и отъ вѣдомствъ путей сообщенія и инженернаго.

Упомянутый комитетъ началъ свои дѣйствія съ того, что обратился къ разсмотрѣнію путей, по которымъ слѣдуетъ пересылать команды. При этомъ было принято на видъ, что для препровожденія арестантовъ по главнымъ трактамъ содержатся особыя этапныя команды, по боковымъ же трактамъ, до соединенія ихъ съ главными, препровожденіе арестантовъ исполняется мѣстными инвалидными командами.

Что же касается способовъ слѣдованія, то арестанты во всей имперіи идутъ пѣшкомъ и только для перевозки больныхъ, малолѣтнихъ дѣтей и женщинъ, имѣющихъ грудныхъ дѣтей, а также для свода арестантскихъ оковъ—назначаются подводы.

Мы оставимъ излишнимъ слѣдить здѣсь за движеніемъ командъ отъ этапа къ этапу, но замѣтимъ, что развитіе въ Россіи искусственныхъ путей сообщенія съ 1832 года (въ коемъ былъ составленъ нынѣ дѣйствующій уставъ о пересылкѣ арестантовъ) неминуемо должно было оказать влияние и на настоящій порядокъ препровожденія арестантовъ.

Такимъ образомъ въ 1852 году былъ возбужденъ вопросъ о препровожденія арестантовъ между Петербургомъ и Москвою, вмѣсто этаповъ, по желѣзной дорогѣ, но перевозка ихъ началась только съ 1858 года, когда сдѣланы были по линіи желѣзной дороги всѣ нужныя приспособленія, какъ-то: устройство на двухъ станціяхъ тюремныхъ домовъ, а также особые арестантскіе вагоны.

Впрочемъ, какъ кажется, все это возможно было устроить гораздо скорѣе, и вѣроятно дѣло тянулось вслѣдствіе переписки и разрѣшенія разныхъ частныхъ вопросовъ.

Водяными же путями для болѣе удобной пересылки арестантовъ воспользовались только отчасти въ 1859 г.

Въ 1861 году генералъ-губернаторы восточной и западной Сибири представили проекты измѣненія пересыльной системы въ этомъ краѣ.

Въ предположеніи обоихъ губернаторовъ проведена одна главная мысль о необходимости замѣнить пѣшіи порядки слѣдованія арестантовъ перевозкою ихъ на подводахъ, черезъ что матеріальное положеніе пересылаемыхъ во время пути значительно улучшится, физическіе труды ихъ облегчатся, время слѣдованія сократится и, кромѣ того,

представится возможность уменьшить число конвойныхъ на этапахъ, а слѣдовательно ограничить и самый составъ этапныхъ командъ.

Военное министерство, въ разсмотрѣніи котораго находились проекты и записки по этому дѣлу, пришло ко многимъ выводамъ; мы же съ своей стороны укажемъ на главнѣйшіе изъ нихъ:

1) Пѣшеходный порядокъ пересылки арестантовъ замѣнить речевозкою ихъ на подводахъ какъ въ Сибири, такъ и въ другихъ мѣстахъ имперіи. 2) Воспользоваться по возможности искусственными путями сообщенія, какъ-то: водяными и желѣзными дорогами.

Въ настоящее время для такой разработки этого вопроса, занимающемуся имъ комитету необходимо собрать статистическія свѣдѣнія о средствахъ и о положеніи каждой мѣстности, по которой будутъ слѣдовать арестантскія партіи, затѣмъ пужно будетъ опредѣлять количество предстоящихъ расходовъ съ нынѣшними.

Въ дополненіе къ этому замѣтимъ, что, какъ видно изъ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей вслѣдствіе предположеній экспедиціи о ссыльныхъ, постановлены нынѣ совѣтомъ главнаго управленія западной Сибири опредѣлительныя правила о надѣленіи землею сосылно-переселенцевъ, причисляемыхъ къ волости.

По этимъ правиламъ, всѣ ссыльные мужскаго пола должны быть немедленно надѣлены пахатною и сѣнокосною землею; такимъ участкомъ, даннымъ отъ власти, каждый ссыльный долженъ пользоваться во все время, пока онъ состоитъ причисленнымъ къ послѣдней. Если же поселенецъ дряхлый и не имѣющій семейства помѣщается въ богадѣльню, то слѣдуетъ отобрать отъ него подписку, что, на время нахожденія его въ богадѣльнѣ, отведенный ему участокъ земли предоставляется обществу; вслучаѣ же исключенія изъ богадѣльни, означенному ссыльному долженъ быть возвращенъ пражній участокъ земляныхъ угодій.

Изъ приводимаго здѣсь постановленія между прочимъ видно, что нѣкоторыя сельскія общества неправильно и самовольно истолковали законъ, надѣляя полнымъ участкомъ земляныхъ угодій только тѣхъ поселенцевъ, которые поступили въ полный окладъ податей, а платящимъ половинный окладъ выдѣляли только половину участка; состоящимъ же на мѣстѣ не давали земли вовсе.

Такое неправильное распоряженіе сельскихъ обществъ, а также и отсрочка въ надѣлѣ землю поставляю поселенцевъ въ затруднительное положеніе и препятствовало имъ заниматься хлѣбопашествомъ.

Вслѣдствіе этого, вѣдѣно теперь сельскимъ обществамъ въ непремѣнную обязанность надѣлать ссыльныхъ пахатнымъ участкомъ угодій.

На будущее же время, вслучаѣ жалобъ на незаконную отсрочку въ надѣленіи ссыльныхъ землею или на преждевременное отнятіе у поселенцевъ отведенныхъ имъ участковъ земли, совѣтъ главнаго управленія западной Сибири объявилъ, что начальство вынуждено будетъ принять мѣры, для того чтобы накопившаяся на тѣхъ ссыльныхъ, вслѣдствіе подобныхъ дѣйствій со стороны общества, недоимка взыскивалась съ тѣхъ изъ обществъ, которыя будутъ виновны въ несоблюденіи сдѣланныхъ ими предписаній.

Но если въ Сибири легко было повидимому рѣшить отдѣльный, поземельный, въ извѣстномъ отношеніи весьма важный вопросъ, то другой, гораздо обширѣйшій и гораздо важнѣйшій вопросъ, разрѣшаемый теперь во всей имперіи, представляетъ столько трудностей, что ихъ никакъ нельзя окончить одними только начальственными предписаніями. Мы говоримъ здѣсь о крестьянскомъ дѣлѣ.

Изъ послѣднихъ официальныхъ извѣстій, относящихся къ этому дѣлу, заимствованныхъ изъ дѣла земскаго отдѣла и помѣщенныхъ въ Сѣверной Почтѣ, между прочимъ, видно во 1-хъ, что изъ нѣкоторыхъ мѣстъ имѣются положительныя удостовѣренія объ исправномъ отбываніи крестьянами работъ въ пользу помѣщиковъ, въ другихъ же — работы эти производились, по отзывамъ губернаторовъ, съ нѣкоторою небрежностью, и во 2-хъ, что замѣчанія, сдѣланныя и прежде по нѣкоторымъ губерніямъ о лучшемъ отбываніи работъ въ пользу помѣщиковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены уставныя грамоты, подтверждаются также и вновь полученными свѣдѣніями.

Очень жаль, что Сѣверная Почта не указываетъ съ точностью, къ какому именно времени относятся эти свѣдѣнія. Если они — то впрочемъ надобно заключить по времени ихъ появленія въ печати — относятся къ ноябрю, декабрю, январю и даже февралю, то, конечно, они не могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ насчетъ успѣшнаго устройства дѣла между помѣщиками и крестьянами относительно исправленія послѣднихъ барщины, потому что во всѣ эти мѣсяцы барщины въ деревняхъ почти вовсе не отправляется и, слѣдовательно, эта пора никакъ не можетъ служить общей характеристикой. Если же свѣдѣнія, сообщаемыя теперь Сѣверной Почтой отодвинулись еще далѣе, то они были бы уже слишкомъ запоздалы и имѣли бы только историческое, а не современное значеніе.

Что же касается уклоненія крестьянъ отъ господскихъ работъ, то подобный случай, какъ сообщаетъ Сѣверная Почта, обнаружился въ Смоленской губерніи, Рославльскаго уѣзда, въ имѣніи помѣщика Вешнякова, и спокойствіе было возстановлено высылкою подстрекателей, которые были указаны самими же крестьянами и которые оказались не принадлежащими къ мѣстному крестьянскому обществу.

Въ имѣніи графовъ Строгоновыхъ, въ Пермской губерніи, были противозаконныя сходки, уклоненія отъ повинностей и требованіе возвращенія подписей на уставныхъ грамотахъ. Порядокъ былъ возстановленъ, какъ сказано въ Сѣверной Почтѣ, безъ употребленія особыхъ мѣръ. Какія впрочемъ мѣры—движеніе ли войскъ, дѣйствіе ли оружіемъ, тѣлесныя ли наказанія, или что другое подразумѣваетъ въ настоящемъ случаѣ Сѣверная Почта подъ словами *особыя*—этого вовсе не видно.

Въ Волынской губерніи, въ Биржанской волости, возникали безпорядки вслѣдствіе того, что крестьяне отказывались отъ подчиненія новому общественному начальству. Безпорядки эти были прекращены, но какими мѣстами, особенными или не особенными—этого не видно. Между тѣмъ, фактъ этотъ чрезвычайно важенъ. Въ учрежденіи общественного начальства положено, какъ главная основа, выборное начало; отчего же крестьяне не признали такое начальство? Что здѣсь было причиной: противодѣйствіе ли одной партіи, нарушеніе ли къ мѣсту либо избирательнаго начала, или здѣсь былъ только одинъ пустой предлогъ для оказанія неповиновенія?...

Военныя команды введены были въ два имѣнія, въ теченіе какого промежутка времени, этого не видно.

Переходя далѣе къ мировымъ учрежденіямъ и къ общественнымъ управленіямъ, Сѣверная Почта замѣчаетъ, что полученныя объ этихъ предметахъ свѣдѣнія, а также и о возрастающемъ постепенно къ нимъ довѣрїи крестьянъ, попрежнему благоприятны, что по увѣдомленіи начальника Тульской губерніи, выданные волостнымъ старшинамъ знаки для нихъ, Высочайше утвержденные, польстили ихъ честолюбію и что послѣ того крестьяне начали признавать начальническое положеніе старшинъ. Волостные суды, по словамъ Сѣверной Почты пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе довѣрія, и дѣла между крестьянами рѣшаются въ этихъ судахъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Впрочемъ, въ какихъ именно мѣстностяхъ Россіи происходятъ эти утѣшительныя явленія, повсемѣстны ли они, или же они свойственны одной только Туль-

ской губерніи? (какъ это надобно заключать отчасти по изложенію, то вопросовъ этихъ изъ извѣстій, сообщаемыхъ Сѣверной Почтой, рѣшить нельзя.

Что же касается уставныхъ грамотъ, то въ теченіе февраля мѣсяца получены свѣдѣнія о представленіи 1609 уставныхъ грамотъ, такъ что общее число представленныхъ грамотъ, по 41 губерніи составляетъ нынѣ 5234; изъ нихъ введено въ дѣйствіе 4,475; изъ числа введенныхъ въ дѣйствіе подписано крестьянами 2693, не подписано 1771, неизвѣстно 11. Въ числѣ означенныхъ грамотъ заключаются 473, опредѣляющія прекращеніе всѣхъ обязательныхъ отношеній съ предоставленіемъ крестьянамъ земля въ собственность—съ содѣйствіемъ правительства 403, безъ содѣйствія 70.

Выкупныхъ сдѣлокъ по 18 губерніямъ было 97; означенныя сдѣлки состоялись по взаимному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами, кромѣ семи, которыя представлены по требованію однихъ помѣщиковъ. Общее число лицъ, участвующихъ во всѣхъ 97 сдѣлкахъ крестьянъ 8,644. Количество выкупаемой земли 34,853 десятины 2,055¹/₄ саж. Подъ эту землю испрашивается выкупной ссуды 990,609 руб. 98 коп. Изъ общаго числа казенныхъ здѣсь выкупныхъ сдѣлокъ 52 уже утверждены. Къ нимъ приступило 5454 души крестьянъ, выкупающихъ 22,167 дес. 679³/₄ саж. земли, надъ которою разрѣшено выкупныхъ ссудъ 640,108 руб. 67 коп. Въ эту общую сумму зачтено долга кредитнымъ установленіямъ 312,340 руб. 71 коп., назначено къ выдачѣ 397,847 руб. 96 коп., въ томъ числѣ выкупными свидѣтельствами 239,820 руб. 51 коп., 5-ти процентными банковыми билетами 88,000 и наличными деньгами 27 руб. 45 коп.

По исчисленію, сдѣланному Сѣверной Почтой выходитъ, что средними числами душевой участокъ (нѣсколько болѣе 4 дес.) стоить 117 руб.

На подобный участокъ полагается тоже средними числами:

Банковаго долга	57 р.
Къ выдачѣ причитается выкупныхъ бумагъ	60 —
Средняя стоимость десятины обходится	29 —
Отношеніе банковыхъ билетовъ къ итогу суммъ составляетъ	0,27 —

Сверхъ того имѣются свѣдѣнія о продажѣ въ казну 54 мелкопомѣстныхъ имѣній, находящихся въ 13 губерніяхъ.

Въ означенныхъ имѣніяхъ поселено 582 души. Вознагражденіе

слѣдующее изъ казны всѣмъ владѣльцамъ означенныхъ имѣній составляетъ 79,791 руб. 15 $\frac{1}{2}$ коп.

Кромѣ случаевъ прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ посредствомъ выкупа и продажи въ казну мелкопомѣстныхъ имѣній, получаютъ свѣдѣнія о прекращеніи обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ ихъ дворовыхъ людей. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что въ теченіи 1861 г. уволено 2501, вписано въ число крестьянъ 79. Такимъ образомъ число дворовыхъ людей уменьшилось на 2,580 человекъ, что составляетъ около 3 $\frac{1}{2}$ % общаго числа дворовыхъ въ упомянутыхъ губерніяхъ.

Ложныя ожиданія крестьянами новыхъ льготъ — по словамъ Сѣверной Почты—не перестаютъ препятствовать въ нѣкоторыхъ губерніяхъ полному успѣху составленія уставныхъ грамотъ. Кромѣ того и по введеннымъ уже въ дѣйствіе уставными грамотами крестьяне отказывались отъ исполненія повинностей въ трехъ имѣніяхъ Казанской губерніи. Во всѣхъ трехъ имѣніяхъ спокойствіе возстановлено, но какими мѣрами—этого въ Сѣверной Почтѣ не сказано.

Общія послѣдствія освобожденія крестьянъ по свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ Сѣверной Почтѣ, относятся къ тремъ губерніямъ: Астраханской, Виленской и Подольской. Начальникъ первой губерніи сообщаетъ о добровольномъ переходѣ двухъ имѣній съ надѣльной повинности на оброкъ, выражая надежду, что въ непродолжительномъ времени и въ остальныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ послѣдуетъ обоюдное соглашеніе на замѣненіе издѣльной повинности оброкомъ. О фактахъ, подающихъ подобную надежду, не упоминается, чѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія, они должны быть въ виду.

По Виленской губерніи, на болѣе успѣшный — сравнительно съ прежними годами — взносъ податей, производимый непосредственно самими крестьянскими обществами, начальникъ губерніи смотритъ какъ на общія послѣдствія освобожденія крестьянъ, хотя безъ всякаго сомнѣнія такому успѣху содѣйствуютъ и другія обстоятельства, какъ напримѣръ заработки на желѣзной дорогѣ въ Виленской губерніи, лучшіе урожанъ въ тѣхъ мѣстахъ и непривозводство рекрутскихъ наборовъ.

По свидѣтельству начальника Подольской губерніи, теперь замѣтно повсюду между крестьянами стремленіе къ обученію дѣтей грамотѣ.

Впрочемъ распространенію между крестьянами грамотности, содѣйствуютъ въ свою очередь и мировые посредники. Въ этомъ отно-

шеніи весьма замѣчательны дѣйствія мировыхъ посредниковъ Калужской губерніи.

На первомъ общемъ съѣздѣ мировыхъ посредниковъ, бывшемъ въ Калугѣ 21 іюля прошлаго года, между прочимъ, сообщены были извѣстія о нѣкоторыхъ школахъ, открытыхъ въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, и было замѣчено, что для поддержанія хорошо начатаго дѣла необходимо будетъ оказывать помощь нуждающимся школамъ. Это вызвало предложеніе устроить особое общество, которое имѣло бы цѣлью собирать средства для распространенія грамотности въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ Калужской губерніи. Мысль эта встрѣтила всеобщее сочувствіе; тогда же приступили къ подникъ, къ составленію устава общества и ко всѣмъ первоначальнымъ распоряженіямъ къ его открытію.

При составленіи проекта устава, первымъ вопросомъ было точное опредѣленіе будущей дѣятельности общества. По этому существенному вопросу происходило не мало споровъ и дѣло кончилось тѣмъ, что согласились слѣдующимъ образомъ выразить назначеніе общества: «помогать, по мѣрѣ своихъ средствъ, школамъ и лицамъ, обучающимся въ селеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ, матеріальными средствами въ тѣхъ случаяхъ, когда эти школы и лица, въ дѣлѣ обученія грамотѣ, будутъ нуждаться въ посторонней помощи и обратятся за нею къ обществу.

Общество должно помогать или деньгами, или книгами и другими учебными пособіями, или доставленіемъ комиссіонерскихъ и другихъ услугъ, въ которыхъ будутъ нуждаться лица, обучающія грамотѣ. Такимъ образомъ, новое общество будетъ имѣть характеръ благотворительный; оно будетъ являться на помощь тамъ, гдѣ въ этомъ будетъ надобность и гдѣ его призовутъ.

Для людей, слѣдящихъ за развитіемъ нашихъ общественныхъ предпріятій, въ настоящее время весьма важно проявляющаяся въ нихъ несходственность взглядовъ и потому мы не можемъ не сказать, что противъ такого опредѣленія, касательно круга дѣйствій общества для распространенія грамотности, не разъ высказывалось мнѣніе, что общество назначаетъ себѣ слишкомъ тѣсную дѣятельность и слишкомъ мало важную цѣль, такъ что изъ-за этого не стоитъ хлопотать, но что общество должно взять на себя непосредственное распоряженіе грамотности, открывать школы, вызывать къ тому крестьянъ, пріискивать хорошихъ учителей, отстранять неспособныхъ и т. д.

Однимъ изъ главныхъ и справедливыхъ возраженій противъ такого мнѣнія о значеніи частныхъ обществъ приводится то обстоятельство, что при подобной дѣятельности общества, крестьяне бы стали смотрѣть на грамоту, какъ на дѣло казенное, обязательное.

По проекту устава, членами общества будутъ считаться всѣ лица, безъ различія пола и званія (но, конечно, спросимъ мы, съ различіемъ возраста?), изъявившіе на то свое желаніе и вносящіе ежегодно въ кассу общества не менѣе 3 рублей. Всѣ члены будутъ имѣть равное право голоса.

Между тѣмъ, пока въ одной изъ провинцій стараются о расширеніи грамотности, въ Петербургѣ думаютъ о томъ, какъ бы облегчить это дѣло въ учебномъ отношеніи. Около половины марта въ Петербургскихъ газетахъ явилось предложеніе г. Стоюнина, объ упрощеніи русской орфографіи или орфографіи, а 24 марта въ 8 часовъ вечера въ залѣ второй с.-петербургской гимназіи происходило совѣщаніе объ этомъ предметѣ. На совѣщаніи присутствовало болѣе 120 лицъ, а въ томъ числѣ и нѣсколько дамъ. Совѣщаніе открылъ г. Стоюнинъ своимъ рефератомъ, главные положенія котораго слѣдующія:

1) Историческій ходъ нашей письменности показываетъ, что русская орфографія, основанная на этимологическомъ производствѣ, постоянно стремилась сблизиться съ произношеніемъ.

2) Неудачныя попытки нѣкоторыхъ нашихъ писателей сдѣлать коренныя преобразованія въ орфографіи возбуждаютъ вопросъ: можно ли и теперь рѣшиться на нихъ, такъ какъ причиной неудачи всегда былъ обычай, обратившійся въ законъ, и такъ какъ при подобномъ дѣлѣ нужно имѣть въ виду практическую сторону—если возможность предполагать, чтобы новизна была принята большинствомъ добровольно?

3) Начало этимологическое и фонетическое (произношеніе) въ настоящее время служатъ основаніемъ нашей орфографіи. Принять исключительно одно изъ нихъ, устранивъ другое—нѣтъ никакой возможности; этому препятствуетъ и историческій ея ходъ, и разнообразіе говоровъ въ русской рѣчи; а между тѣмъ неопредѣленность отношеній между этими двумя началами производитъ то разногласіе, ту сбивчивость и шаткость, которыя теперь существуютъ въ нашемъ письмѣ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, г. Стоюнинъ находитъ необходимымъ попытаться прежде всего ясно опредѣлить отношеніе между двумя сказанными началами, т. е., обсудить, въ какихъ случаяхъ нужно держаться словопроизношенія и словопроизводства, причемъ, конечно,

слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на существующія разногласія въ нашемъ письмѣ и на тѣ условныя правила, которыя хотя и не составляютъ предмета спора, но безъ всякой нужды и пользы затрудняютъ учащихся.

Начавшіяся во второмъ засѣданіи пренія объ орфографическихъ основаніяхъ продолжались довольно долго и хотя они значительно выдвинули предметъ спора, но еще не могли окончиться общимъ соглашеніемъ. На этомъ совѣщаніи, коснувшись русскаго алфавита, всѣ единодушно согласились исключить изъ него букву е, какъ совершенно не нужную въ нашей письменности; но мнѣніе объ исключеніи другихъ буквъ, считаемыхъ обыкновенно тоже излишними, встрѣтило оппозицію, а предложеніе г. Стоюнина ввести въ алфавитъ букву ё для точнаго изображенія полной системы гласныхъ звуковъ и для приведенія къ орфографическому единству многихъ словъ, встрѣтило долгіе, неокончившіяся еще споры.

Признавая подобныя предпріятія объ упрощеніи русской орфографіи воиѣ полезными, мы смотримъ однако на это дѣло нѣсколько иначе. Мы полагаемъ бы на первый разъ достаточнымъ не производить въ нашей орфографіи капитальныхъ перемѣнъ, подлежащихъ слишкомъ долгому спору, но удовольствоваться только соглашеніемъ существующихъ у насъ разнообразій въ орфографіи, т. е., почерпнуть для этого дѣла руководительныя начала не изъ чистой теоріи, не изъ области высшей, филологіи, но изъ существующей у насъ теперь практики и на первый разъ ограничить подобную реформу только журналистикой и литературой вообще.

Мы думаемъ, что при подобной ограниченности какъ самыхъ измѣненій, такъ и круга ихъ дѣло объ единообразной орфографіи пойдетъ удачнѣе. Вместе съ тѣмъ мы полагаемъ, что при существованіи одной, такъ сказать, практической орфографіи, изученіе ея не будетъ трудно; и теперь оно трудно не столько само по себѣ, сколько вслѣдствіе неодинаковости орфографическаго обычая въ разныхъ періодическихкихъ изданіяхъ и необходимости примѣняться къ этому разнообразію.

Расчитывать же на всеобщее распространеніе тѣхъ правилъ, которыя установятся на происходящихъ нынѣ совѣщаніяхъ никакъ нельзя по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

Высшее наше ученое, просвѣтительное учрежденіе т. е. академія наукъ, которой бы прежде всего слѣдовало позаботиться о разработкѣ предмета, затронутого нынѣ по необходимости частною дѣятель-

ностью, не принимаясь, сколько намъ извѣстно, участія въ настоящемъ вопросѣ объ участи нашей письменности, да еслибъ академія и приняла въ этомъ участіе, то она, какъ учрежденіе, давно стремившееся отъ общества и не имѣющее въ немъ вліянія, не много бы принесла пользы въ распространеніи правилъ. Слѣдовательно, на главный исходный пунктъ ученыхъ трудовъ надежда плоха. Слѣдуетъ искать другіе пути.

Мы слышали, что главнымъ образомъ совѣщанія, объ упрощеніи русской орфографіи составляются изъ преподавателей. Конечно, это самый живой, самый дѣятельный и самый надежный проводникъ для ученыхъ улучшеній, но, къ сожалѣнію, онъ не настолько самостоятеленъ, чтобы обработанныя въ средѣ его мысли могли изъ училищъ переходить въ общество. При этомъ надобно замѣтить еще и то, что училища наши относительно учебной части не подчинены исключительно одному вѣдомству, а потому очень легко можетъ быть, что если вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія убѣдится вполне въ пользѣ и необходимости орфографическихъ преобразованій, то это еще не можетъ служить ручательствомъ, что новыя правила будутъ приняты въ училищахъ военно-учебнаго, морскаго, горнаго и другихъ вѣдомствъ, а также и въ женскихъ институтахъ и училищахъ. Тогда, очень можетъ быть, что у насъ явится страшный орфографическій расколъ даже въ каждомъ семействѣ, гдѣ сойдутся гимназистъ, кадетъ и институтка и дѣло кончится тѣмъ, что научиться писать правильно будетъ тогда еще труднѣе, нежели въ настоящую пору.

Притомъ орфографическія преобразованія неизбежно отзовутся и въ административныхъ сферахъ. Уже и прежде были у насъ разлады между начальниками за разногласіе о томъ, какъ нужно писать «свѣденія» или «свѣдѣнія», «вслѣдствіе» или «въ слѣдствіе», а послѣ орфографическаго, крайняго раскола дѣла, чего добраго, могутъ дойти до того, что начальники при приѣмѣ на службу будутъ спрашивать вновь поступающаго вѣруеть ли онъ въ ъ, е и і; и на этомъ основаніи будутъ судить о способностяхъ и о пользѣ, приносимой службою.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Петербургъ въ дни великаго поста.—Наша страсть къ музыкѣ.—Соловьи изъ дальнихъ странъ.—Изобиліе концертовъ.—Музыкальные знаменитости.—Музыкальный протестъ Н. В. Кукольника.—Скучаемъ ли мы?—Плачь г. Апухтина и его стихотвореніе къ «Современнымъ витіямъ».—Варьяція на ту же тему «Во свѣ и на аву».—Стансы.—Мода на литературныя чтенія.—Москва, какъ подражательница.—Замѣчательное литературное утро въ Москвѣ.—Чтецы-любители.—Нѣсколько словъ о «последнихъ могиранахъ» русской словесности временъ Булгарина.—Авторъ романа «Кровавое пятно» и мое знакомство съ нимъ.—Новаго рода спекуляція.—Публичныя лекціи иностраннаго Аскоченскаго.—Образцы его краснорѣчія.—Случай на лекціи.—Моя ода новому Аскоченскому.—Лекціи Сюзора.—Изобиліе лотерей въ Петербургѣ.—Лотерея Шимановъ и Сероки.—Провинціальное добродушіе и аэша о комедіи.—Замѣчательныя «мѣстныя извѣстія» Симб. Губ. Вѣдомостей, сочиненныя г-номъ Соболевскимъ.—Нѣчто о гомерическомъ значеніи Г. Соболевскаго.—Новости и открытія, сообщаемыя имъ.—Приближеніе весны и ея примѣты.—Пѣсня веснѣ.—Весенняя пѣсня г. Овсянникова въ обществѣ с.-петербургскихъ водопроводовъ.—Шампаль, членъ комиссіи общества водопроводовъ.—Совѣты акціонерамъ.—Новый послѣдователь г. Юрзевича и защитникъ тѣлеснаго наказанія.—Газета Амуръ и ея рѣдкости.—Краснорѣчіе нѣкоторыхъ исправниковъ:—Разсказъ о льшмѣ.

Говорить объ общественной жизни Петербурга отъ масляныи до Пасхи—значитъ говорить о музыкѣ, о концертахъ, о разныхъ музыкальныхъ, вокальныхъ и инструментальныхъ вечерахъ, которые разомъ, во всѣхъ концахъ города собираютъ толпы слушателей и рѣшительно берутъ верхъ надъ всѣми остальными общественными удовольствіями и развлеченіями. Петербургъ въ эти полтора мѣсяца находитъ

ся въ осадномъ положеніи: со всѣхъ сторонъ осаждаютъ его знаменитыя скрипки, віолончели, голоса и музыкальныя рѣдкости со всѣхъ концовъ Европы,—осаждаютъ его—и берутъ приступомъ, безъ большаго сопротивленія. Страсть къ музыкѣ (можно ли сомнѣваться въ искренности этой страсти?) есть отличительная черта Петербуржца, черта вполне умиляющая душу. Пусть всѣ тѣ, которые обвиняютъ Петербуржца въ сухости сердца, въ черствости, въ эгоизмѣ, примутъ въ соображеніе этотъ фактъ, который говоритъ совершенно противное. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, человекъ, до страсти, до увлеченія любящій музыку, быть черствымъ, себялюбивымъ эгоистомъ? Музыка, дѣйствуя на его сердце, дѣлаетъ изъ него мягкаго, впечатлительнаго, гуманнаго гражданина. Поэтому, Петербуржецъ и какъ философъ, и какъ памфлетистъ, даже какъ свистунъ не отличается суровостью нрава и рѣзкостью языка. Въ самомъ его свистѣ есть что-то мягкое, добродушное; онъ и свиститъ только потому, что добродушенъ. Вотъ, напримѣръ, А. А. Краевскій (я увѣренъ, что онъ страстный меломанъ въ душѣ) долго терпѣлъ, почему-то все стыдился свиста; но наконецъ, не выдержавъ, добродушіе взяло верхъ надъ напускной, еще Межевичемъ изъ Москвы принесенной солидностью, и Андрей Александровичъ началъ свистѣть во всѣ свои легкія, открывъ двухголовый юмористическій отдѣлъ подъ предводительствомъ гг. Прогрессистова и Синеуса. Самъ мудровѣщательный Громека, подаетъ надежды поступить къ нимъ въ союзники, объ этомъ объявили сами Отечественныя Записки, воскликнувъ:

Погоди, Громека!
Свиснешь, братъ, и ты!

Не таковы московскіе публицисты и ученые. Сердце ихъ не разнѣживается отъ звуковъ скрипки г. Беккера и отъ блестящей игры г. Контскаго, они не снизойдутъ до свиста, но до самой смерти будутъ глядѣть олимпійцами, которымъ непонятны наши мелкія, житейскія увлеченія.

Да, Петербургъ музыкальный городъ. Намъ, какъ воздухъ, нужна музыка, нужно море звуковъ и пѣнія. Во всей Европѣ нѣтъ такой итальянской оперы какъ у насъ, и одна изъ священныхъ обязанностей петербургскаго кореннаго жителя, если онъ сколько нибудь дорожитъ своимъ общественнымъ положеніемъ, имѣть абонированную ложу или

кресло въ оперѣ. Какъ не дорогъ этотъ абонементъ — Петербуржецъ все таки своего добьется: онъ сократитъ свой обѣдъ на одно блюдо, на извозникахъ перестанетъ ѣздить, въ пятнадцать копѣчныхъ бани начнетъ ходить, а въ итальянскую оперу непременно абонируется. Но кромѣ двухъ оперъ (у насъ, даже, говорятъ—можетъ быть слухи не справедливы—русская опера еще есть) онъ вездѣ окружаетъ себя музыкой. Въ его залѣ непременно есть какой нибудь инструментъ:

У дочерей рояль, а чаще фортепьяно...

Такъ какъ въ Петербургѣ не каждый имѣетъ возможность заплатить сто или двѣсти рублей за инструментъ, то здѣсь для этого есть благодѣтельные магазины, гдѣ можно брать рояль на прокатъ, съ платою по няти, шести рублей въ мѣсяцъ. Поэтому, почти нѣтъ ни одной квартиры, гдѣ бы вы не нашли инструмента. У нѣкихъ онъ даже стоитъ совершенно безъ употребленія, потому что въ семьѣ никто не играетъ, но такова уже сила страстей: нельзя же въ самомъ дѣлѣ не имѣть въ домѣ фортепьяна или рояля. Можетъ кто нибудь изъ гостей прійдетъ,—захочетъ сыграть или спѣть, наконецъ самъ побренчишь по клавишамъ: хоть не складно, а все же музыка!..

Есть, напримѣръ, у меня сосѣдъ—неисправимый меломанъ... въ душѣ, а не на дѣлѣ, потому что играть умѣетъ только въ карты. Вдругъ, однажды, я вижу, тащутъ ему по лѣстницѣ огромную рояль.

— Что за странность! думаю я. Сосѣдъ мой живетъ одинъ, такъ для кого же рояль онъ взялъ?..

Оказывается, что рояль онъ взялъ для себя. Въ тотъ же день я услышалъ, что мой сосѣдъ пальчикомъ началъ наигрывать одну изъ избитыхъ старинныхъ польекъ и пребылъ въ этомъ занятіи весь вечеръ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе года, и не проходитъ дня, чтобъ по нѣсколько часовъ сряду мой музыкантъ не наигрывалъ пальчикомъ одну и ту же польку... Вотъ что значитъ любовь къ музыкѣ... Кромѣ этихъ домашнихъ музыкальныхъ развлеченій, въ Петербургѣ нигдѣ нѣтъ проходу отъ музыки; съ утра до ночи подъ вашими окнами раздаются, то громовыя раскаты бродячаго оркестра, то бубенъ и арфа, то романсъ несчастной уличной пѣвицы, то хрипья, расколотыя звуки шарманки. И все это имѣетъ слушателей, цѣнителей и поклонниковъ, насчетъ которыхъ живутъ уличные пѣвцы и пѣвицы, скрипачи и шарманщики.

*

Въ настоящую минуту мы живемъ въ самый разгаръ музыкальнаго сезона и совершенно плаваемъ въ ураганѣ концертовъ. Что ни день — то два, три музыкальныхъ утра или вечера. Съ утра столы ванъ запружаютъ дѣлой горою афишъ, изъ которыхъ каждая гонитъ васъ слушать разныхъ знаменитостей, разныхъ музыкальныхъ гениевъ обоюго пола. Нужно имѣть большую стойкость характера или запасъ обломовщины, чтобъ устоять противъ теченія. И вотъ вы, волею-неволею надѣваете фракъ (непремѣнно фракъ) запасаетесь афишей и терпѣнiемъ и бѣгаете изъ одной концертной залы въ другую, рукоплещете пѣвцамъ братьямъ Лионе, рвете перчатки для виолончелиста Ферри Клетчера, кричите «bis!» скрипачу Беккеру, наконецъ слушаете безъ отдыха г. Никольскаго и г-жу Лесову, гг. Сень-Леона, Вурма и Рубинштейна, г-жъ Шульцъ и Папендрикъ, музыку Венявскаго и гитару Соколовскаго, слушаете всѣхъ ихъ залпомъ, не жадя своихъ нервовъ, и усталые, измученные скачете домой, чтобъ отдохнуть до завтра; завтра опитъ та же исторія и тѣ же подвиги. Въ промежуткахъ между этими концертами вамъ дозволяется только одно удовольствiе: смотрѣть фокусы гг. Брюне, Лѣбля и Калиостро—и болѣе ничего.

Въ газетахъ тоже нельзя отдѣлаться отъ музыки. Отсюда сыплются на васъ музыкальныя хроникки, музыкальнымъ лѣтописемъ, аденуты и объясненія. Даже музыкальные протесты начались съ легкой руки г. Н. Купольниина, который затѣялъ съ г. Стелловскимъ вѣчто въ родѣ музыкальнаго турнира.

Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ этотъ обличительный, суровый вѣкъ, господа, это царство отрицанія и холодной прозы? Посмотрите кругомъ и утѣштесь: все обстоитъ благополучно. Не вѣрьте поэту, который только еще на этихъ дняхъ воскликнулъ:

Намъ ли въ диковинку оперы тяжелыя?

Каждому трудно живется и дышется.

Чудо, что есть еще лица веселыя,

Чудо, что смѣхъ еще временемъ слышнется!...

Этотъ грустный голосъ изъ одинокой, небольшой среды неидетъ къ намъ; его даже какъ-то неловко слушать какъ ироническiй упрекъ, какъ намекъ на то... что мы уже слишкомъ веселы. Да впрочемъ, о чемъ же грустить намъ, въ самомъ дѣлѣ? На каждомъ шагу мы встречаемся лицомъ къ лицу съ русскимъ прогрессомъ, вездѣ добро-

дѣтель тержосѣвуеть, а порокъ наказывається... Отчего же намъ не быть веселыми!..

А вотъ есть у насъ другой поэтъ, г. Апухтинъ, такъ тотъ всё-всѣмъ не то: онъ плачетъ уже о другомъ, о томъ напр., что ему отрицаньемъ жить надоѣло, что онъ усталъ отъ современнаго движенія и хочетъ идти въ пустыню... Послушаемъ лучше самого г. Апухтина.

Современнымъ витіямъ.

Посреди безмолвныхъ и послушныхъ,
Посреди довѣрчивыхъ глупцовъ
Я усталъ отъ вашихъ фразъ бездушныхъ,
Отъ дрожащихъ ненавистью словъ!

Мнѣ противно лгать и лицемерить,
Нестерпимо отрицаемъ жить...
Я хочу во что нибудь да вѣрить,
Что нибудь всё-всѣмъ сердцемъ полюбить...

Какъ монахъ, творя обѣтъ желанный,
Я хочу по знойному пути,
Къ берегамъ земли обѣтованной
По песку горячему идти.

Чтобы слезы падали ручьями,
Чтобы отъ вѣры трепетала грудь,
Чтобы съ пути, облитого слезами,
Мнѣ ни разу не пришлось свернуть.

Чтобы оазисъ въ золотыя страны
Отдохнуть меня манилъ и звалъ,
Чтобы вдали тянулись караваны,
Солнце жгло, — а я бы все шагаль!...

Чтобы глаза слипались отъ дороги,
Чтобы сгорали жаждою уста,
Чтобы мои подкашивались ноги
Подъ тяжелымъ бременемъ креста..

О чемъ же такъ грустить г. Апухтинъ? Отрицаніемъ жить дѣйствительно тяжело и не всѣмъ подѣ силу, но развѣ легче идти по эройнымъ пустынямъ и въ то же время желать,

Чтобъ глаза слипались отъ дороги,

и чтобъ ноги подкашивались... намъ можно дома развлечься: посмотрите сколько развлеченій, совсѣмъ не обличительныхъ. «Сиди и плавай въ морѣ звуковъ!» Желая хорошенько понять смыслъ стихотворенія г. Апухтина я вновь началъ читать его, но прбчелъ почему-то совершенно не такъ, какъ въ первый разъ. Вотъ какіе стихи мнѣ представлялись:

* * *

Посреди журнальныхъ погремушекъ,
Обличительныхъ, карающихъ стиховъ
Противъ старцевъ хилыхъ и старушекъ,
Я усталъ... лежу среди подушекъ...
Я забыться, а уснуть готовъ.
Мнѣ противно это отрицанье,
Тонкій ядъ оно вливаетъ въ грудь,
Я въ себѣ лелѣю упованья,
И закутавшись въ ночныя одѣянья
Про иной мечтаю въ жизни путь.

Запасясь терпѣньемъ колоссальнымъ,
Я желалъ бы,—мысль моя чиста,—
Съ настроеньемъ самымъ идеальнымъ,
Жить душою въ мірѣ музыкальномъ
Семь недѣль великаго поста.
Чтобъ каскады музыки бѣжали,
Перепонка барабанная рвалась,
Нылъ смычекъ съ кларнетомъ въ свѣтлой залѣ,
Чтобъ рыданье слышалось въ роялѣ
И ревѣлъ надъ ухомъ контрабасъ.

«Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя»
И опять отъ ночи до утра,
Слушалъ Вурма я, благоговѣя,
И внималъ, почти дышать не смѣя,

То Бушекъ, то пѣнью Лагруа.
 Чтобъ глаза спяпались дремотой,
 Притупился мой усталый слухъ,
 Утомленный тяжкою работой,
 Чтобъ сраженный, наконецъ, зѣвотой,
 Я уснулъ и бредить началъ вслухъ.

Музыкальностью въ Петербургѣ не трудно заразиться: это я испыталъ на самомъ себѣ и такъ увлекся концертами и музыкальными вечерами, что едва не оставилъ мартовской книжки Русскаго Слова безъ дневника темнаго человѣка. Для музыки я забылъ все на свѣтѣ, журналы, газеты, даже до сихъ поръ не прочелъ романа Тургенева «Отцы и дѣти», который уже всѣ перечитываютъ вторично... и все это для музыки. Поэтому, я только и могу думать и писать о своихъ музыкальныхъ впечатлѣнiяхъ и больше ни о чемъ. Но не думайте, ради Бога, чтобъ я сталъ передавать вамъ разныя музыкальныя новости—это совершенно не мое дѣло. Я знаю только одну такую новость, что Петербургъ посѣтилъ знаменитый абиссинскiй виртуозъ Лазаревъ—и только. Несмотря на то, что я люблю музыку, но она производитъ на меня странное дѣйствiе, и не будь я откровенецъ, я никогда бы не признался въ этомъ. Если весь вечеръ я принужденъ бываю высидѣть гдѣ нибудь въ концертѣ или въ оперѣ, то подъ конецъ мои нервы такъ устанутъ, вниманiе такъ утомится, что я наконецъ засыпаю, засыпаю какъ убитый. Другiе, пожалуй, назовутъ меня за это варваромъ, но весьма ошибутся—это только признакъ моей сильной впечатлительности, это своего рода музыкальная гастрономiя, которая не въ состоянiи безъ отдыха, безъ утомленiя цѣлый вечеръ наслаждаться арiями, дуэтами, сонатами и пр., и пр. Вѣдь это, согласитесь, даже безнравственно!..

Представьте себѣ... Но позвольте лучше въ иной формѣ передать вамъ мои музыкальныя впечатлѣнiя за прошлый мѣсяць, въ формѣ довольно фантастической, гдѣ грѣзы перемеживаются съ действительностью:

ВО СНѢ И НА ЯВУ.

(Музыкальные стансы.)

Блескъ и шумъ. Оркестръ играетъ,
 Чуткiй слухъ тревожа мнѣ,

И толпа вокруг внимаетъ
Братьямъ Лионе

Крикъ, восторги молодежи
Какъ-то смутно я ловлю,
И склоняясь въ темной ложѣ
Задремалъ я — сплю.

Снятся сонъ мнѣ безобразный:
На канатѣ — Сивеусъ,
И поетъ о шеѣ грязной
Гдѣ-то Нескажусь.

Свистунамъ грозить невгоды
Изъ зловѣщей, темной мглы
И «весенніе» походы
Сѣверной Пчелы.

Просыпаюсь... Взрывы крика...
Я едва тогда постигъ,
Что встрѣчаютъ Тамберлика,
Шульцъ и Папендикъ.

Что жъ мнѣ дѣлать? bis! кричу я
(Ихъ я всѣхъ равно люблю),
Но опять въ тѣни дремлю я,
Задремалъ я — сплю.

Снятся мнѣ: газетъ листочки,
Лѣтописцевъ злобныхъ хоръ,
О какой-то все цѣпочкѣ
Долгій, жаркій споръ.

Всколыхнулся берегъ невскій...
Слышу всюду межъ людей
Злобный шопотъ: — «Чернышевскій
Ужасъ нашихъ дней».

Просыпаюсь: что за вечеръ?
Чу! Венявскій, Сенъ-Леопъ...

Прядь люнетромъ Ферн Клетчеръ
Боже, гдѣ мой сонъ!..

—
Вотъ за нотой таетъ нота...
Рубенштейна я хвалю...
Но опять береть дремота,
Задремалъ я — сплю.

—
Снова сонъ: надъ «Инвалидомъ»
Вольфа гѣнь парить, парить...
Надъ *оттой* съ урюжимъ видомъ
Педагогъ стоитъ...

—
Долго спалъ я, какъ убитый.
Просыпаюсь... мракъ исчезъ...
Чу! раздался вновь открытый
Свѣжій ut'diez.

—
Браво! bis! кричать всё яро.
Но внимайте снова: вотъ
Соколовскаго гитара
Поеть и поеть.

—
Что жъ мнѣ дѣлать? Ввѣрся року,
Отъ концертовъ точно пьянъ,
Я отдался весь потоку
Музыкальныхъ ваннъ.

—
Въ последнее время концерты въ Петербургѣ начали однако терять своей строгій музыкальный характеръ и къ нимъ привился новый элементъ—литературный. Пѣніе и музыка соединились съ литературными чтеніями, и русскіе писатели стали чаще и чаще являться передъ публикой, которая до сихъ поръ знала ихъ только по однимъ ихъ сочиненіямъ и по портретамъ. Въ Петербургѣ въ нынѣшнюю зиму литературные вечера бывали довольно часто; многіе даже были этимъ недовольны, вѣроятно находя, что писателямъ «неприлично» часто являться передъ публикой! У антагонистовъ литературныхъ чтеній, кажется, иной причины недовольствія не имѣется: они вѣроятно опасаются того, что публика, часто видя передъ собой русскихъ поэтовъ

и литераторовъ, и не въ поэтическихъ тогахъ и вѣнкахъ, а въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, скоро привыкнетъ къ нимъ, какъ къ простымъ смертнымъ и потеряетъ вѣру въ ихъ олимпийское величіе. Ну, и слава Богу!.. Впрочемъ, въ Петербургѣ этой вѣры въ людяхъ уже давно не существуетъ.

Москва, во всемъ передразнивая Петербургъ, тоже завела у себя моду на литературныя чтенія, которыя однако имѣютъ свой собственный московскій характеръ, величественный и строгій, какъ и вообще вся московская журналистика.

Петербургскій житель, являясь на чтеніе, совершенно не думаетъ, что онъ пришелъ на лекцію или на ученый диспутъ: онъ знаетъ, что будетъ слушать «Поля» Майкова, стихи изъ Беранже, эротическія пѣсенки г. Крестовскаго, и потому идетъ на чтеніе беззаботно, весело...

Не то дѣлается въ Москвѣ. Затѣвается тамъ литературное утро,—непрѣменно литературное утро, а не вечеръ,—точно какой нибудь торжественный актъ: ученостью и мудростью такъ и пахнетъ. Посѣтитель, являясь на чтеніе, оставляетъ и улыбки, и веселое расположение духа дома и принимаетъ самый строгій, самый дѣловой видъ. Онъ знаетъ, что передъ нимъ будутъ ораторствовать не какіе нибудь петербургскіе свистуны, а московскіе мудрецы, сокъ московской учености.

Чтобъ вполне оцѣнить характеръ московскихъ литературныхъ чтеній, прошу пробѣжать слѣдующее объявленіе:

ЛИТЕРАТУРНОЕ УТРО.

25-го марта въ новомъ зданіи университета назначено литературное утро въ пользу студентской библіотеки. Составъ его слѣдующій:

1) «О соотношеніи между временемъ и пространствомъ», прочтетъ профессоръ Давыдовъ.

2) «Четыре года изъ жизни Карамзина»—профессоръ Тихонравовъ.

3) «Коронный мечникъ Яблоновскій» (очеркъ изъ исторіи польскихъ сеймовъ въ XVII вѣкѣ)—профессоръ Иловайскій.

Въ этомъ заключается все литературное московское утро!..

Но вернемся къ музыкально-литературнымъ вечерамъ въ Петербургѣ. Не знаю, насколько наша публика увлекается публичными

чтеніями литераторовъ, но знаю, что охотниковъ читать у насъ много. Но эти охотники не принадлежатъ къ числу литераторовъ; это скорѣе диллетанты любители, которые охотно берутся читать публично произведенія русскихъ писателей. Эти любители—чтецы иногда даже и помисывали и печатали въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ разныя книжечки и потому нѣкоторымъ образомъ считаютъ себя принадлежащими къ литературѣ.

Этотъ типъ маленькыхъ авторовъ добраго стараго времени еще не перевелся у насъ. Отживающіе давно забытые *сочинители*, написавшіе когда-то элегію въ Библиотекѣ для чтенія Сенковского или рассказецъ въ «Майкѣ», любятъ и въ то же самое время завидуютъ молодымъ литераторамъ. Они незаметно втираются въ ихъ общество, ухаживаютъ за ними, даже иногда либеральничать начинаютъ для компаніи. Устроится гдѣ нибудь литературный вечеръ—старый *сочинитель* непременно тамъ присутствуетъ, сидитъ весь вечеръ молчи, хлопая глазами, и только иногда краснорѣчиво улыбается. Время въ бесѣдѣ переходитъ далеко за полночь, *сочинитель* привыкъ спать ложиться очень рано, но все-таки сидитъ и слушаетъ. Садятся ужинать, и онъ хотя никогда не имѣетъ привычки справлять вечернія трапезы, но все-таки садится за столъ и развлекается катаніемъ шариковъ изъ хлѣба.

Случилось мнѣ однажды въ книжномъ магазинѣ встрѣтиться съ однимъ изъ этихъ «последнихъ могикановъ» мелкой русской журналистики временъ Смирдина и Булгарина. Около прилавка, съ книгой въ рукахъ увидѣлъ я смирнаго господина лѣтъ сорока пяти, съ черными волосами и усами, съ крѣпкимъ, здоровымъ носомъ армянскаго характера и съ выраженіемъ лица тоже армянскимъ.

Черный господинъ, придравшись къ какому то случаю, заговорилъ со мной мягкимъ, занекивающимъ голосомъ и спѣшилъ меня извѣстить, что онъ *тоже* авторъ.

— Вы неизволили читать моего романа? Онъ былъ изданъ особой книгой въ такомъ-то году...

— А какъ назывался вашъ романъ?

Онъ сказалъ мнѣ. Это было нѣчто въ родѣ «Кроваваго патія или Русскіе въ 17** году»!

Я сослался на свою плохую память.

Но черный господинъ не оставлялъ еще меня въ покоѣ.

— Вы можете быть, допытывался онъ, читали библиографическую статью барона Брамбеуса о моемъ романѣ?

— Извините; тоже не помню.

— Такъ я вамъ, если позволите, прочту эту статью...

Я воображалъ, что мой романистъ рецензію Брамбеуса постоянно носить въ своемъ карманѣ, но какое же было мое удивленіе, когда онъ наизусть, какъ говорится, *въ долбняку* началъ читать и прочелъ мнѣ приблизительно двѣ, три страницы, гдѣ остроумный библиографъ тонко и зло подсмѣивался надъ романомъ, чего авторъ романа видимо вовсе не подозревалъ.

Не успѣлъ черныи сочинитель прочесть мнѣ заученую статью, какъ вдругъ обратился съ новымъ предложеніемъ.

— Позвольте ужъ мнѣ *кстати* (хорошо *кстати!*) прочесть вамъ статью Пелеваго о моемъ романѣ. Это не долго-съ... въ пять минутъ прочту...

Я тоскливо только взглянулъ на часы, на дверь, и покорился своей участи. Затѣмъ снова послѣдовало такое же чтеніе статьи Пелеваго, гдѣ о самомъ романѣ моего новаго мучителя и двухъ словъ не сказано. Но таково уже авторское самолюбіе... Лишь только умолкъ авторъ «Кроваваго пятна» какъ я успѣшилъ выбѣжать скорѣе вонъ, опасаясь новой декламациі.

Вотъ такіе-то господа ужасно рады прочесть что нибудь публично вмѣстѣ съ литераторами и изъ всѣхъ силъ добиваются такой чести.

Лишь только чтеніе задумаютъ гдѣ дать,

Тѣ тотчасъ пристають: «позвольте прочитать»...

Какъ извѣстно, всѣ публичныя чтенія у насъ устриваются всегда съ «благотворительною цѣлью». Новая мода на эти чтенія плѣнила нѣкоторыхъ спекуляторовъ, которые увидѣли въ ней новое средство *заработать* нѣсколько сотъ рублей. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Недавно, ко многимъ литераторамъ являлся господинъ весьма солидныхъ лѣтъ и наружности и самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ участвовать въ концертѣ съ «благотворительною цѣлью».

— А въ чью же пользу будетъ сборъ? спрашивали его.

— Въ пользу «одного бѣднаго семейства». Отвѣтъ какъ видите, совсѣмъ удовлетворительный.

— А позвольте узнать, спрашиваетъ писатель, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Гость называетъ свою фамилію, совершенно неизвѣстную.

Видя, что писатель начинаетъ колебаться, гость прибѣгаетъ къ хитрости: начинаетъ омиамъ курить и говорить о блестящихъ талантахъ литератора, о томъ, что нубланка будетъ огорчена, если не услышитъ такого *великаго писателя* и пр., и пр. въ этомъ родѣ.

Этотъ *благодѣтельный* концертъ, къ счастью говорить, не состоялся: всѣ узнали, что предприимчивый спекуляторъ задумалъ еще въ свою пользу и хотѣлъ пожввиться деньгами любителей литературно-музыкальныхъ вечеровъ.

Заговоривъ о нубланыхъ чтеніяхъ, не могу пройти молчаніемъ публичныхъ лекцій о французской литературѣ, открытыя съ 11 марта г. Риюль (М—г Camille Ruault) передо мной лежать протригивъ этихъ 4-хъ лекцій, программа, которая утѣрила меня въ томъ, что не въ одной Россіи является гг. Аскаченсіе, но и Франціи имѣетъ ихъ въ такомъ изыткѣ, что даже дѣлится ими съ нѣтербургскими жителями. Кажется, никто еще не обратилъ вниманія на публичныя лекціи г. Риюля, открытыя имъ не для своихъ земляковъ, но для нашей великосвѣтской публики, которая носится отъ чтенія и рукоплещетъ милему, изящному французу. Чтобы сколько нибудь ознакомить читателей со взглядомъ г. Риюля, переводю нѣсколько отрывковъ изъ его программы, отрывковъ истинно замѣательныхъ:

«Постоянное потрясеніе нашей эпохи и упадокъ общественной нравственности произвела литература XIX столѣтія. Потерявъ христіанскую мысль, литература потеряла единственнаго путеводаителя чловѣческаго разума, начала блуждать отъ матеріалнама къ спиритуализму, эти губельныя заблужденія пронизали послѣдовательно повемду: отъ писателей съ замѣчательнымъ талантомъ до самыхъ медковъ, отъ французской комедіи до ничтожныхъ журналовъ, распространился ядъ отъ вершинъ соціальной лѣстницы до самыхъ низкихъ ступеней ея, тереющихся въ пыли...»

«Во время царствованія Луи Филиппа, самое высшее ученіе заняло доктрины наиболѣе губельныя; сорбонская каедра послѣдовательно создала два метеора, распространившіе вокругъ себя не свѣтъ, а пламя... Но былъ человекъ, между читателями — мыслителями, котораго ученіе было болѣе глубоко, популярно и въ тоже время на-

болше гибельно—это был Ламне, съѣлавшійся демагогомъ изъ христіанства...»

Перестая дѣлать выписки, потому что онъ всё въ этомъ родѣ. Французскій Апокалипсисъ ошакиваетъ міръ, испорченный, развращенный ужасной литературой XIX столѣтія. Онъ уже хоронитъ этотъ міръ, приготовивъ ему саванъ и посмертное проклятіе. Послѣ долгаго слезнаго причитанія надъ будущей могилой погибшаго человечества, г. Рюль заключаетъ союзу надгробную рѣчь слѣдующимъ восклицаніемъ:

— La société ne peut être guérie du mal que lui ont fait toutes ces extravagances, tout ce dévergondage littéraire, que par un retour sincère à la foi religieuse et par elle, à une littérature saine et sérieuse satisfaisant l'intelligence et l'imagination dans les limites du Bien, du Beau, du Vrai.

Заинтересованный вѣзвѣдникомъ, а главное тѣмъ, кто будутъ его слушатели и какъ они примутъ французскаго оратора, я отправился на первую лекцію, 11 марта, устроенную въ залѣ г. Енгальцева.

Когда я явился въ залу, публики было немного, но за то это была публика самая избранная, самая старая изъ всего Петербурга. Я понималъ, оглянувшись кругомъ, что сюда явились всё недовольные, всё униженные и оскорбленные новымъ поколѣніемъ, явились, чтобы отдохнуть, слушая похоронную пѣсню новому вѣку, новымъ людямъ.

Но вотъ наконецъ началась лекція. Краснорѣчіе полилось несдержаннымъ каскадомъ. Фразы самыя изящныя, кудреватыя трещали, кружились, сплетались съ совершенствомъ: я былъ точно на фейерверкѣ у Излера и дивился этому блестящему набору словъ, къ которому способны только одни Французы. Смыслъ же этихъ фразъ былъ самый ядовитый: то было поруганіе надъ именами мыслителей нашего вѣка.

Вариль рукоплесканій привѣтствовалъ каждую злую выходку оратора; «послѣдніе язычники» обонхъ половъ съ жадностью прислушивались къ тому, какъ казнились враждебныя имъ идеи и вѣрованія.

Во время самаго разгара лекціи случилось прекомическое происшествіе, послѣ котораго я даже не могъ высидѣть въ залѣ, такъ оно было смѣшно, и въ то же время рѣшительно нестерпимо.

Въ одну изъ минутъ, когда ораторъ *отдальивалъ* Ламне, завертывая свои мысли въ идиотскую пошлыхъ фразъ; въ дверяхъ залы до-

явился какой-то важный господинъ съ величественной осанкой. Увидя его, краснорѣчивый Французъ вдругъ остановился на какой-то великолѣпной тирадѣ, забылъ и Ламнэ, и слушающую публику, и обращаясь къ новому посѣтителю съ изящнымъ поклономъ, крикнулъ черезъ всю залу:

— Mon general!.. Bon jour, voilà votre place. Пожалуйста сюда, вотъ здѣсь, вотъ ваше кресло, говорилъ онъ улыбаясь и указывая гостю на передній рядъ стульевъ.

Затѣмъ лекція снова началась, какъ ни въ чемъ не бывало.

Я не могъ болѣе оставаться тамъ, и выбѣжалъ вонъ изъ залы, рѣшивъ, что французскіе Аскоченскіе будутъ вѣрно прѣще Русскихъ. Въ ту минуту нашъ милый Викторъ Ипатьевичъ явился передо мной въ гораздо лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ когда либо.

Еще въ то время, когда я слушалъ похоронную лекцію ученаго французика, въ то еще время, когда

Въ пышной залѣ, пышнымъ слогомъ
Онъ караѣ въ величьи строгомъ
Имена Мишле, Ламнэ,
Признавая демагогомъ
Ламартина и Кнэ,

я сравнивалъ двухъ Аскоченскихъ—иностраннаго и русскаго и сравненіе было въ пользу послѣдняго. Нашъ Аскоченскій—это спекуляторъ, вовсе не скрывающій этого, это свистучъ—въ другую сторону, съ другаго конца. Но иностранный Аскоченскій совсѣмъ иное дѣло: онъ корчитъ изъ себя ученаго, всезнайку, драпируется пышными фразами и свои мыльные пузыри пускаетъ съ достоинствомъ, какъ будто и дѣло дѣлаетъ... Оставляю на этотъ разъ прозу и обращаюсь съ одой къ новому ученому гостю:

* * *

Свершилось, и новый ученый предсталъ

Предъ пышною публикой въ залѣ.

Онъ чудныя фразы въ букеты собиралъ

И грозныя рѣчи звучали:

«Нашъ вѣкъ девятнадцатый ты не жалѣй:

Труды его будутъ наследьемъ червей».

Онъ рекъ,— и ничтѣ не оставлено имъ
 Подъ солнцемъ живыхъ безъ побѣды...
 Какъ будто предъ нами всталъ съ словомъ своимъ
 Редакторъ «Домашней Бесѣды»,
 Какъ будто Аскоченскій въ залѣ той былъ,
 Какъ будто Аскоченскій въ ней говорилъ

—
 Все духъ въ немъ питало: творенья Лампа,
 Мишле и Прудона созданья,
 Труды Ламартина, Гюго и Кинэ,
 И нашихъ времянь упованье;
 Казались ему порождениемъ тьмы
 Людей знаменитыхъ талантъ и умы.

—
 Къ Мюссе онъ не скрытою злобой дышалъ,
 Чужда ему Сю пропаганда,
 Пѣвцу Беранже онъ угрюмо внималъ
 И влякъ всѣ романы Жоржъ-Занда;
 Онъ былъ Делаваиня гонитель и врагъ
 И мысль возмущалъ ему Скрибъ и Балзакъ.

—
 Извѣданъ имъ весь девятнадцатый вѣкъ,
 Ученіемъ ложнымъ убитый,
 И вѣрно лишь милъ ему русскій Камбекъ
 Съ своей *ерундой* знаменитой.
 И я разрѣшить ужъ никакъ не берусь
 Зачѣмъ къ намъ явился ученый Французъ.

—
 Зачѣмъ онъ явился? У насъ уже есть
 Свой авторъ на шаткихъ подмосткахъ,
 Гдѣ новому вѣку завѣщана месть,
 Въ классической «изгари», «въ блестяхъ»...
 О, Викторъ Ипатьичъ, зачѣмъ вашъ вѣнецъ
 Теперъ похищаетъ французскій мудрецъ!.

Мы теперь только того и ждемъ, что г. Аскоченскій, сожигае-
 мый огнемъ соревнования, откроетъ публичныя лекціи. А что въ са-
 момъ дѣлѣ, Викторъ Ипатьевичъ: попробуйте! Вы смѣло можете быть

увѣрены, что публика соберется много *посмотрѣть* и послушать васъ...

Кромѣ французскихъ лекцій г. Рюля, въ залѣ второй гимназій, г. Сюзоръ снова началъ восхващать своимъ чтеніемъ петербургскихъ львицъ. Онъ задумалъ дать 4 лекціи по воскресеньямъ (это будетъ, слѣдовательно, нѣчто въ родѣ *воскресныхъ школъ* для дамъ): 25 марта, 1-го, 15-го и 22-го апрѣля. Предметами лекцій будутъ: «императорская литература» (Litterature impériale) Лагероньеръ, Монжисъ, «del'Autel et le Foyer» Пауля де-Навери; «la Mer» Мишле; «Laboueurs et Soldats» Отрана, и наконецъ — школа реалистическая.

Вотъ тоже должно быть краснорѣчіе! Не даромъ же столичныя великосвѣтскія дамы ѣздятъ его слушать: ихъ вкусъ славится своею изящностью. Предоставляю себѣ удовольствіе когда нибудь послушать и Сюзора, а пока о лекціяхъ довольно.

Въ Петербургѣ кромѣ увлеченій музыкой, есть еще другія увлеченія, чуть-ли не сильнѣйшія, именно — страсть къ лотереямъ. Лотереямъ у насъ счету нѣтъ, начиная съ постоянной лотереи въ пассажѣ до польской лотереи Шимановъ и Сороки. Польская лотерея, состоящая изъ пяти отдѣловъ, теперь еще остановилась на четвертомъ отдѣлѣ. Говорятъ, что публика начинаетъ охладѣвать къ этой лотерейной игрѣ, гдѣ, рискуя проиграть двадцать пять рублей, можетъ выиграть огромное имѣніе, но это охлажденіе весьма подозрительно. Этого рѣшительно нельзя предполагать, судя потому, съ какимъ увлеченіемъ толпа алчущихъ и жаждущихъ выигрыша собирается ежедневно въ петербургскихъ клубахъ, на пріобрѣтеніе десяти или двѣнадцати рублевыхъ кушей, которые тамъ разыгрываются въ домино.

Охотниковъ брать билеты въ лотереи найдется много, объ этомъ безвѣдомно нечего. Однѣ провинціи все на своихъ плечахъ вынесутъ. Добродушные провинціалы и не на такіе еще подвиги и жертвы готовы, только нужно умѣть разшевелить, раздражить ихъ любопытство. А въ ихъ довѣрчивости и сомнѣваться нельзя.

Вотъ, напримѣръ, одна провинціальная афиша, которая мнѣ только сейчасъ попала на глаза. Объявленіе весьма интересное:

«Представлена будетъ, гласитъ афиша, въ первый разъ комедія въ 5 актахъ и 10 картинахъ, соч. новаго автора г. Бобарыкина, увѣ-

Отд. III.

$\frac{1}{2}$

чанаго за это произведеніе лавровымъ вѣнкомъ. Пьеса эта въ настоящее время имѣетъ огромный успѣхъ на столычныхъ сценахъ».

Мѣстный антрепренеръ не удовольствовался этимъ объявленіемъ и, вѣроятно уже отъ себя, далъ такія названія картинамъ:

- 1) Быть простолюдина.
- 2) Ненаглядный сынъ или гарнизонное воспитаніе.
- 3) Свѣтская манера или нѣтъ, нѣтъ, да илюнетъ.
- 4) Филимонъ и Бавкида.
- 5) Женихъ глупый ферть, а свать прокурать услужить очень радъ.
- 6) Демонская серенада или пошатнулось сердце прапорщика.
- 7) Продажа любовницы и торгъ жениха.
- 8) 20,000 и жена, будь въ развратѣ, сатана (!)
- 9) Клеймо чести—торжество невѣжества или стрелкоза таже гарниз.
- 10) Открытіе западни или однодворецъ, а дворы-то разные.

Г. Бабарыкину вѣдь не поздоровится отъ эдакихъ похвалъ.

Кстати уже о провинціальныхъ курьезахъ. Ихъ много лежатъ у меня подъ рукой; ограничусь на этотъ разъ № 10 Сибирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

Подъ скромной рубрикой «*мыслныя извѣстія*», какой-то провинціальный «*афторъ*» Дмитрій Соболевскій напечаталъ прелебобытную статейку. Статейка такъ составлена разнообразно и остроумно, что недавно въ одномъ кружкѣ моихъ пріятелей былъ поднятъ вопросъ «о гомерическомъ значеніи Дмитрія Соболевскаго». Какъ Гомера многіе считаютъ мнѣомъ, подъ общимъ именемъ котораго собраны нѣсны разныхъ временъ и разныхъ пѣвцовъ и названы Илиадою, такъ и г. Соболевскаго признаютъ за мнѣю и предполагаютъ, что статейка, написанная подъ его именемъ, писалась въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ разными сибирскими обитателями. Я самъ склоняюсь къ последнему убѣжденію, тѣмъ болѣе, что самая статья Соболевскаго наводитъ на эту мысль.

Напр. въ мѣстныхъ губернскихъ извѣстіяхъ, г. Соболевскій извѣщаетъ своихъ земляковъ о томъ, что въ Петербургѣ по улицамъ ходятъ какіе-то Турки въ маскахъ и рѣжутъ всѣхъ, кто подъ руку ихъ подвернется.

Что за извѣстія? Или г. Соболевскій находится не въ добромъ здоровьи, а знаете, немного того... или это извѣстіе написанно еще

при Екатеринѣ II, тогда можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ «таинственныя незнакомцы» съ книжалами по Петербургу прогуливались. И вотъ я беру снова номеръ вѣдомостей и читаю: «мѣстные извѣстія, суббота 10 марта 1862 года».

Что же это такое значить? Да извѣстно ли послѣ того г. Соболевскому, въ какомъ именно государствѣ находится городъ Петербургъ и на какой рѣкѣ онъ стоитъ? Можетъ быть авторъ «мѣстныхъ извѣстій» предполагаетъ, что это турецкій городъ какойнибудь. Ну, это дѣло другое, такъ бы вы и сказали.

Въ той же статьѣ г. Соболевскій объявилъ новость, что ни одно русское имя не начинается съ буквы Ж. Открытіе это до такой степени замѣчательное, что оно вѣроятно будетъ перепечатано во всѣхъ газетахъ. Честь и слава г. Соболевскому! Если онъ и плохо знаетъ русскую грамматику (онъ вѣроятно предпочитаетъ грамматику нѣмецкую, потому что всѣ имена существительныя начинается съ большой буквы), за то въ святцы видно не разъ заглядывалъ.

Вдругъ (вотъ такъ неожиданность!) въ тѣхъ же «мѣстныхъ извѣстіяхъ», г. Соболевскій упоминаетъ обо мнѣ, «о темномъ человѣкѣ». Часъ отъ часу не легче... Что же нужно отъ меня г. Соболевскому? А то, говорить, что «вы имѣете нравственное сходство» съ Ж. Сибирскимъ, стихотвореніе котораго помѣщено въ 4 номерѣ Гудка. Ж. Сибирскій пишетъ стихи и вы ихъ пишете, онъ упоминалъ юбилей, и у васъ о какомъ-то юбилеѣ было сказано и т. д. Сходство, дѣйствительно разительное. Только зачѣмъ пишетъ объ этомъ сходствѣ г. Соболевскій — одному Богу извѣстно. А вѣроятно какойнибудь тонкій умыселъ имѣлъ... Не имѣя рѣшительно никакого желанія доказывать г. Соболевскому, что я вовсе не похожъ на Ж. Сибирскаго, я только напоиню *сочинителю* «мѣстныхъ извѣстій» (ай да, мѣстные извѣстія!) одно стихотвореніе Пушкина подъ заглавіемъ: *ex ungue leonem*. Знаете ли вы это стихотвореніе г. Соболевскій? Если не знаете, то совѣтую вамъ его перечестъ. (А. С. Пушкинъ. Изд. Исакова. Томъ I, стр. 348).

Давно, давно уже мы ждемъ весны... Прошелъ мартъ, наконецъ ушелъ мартъ, на Днѣпрѣ и Двинѣ ледъ тронулся, а мы бѣдные петербургскіе жители все еще дрожали отъ холода и согрѣвались одними испанскими мотивами и аммосовскими печами. Напрасно академическій календарь увѣрялъ насъ, что

Весна идетъ, весна идетъ...

напрасно наши булочники продавали печеные жаворонки — невская весна, закутанная въ снѣжный саванъ, рисовала одни морозные цвѣты на окнахъ нашихъ квартиръ, а по неподвижной, ледяной еще Невѣ, «подбочась» ходилъ вѣтеръ, нагѣвая вовсе не веселую, не весеннюю пѣсню. Даже никто изъ нашихъ лириковъ (а это народъ все теплый) не рѣшился еще сложить пѣсенку веснѣ и ея приходу... На улицахъ гололедица и снѣгъ. Угрюмые извозчики какъ-то свирѣпо подхлестываютъ измученныхъ клячъ, скользящихъ и падающихъ по ужасной дорогѣ. Небо сѣро и грязно; въ домахъ холодно и непривѣтно...

Мы ждали весны, а дождались только цвѣточной выставки. Въ залахъ думы мы наслаждались выставкою цвѣтовъ и растений, устроенной обществомъ садоводства по случаю годичнаго его собранія. Съ лицемъ, на которомъ еще оставались слѣды мороза и снѣжной пыли, мы входили въ залы, гдѣ передъ нами поднимались роскошныя растенія и цвѣты. Камеліи, рододендры, азалии, букеты живыхъ цвѣтовъ! Да скажите пожалуйста, развѣ это не весна? Развѣ это не ея говцы. Вѣдь у насъ уже въ Петербургѣ такъ жизнь устроена: сначала цвѣты являются, а потомъ уже сама весна.

И въ самомъ дѣлѣ, признаки весны начали уже показываться. Солнце нѣтъ нѣтъ, да пригрѣетъ насъ часа на два, и потомъ снова спрячется. Въ городѣ стало больше больныхъ, доктора ѣздятъ взадъ и впередъ по улицамъ. Побудешь немного на воздухѣ—и глаза начинаютъ слппаться

И усталого клонить ко сну!..

А это вѣрный признакъ весны. Приготовьтесь же встрѣтить грядущую гостью.

* * *

Рыхлый снѣгъ повсюду таетъ
Отъ тепла и свѣта,
Вѣтеръ въ окна продуваетъ...
Не весна ли это?

—

Въ Думѣ выставка камелій,
Въ сердцѣ—пѣсни Фета,
Лужи, лужи средь панелей...
Не весна ли это?

—

Перерытыя дороги...
И изъ лазарета
Чаще съ гробомъ ѣдутъ дроги...
Не весна ли это?

Засыпаешь сладко, скоро, —
То весны примѣта, —
Въ залѣ—лекціи Сюзора...
Не весна ли это?

Всюду флюсъ грозитъ злодѣйскій...
Затѣваетъ гдѣ-то
Загуляевъ судъ третейскій...
Не весна ли это?

У Шимановъ въ лотереѣ
Просятъ всѣ билета...
Мнѣ отвѣтите жь поскорѣе:
Не весна ли это?

«Весна, весна! за всѣхъ отвѣчаетъ намъ общество с.-петербургскихъ водопроводовъ. У насъ дѣло изъ рукъ валится, безтолковыя собранія бываютъ... тутъ, рѣшительно весна виновата».

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ поживаетъ общество водопроводовъ? О немъ столько говорятъ, столько пишутъ... Увы, грустные дѣла дѣлаются въ этомъ обществѣ, или вѣрнѣе совсѣмъ не дѣлаются, что еще грустнѣе...

8-го марта было назначено годовое собраніе общества, но ничѣмъ не кончилось, потому что тамъ, какъ и во всѣхъ акціонерныхъ обществахъ

Поспорить, пошумить и разойдутся.

Тоже самое случилось и тамъ, и теперь вмѣсто одного собранія было уже три... Есть надежда, что еще будетъ столько же. По случаю критическаго положенія общества было рѣшено избрать комиссію, для рѣшенія вопроса: нуженъ ли обществу заемъ въ 250,000 руб.?

Правленіе предложило образовать комиссію только изъ трехъ

лицъ, но акціонеры, какъ народъ уже обстрѣленный, несогласились на это и пожелали большаго состава. Выбрали наконецъ *семь* лицъ на зло правленію. Но и выборы эти обошлись не безъ споровъ. Многіе напримѣръ, предлагали въ члены комиссіи нѣсколько *крупныхъ* откупщиковъ, что было однако отвергнуто. Вдругъ раздался чей-то голосъ:

— Я предлагаю Шамиля...

Шамиль—членъ комиссіи общества с.-петербургскихъ водопроводовъ! Можетъ ли быть что нибудь лучше этого!.. Акціонеры же, какъ видно, думали совсѣмъ иное и ихъ всѣхъ поразило предложеніе незнакомца. Чѣмъ же вы смутились, господа?

Вижу на вашихъ я лицахъ смущеніе,
Вы-ль возмущаетесь, вы-ль?
Пусть къ вамъ въ собраніе, въ шумное преніе
Явится съ свитой Шамиль.

Что жъ вы боитесь героя кавказскаго?
Ужась напрасный беретъ,
Ваши онъ рѣчи прослушаетъ ласково,
Но ничего не пойметъ.

Если жъ надъ вашею участью тяжелою
Будутъ смѣяться—тогда
Только махнетъ онъ булатною шашкою—
Смокнетъ людская вражда.

Нѣтъ, этотъ выборъ вамъ долженъ понравится,
Слабый вашъ духъ умилъ;
Общество ваше, ей-Богу, прославится
Фирмой одной Шамиля.

Но акціонерамъ, видно, было совсѣмъ не до Шамиля. Владѣльцы водопроводныхъ акцій вдругъ узнали пріятную новость, что въ обществѣ *денегъ совершенно нѣтъ*, долговъ же много, а работа еще и до половины не доведена. Общество рѣшилось вынискать изъ-за границы какаго-то Нѣмца, съ платою 3,000 руб. за два мѣсяца, съ тѣмъ чтобы онъ научилъ и наставилъ ихъ въ ихъ предпріятіи... До Шамиля ли въ такое время?.. Комиссія, продумавъ нѣсколько застѣ-

дній, наконецъ порѣшила, что обществу заемъ необходимъ, но что ему нужно гораздо болѣе 250,000 руб. и что гораздо удобнѣе кредитоваться или не у казны, а у частнаго лица.

Коммиссія съ перваго же дня своего рожденія заявила, что она «поведенія отличнаго»; при самомъ ея началѣ, члены просили всѣхъ акціонеровъ, кому будетъ угодно присутствовать на засѣданіяхъ и подавать свои совѣты и мнѣнія. Вызовъ этотъ не остался безъ отвѣта и многіе опытные и свѣдущіе акціонеры изъявили полное на это согласіе. Но, что часто хорошо въ теоріи, то несовсѣмъ инегда удобно на практикѣ—рѣшила коммиссія и раскаялась въ своемъ вызовѣ. Еще на первое засѣданіе акціонеры явились, но на второе и на третье—не были допущены, потому что коммиссія, въ лицѣ г. Овсянникова объявила себя *секретною*, вспоминая, вѣроятно, мудрое правило г. Кокорева, что *въ дѣлахъ коммерціи должна быть тайна*. Мы едва не забыли упомянуть, что въ общемъ собраніи акціонеровъ общества коммерціи совѣтникъ С. Т. Овсянниковъ произнесъ весьма замѣчательную рѣчь. Приведемъ нѣсколько свѣдѣній изъ этой рѣчи.

Г. Овсянниковъ призналъ, что дѣло общества находится въ весьма печальномъ положеніи. Не находя ничего сказать въ защиту правленія, онъ говоритъ, что правленіе затратило весь врученный ему капиталъ въ 1,500,000 руб. и не построивъ водопровода, возложило на акціонеровъ обязанность исправить его ошибки среди финансовыхъ и техническихъ произведеній по дѣлу.

За эту услугу правленія, г. Овсянниковъ предлагаетъ покончить съ нимъ расчеты не словами, а дѣломъ и, отпустивъ съ *миромъ*, простить всѣ его промедленія и прегрѣшенія.

Можно ли быть великодушнѣе! Лица, нарушившія довѣріе общества, лица, лишившія послѣдняго куска хлѣба многихъ людей, которые отдали для предпріятія можетъ быть послѣдніе свои рубли, эти лица отпускаются съ миромъ за то, что посагали на чужую собственность, на чужое благосостояніе... Вотъ оно, настоящее коммерческое великодушіе.

Г. Овсянниковъ сознавая, что его великодушіе въ этомъ случаѣ не совсѣмъ позволительно, снѣшилъ сдѣлать нѣкоторую оговорку. Наше, говоритъ, дѣло коммерческое. Человѣкъ, отдающійся ему, долженъ ко всему быть готовъ: можетъ быть и прибыль, а можетъ быть и убытокъ. Каждый долженъ знать, что его ожидаетъ. Вслѣдъ за этимъ г. Овсянниковъ обращается къ правленію съ такими словами:

«Служили ли же мы отдалить свой убыток? Конечно, нѣтъ; мы три года слушали и читали рассказы съ политипажами и безъ политипажей о нашихъ заблужденіяхъ насчетъ правленія, и до настоящей минуты не сдѣлали ровно ничего для огражденія себя отъ потери, а потому и претензію нашу о вознагражденіи за убытки или, лучше сказать за послѣдствія нашего собственнаго равнодушія къ дѣлу, мы должны признать несправедливою».

Бѣдные акціонеры! Прежде у нихъ не было голоса для рѣшенія дѣлъ въ собраніяхъ (потому что большинство—акціонеры малаго количества акцій, а голоса были у тѣхъ, у кого много акцій), а теперь, когда они понесли убытки, ихъ хотять увѣрить, что они сами виноваты въ беспорядкахъ общества, а потому и не могутъ требовать вознагражденія за потери. Добродушные акціонеры!

Въ родѣ какихъ-то услужливыхъ данниковъ

Были для общества вы.

Слушайте жъ все, что вамъ скажетъ Овсянниковъ:

Рѣчи его такъ новы!

Онъ вѣдь не даромъ совѣтникъ коммерціи,

Мудръ его каждый совѣтъ.

Такъ покоритесь же силѣ инерціи:

Лучшаго выхода нѣтъ.

— Читали вы протестъ ста шести офицеровъ? спрашивали меня не однажды на этихъ дняхъ.

— Читали вы статью въ Военномъ Сборникѣ «Кавалерійскіе очерки» написанную флигель-адъютантомъ, княземъ Витгенштейномъ? спрашивали другіе.

Что же это за статья такая, которой всѣ интересуются, которая вызвала протестъ ста шести особъ? Статья дѣйствительно любопытная, но, къ несчастію, не новая у насъ по своему взгляду. Авторъ «Очерковъ» поетъ гимнъ телѣснымъ наказаніемъ и защищаетъ «энергическіе мотивы жизни» г. Юркевича.

Говоря о разнообразіи наказаній и штрафовъ, употребляемыхъ въ войскахъ, авторъ продолжаетъ:

«Но этихъ мы нисколько не оправдываемъ филантропо-демократическія тенденціи новѣйшаго времени, вслѣдствіе которыхъ, напримѣръ, въ Германіи, обычное *ты* замѣнено вѣжливымъ *сы*. Такая замѣна

затемнила, спутала взглядъ солдата на относительное его положеніе; по счастью, здравый германскій смыслъ скоро умѣлъ оцѣнить по достоинству утонченности *неумѣстнаго* равенства, и истинный солдатъ, а не глупецъ, надутый *неудобоваримыми* теоріями, видитъ въ сухомъ *вы*, съ которымъ обращается къ нему начальникъ, скорѣе знакъ *неудовольствія*, чѣмъ уваженія; въ устахъ же разгнѣваннаго капрала выраженіе *осель*, обращенное къ оторопѣвшему рекруту, не получаетъ ни на волосъ болѣе вѣжливаго оттѣнка, будетъ ли оно сопровождаемо чопорнымъ *вы*, или простымъ и отрывистымъ *ты*».

«Наказаніе всегда должно идти въ уровень съ понятіями о чести солдата, но никогда не должно быть смѣшнымъ или отвратительнымъ. Открытое и непреложное исполненіе наказаній должно сопровождаться нѣкоторою торжественностію, которая дѣйствовала бы и на присутствующихъ, но не зависѣла бы отъ соціальныхъ понятій образованнаго общества».

«Высказанное примѣняется вполне къ тѣлеснымъ наказаніямъ, отвергаемымъ и клеймимымъ, благодаря новѣйшимъ идеямъ. Если такого рода наказанія назначаются съ соблюденіемъ уваженія къ закону, то они также мало наносятъ безчестія простолюдину, какъ и ударъ кулакомъ или оплеуха, которою онъ обиживается съ человѣкомъ себѣ равнымъ. Пусть мнѣніе, нами высказанное, вызоветъ вопли всей массы современныхъ филантроповъ, но мы не откажемся отъ него и останемся при своемъ убѣжденіи».

«Соглашаясь съ тѣмъ, что *трудно, едва ли возможно*, ввести тѣлесныя наказанія тамъ, гдѣ они уже отмѣнены, мы *одобримъ* *вполнѣ* тѣ государства, въ которыхъ они сохранены».

«Во время войны, многія изъ незначительныхъ наказаній, употребляемыхъ въ мирное время, какъ напримѣръ, аресты, нарядъ на часы не въ очередь и т. п., совершенно непримѣнимы, и было бы совершенно безразсудно ввѣрять охрану общей безопасности патрулямъ и ведетамъ, составленнымъ изъ людей, подвергшихся взысканіямъ. Въ этомъ случаѣ, тѣлесныя наказанія, по своей *непродолжительности* и *удобству исполненія*, представляютъ неисчислимыя выгоды; противъ упрямства, злобы и умышеннаго неисполненія своихъ обязанностей, они—вполнѣ радикальное средство. Ихъ можно назначать и *на бивуакахъ, при кратковременной остановкѣ, и подъ самымъ непріятельскимъ огнемъ*, избѣгая слишкомъ-медленной процедуры и проволочекъ».

Къ словамъ князя Витгенштейна нечего прибавлять: они говорятъ сами за себя. Мы можемъ только прибавить, что въ исторіи русскаго современнаго прогресса прибавилась еще новая страница....

Предстоящая Лондонская выставка не мало интересуесть теперь петербургскихъ обитателей. Многіе дѣльными семействами собираются ѣхать въ Лондонъ; явились даже двѣ компаніи, которые предлагаютъ свои услуги желающимъ ѣхать въ Англію. Одна компанія (водяная) сдѣлала огромную публикацію о томъ, что она за 150—200 руб. беретъ на себя доставленіе пассажира въ Лондонъ, содержаніе его въ Лондонѣ и обратное возвращеніе въ Петербургъ. Путешествіе дешевое—незнаю только, на сколько оно будетъ удобно. Другая компанія (сухопутная) предлагаетъ свои услуги за гораздо большую плату, но за то сулитъ и гораздо большія удобства. Подождемъ немного, петербургскіе туристы расскажутъ намъ свои дорожныя впечатлѣнія.

Закончу на этотъ разъ свой дневникъ двумя провинціальными извѣстіями. Въ газетѣ Амуръ помѣщено частное письмо подъ названіемъ: «Газета Амуръ—Канцелярская тайна»; привожу отрывокъ изъ этого письма:

«Нѣкто, лежавшій въ больницѣ одного городка восточной Сибири, вспомнивъ, что земскій судъ получаетъ газету Амуръ, послалъ къ знакомому столоначальнику просить нѣсколько послѣднихъ №№ Амурса для прочтенія. На просьбу свою онъ получилъ отъ столоначальника записку слѣдующаго содержанія:

«Я думаю, вамъ не безызвѣстно, милостивый государь, что у насъ въ судѣ заведено особое дѣло: *Дѣло о выпискѣ и полученіи газеты Амуръ*. Каждый № реченной газеты, по прочтеніи въ присутствіи старшими членами, секретаремъ тотчасъ же сдается мнѣ и немедленно самымъ мною подшивается къ вышепомянутому дѣлу, а дѣло же это, какъ подобаесть, хранится вмѣстѣ съ прочими дѣлами подъ замкомъ. Отдавать его вамъ на квартиру или въ больницу,—было бы нарушеніемъ канцелярской тайны,—отъ чего да сохранитъ Господь Богъ и васъ, и меня!» Какъ было увѣрить столоначальника, что газета не можетъ составлять канцелярской тайны? Пришлось подать формальный рапортъ, гдѣ излагалось желаніе прочесть газету. Но и это не помогло. Земскій судъ отозвался, «что газета Амуръ есть казенное дѣло, а поэтому, какъ и прочія казенныя бумаги, не можетъ быть даваема въ квартиры».

Свѣжо преданіе—а вѣрится съ трудомъ! Приведу еще случай: въ № 60, Мос. Вѣд. сообщаютъ слѣдующее:

«Казанскій военный губернаторъ объявляетъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, что нѣкоторые изъ городничихъ и исправниковъ доставляютъ къ нему статистическія свѣдѣнія о цѣнахъ, столь неудовлетворительныя, что онъ вынужденъ просить ихъ выразаться ясно, кратко и вразумительно. Вотъ, по замѣчанію губернатора, какъ грамотно пишутъ свои донесенія нѣкоторые городничіе и исправники:

«Примѣчаніе къ вѣдомости о произрастаніи хлѣбовъ и травъ: съ 1-го іюля по настоящее (т. е. по 20-е) погода стояла жаркая, безъ дождей, а въ 19 чувствуются холода, какъ бы на нулѣ между тепломъ и холодомъ, какъ бы отъ сѣверо-восточнаго вѣтра».

«По случаю незначительнаго подвоза и явившихъ покупателей, для жизненныхъ припасовъ и особенно быстро измѣнившагося воздуха въ температурѣ, какъ по московскому тракту, такъ и по проселочнымъ трактамъ зимняго пути, по которому достаточно доставлять припасы, возвысились цѣны на провозъ».

Только одинъ нашъ старый знакомецъ Гонорарій Ивахвѣвичъ, увѣрявшій, что «перпендикулярное воспитаніе дѣтей гораздо ближе къ истинной цѣли науки, чѣмъ воспитаніе горизонтальное», можетъ поспорить въ оригинальности съ приведенными выше выписками.

Въ заключеніе передамъ разсказъ объ одной юмористической притчѣ двухъ крестьянъ Пермской губерніи, въ Соликамскомъ уѣздѣ. (См. Моск. Вѣд., № 63). Два крестьянина, Филиппъ и Θεоктистъ Истомины, между нѣкоторыми, извѣстными имъ, богатыми крестьянами распространяли лѣтомъ за великую тайну слухъ, что познакомились съ *льшимъ*, извѣстнымъ обитателемъ лѣсовъ, который обѣщалъ Истоминнымъ много денегъ, и предлагали желающимъ, ради дружбы, подѣлиться сокровищами, но съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, каждый согласившійся далъ Истоминнымъ впередъ, въ видѣ залога за сохраненіе тайны, за каждую желаемую тысячу по одному рублю серебромъ. Уговоръ для знакомыхъ не былъ обязательнъ: кто больше желалъ получить тысячъ, тотъ долженъ былъ дать и больше рублей. Желающихъ нашлось много. Давали: кто деньги, кто хлѣбъ и солодъ, кто холстъ, гнали даже и скотъ. Все это Истомины принимали, обѣщая расплатиться тысячами. Нашлись и такіе, которые вовсе не знали Истоминныхъ, но, соблазнившись примѣромъ товарищей, ѣздили къ нимъ изъ разныхъ деревень съ поклономъ, чтобъ только приняли деньги. Въ такихъ случаяхъ Истомины запрашивали по трид-

пяти рублей, обѣщая возвратить по тридцати тысячъ—менѣе не принимали. Такимъ образомъ въ два мѣсяца съ 15 человекъ они получили сто девяносто одинъ рубль восемьдесятъ копѣекъ серебромъ; но есть основаніе полагать, что найдутся и еще обманутые крестьяне. Самая большая дача отъ одного лица 55 руб. и меньшая 1 р. 50 коп. Время между тѣмъ шло и крестьяне начали просить, чтобъ имъ поскорѣ выдали обѣщанныя тысячи; но Истоминны отдѣлывались разными уловками: то говорили, что съ лѣшаго требовать грубо, какъ съ должника, они не смѣютъ, изъ опасенія потерять его расположеніе; то увѣряли, что лѣшій въ отлучкѣ по своимъ дѣламъ. Однажды ночью, когда въ домъ Филиппа Истомина собрались крестьяне съ требованіемъ денегъ, вбѣжалъ Θεоктистъ и сказалъ, что лѣшій пріѣхалъ и ожидаетъ Филиппа на дворѣ для переговоровъ; тотъ ушелъ, а слѣдомъ за нимъ и Θεоктистъ—караулить машинну, на которой пріѣхалъ лѣшій. Филиппъ вскорѣ возвратился съ двумя большими запечатанными пакетами и объявилъ крестьянамъ, что лѣшій послалъ только задатки: въ одномъ пакетѣ тысячу, въ другомъ десять тысячъ рублей, а самъ отправился въ Пермь за полученіемъ денегъ отъ *Паны-Рапы Царя*, приказывая ѣхать туда же крестьянамъ и явиться къ купцу С., которому лѣшій хотѣлъ передать всѣ деньги. Въ то же время Истоминъ отдалъ крестьянамъ пакеты для передачи тому же купцу С. съ уговоромъ не распечатывать, чтобъ деньги не превратились въ какую нибудь дрянъ. Черезъ день послѣ того, 5 человекъ крестьянъ отправились въ Пермь, за 200 верстъ отъ мѣстъ ихъ жительства. Въ Перми они остановились на квартирѣ у одного мѣщанина и какъ только отдохнули—прямо къ купцу С. съ извѣстными пакетами. Нужно замѣтить, что купецъ этотъ имѣлъ большую бороду, суровый взглядъ—настоящій Мефистофель. «Намъ, говорятъ, надо получить съ тебя деньги, да нельзя ли мелкими». «Ладно, братцы, мелочь есть». «Вотъ это тебѣ, знаешь, посылка; тутъ наши тоже деньги». Купецъ распечаталъ пакеты и выпялилъ глаза: въ одномъ лежалъ худой лапотъ, обернутый онучей, въ другомъ—худая рукавица. Ну, говоритъ братцы, за это я и гроша не дамъ, а вотъ въ шею вамъ такъ угрожу. И угодилъ. Этими дѣло еще не кончилось: хозяинъ квартиры, которому они рассказали свое горе, запугалъ ихъ полиціей, какъ имѣющихъ связи съ нечистымъ, и только тогда отпустилъ изъ дома, когда получилъ 4 руб. сер. Усталые и голодные возвратились крестьяне домой и принесли жалобу мировому посреднику. Истоминны преданы суду.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 39.

МАРТЪ 1862 ГОДА.

О шахматномъ собраніи въ Лондонъ.—Турниры и другія состязанія этого собранія.—Конкурсъ шахматныхъ проблемъ.—Продолженіе матча Колиша съ Паульсеномъ.—Партіи: Колиша съ Шульденомъ, К. А. Яниша съ Д. С. Стерномъ, Беллотти съ Гамурини.—Ршеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

Едва полгода прошло со времени бристольскаго митинга, о которомъ мы говорили въ Листкѣ за ноябрь прошлаго года, а ужъ англійскіе любители хлопочуть объ устройствѣ новаго, гораздо болѣе замѣчательнаго шахматнаго собранія. Бристольскій митингъ не отличался въ сущности отъ всѣхъ тѣхъ шахматныхъ съѣздовъ, которые ежегодно бывають въ одномъ изъ городовъ Англіи: Бирмингамъ, Ливерпулъ, Манчестеръ и др.; онъ состоялъ почти исключительно изъ англичанъ и только случайное присутствіе Колиша и Паульсена придадо ему особенный интересъ. Теперь напротивъ того дѣло идетъ о томъ, чтобы собрать въ Лондонъ, къ началу будущаго лѣта сильнѣйшихъ шахматистовъ всѣхъ странъ, съ цѣлію доставить имъ случай сблизиться между собою, обмѣняться сужденіями по разнымъ вопросамъ касательно теоріи и постановленій игры и, наконецъ, помѣриться силами на общемъ шахматномъ турнирѣ.

Въ участію въ турниръ приглашаются игроки всѣхъ націй, но число состязателей ограничено: ихъ не должно быть болѣе двадцати четырехъ. По своему устройству турниръ этотъ существенно отличается отъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ намъ случалось упоминать въ Листкѣ. Тамъ,—читатели вѣроятно помнятъ,—игроки распредѣлялись между собою жребіемъ и проигравшіе лишались права на дальнѣйшее состязаніе, тогда какъ на предполагаемомъ лондонскомъ всемірномъ турнирѣ, каждый изъ состязателей непремѣнно играетъ по одной партіи (не считая ничьихъ) со всѣми прочими участниками турнира. Одержавшій наибольшее число побѣдъ получаетъ первый призъ, слѣдующій за нимъ побѣдитель — второй и т. д. Само собою разумѣется, что если въ числѣ лицъ добившихся того или другаго приза окажутся двое или болѣе выигравшихъ одинакое число партій, то имъ придется еще вступить въ состязаніе между собою. Этотъ порядокъ турнира гораздо рациональнѣе общепринятаго, существенный недостатокъ котораго заключается въ томъ, что тутъ слишкомъ много предоставляется случаю: слабый игрокъ можетъ получить одинъ изъ второстепенныхъ призовъ, если на первыхъ состязаніяхъ ему посчастливится (а вѣдь это зависитъ отъ жребія) имѣть дѣло со слабыми же противниками; тогда какъ игрокъ несравненно сильнѣйшій, можетъ быть, съ самаго начала, принужденъ сойти съ арены, если судьба пошлетъ ему достойнаго соперника. Такъ напр. на большомъ турнирѣ, бывшемъ въ Лондонѣ во время всемірной выставки 1851 года, знаменитому Кизерицкому пришлось на первомъ турѣ играть съ Андерсеномъ; онъ проигралъ и лишился такимъ образомъ права на дальнѣйшее участіе въ турнирѣ, а нѣкто Мулло, игрокъ совершенно не замѣчательный, получилъ одинъ изъ призовъ, (*) единственно потому, что жребій соединилъ его на первомъ состязаніи съ Э. Кеннеди, который даже и на турниръ то попалъ только для укомплектованія числа состязателей. (**) Предполагаемый

(*) Турниръ состоялъ изъ шестнадцати бойцовъ, а призовъ было восемь, такъ что для полученія одного изъ нихъ достаточно было выиграть на первомъ турѣ.

(**) Этого Кеннеди не надо смѣшивать съ капитаномъ Кеннеди; тотъ принадлежалъ къ числу сильныхъ англійскихъ любителей.

нынѣ порядокъ состязаній, который былъ уже иногда примѣняемъ къ дѣлу, имѣетъ впрочемъ свое неудобство: онъ требуетъ огромнаго числа игоръ; при двадцати четырехъ бойцахъ придется разыграть не менѣе 276-ти партій ($\frac{23 \times 24}{2} = 276$), не считая ничьихъ. Всѣ партіи турнира будутъ начинаться, съ обѣихъ сторонъ, ходомъ: пѣшка короля два мѣста ($\frac{e2 - e4}{e7 - e5}$), если только двѣ трети состязателей согласятся признать это начало обязательнымъ. Лица, желающія участвовать въ турнирѣ, должны заявить о томъ распорядительному комитету, не позже $\frac{1}{2}$ мая по адресу: British Chess Association Purcell's, Cornhill, London. О призахъ нельзя еще сказать ничего положительнаго: тутъ много зависитъ отъ цѣфы подписной суммы.

Сверхъ этого турнира, предназначеннаго исключительно для игроковъ первоклассныхъ, будетъ разыгранъ другой, въ которомъ примутъ участіе любители различной силы. Особый комитетъ распределитъ ихъ, смотря по степени искусства каждаго, по категоріямъ, и постановитъ, что именно игрокъ одной категоріи долженъ давать впередъ игроку другой. Намъ кажется, что такого рода распределеніе игроковъ по классамъ сопряжено съ большими затрудненіями.

Независимо отъ турнировъ, въ предполагаемомъ собраніи будутъ происходить и другія, самыя разнообразныя шахматныя состязанія: матчи консультаціонныя, матчи одинъ на одинъ, игры по электрическому телеграфу съ различными клубами Англійи и наконецъ чрезвычайно странныя партіи подъ названіемъ *очередныхъ* (alternation games) т. е. такія партіи, въ которыхъ игра ведется съ каждой стороны двумя или болѣе союзниками, прѣчемъ однако эти союзники не имѣютъ права совѣщаться между собою, а ходятъ по очереди. Положимъ напр. что игру бѣлыхъ ведутъ два союзника: А. и В., игру черныхъ два другихъ: С. и D.; первый ходъ дѣлаетъ А, ему отвѣчаетъ В, потомъ играетъ С, тамъ D и т. д. Занимательность этого рода борьбы заключается въ томъ, что тутъ каждому изъ играющихъ приходится угадывать не только планы противниковъ, но и намѣренія союзниковъ.

Предварительныя распоряженія по устройству собранія,—которое англичане величаютъ именемъ между-народнаго шахматнаго конгресса, — возложено на комитетъ, составленный изъ Дэвенталля,

Монгредена, Гамптона, и Медлэ. Специальные приглашенія отправлены комитетомъ къ Морфи, Гейдебранду, Янншу, Андерсену, Паульсену, Коллишу, Гаррвитцу, Ланге и С. Аману; программы дѣйствій собранія разосланы во всѣ концы Европы. Къ этимъ программамъ приложены правила конкурса шахматныхъ проблемъ, назначеннаго въ Лондонѣ къ июню текущаго года. Полагая, что нѣкоторые изъ русскихъ любителей пожелаютъ можетъ быть послать свои произведенія на этотъ конкурсъ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь помянутыя правила во всей полнотѣ.

Конкурсъ имѣеть предметомъ шахматныя проблемы разнаго рода.

I. Задачи обыкновенныя. (простые маты). Онѣ должны быть заданы не менѣе чѣмъ на три и не болѣе чѣмъ на пять ходовъ и притомъ безъ всякихъ особенныхъ условій (какъ напр. условіе дать матъ опредѣленную шашкою, запрещеніе брать неприятельскія шашки и т. п.). Никто не имѣеть права прислать болѣе шести проблемъ этой категоріи; приславшій *менѣе* признается соизвоющимъ исключительно на «лучшую проблему» (см. ниже). Призы этой категоріи слѣдующіе: первый 20 фунт. стерл., второй 10, третій 5, четвертый 2 фунта 10 шиллинговъ.

II. Лучшая проблема изъ числа обыкновенныхъ увеличиваетъ призомъ въ 10 фунт. стерл. Число ходовъ отъ трехъ до пяти включительно; особенныя условія не допускаются.—При назначеніи этого приза комитетъ приметъ во вниманіе всѣ доставленныя проблемы.

III. Киперганы (обратные маты). Никто не имѣеть права представить болѣе четырехъ киперганей. Особенныя условія и здѣсь воспрещаются. Число ходовъ не ограничено, но краткость рѣшенія почитается достоинствомъ. Призь 5 ф. стерл.

IV. Шахматныя этюды, относящіяся къ окончаніямъ партій. Число ходовъ необходимое для приведенія заданнаго положенія къ «выигрышу» или «розыгрышу» неограничено. Преимущество дано будетъ тѣмъ положеніямъ, которыя легче могутъ встрѣтяться въ дѣйствительной игрѣ. Никто не можетъ представить болѣе шести положеній этого разряда. Призь — 10 ф. стерл.

Общія постановленія. Конкурсъ открытъ любителямъ всѣхъ націй. Никто не имѣеть права представить болѣе одной серіи по-

ложеній для извѣстной категоріи проблемъ, но всякій можетъ, по собственному желанію, состязаться на одинъ, нѣсколько или даже всѣ исчисленные разряды. Последній срокъ для представленія проблемъ $\frac{19}{24}$ мая; всѣ письма должны быть франкированы; адресъ: British Chess Association и проч. (см стр. 51). Каждый состязатель обязанъ представить два конверта: одинъ, съ проблемами, этюдами, ихъ рѣшеніями и избраннымъ авторомъ девизомъ; другой съ именемъ автора, помѣченный снаружи тѣмъ же девизомъ.

Разсмотрѣніе проблемъ и присужденіе призовъ поручено комитету, составленному изъ Левенталя, Уайта, Юнга, Клинга и Сэйла Ангаса.

ПАРТІЯ № 244.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Колішъ. (Бѣлые).	Паульсенъ. (Черные).	Бѣлые.	Черные).
		17) f5 — g5	h7 — h6
1) f2 — f4	d7 — d5	18) g5 — g3	b4 — d6
2) g1 — f3	b8 — c6	19) g3 — h4	d6 — e7
3) e2 — e3	c8 — g4	20) h4 — e1	c8 — c6
4) f1 — e2	g4 — f3	21) f3 — f5	e6 — d7
5) e2 — f3 ^o	e7 — e5	22) g1 — h1	e7 — b4
6) f4 — e5 ^o	e6 — e5 ^o	23) e1 — g3	b4 — c3
7) 0 — 0	g8 — f6	24) d2 — c3 ^o	g8 — h7
8) d2 — d4	e5 — f3 ^o +	25) g3 — f3	a7 — a6
9) d1 — f3	f8 — d6	26) g2 — g4	h7 — g8
10) c2 — c4	c7 — c6	27) h2 — h4	d7 — c7
11) c4 — d5 ^o	e6 — d5 ^o	28) f3 — f4	f6 — e4
12) b1 — c3	0 — 0	29) f4 — c7 ^o	c6 — c7
13) c1 — d2	d8 — d7	30) h1 — g2	e4 — c3 ^o
14) f3 — f5	d7 — e6	31) b2 — c3	c7 — c3 ^o
15) f1 — f3	a8 — c8	32) f5 — d5 ^o	c3 — e3 ^o
16) a1 — f1	d6 — b4	33) d5 — d7	b7 — b5

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
34) d4 — d5	e3 — e2 +	38) e3 — d4	b5 — b4
35) f1 — f2	e2 — f2° +	39) d7 — b7	g8 — f8
36) g2 — f2°	f8 — a8	40) d4 — c5	игра ничья.
37) f2 — e3	a6 — a5		

ПАРТІЯ № 245.

ФРАНЦУЗСКІЙ ДЕБЮТЪ.

ПАУЛЬСЕНЪ.	КОЛИШЪ.	(Бѣлые).	Черные).
(Бѣлые).	(Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e6	12) d3 — d4	e5 — d4°
2) c2 — c4	e6 — e5	13) f3 — d4°	c6 — d4°
3) g1 — f3	b8 — c6	14) d1 — d4°	g8 — h8
4) b1 — c3	d7 — d6	15) c1 — e3	d6 — d5
5) f1 — e2	f7 — f5	16) c4 — d5°	f6 — d5°
6) d2 — d3	g8 — f6	17) c3 — d5°	d7 — d5°
7) e4 — f5°	c8 — f5°	18) e2 — f3	d5 — d4°
8) 0 — 0	f8 — e7	19) e3 — d4°	e7 — f6
9) f3 — h4	f5 — e6	20) d4 — f6°	f8 — f6°
10) f2 — f4	0 — 0	21) b2 — b3	c7 — c6
11) h4 — f3	d8 — d7	22) a1 — e1	h8 — g8
			игра ничья.

ПАРТІЯ № 246.

ФРАНЦУЗСКІЙ ДЕБЮТЪ.

ПАУЛЬСЕНЪ.	КОЛИШЪ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e6	7) f1 — e2	e7 — f6
2) c2 — c4	e6 — e5	8) c1 — e3	g8 — e7
3) g1 — f3	b8 — c6	9) 0 — 0	0 — 0
4) d2 — d4	e5 — d4°	10) c3 — d5	f6 — d4°
5) f3 — d4°	d7 — d6	11) e3 — d4°	c6 — d4°
6) b1 — c3	f8 — e7	12) d1 — d4°	f7 — f5
		13) e4 — f5°	c8 — f5°

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
14) a1 — e1	e7 — c6	20) d5 — e3	g8 — h8
15) d4 — d2	d8 — d7	21) f1 — f3	e7 — g8
16) e2 — d3	f5 — d3°	22) f3 — h3	g8 — f6
17) d2 — d3°	a8 — e8	23) e3 — d5	c7 — c6
18) e1 — e8°	f8 — e8°	24) d5 — f6°	g7 — f6°
19) f2 — f4	c6 — e7	игра ничья.	

ПАРТІЯ № 247.

ФРАНЦУЗСКІЙ ДЕБЮТЪ.

ПАУЛЬСЕНЪ.	КОЛІШЪ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	16) f4 — d6°	g4 — f3°
1) e2 — e4	e7 — e6	17) b3 — f3°	c6 — d4°
2) c2 — c4	d7 — d5	18) f3 — c3	b6 — d6°
3) c4 — d5°	e6 — d5°	19) d1 — d4°	d6 — b6
4) e4 — d5°	d8 — d5°	20) a1 — d1	e8 — e6
5) b1 — c3	d5 — a5	21) c3 — b4	b6 — c7
6) g1 — f3	g8 — f6	22) a2 — a4	b5 — a4°
7) f1 — c4	f8 — d6	23) b4 — a4°	a6 — a5
8) 0 — 0	0 — 0	24) f1 — c4	e6 — e5
9) d2 — d4	c8 — g4	25) h2 — h3	c7 — b7
10) c3 — b5	a7 — a6	26) b2 — b3	e5 — g5
11) b5 — d6°	c7 — d6°	27) c4 — f1	g5 — e5
12) d1 — b3	b8 — c6	28) d4 — d6.	f8 — e8
13) f1 — d1	a8 — e8	29) d6 — d4	e5 — e7
14) c1 — f4	b7 — b5	игра ничья.	
15) c4 — f1	a5 — b6		

ПАРТІЯ № 248.

ФРАНЦУЗСКІЙ ДЕБЮТЪ:

ПАУЛЬСЕНЪ.	КОЛІШЪ.	(Черные).	(Бѣлые).
(Бѣлые).	(Черные).	2) c2 — c4	d7 — d5
1) e2 — e4	e7 — e6	3) e4 — d5°	e6 — d5°

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные.)
4) c4 — d5°	d8 — d5°	19) b2 — c3°	f6 — d5
5) b1 — c3	d5 — a5	20) f1 — c1	e7 — a3
6) g1 — f3	g8 — f6	21) c1 — b1	d5 — c3°
7) f1 — c4	f8 — e7	22) b1 — b3	c3 — b5
8) 0 — 0	0 — 0	23) g2 — g4	c8 — e6
9) d2 — d4	e7 — c6	24) b3 — e3	e6 — d5
10) f3 — e5	b8 — d7	25) a1 — d1 (4)	a7 — a5 (5).
11) e5 — f7° (1)	f8 — f7°	26) d1 — d3	a3 — f8
12) d1 — b3	a5 — h5 (2)	27) a2 — a4	b5 — d6
13) c1 — f4	d7 — b6	28) e5 — g3	d6 — c4
14) c4 — f7° +	h5 — f7°	29) e3 — e2	c4 — b6
15) b3 — f7° +	g8 — f7° (3)	30) e2 — e5	b6 — a4°
16) f4 — e5	b6 — d5	31) e5 — h5°	b7 — b5
17) h2 — h3	h7 — h5	и бѣлые сдаются.	
18) f2 — f3	d5 — c3°		

Примѣчанія къ партіи № 248.

(1) Неосторожное пожертваніе.

(2) Вѣрный ходъ; надо полагать что Колишъ, жертвуя коня, не замѣтилъ возможности этой обороны.

(3) Въ результатѣ бѣлые отдали двухъ мѣлкихъ офицеровъ за ладью и пѣшку, и не приобрѣли никакой атаки.

(4) Г. Ланге замѣчаетъ, что лучше было бы играть эту ладью на b1.

(5) $\frac{d5 - e2^\circ}{b5 - a3}$ было бы дурно, по причинѣ 26. $\frac{e3 - a5^\circ}{b5 - a3}$ 27. $\frac{d1 - a1}{b5 - a3}$ и бѣлые возвращаютъ офицера.

ПАРТІЯ № 249.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

Колишъ.	Шультевъ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные.)	2) g1 — f3	b8 — c6
1) e2 — e4	e7 — e5	3) f1 — c4	f8 — c5

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
4) b2 — b4	c5 — b4 [✓]	20) e7 — d5	a7 — a6
5) c2 — c3	b4 — c5	21) f2 — f4	f7 — f6
6) d2 — d4	e5 — d4 °	22) c1 — b2	h7 — h5
7) c3 — d4 [✓]	c5 — b6 ⁽¹⁾	23) a1 — d1	h8 — h6 ⁽³⁾
8) 0 — 0	d7 — d6	24) f4 — f5	e6 — f7
9) b1 — c3	c8 — g4	25) b2 — c1	h6 — h7
10) d1 — a4	g4 — f3 ^{°(2)}	26) c1 — f4	d8 — d7
11) d4 — d5	f3 — g4	27) h2 — h4	b5 — b4
12) d5 — c6 [✓]	b7 — c6 °	28) d3 — g3	a8 — d8
13) a4 — c6 [✓] +	g4 — d7	29) d1 — d2	a6 — a5
14) c6 — d5	d7 — e6	30) f1 — d1	d7 — c6
15) c4 — b5 +	e8 — f8	31) d5 — e3	f8 — e7
16) d5 — d3	g8 — e7	32) e4 — e5	f6 — e5 °
17) c3 — d5	b6 — c5	33) f4 — g5 +	e7 — e8
18) g1 — h1	c7 — c6	34) g3 — e5 ° + ⁽¹⁾	сдаются.
19) d5 — e7 [✓]	c6 — b5 [✓]		

Примѣчанія къ партии № 249.

(1) Давать шахъ на b4 составило бы потерю времени.

(2) Неосторожный ходъ; слѣдовало отводить слона на d7.

(3) Черные употребляютъ всѣ возможные усилія чтобъ высвободить своего короля изъ затруднительнаго положенія, но игра Колиша такъ хорошо расположена, что гибель ихъ уже почти несомнѣнна.

(4) Мастерской маневръ, послѣ котораго чернымъ нѣтъ уже никакой возможности защищаться.

ПАРТІЯ № 250.

ГАМБИТЪ ЛАДЬИ.

Колишъ.	Шультенъ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	2) f2 — f4	e5 — f4 °
1) e2 — e4	e7 — e5	3) g1 — f3	g7 — g5

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
4) h2 — h4	g5 — g4	18) c1 — d2	b8 — a6
5) f3 — e5	f8 — e7 ⁽¹⁾	19) a1 — e1	a6 — c7
6) f1 — c4	e7 — h4° +	20) e4 — d6 +	e7 — d6°
7) e1 — f1	g8 — h6	21) e5 — d6° +	c7 — e6
8) e5 — g4°	h6 — g4°	22) d4 — d5	c6 — d5°
9) d1 — g4°	h4 — g5	23) b3 — d5°	a8 — a6
10) g4 — h5	d8 — f6	24) d2 — c3	h8 — g8
11) b1 — c3	c7 — c6	25) c3 — e5	a6 — b6
12) e4 — e5	f6 — g6	26) h1 — h7°	g5 — g4
13) h5 — g6°	f7 — g6°	27) e1 — d1	g8 — f8 ⁽²⁾
14) c3 — e4	g5 — e7	28) d5 — e6°	f4 — f3
15) d2 — d4	b7 — b5	29) e6 — g4°	f3 — g2° +
16) e4 — b3	a7 — a5	30) f1 — g1	и выигрываютъ.
17) a2 — a3	g6 — g5		

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТІИ № 250.

(1) Обыкновенная оборона конемъ (5. $\overline{g8-f6}$) предпочтительнѣе; шахъ слонемъ на h4 не представляетъ для бѣлыхъ никакой опасности.

2) Еслибъ черные двинули ладью на g5, то игра приняла бы вѣроятно слѣдующій оборотъ:

(Бѣлые).	(Черные).
28) d5 — e6°	d7 — e6°
29) d6 — d7 +	c8 — d7°
30) d1 — d7°	g5 — e5°
31) d7 — a7	и выигрываютъ.

ПАРТІЯ № 251.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЪ.

Д. С. Стерзь.	Н. А. Якишъ.	(Бѣлые).	(Черные).
(Бѣлые).	(Черные).	2) d2 — d4	e5 — d4°
1) e2 — e4	e7 — e5	3) f1 — c4	f8 — b4 +

(Бѣлые).	(Черные).	(Бѣлые).	(Черные).
4) c2 — c3	d4 — c3°	24) d6 — f4°	f5 — d5°
5) b2 — c3°	d8 — f6	25) a3 — c2	g7 — g6
6) c1 — b2 (1)	d7 — d6	26) c2 — b4	d5 — e6
7) g1 — e2	b8 — c6	27) f4 — g3	e6 — e2
8) 0 — 0	b4 — c5	28) f1 — f2	e2 — b5
9) e2 — d4	c8 — d7	29) h2 — h3	h7 — h5
10) b1 — a3	0—0—0	30) f2 — f1	h5 — h4
11) a1 — b1	g8 — h6	31) g3 — h2	e8 — e2
12) c4 — d5	c5 — d4°	32) a2 — a4	b5 — f5
13) c3 — d4°	f6 — g6 (2)	33) f1 — d1	d7 — a4
14) g1 — h1	f7 — f5	34) c1 — c7	e2 — d2°
15) f2 — f3	c6 — b4	35) d1 — c1	d2 — d4°
16) b2 — c3 (3)	b4 — d5°	36) c7 — a7° +	a8 — a7°
17) e4 — d5°	d8 — e8	37) h2 — c7 +	a7 — a8
18) d1 — b3	b7 — b6	38) b4 — c6	f5 — d7
19) b3 — c4	f5 — f4	39) c7 — b6°	d4 — d1 +
20) c3 — d2 (4)	g6 — f5	40) c1 — d1°	d7 — d1 +
21) b1 — c1 (5)	c8 — b8	41) h1 — h2	d1 — d6 +
22) c4 — e7° +	b8 — a8	42) h2 — g1	d6 — c6°
23) c7 — d6°	h6 — f7		

и черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партии № 251.

(1) Можно бы смѣло играть 6. c5 — b4°: потеря ладьи за слона вполне вознаграждается силой атаки.

(2) Предвидя, что бѣлые возьмутъ коня слономъ, потомъ двинуть d4 — d5 и т. д.

(3) 16. d5 — b7 + было бы смѣльнѣе: бѣлые непременно возвратили бы офицера.

(4) Можно бы съ выгодною сыграть этого слона на a5.

(5) Важная ошибка: слѣдовало играть f1 — c1 и бѣлые несомнѣнно одержали бы побѣду; напр:

21) f1 — c1	c8 — b8 (a)
22) c4 — c7° +	b8 — a8
23) b1 — b6°	a7 — b6°

Если 23. $\overline{e8 - b8}$, то 24. $\overline{b6 - d6}$ и бѣлые имѣютъ рѣшительное превосходство.

• 24) $c7 - b6^\circ$ $e8 - c8$ или $f5 - d3$
 25) $a3 - c4$ и бѣлые выигрываютъ.

(а)

21) . . . . . $c8 - d8$
 22) $c4 - c7 +$ $d8 - e7$
 23) $c1 - e1 +$ и бѣлые опять выигрываютъ.

ПАРТІЯ № 252.

ГАМБИТЪ ЛАДЬИ.

(Играва по итальянскимъ правиламъ въ Римѣ въ 1859 году).

БѢЛЫЕ.	ГЛАМУРИИ.	(БѢЛЫЕ).	(ЧЕРНЫЕ).
(БѢЛЫЕ).	(ЧЕРНЫЕ).	14) $f4 - g3^\circ$	$f7 - f6$
1) $e2 - e4$	$e7 - e5$	15) $a1 - f1$ ⁽³⁾	$f6 - e5^\circ$
2) $f2 - f4$	$e5 - f4^\circ$	16) $d4 - e5^\circ$	$d6 - b4$
3) $g1 - f3$	$g7 - g5$	17) $e5 - e6$	$b8 - c6$
4) $h2 - h4$	$g5 - g4$	18) $d2 - c1$	$b4 - c3^\circ$
5) $f3 - e5$	$g8 - f6$	19) $b2 - c3^\circ$	$c6 - e7$
6) $f1 - c4$	$d7 - d5$	20) $g3 - e5 +$	$h8 - g8$
7) $e4 - d5^\circ$	$f8 - d6$	21) $f1 - f5^\circ$	$f8 - f5^\circ$
8) $d2 - d4$	$f6 - h5$	22) $e2 - g4^\circ +$	$e7 - g6$
9) $b1 - c3$	$h5 - g3$	23) $e6 - e7$	$f5 - e5^\circ$ ⁽⁴⁾
10) $c1 - f4^\circ$	$g3 - h1^\circ$	24) $e7 - d8 +$ (Л) $a8 - d8^\circ$ ⁽⁵⁾	
11) $g2 - g3$	$c8 - f5$	25) $d5 - d6 +$	$g8 - h8$
12) $d1 - e2$	$f8 \overset{o}{-} h8$ ⁽¹⁾	26) $d6 - c7^\circ$ и черные сдаются.	
13) $e1 - d2$ ⁽²⁾	$h1 - g3^\circ$		

Примѣчанія къ партіи № 252.

(1) Т. е. рокируетъ, помѣщая короля на $h8$, а ладью на $f8$.

(2) Рокировать бѣлые не могутъ, потому что итальянскія правила воспрещаютъ атаковать посредствомъ рокировки какую бы то ни было неприятельскую шашку.

(3) Прекрасно рассчитанное пожертвование.

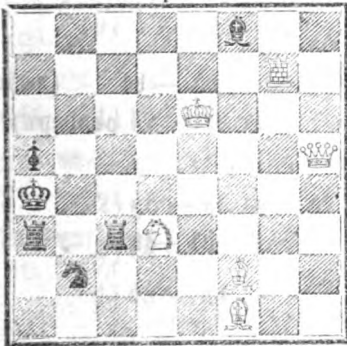
(4) На 23. $\overline{d8-e8}$ белые ответили бы 24. $g4-f5^{\circ}$, тогда:
 24. $\overline{g6-e5}$ 25. $f5-e5$ или 24. $\overline{e8-f7}$ 25. $f5-g4$ и в обоих случаях белые имеют решительный перевес.

(5) По итальянским правилам пешка обращается только в снятого уже с доски офицера.

РЪШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 96.

Черные.

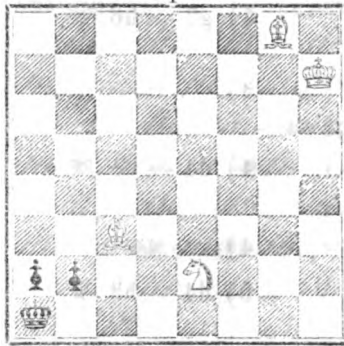

Бѣлые.

Матъ въ 5 ходовъ.

№ 97.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 5 ходовъ.

№ 96.

- 1) h5 — b5 +
- 2) g7 — b7 +
- 3) d3 — c5 ✕

- a4 — b5^o
- b5 — a6 (A)

(A)

- 2) . . . . .
- 3) d3 — b2^o ✕

b5 — a4 или на c4

№ 97.

Эта проблема предложена авторомъ ея въ 15 ходовъ и разрешена г-мъ Н. Острогорскимъ въ 5 ходовъ, слѣдующимъ образомъ.

1) g8 — b3	a1 — b1
2) c3 — g7	b1 — a1 (A)
3) e2 — d4	a1 — b1 (B)
4) b3 — c2 +	b1 — c1 (C)
5) g7 — h6 ✕	

(A)

2)	a2 — a1 (любой офицеръ).
3) e2 — c3 +	b1 — c1

(B)

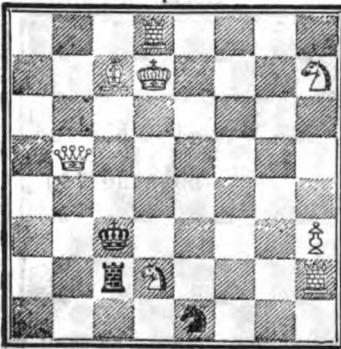
3)	b2 — b1 (любой офицеръ).

(C)

4) d4 — c2 ✕	
4)	b1 — a1
5) d4 — b3 ✕	

№ 98.

Черные.

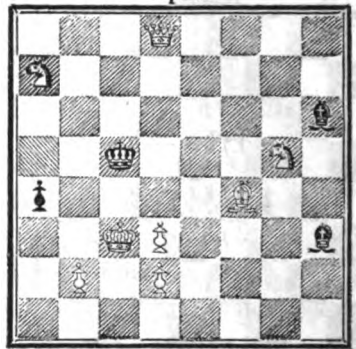

Бѣлые.

Обратный матъ въ 10 ходовъ.

№ 99.

Черные.

Бѣлые.

Обратный матъ въ 4 хода.

№ 98.

- 1) c7 — a5 +
- 2) d7 — e6 +
- 3) d2 — f1 +

- c3 — d4
- d4 — e3
- e3 — f4

Если вѣсто этого черные пойдутъ королю на f3 или на e4, то бѣлые играютъ b5 — d5 + и рѣшеніе проблемы сокращается на два хода.

- 4) b5 — g5 +
- 5) g5 — d5 +
- 6) a5 — c7 +
- 7) d8 — f8 +
- 8) h2 — f2 +
- 9) d5 — d6 +
- 10) h7 — g5 +

- f4 на f3 или на e4
- e4 — f4
- c2 — c7^c
- c7 — f7
- e1 — f3
- f4 — e4
- f3 — g5^o ✕

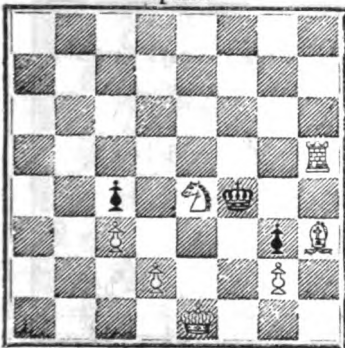
№ 99.

- 1) b2 — b4 +
- 2) g5 — e6 +
- 3) f4 — e3 +
- 4) d8 — d4 +

- a4 — b3^o (на про-
ходѣ).
- h3 — e6^o
- h6 — e3^o
- e3 — d4^o ✕

№ 100.

Черные.

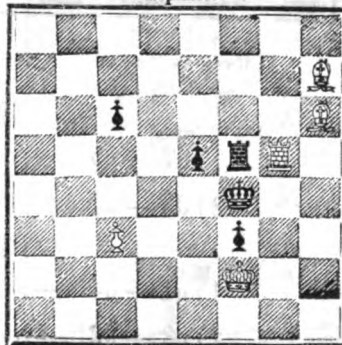

Бѣлые.

Матъ въ 4 хода.

№ 101.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 5 ходахъ.

№ 100.

1) h3 — d7	f4 — e4
2) h5 — f5	e4 — d3
3) d7 — a4	d3 — e4
4) a4 — c2 ✕	

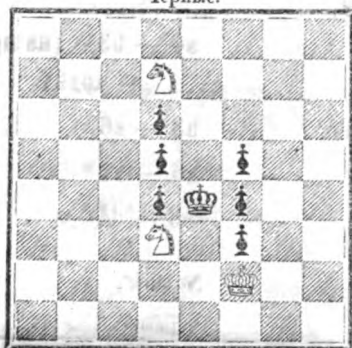
№ 101.

1) g5 — g1	f4 — e4
2) g1 — d1	e6 — c5
3) h6 — c1	c5 — c4
4) d1 — d2	e4 — f4
5) d2 — d4 ✕	

№ 102.

КАРЬ.

Черные.

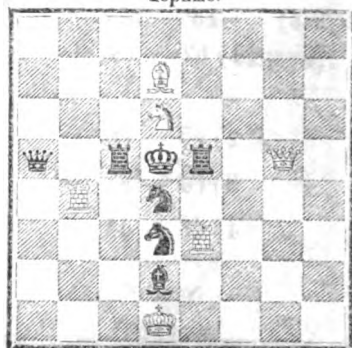

Бьяме.

Матъ въ 2 хода.

№ 103.

Черные.

Бьяме.

Обратный матъ въ 3 хода.

№ 102.

1) d7 — e5	d6 — e5
2) d3 — c5 ✕	

№ 103.

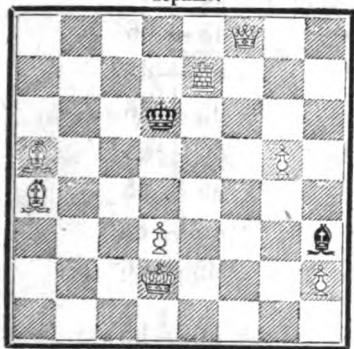
1) b4 — d4° +	d5 — b4°
2) e3 — d3° +	d4 — d3°
3) g5 — d2° +	a5 — d2° ✕

№ 104.

УДАЧИМЫЙ ВЫСТРЕЛЪ.

Черные.

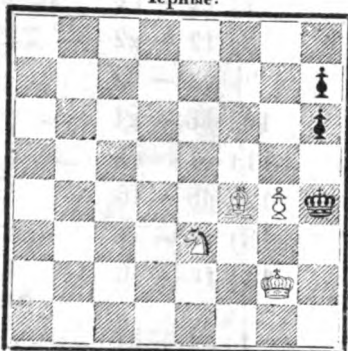

Бѣлые.

Обратный матъ въ 14 ходовъ.

№ 105.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 4 хода.

№ 104.

- 1) a5 — c7 +
- 2) e7 — e5 +
- 3) f8 — d8 +
- 4) e5 — e4 +
- 5) c7 — b6 +
- 6) d2 — e2
- 7) e2 — f2
- 8) f2 — g2
- 9) g2 — h1
- 10) b6 — g1
- 11) e4 — e6
- 12) d8 — f6 +
- 13) a4 — c6 +
- 14) f6 — e6 +

Король идетъ на c5 или d5

Король на d4

h3 — d7

Король на c5 или d5

Король на d6 (A)

d6 — d5

d5 — d6

d6 — d5

d5 — d6

d6 — d5

d5 — e6°

e6 — d5

d7 — c6°

d5 — d6° ✕

(A)

5) . . . . .

Король на d5 (*)

(*) Помято, что это движеніе возможно въ такомъ только случаѣ если предыдущимъ ходомъ король занялъ вѣтку c5.

- 6) d2 — e2
- 7) e2 — f2
- 8) f2 — g2
- 9) g2 — h1
- 10) b6 — g1
- 11) e4 — e5
- 12) d8 — f6 +
- 13) a4 — c6 +
- 14) f6 — e6 +

- d5 — d6
- d6 — d5
- d5 — d6
- d6 — d5
- d5 — d6
- d6 — e5°
- e5 — d5
- d7 — c6°
- d5 — e6° ✕

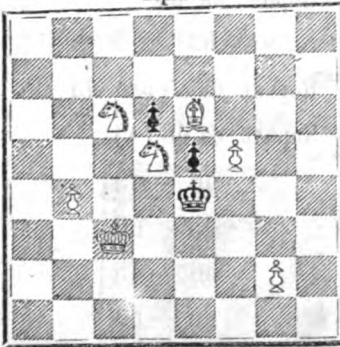
№ 105.

- 1) g2 — h2
- 2) g4 — g5
- 3) h2 — g2
- 4) f4 — g3 ✕

- h6 — h5
- h7 — h6
- g6 — h5°

№ 106.

Черные.

Белые.

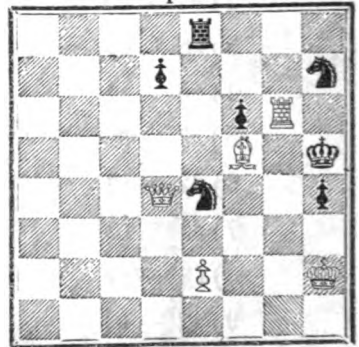
Матъ въ 4 хода.

- 1) e6 — c8
- 2) c6 — e7 +
- 3) e7 — d5
- 4) c8 — b7 ✕

№ 106.

№ 107.

Черные.

Белые.

Матъ въ 4 хода.

- e4 — d5°
- d5 — e4
- e4 — d5°

№ 107.

- 1) e2 — e3
- 2) d4 — f4
- 3) f4 — h4° +
- 4) g6 — h6 ✕

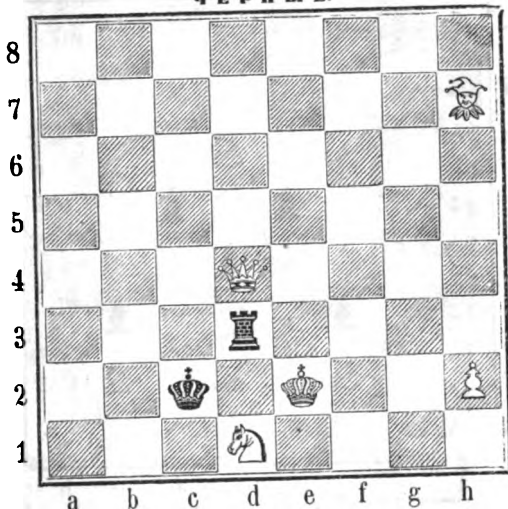
- e4 — f2 (лучш. ходъ)
- h7 — g5 (лучш. ходъ)
- h5 — h4°

З А Д А Ч И.

№ 136.

Н. ОСТРОГОРСКОГО (въ Москвѣ).

Ч Е Р Н Ы Е.

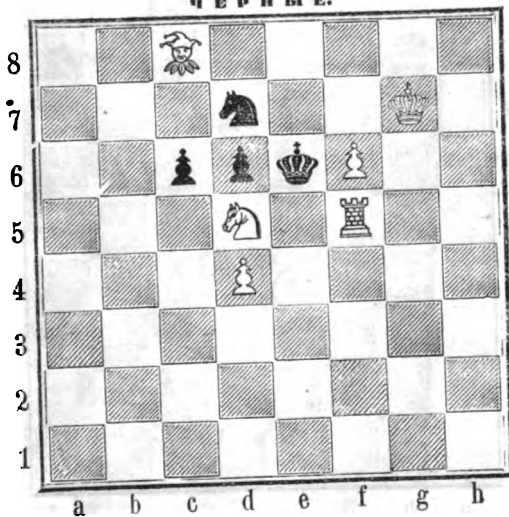
Б Ъ Л Ы Е.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 18 ходовъ.

№ 137.

К. К. ШПЕЙДЕРА (въ Николаевѣ).

Ч Е Р Н Ы Е.

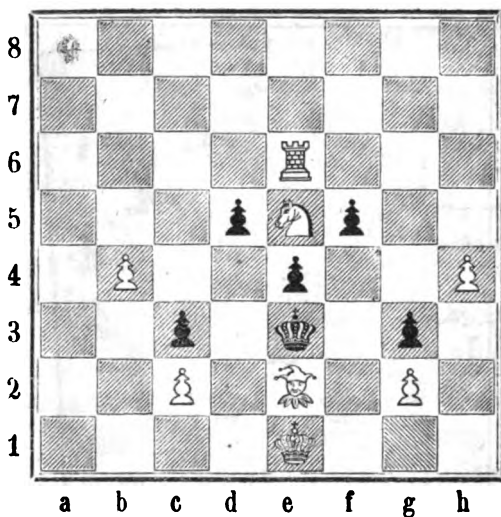

Б Ъ Л Ы Е.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 138.

Его же.
ЧЕРНЫЕ.

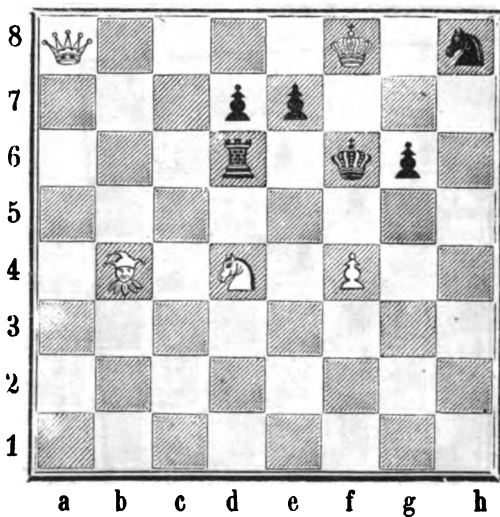

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 139.

РОЗЕНКРАНЦА (въ Берлинѣ)

ЧЕРНЫЕ.

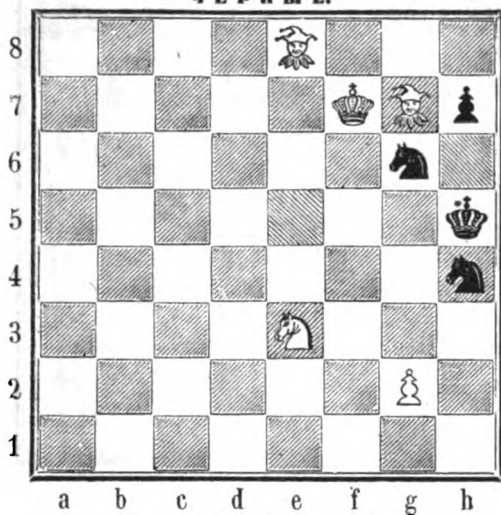

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 140.

С. А. ЯЦКЕВИЧА.

ЧЕРНЫЕ.

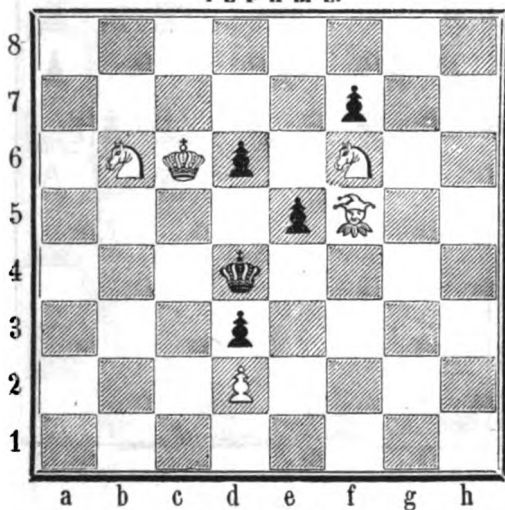
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЪ ВЪ 4 ХОДА.

№ 141.

ЕГО ЖЕ.

ЧЕРНЫЕ.

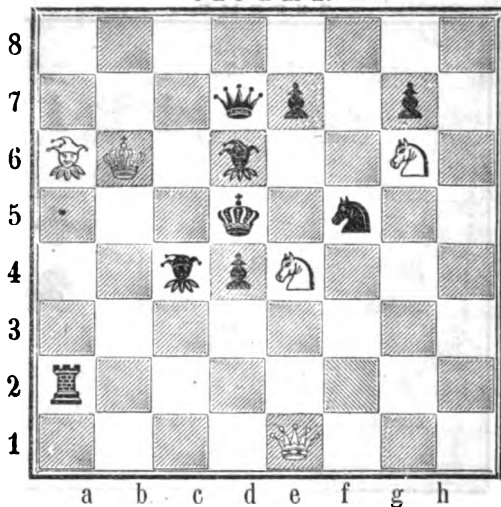
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЪ ВЪ 4 ХОДА.

№ 142.

Изъ Schachzeitung.

ЧЕРНЫЕ.

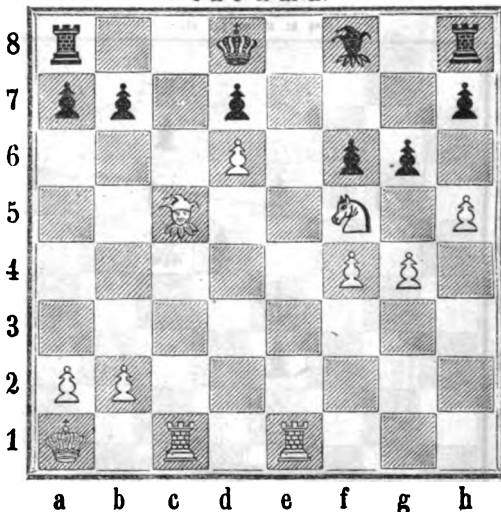
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 143.

ГЕРТНЕРА (въ Потсдамѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Корреспонденція. *Д. Д. Одл—у* (въ Мамоярославцѣ).
Замѣчаніе о гамбитѣ слона сообщено, согласно Вашему желанію,
г-ну Янишу. Не будетъ ли Вамъ угодно объяснить намъ какимъ
путемъ получили Вы число 9,306,752 для всѣхъ возможныхъ
комбинацій ходовъ въ указанной Вами проблемѣ, и почему полагаете
Вы, что подобныя числа выражаютъ *трудность* проблемы.

И. Др—ту (въ Вяткѣ). Ваше замѣчаніе совершенно справедливо.

Н. Остр—му (въ Москвѣ). Благоволите пожалуйте сообщить
Вашъ настоящій адресъ.

Г-ну К.... (въ Новгородѣ). Вы правы говоря, что при измѣненіи
порядка въ расположеніи цифръ (62 вмѣсто 64 и обратно) поряд-
ковъ суммъ и разностей тоже измѣнится, но иначе и быть не
можетъ. Указанное Вами свойство втораго примѣра проблемы коня
не имѣетъ, по нашему мнѣнію, ничего существеннаго. Редакція
будетъ весьма признательна Вамъ за сообщеніе рѣшеній г-на Меца
и, если они дѣйствительно замѣчательны, охотно напечатаетъ ихъ
въ Листѣ. Все относящееся къ задачѣ «Савойскій Крестъ» (Шахм.
Лист. 1860 стр. 272—275) исполнѣ безошибочно.
